

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

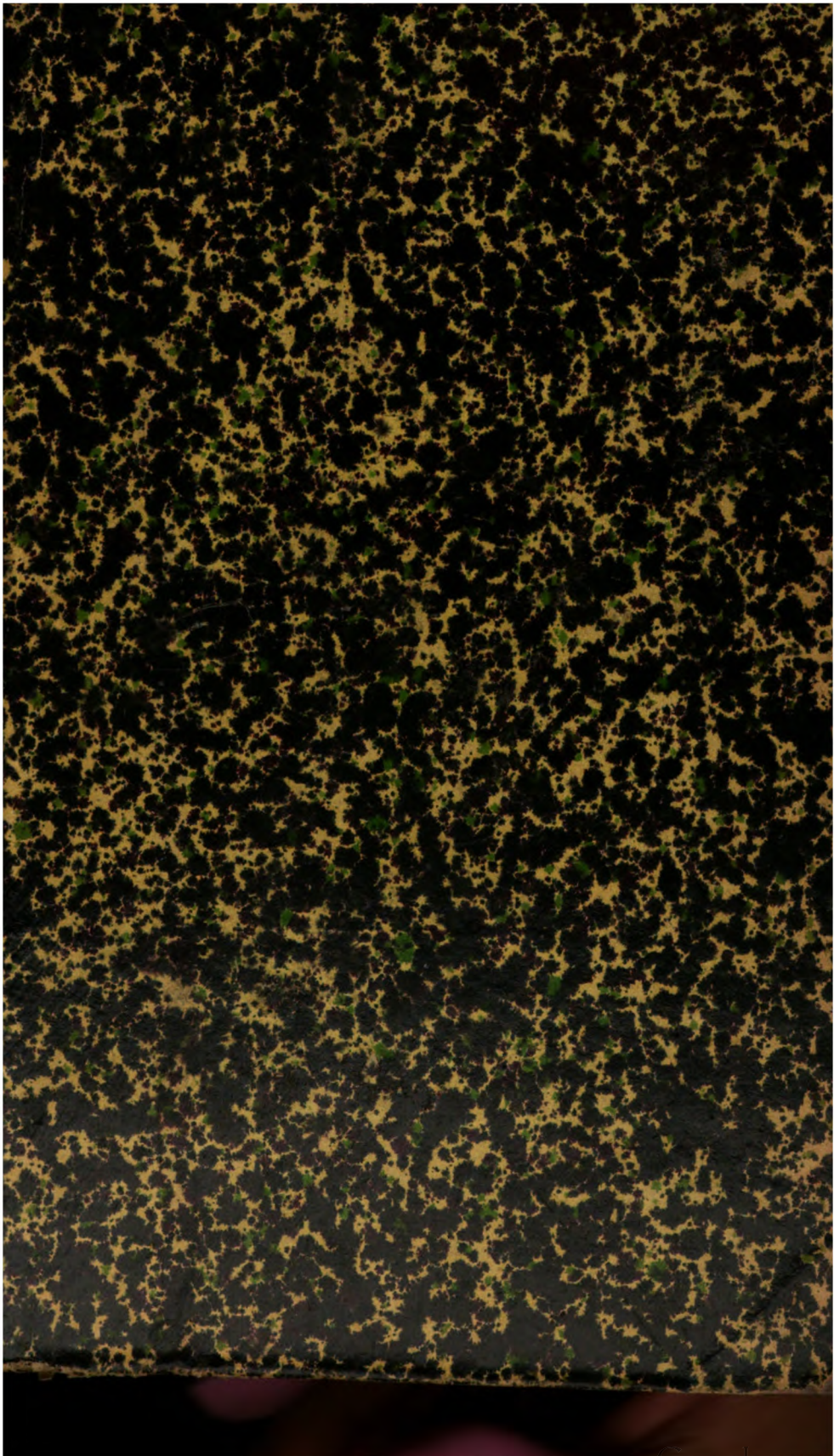
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

№ 10000 1882 11
21 10 11

P Law 236.4 ($\frac{1868}{10}$)

ПРОС
19

НОЯ 1947

HO

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Вслѣдствіе новаго закона объ измѣненіи таксы за пересылку періодическихъ изданій, редакція „Дѣла“ приходится увеличить цѣну пересылки, такъ какъ почтамтъ отнынѣ будетъ взимать пересылочную плату въ размѣрѣ 20% съ подписной цѣны каждаго изданія. По этому расчету редакція „Дѣла“ должна платить почтамту 2 р. 70 к. съ каждаго годоваго экземпляра, вмѣсто прежнихъ 1 р. 50 к., то есть на 1 р. 20 к. болѣе. Но, избѣгая дробныхъ счетовъ, редакція сбрасываетъ 20 к. и сообразно съ этимъ, опредѣляетъ новую подписную цѣну журнала для иногороднихъ подписчиковъ не въ 16 р. 20 к., какъ бы слѣдовало по упомянутому расчету, а ровно въ 16 рублей. Приэтомъ редакція считаетъ не лишнимъ замѣтить, что цѣна журнала „Дѣло“, даже при такомъ увеличенномъ размѣрѣ, остается все-таки меньше цѣны всѣхъ другихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Такимъ образомъ, на 1869 годъ подписная цѣна журнала „Дѣло“ назначается слѣдующая:

Безъ пересылки и доставки. 13 р. 50 к.
Съ пересылкой 16 »
Съ доставкой въ Петербургъ. 15 »

Объ изданіи литературно-политическаго журнала

«Д Ъ Л О»

въ 1869 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издаваться въ 1869 году, при постоянномъ участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ томъ же направленіи и по той же программѣ, какъ и въ прошлые два года своего существованія.

Годовое изданіе журнала «Дѣло» состоитъ изъ *двенадцати* книжекъ, отъ 30—32 листовъ каждая.

Въ составъ журнала входятъ слѣдующіе главные отдѣлы:

I. **Беллетристика.** Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются романы, повѣсти, драмы, рассказы, стихотворенія, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

II. **Статьи учено-литературныя,** по предмету наукъ историческихъ, политическихъ, естественныхъ, сельско-хозяйственныхъ, педагогическихъ, социальво-общественныхъ и т. п. Главное вниманіе Редакціи, при выборѣ такихъ статей, обращается на ихъ общедоступность и ясность основной мысли.

III. **Статьи публицистическія,** касающіяся современныхъ вопросовъ, имѣющихъ обще-человѣческой интересъ.

IV. **Критика и библіографія.** Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются руководящія статьи критическаго воззрѣнія журнала на всѣ болѣе замѣчательныя явленія нашей умственной жизни и разборы новыхъ книгъ.

V. **Иностранная литература.** Съ будущаго года «ДѢ-
ЛЪ» предложитъ своимъ читателямъ нѣсколько цѣльныхъ и за-
конченныхъ обзоровъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій, болѣе
или менѣ замѣчательныхъ по своему общественному значенію.

VI. **Политическая и общественная хроника,** или
обозрѣніе политическихъ событій современнаго міра.

VII. **Внутреннее обозрѣніе,** или хроника внутренней
общественной жизни.

VIII. **Фельетонъ.** Сюда войдутъ легкіе очерки тѣхъ обще-
ственныхъ явленій нашей жизни, которыя не требуютъ серьез-
ной оцѣнки, но и не должны проходить незамѣченными ли-
тературнымъ органомъ. Отдѣлъ этотъ будетъ являться не въ
каждой книжкѣ, а по мѣрѣ надобности.

IX. **Обзоръ Журналистики,** или оцѣнка тѣхъ литера-
турныхъ органовъ, которые пользуются особеннымъ вниманіемъ
публики.

Подписная цѣна годовому изданію «ДѢЛА».

безъ пересылки и доставки . . . 13 р. 50 к.

съ пересылкой 16 р.

съ доставкой въ Петербургѣ . . 15 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «ДѢЛА»
(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, домъ Гассе)
и въ книжныхъ магазинахъ М. О. Вольфа и А. О. Ба-
зунова. Въ МОСКВѢ — въ книжныхъ магазинахъ П. Г.
Соловьева (бывш. Базунова) и М. М. Черенина.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

(по Троицкому переулку, домъ Гассе № 13.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Уроки элементарной физиологии Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго подъ редакціею И. А. Петрова. Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Цѣна второму изданію 1 р. безъ перес., съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ Д-ра В. Циммермана. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. редакціи журнала «Дѣло.» Три выпуска, составляющіе около 70-ти печ. листовъ. Цѣна тремъ выш. 3 р. безъ перес., съ перес. 3 р. 50 к., а каждому отдѣльно ц. 1 р. 25 к.

Шатрианъ Э. Новѣсти и рассказы: Тереза.—Воспоминанія рекрута.—Ватерло (изъ временъ французской революціи и имперіи). Цѣна 1 р. 50 к.

Шанаева Сочиненія въ 4 т. 3 р. безъ пер.; съ пер. 3 р. 50 к.

Мел Полное собраніе сочиненій въ 3 больш. томахъ. Цѣна 3 р. безъ перес.; съ перес. 3 р. 50 к.

Флоринскаго В. М. Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. Цѣна 50 к.

Верна Ж. Отъ земли до луны 97 часовъ прямаго пути. Перев. съ франц. изд. Л. П. Шелгуновой. Цѣна безъ перес. 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

Лучъ учено-литературный сборникъ. Т. 1-й. Изд. П. Н. Ткачева. Цѣна 3 р. съ перес.

Печатаются:

Одинъ въ полъ—не воинъ. Новѣйшій и послѣдній изъ романовъ Ф. Шмилъгена. Два тома, около 60-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна обоимъ томамъ 2 р. безъ перес. съ перес. 2 р. 50 к.

Популярная Гитена Д-ра Реклама, профес. Лейпцигскаго университета. Съ рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

Комедія всемирной исторіи (1848—1851.) Иог. Шерра. Перев. съ нѣм. Изданіе Редакціи журнала «Дѣло».

Книгопродавцамъ и подписчикамъ на журналъ «Дѣло» дѣляется уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

Отъ главной конторы журнала

„ДЪЛО“.

(По Троицкому переулку д. Гассе, № 13.)

1 Въ г. КИРИЛОВЪ Новг. губ. Г-ну ТАЛ—КОМУ. На жалобу вашу о неполученіи 12-ти книжекъ «ДЪЛА» за 1867 годъ редакція извѣщаетъ Васъ, что книжки эти были сданы въ Газетную экспедицію для отправки Вамъ 20 апрѣля 1868 г. Жалоба ваша представлена Почтовому вѣдомству для немедленнаго удовлетворенія Васъ.

2. Въ г. СЕМИПАЛАТИНСКЪ. Товариществу братьевъ КУЗН—ВУХЪ. Вслѣдствіе вашей жалобы первыя 6-ть вк. «ДЪЛА» 1-го окт. высланы Вамъ *вторично*.

3 Въ г. ЖИТОМІРЪ, въ Контрольную палату. Г. ИЛЬН—МУ. № 8 «ДЪЛА», какъ сообщаетъ Редакція Газ. Экспедиція, посланъ Вамъ 14 сентября.

3. Въ г. КОВНО. Г. КАЗ—МУ. По недосмотру Газ. Экспедиціи № 9 «ДЪЛА» былъ засланъ вмѣсто КОВНО въ ВИЛЬНО. Ошибка исправлена.

6. Въ г. ГРОДНО. А. Н. ВОСКРЕС—КОМУ. № 6 «ДЪЛА», на неполученіе котораго Вы жаловались, утраченъ Газ. Экспедиціею, которая и вытребовала изъ Редакціи новый экземп. этой книжки для отправки Вамъ.

7. Въ г. БРЯНСКЪ Орл. губ. Г. КОС—ВУ. № 8 «ДЪЛА», по недосмотру Газ. Экспедиціи, какъ она увѣдомляетъ, былъ засланъ въ г. Жыздру вмѣсто Брянска. Сдѣлано распоряженіе о немедленной доставкѣ Вамъ этого №-ра.

8 Въ г. РОСТОВЪ на ДОНУ. Г. ТЕРН—ВУ. Газ. Экспедиція отвѣчаетъ Редакціи вслѣдствіе вашей жалобы на неполученіе 6-й кн. «ДѢЛА», что книжка эта отправлена Вамъ и мѣстная контора буетъ спрошена, почему Вы не получили ее.

9. Въ с. БЕРЕЗОВКУ Ефремовскаго уѣзда Тульской губ. К. П. ЗЫБ—НОЙ. Вслѣдствіе вашей жалобы на неполученіе журнала «ДѢЛО» и по справкѣ оказалось, что книжки, слѣдующія Вамъ, отправлялись вмѣсто Ефремова въ г. Епифань на ваше имя, откуда и будутъ высланы Вамъ немедленно.

10. Въ г. ТОМСКЪ. Въ Казенную Палату. Жалоба ваша на неполученіе трехъ книжекъ «ДѢЛА» за апрѣль, іюнь и іюль сообщена Газетн. Экспедиціи съ просьбою немедленно удовлеторить Васъ. Книжки эти были сданы Редакцію въ Почтамтъ своевременно.

11. Въ г. СКОПИНЪ. ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЪ Скопинскаго Банка. 6-я кн. «ДѢЛА» послана Вамъ *вторично* 8 октября.

12. Въ г. ТИФЛИСЪ НЕФ—ОВУ. 6-я кн. «ДѢЛА» послана Вамъ, вслѣдствіе вашей жалобы, *вторично* 8 октября.

13. Въ ОДЕССУ въ Библиотеку для Читенія Ел. РАСП—ВА. Первые семь №№ «ДѢЛА», вслѣдствіе вашей жалобы, отправлены Вамъ *вторично*.

14. Въ с. БЕКЛОВО Старицк. уѣзда Тверской губ. Ел. ИВ. ИВК—ВОЙ. № 2 «ДѢЛА» посланъ Вамъ *вторично* 1 октяб. Въ Духовщину въ с. Приселье В. А. ГЛ—НКЪ. № 7 «ДѢЛА» посланъ Вамъ *вторично* 1 октября. Въ Равенбургъ г. РАД—НУ. № 6 «ДѢЛА» посланъ Вамъ *вторично* 1 октября.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1868.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. МОРЯГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

Инв. № 24433

№ 236.4 (1868)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 октября 1868 года.

(342)

СУМАЗБРОДКА.

(Романическій этюдъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Довольно странный скиталецъ возвращался въ 185* году на родину. Онъ былъ уже не молодъ, да и какъ же быть молодымъ послѣ шестилѣтняго странствованія въ холодной землѣ моржей и бѣлыхъ медвѣдей? Ощущенія странника, при возвратѣ изъ долгаго отсутствія, могли бы, кажется, подойти къ извѣстной сказкѣ о монахѣ, заснувшемъ на сто лѣтъ въ пещерѣ и проснувшись, какъ отъ вчерашняго дня, въ мѣрѣ, на цѣлый вѣкъ ушедшій отъ него впередъ. Однако нашъ воскресшій изгнанникъ, пробираясь домой по дорогамъ мірскимъ, съ своей страннической клюкой, съ жаждой новыхъ встрѣчъ и новыхъ картинъ, видѣлъ всюду тѣ же скудныя, сѣрыя, истощенныя нивы, которыя той же дѣдовской сохой боронили мужики, встрѣчалъ онъ тотъ же тупой, унылый, забитый поклонъ до земли... Такъ же былъ бѣденъ мѣръ! ничто не измѣнилось! возвращался онъ къ тому же старому горю, повсюду встрѣчалъ онъ тѣ же невеселыя лица и слышалъ ту же унылую, безконечно-однообразную пѣсню.

Такимъ образомъ дошелъ онъ до роднаго села. Уже завидѣлись ему златоглавыя верхушки церквей, крылья мельницъ за околицей, потянувшійся кудрявый прилѣсокъ, лошина, прилегавшая къ дорогѣ, гдѣ пережилъ онъ когда-то столько дѣтскихъ игръ. Онъ шелъ по этой зеленой дорогѣ, каждая извилина которой выдвигала въ его памяти новую картину юношескихъ мечтаній, давнихъ, минувшихъ дней... и вдругъ раздался въ вечерѣющемъ воздухѣ, проносясь надъ землею, глухой, торжественный звонъ... Въ сердцѣ изгнанника, какъ и въ сердцѣ многихъ изъ насъ, расстроившись этотъ родной звонъ, и несбывшіяся юношескія мечты, и первую любовь съ ея трепетными встрѣчами подъ вечерній звонъ, и несчастный конецъ этой любви, и побѣгъ его отъ этой же любви, отъ этого роднаго звона въ чужой, далекій край... а звонъ лился, всепризывающій, всепробуждающій, глухо тревожащій старыя скорби, старыя раны, вѣчныя стремленья впередъ... Путникъ упалъ на сырую, вечерѣющую землю и тяжело зарыдалъ.

На дорогѣ послышался скрипъ колесъ, скрипъ тяжелыхъ, несмазанныхъ колесъ, на которыхъ мужикъ развозитъ трудовые мѣшки своей пшеницы. Скрипѣли колеса по дорогѣ, у которой плакалъ нашъ путникъ, и загрузѣлый, охрипшій человѣческій голосъ напѣвалъ народную русскую пѣсню...

— Богъ въ помощь! сказалъ нашъ странникъ, подвигаясь рядомъ съ повозкой.

Мужикъ оглянулся на плисовую, потертую шапку съ надломленнымъ козырькомъ, на пыльный, потертый армякъ и увидѣлъ — свой братъ.

— Покровскій? спросилъ странникъ.

— А то чей еще? отвѣтилъ лѣниво мужикъ.

— Изъ какого двора?

— Недоѣлова.

— Ну, человѣче, ты подвези меня до села, сказалъ странникъ и, не дожидаясь отвѣта, взобрался на облучекъ.

— Такъ Недоѣлова, продолжалъ онъ, пока телѣга скрипѣла, подвигаясь между придорожными лѣсками, — это Меркуль Силычъ, значитъ, глядько, перемѣна какая!

Мужикъ оглянулся опять, посмотрѣлъ на своего спутника, увидѣлъ незнакомое, истощенное лицо и не поинтересовался спросить, кто онъ.

— А что твой сынъ Серега? продолжалъ странникъ.

— Эка, доколева хватилъ! полунасмѣшливо сказалъ мужикъ, — Серегу спросилъ! да ты, братъ, съ того свѣта, что ли? я тебя что-то не признаю.

— Да почитай, что и съ того свѣта! вздохнулъ странникъ, — такъ что же Серега?

— Лѣтъ восемь какъ въ солдаты взяли.

— Такъ.

— А ты видно нашинскій? поинтересовался наконецъ мужикъ.

— Да, батюшка, Меркуль Силычъ, отселева, отвѣчалъ странникъ какъ-то покорно, — дьякона Фадея покойнаго сынъ, учителемъ вашей школы былъ годовъ пять.

— Вона! обернулся мужикъ, проясняясь и скидывая шапку, — такъ ты значить Клементій Фадѣичъ, батюшка! живъ-здоровъ? вотъ какъ! Годовъ десять о тебѣ не слыхать! а мы тебя на томъ свѣтѣ поминали.

— Таково оно и было, старина.

— На сторонку свою! только, чай, никого уже изъ своихъ не встрѣтишь. Послѣдняя сестрица твоя, Маремьяна Фадѣевна, съ супружникомъ своимъ лавочку въ городъ перевели.

— Ну и Господь съ ними; а по селу-то, все по старому?

— Все по старому, батюшка! живемъ, какъ жили.

— А школа-то какъ?

— Силой больше тащуть; учитель человекъ ничего, да на что намъ школу, Фадѣичъ? работника отнимають, а оброка спрашиваютъ. Недоучать ихъ или переучать, а все больше пьяница выйдеть.

— Значить, такъ она стоитъ по селу, какъ и стояла?

— Такъ, батюшка, и стоять.

Въ это время за деревьями, съ поворота дороги, послышался сильный лошадиный топотъ и черезъ дорогу проскакала въ сумасшедшій карьеръ какая-то амазонка и вихремъ серылась въ чащѣ

лѣса. Фадѣичу только мелькнула плисовая шапочка, ухорсеи на-
двинутая на темные волосы.

— Забавляется! усмѣхнулся мужикъ.

— Кто такая? освѣдомился странникъ.

— Да барыня это наша, отвѣтилъ мужикъ, — Степана Сергѣе-
вича супружница.

— Такъ уже Степанъ Сергѣевичъ и женился?

— Какъ же! семь лѣтъ тому! только не на добро онъ и же-
нился; живутъ они, сказано, какъ кошка съ собакой.

— Вотъ какъ!

— И чего только въ народѣ объ нихъ не ходитъ! Степанъ
Сергѣевичъ, извѣстно, баринъ крутой, нравомъ весь въ родителя;
въ дугу гнетъ. Ну да и она же задаетъ ему! бають однихъ
зеркаловъ въ дожѣ сколько перебила!

— Вотъ какъ! опять произнесъ странникъ.

— Содомъ, просто содомъ.

— А съ людьми добрая сама?

— Занослива больно; идетъ — не взглянетъ. А такъ —ничего!
Фадѣичъ призадумался...

— Такъ Серегу-то въ солдаты взяли! сказалъ онъ послѣ ми-
нутнаго молчанія.

— Ну! пропустилъ мужикъ, не то вздохнулъ и махнулъ вну-
томъ.

Но вотъ и село раскрылось, вотъ и улица потянулась вдоль
бревенчатыхъ избъ, питейная лавочка, пьяная сходка и драка на
углу... Что дѣялось въ сердцѣ странника, того онъ не выдалъ,
да и некому было выдавать; блѣдно смотрѣло впередъ его худое,
серьезное лицо, покорно снялъ онъ шапку передъ родимой цер-
ковью, завидѣвшеюся въ сторонѣ, уставилъ на нее свои большіе
темные глаза — и перекрестился.

II.

Въ то лѣто стояла большая засуха; отъ самого Георгія ни разу не шли дожди; покровскій хлѣбъ, чуть поднявшись отъ земли, началъ желтѣть и подсыхать, и управляющій хватался за голову и охали мужички. Два раза уже служили молебны на нивахъ, но небо по прежнему оставалось знойно, сухо и палило своимъ разжигеннымъ воздухомъ послѣдніе соки завядающихъ травъ. На Петра и Павла наконецъ Степанъ Сергѣевичъ самъ заказалъ великій молебенъ въ полѣ, съ приказомъ согнать на него отъ стара до мала все покровское населеніе.

Къ полудню Петра и Павла зрѣлище этихъ припаленныхъ нивъ представляло великолѣпную картину; на далекое пространство, какъ въ косморамѣ, волновались тысячи три крестьянъ всякаго пола и возраста, колѣнопреклоненныхъ на нивѣ, съ открытыми головами подъ палящимъ солнцемъ; три священника въ горящихъ какъ жаръ золотыхъ ризахъ кадили фиміамъ къ своду небесъ, хорургии развѣвались, стройно несло пѣніе придворнаго клира и самъ Степанъ Сергѣевичъ, съ открытой головой, усердно кланялся небу, въ штатѣ своихъ придворныхъ и гостей.

У самого края толпы, которую заканчивали двѣ еле-дышачія старухи, уже подъ опушкой лѣса, стоялъ Фадѣичъ, въ своемъ истасканномъ сюртукѣ и съ плисовой шапкой въ рукахъ, съ своимъ открытымъ, высокимъ лбомъ. Молебствіе только-что начиналось; фигуры кланялись, ризы волновались; пѣніе несло падъ нивой, расплывалось въ жаркомъ, стоячемъ воздухѣ и, уже смягчившись далью, гармоническимъ акордомъ достигало до Фадѣича. Баба въ нанковой кичкѣ хлопывала младенца, пищавшаго у нея въ зипунѣ; старухи крестились, одна шептала подъ носъ и жевала безкровными губами, другая охала и поминала царствіе небесное. Изъ лѣсу неслись тысячи свистовъ, трелей и птичьихъ звуковъ, которые смѣшивались вмѣстѣ съ этимъ церковнымъ голосованьемъ въ одинъ стройный концертъ.

— Цыць-ко, цыць-ко, ась?.. барыня!—забавляла младенца ба-

ба, подтрясывая его въ зипунѣ и тыкая пальцемъ въ воздухъ. Фадѣичъ машинально оглянулся и увидѣлъ шаговъ на сто отъ себя гарпующую у окраины нивы, на бѣлой лошади, амазонку въ пунсовой шапочкѣ, надвинутой на бекрень, изъ подъ которой безалаберно рассыпались темнорусые, блестящіе на солнцѣ кудри. Амазонка, казалось, совсѣмъ не заботилась о молебнѣ, не слушала поповъ и, перегибаясь съ сѣдла, обивала хлыстомъ блеклые колосья этой жиденькой пшеницы, за которую пришелъ молиться народъ.

— Дорогу! дорогу! грозно раздалось вдругъ возлѣ него; старухи попятились, ковыляя на костылѣ; Фадѣичъ тоже отступилъ назадъ; мимо него прошелъ скорымъ шагомъ запыхавшійся лакей съ золотымъ эксельбантомъ на плечѣ, со шляпой въ рукѣ, обшитой галунами.

— Сударыня! крикнулъ онъ почтительно, подступая подъ ноги бѣлой лошади и опуская ровно съ колѣнами свою ливрейную шляпу.

Амазонка обернулась и въ первый разъ открыла все свое блѣдное и помятое личико, съ сверкнувшей молніей въ темныхъ, какъ ночь, глазахъ.

— Сударыня! продолжалъ лакей, — баринъ непремѣнно просить васъ сейчасъ пожаловать къ молебну.

— Скажи, чтобъ ожидалъ! сказала амазонка насмѣшливо и, размашисто повернувъ глазами, скользнула ими невзначай по мѣщанской одеждѣ Фадѣича.

Но въ это самое время подоспѣвала еще одна личность, выдѣлившаяся изъ свиты Самбурова: молодой, очень изящный господинъ въ соломенной швейцарской шляпкѣ, тонкой тросточкой прочищалъ себѣ дорогу между рядами черной толпы.

— *Madame, chère madame!* заговорилъ онъ еще издали по-французски, — зачѣмъ же это вы такъ безсердечно лишаете насъ своего общества? И только издали, какъ эти тучки, которымъ молимся мы, такъ ядовито дразните насъ!

Амазонка едва кинула на него изъ подъ рѣсницъ мимолетный взглядъ.

— Идите же, идите! продолжалъ онъ умолять довольно само-надѣянно, — мужъ вашъ грызеть набалдашникъ отъ гнѣва, я умираю отъ скуки. И можно ли такъ играть судьбами окружающихъ васъ? Когда мы сѣли въ экипажи, у васъ голова болѣла, а чуть мы выѣхали, увидѣли васъ гарцюющую на недосыгаемомъ пространствѣ, какъ блудящій огонекъ! Скажите, почему вамъ пришла охота такъ обижать насъ?

— А знаете почему?

Начиная этотъ вопросъ, амазонка вдругъ оглянулась съ своимъ дерзкимъ, блистающимъ взглядомъ и опять попала имъ на фигуру Фадѣича, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ; на мгновенье будто ее остановила и эта отдѣльная поза съ скрещенными руками на груди, и это особенное, открытое лицо съ выраженіемъ глубокаго ума и внимательными глазами, темнѣющими невеселой мыслью, устремленными на нее. Но, раззадоренная этимъ взглядомъ, она мигомъ отвернулась, слегка перевѣсилась на сѣдлѣ и докончила фразу, прямо кавалеру въ лицо:

— Потому что вы мнѣ опротивѣли!

Лошадь рванулась за этимъ словомъ впередъ; лакей отскочилъ въ сторону. Амазонка дернула поводъ, оглянулась на толпу своими огненными глазами, повела смѣясь хлыстомъ, будто хотѣла задѣть имъ разомъ весь народъ — и загалопировала, покачиваясь на сѣдлѣ, прямо черезъ эту несчастную пшеницу, за которую возносилъ молитвы собравшійся миръ.

— Экій скандалъ-то! проговорилъ почти насмѣшливо, кивая на скачущую барыню, обиженный кавалеръ.

— Богохульство, скажу вамъ, Францъ Адамовичъ! подтвердилъ почтительно лакей, — а все изъ того только, что барину на перекоръ. Ну и будетъ же онъ гнѣваться теперь!

Кавалеръ тонко свиснулъ, отпрявляясь въ обратный путь.

— Ну ужъ и господа! ну ужъ и господа! бормоталъ про себя лакей, пробираясь мимо Фадѣича; — ты, малый, не видишь, кто идетъ?

Фадѣичъ, какъ маленькій и ничтожный человѣкъ передъ такими важными господами, смиренно отступилъ назадъ...

— Алилуйя, алилуйя, алилуйя! шептала между тѣмъ старуха, жуя мертвыми губами за его плечомъ.

— Ну что Фадѣичъ, пора и по домамъ! сказалъ возлѣ него добрый мужицкій голосъ, и приземистая фигура Меркула Силыча заслонила передъ нимъ свѣтъ.

Фадѣичъ вздрогнулъ, придя въ себя послѣ глубокой задумчивости, въ которую былъ погруженъ. Молебень кончился, народъ муравейникомъ волновался вслѣдъ за удаляющимися хоругвями и святой, церковной иконой, блестящей подъ лучами яркаго солнца.

— Съ Богомъ! сказалъ Фадѣичъ не то Меркулу, не то думаемъ своимъ, отлетавшимъ изъ головы.

— Ко мнѣ ужъ пожалуй въ избу, продолжалъ Меркуль, направляясь съ Фадѣичемъ въ путь, — старуха Дементьевна пироговъ съ ягодами напекла, отвѣдать зайди; который день въ селѣ проживаешь, а зайти еще не зашелъ.

На большее пространство возлѣ нихъ поляна оставалась пуста; бабы, ребята, сами старухи на своихъ вловахъ, далеко уже разбрелись. Возлѣ Меркула оставался только мальчишка лѣтъ тринадцати, съ бойкими, красивыми чертами загорѣлаго, какъ у цыгана, лица, но съ серьезнымъ и почти строгимъ выраженіемъ сдвинутыхъ надъ мрачными глазами бровей.

— Этого не узнаешь? спросилъ Меркуль, кивая на мальчика.

— Нѣтъ что-то, отвѣтилъ ласково Фадѣичъ.

— Года три ему было при тебѣ, сказалъ Меркуль понижая голосъ, — Маланя моей дитя. Помнишь? сгубили дѣвку.

— Ну, Богъ съ ними, остановилъ его Фадѣичъ.

— Нѣтъ, видишь, другъ; я не то, чтобъ даромъ вспомянулъ, сурово продолжалъ Меркуль, — сгубили дѣвку, а теперь хотять сгубить и дитя. Оно, правда, какая бы и такъ ему судьба?

— Да ты къ чему это все повелъ?

— Надъсь управляющій меня остановилъ, Митьку въ дворовые отобрать приказъ отдашь; оно бы другому, пожалуй, и путь, да не ему; чудной онъ у насъ; дикій такой всегда былъ. Какъ узналъ, что бояринъ, отецъ его родной, въ казачки его хочетъ въ

лазейскую ввать—не пойду, говорить, убьюсь, а не пойду. Словомъ же своимъ крѣпогъ съ измальства былъ.

Фадѣичъ обернулся и пристально посмотрѣлъ на мальчика, на его квадратно очерченный лобъ.

— Грамотѣ знаетъ? освѣдомился онъ.

— Жаденъ до этого, пропаче дитя; да что толку-то! А и работникъ бы изъ него вышелъ, какъ два вола.

— Эхъ, Меркулъ Силычъ! что слова терять!

Такъ, невесело, дошли они до раскрытыхъ дверей избы; не разгладилъ морщины Меркула и праздничный столъ. Но пироги Дементьевны удались, хоть за царскій обѣдъ; ѣли ихъ Меркулъ и Фадѣичъ, съѣла Дементьевна пятокъ за пяткомъ, только будущій казачекъ господскій, Митька, ничего не ѣлъ; дивились этому въ дитяти и Дементьевна и Меркулъ, дивились, что съ Фадѣичемъ такъ словоохотно пошелъ на прогулку въ лѣсъ, послѣ подника, дикарь... дивились еще больше и не они одни, а весь міръ покровскій, когда, на другое утро, безъ всякаго слуху и духу, Митька пропалъ.

III.

Это было знакомое намъ лицо; свѣтлые, прямые волосы, пристальный взглядъ сѣрыхъ, немного жесткихъ глазъ, мощное очертаніе плечъ. Самодуровъ сидѣлъ спиною въ пространству комнаты и перебиралъ бумаги на письменномъ столѣ.

Письменный столъ принадлежалъ его женѣ, граціозные объемы ящичковъ и рѣшетокъ, съ хрупкими бездѣлушками, только мѣшающими дѣловому человѣку въ его занятіяхъ письмомъ... да и самое содержимое ящика, въ которомъ онъ перебиралъ, все это дышало непричастной мужчинѣ легкостью мысли и самымъ нѣжнымъ запахомъ розовыхъ духовъ. Много перебралъ онъ, одно за другимъ, какихъ-то исписанныхъ разными почерками французскихъ стиховъ, ничего не значущихъ записокъ, счетовъ съ отгѣтками и,

наконецъ, остановился надъ фотографической карточкой, засунутой между бумагами и разорванной надвое;—это былъ его собственный портретъ.

Сурово и грустно было лицо задумавшагося надъ своимъ уничтоженнымъ портретомъ человѣка, это загорѣлое лицо съ откинутымъ на руку и уже обозначеннымъ первыми морщинами лбомъ; гнѣвно поднялись его брови и властно кинулъ онъ озабоченный взглядъ на двери, за которыми раздался шумъ.

Въ двери показалась молодая жена его, въ своей амазонкѣ съ металлическими пуговицами, въ той же пунсовой, надвинутой на одну бровь, шапочкѣ, которая придавала ей блѣдному личику какой-то ухорскій и почти юношескій видъ. Она остановилась у самаго порога, который переступила, и глаза ея встрѣтились со взглядомъ обернувагося мужа.

— Тайная полиція! процѣдила она съвозъ зубы и хотѣла пройти дальше;—но онъ всталъ; онъ сдѣлалъ къ ней нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ.

— Ну чтожь? я имѣлъ на это право сказалъ онъ твердо,—ты моя жена. Ни до чьего замка я не дотронусь въ своей жизни, но отпирать твои замки я имѣю такое же право, какъ и свои собственные; ты моя жена.

Она даже не кинула на него свой сверкающій въ сторону взглядъ; злое дрожанье передергивало ея блѣдную губу.

— Аркадская простота! сказала она загораясь,—мужъ достойный золотого вѣка! И онъ думаетъ, что еслибы я имѣла секреты и заговоры, то довѣрилась бы въ этомъ домѣ хоть одному ящику, хоть одному замку! Что же ты открылъ секретнаго, или незаконнаго? похвастанъ, что же ты нашелъ?

— Вотъ что я нашелъ! вскричалъ онъ разгнѣванный ея презрительнымъ тономъ, бросая на полъ передъ нею свой разорванный портретъ.

Вмѣсто отвѣта она наступила ногами на этотъ снимокъ мужаго лица.

— Деля! вскричалъ онъ тогда забываясь,—не доведи меня до

бѣшенства! я такъ точно наступлю ногами на самое лицо твое, а не на портретъ!

Она ничего не сказала, только сдѣлалась блѣдна, какъ самый чистый мѣлъ; она замолчала передъ этой угрозой, которой исполненіе могло быть недалеко...

У освѣщеннаго обѣденнаго стола, черезъ два часа послѣ выше-описанной сцены, Леля обвила руками шею нахмуреннаго мужа и подставила ему для поцѣлуя свой горячій и увлажненный ротъ. Она только-что вошла съ терассы, подъ руку съ щегольскимъ кавалеромъ, съ измятыми отъ прогулки волосами, но въ розовомъ, еще свѣжемъ вѣнкѣ. Кавалеръ былъ необыкновенно веселъ и пилъ залпами вина, приготовленные на столѣ; Леля отошла отъ мужа въ своею благоухающемъ вѣнкѣ, и хотѣла садиться за столъ на обычное мѣсто, какъ вдругъ упала на стулъ безъ чувствъ. Обморокъ былъ мгновенный; онъ не помѣшалъ общему разгулу за обѣдомъ и широкому разливу шипучихъ винъ.

IV.

Солнце ярко освѣщало своими заходящими лучами путь Фадѣичу. Его влекло заглянуть на одинъ умершій уголокъ,—и онъ пробирался подъ оградой господскаго сада, расчищая тростинкой вѣтви жимолости, разросшейся и разилавшейся сплошно по его пути. Вспоминалъ онъ, что десять лѣтъ назадъ здѣсь вилась легкая тропинка, продолженная по травѣ молодыми шагами юноши, пробиравшагося подъ оградой съ цѣлымъ раемъ счастливой жизни въ груди... Этого юноши не было больше на свѣтѣ; не было и тропинки его на землѣ; оба они, человекъ и слѣдъ его дѣйствій, никому неизвѣстными явились, были и пропали въ жизни навсегда. Вотъ онъ ступаетъ ногою на зеленый кустъ травы; повѣритъ ли онъ самъ, что здѣсь было когда-то гладко протоптаное мѣсто, повѣритъ ли онъ самъ, что вотъ здѣсь, въ этой надорванной груди, билась когда-

то могучая сила полного счастья и свѣжихъ надеждъ?.. все заросло, все заглохло и измѣнилось, — не та земля и не тотъ человѣкъ.

Тѣни вставали одна за другой; кирпичная стѣна ограды кончалась выдающимся уступомъ полуобваливавшегося павильона; ива свѣшивалась надъ зданіемъ цѣлымъ покрываломъ темнѣющихъ, melancholически шевелившихся листковъ. Гдѣ-то изъ воды грустными трелями отзывалась лягушка; паутина съѣто покрывала стѣну.

Онъ остановился передъ этой картиной умершаго прошлаго, сложивши руки на своей запавшей, но все еще крѣпкой груди, съ непоколебимо смиреннымъ и блѣднымъ лицомъ: въ образѣ этого человѣка невозможно было разобрать его ощущеній; молчали грустно сомкнутые уста, молчали темные и глубоко-задумчивые глаза.

У входа было когда-то два дерева, двѣ зеленныя ивы; одна изъ нихъ высохла и нагибалась оголенными вѣтвями, другой онъ не нашелъ; она была срублена подъ корень, и сѣрый пенекъ торчалъ изъ земли. Мохъ, сырость, червоточина и гниль измѣнили прежнія очертанія предметовъ и прежніе цвѣта; но изъ окна также падалъ розовый отблескъ заката на противоположную стѣну и на этой стѣнѣ еще ясны были вырѣзанныя на деревѣ, когда-то живыя и полныя тайнаго смысла слова.

Онъ ихъ читалъ.

„Тебя — на всю жизнь“. — „Всю жизнь — на тебя“ — два почерка, два характера, двѣ клятвы, — сцены счастья, свѣта и любви, вдругъ мелькнувшіе въ умѣ, тѣнь милой дѣвушки вставали передъ нимъ во всей своей обворожительной чистотѣ, голосъ уюльшій въ могилѣ звучалъ и лился кругомъ трепетомъ бывшей любви, — блѣднѣло смертной бѣдностью его лицо.

Здѣсь онъ любилъ!... Это было святое мѣсто для человѣка, уважавшаго свое сердце, обоготворявшаго свою любовь, слова на деревѣ были могильной эпитафіей надъ всею юностью, надъ всею личной жизнью человѣка.

Шумъ въ противоположныхъ дверяхъ, быстрое ломанье вѣтокъ одна за другой, мгновенное сознаніе себя въ присутствіи другого, ненужнаго человѣка, — онъ обернулся безъ вздоха и трепета, онъ зналъ, что изъ желанныхъ нѣкто не придетъ.

На него смотрѣла изъ рамки дверей чужая женщина; блѣдное, почти полное ненависти лицо съ сверкающими какой-то раздражающей горечью глазами, казалось, бросало въ него оскорбленіе, вызовъ и грязь. Въ первую минуту ему подумалось, что это сумасшедшая въ бѣгахъ.

— Вотъ какъ! нахожу мечтателя при солнечномъ закатѣ! начала она нагло и громко, и почти торжествующе вытаскивая изъ кустовъ складки шелкового платья.—О чемъ? конечно о любви? вѣроятно, сладкія воспоминанія нѣкоторыхъ незабываемыхъ картинъ?

Фадѣичъ, на томъ же мѣстѣ, съ своимъ изломаннымъ козырькомъ надъ глазами, спокойно стоялъ и слѣдилъ злобное существо, такъ внезапно атаковавшее его.

Сверкашіе, издѣвавшіеся глаза попали между тѣмъ на старинную надпись, выступавшую на деревѣ при розовомъ закатѣ; новый взрывъ хохота, въ которомъ какой-то рѣзкій, чуть не дивій звукъ.

— Это ужъ не ваши ли надписи?... Романъ съ клятвами! и вѣрность до гроба!.. Гдѣ же она, плачевная героиня, о которой здѣсь вздыхаетъ плачевный герой? Увы! Онъ одинъ, одинъ, бѣдняжка, какъ рекрутъ на часахъ!

— Я васъ не трогаю, сударыня, сказалъ наконецъ Фадѣичъ тихо, но твердо устремляя на нее глаза.

— Вотъ новости! а я за то интересуюсь вами! воскликнула она, вздернувъ плечами.

— Что вамъ за дѣло до моихъ чувствъ? возразилъ опять Фадѣичъ сдержанно, не оставляя своего положенія и не разнимая скрещенныхъ на груди рукъ,—что вамъ за дѣло до этого темнаго прошлаго, что вамъ цѣпляться до этой исторіи съ ея кровавыми ранами, благородными слезами, честнымъ концомъ,—съ ея человѣческимъ смысломъ, котораго вамъ не понять?

Фадѣичъ говорилъ спокойно, но что-то надорванное глухо дрожало въ его голосѣ и насквозь пробирало его; въ его чуть-чуть согбенной фигурѣ, въ скрещенныхъ уныло рукахъ, въ самомъ будто козырькѣ, надвинутомъ на совершенно блѣдное лицо, было что-то высокое, благородное, сосредоточенное, что рѣзко дисгармонировало съ ея лицомъ.

— Вы скажете, что любили необыкновенно? спросила она, какъ-то разомъ мѣняясь въ лицѣ.

— Я любилъ честно, отвѣтилъ онъ твердо и покойно, — я уважалъ свою любовь и уважаю теперь ея память, какъ время самыхъ высокихъ и самыхъ человѣческихъ стремленій моей жизни. Бесѣдка эта — могила честнаго чувства и издѣваться надъ такой могилой не будетъ честный человѣкъ.

Она стояла передъ нимъ, какъ-то вдругъ примолкнувъ, все глубже и глубже вглядываясь въ него; по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, что-то странное совершалось съ ея блѣднымъ лицомъ. Еще минута — и вдругъ ея руки протянулись впередъ; мятешное, передернутое личико неожиданно упало на эти руки и мучительныя рыданія огласили воздухъ кругомъ... Фадѣичъ вздрогнулъ, точно не вѣря ушамъ; онъ нервно слушалъ, все болѣе блѣднѣя, потомъ невольно снялъ шапку передъ этими рыданіями, побуждаемый броситься на помощь къ несчастному существу. Что же это плакало, кричало, рвалось въ образѣ ненависти и презрѣнія, въ шелковомъ платѣ, попиравшемъ весь міръ? Онъ стоялъ передъ нею, съ непокрытой головой, колеблемый тысячью сомнѣній и мыслей, а она, будто забывъ и его, и время, и міръ, все рыдала тѣмъ же страшнымъ крикомъ отчаянія и проклятій, заломивъ свои бѣлыя, какъ мраморъ, руки, въ которыхъ скрывалось ея лицо... Въ это мгновеніе въ бесѣдку, какъ бомба, прыгнула огромная гончая собака и кинулась подъ ноги женщинѣ, чуть не сбивши ея; бѣлыя руки вздрогнули, бѣлое, отчаянное лицо преобразилъ не то гнѣвъ, не то испугъ.

— Завтра, завтра, завтра, зашептала она быстро, — общаете быть здѣсь?

Какъ передъ смертью умоляли ея блестящіе, непонятные, отчаянные глаза; весь передернутый ея дикими воплями, Фадѣичъ общалъ.

Но страннаго, таинственнаго, сумазброднаго существа уже не было передъ нимъ; вѣтки густого кустарника въ противоположныхъ дверяхъ еще качались, потревоженные могучимъ скачкомъ исчезнувшей за хозяйкой собаки; вдали, на полуверстовое пространство, изъ господскаго сада слышались два, согласно выдувавшіе побѣду, охот-

ничьи рога. Фадѣичъ надвинулъ шапку на глаза, переступилъ разрушенныя ступени и, безъ цѣли пройдя нѣсколько шаговъ, сѣлъ наконецъ на какомъ-то срубленномъ деревѣ, надъ гладью поросшаго цѣликомъ пруда; безъ всякаго вниманія въ окружающей природѣ, его голова упала низко на склоненныя руки и въ глубокую думу погрузился онъ.

V.

Лѣтній, утренній воздухъ, теплый отъ проскальзывавшихъ межъ вѣтвями солнечныхъ лучей и еще полный ночными испареніями, густо и влажно обвивалъ тѣло Фадѣича. Между мшистыми стволами кленовъ, цѣлой разсѣлиной, открывалась глубокая темь лѣса, съ своей таинственной жизнью насѣкомыхъ и перекликающихся птицъ. Лѣсъ, поле, дремота на свѣжемъ сѣнѣ, въ невозмутимой, привольной тиши, были дружественной стихіей и, можетъ быть, отдохомъ для человѣка, усталаго отъ общества людей. Неизвѣстно намъ съ вами, читатель, тяжело или легко жить человѣку, когда онъ дошелъ до того, что ему уже не до чего додумываться, не о чемъ сомнѣваться и нечего желать; по лицу такого человѣка ничего не разберешь, а изъ словъ его и того меньше; да правду сказать, мы едва ли и сумѣемъ распознать такого человѣка въ толпѣ обыденныхъ людей...

На Фадѣича не обращали никакого вниманія два молодые барина съ ружьями и охотничьими сумками черезъ плечо, появившіеся изъ лѣсу и тоже, конечно, соблазнившіеся грудями зеленаго сѣна подъ тѣнью деревъ. Увидавъ на сѣнѣ самую худую, холщевую одежду съ затертыми сапогами, самое тощее, самое не праздничное лицо, оба барина, даже не найдя нужнымъ замолвить объ этой фигурѣ, какъ не замолвили они о древесномъ срубкѣ, валявшемся тутъ же на дорогѣ, развалились подъ стогомъ, аппетитно пошмѣиваясь межъ собой.

— Веселая охота! ей Богу! сказала по-французски молодой щеголь съ тонкимъ усомъ въ верхъ.

— Да, что же дѣлать, мой милый? Il n'y a pas de rose sans éripies! отвѣчалъ полновѣстныхъ формъ блондинъ à la Маниловъ, съ наслажденіемъ вытягивая лакированные сапожки съ раструбами.

— Но то-то и есть, Пьерочка, что роза такъ утыкалась шипами, что ее и понюхать не подступи, подтвердилъ безпечно молодой щеголь съ усиками;—барыня просто ума лишается, вотъ что!

— Экая разбойница, право! И чего бы ей хотѣтъ? Кажись, сама выбирала и, какъ персона бывалая, промаху сильного дать не могла. О, женщины, порожденіе крокодиловъ! сердце хамелеона!

— Нѣтъ, вотъ что, Пьерочка! началъ вдругъ молодой охотникъ, облокачиваясь на руку и внимательнѣй открывая свои паточные глаза,—барыня сама по себѣ, ей Богу, мнѣ не заманка; эта жестокая перемѣнчивость, эти полоумные капризы хоть кого бы уже отретировали на попятный дворъ; любовница она, правда, хорошенькая и иногда... соблазнительна. Но главное тутъ Степанъ Сергѣевичъ; безъ него бы эта Леля давно не имѣла для меня никакой цѣны. Но явить этого важнаго сатрапа... въ самое сердце явить... ты не повѣришь, какъ это пріятно.

— Чудной ты человекъ, Франсуа!

— Я дипломатъ, объяснилъ щеголь задумчиво,—эти супружескія неурядицы болѣе или менѣе вредятъ репутации Степана Сергѣевича, разстраиваютъ его, отвлекаютъ отъ внѣшнихъ дѣлъ; эту зиму онъ черезъ Лелю не поѣхалъ на выборы; вѣдь онъ, какъ чортъ, ревнивъ и подозрителенъ... однакожъ и простовать!

— За лѣсомъ видить, а подъ носомъ нѣтъ! заключилъ рассыропленный блондинъ, ухмыляясь своему замѣчанію.

— Какъ бы то ни было, но я подхожу къ концу. Леля до ребячества легковѣрна; еще одинъ счастливый часокъ, когда Леля, подъ хмѣлемъ бала или ароматной ночи, съ своими чудными ласками и такими страстными взорами, отдастся мнѣ... тогда она готова будетъ къ окончательному взрыву; она, вотъ-вотъ, съ скандалезнымъ трескомъ броситъ своего деспота и поведетъ дѣло на настоящій разводъ. Удастся ли ей это или нѣтъ, а Степанъ Сергѣевичъ

останется пораженъ въ сердце и, конечно, окончательно поразстроитъ свои дѣла; да и теперь, еслибъ не безтолковщины его съ Лелей, едва ли бы мимо глазъ его проѣхали мои валуевскіе возы съ пшеницей къ его покровскимъ амбарамъ, по такой кругленькой цѣнѣ.

— Не помрачишь ли ты свою репутацію похищеніемъ чужой жены? съ равнодушіемъ спросилъ блондинъ.

— Какое тутъ похищеніе, моншеръ? на эту озорницу нечего рассчитывать, чтобы она, въ объятіяхъ любовника, пребыла неизмѣнною хоть одинъ день. Да и мучить себя, какъ Степанъ Сергѣевичъ, я вовсе не желаю; до нервовъ, обмороковъ и истерикъ я вовсе не охотникъ. Пускай себѣ катится сама въ пропасть, коли охота есть.

— Ты ее ни капельки не любишь, размыслилъ блондинъ.

— Я ее не уважаю, пояснилъ щеголь съ небрежнымъ оттѣнкомъ въ интонаціи;—согласись самъ, что женщина, которая бьется всякому въ объятія, какъ бы она ни была хороша, не прикуетъ къ себѣ человѣка, какъ женственный идеаль. Я очень знаю, что ея супружеская жизнь была и есть не весьма казиста въ своемъ содержаніи, однакожь и это не владеть печати благородства на тысячи ея любовныхъ походовъ; супружеская жизнь всегда зависѣла отъ нея самой.

— Не съ такимъ мужемъ, положимъ.

— Съ такимъ мужемъ больше, чѣмъ съ кѣмъ нибудь! горячо заступился щеголь, — онъ буквально обожалъ самый прахъ отъ ея башмаковъ! онъ и теперь еще отупѣваетъ, какъ этотъ чурбанъ, отъ одного прикосновенія ея русскихъ вудрей.

— И чего тебѣ соваться между нихъ.

— Изъ-за самого житейскаго дѣла, Пьерочка; кто не совался въ такія положенія изъ-за розовыхъ губокъ, изъ-за сладкихъ ночей? а съ другой стороны, изъ-за успѣха въ свѣтѣ, общественнаго положенія, экономическихъ расчетовъ?...

— Посмотрю я, онъ, совсѣмъ несчастный человѣкъ, сказалъ Пьерочка, опершись подбородкомъ на оба свои, заплывшіе жиромъ, кулаки.

— Кто это?

«Дѣло», № 10.

— Да Степанъ Сергѣевичъ, сердечный онъ человѣкъ. Ей Богу, мнѣ жалко его, дружочекъ. Вѣдь исковеркана его жизнь этой Лелькой, а?

— За то поправляетъ нашу, согласишься, какъ честный человѣкъ, отвѣтилъ ему щеголь утѣшительно, — для тебя, особенно, эта супружеская катавасія—золотая рыбка въ мутной водѣ?

— Ги, ги! не опровергнулъ, но и не подтвердилъ Пьерочка.

— Безъ Лели онъ не останется и мѣсяца въ Покровскомъ, значительно продолжалъ Франсуа,—катнеть непременно въ Петербургъ или за-границу погибать. А тутъ-то, главноуправляющій—кути, малина! А Франсуа бѣдняга — почему знать, Леля хоть и капризничаетъ, но за то вѣрить въ меня; Леля женщина страстная, хорошенькая какъ бѣсъ.... быть можетъ, и придется поиграть годъ.....

Говорили еще много объ этомъ предметѣ благородные охотники, и ничего, однакожъ, честнѣе не сказали. Но когда ушли они съ своими ружьями и прозектами, долго еще лежалъ Фадѣичъ на томъ же мѣстѣ и думалъ.... темное дѣло задумывалъ этотъ человѣкъ.

VI

Фадѣичъ былъ человѣкъ маленькій, темный, почтительный; онъ не заставилъ себя ждать. Еще солнце не зашло за густолиственную верхушку кустарника, какъ онъ уже давно сидѣлъ на изломанномъ порогѣ павильона, согнувшись подъ своимъ рыжимъ козырькомъ. Дни и годы могли бы пронестись надъ этой неподвижной фигурой, не измѣнивъ ея выжидательно-покорнаго положенія.

Леля явилась наконецъ, быть можетъ, урвавшись съ праздника. На ней было бѣлое атласное платье, голубой кунтушъ съ бѣлой опушкой, круглая шляпа съ лентами; но лицо было блѣдно, блѣдно, и уста сомкнуты; она тихо сѣла на скамью противъ него и поникла головой.

Привѣтствія другъ другу никто не произнесъ. Фадѣичъ всталъ, когда она приблизилась, но не оставилъ порога и испуганно наблюдалъ неподвижное положеніе. Лели, и ея опущенные вѣки, и скорбно сдвинутую бровь.

— Кто вы такой? спросила она вдругъ.

— Уроженецъ покровскій, отвѣтилъ Фадѣичъ, — дьяконскій сынъ...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до вашего званія, перебила она нетерпѣливо, — я хотѣла только узнать, откуда вы, изъ какихъ земель.

Она стала внимательно смотрѣть на него, облокотясь на свою блѣдную руку съ массивнымъ вѣнчалнымъ кольцомъ.

— Я изъ тѣхъ земель, изъ которыхъ и вы, началъ Фадѣичъ, быть можетъ не замѣчая ея пристального взгляда, и слѣдя вечернюю бабочку, взбравшуюся у ногъ его по дверямъ, — одинъ воздухъ насъ поилъ, одна земля кормила... да только разнымъ зерномъ.

— Ничего этого мнѣ не нужно знать, возразила она.

Фадѣичъ умолкъ. Цѣлую минуту только бабочка жужжала, мотаясь у дверей.

Голосъ Лели раздался вдругъ тихо и какъ-то задушевно грустно.

— Расскажите мнѣ, это была она и какъ вы ее любили...

Вотъ что мнѣ дайте узнать, докончила она почти неслышно.

— Вамъ развѣ неизвѣстно, какъ любить? говорилъ Фадѣичъ осторожно; — вы развѣ не любили и не были любимы никогда?

— Я цѣлую ночь сегодня промучилась, думая объ этихъ словахъ, вырѣзанныхъ на деревѣ, произнесла Леля задумчиво, совсѣмъ не отвѣчая на его вопросъ, — я не могла допустить: развѣ есть возможность прожить чувство любви и потомъ, вспоминая, уважать его? развѣ есть возможность уважать что бы то ни было въ отношеніяхъ людей?... Развѣ она уважала васъ и ваши встрѣчи?... куда она дѣлась если любила и уважала? Дайте мнѣ поговорить съ ней!

— Она умерла, отвѣтилъ Фадѣичъ.

— Умерла? очень хорошо! Отчего она умерла?

Въ голосѣ у нея опять уже прорвалось вчерашнее сомнѣнье и раздраженье; губы подернули какой-то горькій сарказмъ.

— Слушайте же вы всю эту исторію отъ начала до конца! сказать наконецъ Фадѣичъ, садясь противъ нея и опуская свою шапку на колѣни.— Она была крѣпостной дѣвушкой у вашей свекрови. Я встрѣтился съ нею въ этой самой рошѣ двадцатилѣтнимъ юношей, съ сумасшедшими понятіями о любви и жизни, и какъ сумасшедшій полюбилъ ее. На этихъ ступеняхъ заброшенной бесѣды мы промечтали о всѣхъ геройскихъ подвигахъ человѣческой любви и вѣры, подъ это самое колыханье древесной пустыни, и подъ этотъ самый розовый, благословлявшій насъ закатъ...

Года три я былъ учителемъ здѣшной сельской школы, а она была звѣздой своего темнаго общества, тихо свѣтящей путеводной звѣздой; за всѣ эти десять лѣтъ не куплено въ Покровскомъ столько книгъ, сколько приобрѣтено ихъ было въ то короткое время, когда дѣйствовала и вліяла здѣсь она; половина подрастающихъ была приохочена къ чтенію ея разказами и объясненіями; у нея была своя собственная бібліотека и устраивались дѣтски-литературные вечера.... Но царство наше скоро разрушилось, какъ и надо было ожидать. До господъ дошли обезображенные слухи о вредныхъ дѣйствіяхъ и вліяніи вольнодумнаго учителя и дѣвки, связавшейся съ нимъ... и учителю было отказано отъ мѣста, а дѣвку свою господа потребовали въ Москву. Счастливо еще отдѣлалась она; ей не обрили голову, не облѣпили смолой и пухомъ и не водили по улицамъ на позорище ея учениковъ. Но въ ту же зиму она добыла скоротечную чахотку, а бывшій учитель, послѣ долгихъ странствованій и испытаній, вернулся черезъ десять лѣтъ взглянуть на могилу своихъ завѣтныхъ чувствъ... Миръ праху твоему, честная дѣятельность, которую родила и освѣщала наша обоюдная любовь! Мы были счастливы собою и дѣломъ—мы не даромъ жили.

— Легко быть счастливымъ свободному человѣку, горько прошептала Леля.

— Честному быть счастливымъ легко, возразилъ Фадѣичъ,—вы помните ли, что она была крѣпостной? что надъ нею ежеминутно висѣла мечемъ господская воля, по одному капризу готовая уничтожить ее? И она забывала свое рабство, забывала всю себя, что-

бы служить другимъ... ея дѣломъ стало дѣло ея общества и для жизни этого общества она рисковала своею собственною жизнью... Какъ же мнѣ не относиться съ благоговѣніемъ къ ея памяти, къ ея дѣятельности, къ ея любви?

Начинало уже замѣтно темнѣть, розовыя полосы спали съ легкихъ облаковъ, набѣжавшихъ на западъ, и, съ другой стороны, изъ-за синеватыхъ очерковъ сплошнаго кустарника, поднимался красноватый отблескъ выходящей луны; блѣдное личико Лели казалось до утомленія серьезно!

— Куда вы уходите? вскричала она вдругъ, когда Фадѣичъ сдѣлалъ движеніе въ полутьмѣ, — пожалуйте меня.

— Дайте мнѣ подышать съ вами, продолжала она совсѣмъ слабо, видя, что онъ остается на мѣстѣ, — у меня въ душѣ совсѣмъ не сладко. Я, какъ безумная, иногда обѣгаю этотъ садъ и лѣсъ, и не нахожу примиренія и покоя.

Фадѣичъ тихо пересѣлъ на ея сторону, на скамейку, на одинъ шагъ отъ нея.

— Не рассчитывайте на добро со мною, сказала она тогда рѣзко и больно, — его въ моемъ сердцѣ нѣтъ. Знаете ли, какія минуты удовлетворяютъ моею жизнью? Недавно я произвела пожаръ у этого дома и съ дикимъ удовольствіемъ смотрѣла, какъ Степанъ Сергѣевичъ рвалъ на себѣ волосы, метался и ревѣлъ.

— Вы несчастная женщина, раздался возлѣ нея тихій голосъ ея собесѣдника, — но у васъ глубокая душа.

Леля слушала, не шевелясь.

— Однакожь вы сами причиной своего несчастья, продолжалъ Фадѣичъ, — самое полное благополучіе было въ вашихъ рукахъ. Зачѣмъ вы такъ безразсудно раздавили все, что было въ васъ добраго?

— Добраго! когда жизнь обошлась такъ безжалостно со мной! вскричала она глухо, наклоняясь лицомъ къ сжатымъ у груди рукамъ, — ну чтожь! вотъ и я обхожусь теперь съ нею, какъ съ такою же глупой и дрянной вещью, какою она притоптала меня на землѣ. Я топчу ее въ прахъ подъ ногами, а не обоготворяю ее.

— Жизнь со всѣми ея благами была въ вашихъ рукахъ, воз-

разилъ Фадѣичъ спокойно;—тысячамъ женщинъ судьба не дала того, чѣмъ она подарила васъ.

— О, да, конечно! судьба озолотила меня! вскричала Леля пылко и вдругъ отклоняясь отъ него. — Какъ это я остаюсь не благодарна къ ней? засмѣялась она нервно, — развѣ я не генеральша? развѣ у меня не цѣлый шкафъ съ нарядами? не на серебрѣ обѣды?

— Вы имѣете то, чего у тысячи женщинъ нѣтъ, продолжалъ Фадѣичъ, давъ умолкнуть ея взрыву, — у васъ есть много денегъ, а свободнаго времени еще больше, можетъ быть. У той женщины, о которой я вамъ говорилъ, и которая со мною сидѣла здѣсь когда-то, на вашемъ мѣстѣ, и въ такіе самые вечера... у той женщины было несравненно меньше времени и денегъ, и однакожъ, только ихъ употребленіемъ она была счастлива и горда.

— Молчите, вы не знаете меня и моей жизни, произнесла Леля слабо и голосъ у нея дрожалъ еще неслыханной тоскою...

— Не запоздали-ль мы тутъ? ласково спросилъ Фадѣичъ послѣ минутнаго молчанія, воцарившагося между нихъ, — васъ не хватятся ли? васъ никто въ домѣ не ждетъ? Но позвольте мнѣ прежде просить у васъ одного, продолжалъ онъ вставая, такъ какъ Леля молчала, все еще понижувъ лицомъ, — чтобы этотъ разговоръ былъ не послѣднимъ между нами. Обдумавши все, что сегодня слышали и говорили, вы допустите еще одну встрѣчу между нами, если только... если только найдете, что я могу быть полезенъ вамъ.

Леля, не говоря ни слова, взяла его блѣднѣющую въ сумракѣ руку и вдругъ приложила къ ней свое холодное лицо... Фадѣичъ вздрогнулъ; можетъ быть, это озадачило его, можетъ быть, напомнило какой нибудь иной, умершій мигъ...

— Каждый вечеръ, каждый вечеръ, шептала Леля какъ-то жалобно нѣжно, — я до самой смерти буду здѣсь...

Фадѣичъ торопливо поклонился, нагнувъ шапку и, не оглядываясь больше, переступилъ порогъ; въ добромъ сердцѣ его дрожало смущенье, тихое довольство и, вмѣстѣ, какая-то глухая печаль. Образъ Лели преслѣдовалъ его, какъ образъ ребенка, хорошія способности котораго испортила дурная семья.

VII.

На другой день, по узкой, совершенно скрытой кустами и деревьями лѣстницѣ безъ перилъ, лѣзавшейся подъ стѣною покровскаго дома, взбирался молодой господинъ съ каштановыми въ локоняхъ волосами, съ тонко наложеннымъ фиксагуромъ на усахъ. Прямо передъ нимъ, на балконѣ, огибавшемъ уступъ стѣны, подъ полотнянымъ навѣсомъ, рисовался очеркъ бѣлаго женскаго платья и полуобернутый контуръ головы въ отброшенныхъ на плечи волосахъ.

— Не прогоните меня? умоляющимъ голосомъ произнесъ Франсуа, когда лицо его поднялось въ уровень съ пунсовымъ, сквозившимъ межъ кружевъ башмачкомъ.

Леля обернулась черезъ плечо.

— Это вы! сказала она довольно сухо, — сюда однакожь показываться не смѣйте; предоставляю вамъ улечься на ступеняхъ, какъ Фиделю.

— Я Фидель вашъ, дѣйствительно, согласился Франсуа, послушно усаживаясь на ступени, въ уровень съ башмачками Лели; — я, какъ вѣрная собака, сегодня цѣлый день разгуливаю мимо вашего балкона, ожидая, что моя повелительница удостоитъ, наконецъ, показаться мнѣ. Что это съ вами за перемѣна, Леля? со вчерашняго вечера никто изъ смертныхъ не видѣлъ вашего лица, а сегодня я встрѣчаю его такимъ блѣднымъ, серьезнымъ, старымъ, такимъ страшно непохожимъ на прежнюю Лелю?

Леля ничего не отвѣтила. Она, въ той же невнимательной къ нему позѣ, стояла, опершись обѣими руками на балюстраду и куда-то внизъ обративши лицо.

— Вы меня Богъ знаетъ какъ томите своей печалью и своей скрытностью, еще осмѣлился вызвать ее изъ задумчивости Франсуа.

— Ахъ, отстаньте вы! перебила Леля нетерпѣливо, — я запираюсь отъ людей — значить людей этихъ видѣть не хочу.

— Такъ уйдемъ, Леля, уйдемъ отъ нихъ! вдругъ заговорилъ

тихо и молебно молодой человекъ, откидывая голову на руку и вкрадчиво устремляя на нее свои томные, кокетливо мерцающіе глаза;—это давно уже стало идеей моей жизни; объ этомъ я и прошу васъ, и трепещу, наблюдая измѣненія въ вашемъ поведеніи и лицѣ. Рѣшитесь же, наконецъ, бросить настоящее и начать новую, лучезарную жизнь!

— Съ вами? только бросила ему Леля, но это одно слово разбивало своей интонаціей всю его увлекательную рѣчь.

Онъ, однакоже, скорѣе усмѣхнулся на такое замѣчаніе, чѣмъ оскорбился имъ.

— Когда-то сами эти пунсовые губки обѣщали мнѣ нѣчто подобное, произнесъ онъ складывая руки на карманахъ жилета и прислоняясь плечомъ къ стѣнѣ.

— Я не помню этого! опровергла она съ негодованіемъ,—или вы, можетъ быть, поймали это со словъ человека соннаго или сумасшедшаго? я, дѣйствительно, лишь въ припадкахъ безумія могла переносить васъ. Но теперь покопчено у меня съ сумасшествіями, значить покончено и съ вами навсегда.

— Леля! грустно остановилъ ее Франсуа,—не оскорбляйте такъ человека, который ничѣмъ не виноватъ передъ вами, который дѣйствительно преданъ вамъ и котораго... зачѣмъ скрывать? вы хоть немножко любили, по крайней мѣрѣ, въ то далекое время, когда обоимъ намъ было чуть ли не по шестнадцати лѣтъ... Старое! старое было лучшее время изъ нашихъ столкновеній съ вами; для меня всегда дорогъ и живъ чудный образъ милой, одаренной сердечно дѣвочки, которая повѣряла мнѣ откровенно всю душу свою... За эту душу, да, Леля, я васъ всегда за вашу душу любилъ.

— Мнѣ все равно, прошептала она устало.

— Вы сестра мнѣ, продолжалъ Франсуа, какъ будто не слыша ея холоднаго слова и становясь все серьезнѣе;—помните всегда, Леля, что прежде всего вы для меня сестра. Зачѣмъ эта ссора, вражда и разлука между нами? Вамъ надоѣли инныя отношенія—не будемъ же напоминать о нихъ другъ другу ни словомъ, ни взглядомъ; я слишкомъ гордъ для того, чтобы добиваться въ женщинѣ любви, когда она питаетъ ко мнѣ отвращеніе. Но вѣдь я не отворачи-

теленъ для васъ, какъ другъ, какъ братъ, не правда ли, Леля?.. А я думаю, что, выкинувъ изъ памяти нѣсколько минутъ забвенія, мы можемъ оставаться съ вами родными по душѣ; дайте мнѣ руку, Леля. Скажите, мы остаемся друзьями?

Леля, слушавшая его въ полуоборотъ, подъ конецъ этой длинной и будто взволнованной рѣчи, повернула къ нему свое серьезное личико и нѣсколько мгновений слѣдила за выраженіемъ его голубыхъ, подернутыхъ истомой глазъ, за игрой его деликатныхъ губъ; въ наружности Франсуа выражались почтительность, глубокое, подавляющее чувство и тихая грусть. Лелѣ стало жалко этого отвергаемаго ею добраго сердца, и она какъ будто упрекнула себя.

Но рука ея, инстинктивно положенная въ протянутую руку Франсуа, не отвѣчала на его пожатіе и такую же холодной вернулась назадъ.

— Не думаю, чтобъ въ дружбѣ съ вами я научилась чему нибудь хорошему; но въ этомъ виноваты не вы, сказала она, скорѣй разсуждая сама съ собою, чѣмъ отвѣчая ему;—вы человѣчекъ медкій, а все-таки лучший въ своемъ обществѣ.

Узенькая складочка подъ шелковымъ усикомъ Франсуа лукаво содрогнулась.

— Благодарю васъ и за это слово, отвѣтилъ онъ покорно, безъ капли обидчивости,—надо сознаться, что отъ васъ рѣдкость услышать чему бы то ни было даже подобную похвалу. Мнѣ, впрочемъ, больше ничего и не надо; если я лучший — слѣдовательно болѣе близкій, слѣдовательно прежде всѣхъ вашъ другъ.

Леля сомнительно посмотрѣла на него; но ничего въ опроверженіе не сказала.

— Если вамъ понадобится помощь, совѣтъ... вы, какъ прежде, будете обращаться ко мнѣ? вѣрачиво продолжалъ Франсуа, уже стоя у балюстрады съ нею.

— Когда я у васъ просила помощи или совѣта? вдругъ вспыхнула Леля, — что вы берете на себя!

— Однакожъ... началъ Франсуа.

— Однакожъ, самообольщенія у васъ больше, чѣмъ ума! пере-

была все также негодуя Леля, — тогда я у васъ просила помощи, вѣроятно, когда, издѣваясь надъ вами всѣми, я строила глупыя положенія, обманы и насмѣшки надъ мужемъ или надъ обществомъ? Да, для этого надо было трудной помощи и умнаго совѣта! Если еще захочется мнѣ подобныхъ развлеченій, я, конечно, обращусь прежде всего къ вамъ... Я говорю вамъ, убирайтесь отъ меня! я не могу слышать васъ сегодня! сидя кончила она, отчаянно закрываясь отъ него руками, — оставьте меня, я больна сегодня, оставьте меня!

— Леля! началъ Франсуа, обманутый этимъ внезапнымъ переходомъ къ горю, наклоняясь къ ней и хватая ее руку.

— Если вы меня когда нибудь тронете, я вамъ дамъ пощечину! вскричала гнѣвно Леля, вдругъ отталкивая его руку и въ ту же минуту исчезла за дверьми.

— Странно! произнесъ самъ съ собою Франсуа, оставшись озадаченнымъ передъ этими закрытыми дверьми, — я такую еще не помню ее; бодается на смерть. Я бы заподозрилъ у нея новаго любовника, если бы было кого заподозрить; а отчего же бы впрочемъ ее не соблазнили толстыя икры Пьерочки, или щетина гайдюка Федюшки? — Натурка не дѣвственная. Во всякомъ случаѣ, я не я, если не открою, хотя бы по самымъ пустѣйшимъ слѣдамъ, что за причины вліяютъ на нее такимъ необычнымъ образомъ? Шутка ли — моя Леля — пустынноца! моя Леля — недотрога!

Онъ попробовалъ заглянуть черезъ стекло дверей, увидѣлъ уголь золоченаго стола, малиновые обои, карнизъ которыхъ закрывалъ занавѣсъ, спущенный на стекло. Больше ничего не удалось замѣтить или услышать. Онъ сталъ спускаться по лѣстницѣ, осторожно придерживаясь за стѣну.

— Что это у нея столько репейнику на подолѣ, уже другой день? пришло ему на память, между прочимъ, пока онъ спускался, такимъ образомъ, съ ступени на ступень.

Обою этого времени выбирался изъ чащи широкаго покровскаго лѣса Фадѣичъ; мѣста были дикіе, заросшіе, посѣщаемые развѣ бабами, докапывающимися земляники у самого лѣснаго въ закромахъ. Фадѣичъ казался веселѣе обыкновеннаго, солнечные круги,

иногда вдругъ ударяя, между листвою, прямо на него, освѣщали почти довольное выраженіе на его блѣдномъ лицѣ. Изъ кармана у него торчалъ уголокъ старой книжки съ истрепанными листами и на этой книжкѣ покоилась его заложенная въ карманъ рука. Онъ шель задумчиво, тихо переступалъ выдавшіеся коронья и пеньки, и иногда останавливался, устремляя глаза на какое нибудь колыханье зеленой вѣтки въ солнечномъ разливѣ и забывался на немъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до опушки, за которой только широкая луговина отдѣляла отъ лѣса покровскій садъ.

Передъ нимъ раскрылся во всемъ своемъ великолѣпіи этотъ барскій садъ, поднимавшійся тѣнистыми аллеями въ гору и, уже на самой синевѣ небесъ, въ богатомъ сочетаніи красокъ и линий, окружавшій куполь и террасы покровскаго дворца. Золотой крестъ горѣлъ надъ главою домашней церкви, на куполѣ дома развѣвался флагъ. Фадѣичъ долго смотрѣлъ на эти двѣ самыя высшія точки земныхъ построекъ, поднимавшихся къ небесамъ. Потомъ онъ досталъ старую книжку изъ кармана, посмотрѣлъ на нее не раскрывая и опять положилъ назадъ; что-то свѣтлое, тихое и задумчивое видѣлось на его лицѣ.

Подъ вліяніемъ Богъ знаетъ какихъ размышленій, онъ простоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, въ виду этого роскошнаго пейзажа; глаза его покоились на рощицахъ и массахъ кустарника, окружавшихъ высокую ограду сада. Наконецъ онъ двинулся черезъ луговину и, въ томъ же тихомъ раздумьи, достигъ до первыхъ терновыхъ кустовъ роши. Дорога знакомая, глухая, заросшая бурьяномъ стезя. Онъ шель, опутивъ глаза въ землю, отдаваясь нѣгѣ вечерѣющихъ, пустынныхъ луговъ; гдѣ-то за кустами кричалъ, перелетая, жаворонокъ; цвѣтокъ ромашки поднималъ бѣлую головку подъ ногой. Каждый цвѣтокъ этотъ и звукъ щебечущей птицы развивалъ все дальше память о его прожитой здѣсь любви. Одна женщина — и теперь другая. И зачѣмъ непременно здѣсь? зачѣмъ непременно въ тотъ вечерній часъ? Вотъ старыя стѣны осыпающихся развалинъ выглянули изъ-за кустовъ, и на порогѣ рисовалась женская фигура, и бѣлое платье тихо волновалось въ розовыхъ заходящихъ лучахъ... Сердце его дрогнуло; обманъ былъ

слишкомъ полонъ для чувствъ. Онъ остановился и нѣсколько минутъ наслаждался этимъ призракомъ умершаго чувства, вдругъ забывшагося въ его груди.

— Здравствуйте! чего вы стали! вдругъ обозвали его.

Это былъ голосъ звучный, страстный, мигомъ разсѣявшій блѣдныя тѣни его весенней любви. Это былъ призывъ утопающаго, а не поэтическая любовная пѣснь.

— Чего вы медлите! вы же сами напросились на эту встрѣчу! заговорила Леля, когда онъ приблизился и остановилъ на ея болѣзненнои личикѣ свои глаза;—слушайте меня скорѣе, я не могу переносить, чтобы вы обманывались на мой счетъ.

Она задыхалась отъ волненія и, едва дыша, упала на дерновыи уступъ возлѣ стѣны. Фадѣичу видно было, какъ дрожали жилки на ея вискахъ и какъ билось сердце въ ея груди.

— Родная вы моя, успокойтесь немного, ласково произнесъ онъ.

— Что мнѣ за дѣло до успокоенія? вдругъ перебила Леля, опять подымая голову и устремляя на него настойчиво глаза,—скажите мнѣ, я не обманываюсь въ васъ? не правда ли? если только вы въ самомъ дѣлѣ такой, какимъ рисовались передо мною вчера, вы не бросите въ меня камень прежде, чѣмъ узнаете всѣ обстоятельства, доведшія меня до этого положенія?

— Какого положенія? спросилъ Фадѣичъ, сядя въ возлѣ нея.

— До сумасшествія! отчаянно воскликнула Леля,—развѣ вы не считаете меня сумасшедшей? развѣ человекъ въ здоровомъ умѣ обращался бы съ кѣмънибудь такъ, какъ я обращаюсь съ вами съ первой минуты? развѣ не одному сумасшедшему возможно такъ исковеркать свою жизнь, какъ я исковеркала свою! Знаете ли вы хоть немного мою жизнь? слышали вы чтонибудь обо мнѣ?

— Я слухи вообще не беру на вѣру, отвѣчала уклончиво Фадѣичъ.

— И однакоже они вамъ, можетъ быть, не указали и третьей доли той грязи, которою я сама забросала свою дорогу... Нѣтъ! не принимайте меня за кающуюся Магдалину! продолжала она почти торжественно, и прямо подымая передъ нимъ свой смертельно поблѣднѣвшій лобъ,—я и теперь не хочу ничего передѣлать въ

своемъ прошломъ поведеніи! дурно ли, хорошо ли, но при повтореніи тѣхъ обстоятельствъ, я опять готова поступить точно также!

— Вы не каетесь, потому что не любите, возразилъ Фадѣичъ.

— Я васъ люблю! сорвалось у нея съ губъ.

Она смотрѣла при этомъ въ его добрые, вникающіе въ нее глаза и вдругъ, дрожа, склонилась лицомъ на свои руки.

— Милый, добрый, заговорила она почти что плача, — что же это въ васъ такое, чего я ни въ комъ не встрѣчала до сихъ поръ? Отчего съ перваго звука вашего голоса я покорилась вамъ, какъ не покорялась никому изъ людей? Знаете ли, что я плакала, какъ безумная, отъ счастья и сладости, когда ушла отъ васъ, тогда, послѣ первой встрѣчи и вечера, когда вы оставили меня одну въ этой рошѣ и у меня безъ конца звучалъ въ воображеніи вашъ любящій голосъ, ваши любящія слова?

— Да, я другъ вашъ, сказалъ Фадѣичъ, взволнованный ея отраднымъ и вмѣстѣ скорбнымъ плачемъ, — сколько бы ни было заблужденій въ вашемъ прошломъ. Плачьте на моемъ сердцѣ, это очищающій и дорогой мнѣ плачь.

Онъ тихо приблизилъ ея плачущую голову на свое плечо, самъ блѣдный, кроткій и спокойный. И такъ опять онъ сидѣлъ подъ этими старыми, глухо разросшимися дѣревьями, — свидѣтелями его первыхъ волненій, въ солнечный лѣтній закатъ, — съ женщиной на своей груди.

— Я не стою того, чтобы плакать у вашихъ ногъ! продолжала Леля, рыдая отъ его волненья, — или вы все, все любите, какъ училъ Христосъ? Научите меня, я такихъ чувствъ не знаю, — я ненавидѣла все; и только ненавидѣла до сихъ поръ.

— Леля, наука этому — сравненье, сказалъ Фадѣичъ и строго, и нѣжно, но не поворачивая къ ней лица, — сравните только съ каждымъ себя, поставьте себя въ его положеніе — и вы увидите, что каждый жалокъ, каждому недостаетъ многого, у каждаго такъ или иначе погублена жизнь.

Чудный былъ голосъ у этого человѣка; за самую душу хваталъ его мягкій звукъ.

— И если только у васъ есть сердце, продолжалъ онъ этимъ

глухимъ отзвукомъ волненія, — если только у васъ есть сердце, Леля, вы бы захотѣли каждому облегчить и поправить жизнь, и видя не свое одно горе, а столько непроходимыхъ, общихъ болѣзней и несчастій, вы бы раздѣлили сердце равно между міромъ и собой.

— Я не имѣю такого великаго сердца! вскричала Леля, — не сравнивайте меня съ собой!

— Великаго сердца! повторилъ онъ,

— Да! я не заблуждалась сама и не хочу вашего заблужденія на мой счетъ!

Она упала на дерновомъ уступѣ, лицомъ къ землѣ, и горько, необъяснимо, безостановочно плакала на взрыдъ.

— Женщина, на тебѣ лежитъ печать возрожденія! произнесъ Фадѣичъ торжественно и тихо, опуская руки на этотъ рыдающій лобъ; — ни одинъ вопросъ, ни одна борьба не завязывалась въ челоуѣчествѣ даромъ, не даромъ она и для тебя пройдетъ.

— Милый! милый! заговорила Леля вдругъ поднимаясь и прижимая къ лицу своему его руки, — я не знаю, кто вы, и куда вы зовете меня; но я отдаюся на ваше слово!

Онъ мягко и грустно смотрѣлъ на нее.

— Научите меня, утвердите меня, продолжала она шептать несвязно, — только сегодня, въ эту минуту и возлѣ васъ, я первый разъ въ жизни чувствую у себя счастье въ душѣ.

— Голубка моя, остановилъ онъ ее кротко и печально, — у васъ громадная сила впечатлительности. Помните, что челоуѣкъ ничему не долженъ сдаваться по одному первому порыву; обдумайте жизнь, къ которой вы порывались сегодня вмѣстѣ со мною, и изслѣдуйте себя.

— Любовь не думаетъ, возразила Леля.

— Помните, что любовь не праздникъ земныхъ властителей, продолжалъ Фадѣичъ, — любовь — это тяжелый крестъ.

— Я умру на этомъ крестѣ, окончила она.

Онъ закрылъ лицо въ своихъ обѣихъ рукахъ и долго, долго сидѣлъ не подымая его.

— Что это за книга у васъ? спросила вдругъ Леля, замѣтивъ у него выдающійся изъ кармана книжный переплетъ, — покажите мнѣ, какія книги вы носите съ собой?

Такъ какъ онъ молчалъ, она взяла у него книгу изъ кармана и на колѣняхъ развернула ее. Въ первый разъ еще, послѣ многихъ лѣтъ роскоши и капризовъ, ея пальцы прикасались къ такой жалкой и до грязи затертой вещи; но она не замѣчала этого теперь.

— Это книга незавидная, сказалъ Фадѣичъ, — вы не разберете ея заглавія, теперь слишкомъ темно. Я ее взялъ у здѣшняго дьячка для ребенка, который умираетъ за книгами, и которому нечего читать. Скажите, у васъ есть дѣти?

— Есть, сказала она чуть вздрогнувъ.

— Вы очень любите ихъ?

— У меня есть сынъ, котораго я сама не кормила, отвѣчала она не глядя на него, — у котораго десять нянекъ и гувернантокъ, и котораго я сама ничему не учу. Чему хорошему я бы могла его научить до сихъ поръ? Я ненавиждѣла его отца и ненавиждѣла жизнь.

— Леля, выслушайте меня! началъ онъ строго, взявъ ее за руку, — не жду и не думаю, чтобы въ одинъ мигъ подобнаго волненія въ васъ измѣнилось все ваше прошлое. Но въ васъ столько чувства и нравственной силы; скажите же мнѣ: ненавида преслѣдователей, вѣдь вы любите и всегда любили дѣтей, — бѣдныхъ, слабыхъ, чистыхъ дѣтей?

— Я была равнодушна къ нимъ, отвѣчала она... — Но вѣдь я не думала ни о чемъ до сихъ поръ! вскричала она, чувствуя, что его руки ослабѣваютъ въ пожатіи ея рукъ и боясь, что онъ ее оставитъ, — звѣсьте это и не покидайте меня! я была одна! я была замучена въ столкновеніяхъ съ людьми! Развѣ я не готова теперь все любить, все прощать, что любите и прощаете вы?

— Такъ вспомните же, что любовь безъ дѣлъ мертва есть! началъ тогда Фадѣичъ, — такъ начните же ваше первое дѣло любви и честности съ ребенка, который вполне достоинъ того! Васъ интересовала эта старая книжка? — она была жизнью и сердцемъ гениальнаго мальчика, обреченнаго крѣпостнымъ состояніемъ на жизнь рабочаго скота. Спасите вы хоть этого мальчика.

— Сердце мое въ томъ дѣлѣ, котораго желаете вы, горячо отвѣтила Леля.

Фадѣичъ поникъ на это слово головой.

— Чего же вы молчите? продолжала она пламенно,—гдѣ этотъ ребенокъ? Онъ крѣпостной, говорите вы?—я его выкуплю. Онъ хочетъ учиться? — я найду способъ образовать его.

— Что бы ни руководило вами, началъ тогда Фадѣичъ, вдругъ выходя изъ своей задумчивости,—сдѣлайте хорошее дѣло,—оно въ вашихъ рукахъ. Мальчикъ этотъ—вашъ крѣпостной; онъ былъ назначенъ въ лакейскую вашу и отъ лакейства убѣжалъ.

— Это дѣло рукъ моихъ, прошептала Леля блѣднѣя,—его зовутъ Митька, не такъ ли?

Фадѣичъ подтвердилъ.

— Это незаконный сынъ моего мужа, продолжала Леля озадаченно,—но я никогда не видала его. Мнѣ недавно открыли эту исторію... и на зло мужу я захотѣла этого мальчишка сдѣлать лакеемъ. Но вотъ вамъ рука моя—вѣсто лакея онъ будетъ мнѣ сынъ!

Фадѣичъ поцѣловалъ блѣдную руку, которая такъ довѣрчиво и преданно легла на его рукѣ.

— Милый, во имя твое, шептала Леля,—эти руки отдаются отнынѣ на одну честность и любовь...

Фадѣичъ не оставлялъ ея руки и вникалъ въ этотъ скорбный и улыбающійся ликъ.

А кругомъ уже давно сбѣжали послѣдніе отсвѣты дня; блѣдная луна посеребрила дремлющіе кусты, очертанія темныхъ стѣнъ и уступовъ, и бѣлое платье Лели; въ рощѣ, за дремлющей чашей, съ ея ароматомъ и тишиной, слабо пробовалъ трели залетный соловей... онъ пѣлъ любовь, и все дышало любовью, и нѣгой, и томленьемъ въ этотъ таинственный часъ.

VIII.

Свиданія Лели и Фадѣича стали ежедневны съ этого дня; между ними установились полныя отношенія учителя и ученицы,—брата и сестры. Леля, казалось, утихла уже въ своихъ первыхъ вол-

веньяхъ и приходила теперь лишь для того, чтобъ положить свою усталую голову на плечо любящаго друга, или просто на травѣ возлѣ него отдыхать отъ своихъ бурныхъ дней въ сознаниі его примиряющаго присутствія. Пока она лежала такъ, отрѣшась отъ дѣйствительности, покинутой за оградой своего чертога, Фадѣичъ, въ ласковыхъ разсказахъ, знакомилъ ее съ разными ученіями о строѣ общества, о положеніи женщины и пролетарія, о правахъ человѣка. День за днемъ въ головѣ Лели устанавливалъ онъ почти ясный взглядъ на истинныя цѣли и потребности человѣка, и учитель и ученица все больше привязывались другъ къ другу.

Но прежніе, пламенные, себялюбивые взрывы, однакоже, не умирились въ ней. Одинъ вечеръ, въ особенности, когда, подъ впечатлѣніемъ Бога знаетъ какъ проведеннаго дня, она вздумала повторить передъ нимъ нѣкоторыя злыя минуты своей жизни, въ раздраженіи ея вдругъ прервалось давно затихшее отчаяніе, и она, упавъ лицомъ на дерновомъ склонѣ, гдѣ они сидѣли, разомъ вылилась въ мучительныхъ крикахъ.

— Я несчастна, вы видите это или нѣтъ? рыдала она кусая руки, — а вы думали, что примирили меня? Нѣтъ, вы знайте, что натура у меня такая кипучая, такая жаждущая воли и такая живучая, что для меня примиреніе и успокоеніе возможны только въ гробу. Узнайте же, что и здѣсь, и тамъ я одинаково, кроваво страдаю! Поймите же, что нѣтъ большаго въ жизни страданія, какъ страстному, гордому, уважающему себя существу, видѣть себя подъ насильной властью непонимающаго его и неуважаемаго имъ человѣка. Я пришла къ вамъ сегодня наконецъ, чтобъ излить все мое накипѣвшее горе передъ вами, жизнь меня до того мучила и оскорбляла, что я ненавижу ее; но я люблю васъ потому, мнѣ кажется, что вы измучены жизнью, какъ и я, и какъ я, непреклонны передъ нею. Вы конечно сильнѣе меня, дайте же мнѣ руку и спасите меня вмѣстѣ съ собой. Дайте мнѣ плакать у вашихъ ногъ, если нѣтъ мѣста мнѣ на вашей груди... Спасите меня, я спасусь съ вами!

Блѣдная, прекрасная женщина въ терновомъ вѣнцѣ своей женской жизни, рыдала почти у ногъ его, ломая руки съ страстными

словами свободы и возстанія за нее; человѣкъ, испытавшій пораженіе въ подобныхъ битвахъ, не могъ смотрѣть на нее равнодушно.

— Что вы называете быть непреклоннымъ передъ жизнью, Леля?

— Ни передъ какимъ ударомъ не склонить головы! отвѣтила она звучно и твердо, вдругъ поднимая свой блѣдный лобъ и сверкнувъ еще мокрыми отъ страстныхъ слезъ глазами,—пусть цѣпи изувѣчатъ эти руки! пусть терны насъвозомъ проколютъ тѣло до костей! я не преклонюсь передъ силой неправой! я до послѣдняго издыханія буду бороться за себя!

— Леля, Леля, неужели въ вашемъ мужѣ нѣтъ ничего чело-вѣческаго.

— Быть можетъ, есть, кто знаетъ? Но я этого знать не хочу! отвѣчала она еще не поднявшись съ колѣна, но почти съ надмѣнно-заклннутой головой,—не могла бы я не симпатизировать тому, что есть въ немъ истинно-хорошаго, еслибъ не была на столько помрачена этими проклятыми отношеніями съ нимъ. О, я много виновата передъ нимъ! я не спорю. Но я не могу забыть, что это мой палачъ! и я на все имѣла право, какъ всякое животное, которое добиваются, имѣть право въ изступленіи до смерти кусать!

— Потерянное, потерянное существо! шептала онъ задумчиво и печально, глядя на нее своими серьезными глазами.

И Леля, какъ въ помѣшательствѣ, обрывала складки платья и рвала кисейные рукава.

— Леля, Леля, что такое свобода? Даже въ томъ скудномъ, нищенскомъ ограниченіи, въ какомъ вы ее требуете и стремитесь завоевать себѣ,—свобода—мечта. Скажите самостоятельность, Леля; я всю мою жизнь былъ самостоятеленъ и не былъ свободенъ никогда.

— Но я буду свободна! Но я хочу свободы и добьюсь до нея! вскричала она пылко и поднимаясь передъ нимъ!—Я не понимаю вашей самостоятельности! она самообманъ! она тоже самое рабство, только нагота его прикрыта маскарадомъ. Нѣтъ! я хочу свободы...

какъ птица въ небѣ! докончила она гордо, — какъ птица въ небѣ, которая не знаетъ ни контроля, ни закона надъ собой!

— Дѣтство, Леля...

— Не дѣтство, а можетъ быть, опьяненіе! перебила она.

И передъ этимъ страстнымъ бѣснованьемъ слезъ и плача, чело-
вѣкъ, отказавшійся отъ заботы о себѣ для заботы о другихъ, за-
молкъ и склонился головой. Онъ боялся, что уже не было воз-
можности никакими доводами, никакими аксіомами поколебать страст-
ную идею Лели; она соглашалась со всѣмъ, что проповѣдывалъ онъ,
признавала настоящую необходимость примиренія, страстно стреми-
лась на путь самозабвенія во имя человѣчества — и черезъ минуту
вскрикивала: „Но ига надъ собой я не могу перенести!“ И слушая
ее, онъ боялся сознаться себѣ, что идея свободы стала упоми-
нательствомъ Лели, силою непрерывныхъ раздраженій и мучитель-
ныхъ, вѣчныхъ потрясеній, вошедшимъ въ ея плоть и кровь...

— Какъ! добровольно умереть! продолжала бунтоваться Леля,
чувствуя въ себѣ еще столько силы, столько жажды свободы, —
дать себя стереть и не выиграть борьбы!.. Не учите меня покор-
ности, вы, неупавшій въ битвѣ со зломъ и, однакожь, сдавшійся
живымъ!! Я хочу двойнаго освобожденія! я упаду физически передъ
силою только мертвая, а живая — никогда!

— Но это безразсудство, Леля, остановилъ онъ ее печально, —
вы ребенокъ или Донъ-Кихоть?

— Я не знаю, что я такое, но я не перенесу несчастія отдаться
ненавистному челоуѣку, о, я скорѣе утоплюсь!

Она до того поблѣднѣла, что у него не стало силы ей воз-
разить. Онъ спряталъ въ рукахъ свое отуманенное, печальное лицо.

— Милый, милый! звала его Леля своими нѣжными словами.
Онъ обернулся, чувствуя, что она склонилась къ его плечу; мер-
цающіе глаза ея, вспыхнувшія щеки были возлѣ самыхъ его
щекъ.

— Подними эти сложенные руки, умоляла Леля, страстно при-
жимая его руки къ своей груди, — соедини ихъ съ моими — и осво-
боди меня. Гдѣ твой уголь, твой черствый хлѣбъ? — Ты мнѣ дашь
его покуда, и пусть кто нибудь посмѣетъ оттащить меня отъ тво-

его порога и отъ твоего сердца, — тогда, и только тогда я буду жить твоею жизнью, твоими цѣлями, — міромъ, а не собой?

Когда она лежала такъ, почти на его груди, плачущая и пламенѣющая, съ волосами совсѣмъ раскинутыми по плечамъ, изъ-за ивовыхъ навѣсовъ выглянуло бѣлое лицо съ нѣжно-проведенными усами, обозначилась изящная фигура въ лѣтнемъ палевомъ сюртучкѣ, и молодой баринъ, не глядя на группу на склонѣ, но тонко усмѣхаясь, прошелъ по тропинкѣ мимо Лели и Фадѣича и беззаботно скрылся въ чащѣ деревь.

— Франсуа! шепнула Леля, закусывая губу, — это Франсуа!

— Кто бы то ни было, Леля, мы развѣ смущаемся отъ встрѣчи людской? спросилъ Фадѣичъ ласково и спокойно, сжимая съ нѣжностью оставшуюся въ его рукѣ руку Лели, — кого мы боимся? И что намъ скрывать?

Вмѣсто отвѣта она опять легла головою на его плечи и своими томными глазами теперь, казалось, вызывала весь міръ явиться на бой.

— Ничего я не боюсь съ вами, ничего! сказала она съ глухимъ волненіемъ, — пусть смерть идетъ, — я желаю умереть на вашей груди.

Онъ обернулся и тихо поцѣловалъ ея блѣдный лобъ; но разговоръ не вязался больше между ними; Леля утихла въ мечтаньи, Фадѣичъ былъ унылъ...

IX.

На другой день, часа въ четыре послѣ обѣда, Фадѣичъ чинилъ у своего хозяина рыболовныя сѣти на дворѣ, когда, у воротъ, остановилась плетеная, на тонкихъ рессорахъ бричка, всему покровскому міру громоносный и паче иконъ своихъ извѣстный экипажъ. На скамейкѣ брички, въ парусинномъ сюртукѣ, въ круглой соломенной шляпѣ и съ дубовой палочкой въ желѣзномъ набалдашникѣ,

сидѣла плотная, розовая фигура главноуправляющаго покровскихъ земель.

— Управляющій кличетъ! испуганно передала ему хозяйка, полоскавшая бѣлье въ корытѣ, — самого тебя, Фадѣичъ! какая бѣда?

Фадѣичъ оставилъ сѣти подъ навѣсомъ и пошелъ къ воротамъ. Не доходя до брочки, онъ поклонился, какъ кланяется всякій, кто сознаетъ свое скромное значеніе въ мірѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте, почтенный, отвѣтили одобрительно управляющій на этотъ скромный поклонъ, — извините, если потревожилъ; слухи, видите ли, идутъ ко мнѣ, что зажился человекъ на селѣ, а какой человекъ, не знаю какъ звать?

— Клементій Фадѣевъ, отвѣтилъ Фадѣичъ, — покойнаго дьякона здѣшней воздвиженской церкви сынъ.

— Такъ изъ духовныхъ, произнесъ управляющій, обдуманно поглаживая отвислый на розовый галстухъ подбородокъ, — чѣмъ же это вы, батюшка, занимались и для чего сюда опять прибрели? — Вы извините за вопросы... по должности.

— Отчего же и не рассказать? отвѣчалъ Фадѣичъ готовно, — въ жизнь свою я многими дѣлами занимался, а большею частію учительство было моимъ хлѣбомъ. Могу представить семинарскій аттестатъ. Имѣя свободное время, посѣтилъ родину, а потому самому и загостился тутъ.

— Дѣло, батюшка; старики отповѣстили мнѣ, что были вы кажется школьнымъ учителемъ и въ нашемъ тоже селѣ, да кончили не порядкомъ? Я не то, конечно; это дѣло старое и учителя смѣнить можно и безъ причины.

— Была моя вина или нѣтъ, дѣло прошлое; я теперь никого не учу.

— Справедливо, почтеннѣйшій; но вы не обижайтесь. Вы поймите мое положеніе, все на мнѣ. Вотъ въ селѣ Крюковѣ изловили мошенника тотъ мѣсяцъ; подите, солдатинка отставной, а народъ мутить. Вотъ и у насъ молодецъ въ этомъ мѣсяцѣ пропагъ, сами понимаете, что глазъ мой долженъ во все вникать. — Такъ, мой батюшка, такъ, продолжалъ управляющій своимъ

мягкимъ голосомъ, не дождавшись отъ Фадѣича ни слова, — я вотъ, глядя на вашу скромную наружность, подозреваю въ васъ напротивъ благомыслящаго человѣка и желалъ бы съ вами еще поговорить. Вы ко мнѣ приходите завтра утромъ въ контору. Мы ознакомимся съ вами пообстоятельнѣй, а пожалуй и поладимъ кое на чемъ.

Управляющій приложилъ два жирные пальца къ своей соломенной шляпѣ, пріятно улыбнулся вслѣдъ за своими благосклонными словами, и плетеная бричка покатила въпередъ по улицѣ, граціозно покачиваясь на лежачихъ рессорахъ. Фадѣичъ нѣсколько минутъ простоялъ въ загадочномъ раздумьи у воротъ.

Управляющій между тѣмъ прыскалъ на бричкѣ отъ смѣха и закрывался носовымъ платкомъ.

— Ну ужъ удружила! Семирамида такая! вязалось у него между смѣха въ головѣ, — кучеръ Пантющка, ей Богу, завиднѣе. А будешь же ты теперь, моя голубушка, какъ овечка, тиха въ нашихъ рукахъ!

Съ заходомъ солнца Фадѣичъ отправился черезъ дугъ въ глухую рошу у разрушеннаго павильона, подъ оградомъ господскаго сада. На душѣ у него было не совсѣмъ легко; онъ соображалъ, что визитъ управляющаго могъ имѣть связь съ вчерашнимъ появленіемъ молодого щеголя во время его свиданья съ Лелей, и его приводило почти въ уныніе предположеніе о томъ, сколько нечистотъ и огорченій онъ могъ накликать невольно на бѣдную женщину, и безъ того уже совсѣмъ забрызганную грязью. Свиданіе это легко могло быть послѣднимъ между ними, онъ это съ грустью сознавалъ; онъ не могъ не чувствовать, что уже привязался къ Лелѣ, что ея страстная головка, ея преданныя слова, и это обаятельное смѣшеніе старыхъ призраковъ и воспоминаній съ ея живыми ласками и рѣчами, въ розовой тѣни заката и зеленомъ шелестѣ пустынной роши, — что вся эта нежданная и непрошенная поэзія молодыхъ лѣтъ и теперь, въ этомъ суровомъ настоящемъ, еще манила его, какъ отдохновеніе, еще была лучшими часами его жизни. Онъ довѣрчиво несъ на свиданіе съ молодой ученицей свою первую сѣдину, свои первыя, добытыя въ битвахъ съ жизнью морщины и свою вѣчно ясную,

вѣчно преданную всякому хорошему явленію въ человѣчествѣ души, онъ давно отрѣшился отъ всякихъ притязаній на молодость и, въ самой свободѣ ласкъ и изліяній Лели; видѣлъ себя еще больше старикомъ.

Въ рошѣ, на ступеняхъ павильона, никто не встрѣтилъ его. На каменной скамьѣ, подъ извѣстной старой надписью, лежалъ букетъ только что сорванныхъ садовыхъ цвѣтовъ; быть можетъ, это было знакомъ, что Леля не можетъ придти сегодня и съ тѣмъ вмѣстѣ знакомъ ея вѣчнаго помысла о другѣ. Фадѣичъ нѣжно взялъ въ руки букетъ. Цвѣты, бездомныя собаченки, маленькія дѣти и женскія слезы,—кого волнуетъ вашъ видъ, тотъ еще не устарѣвшій человѣкъ.

Не просидѣвъ нѣсколько минутъ на этомъ старомъ потемнѣвшемъ камнѣ, съ букетомъ возлѣ себя, Фадѣичъ предался невеселымъ мыслямъ о Лелѣ; чѣмъ больше раздумывалъ онъ о результатѣ ихъ свиданій и разговоровъ, тѣмъ менѣе видѣлъ утѣшительнаго изъ нихъ вывода и для Лели и для себя. Можетъ быть, натура у нея была слишкомъ сильная и самобытная, чтобы покориться чужому влиянію,—хоть бы и влиянію лучшихъ человѣческихъ идей; но пожертвовать своими правами, отрѣшиться отъ личной свободы, даже и во имя міра, она въ дѣйствительности не рѣшалась до сихъ поръ. Онъ тяжело раздумывалъ о томъ, что могъ еще сдѣлать для Лели и изъ нея.

Отношенія несчастныхъ супруговъ стали уже совсѣмъ ясны для него. Онъ опредѣлилъ, что между ними была врожденная нерасположенность, то есть полное несходство организмовъ; врожденная нерасположенность, которая необходимо переходитъ въ совершенную ненависть, которая, въ концѣ концовъ, довела одну сторону до умопомраченія. Забывалась справедливость подъ влияніемъ этой вражды и, даже въ добрыя минуты Степана Сергѣевича, Леля ему уже никогда не вѣрила. Страсти впечатлительной женщины были глубоко распалены подъ влияніемъ сильнаго возбужденія; съ обѣихъ сторонъ уже дѣло не разъ подходило къ насиліямъ, къ мести. Леля была страшно раздражена.

Фадѣичъ вспоминалъ этотъ блѣдный лобикъ съ такимъ множествомъ

тоненькихъ бьющихся жилокъ на вискахъ, эти замученные по своему выраженію глаза... все это слабое, хрупкое тѣло съ разстроенными до послѣдней степени нервами и впечатлительностью, въ которомъ жизнь, будто въ агоніи, кипѣла, держась на волоскѣ. Онъ утонулъ въ своей тоскливой задумчивости и не замѣтилъ, какъ совсѣмъ темнѣло, какъ вечернія тѣни все больше и больше сгущались кругомъ него въ глубокой, таинственный мракъ. Луна еще не выплывала изъ-за синѣющаго кустарника, соловей молчалъ... ясно и мѣрно раздались со стороны сада приближающіеся шаги двухъ человѣкъ; Фадѣичъ поднялся тихонько съ своего камня, не забывая Лелинъ бубетъ и, скользя на ступеней, уползъ на траву, за стѣною павильона, подъ навѣсъ упавшихъ до земли ивовыхъ вѣтвей.

— Еслибъ я зналъ, что попаду на такую сцену, я бы ни за что не пошелъ въ эту сторону! сказала за кустами деликатный и нѣсколько игривый мужской голосъ.

— Это все равно для меня, останоило его рѣзкое замѣчаніе, и длинная, широкія складки женскаго платья зашелестили между густо сплетшимися кустами; шаги остановились на порогѣ павильона.

— Вотъ онъ, мой храмъ, если хотите знать, продолжалъ звучный голосъ Лели какъ-то задумчиво и нѣжно, — и нѣтъ у меня другого храма по всей землѣ; и человѣкъ этотъ, пожалуй, мое божество, а желанія его и мнѣнія — моя религія. Для всѣхъ окружающихъ меня до сихъ поръ я не хотѣла шевельнуть пальцемъ, — для него я жизнь на пытку отдамъ. Все, все, что есть сердечнаго у человѣка, семья, отечество, обязанности, — все для меня заключается въ немъ одномъ.

— Леля, Леля! и вы скажете, что не любите его страстной любовью? останоилъ ее Франсуа нѣсколько горько, — послѣ такихъ признаній, вы думаете, что я обманусь въ состояніи вашихъ чувствъ, какъ дѣтски обманываетесь вы сами до сихъ поръ?

Одну минуту стояло молчаніе въ этой глухой темнотѣ.

— Вы правы, я люблю его! раздался почти рыданіемъ нѣжный до трепета отвѣтъ.

— Да, вы любите его! вы наконецъ сознаетесь въ этомъ! но думаете ли вы, что и онъ этого не сознаетъ? Берегитесь, Леля,

это человѣкъ бывалый, я уже имѣю о немъ кое-какія свѣденія. Вы довѣрчивы, какъ младенецъ, а кто знаетъ, какіе замыслы у него въ головѣ?

— Не сибѣйте говорить о немъ ничего дурнаго, если хотите, чтобы я сносила васъ! остановила его Леля пылко, — вы не стоите одного волоска съ его головы. Боже, Боже, какая полнота и какіе чары въ одномъ этомъ воздухѣ вечерней рощи, продолжала она какъ-то умоляюще и грустно; — Франсуа, бѣдный Франсуа, вы и со- той доли этого состоянія не можете узнать!...

Въ тишинѣ раздался глубокой, меланхолической вздохъ Франсуа.

— Сегодня я видѣла его во снѣ, продолжала Леля точно мечта- тая, — Боже, какъ я любила его! Это чувство, которое всѣмъ сво- имъ свѣтомъ сіяло въ моемъ снѣ, впервые открыло мнѣ, что за божество эта внушаемая имъ любовь. Я любила во снѣ, какъ люблю въ эту минуту, какъ плачу часто возлѣ него, — блаженствомъ чистаго обожанья. Въ этомъ снѣ онъ говорилъ со мной, и я вѣ- рила каждому его слову безгранично, дѣтски ясно, зная, что это говорить со мною честность человѣческая и чистота.

Франсуа молчалъ. Голосъ Лели еще нѣжнѣе продолжалъ.

— Ни въ одномъ человѣкѣ, ни въ одной книгѣ я не встрѣ- чала до сихъ поръ аналогіи съ этимъ временемъ моей жизни, и въ своемъ сердцѣ впервые открыла возможность и реальность такой любви. Это любовь умственная? — нѣтъ; это любовь всего моего су- щества, которая говоритъ въ каждомъ дѣлѣ, въ каждой мысли моей, которая дышетъ во мнѣ, — которая не существуетъ ни для кого, не существуетъ для него, и сама стоитъ лишь однимъ вѣч- нымъ идеаломъ въ моей душѣ.

— Фантазіи, Леля, фантазіи! воскликнулъ нетерпѣливо Франсуа, — я знаю васъ и вашу способность увлекаться минутными заблужде- ніями, — не остановитесь вамъ на немъ. Помяните мое слово, что черезъ мѣсяцъ вы сами будете смѣяться надъ нимъ и надъ собою; я помню его, его фізіономія ясно мелькнула мнѣ вчера; онъ да- леко не молодъ и некрасивъ.

— Онъ уже не молодъ, говорите вы! перебила его Леля страст- но, — но для меня вся земная юность соединена въ немъ и цвѣтеть

вѣчнымъ весеннимъ цвѣтомъ чистой человѣческой жизни, вѣчнымъ весеннимъ солнцемъ человѣческой любви. Онъ уже некрасивъ, говорите вы;—но для меня онъ прекрасенъ божественной красотой, выше которой не можетъ явиться человѣкъ. Онъ некрасивъ!... зависть къ его лицу учить васъ клеветать... Можетъ ли найтись такой взглядъ, которому бы его лицо не казалось самой совершенной красотой въ мѣрѣ?

Слышно было только, какъ тросточка чуть-чуть постукивала о каблукъ Франсуа.

— О всѣхъ этихъ чувствахъ я не скажу ему никогда, они не нужны ему; но они жизнь моя и гордость моя, еще договаривала въ своемъ увлеченіи Леля, — я счастлива, потому что онъ существуетъ между людей; я люблю, потому что онъ любитъ всѣхъ; я съ нимъ, потому что въ сердцѣ у меня та же безмѣрная любовь, та же честная мысль, которая нераздѣльна отъ него...

— Какъ же вы думаете устроить свою жизнь съ нимъ? спросилъ вдругъ Франсуа.

— Какъ хочетъ онъ, отвѣтила Леля нѣжно, — какъ мученикъ въ огонь, я пойду въ объятія мужа, если за хочетъ онъ; какъ всѣ поборники божественной идеи и какъ онъ самъ, я умру за любовь и въ любви...

...Фадѣичъ не помнилъ и не слышалъ больше ничего. Какъ случилось, что они ушли, и говорили ли они еще хоть слово или нѣтъ?... все смѣшалось съ густотой ночнаго мрака въ одинъ всезастылающій туманъ, — воздухъ ночи, запахъ цвѣтовъ и растеній, соловей за рощей и неожиданное потрясеніе въ оглушенномъ мозгу.

Какъ провелъ Фадѣичъ эту ночь, безумно было бы стараться описать; все, все возстало въ немъ, что растрavляетъ жизнь, фантазіи, слезы, трепетъ желаній, битвы съ призракомъ и безпредѣльная скорбь...

X.

Время подходило къ восьми часамъ вечера; но въ воздухѣ было еще душно. Леля, подъ газовой вуалью, которая закрывала отъ свѣта ея оживленное и слабо-алѣющее личико, вошла въ бесѣдку своими торопливыми шагами, оглянулась на кущи окружающихъ кустовъ и деревьевъ, на заросшій проходъ подъ стѣною—и не нашла никого. Стоя на порогѣ и безпокойно топая носкомъ башмака, она еще провела нѣсколько минутъ, щурясь на окрестность, — и затѣмъ отправилась сама по тернистой тропинкѣ, которая послѣднее время ежедневно оживала появленіемъ человѣка, самой Лелѣ приносившаго жизнь съ собой... Пройдя бесполезно всю эту трудную, поросшую крапивникомъ дорогу и стоя, наконецъ, передъ пустою поляною, въ глубинѣ которой отрывалось все Покровское село, Леля скрестила руки, потомъ медленно опустила ихъ и провела безъ счету время, прислонясь къ углу стѣны своей опечаленной головой...

Въ первый разъ она не застала Фадѣича въ это условленное время;—но мало ли что могло помѣшать ему? Развѣ она думала, чтобъ эготъ любящій человѣкъ жилъ въ мірѣ нуждающейся жизни, не прикасаясь къ ней, и не забывая для нея часто себя?... Она постаралась отряхнуть съ себя это туманное огорченіе и не смѣя, наконецъ, не сознать, что солнце зашло уже и сумерки совсѣмъ охватываютъ поляну, она благословила улыбкой тотъ далекій, темный рядъ плохихъ домишковъ, гдѣ проходила самозабвенная жизнь ея милаго, и тихо, тихо повернула домой...

— Рано сегодня! замѣтилъ довольно коварно Франсуа Адамовичъ, когда Леля молчаливо и не глядя ни на кого проходила черезъ террасу, на которой покровское общество пило вечерній чай.

Это была та самая пространная терраса, у каменной балюстрады которой, семь лѣтъ назадъ, Степанъ Сергѣевичъ и Леля вели свой первый разговоръ; не разъ съ тѣхъ поръ оба они желали того,

чтобъ и перваго разговора другъ съ другомъ, и первой встрѣчи межъ ними не было никогда.

Степанъ Сергѣевичъ сидѣлъ у круглаго стола, съ сигарой, которую онъ захлебывалъ чаемъ, съ графиномъ рома, котораго большая часть уже окрасила въ яхонтовый цвѣтъ стаканы его и его собесѣдниковъ; онъ опирался довольно угрюмо на свою мощную руку и въ волосахъ его, приподнятыхъ на вискахъ пальцами, серебрилось два-три сѣдыхъ волоска. На Лелю онъ, выше подола ея, не поднялъ глазъ.

— Я думаю, нельзя себѣ представить большее соединеніе противорѣчій, чѣмъ намъ являетъ это наша милая Валеріана Павловна! сказалъ своимъ сдобнымъ голосомъ Пьерочка Маниловъ, перекладывая икру на икру и, съ мягкимъ покачиваньемъ фигуры, провожая глазами Лелю за самую дверь.

— Но только это новое противорѣчіе для насъ самое тяжелое! прибавилъ Франсуа съ подобіемъ легкаго вздоха;—прежде мы не знали, куда ноги дѣвать отъ танцевъ до свѣта, отъ сумасшедшихъ поѣздокъ по рошамъ и лѣсамъ, а теперь настолько же предоставлены зѣвотѣ, да неподвижности, благодаря этому странному, небывало упорному пристрастію къ уединеннымъ прогулкамъ въ заброшенной части сада, къ сосредоточенному раздумью по вечерамъ. Кто видалъ Валеріану Павловну десять минутъ задумчивой до этихъ дней?

Степанъ Сергѣевичъ слушалъ, не прибавляя отъ себя ничего и утонувъ глазами въ поднимавшійся изъ стакана ароматный паръ.

— Это напротивъ очень хорошо, очень хорошо, прибавилъ отъ себя съ глубокомысліемъ старичекъ-докторъ, — мадамъ становится дѣльной женщиной, она входитъ въ лѣта. Вчера ее посѣтила моя супруга Полина; мадамъ передала своей сестрѣ значительную карманную сумму для вспоможенія страдающимъ на селѣ отъ неурожая. Моя супруга Полина имѣетъ чувствительное сердце и прослезилась, потому что на селѣ теперь мало кто будетъ ѣсть древесный хлѣбъ.

— Да? въ первый разъ произнесъ Степанъ Сергѣевичъ, и вопрошая, и утверждая вмѣстѣ.

— Кроме того моя супруга Полина передавала мнѣ, что мадамъ имѣеть въ головѣ многіе планы, продолжалъ докторъ, — такъ, между прочимъ, мадамъ питаетъ идею завести для села прекрасный госпиталь.

— Не читаетъ ли она Евангелистовъ въ рошѣ! замѣтилъ вполголоса Франсуа.

— А не знаете ли вы, гдѣ-жъ это думаетъ Валеріана Павловна устроить свой госпиталь? освѣдомился Пьерочка сладво, — зданія кажутся нѣтъ.

— Мадамъ намекала на свою швейную, гдѣ двадцать четыре дѣвицы имѣють такіе длинныя пальцы; вѣсто каждаго пальца мадамъ, вѣроятно, поставитъ кровать...

Степанъ Сергѣевичъ на этомъ мѣстѣ вдругъ поднялся и съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Швейная въ самомъ дворѣ; вы, Степанъ Сергѣевичъ, устроите деревенскую больницу въ своемъ дворѣ? спросилъ съ игривымъ удивленіемъ Пьерочка.

Степанъ Сергѣевичъ стоялъ спиною къ столу и неизвѣстно что бы онъ отвѣчалъ; но въ это время къ столу подошла давнишняя горничная Лели, курносая Параша, сложившаяся въ ловкую субретку первой руки. Пьерочка повернулся на стулѣ и откинулъ ногу, Франсуа почему-то поправилъ усъ.

— Барыня просятъ васъ пожаловать къ нимъ въ кабинетъ, сударь! обратилась Параша къ Степану Сергѣевичу, не подавая виду, что замѣчаетъ эти легкія эволюціи у стола.

— Барыня! произнесъ Степанъ Сергѣевичъ, направляясь къ дверямъ.

— Вѣроятно о госпиталѣ! разсудилъ докторъ допивая изъ стакана послѣдній глотокъ, — я, господа, тоже иду поразспросить объ этомъ мою супругу Полину.

— Счастливой дороги! проводилъ его потягиваясь Франсуа, тогда какъ Пьерочка наклонился, чтобъ услѣдить скрывающійся за дверьми поворотъ колѣна Парашы и ея локотка.

— Красивая дѣвочка, замѣтилъ ему одобрительно Франсуа, — и персона ловкая; сегодня же вечеромъ мы можемъ узнать все, что

говорится теперь между супругами въ этомъ малиновомъ кабинетикѣ Лели. Посмотрите, какъ она тутъ, при баринѣ, и глазомъ не мигнула, а за стѣной насъ всѣхъ цѣловала за цѣлковый. Чему не научить рабское положеніе!—Подлейте однакожь рому; вечеръ становится прохладный.

— Знаешь, какую я тебѣ, Франсуа, штуку скажу?—благо нѣмецъ ушелъ.

Пьерочка придвинулся къ своему собесѣднику и, съ очень довольнымъ выраженіемъ, уставилъ на него глаза.

— Пропалъ нашъ дьячокъ, сказалъ онъ выразительно, — какъ есть пропалъ.

— Что? скончался? быстро спросилъ Франсуа.

— Нѣтъ! не то, чтобы онъ преставился, отвѣчалъ Пьерочка потирая руки отъ сюрприза, — а удралъ отселева, маху далъ. Я вѣдь ему приказалъ явиться въ контору нонче утромъ, — жду, его нѣту. Отправляясь на работы послѣ обѣда, заѣзжаю къ двору его мѣстопробыванія: говорятъ, ушелъ; забралъ свою котомочку, пашпортики и ушелъ къ святымъ мѣстамъ на поклоненіе, а намъ съ вами кланяться приказалъ.

— Озадачилъ! произнесъ Францъ, откидываясь на стулѣ, — полно, не штука ли тутъ какал?

— Нѣтъ, испугался; а больше ничего. Видитъ, въ контору потребовали, самъ Степанъ Сергѣевичъ могъ быть примѣшанъ тутъ на подозрѣніяхъ, вотъ онъ и тягу далъ. Я самъ прежде думалъ, что его нахлопнуть можно въ бесѣдкѣ этой, такъ нѣтъ же, бестія какъ заяцъ трусливъ и осмотрителенъ; кучеръ Пантюшка, посланный для справокъ въ кустарники, барыню видалъ, говорить, а больше никого не видалъ.

Франсуа оставался задумчивъ, съ опущенной головой.

— Загадочный онъ для меня человѣкъ, сказалъ онъ серьезно, — интриганъ это, или тронутый въ умъ. Безъ всякихъ видимыхъ достоинствъ, безъ тѣни красоты и молодости, съ печатью плебейства на лицѣ, онъ умѣлъ такъ повліять на прихотливую Лелю, гораздо больше чѣмъ я; и чѣмъ онъ успѣлъ?.. Знаетъ ли она, что онъ покинулъ ее?

— Не думаю, разсудилъ Пьерочка.

— И я не думаю; не была бы она послѣ этого такъ тиха. Однакожь извѣстiе это будетъ очень эффекто, и я не я, если взрывъ у нихъ не выйдетъ такой чрезмѣрный, что мы безъ оглядки пустимся искать сбѣжавшаго проповѣдника по всему свѣту; да, я знаю, каковы у нея бывають припадки горя и страстей.

— Разбойникъ ты, Франсуа! замѣтилъ Пьерочка, подливая и ему и себѣ рому, — мужъ цѣлое лѣто воображаетъ, что прiятель увлеченъ его охотами, да картинками, а прiятель тутъ поигрываетъ совсѣмъ въ особенную охоту и игру.

— Чтожь, Пьерочка, я умываю руки, возразилъ Франсуа почти угрюмо, — я къ ней въ друзья не навязывался, а она всегда мнѣ первая — дѣлала авансы. Какой человекъ, въ двадцать три года, устоитъ противъ женскихъ глазъ съ такимъ упоительнымъ выраженiемъ, когда они думаютъ преслѣдовать его?... Кромѣ того между нами было это прошлое нашей первой любви другъ къ другу, первыхъ признанiй и перваго поцѣлуя за орѣховымъ кустомъ..... Фу ты пропасть! я, кажется, впадаю въ меланхолю! перебилъ онъ вдругъ самъ себя, вставая со стула. — Нѣтъ, вообще, Пьерочка, мнѣ уже надоѣли эти безтолковыя сумазбродства, и эти интриги, и эти комедiи съ супругами, на счетъ которыхъ я пожуровалъ. Я собираюсь степеннѣе повернуть жизнь; переѣзжаю въ свою деревню, займусь серьезно хозяйственными дѣлами, и женюсь.

— Ну такъ выпьемъ же, Франсуа, одну капельку глинтвейна за здоровье твоей будущей жены.

Между тѣмъ Степанъ Сергѣевичъ входилъ въ кабинетъ своей жены, въ ту самую комнату съ малиновыми обоями, изъ которой узкiй балконъ и лѣстница сводили въ садъ. Это была комната, какъ и рядъ другихъ смежныхъ покоевъ, которую онъ самъ убиралъ когда-то для обожаемой невѣсты, съ трепетомъ страстныхъ надеждъ; но Леля давно уже перемѣнила въ этихъ комнатахъ половину мебели, обоевъ и даже расположенiе дверей.

Лампа, скрытая прозрачными стѣнами большой фарфоровой вазы, стоявшей на окнѣ, слабо освѣщала темные углы и тонкую позолоту на карнизѣ; Леля стояла у этого окна, чуть обозначаясь на

занавѣсъ своимъ бѣлымъ платьемъ, съ руками спущенными на колѣни и сложенными одна съ другой; этотъ полусвѣтъ, этотъ знакомый ароматъ воздуха, очертанія легкаго платья и русыхъ кудрей, все это когда-то онъ не могъ переносить равнодушно.

— Что это значить, сударыня? какія вы тутъ заводите богадѣльни и раздачи милостынь въ моемъ дворѣ? спросилъ онъ громко, еще только переступая порогъ дверей.

— Обвинишь ли ты меня за это? сказала она спокойно.

Степанъ Сергѣевичъ былъ вовсе не злой и не малодушный человекъ: слово, сказанное кротко и разумно, всегда имѣло власть утишать его порывъ.

— Можетъ быть, я и ничего не сказалъ бы на это, еслибъ ты спросилась у меня, сказалъ онъ гораздо тише, садясь на кресло противъ нея.

— Степанъ Сергѣевичъ, у меня къ тебѣ просьба! начала вдругъ Леля, поворачивая къ нему горячо свое блѣдное, серьезное лицо.

— Чего вамъ надо? спросилъ онъ отрывисто.

— Я давно уже ношусь съ этой просьбой, продолжала она, — и не знаю какъ съ ней подступить; я не знаю, что меня удерживало до сихъ поръ, — малодушіе, конечно, а не какое нибудь хорошее чувство. Степанъ Сергѣевичъ, моя просьба будетъ о Маланьиномъ Митькѣ.

Въ полутьмѣ совершенно исчезала измѣнчивость и выраженіе лица; видно только было, какъ Степанъ Сергѣевичъ пожалъ плечомъ.

— Опять за старое, произнесъ онъ нетерпѣливо; — я кажется сказалъ тебѣ, что въ это дѣло не мѣшаюсь; хочешь вербовать себѣ мальчишекъ съ деревни — вербуй; на это воля дана. Сбѣжалъ одинъ — вербуй трехъ.

— Степанъ Сергѣевичъ, я прошу другого, остановила его Леля, голосъ ея имѣлъ глухой, почти уныло звучащій тонъ. Много рѣзкихъ ссоръ прошло у нихъ въ этомъ кабинетѣ, много разъ Леля осыпала его здѣсь словами презрѣнія и отчаянной злобы, но никогда еще онъ не помнилъ, чтобы она такъ тихо, такими молящими

словами выразила ему свое желаніе. Онъ почти недověрчиво смотрѣлъ на ея склоненное передъ нимъ лицо; были минуты, и онъ помнилъ ихъ, когда она ласками, уступчивостью, страстными чарами обманывала его, чтобъ потомъ еще сильнѣе уязвить; но теперь, въ ея уступчивости, что-то строгое и почти убитое представлялось ему.

— Что же ты хочешь, Леля? спросилъ онъ какъ-то колеблясь.

— Вольную Митькѣ... ахъ, еслибъ только не поздно.....

Онъ приподнялся на мѣстѣ и опять сѣлъ; онъ не понималъ въ первую минуту ни Лели, ни себя; уединеніе, строгая жизнь, задача пособія, госпиталь—и наконецъ вольная Митькѣ и кротость передъ нимъ!...

— Что за переворотъ съ тобою? вскричалъ онъ.

Леля усмѣхнулась въ отвѣтъ, ему показалось, что и такой душевной улыбки онъ еще никогда не видѣлъ на ея блѣдныхъ губахъ.

— Степанъ Сергѣевичъ, ты дашь вольную Митькѣ? повторила она.

— На что ему вольная, когда онъ сбѣжалъ?

— Онъ вернется; дай мнѣ вольную, и я найду его, продолжала она также строго.

— На что тебѣ мальчишъ? что ты это затѣваешь, Леля?

— Я затѣваю воспитать его, отвѣтила она.

Воспитать его сына! она заботится такъ о сынѣ его незаконной любви!.. Что же онъ могъ подозрѣвать въ этомъ, какъ не ея раскаяніе, какъ не величайшее доказательство ея добрыхъ чувствъ къ нему?..

— Леля, скажи мнѣ одно слово, произнесъ онъ колеблясь, — одно слово только... Ты еще любишь меня?

— Въ сердцѣ у меня одна любовь теперь, отвѣтила она какъ-то мечтательно.

Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на новое лицо.

— Леля, я сегодня же займусь этой вольной, сказалъ наконецъ Степанъ Сергѣевичъ, — общаю тебѣ. Но скажи мнѣ еще, правда ли, что ты затѣвала какую-то больницу для крестьянъ?

— Чтобы я ни затѣвала, я, по возможности, не начну ничего «Дѣло», № 10.

безъ твоего вѣдома и согласія, сказала она съ страннымъ для него смѣшеніемъ строгости и покорности.

— Леля! произнесъ онъ нерѣшительно, нѣжно... ему хотѣлось взять ее за руки, прижать ихъ, поцѣловать; но долгіе мѣсяцы раздора, мести и вражды стояли между ними; онъ не поддался впечатлѣнію, которое готовъ былъ считать небывалымъ сномъ.

— Леля, еслибъ ты всегда была такая! прошепталь онъ съ укоромъ, — я всегда былъ бы готовъ уступить тебѣ!.. Ты уже покончила съ своей первой молодостью; установись же въ своемъ характерѣ—и добрая жизнь еще возможна между нами. Умѣй снисходить къ моей суровой натурѣ, она испорчена барствомъ отъ колыбели, но она ко всему доброму открыта;—тогда и я буду снисходить къ тебѣ, когда не буду видѣть въ тебѣ злобы и упорства противъ меня. Ты была когда-то для меня всѣмъ міромъ,— жизнь не жизнь мнѣ безъ этого чувства, безъ мысли о тебѣ. Будь опять моимъ сокровищемъ и моимъ сердцемъ, Леля!

Она далась ему обнять себя, прижать себя къ сердцу страстными руками и потомъ, вдругъ, съ воплемъ оттолкнула его.

— Не теперь, не теперь, Степанъ Сергѣевичъ, дай мнѣ еще подумать хоть одинъ мигъ!..

Она закрылась руками и, почти рыдая, прислонилась лицомъ къ столу; это былъ знакомый ему, сумазбродный переходъ къ бурѣ отъ тишины. Онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее съ своего кресла и потомъ, вздыхая, вышелъ на балконъ.

XI.

Леля, какъ въ туманѣ проходившая весь слѣдующій день безъ мысли и занятія, дождалась, наконецъ, солнечнаго заката и своими быстрыми шагами пробѣжала весь садъ. Бесѣдка опять была пуста. Съ замершимъ сердцемъ она остановилась на порогѣ. На скамьѣ, подъ старой надписью, лежалъ букетъ неловко собранныхъ зе-

ленныхъ листьевъ лопушника, изъ котораго бѣлѣла сложенная бумага; Леля сдѣлала два шага впередъ и взяла букетъ; руки ея дрожали, когда она развѣтывала бумагу; въ ней была только одна написанная фраза, и Леля знала, кто ее писалъ:

„Погибни для себя во имя человѣчества, какъ погибаю я“.

Леля сжала эту записку въ рукѣ и, непомня себя, выбѣжала въ рощу; окружность была пуста. Кто же положилъ здѣсь этотъ букетъ и записку, которыхъ, еще два часа назадъ, заходя сюда въ своемъ нетерпѣливомъ блужданьи, не видѣла она?

— Фадѣичъ! Фадѣичъ! закричала она, думая, что онъ скрылся гдѣ нибудь за кустами, и, такъ какъ ничто не отзывалось, она упала на дерновыи уступъ, гдѣ они столько вечеровъ провели въ сердечныхъ разговорахъ, и, отчаянно рыдая, призывала его.

— Гдѣ моя истина? гдѣ мое сердце, моя любовь? рыдала она, ломая руки и припадая лицомъ къ землѣ; это былъ обычный ея натурѣ страстно-мучительный плачъ; но непривычный человѣкъ едва ли бы вынесъ эти изступленные крики, въ которыхъ разрывалась душа.

Скоро изъ кустарника выбрался и сталъ передъ Лелей дюжій мальчишка лѣтъ тринадцати, въ крестьянской одеждѣ, съ недоумѣвающимъ лицомъ.

— Чего плачете? сказалъ онъ, — это я принесъ бумагу.

— Ты! вскричала Леля, устремляя на него свои безумно-страстные глаза.

— Я, Митька, объяснилъ онъ.

— Да, Митька? повторила она невнимательно, — Митька, золотой мой, скажи мнѣ, гдѣ Фадѣичъ?

— Далекое, отвѣтилъ мальчикъ печально, — онъ съ котомкой пришелъ ко мнѣ въ берлогу. Я, говорить, ухожу отсюда, а ты иди съ этой запиской въ старую бесѣдку подъ рощей, туда выйдетъ къ вечеру барыня, она приметъ заботу о тебѣ. Только я хотѣлъ прежде посмотреть, что за барыня, я барынь боюсь; а тутъ вы заплакали...

Леля тупо смотрѣла на него; едва ли она половину его словъ понимала и слышала: — Ушелъ... на вѣки ушелъ...

Что произошло этимъ вечеромъ въ кабинетѣ Степана Сергѣевича

ча, того легко было ожидать отъ крайнихъ разливовъ чрезвычайной впечатлительности Лели. Блѣдная, едва дышащая, съ угасающимъ, какъ отъ помѣшательства, взоромъ, она явилась передъ своимъ мужемъ и, зашатавшись, упала къ его ногамъ.

— Леля, что съ тобой? вскричалъ онъ испуганно, протягивая къ ней руки.

— Я сдаюсь тебѣ, прошептала она, сисясь улыбнуться и уже совсѣмъ безъ чувствъ закрыла глаза.

Онъ съ страстнымъ вздохомъ принялъ ее на свою грудь. Она лежала въ его объятіяхъ, совсѣмъ какъ мертвая, и онъ слѣдилъ, какъ синеватая темь, начиная отъ висковъ, все дальше и дальше разстилалась по блѣднымъ чертамъ; она сдалась ему добровольно наконецъ, — и, быть можетъ, умерала въ тотъ же самый часъ.

Все, все проснулось разомъ у него въ груди, и первые, страстные дни, и первыя страстныя ночи, когда эта головка сладко лежала залогомъ вѣчнаго, безмѣрнаго счастья на его груди, когда эти самыя кудри, какъ волшебныя змѣи, обворожали и опутывали для него весь міръ... Онъ зарыдалъ надъ нею, все съ тою же дикою страстью сжимая ея безчувственное тѣло:

— Ты оживешь для меня, дорогая Леля! ты оживешь для меня!...

Клавдія Кованько.

ВЪ РАБОЧЕМЪ УГЛУ.

(Очеркъ).

Нанимала я меблированную комнату у одной мѣщанки. Кромѣ меня здѣсь были еще жильцы: пожилой чиновникъ, съ которымъ хозяйка за-частую ругалась на весь дождь, что не мѣшало ей особенно заботливо пецись о его комфортѣ, и швея, шившая на магазинѣ кофточки, башлыки, дѣтское платье и пр. Я занимала отдѣльную комнату, а швея, у которой была дочка лѣтъ пяти, нанимала уголь въ комнатѣ хозяйки. Собственностью швеи въ этой комнатѣ были: большой бѣлый столъ, на которомъ стояла тяжелая швейная подушка съ ящичкомъ, и шкатулка съ принадлежностями шитья, кровать съ высокими перинами, комодъ съ чайною посудю и самоваромъ, кіота съ образами и лампадою, и большой кованный сундукъ, стоявшій подъ кроватью и вмѣщавшій въ себѣ, какъ увѣряла хозяйка, приданое маленькой Вари. Приданое состояло изъ разнаго тряпья, старомодныхъ мантилій, платьевъ, лоскутьевъ и бѣлья.

Кромѣ этой загроможденной комнаты въ апартаментахъ хозяйки принадлежала тѣсная кухня, въ которой шло непрерывное глаженье, потому что у хозяйки была дочь, прачка по ремеслу. Эта кухня была постояннымъ театромъ войны. То прачка ругалась, если не дралась, съ матерью, то швеи съ хозяйкою, то визжала дѣвочка въ клещахъ швеи.

Сраженіе завязывалось чаще всего слѣдующимъ образомъ. Прачка Дарья, или Дашка, какъ ее звала мать, съ ранняго утра заставляла плиту утюгами и гладила на доскѣ, заливаясь самими заунывными пѣснями. Я замѣтила, что другихъ она не пѣла, хотя по характеру она была менѣе всего склонна къ меланхоліи. Если она не пѣла, то либо хохотала, либо перебранивалась съ бѣмъ нибудь самымъ непечатнымъ образомъ. Но даже когда она ругалась или дралась, никто не подумалъ бы, что она дѣлала это въ сердцахъ: она грызлась на мать совершенно тѣмъ же равнодушнымъ тономъ и съ такимъ же незлобивымъ выраженіемъ лица, съ какимъ отшучивалась у воротъ съ кавалерами. Поведенія Даша была вообще вольнаго, любила кавалеровъ, прогулки, угощенья, но ужь за то умѣла и работать. Стираетъ она, полощетъ, гладитъ съ утра до ночи; масляные волосы, расчесываемые только по воскресеньямъ, сбиты и подпратаны подъ грязный ночной чепчикъ, рубаха съ широкимъ воротомъ нескромно спускалась съ красныхъ потныхъ плечъ, изъ подъ короткой ватной юбки видны толстыя ноги въ стоптанныхъ башмакахъ, неупотребляющія чулокъ ни зимою, ни лѣтомъ...

Поетъ Даша, побрякивая утюгами у плиты, а къ плитѣ идетъ, съ притворно храбрымъ видомъ, швея Настасья Ивановна, неся пузатый кофейникъ изъ красной мѣди. Отодвинувъ одинъ изъ утюговъ, она ставитъ на его мѣсто кофейникъ.

— Такъ и пустила! наскакиваетъ Даша и толкаетъ кофейникъ такъ, что кофе прыщеть и шипить.

Настасья Ивановна молча, стиснувъ зубы, беретъ за кофейникъ, Даша за утюгъ и обѣ прижимаются другъ къ другу локтями, стараясь оттолкнуть одна другую отъ плиты. Побѣдительною всегда оставалась Даша, показывавшая кукишь уходящей швеѣ.

Если швея завязывала перебранку, то мать вступалась за дочку, если же Настасья Ивановна взывала къ правосудію хозяйки, а сама удалялась, то дѣло завязывалось между матерью и дочкою. Въ обоихъ случаяхъ Даша поражала богатствомъ своего браннаго словаря. Какъ бы то ни было, но въ кухнѣ шла постоянная, не-

скончаемая перебранка, какъ будто бы здѣсь обитали не люди, а дикіе звѣри.

По утрамъ, до моего ухода изъ дому, я часто слышала дѣтскій плачь въ сосѣдней комнатѣ. Плачь всегда былъ порывистый и продолжительный, изъ чего я заключила, что швея бьетъ свою маленькую дочку. Я не хотѣла вмѣшиваться въ чужія дѣла, хотя плачь ребенка дѣйствовалъ на мои нервы. Но какъ-то разъ я вернулась домой уставши болѣе обыкновеннаго; мнѣ хотѣлось отдохнуть, нездоровилось, а изъ сосѣдней комнаты опять слышался плачь. Я не выдержала и кликнула хозяйку.

— Отчего этотъ бѣдный ребенокъ все плачетъ? спросила я. — Нельзя ли его какъ нибудь успокоить?

Хозяйка выслушала меня, просунувъ голову въ дверь, и отвѣтила только:

— Вотъ и Миканоръ Ивановичъ тоже... Затѣмъ голова скрылась.

Еще съ минуту продолжался прежній плачь, уже начинавшій утихать, какъ вдругъ раздался порывистый крикъ ребенка и плачь перешелъ въ стоны.

У меня кровь бросилась въ голову. Я выбѣжала и, уже не церемонясь, распахнула дверь въ комнату хозяйки.

— Что это? Неужели вы бьете ребенка? вскричала я.

Швея стояла посреди комнаты и, прижавъ къ своимъ колѣнямъ маленькую дѣвочку, тискала одною рукою ея голову въ свою юбку, а другою дергала ее за волосы. Шея малютки была багровая.

— Оставьте ее! закричала я, вырвавъ у нее дѣвочку.

— Чего вы? спросила швея, въ испугѣ отступая при моемъ неожиданномъ крикѣ и движеніи.

Дѣвочка, выпущенная изъ душившихъ ее рукъ, тупо поглядѣла на меня и, бросившись къ матери, ухватилась за ея колѣна, съ крикомъ: „Мама! мама!“

Она у нея же искала защиты.

— Ничего, не бойся! сказала швея, прикрывая рукою ея голову и какъ будто желая защитить ее отъ меня.

Я остановилась, соображая это ласковое движеніе и то, что было за минуту передъ тѣмъ.

— Чего вы, Прасковья Максимовна, испугались? спросила меня хозяйка.—Вотъ не одинъ Миканоръ Иванычъ жалуется, вотъ и онъ также! обратилась она съ укоромъ къ швеѣ.

— Чтожъ мнѣ клинъ что ли вбить ей въ горло для васъ? Дѣтей у васъ развѣ не было, или чувства нѣтъ? крикнула швея, сверкнувъ на нее глазами, и нѣжно обвила рукою дѣвочку, уже сидѣвшую у нея на колѣняхъ, прислонивъ головку къ ея щекѣ.

— Видите ли какая чувствительная! А то было голову ей о печку раскроила!

Завязалась жаркая перебранка, но я поспѣшила прервать ее.

— Напрасно вы такъ бьете вашу малютку,—обратилась я къ швеѣ какъ можно мягче, видя, что она въ пароксизмѣ злости.

— Да что же мнѣ дѣлать? То и слышишь отъ нее—она кивнула на хозяйку—жильцовъ да жильцовъ сгоните. Ну съѣду, если мѣшаю. Ну васъ, въ самомъ дѣлѣ, и съ жильцами-то. Угловъ я не нашла!

— Не зачѣмъ вамъ связать, сказала я.—Если меня беспокоитъ плачь вашей дѣвочки, такъ это потому, что мнѣ жалко ее. Мнѣ кажется, что вы слишкомъ часто ее наказываете. Вы бьете ее: возможно ли бить такого маленькаго ребенка? Развѣ вы ее не любите?

— Не била бы, кабы не любила! сказала швея отворачиваясь, чтобы скрыть выступившія слезы. —Свѣчку поставила бы, если бы Богъ ее прибралъ.

— Вы сейчасъ сказали, что любите ее?

— Оттого и поставила бы. Вотъ вырасти ее, выкорми, а тамъ что? Счастье-то не про насъ съ нею...

Она утерла слезы юбкой малютки.

Уходя изъ комнаты швеи, я думала, что послѣ такого кризиса и бурнаго объясненія, экзекуціи если не прекратятся, то будутъ рѣже и слабѣе. Но я худо поняла причины, которыя вызывали у швеи эти вспышки злости на любимаго, повидимому, ребенка.

Спустя нѣсколько дней, мнѣ случилось разговориться съ хозяйкою о ея житьѣ-бытьѣ. а за тѣмъ разговоръ коснулся и ея жилища. Я, дѣйствительно, рѣже слышала плачь въ послѣднее время, а потому сказала:

— Что, она перестала бить свою дѣвочку?

— Какое перестала! бьетъ по прежнему, только когда вы дома, то стыдится. Злющая баба!

— Но мнѣ показалось, что она любить свою дочку?

— Любить-то любить.

— Такъ какъ же бьетъ-то?

— А кто ее разберетъ. И то сказать, дѣтей нельзя не бить; выростутъ,—сами скажутъ спасибо за то, что били. Только шибко ужь очень бьетъ-то она! такъ чѣмъ ни попало и шарахнетъ. А иной разъ плачется надъ нею, голубить ее, и руки-то, и глазки-то у нея цѣлуетъ. Бьетъ, да вѣдь тоже и жалѣетъ.

— Тотъ разъ вы говорили, что она ее о печку ударила.

— Какъ же, такъ пихнула въ затылокъ, что дѣвчонка со всего маху о печку лбомъ стукнулась.

Я невольно вздрогнула.

— Въ первую-то минуту, продолжала хозяйка,—она даже не заплакала, словно ее ошеломило; а потомъ какъ зальется! даже вся посинѣла. Сами видѣли... А вѣдь была когда-то богата, рассказывала хозяйка.—Родители въ пенсіонъ посылали. Замужъ выдали, приданое дали. Только мужъ-то вышелъ горькій пьяница; все и спустилъ. А тамъ спился, да и померъ, вотъ она теперь и мается съ дѣвчонкой на шеѣ. Съ господами-то ужь ей не подѣ стать водиться, такъ она и нашей компаніи рада; только дѣвку свою все еще въ барышни прочить.

Изъ словъ хозяйки я заключила, что швея Настасья Ивановна—женщина желчная, озлобленная своею горькою долею, своимъ неудачнымъ супружествомъ и несбывшимися надеждами; что эта одна изъ тѣхъ натуръ, которыя не примиряются и не уживаются съ своею долею, а вѣчно ропщутъ и вымѣщаютъ свое горе на комъ попало, преимущественно на комъ нибудь безотвѣтномъ. Къ тому же и здоровье ея было видимо палорвано и также располагало ее къ раздражительности.

Но и судьба ея была дѣйствительно не радостная. Заработывала она среднимъ счетомъ рублей до двѣнадцати въ мѣсяцъ, и то при постоянной работѣ, которая не всегда бывала; три рубля

она платила за уголь; оставалось девять на прокормленіе себя и ребенка, и на одежду.

— Вотъ вѣдь бьетъ, а ужъ приданое копить, продолжала сообщать мнѣ хозяйка.— Не допьеть, не доѣсть, а въ мѣсяць-то все отложить копѣекъ тридцать, пятьдесятъ; „на приданое, говорить, моей Варькѣ, если встрѣтитъ хорошаго человѣка; а не то, такъ чтобы хоть чужаго хлѣба не пришлось ѣсть“.

— Сама не доѣсть, да и ее не докормить, а приданое копить! замѣтила я.

— Нѣтъ, ее-то и пряниками кормить, не токма что, чуть что не каждый день пирога ей приносить....

По духу противорѣчія, хозяйка вдаль теперь въ панегирикъ своей жилищѣ.

— А мясомъ кормить? спросила я.

— Какъ же не кормить? Когда отъ Миканора Иваныча сущу останется, такъ я всегда даю.

— Да Никаноръ Ивановичъ и вы всѣ, кажется, круглый годъ постное ѣдите.

— Гдѣ же круглый годъ! только въ посты да въ постные дни.

— И Варя то же?

— А то какъ же? Вѣдь тоже христіанское дитя.

Но посты служили, кажется, только предлогомъ и мясо являлось на столѣ моей хозяйки только по воскресеньямъ.

Въ слѣдующее воскресенье, оставаясь дома, я зашла по дѣлу къ хозяйкѣ. Швея была тутъ-же.

Лицо ея, обыкновенно озабоченное и угрюмое, показалось мнѣ яснѣе обыкновеннаго; она въ разговорѣ со мною относилась ко мнѣ безъ всякой враждебности, какъ можно бы было ожидать послѣ нашего недавняго столкновенія. Я освѣдомилась о Варѣ.

— На дворѣ играетъ, отвѣтила Настасья Ивановна и заботливо выглянула въ окно.

— Славная она у васъ дѣвочка, сказала я, дѣлая приступъ къ правоученію.

— Ничего-съ; только шалить очень, сказала мать, видимо довольная.— Вотъ скоро учиться начнетъ.

— Какъ скоро! да сколько ей лѣтъ?

— Шестой годокъ идетъ.

— И вы уже учить собираетесь—такъ рано?

— Что за рано; я не хочу чтобы она такой же душой выросла, какъ я.

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату проскользнула со двора Варя, въ пышномъ платьѣ, сшитомъ съ большими претензіями, въ панталонахъ и прюнелевыхъ сапожкахъ.

Я съ удовольствіемъ улыбнулась, при видѣ развеселившагося ребенка, и замѣтила такую же улыбку на лицѣ матери. Дѣвочка, не останавливаясь, подбѣжала къ ней и уцѣпилась за ея юбку.

— Здравствуй, Варенька! сказала я, наклоняясь къ ней.

Малютка выглянула и опять запахнулась складкою юбки.

— Чего дичишься, Варюшка? поздоровайся, сказала Настасья Ивановна мягкимъ тономъ.

Но въ эту минуту ей бросилось въ глаза поврежденіе въ туалетѣ Вари: изъ ея маленькой юбки висѣлъ вырванный клочекъ. Нужно было видѣть, какъ въ одно мгновеніе измѣнились лица матери и дочери.

— Ро-о-хля! прошипѣла Настасья Ивановна съ звѣрскимъ выраженіемъ на лицѣ. Дѣвочка подняла глаза и уставила ихъ на лицѣ матери съ тупымъ ужасомъ. Настасья Ивановна сдѣлала движеніе рубою: дѣвочка инстинктивно присѣла и втянула голову въ плечи, точно будто бы на нее валился потолокъ.

Но мое-ли присутствіе сдержало Настасью Ивановну, или ужь она была въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, что не могла сердиться; только на этотъ разъ дѣло обошлось благополучно, хотя все-таки она, чтобы не измѣнить себѣ, сдѣлала сердитое лицо и слегка толкнула дѣвочку. Варя забилась въ уголь и боязливо поглядывала оттуда на мать, какъ будто не вѣря, что гроза миновала и ожидая, что она еще разразится надъ нею.

Настасья Ивановна принялась излагать мнѣ, по этому поводу, какъ много горя и хлопотъ стоитъ ей ея дочка, и какъ она молить Бога, чтобы онъ прибралъ ее. Мнѣ стало тяжело и я ушла.

Потянулись дни за днями. Швея по прежнему была ребенка; Ни-

каноръ Ивановичъ по прежнему брюзжалъ; хозяйка ругалась со швеею, дочка ея пѣла заунывныя пѣсни, Варя плакала, а я все собиралась принять гуманныя мѣры противъ этого плача, между прочимъ, приводить къ себѣ дѣвочку и пріучать ее къ работѣ, чтобы она не попадалась безпрестанно подъ ноги сердитой матери, — и все не могла собраться; а между тѣмъ привыкала постепенно къ плачу и притуплялась чувствомъ. Вѣдь такъ повсюду, такъ всѣмъ, а вырастають, и живутъ, и умирать не хотятъ... Стоить ли хлопотать? у всякаго своего горя довольно; стоитъ ли штопать въ одномъ мѣстѣ, когда въ десяти рвется...

Выпалъ денекъ! На кухнѣ ругаются съ самого утра. Кто-то разбилъ мыльницу Никанора Ивановича — дрянную, грѣшовую мыльницу, но къ которой онъ привыкъ. Никаноръ Ивановичъ взѣлся на хозяйку, пригрозилъ, что съѣдетъ; хозяйка съ дочкою заподозрили въ этомъ преступленіи Варю и подняли руготню со швеею, заступившеюся за дочь. Но въ самый разгаръ защиты, когда Варя, испуганная угрожающими жестами, заплакала и уцѣпилась за мать, та надѣлила ее такимъ пинкомъ, что ребенокъ отлетѣлъ на три шага и, дрожа, забился въ уголь.

Потомъ швея понесла работу и въ домѣ поутихло. Варя кроила изъ доскутьевъ платья для куклы, придвинувъ стулъ къ бѣлому столу и взобравшись на него съ ногами.

Швея возвратилась въ самое желуномъ состояніи; съ нея вычли за что-то изъ заработанныхъ денегъ.

— Прочь съ твоимъ хламомъ! крикнула она на Варю, копошившуюся подлѣ ея товара, даннаго магазиномъ.

— Матушки мои! вскрикнула она вдругъ самымъ отчаяннымъ голосомъ и опустила руки: изъ матеріи былъ вырѣзанъ клочекъ.

Прежде чѣмъ Варя успѣла оглянуться, въ нее впились десять пальцевъ и сперва стиснули ее такъ, что у нее хруснули кости, а вслѣдъ за тѣмъ по ней застучалъ кулакъ, по головѣ, по лицу, по спицѣ, гдѣ попало. Ребенокъ отчаянно кричалъ: — „Мама! не буду! не буду! А! а! Это не я! Соба-а-ка!“

— Что вы! Настасья Ивановна! вы съ ума сошли! кричали мы изступленной женщиной, силясь остановить ея руки, но она не могла утолить своей злобы — била и била.

Вдругъ ребенокъ пронзительно взвизгнулъ и притихъ. Этотъ рѣзкій звукъ среди плача отрезвиль швею. Она остановилась какъ бы въ недоумѣнн; ей стало совѣстно, и чтобы скрыть это, она накинудась на насъ:

— Чего суетесь? Проваливайте! Не ваше дѣло.

Я взяла на руки всхлипывавшую дѣвочку и напоила ее водою. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и со страхомъ глядѣла на мать; глаза ея были сухи и широко раскрыты; она всхлипывала безъ слезъ.

Настасья Ивановна показала испорченную работу, поясняя мнѣ значеніе этой бѣды такимъ укоризненнымъ тономъ, какъ будто бы я была виновницею.

— Успокойтесь, эта матерія не дорога. Мы какъ нибудь вмѣстѣ поправимъ дѣло.

— Поправимъ и безъ васъ, ворчала она уже тише.

Варя оставалась у меня на колѣняхъ и я старалась развеселить ее, что мнѣ и удалось. Малютка скоро утѣшилась и улыбалась, но казалась вялою. Хозяйка описывала мнѣ, какъ она испугалась, услышавъ крикъ Вари, и наставительно говорила, все обращаясь ко мнѣ, какой грѣхъ можно принять себѣ на душу черезъ такое обращеніе съ дитею, и какъ ея деверь убилъ своего мальчику, чуть притронувшись къ нему полѣномъ.

— Каркай ворона! сказала хозяйка.

— Будете каяться, Настасья Ивановна, помяните мое слово.

— Глядѣла бы на себя, огрызалась швея. — Нѣжная маменька! выросила дѣвицу, да съ изъянцемъ.

— Погоди хаять. Какова еще твою-то будетъ!

— Настасья Ивановна, много ли пойдетъ на это кашмира? спро-

сила я, чтобы прервать перебранку, и приподняла испорченный башлыкъ.

Швея вздохнула.

— Аршина два, не меньше, сказала она, переходя отъ горячности къ унынію.

Варя сидѣла у меня на колѣняхъ, прислонивъ голову къ моему плечу, и я чувствовала, какъ сильно бились въ ней жилы; дыханіе было короткое и частое. Я приписывала это остаткамъ испуга и волненія. Голова малютки тяжелѣла и отвисала на моей рукѣ; я заключила, что она засыпаетъ и не обращала на нее большаго вниманія.

— Заштопайте это, Настасья Ивановна, сказала я швеѣ;— мнѣ нуженъ башлыкъ, я у васъ этотъ и куплю. Вотъ вамъ и деньги на матерію.

— Не въ деньгахъ дѣло; время дорого. Завтра эту работу относить надо.

Въ эту минуту Варя вздрогнула у меня на рукахъ и торопливо сказала: „Мама!“ но головы не подняла.

— Ну, что? спать захотѣла, сказала швея, подойдя ко мнѣ.— Экой тюлень! прибавила она мягкимъ голосомъ и взяла ребенка на руки. Тѣло дѣвочки тяжело обвисло; голова перекатилась съ одного плеча на другое; она казалась сонною, но глаза и ротъ были полутверты.

Не взглянувъ ей въ лицо, мать взяла ее на руки и присѣла съ нею на ближній стулъ, продолжая разговоръ о башлыкѣ. Но мои глаза приковались къ лицу дѣвочки. Оно было мертвенно-блѣдно.

Страшное подозрѣніе, мелькнувшее въ моемъ умѣ, вѣроятно отразилось на моемъ лицѣ, потому что швея взглянула на меня, потомъ на ребенка и затѣмъ опять на меня.

— Что? спать? сказала она неувѣреннымъ тономъ и поглядѣла на меня, какъ будто умоляя подтвердить.

— Нѣтъ, сказала я чуть слышно—и наклонилась къ лицу малютки.

Швея также уставилась на это лицо расширенными зрачками и сдерживая дыханіе.

На блѣдномъ лицѣ дѣвочки лежали синеватныя тѣни. Тонкая прядь волосъ отдѣлилась и спустилась, смоченная холоднымъ потомъ. Голова была перекинута нѣсколько назадъ, черезъ руку и колѣни матери.

— Господи! послышалось скорѣе какъ вопль, чѣмъ какъ слово. Швее сидѣла въ оцѣпенѣннн, уставившись на ребенка широкими, не мигающими глазами; казалось, все, что въ ней было живаго и чувствующаго, сосредоточилось теперь въ этомъ взглядѣ.

У меня мелькнула мысль бѣжать за докторомъ; но прежде чѣмъ я успѣла сдѣлать движеніе, послышалось хрипѣнье: ребенокъ вытянулся и остался въ этомъ положеніи; только нижняя губа стала постепенно опускаться, и глаза, на которые до половины спустились вѣки, приняли оловянный блескъ...

Прошла еще минута въ неподвижности, потомъ съ боку, около меня, что-то мелькнуло; я повернулась, — это хозяйка крестилась, говоря вслухъ: упокой Господи новопреставленную рабу твою Варвару.

— Да что вы! Христось съ вами, вскрикнула швее — и ужасъ, изобразившійся въ ея взглядѣ, показалъ, что она только теперь начинала вѣрить своему несчастью. Но сомнѣніе было невозможно: на рукахъ ея лежалъ маленькій трупъ.

— Варюшинька моя! закричала она вдругъ такимъ голосомъ, отъ котораго у меня морозъ пошелъ по кожѣ, и приподнявъ остывавшее тѣло, обхватила его обѣими руками и крѣпко прижала къ своему лицу и къ своей груди. — Охъ! охъ! Вара! простонала она, и руки ея начали въ изнеможеніи опускаться; хозяйка подхватила мертваго ребенка и отнесла его на постель.

Швее положила руки на столъ и, тяжело упавъ на нихъ головою, судорожно зарыдала...

Началось обмываніе тѣла.

На разспросы постороннихъ, швее только плакала, а хозяйка отвѣчала за нее, что дѣвочка умерла скоропостижно, что вотъ и я была свидѣтельницею... Наединѣ со мною, она покачивала головою и шептала:

— Говорила я ей!

Похоронили мы маленькую дочку Настасьи Ивановны, и не слышно было болѣе ни дѣтскаго плача, ни дѣтскаго смѣха въ нашей невеселой квартирѣ. Швея продолжала шить башлыки и кофты, только я замѣчала иногда, что она подолгу сидѣла, опустивъ руки съ работою и уставившись глазами въ окно; но потомъ игла опять начинала быстро дѣлать свое дѣло и порядокъ жизни Настасьи Ивановны, казалось, ничѣмъ не былъ нарушенъ. Только горячность ея перешла въ слезливость и волосы начали замѣтно сѣдѣть.

А. Маркелова.

БРОДЯЧЕЕ НАСЕЛЕНІЕ СИБИРИ.

III.

Если мы окинемъ взглядомъ большую сибирскую дорогу, отъ большого нерчинскаго завода до границы пермской губерніи, à vol d'oiseau, то увидимъ цѣлыя массы народа, снующія по ней группами въ 10, 20, а иногда и 40 человекъ. Растянувшись по дорогѣ, они то обгоняютъ другъ друга, то отстаютъ, то группируются на мельницахъ, на займкахъ, на пашевныхъ избушкахъ, то разбиваются и парами расходятся по деревнямъ, лежащимъ близъ тракта. Это сибирскіе бродяги. Они идутъ большимъ трактомъ, какъ кратчайшимъ путемъ, идутъ и проселками по правую и лѣвую сторону дороги, заворачиваютъ въ сторону, кружатъ по деревнямъ, и снова выходятъ на большую дорогу. Нѣкоторые пробираются тайгами, гдѣ прямѣе, нѣкоторые плывутъ рѣками, но у всѣхъ у нихъ, несмотря на запутанность пути, одно направленіе. Они всѣ стремятся достигъ иркутской губерніи, по преимуществу Забайкалья. Потокъ ихъ направляется на западъ, къ Россіи; по пути онъ увеличивается притоками новыхъ бѣглецовъ съ разныхъ заводовъ и поселенія. Войдя въ иркутскую губернію, они стараются выбраться на большой трактъ; здѣсь идти вольготнѣе, только мѣстами приходится проходить тайги. Сухимъ путемъ они проходятъ енисейскую губернію, обходя городъ Красноярскъ, и въ томской губерніи раздѣляются; одни идутъ отъ Ачинска прямо къ озеру Чаны и, минуя большой трактъ, проходятъ южными округами подзаводскихъ крестьянъ, другіе идутъ на Томскъ; затѣмъ направляются къ сѣверу на Тюкалу, на Ишимъ, на Ялуторовскъ, Камышовъ или Шад-
«Дѣло», № 10.

ринскъ, къ границамъ Россіи. Здѣсь дорога для бродячъ становится небезопасною; въ тобольской губерніи ихъ уже чаще ловятъ, здѣсь имъ особенно опасны два округа—омскій и тарскій; а въ пермской губерніи они должны совершенно скрываться и идти ночами. Переваль черезъ границу тобольской губерніи составляетъ самое важное затрудненіе, а потому нѣкоторые плутъ на Ирбитъ, на Пельмъ и затѣмъ черезъ Уралъ тайгой и безслѣдными мѣстами къ Чердыни, другіе заходятъ еще сѣвернѣе къ самому Березову, переходя пустыни на лыжахъ. Иные проходятъ изумительныя пространства, тысячъ по сорока верствъ. Необозримыя сибирскія пустыни не останавливаютъ страстнаго желанія бродячъ побывать на родинѣ; вѣчныя скитанія знакомятъ ихъ до того подробно и отчетливо съ мѣстностью, что нѣкоторые изъ нихъ пересчитываютъ назусть всѣ станціи отъ Забайкалья до російской границы, знаютъ всѣ деревни и деревушки, чрезъ которыя слѣдуетъ проходить. Они точно знаютъ, гдѣ приходится, для безопасности или удобства, идти непроложенной дорогой и тайгами, гдѣ—чрезъ деревни и даже города; вездѣ у нихъ есть свои примѣты, зарубки и надписи.

Громадный путь бродячъ, по мѣстамъ часто пустыннымъ, конечно, полонъ трудностей, бѣдствій и неудобствъ всякаго рода. Уже выходя съ завода, они начинаютъ терпѣть лишенія, что же приходится имъ испытывать, проходя громадное пространство по Забайкалью? Здѣсь самое народонаселеніе старается всѣми средствами затруднить путь бродячъ; буряты съ особенной охотой занимаются этимъ. Поэтому бѣглецы здѣсь пробираются тайгами; рѣдкому изъ нихъ не придется поголодать сутокъ трое, четверо, а иногда даже и больше; въ деревни заходить нельзя и приходится пробираться стороною, чуть не ползкомъ. Но самый трудный переходъ—кругомъ Байкала, длиною въ 350 верствъ. Нынѣ впрочемъ, послѣ проведенія дороги, онъ сталъ нѣсколько легче, хотя все же по своимъ удобствамъ, для обыкновенныхъ путешествій, считался бы почти немислимымъ; на немъ для бродячъ осталось еще немало обходовъ по мѣстамъ пустыннымъ и таежнымъ; особенно досаждаютъ имъ рѣчки Свѣжная, Бумажная и другіе горные потоки, быстрые и капризные, прыгающіе по камнямъ и представляющіе весьма серьезныя затрудненія при переправѣ. Какъ перебраться на другой берегъ? думаетъ бѣдняга, и вотъ сооружается самодѣльный плотикъ и кое-какъ, палкой или доской, переводятъ его на другой берегъ; но бывають и такіе смѣльчаки, что кидаются въ бродъ; а то употребляютъ и другіе способы: рубятъ, напримѣръ, палку и

перебрасывают на выдавшийся камень; перебравшись по ней и утвердившись на камнѣ, палка перебрасывается на слѣдующій и т. д. но при этомъ малѣйшее неосторожное движеніе, палка повертывается и смѣльчаекъ летитъ въ воду; онъ погибаетъ навѣрное, стремительность потока не допускаетъ сопротивленія; упавшій быстро несется къ устью, а затѣмъ въ громадное озеро. Много жертвъ унесли эти рѣчки, и бродяги съ тоской и страхомъ вспоминаютъ о нихъ. Трудность кругоморской дороги выражается въ слѣдующемъ:

«Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ горя»,

поютъ бродяги. Зимой переходъ дѣлается черезъ замерзшій Байкалъ. Этотъ переходъ не разъ уже описывался, и мы не будемъ много о немъ распространяться. Идутъ 60 верстъ и болѣе по голому льду, подъ вѣтромъ и часто буранами. Представьте себѣ этого путника среди ледяной пустыни, нищаго, въ оборванномъ армякѣ, шагающаго посреди вѣтра, подавляемаго и шириной пространства, и стихійными силами озера! Въ дальнѣйшемъ пути бродягамъ нерѣдко приходится идти дикими урманами, а часто и плавиться водой. Послѣдній путь многіе избираютъ, не смотря также на его опасность. Пускаются по Ангарѣ, внизъ до Енисея, по Бирюкѣ и по Кану. Для плаванія иногда владутъ и угоняютъ крестьянскія лодки; за неимѣніемъ же ихъ дѣлаютъ плоты, кое-какъ скрѣпленные; плаваютъ на нихъ группами въ 10, 15 и 25 человекъ. Встрѣчающіеся пороги на Кану и Ангарѣ обходятъ пѣшкомъ, тайгою; болѣе же смѣлые пускаются на плотахъ и черезъ пороги, надѣясь провести ихъ. Такой плотъ, кинувшись въ водоворотъ, кружится и уносится съ неимоверной быстротой, погружаясь иногда совершенно въ пѣнящіяся волны, и выкидывается на поверхность, далеко за порогомъ. Такое плаваніе рѣдко обходится счастливо, ударъ о камень полагаетъ конецъ земному странствованію бродягъ.

«Бѣжали мы, видишь, шестеро изъ тайги съ приска», говорилъ мнѣ одинъ бродяга. «Вышли мы на маленькую таежную рѣчку, что въ Енисей впадаетъ, срубили плотъ и отправились; былъ у насъ хлѣбъ съ собой запасенъ и огонь горѣлъ на плоту. Плыли мы съ баграми дня два; наконецъ начали къ устью подплывать, только не можемъ съ плотомъ справиться, такъ его и относить. Разъ поднесло къ самому берегу: «ну, думаемъ, конецъ;» выкинули мѣшки

на берегъ, хотѣли было за тальникъ схватиться, а плоть-то какъ двинетъ о берегъ, мы попадали, глядь, а насъ опять отнесло. Что тутъ дѣлать? въ мѣшкахъ у насъ и хлѣбъ лежалъ, а тутъ въ рѣчку претъ. Одинъ товарищъ пробовалъ веревку съ петлей накинуть на тальникъ, какъ поровнялся съ берегомъ; накинулъ, схватился за веревку, а плоть какъ повернется, свернулся бѣдняга и бухъ въ воду. Смотримъ насъ отнесло, а его и слѣда нѣтъ, такъ и ушелъ ко дну, царство ему небесное! Вынесло насъ въ Енисей на средину рѣки. Несетъ день, два, голодъ насъ сталъ пробирать, холодъ, мокрота. «Господи! что это, думаемъ, будетъ.» На плоту мы огонь кое-какъ все поддерживаемъ. На третій день голодъ насъ сталъ еще хуже мучить; пьемъ воду—тошнить, кору ѣдимъ—тошнить, а тутъ плоть прогорѣла, вода заливается, думали, потонемъ. Ходимъ мокрые, иззябли, окончили всѣ; пятый день плывемъ, пусто, кругомъ вода и къ берегу не подноситъ. Какъ мухи слабы стали, ползаемъ по плоту, а иной омертвѣлъ и языкъ отнялся. На утро въ шестой день увидѣли мы людей на берегу, заревѣли мы лихимъ матомъ: «спасите, православные христіане!» Видимъ на берегу человѣкъ стоитъ въ бѣлой фуражкѣ и въ пальто; подлѣ тарантасъ. «Кто вы такіе», кричитъ намъ. «Бѣглецы, говоримъ, бродяги, спасите!»—«А, такъ откуда плывете, туда и ступайте», говоритъ. Плотъ пронесло, безпомощные мы остались, отчаянность на насъ напала, упали мы, начали каяться, къ смерти собираться. Только въ седьмой день къ полудню насъ поднесло къ берегу, такъ плоть въ песокъ и вѣззася. Вышли мы на берегъ, козаконъ услышали, пошли къ деревнѣ, а насъ тутъ въ бѣлой шапкѣ баринъ-то и встрѣчаетъ. Это былъ самъ исправникъ. Упали мы въ ноги. «Возьмите насъ, говоримъ, ваше благородіе—съ голоду пропадаемъ». Разобрали насъ въ тѣ поры мужики, обогрѣли, накормили. Такъ вѣдь что: съ первого-то раза, облепавшись, мы чуть не умерли».

Переходы пустыни и лѣсовъ также не безъ трудностей, напримеръ, путь изъ Охотска въ Якутскъ по мѣстамъ гористымъ, дикимъ и совершенно безлюднымъ, вдали отъ дорогъ и жилья. Путешествіе по этой дорогѣ продолжается по 40 сутокъ въ одиночествѣ и совершенной пустынѣ, покрытой туманами, посреди утесовъ или извилистыхъ, переплетающихся рѣчекъ. Плутать приходится сплошь и рядомъ. Впрочемъ проходы по тайгамъ въ 260, 400 верстъ нерѣдки; къ нимъ совсѣмъ привыкли бродяги.

«Тайгой мы часто ходимъ», рассказываетъ бродяга, «кто знаетъ споровку—ничего, я сколько разъ хаживалъ. Запасешь хлѣба пудъ

и валяй. Мошка только одолеваетъ. Гдѣ тропинки расходятся, смотришь примѣты, наши же дѣлаютъ, зарубки на деревѣ, хворостъ сложенъ, али углемъ на лѣсикѣ написано куда идти. Знающему человѣку изъ лѣсу можно выйти; смотри гдѣ *полдень*—разъ по вѣтвямъ; также гдѣ кора на лѣсникахъ трескается, и по муравьинымъ кучамъ у корней—все это на полдень; мохомъ деревья обросли—къ полночи; ночью по звѣздамъ смотри, а еще лучше, коли имѣешь *матку* (компасъ). Хлѣба не достанетъ—ягоды, дикій луезъ ѣдимъ, колбу, осолодковый корень, бѣлоголовникъ—травку-то часто по бродячеству варить въ котелкѣ приходится... А звѣрь? нашего брата звѣрь не тронетъ, его дѣйствительно въ тайгѣ много, а онъ смиренъ, посмотреть изъ-за куста, и пойдетъ въ сторону».

Но если бродяги и неидутъ тайгой, то имъ все-таки встрѣчается не меньше неудобствъ и препятствій. Здѣсь, проходя кратчайшимъ путемъ въ деревню, бродяга попалъ въ трясину, тамъ, когда переплывалъ черезъ рѣчку, у него унесло узелокъ съ платьемъ и онъ остался голый въ степи. Такихъ прорухъ и приключеній множество. Жизнь бродягъ представляетъ много опасностей уже потому, что она ничѣмъ не гарантирована, онъ легко можетъ быть обобранъ и даже убитъ, какъ своимъ братомъ бродягою, такъ и крестьяниномъ; въ огражденіе отъ перваго онъ боится идти съ незнакомымъ путникомъ, встрѣчи въ полѣ со вторымъ онъ постоянно пугается. «Бродяжить, надо каждая куста бояться», говорятъ бродяги; ему не удается даже хорошенько спрятаться, потому что кружащіяся вороны указываютъ мѣсто, гдѣ онъ скрылся, и это вошло въ примѣту у крестьянъ. «Воронье войско насъ знаетъ», говорятъ бродяги. Только по широкому сибирскому тракту идутъ они спокойно, хотя, какъ дальніе и нишіе пѣшеходы, неприглядно. — «Эхъ кабы вы видѣли, любезный господинъ, какъ мы съ тузками, да котомками по дорогѣ идемъ», говоритъ бродяга, «лоскутъ на лоскутъ, кто безъ рубахи, кто безъ сапогъ, посмотрѣть, ровно трубочисты, съ собой ничего — кругомъ *Иванъ Ивановичъ*. Другой по дорогѣ зимой лунить, въ сермяжонкѣ, сѣномъ обернувшись, такъ что держись. Заткни перо — полетитъ. Отъ насъ за три версты дымомъ несетъ; какъ пройдемъ по деревнѣ, три дня собаки лаютъ. Эхъ вы! *пѣтухи поютъ, собаки лаютъ — деревня близко* ¹⁾, прибавь шагу.»

¹⁾ Бродяжеская поговорка.

Картину обдерганныхъ, почернѣлыхъ сибирскихъ бродягъ вѣроятно случалось видѣть, каждому проѣзжающему по Сибири. Идутъ бродяги массаи по дорогѣ, ихъ никто не останавливаетъ; идутъ и по деревнямъ свободно, въ отребьи, безъ рубахъ, въ арестантскихъ халатахъ съ тузами, иногда съ бритыми головами. Всѣ они одѣляются милостынею; къ нимъ привыкли. Бродягамъ незачѣмъ даже скрывать, кто они такіе, они прямо называютъ себя «прохожими». Встрѣчается иногда съ ними, засѣдатель застанетъ ихъ въ деревнѣ просящими милостыню около окошекъ, подзоветъ къ себѣ. «Кто вы такіе?» спрашиваетъ онъ. «Бродяги, ваше благородіе», отвѣчаютъ ему спокойно. — «Какъ же вы смѣете ходить тутъ?» — «Куда же намъ дѣваться, ваше благородіе, вѣдь надо же что нибудь ѣсть, куда же мы провалимся!» Посмотритъ, посмотритъ засѣдатель, махнетъ рукой, да поѣдетъ дальше. Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣваться человѣку? взять его въ острогъ, да онъ можетъ быть самъ, давно туда напрашивается. Да и что толку, когда такого народа не оберешься!

Такъ валяютъ бродяги; отдыхаютъ по балаганамъ, лачугамъ, а чаще всего въ деревенскихъ баняхъ. Иногда, особенно зимой, подъѣзжая къ деревнѣ ночью, можно видѣть, что всѣ бани дымятся— это расположились бродяги на ночлегъ. Крестьяне охотно даютъ пріютъ этимъ странникамъ и смотрятъ на нихъ свисходительно, пока они безвредны; крестьяне любятъ слушать бродяжескія сказки и прибаутки. Эта пдлическая сторона бродяжества занесена даже въ одну изъ новѣйшихъ ихъ пѣсень:

«Обойдемъ мы кругомъ моря,
Половину бросимъ горя.
Какъ придемъ мы во Култукъ —
Подъ окошечко стукъ, стукъ,
Мы развяжемъ тарбатеи,
Стрѣлять станемъ саватеи.
Надаютъ намъ хлѣба, соли,
Надаютъ и бараболи.
Хлѣба, соли наберемъ,
Въ баньку почевать пойдемъ.
Тутъ приходятъ къ намъ старыя
И ребята молодыя
Слушать Франца-Веньціана,
Про Бову и Еруслана.
Проводить ночь съ нами рады,

Хотя потъ течеть съ нихъ градомъ—
Сибирякъ развѣситъ губы
На полкъ въ бараньей шубѣ ¹⁾.

Въ баняхъ и разныхъ избушкахъ проводятъ бродяги зиму; это самое трудное время для нихъ; но прошла зима, засвѣтило апрѣльское весеннее солнце, затаялъ снѣгъ, пахнуло теплымъ воздухомъ, показались изъ-подъ снѣга зеленыя прогалинки и, какъ весеннія вереницы птицъ, вылѣзли и потянулись по дорогамъ закопченные бродяги. Поэтому лѣто для бродягъ имѣетъ много привлекательнаго: природа и жизнь улыбается, дрожь отъ холода не пробѣгаетъ по тѣлу, и мягкій нѣжашій воздухъ ласкаетъ и грудь, и истомленные ихъ лица. Они собираются компаніями, набираютъ хлѣба, складываются деньжонками, покупаютъ водки, украдутъ барана или поросенка въ деревнѣ,—и, около костра въ лѣсу, завязывается пиръ, слышится шумное веселье и дребежжащая бродяжеская пѣсня разносится далеко вмѣстѣ съ вьющимся дымкомъ изъ-за кустовъ.

Такая жизнь представляетъ много привольнаго, въ особенности для арестанта и каторжнаго. Свобода, никакихъ повинностей и труда, праздное препровожденіе времени, готовая пища и разнообразіе пути охватываютъ человѣка, и онъ скоро привыкнетъ къ кочевой жизни, какъ цыганъ. Бродяги также зовутъ себя «полевыми дворянами», какъ и цыгане. Полевая жизнь становится для нихъ тѣмъ привлекательнѣе, что они часто мечтаютъ о ней въ острогѣ. На бродягу раздражительно дѣйствуетъ и травка, и березка, и пѣніе кукушки, и все, что говоритъ о пробужденіи природы. Недаромъ они сложили поговорку, что кукушка зоветъ ихъ въ поле. Однакоже не слѣдуетъ увлекаться и воображать, что одна поэзія лѣса и поля вызываетъ людей къ бродяжеству. «Правда ли, что кукованье кукушки подстрѣкаетъ нѣкоторыхъ бѣжать съ заводовъ?» спросилъ я разъ опытнаго бродягу. Онъ только улыбнулся. «Это только наша поговорка-съ, сказалъ онъ; съ заводу заста-»
вляеть бѣжать тяжелая работа, да плети. Что тутъ кукушка!» Конечно, это былъ самый умный отвѣтъ.

Невесела жизнь бродяги и на волѣ. Тянется она горькая, бездольная, нищенская, страдальческая, тянется цѣлые годы безъ кон-

¹⁾ *Тарбатейки*—бродяжескіе мѣшки, *стрѣлять саватейки*—просить милостыню, *бараболы*—картофель.

ца. Приѣдается до нельзя эта безконечная дорога, это вѣчное странствованіе, вѣчные побѣги и вѣчныя опасенія за свою свободу. Какъ печальна жизнь бродяги, такъ печаленъ и конецъ его. Пробираясь въ страшную непогоду, подъ дѣйствіемъ весеннихъ и осеннихъ ливней, среди болотъ, переправляясь чрезъ разлившіяся озера и рѣчки, бродя зимой въ сильные холода и морозы, въ худой одежонкѣ, бродяга, обмораживаясь и простужаясь, часто хвораетъ, — и вотъ больной и холодный онъ тащится по тайгѣ, нерѣдко въ лихорадкѣ или съ началомъ тифа; едва едва добирается до деревни и просится къ мужику въ баню, куда съ неохотой принимаютъ его. Здѣсь, на полкѣ, въ одномъ кафтаникѣ, безъ всякой помощи, лежитъ онъ въ бреду; изрѣдка развѣ навѣдается боязливый хозяинъ узнать, не умеръ ли бродяжка, да сердобольная хозяйка приведетъ знахарку, чтобы вспрыснуть съ уголька. Принять-то его примутъ больного, но, опасаясь его смерти, стараются поскорѣе сбыть волостнымъ властямъ: кому охота быть въ отвѣтъ; впрочемъ и самъ бродяга въ случаѣ болѣзни норовитъ явиться въ волость, гдѣ просить взять его. Счастье, если онъ можетъ дотащиться до деревни, гдѣ мужики дадутъ ему пріютъ, но часто болѣзнь застаетъ его въ полѣ; кое-какъ добредетъ несчастный до одинокаго балагана, гдѣ продуваетъ со всѣхъ сторонъ, и лежитъ больной, надѣясь только на своего брата бродягу. Проходящіе мимо, такіе же бѣглецы, начинаютъ ухаживать за нимъ, принесутъ хлѣба, молока, подѣлятся съ нимъ, поговорятъ, успокоятъ больного. Но вотъ наступаетъ осень — пора идти въ деревни, товарищи начинаютъ уходить, больной остается одинъ съ маленькимъ запасомъ хлѣба и воды до выздоровленія. Лежитъ онъ среди пустаго лѣса, лишь свистить вѣтеръ, ломаются сучья, да кричить птица. Медленно тянется время, ночью слышенъ дикій вой волковъ и среди болѣзненной безсонницы иногда хрустѣніе валежника и ревъ медвѣдя. Все полно безнадежности, и молится, молится бродяга, чтобы поскорѣе Богъ далъ смерти. Самая смерть его будетъ одинокою и бобыльною, какою была цѣлая жизнь. Откроютъ весной его тѣло и бросятъ въ болото, чтобы не имѣть лишнихъ, хлопотъ съ начальствомъ—вотъ и конецъ бродяжеской жизни.

«Какъ да надъ богатымъ
Ставятъ мавзолей,
А надъ нашимъ братомъ
Пишутъ воробей»,

Такъ изображаютъ бродяги въ передѣланной пѣснѣ свою могилу. .

IV.

Сибирское бродяжество заключаетъ въ себѣ всѣ элементы отдѣльной корпораціи. Одинаковыя условія жизни, одинаковые интересы, одинаковыя цѣли и судьба создали изъ бродягъ довольно солидарную массу, которая имѣетъ свою общественную силу, свое общественное мнѣніе и извѣстныя общественныя условія. Сходство обстановки породило одинаковые нравы и воззрѣнія, правила и законы. Наконецъ внутренняя жизнь корпораціи потребовала и извѣстныхъ гарантій безопасности и своего уголовного кодекса. Бродяги, проходя постоянно по цѣскольку разъ съ востока на западъ Сибири, сталкиваясь и знакомясь, обмѣниваются наиболѣе интересующими ихъ извѣстіями, толкуютъ о своихъ дѣлахъ и соображаютъ какъ направленіе пути, такъ и свои дальнѣйшія дѣйствія. Гдѣ ловятъ, гдѣ нѣтъ, гдѣ безопаснѣе пройти, гдѣ начальство легче судить, каково на заводахъ? — все это вопросы интересующіе бродягъ и имѣющіе важное для нихъ значеніе. Жизненный опытъ, выработанный бродяжескими поколѣніями далъ свои правила и доктрины, которымъ невольно подчиняется всякій выступившій на бродяжескую дорогу. Острогъ, въ которомъ пребываетъ каждый бродяга, еще болѣе сплочиваетъ членовъ бродяжества. Здѣсь бродяга натурализуется окончательно, т. е. признается достойнымъ пріятія въ члены корпораціи. Здѣсь онъ посвящается во всѣ тайны корпораціи, роднится съ ней и пріучается жить ея интересами. Личная жизнь его начинаетъ зависѣть отъ жизни общественной, и онъ волнуется, печалится, радуется и живетъ общими дѣлами корпораціи. Такъ слагается внутренняя жизнь бродяжеской общины.

Бродяжеская корпорація сильна своимъ единствомъ. Она создалась во имя крайней необходимости и потому даетъ извѣстныя гарантіи каждому изъ своихъ членовъ. Желая хотя сколько нибудь обезпечить свою безопасность, бродяги создали свое собственное гражданское общество, каждый членъ котораго обязанъ безпрекословно исполнять всѣ уставы этого общества. Общество имѣетъ право контролировать, судить и наказывать своего члена. Тамъ, гдѣ представляется случай, бродяги всегда соединяются въ одно

общество, это особенно легко замѣтить въ острогѣ; здѣсь бродяги не смѣшиваются съ остальными арестантами, живутъ своей средой, имѣютъ свою особенную администрацію, т. е. старосту и писаря, свои сходки, свою кассу и майданъ. Во время бродячества они также, при первой возможности, стараются соединиться въ отдѣльную общину. Такъ, когда въ нѣкоторыхъ деревняхъ томской губерніи, лежащихъ на рѣчкѣ Сосновеѣ, скопилось много бродягъ по работамъ крестьянъ, и проживающихъ милостыней, то они составили свое общество, выбрали своего голову и писаря. Это общество существовало на ряду съ крестьянскимъ. Если бродяга попадался въ какойнибудь вишѣ, то надъ нимъ учреждался судъ и производилась расправа. Наказанія за провинности назначались очень суровыя и бывали примѣры, что виновному давали отъ 500 до 700 розогъ публично, при крестьянахъ. Тутъ у бродягъ съ крестьянствомъ установился чисто международный отношенія.

Въ остальныхъ случаяхъ, хотя корпорація и въ разбродѣ, но группируется, по мѣрѣ надобности, для какогонибудь предпріятія. Бродягамъ невыгодно составлять разбойничьи шайки, но они соединяются часто, чтобы отомстить комунибудь, напримѣръ, преслѣдующему ихъ засѣдателю. Одинъ священникъ рассказывалъ мнѣ, что ему разъ случилось ѣхать въ Омскъ. Была страшная распутица; на одномъ мосту его экипажъ завязъ, вытащить было трудно; пришлось остановиться. Вдругъ изъ-подъ мосту выскакиваютъ чело-вѣкъ 40 бродягъ. Священникъ съ дьякономъ испугались, но бродяги спокойно объявили, что вовсе не намѣрены ихъ трогать, а дожидаются засѣдателя, котораго хотятъ сжечь, при чемъ указали костеръ, разложенный подъ мостомъ. Затѣмъ вытащили завязшій экипажъ священника и, получивъ небольшое подаваніе деньгами, отпустили его. Засѣдатель кстати былъ предупрежденъ, переѣхалъ въ другомъ мѣстѣ черезъ рѣку и, такимъ образомъ, избавился отъ неминуемой опасности. Разумѣется, подобные случаи составляютъ весьма рѣдкое исключеніе въ жизни бродячества, отличающейся по преимуществу мирнымъ характеромъ. Но за то бродяги крайне строго судятъ своего провинившагося товарища. Каждый членъ корпораціи не долженъ нарушать интересовъ своей среды, онъ обязанъ защищать своего собрата. Онъ не долженъ выдавать начальству, что знаетъ о своихъ братьяхъ, и не показывать на нихъ. Показанія бродягъ на крестьянъ, у которыхъ они имѣли пріютъ, также не одобряются. Вообще требуется строгое сохраненіе тайнъ корпораціи. Нарушеніе этихъ основныхъ зако-

новъ бродяжеской корпораціи считается измѣною и жестоко наказывается. Точно также бродяги преслѣдуютъ воровство у своихъ, битье, увѣче, отбиваніе насильно женъ бродяжескихъ и любовницъ, особенно же караютъ за убійство своего брата. За послѣднее преступленіе иногда даже опредѣляютъ смертную казнь. Многіе рассказывали про такой процессъ: шелъ парень со старикомъ, многіе бродяги встрѣчали ихъ и обгоняли. Только на одну ночевку парень приходитъ одинъ и въ стариковомъ платьѣ. Случившемуся тутъ бродягѣ, который зналъ ихъ раньше, это показалось подозрительнымъ. Ночью онъ отправился назадъ въ тотъ балаганъ гдѣ встрѣтилъ въ послѣдній разъ парня съ старикомъ. Здѣсь онъ нашелъ кровь и, по ея слѣду, дошелъ до болота, куда былъ брошенъ трущъ старика. Вернувшись немедленно, онъ засталъ еще парня, и позвалъ его съ собою на мельницу къ знакомымъ бродягамъ. Пришедши туда, онъ сообщил о случившемся. Парень былъ задержанъ, а для удостовѣренія были посланы депутаты. Скоро они явились и подтвердили объ убійствѣ. Преступникъ сознался, его связали и начался судъ. Прокуроромъ явился старикъ, бродяга, работавшій на мельницѣ. Онъ обратился къ собранію съ такою рѣчью: «что братцы, говорить, ежели онъ 17-ти лѣтъ такія убійства съ своимъ братомъ дѣлаеть, то что же послѣ-то изъ него будетъ! Онъ пожалуй перебьетъ еще десятки людей въ лѣсу, такъ что никто не узнаеть. Можно ли послѣ этого и ходить намъ, коли свой же братъ убивать насъ станеть!» Отвѣтомъ было одобреніе.—«Это такъ, ужъ чего больше!» говорили бродяги.—«Ну, такъ дайте же мнѣ его, я съ нимъ расправлюсь», сказалъ старикъ. Всѣ согласились. Тогда бродяга, взявшій на себя исполненіе приговора, велѣлъ вести за собой арестанта.—«Ну, иди, братъ, расправа съ тобой будетъ коротка!» промолвилъ исполнитель. Парень чувствовалъ, что его ожидаетъ недоброе.—«Дяденька, позвольте хоть трубочку въ послѣдній разъ покурить», сказалъ онъ. Бродяги разсмѣялись этому хладнокровію, дали ему покурить и затѣмъ повели въ лѣсъ. Здѣсь старикъ снялъ ремень съ кольцомъ съ бродни, сдѣлалъ петлю, приказалъ нагнуть березу, закрѣпилъ ее. И черезъ нѣсколько минутъ преступникъ висѣлъ.

Часто бродяги пускаются въ розыски за преступниками верстъ за 100, за 200 и болѣе. Такъ недавно отыскивали какого-то *Омуля кривого*, который, вмѣстѣ съ любовницею, убивалъ бродягъ. Встрѣчая денежнаго спутника бродягу, Омуль приглашалъ его идти съ собою. Въ пустынномъ мѣстѣ онъ на спутника накиды-

валъ петлю, а любовница била его обухомъ топора. Наконецъ ихъ схватили бродяги. Омуть однако при началѣ суда вырвался и бѣжалъ, бросивъ даже платье, а любовница его была повѣшена. Долго бродяги отыскивали его по большимъ дорогамъ, но не нашли. Каждого проходившаго бродягу спрашивали, не видалъ ли Омуть и сообщали ему примѣты преступника. Убийцѣ однакоже не всегда въ наказаніе опредѣляется смерть, но его наказываютъ розгами и палками такъ жестоко, что неминуемымъ слѣдствіемъ наказанія все-таки почти всегда бываетъ смерть. Въ томской губерніи одинъ бродяга убилъ любовницу. Товарищи увидали его въ шубейкѣ, снятой съ убитой. Начали его допрашивать, наконецъ дознались. Убийца въ то время былъ въ банѣ въ одной деревнѣ. Его стали съць, засѣкли до полусмерти и бросили въ банѣ, а сами ушли. Высѣченный скоро умеръ.

«Ночевали мы въ одной банѣ», рассказывалъ мнѣ одинъ бѣглый, только приходитъ къ намъ бродяга чухна и расположился тутъ же. Ему дали мѣсто. Поздно ночью явились другіе посѣтители. Зажгли огня. Пришелъ бродяга съ любовницей. — «Надо посмотрѣть, вѣтъ ли знакомыхъ!» сказала женщина, и начала открывать спящихъ. Чухна старался плотнѣе закрываться. Это возбудило ея любопытство. — «Э, да это мой женихъ!» сказала она. Дѣло въ томъ, что чухна съ товарищами бродягами нѣсколько дней тому назадъ напали на нее, когда она оставалась въ лѣсу одна, и произвели насиліе. Чухна, испугавшись теперь отвѣтственности, пустился бѣжать. Его нагнали бродяги, и любовникъ оскорбленной женщины попросилъ бродягъ расправиться съ чухной своимъ судомъ. Вырѣзали таволожекъ, разложили виновнаго около бани и выдрали».

Преслѣдованіе бродягъ, совершившихъ преступленіе противъ своихъ, не прекращается и въ острогѣ. Напротивъ, такіе бродяги больше всего опасаются суда въ острогѣ, — здѣсь корпорація въ болѣе полномъ составѣ. При мнѣ, въ острогѣ раскрыли слѣдующій случай: судились трое бродягъ, взятые властями за убійство. Сидя въ острогѣ, они объявили товарищамъ, что судятся за убійство коробейника и его товарища. Но бродяги узнали положительно, что при слѣдствіи представлены котомки и котелки убитыхъ; оказалось, что они убили своихъ же бродягъ. Тогда надъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ учинили судъ и избили его жестоко. Онъ не смѣлъ идти даже жаловаться. Подобныя процессы въ острогѣ часты. Такъ бродяги для собственной безопасности создали себѣ самосудъ и свой уголовный кодексъ.

Половину жизни бродяги проводят въ полѣ и называютъ себя «полевыми дворянами». Половина жизни проходитъ въ острогѣ, который даетъ имъ одинаковость положенія, общіе нравы и сближаетъ ихъ. Ихъ конецъ—заводы или смерть въ лѣсу—тождественны. Все это скрѣпляетъ этихъ людей и возбуждаетъ сочувствіе другъ къ другу. Прожившія поколѣнія бродягъ имѣютъ свою исторію, передаваемую въ устныхъ разсказахъ. Часто приходится слышать разсказы объ одномъ и томъ же знаменитомъ лицѣ изъ разныхъ устъ, варьируемые и изукрашенные вымыслами. Это бродяжескіе мифы. Бродяжеская корпорація, какъ всякая корпорація, выработала свои типы и идеалы. Всякій бродяга въ душѣ желаетъ достигнуть бродяжескаго идеала—героя. Отличительные признаки такого героя: неустранимость въ опасностяхъ, смѣлость въ похожденияхъ, хитрость для того, чтобы провести преслѣдователей; онъ долженъ быть отличный воръ, деньги у него не должны переводиться; онъ долженъ кутить и вести ожесточенную борьбу съ властями и крестьянствомъ. Когда-то у бродягъ велась безпощадная борьба съ крестьянствомъ, и въ разсказахъ сохранились до сихъ поръ нѣкоторые эпизоды изъ нея, имѣющіе сказочный характеръ. Мы приведемъ одинъ изъ мифовъ болѣе выдающійся,—какъ наказанъ былъ крестьянинъ, промышлявшій убійствомъ бродягъ. Крестьянина звали Заворотъ и жилъ онъ въ енисейской губерніи въ деревнѣ Кольцовой, назаровской волости. ачинскаго округа. Онъ выслѣживалъ денежныхъ бродягъ, принималъ ихъ у себя въ избѣ, угощалъ, потомъ нагонялъ и убивалъ въ лѣсу, обирая ихъ до нитки. Состояніе его было громадное, бродяги его боялись. Но вотъ разъ шелъ съ каторги мальчишка бродяга, которому и суждено было стать героемъ. Узнавши о Заворотѣ, онъ занася деньгами, придѣлся и, пригласивъ товарища бродягу, отправился къ Заворотѣ, а остальныхъ спутниковъ оставилъ за деревней. Пришедши, онъ началъ требовать водки, кушаній и за все щедро платить, показывая нарочно передъ Заворотой, что у него есть деньги. Наконецъ онъ прощается. — Куда вы, батюшка, пойдете? спрашиваетъ Заворотъ. — Туда-то, отвѣчаетъ бродяга, указывая откровенно настоящее направленіе. Онъ соединяется съ товарищами и всѣ они отправляются въ дальнѣйшую дорогу. Будущій герой объясняетъ, что онъ разжегъ Завороту на погоню и намѣренъ проучить его. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ изъ-за кустовъ показался Заворотъ, верхомъ на лошади и съ винтовкой. — Эй, варнаки, стой! становитесь всѣ подъ одну пулю! крикнулъ онъ и положилъ винтовку между

ушей лошади. Бродяги остановились. Заворота спустил курокъ, осычка, еще—тоже самое, еще—и опять тоже. На полкъ у него вмѣсто пороху очутилась вода. Бродяга — герой, посѣтившій его, улыбнулся. Винтовка была заговорена. Затѣмъ лошадь у Завороты начала кружиться. Тогда бродяги подошли и сняли Завороту съ лошади, вокругъ пояса нашли опоясанные два мѣшка для добычи. Предводитель бродягъ приказалъ изрубить бродяжескаго убійцу и куски его сложить въ мѣшки, привязавъ ихъ къ лошади. Другой вариантъ этого разсказа говоритъ, что герой бродяга предварительно спрашивалъ мужика Завороту, сколько онъ душъ погубилъ? Тотъ отвѣчалъ, что 90.—Много! сказалъ бродяга, я не хочу твоихъ грѣховъ на душу брать и приказалъ его высѣчь. Его такъ жестоко наказывали, что, возвратившись домой, онъ слегъ; три дня былъ при смерти, три раза оживалъ и, наконецъ, умеръ. Есть подобный же разсказъ о томъ, какъ какому-то крестьянину въ наказаніе за убійство 60-ти бродягъ, бродяги перерѣзали поджилки.

Этими разсказами характеризуется та ожесточенная борьба и кровавая вражда, которыя существовали между бродягой и его преслѣдователемъ. Они служатъ какъ бы утѣшеніемъ бродягамъ, что и ихъ смерть не остается безнаказанною. Вотъ разсказъ, подтверждающій это предположеніе. Въ одной деревнѣ жилъ мужикъ, который билъ и обиралъ бродягъ, но подъ конецъ жизни бросилъ свои злодѣяства и раскаялся. Къ такому раскаянію его побудило слѣдующе приключеніе. Разъ къ нему пришло нѣсколько бродягъ, иные были съ деньгами. Онъ пріютилъ ихъ и когда они ушли, отправился за ними въ погоню. Въ лѣсу онъ нашелъ всѣхъ ихъ спящими одинъ подлѣ другого въ одной линіи. Выстрѣливъ вдоль, онъ убилъ шесть человѣкъ, а 7-й побѣжалъ. (Убійство одной пулей многихъ часто фигурируетъ въ бродяжескихъ разсказахъ). Тогда крестьянинъ догналъ бѣжавшаго и убилъ его прикладомъ. Обобравъ деньги у убитыхъ, убійца присѣлъ отдохнуть на сломленное дерево. Только видитъ, прилетѣла птичка и начала клевать песокъ. Убійца тоже захотѣлось попробовать его; поѣвши, онъ нашелъ его сладкимъ. Тогда его объялъ страхъ и онъ пустился домой. Ночью къ нему явились убитые, требуя похоронъ. Чуть свѣтъ побѣжалъ онъ на мѣсто, гдѣ перебилъ бродягъ, на колѣняхъ у труповъ сталъ молить о прощеніи, перецѣловалъ всѣхъ ихъ и предалъ землѣ. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ ничего ѣсть, не сѣвши предварительно горсти земли. Это было наказаніемъ свы-

ше. Съ той поры онъ не пропускалъ ни одного бродягу, не накормивъ его до сыта.

Кромѣ старыхъ героевъ, у бродягъ много есть и новыхъ, напимѣръ Свѣтловъ, Ланцовъ, Травинъ и другіе. Ихъ жизнь, полная авантюризма, опасности и борьбы, выдвигаетъ энергичныя и сильныя натуры. Каждый бродяга, можно сказать, до извѣстной степени герой, перенесшій десятки опасностей, десятки разъ жертвовавшій своею жизнью и десятки разъ выходившій побѣдоносно изъ борьбы. Поэтому, въ острожномъ мірѣ, между бродягами замѣтна гордость, и они считаютъ себя выше и опытнѣе остального мелкоплавающего арестантства.

Ихъ герои воплощаются въ самостоятельной бродяжеской поэзіи, гдѣ воспѣваются разные приключенія героевъ, ихъ побѣги и т. п. Пѣсни бродяжескія на половину острожныя, потому что судьба бродягъ постоянно связана съ острогомъ. Въ однихъ пѣсняхъ воспѣвается гулянье по полямъ, по городамъ и лѣсамъ, пріюты по банямъ и вообще бродяжеская жизнь, въ другихъ походженія бродягъ-героевъ, какъ напр. Ланцова. Въ этихъ пѣсняхъ всегда звучитъ грустная и нѣжная нота ссыльнаго, чувствующаго въ Сибири свое одиночество.

V.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что бродяжество вездѣ и во всемъ имѣетъ свой особый убѣжденія, на все оно смотритъ съ своей особой, оригинальной точки зрѣнія. Съ этой же точки оно взираетъ на любовь, или, какъ называютъ ее сами бродяги, на «бродяжескій бракъ».

Бродяжескій романъ разыгрывается какъ во время страстей, такъ равно и въ стѣнахъ острога; семейная жизнь течетъ на поляхъ, испытывая всѣ превратности и мытарства бродяжества.

Бродяга, какъ человѣкъ одинокій, особенно склоненъ къ любви и расположенъ ко всякой интригѣ. Бродяги любятъ увлекать любимыхъ съ собой въ бродяжество; въ сибирской семьѣ всегда много недовольныхъ, которыя готовы уйти, съ кѣмъ угодно и куда угодно—лишь бы только уйти. Жизнь женщины въ крестьянской семьѣ, по большей части, непривлекательна: мужъ-деспотъ, часто пьяница, свекры и свекрови заѣдаютъ жизнь, постоянные побои

постоянная брань, тяжелый труд—вотъ ея всегдашняя обстановка. Рѣдкій мужъ въ Сибири не бьетъ свою жену; при пьянствѣ мужей главный трудъ и поддержаніе семьи иногда ложится на женщину; развратъ въ деревняхъ также очень развитъ; въ этомъ развратѣ, конечно, болѣе власти и свободы выпадаетъ на долю мужчины; каковъ бы ни былъ мужъ, жена обязана его любить; мужъ часто заставляетъ жену угождать своимъ любовницамъ. Но если сама женщина дозволить себѣ такого рода свободныя отношенія, ее ожидаютъ жестокія испытанія. Въ сибирскихъ семьяхъ, вѣроятно, поэтому такъ часты отравленія мужей женами. При такой стѣснительной обстановкѣ, понятно желаніе крестьянки бѣжать изъ семьи. А тутъ для подмоги является удалой парень-бродяга, смазливый собой, любезный и ласковый, съ деньгами, добытыми на большой дорогѣ; онъ увивается за женщиной, увлекаетъ ее; она бросаетъ грубаго мужа и семью, и идетъ за удалымъ добрымъ молодцомъ въ бродяжество. И много такихъ драмъ разыгрывается въ сибирской крестьянской семьѣ. Бываетъ, что женщина, вскорѣ обманутая бродягой, снова является къ мужу и къ семьѣ, но часто потокъ бродячества совершенно поглощаетъ ее, и она исчезаетъ навсегда, сживаясь совершенно съ бѣгло-арестантской средой. Часто связь крестьянки съ бродягой бываетъ очень прочна и не разрывается, не смотря ни на какое наказаніе, къ которому присуждается ея милый;—бродяжество ихъ снова соединяетъ. Мнѣ указывали на одну женщину, сибирскую крестьянку, которая пошла за бродягой, попала съ нимъ въ острогъ и судилась. Ее отправили къ мужу, а бродягу на заводы. Скоро онъ бѣжалъ, явился снова къ любовницѣ, и они опять отправились бродяжить, и снова были пойманы. Четыре раза жена отсылалась къ мужу, а бродяга на заводы, и все-таки онъ снова приходилъ за нею и уводилъ ее. Бѣгство очень обыкновенно у сибирскихъ женщинъ; одинъ бродяга рассказывалъ мнѣ, какъ онъ встрѣтилъ около деревни дѣвочку лѣтъ одиннадцати, которая упрашивала его взять ее съ собою бродяжить.

Жизнь въ бродяжествѣ для женщины далеко небезопасна; она часто служитъ предметомъ спора между бродягами; изъ-за нея идетъ ожесточенная борьба; желая воспользоваться ею, иногда даже убиваютъ ея любовника. «Насъ было двое бродягъ», говорилъ мнѣ одинъ бѣглый, «мы встрѣтили каторжнаго съ любовницей съ завода и поселенца-бродягу съ сибирячкой. Во время пути каторжный началъ подтрунивать надъ поселенцемъ, говоря намъ: «эй, хо-

лостежь, отбейте-ка отъ этого сибирячку-то!» Поселенецъ началъ трусить. «На другой день, чуть свѣтъ онъ убрался тихонько съ своей бабой и сдѣлалъ версть 40. Мы скоро, однако, встрѣтили ихъ опять на берегу рѣчки, онъ удилъ рыбу. Завидя насъ, онъ собралъ удочки и снова пошелъ щелкать въ лѣсъ, въ сторону. Такъ перепугались они!» Женщины-бродяги часто, чтобы скрыться, одѣваются въ мужское платье. Кромѣ опасности подвергнуться насилію и перейти въ руки другого бродяги, женщина должна нести всѣ трудности бродяжеской дороги, которымъ подвергается ея закаленный любовникъ. Какъ тяжелъ этотъ путь, и что должна вынести во время странствій съ бродягою женщина, я приведу два разсказа.

Бродяга Абрамовъ разъ остановился у крестьянки, мужъ которой былъ на приискахъ. Они слюбились, но пріѣхалъ мужъ, и Абрамовъ долженъ былъ уходить. Когда отошелъ онъ нѣсколько десятковъ верствъ отъ деревни, его нагнала любовница, ѣхавшая на телѣгѣ продавать горшки на базаръ въ какое-то село. Встрѣча была радостная. Абрамовъ уговорилъ ее идти бродяжить. Затѣмъ онъ тутъ же перебилъ горшки, и на лошади они отправились въ Иркутскъ, гдѣ телѣгу съ лошадыю продали. Пѣшомъ уже они пошли къ Якутску и зашли въ глухую волость. Здѣсь они познакомились съ писаремъ и просили его настрочить имъ билетъ. Писарь согласился, взялъ 25 рублей, но смастерилъ билетъ самаго плохого достоинства. Писарь имѣлъ въ виду сбыть бродягъ такъ, чтобы они никогда не могли сдѣлать на него показаній въ случаѣ поимки. Такъ какъ бродяги спрашивали дорогу на какую-то деревню, то онъ съ старостой и указалъ имъ путь тайгой. Имъ сказали, чтобы они шли дни два, три лѣсомъ, въ известномъ направленіи, и непременно выйдутъ, куда нужно. Абрамовъ съ любовницей пошли, запасшись полупудомъ хлѣба. Дня четыре они шли непроходимой тайгой, пробираясь тропинками; попадались только пустыя звѣроловныя избушки и ловушки на звѣря. Все было дико и пустынно, ихъ окружали трущобы и высокія ели, не было ни малѣйшаго признака жилья. Прошли они пять дней, на шестой хлѣбъ весь вышелъ. Тогда имъ стало ясно, что они или заплутались, или ихъ послали на вѣрную гибель. Пришлось питаться чѣмъ попало, они стали ѣсть ягоды, грибы, лукъ, колбу, но такая пища только разслабляла организмъ. Оставалось для спасенія воротиться—это былъ девятый день ихъ выхода. И вотъ они, по старымъ тропинкамъ, рѣшились выбираться назадъ. Проплутавъ дня два, питаясь травой и ягодами, они стали терять свои силы; они не

«Дѣло», № 10.

могли уже ѣсть ни колбы, ни луку. Кое-какъ протащились еще день, другой, обнаружилась боли въ животѣ, женщина совсѣмъ ослабла и не могла идти далѣе. Абрамовъ долго думалъ, что дѣлать, наконецъ предложилъ любовницѣ остаться покуда, а самому идти до деревни и потомъ съ хлѣбомъ явиться за ней. Женщина боялась, что бродяга ее броситъ, но онъ снялъ съ себя образъ, «родительское благословеніе», поклялся передъ нимъ, что воротится и повѣсилъ его надъ больной. Избушку онъ заперъ запорамми, ставни приперъ крѣпко, чтобы незабрался звѣрь и пошелъ шагать. Протащившись дня два, все также пытаясь, онъ и самъ не могъ идти и слегъ около одной избушки. Животъ болѣлъ, силы совершенно истощились, на него напало отчаяніе — приходилось умирать. Но, полежавъ, онъ увидѣлъ бруснику, сталъ ѣсть ее и почувствовать себя легче; набравши шапку этихъ ягодъ, онъ опять пошелъ и добрался до деревни. Первымъ дѣломъ, войдя въ какую-то избу, онъ съѣлъ цѣлую ковригу хлѣба; затѣмъ пошелъ къ одному поселенцу и рассказалъ о случившемся. Тотъ принялъ въ немъ участіе, и немедленно снарядилъ телѣгу. Приѣхавъ, Абрамовъ нашелъ женщину съ пѣною у рта, она ничего не говорила и не слышала. Абрамовъ влилъ ей молока въ ротъ и она очуствовалась. Поѣвши, они прибыли въ деревню. Поселенецъ предъявилъ на сходкѣ жалобу на писаря съ головою. Сходъ рѣшилъ вмѣсто удовлетворенія — угостить ихъ хорошенько, и всѣ выпили здорово. Скоро однако Абрамовъ бросилъ свою любовницу. Эти покиданья очень часты у бродягъ. «Попавшись, за бабу отвѣчать придется», говорилъ Абрамовъ.

Про другое странствіе съ женщиной мнѣ рассказывалъ каторжный. Калина былъ каторжный перваго разряда, на заводѣ онъ сошелся съ женщиной, тоже каторжной, убилъ ее мужа и бѣжалъ съ ней. Оба они имѣли деньги. Женщина взяла съ собой нѣсколько платьевъ, бѣлье, шали и т. п. Калина тоже былъ одѣтъ щегольски, въ хорошей однорядкѣ, въ смазныхъ сапогахъ, плюсовыхъ шароварахъ, мерлушней шапкѣ и тулупѣ. Это была молодая и красивая бродяжеская пара. Счастливо миновали они Забайкалье, обошли Байкаль и явились въ село К*. Калина оставилъ бабу на улицѣ, а самъ зашелъ въ кабакъ купить вина. Выходя онъ встрѣтилъ писаря. — Кто ты такой? спросилъ писарь. — Развѣ ты не видишь кто? отвѣчалъ Калина, не разъ бывавшій въ бродяжествѣ и человекъ не трусливый. — Гдѣ твой видъ? спросилъ писарь. — Подите возьмите въ Корѣ, я тамъ его оставилъ. — А чья это баба?

продолжалъ разспрашивать писарь.—Не знаю.—Ты чья, матушка? спросилъ писарь.—А вотъ съ нимъ иду, отвѣчала та. — Такъ это твоя баба? продолжалъ писарь.—Видно моя, коли больше ничья! Писарь немедленно потянулъ бродягъ на сходку. Рѣшили ихъ забрать. Начали допрашивать, гдѣ украли женскія платья и т. п., такъ какъ богатыхъ бродягъ мудрено встрѣтить. Калина урезонивалъ, онъ предлагалъ примѣрять всѣ платья на его любовницу и тѣмъ убѣдиться, что они не крадены. Но его не слушали. Тогда Калина предложилъ вина на компанію. Но вина было мало, за свободу у нихъ потребовали 3 рубля денегъ, да платье женское, да котелокъ, да шаль одну и пр. Баба рѣшилась все отдать только бы отпустили. Давши выкупъ Калина не рѣшился ночевать въ этой деревнѣ, а отправился съ любовницей въ лѣсъ, гдѣ и расположились они въ балаганѣ. Утомленный онъ тотчасъ же заснулъ. Ночью его расголкала любовница. Къ балагану кто-то подѣхалъ. Это были два верховые съ винтовками. «Ну, выходи, варнаки», закричали они. Калина выскочилъ. «Становись, сейчасъ расправа будетъ! снимай что есть на тебѣ! Подай котомку!» Калина увидѣлъ въ прѣхавшихъ сына писаря и сельскаго старосту, которые явились обобрать и убить ихъ, чтобы они не донесли послѣ на общество. Приказъ снять платье—показывалъ, что они не хотятъ его окривянить. Нечего дѣлать, Калина все снялъ съ себя. «Становись въ уголь!» приказали ему. Сталь. Приказали раздѣться бабѣ. Калина сталь подходить къ ней.—Не подходи! кричалъ верховой и снявши винтовку прицѣлился ему въ голову; курокъ былъ спущенъ, но произошла осѣчка; ночь была морозная. Тогда Калина схватилъ за рукавъ тулупъ и безъ рубахи и сапогъ пустился въ поле. Онъ пробѣжалъ верстъ шесть, одна нога его обморозилась. Онъ принужденъ былъ возвратиться въ деревню, гдѣ нашелъ и свою бабу. Мужики не смѣли ее тронуть, боясь, что спасшійся Калина донесетъ на нихъ. Калину однако снова позвали на сходъ. Мнѣнія раздѣлились. Всѣ, впрочемъ, видѣли, что и отпустить бродягъ опасно, да и представить нельзя, такъ какъ они донесутъ о происшествіи въ лѣсу. Калина увидѣлъ, что ему угрожаетъ новая опасность. Онъ начинаетъ весьма убѣдительно увѣрять, что доносить ему незачѣмъ, такъ какъ и самъ онъ пробрается тайкомъ, а второе—деревня не можетъ отвѣчать за нападеніе на него, дѣло было въ лѣсу, и онъ не можетъ указать, кто именно на него нападалъ. Крестьяне, наконецъ, отпустили его, и онъ пошелъ съ бабой далѣе.

Можно себѣ представить, каково положеніе женщины-бродяги во время беременности. Часто приходится мучаться родами гдѣ нибудь въ балаганѣ, подъ кустомъ; потомъ, тащить съ собою груднаго малютку. Случается, что бродяжка-мать идетъ даже съ нѣсколькими дѣтьми. Одинъ мнѣ извѣстный бродяга прошелъ всю Сибирь съ женой и съ дѣтьми. Но въ большинствѣ случаевъ бродяги-женщины тяготеютъ дѣтьми и раздають ихъ по деревнямъ. Женщина, ухидившая съ каторжнымъ четыре раза отъ мужа, о которой я уже говорилъ, продавала дѣтей въ крестьянскія семейства по 8 рублей. Многіе приносятъ дѣтей и въ остроги, гдѣ судьба ихъ, конечно, незавидна.

Любовь бродягъ продолжается и въ острогѣ, когда они понадаются съ женщинами. Здѣсь же часто начинается и новая любовь, финалъ которой долженъ быть въ партіи и бродяжествѣ. Въ каждомъ острогѣ можно видѣть, какъ, приткнувшись къ рѣшеткамъ, сидятъ арестанты, тоскливо поглядывая на окна женскаго отдѣленія. Несмотря на острожную дисциплину, знакомства быстро завязываются, а затѣмъ является и любовь. Любовь острожная — любовь платоническая. Взгляды, воздушные поцѣлуи, разговоръ черезъ загородки и стѣны, изрѣдка встрѣчи въ корридорахъ — вотъ все, чего можетъ достигъ пылкій и влюбленный. Конечно, между развратомъ, порождаемымъ тюрьмами, бывають въ острогѣ и глубокія привязанности, въ которыхъ нельзя отрицать чувства самоотверженія. Я самъ былъ свидѣтелемъ такой привязанности. Грузинъ, уведшій съ каторги дѣвушку нѣмку, былъ взятъ съ нею въ бродяжествѣ. Сидя въ острогѣ, онъ показался на чужое имя, на Кавказъ, желая продлить время за справками и жить вмѣстѣ съ своей любезной. Узнавши, куда его присудятъ, онъ самъ рассчитывалъ перемѣнить показаніе и все-таки уйдти въ каторгу за любовницей. Но приходятъ справки, и къ удивленію его онъ признанъ за того, на кого показывался. Рѣшено было препроводить его на Кавказъ. Предчувствуя всю тяжесть разлуки, онъ рѣшился отпереться отъ прежняго показанія. Когда его вызвали для отпрадки, онъ объявилъ начальству острога, что онъ обманулъ слѣдствіе, что, въ сущности, онъ вѣчный каторжный, а потому просить не посылать его на Кавказъ, а судить, какъ слѣдуетъ. Впереди были плети и жестокое заключеніе въ цѣпяхъ; но онъ рѣшился все перенести лишь бы не разставаться съ любимой женщиной. Кончилось однако тѣмъ, что его отправили; для предупрежденія же побѣга, заковали въ

ручные и ножные кандалы, а нѣмка осталась въ острогѣ и показалась на поселенье.

Насколько платонична любовь бродяги въ острогѣ, настолько же она разнузданна въ бродяжествѣ и, иногда, даже доходить до звѣрства. Часто совершаются бродягами самыя наглыя и дерзкія покушенія на женщинъ и ихъ умыканія. На крестьянокъ бродяги иногда нападаютъ на пашняхъ и, угрожая ножомъ, заставляютъ идти съ собою. Иногда женщина дѣлается жертвою нѣсколькихъ человекъ. Иногда же, опасаясь съ ея стороны доноса, послѣ насильствования, ее убиваютъ.

Разскажу одинъ случай. Бродяга Абрамовъ шелъ съ молодымъ товарищемъ по енисейской губерніи. Прийдя въ одну деревню, они узнали, что передъ ихъ приходомъ исчезла женщина съ пашни. Ждали засѣдателя и приготовлялись къ облавѣ. Крестьяне посоветовали Абрамову съ товарищемъ лучше убираться и указали путь за болотами, гдѣ они могли во время тревоги скрыться. Бродяги пошли. Пройдя верстъ 12, они услышали стонъ въ кустахъ. Молодой бродяга пошелъ въ лѣсъ, и скоро выбѣжалъ оттуда блѣдный и дрожащій. Тамъ онъ увидѣлъ голую женщину, повѣшенную за косы на дерево; все ея тѣло было искусано комарами и оводами; она распухла, на губахъ была пѣна; она была безъ чувствъ, но еще жива. Бродяги сняли ее съ дерева, привели въ чувство, и снали въ одну избушку на дорогѣ, а сами дали знать въ деревню. Женщина разсказала, что ее увелъ бродяга съ пашни, подъ угрозой убить. Она по неволѣ пошла за нимъ. Пройдя нѣсколько верстъ, съ ними встрѣтился другой бродяга знакомый первому. Пришелецъ также началъ волочиться за бабой, которая стала сопротивляться. Первый бродяга горько выговариваетъ товарищу. — Развѣ я не товарищъ тебѣ, будемъ съ бабой жить! оба, отвѣчалъ второй. — Коли она не хочетъ съ тобой жить, возразилъ первый. — А если такъ, пусть же она никому не достается, — повѣсимъ ее! Недолго раздумывалъ первый, видно, привязанность къ товарищу была велика, несчастную женщину раздѣли до-нага, привязали за косы, и повѣсили.

Бѣда женщинѣ, если ей приходится ѣхать одной по полю. Встрѣтившіеся бродяги постараются непременно захватить ее. Такъ, недавно, около одной деревни бродяга хотѣлъ схватить 14-лѣтнюю дѣвочку, ѣхавшую по дорогѣ, но лошадь понесла и дѣвушка спаслась. Крестьяне нагнали бродягу и сильно его побили. Насилія противъ женщинъ ожесточаютъ крестьянъ, и они расправляются

съ пойманными бродягами самымъ жестокимъ образомъ. Въ одной деревнѣ въ томской губерніи, за насиліе надъ бабами на пашняхъ, крестьяне убили на одной недѣлѣ семь человекъ бродягъ.

VI.

Какъ ни привыкаетъ бродяга къ вѣчному шатаію, онъ все-таки ощущаетъ потребность въ пристанищѣ. Ему хочется приостановиться, хоть на время отдохнуть, пожить осѣдло, обществомъ, и забыть свою собачью полевую жизнь. Хотя у бродяги и нѣтъ юридически-признаннаго такого убѣжища, но онъ самъ его создалъ въ острогѣ. Это его гавань, куда онъ пристаеъ для отдыха отъ бродяжескихъ тревоженій. Это альфа и омега его жизни, отсюда онъ уходитъ, здѣсь же завершается его странствіе. Застигнутый зимой или горькой нуждой, онъ идетъ въ острогъ, и только здѣсь находитъ немного отдыха и спокойствія. Бродяга называетъ острогъ «Родительскимъ домомъ», потому что у него нѣтъ другого дома и крова. Бродяга сроднился съ острогомъ и дружески называетъ его «дядей». Приходя сюда, онъ попадаетъ въ среду такихъ же бродягъ; здѣсь онъ равноправный господинъ, а не парій; здѣсь онъ устанавливаетъ свои обычаи, правила, нравы, держится своихъ привычекъ и наклонностей, живетъ, какъ вздумаетъ. Здѣсь онъ перебиваетъ 10, 20 разъ въ свою жизнь во время бѣговъ, проведетъ пол-жизни въ его стѣнахъ, и дальше ихъ все-таки не выберется, какъ ни бьется. Острогъ, такимъ образомъ, дѣлается его отечествомъ, а онъ вѣчнымъ гражданиномъ его.

Сибирскіе остроги имѣютъ именно такое значеніе для бродяги. Они знакомы ему во всѣхъ подробностяхъ, со всѣми мелочами и особенностями быта. Бродяги всегда знаютъ положеніе остроговъ, измѣненія въ управленіи и порядкахъ ихъ, и живо этимъ интересуются. Входя въ остроги, они находятъ здѣсь многочисленное общество изъ своей корпораціи, встрѣчаютъ своихъ знакомыхъ и друзей по бродяжеской жизни; многими изъ нихъ они интересуются, какъ знаменитостями, и встрѣчаютъ здѣсь этихъ популярныхъ героевъ.—гордость и цвѣтъ бродяжества. Большая часть населенія въ сибирскихъ острогахъ—бродяги, и они составляютъ здѣсь наиболѣе

прочный и окультивированный элементъ. Они не сходятся съ крестьянами и поселенцами, и основали здѣсь свою общину и администрацію. Въ острогахъ всегда встрѣчаются двѣ общины: одна крестьянская, а другая бродяжеская. Каждая изъ нихъ особо живетъ, особо управляется, имѣетъ своего старосту, своего писаря и даже иногда два особые *майдана* или острожные лавочки. Это обособленіе въ арестанствѣ бродягъ отъ крестьянъ (съ поселенцами и мѣщанами) объясняется особыми нравами и особыми интересами бродягъ, а потому и иными общественными нуждами. Бродяги подвергаются тѣлеснымъ наказаніямъ и платятъ подать палачу, а также имѣютъ и другіе темные расходы (крестьяне же и мѣщане изъяты отъ этого). Бродяга въ острогѣ платитъ своего рода подать въ свою артель; такъ, въ томъ острогѣ, который я зналъ, платилось бродягами 30 к. съ человѣка (Поселенцы платятъ 75 к., крестьяне и мѣщане 1 р. 50 к., также въ свою артель. (Бродяжеская община имѣетъ свои сходки, но на выборы, какъ и на рѣшеніе дѣлъ, вліяютъ наиболѣе опытные бродяги, болѣею частию каторжные; они диктуютъ надъ остальными, болѣе умѣренными и болѣе смиренными своими товарищами, главное потому, что они энергичнѣе прочихъ и наглѣе. Въ ссорахъ они не затрудняются погрозить и ножомъ. При выборѣ главныхъ должностныхъ лицъ, старосты и писаря, употребляются подкуны и угрозы. Староста имѣетъ большое значеніе, онъ собираетъ деньги, хранитъ ихъ и расходуетъ, получаетъ подаваніе, наряжаетъ на работы въ острогѣ, устанавливаетъ очередь и выполняетъ должность полицейскаго. Сколько мнѣ приходилось слышать, выбранныя лица почти всегда растрчиваютъ артельныя деньги. Къ такому безцеремонному обращенію съ общественной кассой острожное общество привыкло, и не особенно имъ возмущается. Въ острожной средѣ существуетъ свое оригинальное воззрѣніе на выборную власть. Только тотъ можетъ разсчитывать быть выбраннымъ, кто получалъ репутацію расторопнаго удалца, сорви-головы, продувнаго и хитраго, но особенно кто задобрилъ многихъ деньгами, угощеніемъ и обѣщаніями. На нравственныя качества выбираемаго лица вовсе не обращается вниманія; требуется только, чтобы воровство не переходило извѣстныхъ границъ. Часто бываетъ достаточно такого соображенія: «онъ старый каторжный, говорятъ бродяги, да и прогорѣлъ, пусть поправится, выберемъ его!»—и выбираютъ. Дѣйствительно, лишь только бродяга попалъ въ старосты, онъ сейчасъ же начинаетъ поправляться, заводитъ любовницу между острожными женщинами, щеголяетъ и ку-

титъ на пропалую. Случается, что онъ слишкомъ заускаетъ лапу въ артельную сумму. Тогда его усчитываютъ на сходѣ, поругаютъ, побьютъ и смѣняютъ. Но и новый дѣйствуетъ не лучше, и мѣняютъ ихъ почти каждый мѣсяць.

Судъ надъ провинившимися бродягами совершается также приговоромъ всей общины. Такихъ приговоровъ бродяги боятся, и только это накладываетъ на нихъ узду. Бродяга, какъ гражданинъ острога, долженъ ставить интересы общины выше всего, онъ обязанъ блюсти острожные тайны, не подкапываться и не доносить на своихъ товарищей, не открывать ихъ псевдонимы, а также ранѣ совершенныя преступленія. Доносъ и шпионство особенно преслѣдуются общиною. Я говорилъ о судѣ бродяжескомъ въ полѣ; въ острогѣ онъ еще лучше организованъ. Предъ бродяжескою общиною здѣсь отвѣчаютъ не только за то, что сдѣлано въ острогѣ, но и за тѣ преступленія противъ бродяжества, которыя совершены были въ полѣ и внѣ острога. Мнѣ передано нѣсколько случаевъ суда и расправы въ острогѣ, и я приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ, болѣе характеристичные.

Бродяги завели сношенія съ однимъ полицейскимъ канцелярскимъ чиновникомъ, имѣвшимъ вліяніе на отправку. Смотри по важности дѣла, ему платилась извѣстная дань. Этотъ чиновникъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ бродягъ. Онъ бралъ съ нихъ деньги— это правда; но его поступки съ ними были довольно гуманны. Случилось, что одинъ изъ бродягъ, сговорившись съ другимъ, дожидаясь отправки, послалъ отъ себя и отъ своего товарища чиновнику рубль. Черезъ нѣсколько дней, оставшись чѣмъ-то недоволенъ на чиновника, бродяга отправилъ ему записку съ упрекомъ, что «деньги, молъ, берете, а дѣла не дѣлаете» и потребовалъ рубль назадъ. Чиновникъ возвратилъ этотъ рубль и объявилъ, что болѣе не станетъ имѣть никакихъ дѣлъ съ бродягами. Послѣдніе встревожились, и тотчасъ же призвали на судъ своихъ виновныхъ товарищей. Состоялся приговоръ: высѣчь подсудимыхъ, что и было исполнено.

Особенно сильно, какъ я говорилъ, преслѣдуется шпионство и, нерѣдко, шпионъ платится жизнью. Въ одномъ острогѣ былъ такой случай. Шла въ немъ перестройка, поправляли ретплады. Арестанты воспользовались этимъ случаемъ и проложили въ стѣнѣ лазейку на женскую половину. Все это, разумѣется, дѣлалось съ большими предосторожностями и удалось вполне. Только столяръ изъ арестантовъ, завѣдывавшій работами, донесъ объ этомъ смотрителю острога. Каторга и бро-

дяги возмущались доносомъ. Потолки одной части четырехугольнаго зданія острога были разобраны, и столяру пришлось работать на самой вышкѣ надъ образовавшеюся, такимъ образомъ, ямой въ нѣсколько сажень глубины. Было рѣшено свергнуть его въ пропасть съ этой импровизированной тарпейской скалы. Осужденный былъ столенуть, онъ полетѣлъ стремглавъ и, конечно, разбился бы въ прехъ, ежели бы его не схватили случившіеся внизу люди. Приговоренный спасся, а судьямъ, конечно, досталось. За доносы вообще такъ достается, что послѣ одной потасовки игоняють въ чахотку, разбиваютъ грудь и увѣчатъ. Въ острогѣ есть наказаніе—встряска, которая не дѣлаетъ знаковь, но для субъекта губительна и иногда смертельна; она состоитъ въ томъ, что нѣсколько десятковъ рукъ берутъ какого нибудь шпиона-арестанта и такъ начинаютъ встряхивать, что у того перевертываются всѣ внутренности. Острожная община вообще имѣетъ свой оригинальный взглядъ на проступки своихъ членовъ. Главнымъ образомъ она требуетъ вѣрности своей корпораціи и арестанству, а въ остальномъ—дѣлай, что хочешь. Всякое нарушеніе тюремнаго устава дозволительно, только не во вредъ общины. Бѣги, надувай начальство, воруй казенныя вещи, дѣлай деньги, паспорта—общинѣ до этого нѣтъ дѣла. Даже покражи у своихъ преслѣдуются только тогда, когда воръ пойманъ, что тутъ рѣдко бываетъ, и обмыновенно за это вступается только хозяинъ вещи, община же рѣдко вмѣшивается. Въ острогѣ каждый, не стѣсняясь, предается своимъ наклонностямъ и упражняется въ своей профессіи. Кто производитъ блинны (фальшивыя бумажки), кто монеты, кто поддѣлываетъ печати, кто продаетъ вино, кто занимается ремесломъ, а кто и ровно ничего не дѣлаетъ. Даровой хлѣбъ и отсутствіе заботы особенно благоприятны привычному бродяжескому *far niente*. Въ острогѣ бродяга отдыхаетъ или придумываетъ себѣ разныя развлечения. Въ нашихъ острогахъ трудъ вовсе не распространенъ. Есть при острогахъ мастерскія, но въ нихъ занимается только часть ремесленниковъ, напримѣръ на 400, 500 человѣкъ населенія острога въ мастерскихъ работаетъ человѣкъ 10; въ нѣкоторыхъ же острогахъ и совсѣмъ нѣтъ мастерскихъ. При этихъ условіяхъ хотя многіе и хотѣли бы работать, даже отъ скуки, но не могутъ записаться въ мастерскія. Въ камерахъ острія орудій держать по закону нельзя, почему инструменты отбирають, да сверхъ того арестанту, какъ человѣку немущему, не на что купить матеріалу. И вотъ все населеніе острога, праздное и скучающее, придумываетъ занятія и развлечения. Нѣкоторые учатся раз-

нымъ искусствамъ по части плутовства, и усваиваютъ всю эрудицію сламыванія и отпирания замковъ, передергиванія картъ, фабрикаціи денегъ, ловкой кражи, способовъ вывернуться изъ-подъ суда, и тому подобному. По немногу слагается здѣсь довольно безопасная и веселая общинная жизнь, гдѣ люди проводятъ время довольно разнообразно и главное безъ труда. При такихъ условіяхъ понятно, что такое острогъ для бродяги, человѣка изнуреннаго дорогой, голоднаго и вѣчно дрожащаго за свою свободу. Въ острогъ онъ находитъ отдыхъ. Здѣсь онъ получаетъ кучу развлеченій. Арестантъ беззаботно толчется по корридорамъ, сплетничаетъ и ругается, пьетъ и играетъ въ своемъ клубѣ,—потаенномъ майданѣ. Часто звучитъ балалайка, веселая пѣсня рвется изъ десятка сильныхъ бродяжескихъ грудей, и ухорская пляска откалывается въ камерахъ. Можетъ быть, благодаря именно этому веселью, люди могутъ содержаться въ острогѣ цѣлые года подъ слѣдствіемъ, не сойдя съума. Однако случается и послѣднее при долгомъ заключеніи. Общественная жизнь въ острогахъ развита, обширные дворы часто напоминаютъ ярмарки и площади, гдѣ ходятъ маскарадные медвѣди, устраивается кукольная комедія, и радостно гогочетъ надъ этимъ «каторга». Подъ замками, въ камерахъ, идетъ тоже общественное времяпровожденіе, здѣсь многіе лѣниво лежатъ на нарахъ и толкуютъ о своихъ дѣлахъ, другіе спятъ по цѣлымъ днямъ, даже до одуренія, по 18 часовъ въ сутки. Но большая часть арестантовъ проводитъ время въ игрѣ, которая составляетъ самое распространенное между ними занятіе. Игра въ карты, кости и юлу въ острогѣ поглощаетъ дни и ночи. Праздность и скука развиваетъ особенно эту страсть, а бѣдность арестанта вызываетъ его этимъ рискованнымъ средствомъ пріобрѣсти хоть немного денегъ. Играютъ и самые бѣднѣйшіе и, для игры, не жалѣютъ своего имущества, проигрываютъ все, что есть своего, до рубахи, и ставятъ послѣднюю копѣйку ребромъ. Больные въ больницахъ острога всегда проигрываютъ свои порціи, а сами питаются хлѣбомъ. Часто здоровые нарочно записываются въ больницу, гдѣ пища лучше, чтобъ получать и проигрывать свои порціи ¹⁾. Иные проигрываютъ пайки хлѣба за мѣсяцъ впередъ, также какъ и щи, а сами питаются корками оставшагося хлѣба и «хлебаютъ марцовку», какъ называютъ арестанты смѣсь воды съ хлѣбными крошками; проигрываютъ подаваніе за мѣсяцы

¹⁾ Для этого дѣлаютъ себѣ разные болѣзни, портятъ глаза, растрavляютъ раны, пьютъ табакъ и тому подобное.

впередъ и любовницъ. Жизнь подобныхъ игроковъ, спустившихъ съ себя все и проигравшихъ пищу за мѣсяцъ, за два впередъ, очень жалка. Обдерганные, голодные, они съ какой-то томительной жадной смотрятъ на игру и пускаются на всякія средства, чтобы добыть копѣйку и отыграться. Такихъ величаютъ «прогорѣвшими» и «жиганами». Нужда и крайній пауперизмъ арестанства вызываетъ арестанта на воровство, и они крадутъ часто другъ у друга, и особенно казенныя вещи; больничное бѣлье, кружки, ложки, банки отъ лекарьствъ—все пропадаетъ, чуть не досмотрятъ. Нѣкоторые вырѣзываютъ куски изъ казенныхъ больничныхъ простынь, полотенець, обрѣзываютъ рубахи и, изо всего этого, раздергивая, сучать, и продаютъ нитки. Праздность и игры вошли тутъ въ плоть и кровь. Все это объясняется тѣмъ, что трудъ здѣсь невыгоденъ, и находится въ пренебреженіи. Все сработанное внутри острога продается необыкновенно дешево, иногда за $\frac{1}{10}$ нормальной цѣны. Разъ разыграли въ лоттерейку скрипку мѣстнаго вздѣлія за 90 коп.; какъ ни была она плоха, но на нее было убито нѣсколько мѣсяцевъ труда. Въ острога продуктъ здѣшняго труда неидетъ.

Кромѣ игры, праздность и скука развиваютъ другую страсть — вино. Простой человѣкъ, подъ вліяніемъ невзгодъ жизни и страданій, особенно жаждетъ его, а въ острогѣ оно имѣетъ еще большую прелесть, какъ запретный плодъ. Въ острогѣ оно не рѣдкость, но продается страшно дорого. Несутъ обыкновенно сюда спиртъ, маленькая чашка котораго стоитъ 40, 50 коп.; изъ бутылки выходитъ 5 такихъ чашекъ. Спиртъ, притомъ, разбавляется мѣстными откущиками, въ вино подбавляется извѣсть и купоросъ, возбуждающіе сильное похмѣлье, и заставляющіе арестанта до гола пропиваться. Арестантъ копить послѣднюю копѣйку, воруетъ и плутуетъ, чтобы выпить; нечего и говорить, что всѣ заработанные деньги идутъ на это же. Мы извѣстно, напримѣръ, что заработанные арестантами деньги въ одно лѣто, во время работъ ихъ въ городѣ, и на казенной работѣ, во время перестроекъ въ острогѣ, всѣ ушли на майданѣ на вино; сумма эта равнялась рублямъ 300-мъ. Иногда, въ праздники, въ острогѣ выпивали до 5 ведеръ вина, на 400 человѣкъ арестантовъ. Услѣдить проносъ вина не всегда удается: проносить служителя, солдаты, бываютъ даже торгующіе этимъ разныя служащія чины, арестанты же изобрѣтаютъ для проноса всевозможныя хитрости. Точно также въ острогѣ доступна и другая контрабанда—табакъ, бумага, ножи и краски. Запрещеніе табуку, возвышая на него цѣну даже до 15 коп., вмѣсто

6, еще болѣе ухудшаетъ экономическое положеніе арестанта, а курить все-таки не жѣлаетъ; побьется, побьется осторожное начальство, да и начнетъ на муренье смотрѣть сквозь пальцы. Какъ велика контрабанда въ винѣ, картахъ и табакѣ, можно судить по тому, что у зрителей завалены ими дѣлые амбары: жѣнки табаку, четверти и ведра спирту, а одинъ накопилъ 150 конфискованныхъ колодъ картъ. Крошѣ всего этого, любимое занятіе и развлеченіе бродягъ въ острогахъ составляетъ воловѣтство за женщинами; какъ ни отдѣлены онѣ, но арестанты создали пути и лазейки, чтобъ имѣть сношенія и вести довольно оживленные интриги. Около женскаго корридора всегда толпятся группы осторожныхъ довѣ-жуановъ, они здѣсь обмѣниваются любезностями, ведутъ разговоры и передаютъ, что нужно. Если нельзя видѣться въ корридорахъ, то находятъ другіе пути: перебегаютъ въ окошки, видятся въ разныхъ укромныхъ уголкахъ, встрѣчаютъ женщинъ, выходящихъ на прогулку, въ полицію, въ судъ или на работы. Гдѣ только въ острогѣ показывается женщина, ее уже окружаетъ толпа и слышатся любезности. Въ острогѣ всѣ женщины имѣютъ своихъ «любезниковъ». Арестанты много тратятся на такихъ любезныхъ; они содержатъ ихъ, посылаютъ имъ пищу, табакъ, чай и подарки; женщины отдариваютъ своихъ кавалеровъ висетами и разнымъ шитьемъ. Здѣсь, по необходимости, развитъ болѣе платонизмъ, но и для свиданій наединѣ употребляются всѣ средства: деньги, подкупы, разные хитрости и дерзость: проламываютъ стѣны, поднимаютъ женщинъ на веревкахъ, пробираются тайкомъ въ нимъ на половину, переодѣваясь въ женскія платья, наконецъ похищаютъ ихъ подъ полами халатовъ во время прогулокъ. Интриги порождаютъ вражду, сплетни и даютъ матеріалъ для пересудовъ. Бродяги, пришедшіе съ любовницами, и здѣсь поддерживаютъ свои союзы. Часто въ острогахъ рождаются дѣти и въ немъ получаютъ воспитаніе. Жизнь этихъ дѣтей, среди циническихъ и грубыхъ нравовъ острога, конечно, крайне печальна. Подростки заимствуютъ принципы жизни и привычки изъ осторожной среды. Одинъ паренъ изъ такихъ дѣтей воспитывался въ острогѣ до четырехъ лѣтъ. Семи лѣтъ онъ снова сюда попалъ съ матерью; здѣсь онъ позаимствовался разными качествами, и когда вышелъ въ деревню, его дразнили «кандальникомъ и острожникомъ». Этимъ самымъ разрывъ его съ обществомъ былъ рѣшенъ, и вотъ 18-лѣтъ онъ сидѣлъ уже за кражу и готовился быть бродягой.

VII.

Бродяжескій процессъ, состоящій изъ суда и слѣдствія, имѣеть важное значеніе для бродяги, потому что вліяеть на его судьбу и опредѣляетъ дальнѣйшую его жизнь. Большинство ссыльныхъ стремится, посредствомъ его, выиграть уменьшенныя наказанія сравнительно съ тѣми, отъ которыхъ они бѣжали. Поэтому на процессъ сосредоточивается все вниманіе, всѣ силы ума и изобрѣтательность подсудимыхъ. Въ самомъ себѣ онъ довольно несложенъ, и для бродягъ ограничивался до сихъ поръ лишь одной формальной стороной. На бродягу мало обращали вниманія, отъ него отбирали показанія въ земскихъ судахъ, наводили справки на мѣстахъ, куда онъ показывался, если требовалось, и приговоръ утверждалъ губернаторъ, затѣмъ слѣдовало исполненіе его. Отбираютъ показанія отъ бродягъ обыкновенно гуртомъ, судятъ ихъ гуртомъ, гуртомъ наказываютъ и отправляютъ, что и понятно при множествѣ бродягъ, наводняющихъ остроги.

Представимъ себѣ маленькій сибирскій городокъ, грязноватую комнату, находящуюся предъ присутствіемъ земскаго суда, гдѣ сидятъ два, три писца изъ вольнонаемныхъ мѣщанъ, оставшихъ солдатъ или выгнанныхъ чиновниковъ. Это типъ старыхъ дѣльцевъ, юсовъ съ потерянной карьерой и запахомъ перегорѣлой водки, типъ названный Гоголемъ «кувшиннымъ рыломъ»; одинъ изъ этихъ писцевъ руководитъ на-скоро процессомъ. На крыльцѣ и въ сѣняхъ толпятся человѣкъ до 20 и болѣе арестантовъ, изъ которыхъ большая часть бродягъ, т. е. таинственныхъ масокъ. Вводятъ ихъ.

— Кто ты такой? спрашиваетъ писецъ одного, роясь въ бумагахъ.

— Дезертиръ, отвѣчаетъ бодро бродяга.

— Солдатъ, чей? откуда? говори скорѣе!

— Иванъ Степановъ Берниковъ, изъ смоленскаго полка, 2-го батальона, 3-й роты, бѣжалъ въ пути слѣдованія отъ города Краснослободска, пензенской губерніи, въ городъ Мовшаны, въ 1838 году, отбарабацнваетъ бродяга.

— Писать не умѣешь?.. Пойдетъ справка. Иди.

— Ну ты?

— Бродяга-поселенецъ Осипъ Еремеевъ, такмыцкой волости, тобольской губерніи, села Такмыцкаго, за безпаспортность.

— Пойдетъ справка. Писать тоже не умѣешь?.. ступай! Ты?

— Иванъ непомнящій.

— Ты?

— Николай безпрозванный, непомнящій же значитъ.

— Ну ты? ты? ты?

— Непомнящій, —непомнящій, —непомнящій.

— Ты матушка?

— Анна незаконнорожденная.

— Ну идите, говорить писецъ записавъ дюжины полторы такихъ показаній. Первый допросъ конченъ. Ходятъ справки въ Моешаны, въ Иркутскъ, и на Амуръ, и въ Астрахань, ждуть бродяги годъ, нѣкоторые и два, и три. Но вотъ для нѣкоторыхъ приходятъ окончательныя справки. Слава Богу! бродягъ вызываютъ, по очереди, въ тотъ же судъ; они несутъ гривеннички, четвертачки, чтобы въ случаѣ нужды измѣнить оборотъ дѣла.

— Берниковъ, онъ же и Петровъ, онъ же и Бобовъ! взываетъ тотъ же кувшинный писецъ.

— Я-съ.

— Опять у тебя справка невѣрна, Бобова тоже нѣтъ.

— Точно такъ, никакъ нѣтъ, говоритъ Берниковъ.

— Чтоже ты врешь, путаешь, вѣдь ты сидишь изъ-за этого.

Какъ же тебя, теперь?

— Судите по закону...

— Да зовутъ-то какъ!

— Судите по закону...

— Непомнющій что ли?

— Да ужъ видно такъ... Что будетъ!

— Поселенецъ Еремеевъ! у тебя есть бородавка на правой щекѣ?

— Какъ же есть, вотъ-съ извольте, здѣсь въ бородѣ.

— Ну, а ты братьевъ своихъ знаешь?

— Какже-съ. Иванъ, Антонъ, Алексѣй Макаровы, по отцу Кондратьевы; сестры: Марфа, Анна, Катерина; мать ихъ Алена и отецъ нашъ помершій Макаръ Ларіоничъ, какъ по писанному рубить бродяга.

— Вв-вѣрно! скоро въ отправку пойдешь.

— Оксеновъ! ты показался бѣжавшимъ съ поселенія изъ деревни Бѣлородовой. По справкѣ оказалось, что Оксеновъ годъ ужъ какъ тамъ живетъ, былъ въ бѣгахъ, да прибылъ.

— Я дѣйствительно, ваше б-діе, на чужое имя показывался, говорить старикъ бродяга.

— Кто же ты?

— Я изъ крѣпостныхъ, въ 1825 г. отъ помѣщика бѣжалъ изъ Москвы. Теперь я хочу «родъ жизни» ¹⁾ открыть.

— Ты вѣрно 40 лѣтъ вралъ, да и теперь еще врать хочешь. Кто же тебѣ повѣритъ, говори непомянуцій прямо.

— Позвольте родъ жизни...

— Да тебя и справки дурака не найдутъ, объявляя себя лучше непомянуцимъ.

— Эхъ, хотѣлось бы, да ужь что дѣлать!

Идутъ бродяги назадъ въ острогъ, кто мрачный, кто веселый.

— Въ губернію пойдетъ теперь на рѣшенье, говорить одинъ,— а ловко вышло, какъ въ точку! Хотя каторги-то миновать теперь!

— Дуа ²⁾, братъ, говорить другой,— что дѣлать, опять надо бродяжить, авось лучше подыщутъ. Экой шельмецъ этотъ поселенецъ, пришелъ таки въ деревню, а я ему рубаху, штаны да еще полтину далъ, «не сумлѣвайся!» говорить. Ахъ, штобъ тебя!..

— Ну, а больше 20 мандтовъ ³⁾ не будетъ, я такъ разсуждаю, говорить кто-то.

— Это вѣрно, больше не будетъ, и то слава Богу!

— Когда только на секуцію? Секуторомъ-то ⁴⁾ ишь опять какъ бы Васькинъ варваръ не былъ.

У бродягъ идетъ шумный говоръ по возвращеніи изъ земскаго суда. Многіе ходятъ выпивши, значить процессъ выигранъ. На спенѣ пузыри водки, музыка, пѣсня, трепакъ. Дѣйствительно, у многихъ, можетъ быть, обезпечено счастье дальнѣйшей жизни. Но мало мы поймемъ въ этомъ процессѣ, взглянувъ на безцвѣтные, нѣмые листы казенной бумаги, испещренные писарскимъ перомъ, безличными именами и псевдонимами. Развѣ только иногда юмористическій подборъ ихъ можетъ занять насъ. «Иванъ Тридцать-Пять лѣтъ», «Губернаторъ», «Съ неба упалъ», «Махни драго», «Я за нимъ», «Тебѣ на водахъ» или сложные, какъ Дмухатенко, онъ же Гусаренко, онъ же Иваненко, онъ же Тарасенко и т. п. Наконецъ громкіе имена, которые любятъ себѣ давать бродяги: Бѣгуновъ, Самолетовъ, Суворовъ, Потемкинъ, Строгоновъ, Орловъ, Соколовъ и другіе. Въ заключеніе цѣлыя листы и фаланги непомянуцихъ,

¹⁾ Родомъ жизни называютъ настоящее происхожденіе.

²⁾ Дуа—невѣрные справки.

³⁾ Мандты—плети по арестантски.

⁴⁾ Секуція—экзекуція, секуторъ—экзекуторъ.

безпрозванныхъ и незаконнорожденныхъ. Эти записанныя лица и души здѣсь имѣютъ такое же, пожалуй, призрачное значеніе, какъ и мертвыя души Павла Ивановича Чичикова, а между тѣмъ про нихъ, конечно, можно написать цѣлые томы, полные самыхъ разнообразныхъ приключеній, которые, своей жизненностію и яркостію красокъ, затмятъ всѣхъ монтекристовъ и мушкетеровъ. Подъ этими масками столько разбитыхъ жизней, столько скрытыхъ драмъ, облитыхъ человѣческой кровью и горемъ, и подъ темными именами скрывается, на ряду съ эпопеями преступленій, столько же безвыходнаго несчастья и вѣчныхъ страданій.

* Бродяги являются въ остроги таинственными масками съ цѣлю, въ процессъ, который имъ предстоитъ, выиграть лучшее положеніе и, по возможности, облегченіе. Каждому бѣглому съ каторги, заводовъ, изъ арестанскихъ ротъ, съ поселенья, отъ навазанія или изъ солдатъ выгодно измѣнить фамилію, или показаться на другого, чья участь легче. Каторжникъ 1-го разряда, сосланный на вѣчно, ищетъ случая попасть на меньшій срокъ, еще лучше на поселенье; поселенецъ стремится показаться на крестьянина или мѣщанина; бѣглецы солдаты предпочитаютъ также поселенье; изъ Сибири бѣглецы смыльные ищутъ случая перейти въ Россію на родину. Въ крайнихъ случаяхъ показываются на непомнящихъ. При перемѣнахъ званій и именъ идетъ круговая; тотъ, кто нашелъ выгодное положеніе подъ новымъ именемъ, сдаетъ старое имя приятелю, которому оно выгодно, чѣмъ свое. Выбившіеся съ поселенья въ свободныя сословія сдаютъ имя поселенца каторжнику, выбившіеся каторжные мѣняются съ тѣми, кто сосланъ на большій срокъ работъ; наконецъ, случалось, прежде выходили въ солдаты, солдаты же на поселенье или въ свободныя сословія и т. д. Бываетъ и продажа именъ, конечно, довольно дешевая. Случается часто, что купленное имя невыгодно, такъ какъ за лицомъ есть нѣсколько преступленій, за которыя новому владѣльцу имени приходится отвѣчать. Но бываютъ, по рассказамъ, и очень выгодные обмѣны; такъ, проигравшійся глуноватый арестантъ разъ продалъ свое имя поселенца за 6 руб. каторжному, который осужденъ былъ на цѣль на значительное число лѣтъ. Онъ высидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ Иркутскѣ, покуда, освобожденный съ цѣли, онъ не уличилъ случая бѣжать. Въ такихъ процессахъ много хитростей и тонкостей, которыя предупредить едва ли удастся и самому тонкому юристу. Бродяга всегда имѣетъ столько именъ, что иногда совершенно неизвѣстно, какъ въ самомъ дѣлѣ онъ прозывается.

Когда нужно показаться на чужое имя, то подыскивается подходящій человекъ по росту, лѣтамъ и всѣмъ примѣтамъ, узнаютъ его родственниковъ, начальниковъ въ деревнѣ, городѣ или батальонѣ, и все это заучиваютъ. Для того, чтобы принять чужое имя, часто убиваютъ владѣльца его во время бродячества, проходя деревни вызнаютъ бѣглыхъ, пропавшихъ безъ вѣсти и т. п. Ежели показанія съ первого разу неудачны, то они переимѣняются на другія, эти неудачныя показанія измѣняются еще, и едва ли можно ругаться, что всѣ они несправедливы. Есть личности, которыя въ свою жизнь подъ разными именами перебивали каторжными, поселенцами, солдатами, крестьянами, и опять каторжными, и снова солдатами или крестьянами и т. д. Процессъ считается выиграннымъ каторжнымъ, ежели смягчено наказаніе противъ прежняго степеню или двумя, но онъ все-таки этимъ не ограничитъ и, конечно, будетъ искать новыхъ переимѣнъ. Важно также избавиться тѣлеснаго наказанія, которому подвергаются въ Сибири всѣ ссыльные бродяги и непомнющіе, а поэтому бродяги стремятся попасться за границей Сибири. Въ предѣлахъ Россіи наказанія тѣлеснаго нѣтъ, и непомнющіе ссылаются на поселеніе, хотя годъ и полагается имъ отработать въ арестанскихъ ротахъ. Въ Сибири же всѣ непомнющіе наказываются обыкновенно 20 ударами плетей и ссылкой на 4 года въ заводы! Какъ ни тяжелъ этотъ жребій, но многіе и его принимаютъ, какъ облегченіе; даже бѣгле солдаты и рекруты почему-то находятъ это выгоднымъ. Способы, къ какимъ прибѣгаютъ бродяги для выигрыванія процесса, до безконечности разнообразны и не всегда ихъ можно предусмотрѣть. Показывается, напримѣръ, бродяга дезертиромъ изъ NN полка, даетъ самое точное показаніе о своемъ побѣгѣ. Дѣлаются справки, описываются примѣты бѣжавшаго. Справка подтверждаетъ показаніе. Онъ признанъ, но такъ какъ полкъ NN ушелъ давно въ какую нибудь другую губернію, то бѣглый зачисляется въ мѣстные батальоны (по ст. 616 XIV тома устава о паспортахъ и бѣглыхъ), т. е. входитъ въ среду незнакомую, гдѣ его никто не знаетъ и уличить не можетъ. Или показывается бѣглый на какого нибудь бѣглаго крестьянина изъ русскихъ губерній; по показаніямъ и примѣтамъ справка подтверждаетъ показаніе, ему остается быть только пересланнымъ на мѣсто, но здѣсь могутъ узнать его и уличить, и вотъ онъ подаетъ просьбу оставить его на жительствѣ въ Сибири. Или, напримѣръ, взять бродяга съ фальшивымъ паспортомъ, подъ име-

немъ хотъ Петрова. Въ острогѣ, въ ожиданіи процесса, онъ переводится въ больницу, и здѣсь записывается подъ именемъ Парфена Прохорова; такъ онъ дѣлается извѣстенъ и въ острогѣ. Когда вызывали Петрова въ судъ онъ не откликался. Прошло много времени; онъ, наконецъ, является къ смотрителю острога и спрашиваетъ, что его не вызываютъ?—Да ты за что взять? спрашиваетъ смотритель.—Не знаю, отвѣчаетъ онъ.—взяли меня пьяного около кабака и привели сюда.—Да ты кто такой?—Здѣшній поселенецъ Прохоровъ, меня и въ городѣ всѣ знаютъ. Оказывается, что въ книгахъ никакого Прохорова не записано, вѣроятно, по пропуску. Остается повѣрить показанія справками и очными ставками. Привлеченные обыватели утверждаютъ въ судѣ, что это дѣйствительно Прохоровъ. Его выпускаютъ. Прохоровъ же на самомъ дѣлѣ попался подъ именемъ Петрова и, подъ фальшивымъ паспортомъ, дѣлалъ кражи въ сосѣднихъ деревняхъ.

Для обыкновенныхъ бродягъ и немѣющихъ шансовъ вывернуться, остается послѣднее средство показаться «непомнющими». Непомнющихъ у насъ бездна. Въ одномъ острогѣ ихъ насчитывали до 40. Нельзя сказать, что непомнющіе явились у насъ результатомъ упущеній юридическаго процесса. Правильнѣе, они сами завоевали себѣ право на существованіе. Старые бродяги еще помнятъ то время, когда принимались противъ нихъ строгіе мѣры; лѣтъ 20, 30 назадъ ихъ жестоко сѣкли и допытывали о званіи, но они «отбились». Законъ нынѣ признаетъ ихъ, и этотъ законъ, по моему мнѣнію, гуманенъ; онъ даетъ бродягѣ возможность выйти изъ безвыходнаго положенія. Непомнющихъ очень много; ими являются часто 70 и 80-лѣтніе старцы; кто они такіе, гдѣ провели жизнь—ничего неизвѣстно. Отцевъ они не знаютъ, матерей тоже. Скитались, какъ они отвѣчаютъ, «гдѣ день, гдѣ ночь». Такъ какъ скитанья производятся по 40 и болѣе лѣтъ, то есть ли какая возможность навести необходимыя справки. Со всею строгостію и полнымъ дознаніемъ вести процессъ невозможно, и такъ какъ за пристанодержательство полагается наказаніе, и виновные привлекаются къ суду, то бродяги не показываютъ тѣхъ, кто имъ оказалъ гостепримство, да наконецъ ежели бы бродяги справедливо показывали, то, по показанію каждаго изъ нихъ, пришлось бы посадить человѣкъ по сотнѣ, у кого они бывали и живали, что даже практически невыполнимо. Впрочемъ, бываютъ и такія показанія; тогда бродяга-плутъ, отправляясь съ засѣдателемъ въ деревню для уличенія, обираетъ

крестьянъ, которые откупаются отъ его показаній; многіе изъ такихъ ѣздившихъ, какъ ихъ называютъ, «на слѣдствіе», привозятъ шубы, деньги и вообще наживаются. Это же, конечно, иногда даетъ доходъ и слѣдователямъ. Нашъ законъ относительно бродягъ нельзя назвать слабымъ и непредусмотрительнымъ. Напротивъ, за всѣ обходы и увертки положено наказаніе, также какъ и приняты мѣры для открытія личности.

Въ Сибири, какъ ссыльной колоніи, гдѣ бродяжество развито преимущественно между ссыльными, мѣры эти несравненно строже, какъ и наказанія. Во-первыхъ, всѣ бродяги, непомнящіе родства, пойманные въ Сибири, судятся и наказываются какъ ссыльно-поселенцы, хотя и не оказали клеймъ и знаковъ наказанія (ст. 816 XIV т. Уст. о сссл.). Побѣгомъ для поселенцевъ считается отлучка безъ вида и дозволенія въ продолженіи 7 дней (ст. 802). Побѣги ссыльныхъ съ дороги, изъ партіи, считается, какъ побѣгъ внѣ Сибири, за что наказаніе еще строжайшее (ст. 815 *ibid*). Самый судебный процессъ ссыльнаго и бродяги въ Сибири обставленъ иначе, и они судятся безъ правъ предоставленныхъ въ судѣ остальнымъ гражданамъ. Мы ознакомимъ съ этимъ процессомъ тѣхъ, кто его не знаетъ по своду законовъ. За побѣги, предоставленные судебному разсмотрѣнію, въ Сибири служитъ судъ первой степени. Судъ производится въ уѣздномъ судѣ и утверждается губернаторомъ. (Для болѣе важныхъ ссыльныхъ и бродягъ, совершающихъ крупныя преступленія, существуютъ военные суды). Показанія отбираются не по пунктамъ, а записываются со словъ. Отрекатся отъ подписаннаго или измѣнить смыслъ его дополненіями и толкованіями подсудимый права не имѣетъ. Всѣ объясненія его не принимаются во вниманіе, у подсудимаго судъ первой степени не отбираетъ допроса о безпристрастіи. Очистительной присяги онъ лишентъ. Къ рукоприкладству и прочтенію записокъ по дѣламъ уголовнымъ ссыльные въ губернскихъ судахъ не призываются. На рѣшенія полицейскихъ и судебныхъ мѣстъ отзывы отъ ссыльныхъ не принимаются. Ссыльный, оставленный въ подозрѣніи, судится строже за новыя преступленія. Поселенецъ судится, какъ каторжный 3-го разряда, послѣдній, какъ каторжный 1-го разряда, срочный и т. д. Наказанія ссыльнымъ, переведеннымъ на заводъ за побѣги, дѣлаются какъ каторжнымъ, принимая во вниманіе число побѣговъ, причемъ за каждый наказаніе увеличивается. За преступленіе ссыльные отъ

тѣлеснаго наказанія не освобождаются, ни женщины, ни престарѣлые, ни увѣчные, но мѣра наказанія соразмѣряется ихъ силамъ ¹⁾. (Нынѣ женщины избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, для остальныхъ же ссыльныхъ оно остается въ полной силѣ и послѣ реформы). Изъ этого видно, что ссыльному мало давалось средствъ къ оправданію и никакой вѣры, онъ наказывался безъ отговорокъ, наказанія носили чисто карательный характеръ, и доведены были до *maximum'a*. Вотъ таблица этихъ наказаній:

Каторжнымъ перваго разряда безсрочнымъ: за 1-й побѣгъ 60—80 плетей и 10—12 лѣтъ въ испытующихъ; за 2-й побѣгъ 80—100 плетей и 12—15 лѣтъ въ испытующихъ; за 3-й побѣгъ 2,000—3,000 шпицрутеноевъ и 15—20 лѣтъ въ испытующихъ; за 4-й побѣгъ высшая мѣра 3-го, т. е. 3,000 шпицрутеноевъ.

Каторжнымъ срочнымъ перваго разряда: за 1-й побѣгъ 50—60 плетей съ продолженіемъ работъ и прибавкою 10—15 лѣтъ; за 2-й побѣгъ 50—60 плетей и набавленіе работъ 15—20 лѣтъ; за 3-й побѣгъ 80—100 плетей и работы безъ срока.

Каторжнымъ третьяго разряда: за 1-й побѣгъ 40—50 плетей и въ рудники съ продолженіемъ работъ безъ срока.

Ссыльно-поселенцамъ: за 1-й побѣгъ 20—30 плетей; за 2-й побѣгъ 30—40 плетей и въ заводъ отъ 1 мѣсяца до 1 года или содержаніе въ тюрьмѣ 1—2 лѣтъ; за 3-й побѣгъ 40—50 плетей и въ работы отъ 3 до 4 лѣтъ; за 4-й побѣгъ и послѣдующіе 50—60 плетей и на 4—6 лѣтъ въ каторгу.

Эти наказанія назначались за побѣги каторжныхъ и ссыльныхъ въ Сибири, за побѣги же внѣ Сибири или за переходъ россійской границы наказанія усиливаются. Каторжный 1-го разряда безсрочный за 1-й и 2-й побѣги внѣ Сибири судится, какъ за 3-й въ Сибири, а послѣдующіе побѣги, какъ 4-й. Въ такой же постепенности возвышаются наказанія и для остальныхъ. Такимъ образомъ *minimum* наказанія за побѣгъ для поселенцевъ и непомощныхъ 20 плетей и, какъ утверждалось на практикѣ, 4 года работы въ заводахъ. За переходъ же россійской границы 40 плетей. Нынѣ для каторжныхъ и поселенцевъ сдѣланы смягченія въ томъ, что уничтожены клейма и шпицрутеные; остальные же тѣлесныя наказанія остаются въ полной силѣ, только вмѣсто шпицрутеноевъ дается 105 плетей.

¹⁾ Все это изложено буквально въ статьяхъ 844, 857, 858, 864, 865, 866, 867, 868, 830 устав. о ссыльныхъ, XIV том. Свода законовъ.

Какъ видимъ, на легкость этихъ наказаній нельзя пѣнять кривналистамъ. Здѣсь истощены были всѣ средства устрашенія и даже когда-то бывали конфирмаціи о наказаніи «безъ медицинской помощи». Оставивши разсмотрѣніе наказаній со стороны гуманности, мы коснемся ихъ практическихъ результатовъ. Такія наказанія нисколько не устрашали ссыльныхъ. Они приводили только къ тому, что арестанты прибѣгали, въ крайнемъ случаѣ, къ обходу наказанія другими средствами, и это стремленіе выкупалось новыми жестокими страданіями. Къ числу этихъ средствъ относилось вытравливаніе прежнихъ клеймъ и самоуродованіе. Чтобы избавиться работъ, каторжные и донныѣ прибѣгаютъ къ самымъ ужаснымъ средствамъ, обрубаютъ себѣ руки, переламываютъ ломомъ ноги и пр. Для вытравливанія клеймъ употреблялись нарывные пластыри, мушки, крѣпкая водка, сѣрная кислота, ляписъ, гноеніе ранъ по нѣскольку мѣсяцевъ, каленое желѣзо и привитіе сифилиса. Мнѣ одинъ каторжный рассказывалъ, какъ про лучшее средство, употребляемое для этой цѣли, прокалываніе шиломъ тѣхъ точекъ, которыя произведены иглами машинки; такъ какъ такихъ точекъ много, то это было довольно медленное мученье. Какъ ни мучили себя бродяги, однако клеймъ выводить не научились, и ихъ, за шрамы, судили также какъ и за клейма. Кромѣ того каторжные узнаются по знакамъ кнута, плети или «строевымъ знакамъ». Но на это являются показанія, что слѣды ударовъ существуютъ не отъ наказанія по суду, а отъ случайныхъ причинъ: такъ бродягу бьютъ иногда крестьяне, иногда сбьютъ свои же бродяги. Эти случаи у насъ нерѣдки, поэтому и эти признаки не могутъ служить вѣрнымъ признакомъ ссыльнаго, склоняться же въ заключеніи въ одну дурную сторону было бы несправедливо и несовмѣстно съ закономъ, хотя это иногда и дѣлается. Тѣлесное наказаніе бродяги и каторжные пробовали обходить или смягчить, съ помощію подати палачамъ, взятокъ и т. п., но въ крайнемъ случаѣ оно все-таки ихъ не устрашало, какъ ни было сильно. Въ прежнее время люди выносили страшные степени этихъ наказаній. Выхаживали по 6,000, 7,000 сквозь строй. И все-таки ихъ тяжесть побѣговъ не удерживала. Бывали такіе, какъ солдатъ Горловъ, который въ свою жизнь 9 разъ прошелъ сквозь строй и каждый разъ не менѣе 1,000 и полуторыхъ. Бывали наказанные по 12 разъ. Есть люди на каторгѣ, которые, несмотря на всѣ усилія и безпощадность наказаній плетью, въ видѣ дисциплинарныхъ наказаній на заводахъ, все-таки отбиваются; такъ мнѣ

разсказывали про казака, сосланнаго на заводы, который не хотѣлъ ни за что работать, несмотря на то, что начальство надъ нимъ употребляло всѣ средства наказанія, конечно, тѣлеснаго; въ концѣ концовъ принуждены были выслать его съ завода, какъ неспособнаго.

Нынѣ тѣлесное наказаніе обыкновенно совершается надъ бродягами въ стѣнахъ полиціи (только важныхъ наказываютъ на площади), гдѣ все основывается на произволѣ экзекутора, которымъ бываетъ кварталный. Бываетъ, что и палачи вносятъ въ наказаніе личныя симпатіи. Былъ, напримѣръ, когда-то палачъ въ Тюмени, который особенно былъ жестокъ относительно женщинъ. Сплошь и рядомъ палачи имѣютъ свои расчеты съ арестантами, и наказаніе колеблется отъ мягкаго къ строгому. Все это даже по закону не выполняетъ точности степени наказанія и дѣлаетъ его часто несправедливымъ. Самая степень тѣлеснаго наказанія для нѣкоторыхъ ссыльныхъ и бродягъ слишкомъ строга. Въ общемъ же примѣненіи тѣлеснаго наказанія для бродягъ, оно захватываетъ такихъ субъектовъ, которыхъ законъ вѣроятно и нехотѣлъ наказывать тѣлесно. Такъ, сибирскіе крестьяне и другія свободныя сословія, выдающія себя почему нибудь, какъ «непомощіе», наказываются плетью, хотя плети не полагаются имъ за самыя высшія преступленія. Строгость наказанія скорѣе способствовала разрыву съ обществомъ и огрубляла чело-вѣка. Всѣ бродяги и ссыльные смотрятъ на наказаніе стоически и считаютъ его неизбѣжнымъ спутникомъ своей жизни. Какъ спартапцы, они закалены въ немъ. Есть пословица: «лиха бѣда нагнуться, а не лиха бѣда отдуться». — «Человѣкъ прибьется, ровно скоть станетъ», говорятъ они, «все равно емъ; насъ битьемъ не уймешь». Если тѣлесныя и устрашительныя наказанія не могутъ дѣйствовать на личность свѣжую, то подавно они не могли подѣйствовать на чело-вѣка загрублаго, ваторжнаго, привыкшаго къ лишениямъ и истязаніямъ. Они вносили въ характеръ его только болѣе непримиримости. Рационально бы было, чтобы оно, какъ бесполезное для предупрежденія преступленій ссыльныхъ и какъ нѣсколько неспособствующее исправленію, а напротивъ вредное для него, было уничтожено для ссыльныхъ, какъ уничтожено и въ Россіи. Сибирскія площади до сихъ поръ еще испытываютъ это деморализующее и потрясающее зрѣлище.

Не меньшее вниманіе слѣдуетъ обратить и на другія наказанія. Для арестанта, въ срокахъ работъ и строгости заключенія, содер-

жится чуть ли не болѣе наказанія, чѣмъ въ тѣлесныхъ истязаніяхъ. Нынѣшніе арестанты, по крайней мѣрѣ, скорѣе хлопчуть о смягченіи сроковъ работъ въ заводахъ и о меньшей «высидкѣ», т. е. заключеніи, чѣмъ о наказаніи тѣлесномъ; конечно, это не говоритъ въ пользу послѣдняго, но характеризуетъ первое. Главная причина побѣговъ все-таки заключалась въ большихъ срокахъ работъ и тяжести ихъ. Вообще все, что способствуетъ страданію личности, не исключая и одиночнаго заключенія, можетъ способствовать только стремленію къ побѣгамъ и ожесточенію личности.

Мѣры строгости противъ бродячества и неестественное положеніе при поселеніи бродягъ дадутъ тѣ же дурные результаты. Разнесся слухъ между бродягами, что крестьяне ихъ будутъ перелавливать и представлять начальству.

— А мы будемъ красть, жечь, рѣзать сибиряковъ! говорили самые запальчивые.

Разнесся слухъ, что ихъ будутъ селить около укрѣпленія Ёвринаго, въ Западной Сибири — что же и оттуда будемъ бѣгать! говорили бродяги. Такой же слухъ о переселеніи бродягъ на Амуръ произвелъ между ними совершенный бунтъ, такъ какъ, по опытамъ, переселеніе на Амуръ между ссыльными есть синонимъ голодной смерти.

Такимъ образомъ, судебный процессъ, какъ и уголовныя наказанія ссыльныхъ и бродягъ, не достигаетъ своей цѣли. Весь процессъ остался формальнымъ, и жизнь выработала для него всевозможныя фикціи; усиленныя же наказанія, по существу своему, дѣйствовали обратно и только развивали побѣги. Устрашеніе здѣсь не играло никакой роли, кромѣ той, что воспитывало личность черствую, загрубѣлую, которую затѣмъ уже ни что не могло потрясти. Стѣсненное и каторжное положеніе на заводахъ только вызывало стремленіе уйти во что бы то ни стало. Теперешняя каторга и заводы не столько способствовали исправленію преступниковъ, сколько преслѣдовали экономическія цѣли. Въ наказаніяхъ съ большими и усиленными сроками работъ, прибавляемыхъ за побѣги, личность теряла надежду когда нибудь отсюда выйти и все болѣе и болѣе запутывалась. Чтобы разсѣчь этотъ гордіевъ узелъ, необходимо положить новый принципъ въ основу наказанія—исправленіе. Работы должны быть естественнымъ побужденіемъ личности, притомъ за плату, а сроки ихъ обусловлены хорошимъ поведеніемъ. Современная наука указываетъ мотивы, какими должно

руководствоваться наказаніе. Ссылка на поселеніе также не достигала своей цѣли; личность, поставленная въ дурныя условія и необезпеченная, не дѣлалась осѣдлою; она имѣла мало побужденій въ труду. Перемѣщаясь же въ готовое гражданское общество, она переносила только свою вредную дѣятельность изъ одного общества въ другое.

Семидужинскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ПОДЛОГЪ.

РОМАНЪ

Чарльза Рида

и

Діона Бусико.

ГЛАВА I.

Бываютъ мѣстности и помѣщенія, которыя, съ перваго взгляда, вытѣсняють изъ головы зрителя всякую романтическую мысль; нѣчто подобное представляла столовая мистера Вордло, въ Россельскомъ скверѣ. Это была большая комната, съ больнично-зелеными стѣнами, увѣшанными портретами альдермэнговъ во весь ростъ; тяжелыя каштановыя занавѣски, кресла изъ краснаго дерева и турецкій коверъ, въ вершокъ толщины, дополняли украшеніе комнаты, освѣщенной только восковыми свѣчами.

Посреди ея, блестя и искрясь хрусталемъ и серебромъ, стоялъ круглый столъ, за которымъ легко могло бы обѣдать человѣкъ четырнадцать; теперь же на противоположныхъ его концахъ сидѣло два человѣка, казавшіеся столь же приличными, серьезными и неромантическими, какъ самая комната. Это были купецъ Вордло и его сынъ.

Вордло старшій былъ пожилой мужчина, высокаго роста, худощавый, сѣдой, съ круглой головой, короткой шеей, добрыми, карими глазами, скулистыми щеками, выказывавшими твердость характера, и съ блѣднымъ, почти мертвеннымъ цвѣтомъ лица. Съ перваго взгляда видно было, что это человекъ желѣзный, а вся его фигура дышала какимъ-то гордымъ, внушающимъ уваженіе достоинствомъ, что къ нему чрезвычайно шло.

Артуръ Вордло походилъ фигурой на отца, а лицомъ на мать. У него были, и до сихъ поръ существуютъ, свѣтлорусые волосы, замѣчательно бѣлый и вѣжный лобъ, блѣдно-голубые глаза, большія уши, изящно-выточенные черты, нижняя губа значительно короче верхней, подбородокъ овальный, красивый, но нѣсколько вдавшійся, и, наконецъ, прекрасный цвѣтъ лица. Однимъ словомъ, девятнадцать человекъ изъ двадцати назвали бы его красивымъ юношей, полагая, что этимъ словомъ они исполнѣ его охарактеризовали.

Оба, отецъ и сынъ, были во фракахъ, по неизмѣнному обычаю этого дома; они сидѣли молча, и это мертвое безмолвіе исполнѣ соответствовало большой мрачной комнатѣ.

Впрочемъ они молчали не потому, чтобъ имъ не о чемъ было говорить, напротивъ, имъ надо было обсудить очень важный вопросъ, и лишь для этого они обѣдали съ глазу на глазъ: хранили же они молчаніе по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому что возвышавшееся поереди стола огромное, серебряное украшеніе мѣшало имъ видѣть другъ друга; во-вторыхъ, передъ ними торчали три живыя помѣхи всякому откровенному разговору: два блестящіе официанта и мрачный, но великолѣпный буфетчикъ, которые, двигаясь по комнатѣ тихо, мягко, словно кошки, стерегущія воробушекъ, казались образцами скромности, но въ сущности всѣмъ было извѣстно, что они ничего не пропускали мимо ушей и каждое слово господъ подвергали въ людской самой рѣзкой критикѣ и дерзкимъ насмѣшкамъ.

Наконецъ, эти почтенные лицемѣры удалились, убравъ, по счастью, со стола всѣ излишнія украшения, и отецъ съ сыномъ, оставшись наединѣ, посмотрѣли другъ на друга тѣмъ знаменательнымъ взглядомъ, который всегда предшествуетъ серьезнымъ,

важнымъ разговорамъ; но прежде, чѣмъ приступить къ нему, старикъ Вордло предложилъ сыну попробовать рѣдкаго, стараго портвейна.

Пока молодой человѣкъ наливаетъ себѣ стаканъ вина, познакомимъ читателя съ его прошедшей жизнью.

Пробывъ въ школѣ до пятнадцати лѣтъ и приказчикомъ въ отцовской конторѣ до двадцати двухъ, онъ выказалъ такія блестящія способности, что Джонъ Вордло, которому уже дѣла становились въ тягость, рѣшился передать ихъ совсѣмъ своему сыну; но при этомъ онъ возымѣлъ честолюбивое желаніе, чтобы будущій глава его торговаго дома получилъ университетскій дипломъ. Онъ объявилъ свою волю, и юный Вордло отправился въ Оксфордъ, хотя уже въ продолженіи семи лѣтъ не заглядывалъ въ греческія и латинскія книги. Однако онъ вскорѣ навесталъ все потерянное съ помощью честнаго пастора Роберта Пенфольда, который отличался рѣдкимъ педагогическимъ талантомъ. Семейство Вордло имѣло особыя права на его услуги, ибо онъ былъ сынъ стараго Майкеля Пенфольда, кассира въ торговомъ домѣ Вордло; онъ не только занимался съ нимъ по одному часу въ день, какъ съ другими своими учениками, но ходилъ къ нему во всякое время дня и принуждалъ его читать книги, самъ читая съ нимъ. Онъ также оказалъ своему другу большую услугу въ одномъ, довольно непріятномъ дѣлѣ. Надо вамъ сказать, что молодой Вордло имѣлъ счастье или несчастье обладать замѣчательнымъ талантомъ подражанія; его способности въ этомъ отношеніи не имѣли, повидямому, границъ: голосомъ онъ подражалъ всевозможнымъ звукамъ, а перомъ и карандашомъ воспроизводилъ все что угодно. Однажды ночью этотъ юный джентльменъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, высовывается въ окно и, увидѣвъ на дворѣ группу разговаривающихъ и курящихъ студентовъ, принимается имъ читать нотацію рѣзкимъ голосомъ мистера Чемпиона, вице-президента ихъ коллегіи. Исчерпавъ всѣ доводы, по которымъ они обязаны были разойтись по своимъ комнатамъ и засѣсть за книги, онъ наконецъ воскликнулъ: — «Но, быть можетъ, вы слишкомъ пьяны, чтобы разбирать чепуху при свѣчкѣ, въ такомъ случаѣ»... и онъ далъ имъ нѣсколько очень двусмысленныхъ совѣтовъ, какъ провести вечеръ—

все это тѣмъ же серьезнымъ голосомъ мистера Чампіона, извѣстнаго своею щепетильно-строگوю нравственностью. Эта неожиданная юмористическая выходка вызвала громкій хохотъ и общее удовольствіе всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ самого мистера Чампіона, который, стоя у окна, слѣдилъ съ негодованіемъ за этой сценой. На другое утро онъ пожаловался президенту, и ловкій, талантливый Вордло сдѣлалъ огромную ошибку—онъ отрекся отъ своего поступка.

Дѣло было изслѣдовано и вина Вордло вполне обнаружена; президентъ, который сначала съ усмѣшкой отзывался объ этой шуткѣ, теперь, въ виду явной лжи молодого человѣка, сталъ серьезно качать головою; въ коллегіи начали поговаривать о временномъ удаленіи, или даже о совершенномъ исключеніи Вордло. Тогда молодой человѣкъ, грустно понутивъ голову, прибѣгнувъ къ помощи Пенфольда. «Я вѣрно былъ страшно пьянъ, ибо рѣшительно ничего не помню, сказалъ онъ,—я только-что вернулся съ игры въ крикетъ и помню только, что смѣялся съ товарищами, но что я имъ говорилъ—не знаю. Эта исторія мнѣ будетъ стоить очень дорого; если меня даже не исключать, а только удалять на время, то отецъ мнѣ никогда не проститъ и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться его товарищемъ, я останусь навсегда прикащикомъ; кромѣ того онъ узнаетъ, сколько у меня долговъ. Однимъ словомъ, я пропащій человѣкъ». Пенфольдъ ничего не отвѣчалъ, но, крѣпко, пожавъ руку своему юному другу, прямо отправился къ президенту и объяснилъ ему, что его ученикъ, передъ самой исторіей, вернулся съ игры въ крикетъ и потому нельзя было ожидать, чтобъ онъ помнилъ всѣ подробности; къ тому же онъ имѣлъ несчастную привычку и способность подражать всему, что видѣлъ и слышалъ. Однимъ словомъ, краснорѣчивый адвокатъ такъ ловко отстаивалъ своего кліента, что добрый, благородный президентъ видя, что можно найти смягчающія обстоятельства въ этой неблаговидной исторіи, тотчасъ принялъ ихъ во вниманіе и дѣло кончилось тѣмъ, что Артуръ Вордло написалъ мистеру Чампіону официальное извиненіе, отличавшееся ловкостью и изяществомъ коммерческихъ писемъ.

Черезъ полгода послѣ этого происшествія и за двѣ недѣли

до начала нашего разсказа, Артуръ Вордло, хорошо напшигованный Пенфольдомъ, отправился на экзаменъ и выдержалъ его. Онъ былъ такъ благодаренъ своему учителю за неожиданный успѣхъ, что когда, вскорѣ послѣ того, открылась вакансія на мѣсто пастора блись Оксфорда, то онъ просилъ отца одолжить Роберту Пенфольду сумму гораздо болѣе той, которая была необходима на покупку мѣста; однако старикъ Вордло на отръзъ ему отказалъ.

Этотъ краткій очеркъ послужить ключемъ къ прерванному нами разговору и къ послѣдующимъ событіямъ..

— Ну, Артуръ, такъ ты дѣйствительно получилъ дипломъ?

— Нѣтъ, сэръ, я выдержалъ экзаменъ, а дипломъ получу впоследствии; это только денежный вопросъ.

— А! такъ я тебѣ кое-что скажу. Но погоди, ты долженъ меня извинить, я человекъ дѣловой. Боже избави, чтобъ я сомнѣвался въ твоихъ словахъ, но не можешь ли ты представить мнѣ какой нибудь документъ, что ты окончательно выдержалъ экзаменъ въ университетѣ?

— Конечно, сэръ, отвѣчалъ молодой Вордло,—у меня есть свидѣтельство.

— Покажи.

Молодой человекъ вынулъ изъ кармана и подалъ отцу слѣдующій документъ, писанный по латыни:

«Мы, нижеподписавшіеся, смъ свидѣтельствуемъ, что Артуръ Вордло, изъ коллегіи св. Луки, хорошо отвѣчалъ на предложенные ему вопросы».

Джоржъ Ричардсонъ.

Артуръ Смитъ.

Эдвардъ Мерваль.

«Экзаменаторы».

Старикъ Вордло взялъ свидѣтельство изъ рукъ сына, положилъ его передъ собою и, надѣвъ лорнетъ, сталъ подробно разсматривать, хотя ни слова не понималъ по латыни; однако не смотря на это, а можетъ быть и по этому самому, уваженіе его къ сыну мгновенно возвысилось на 40 или на 45 процентовъ.

— Хорошо, сэръ, сказалъ онъ, — теперь выслушайте меня. Быть можетъ, это былъ стариковскій капризь съ моей стороны, но я часто видалъ въ свѣтѣ, какую печать кладетъ на человѣка университетъ. Конечно, послать тебя въ 22 года, изъ конторы на школьную скамью, было для тебя тяжелымъ испытаніемъ. Ты блистательно выдержалъ это испытаніе и я горжусь тобою. Теперь моя очередь: съ сегодняшняго дня, съ этой минуты ты мой товарищъ въ старинной фирмѣ Вордло. Мои отчеты будутъ вскорѣ готовы, и актъ о твоёмъ вступленіи въ товарищи будетъ тотчасъ заключенъ. Ты вступаешь въ цвѣтушій торговый домъ и, въ сущности, будешь управлять имъ, только переписываясь постоянно со мною; я 45 лѣтъ возился съ этой конторой и усталъ, къ тому же ты знаешь, я страдаю печенью. Вотсонъ совѣтуетъ мнѣ бросить всё дѣла и заботы и отдохнуть на чистомъ воздухѣ.

Онъ остановился на минуту, и молодой человѣкъ громко переревелъ дыханіе, словно онъ освободился отъ какого-то тяжелого гнета.

Что же касается до старика, то онъ не обращалъ вниманія на сына, а задумался о своей собственной жизни; чувства сожалѣнія и какого-то неизъяснимаго страданія выразились на его лицѣ, но черезъ минуту онъ снова оправился и съ мужественнымъ достоинствомъ произнесъ:

— Ну, ну! это законъ природы, и ему нельзя не подчиняться. Вордло младшій, налейте себѣ стаканъ портвейна. — Заходящее солнце пьетъ за здоровье восходящаго, сказалъ онъ торжественно, вставая съ мѣста, но не могъ продолжать въ этомъ цвѣтистомъ тоувѣ и кончилъ словами:—Да благословить тебя Богъ, дитя мое, занимайся дѣлами серьезно, избѣгай спекуляцій, какъ я избѣгалъ ихъ, и передай фирму своему сыну въ цвѣтущемъ состояніи, какъ мой отецъ передалъ мнѣ, а я передаю тебѣ.

Пронзнося эти слова, голосъ его немного задрожалъ, но только на минуту, потомъ онъ сѣлъ и спокойно сталъ прихлебывать вино. Напротивъ, молодой человѣкъ нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ, пока отецъ говорилъ, и когда тотъ кончилъ, то, откинувшись на спинку кресла, вздохнулъ еще глубже прежняго и двѣ нервныя слезинки показались на его блѣдныхъ щекахъ. Но понимая, что ему слѣдовало сказать чтонибудь, онъ пересилилъ свое странное смущеніе и пробормоталъ, что не страшитса отвѣтственности, если отецъ позволитъ постоянно прибѣгать къ нему за совѣтами.

— Конечно, отвѣчалъ старикъ, — моя дача находится въ одной милѣ отъ станціи, и ты можешь, въ случаѣ надобности, мнѣ телеграфировать.

— Когда вы желаете, чтобъ я вступилъ въ мою новую должность?

— погоди, дай подумать; для приведенія въ порядокъ счетовъ понадобится недѣль шесть; значить—ты можешь вступить въ товарищи черезъ два мѣсяца.

Молодой Вордло быстро измѣнился въ лицѣ.

— Въ это время ты можешь съѣздить на континентъ и пожить въ свое удовольствіе.

— Благодарю, отвѣчалъ механически молодой человѣкъ, и впалъ въ мрачную думу.

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе, которое, казалось, было естественною принадлежностью этого унылаго покоя. Вдругъ послышался стукъ въ парадную дверь и оба, отецъ и сынъ, посмотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ.

— Я никого не приглашалъ, сказалъ старикъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и лакей, войдя въ комнату, подалъ карточку: «*Мистеръ Кристофоръ Адамсъ*».

Появленіе мистера Кристофора Адамса въ частной квартирѣ и въ девять часовъ вечера показалось аккуратному купцу неправильнымъ, дерзкимъ и чудовищнымъ поступкомъ.

— Скажите ему, что онъ можетъ застать меня въ конторѣ завтра, какъ всегда, сказалъ старикъ, сдвинувъ брови.

Лакей вышелъ съ этимъ отвѣтомъ, и скорѣй послышались громкіе голоса въ передней; наконецъ, лакей снова появился на порогѣ.

— Онъ говоритъ, сударь, что ему непременно надо васъ видѣть; онъ очень встревоженъ.

— Да, я очень встревоженъ, произнесъ какой-то дрожащій голосъ, и мистеръ Адамсъ, отпихнувъ ланея, вошелъ въ комнату.

— Прошу извиненія, сэръ, сказалъ онъ, почтительно кланаясь,—но дѣло очень важное, и я не могу успокоиться прежде, чѣмъ объяснюсь съ вами.

— Вашъ поступокъ, сэръ, чрезвычайно страненъ, сказалъ Вордло,—неужели вы думаете, что я занимаюсь дѣлами здѣсь и во всякое время.

— О! нѣтъ, сэръ, это мое собственное дѣло. Я пришелъ спросить васъ объ одномъ очень важномъ обстоятельстве и никакъ не могъ отложить этого до завтра.

— Ну, сэръ, я вамъ повторяю еще разъ, что вы поступили странно и неправильно, но такъ какъ вы уже здѣсь, то объясните, въ чемъ дѣло.

При этомъ Вордло мигнулъ лакею, и тотъ вышелъ изъ комнаты. Однако мистеръ Адамсъ молчалъ, подозрительно поглядывая на молодого Вордло.

— О, вы можете говорить при немъ. Это мой товарищъ, то есть, онъ будетъ товарищемъ, когда счета приведутся въ порядокъ. Вордло младшій, это мистеръ Адамсъ, очень почтенный вексельный дисконтировщикъ.

Мистеръ Адамсъ и Артуръ поклонились другъ другу.

— Выдавали ли вы вексель сегодня? сэръ? спросилъ Адамсъ у старика Вордло.

— Можетъ быть. А вы дисконтировали сегодня мой вексель?

— Да, сэръ.

— Ну, такъ чтожъ, представьте его въ срокъ. Фирма Вордло и сынъ, конечно, не откажутся отъ своей подписи.

Старикъ произнесъ эти слова съ пренебреженіемъ богатаго чловѣка, которому никогда въ жизни не приходилось не исполнять своего обязательства.

— О! безъ сомнѣнія, если вексель въ порядкѣ; ну, а если нѣтъ?

— Что вы хотите сказать? спросилъ Вордло съ удивленіемъ.

— Ничего, сэръ. Вексель вами подписанъ и помѣченъ вашимъ кассиромъ. Только меня беспокоитъ одно: ваши векселя всегда писались на бланкахъ,—я такъ и сказалъ своему товарищу, который дисконтировалъ этотъ вексель. Сдѣлайте милость, осмотрите его внимательно.

— Съ большимъ удовольствіемъ, покажите прежде Артуру, у него глаза помоложе.

Мистеръ Адамсъ вынулъ изъ кармана вексель и подаль его молодому Вордло. Тотъ взялъ его дрожащей рукой, опустилъ очень низко голову, какъ бы разсматривая бумагу и, потомъ, молча ее возвратилъ.

Адамсъ передалъ тогда вексель старику Вордло, который пристально его разсмотрѣлъ въ лорнетъ.

— Подпись, повидному, моя, сказалъ онъ.

— Какъ я радъ! воскликнулъ поспѣшно Адамсъ.

— Погодите, это что такое? Двѣ тысячи фунтовъ! И вы говорите, что это не нашъ бланкъ. Вотъ ужъ съ недѣлю я не подписывалъ векселя въ двѣ тысячи фунтовъ. Помѣта вчерашнимъ числомъ. Надѣюсь, что вы не выдали деньги?

— Къ несчастію, мой товарищъ выдалъ.

— Ну такъ, сэръ, я не буду долже васъ мучить; этотъ вексель не стоитъ бумаги, на которой онъ написанъ.

— Мистеръ Вордло! Сэръ! О, Господи! Я такъ и думалъ! Это подлогъ.

— Трудно назвать это иначе. Но почему ты такъ поблѣднѣлъ, Артуръ? Мы не можемъ помѣшать ловкому мошеннику поддѣлывать наши подписи, что же касается до васъ, Адамсъ, то вамъ слѣдовало быть осторожнѣе.

— Но, сэръ, вашего кассира зовутъ Пенфольдъ, пробормоталъ Адамсъ, хватаясь за соломенку,—можетъ быть онъ... развѣ и помѣта тоже подложная?

Вордло посмотрѣлъ на оборотъ векселя, и съ изумленіемъ произнесъ:

— Нѣтъ, моего кассира зовутъ Майкель Пенфольдъ, а здѣсь стоитъ Робертъ Пенфольдъ. Слышишь Артуръ? Но что

съ тобою? Ты поблѣднѣлъ, точно призракъ. Слышишь, на оборотѣ подложнаго векселя стоитъ имя твоего учителя. Это странно. Посмотри и скажи намъ, кто написалъ эти два слова: «Робертъ Пенфольдъ?»

Молодой человѣкъ взялъ документъ и старался спокойно рассмотреть его, но руки его дрожали, холодный потъ выступилъ на лбу. Его тусклые глаза дико бѣгали съ предмета на предметъ и онъ такъ долго молчалъ, что отецъ и Адамсъ съ удивленіемъ взглянули на него.

— Эта подпись *Робертъ Пенфольдъ*, промолвилъ онъ, наконецъ,—очень походить на его почеркъ; но вѣдь и почеркъ всего документа очень походить на вашъ, сэръ. Я увѣренъ, что Робертъ Пенфольдъ никогда не сдѣлаетъ ничего дурного. Прощу васъ, мистеръ Адамсъ, не давайте хода этому дѣлу прежде, чѣмъ я увижусь съ нимъ и спрошу, его ли эта помѣта.

— Ну, не торопись, сказалъ старикъ Вордло,—главное теперь надо узнать, кто получилъ деньги.

Мистеръ Адамсъ отвѣчалъ, что деньги получилъ молодой пасторъ очень приличной наружности.

— А! произнесъ Вордло многозначительно.

— Батюшка! воскликнулъ Артуръ, и въ голосѣ его слышалась отчаянная мольба,—ради меня не говорите объ этомъ болѣе ни слова, Робертъ Пенфольдъ неспособенъ на безчестное дѣло.

— Въ твои года, молодой человѣкъ, очень похвально такъ говорить, но я пожилъ на свѣтѣ и видалъ, какія преступленія совершаютъ почтенные люди въ минуту соблазна. Теперь я припоминаю: Робертъ Пенфольдъ нуждается въ деньгахъ. Вѣдь онъ у меня просилъ займы двѣ тысячи фунтовъ, не правда ли? Да отвѣчай же, вѣдь онъ просилъ черезъ тебя.

Не получивъ никакого отвѣта отъ сына, кромѣ безмолвнаго, отчаяннаго взгляда, старикъ Вордло написалъ адресъ Роберта Пенфольда и передалъ его мистеру Адамсу, который, помѣнявшись еще съ нимъ шепотомъ нѣсколькими словами, вышелъ изъ комнаты, разыскавъ въ благодарностяхъ.

Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ отецъ и сынъ сидѣли молча, первый былъ очень взволнованъ и разсерженъ, а послѣд-

ній словно впалъ въ какое-то оцѣпененіе. Наконецъ, онъ воскликнулъ съ жаромъ:

— Робертъ Пенфольдъ, мой лучший другъ, еслибъ не онъ, то меня выгнали бы изъ университета, и я ни когда не выдержалъ бы экзамена.

— Ты преувеличиваешь, перебилъ его отецъ,—но по правдѣ сказать, я сожалью, что не далъ ему тѣхъ денегъ, которыя ты просилъ. Помни мои слова, въ минуту соблазна этотъ несчастный молодой человекъ поддѣлалъ мою подпись, за что его будутъ судить и подвергнуть законному наказанію.

— Нѣтъ, нѣтъ! Избави Богъ, воскликнулъ Артуръ Вордло,—я этого не вынесу. Если онъ это и сдѣлалъ, то вѣрно съ намѣреніемъ возвратитъ деньги. Мнѣ надо его видѣть, какъ можно скорѣе.

Онъ поспѣшно вскочилъ и хотѣлъ отправиться къ Пенфольду, чтобъ его предупредить и посовѣтовать уѣхать на время, пока деньги не будутъ отданы; но отецъ заслонилъ ему дорогу и запретилъ выходить изъ комнаты, тѣмъ торжественнымъ тономъ, ослушиваться котораго Артуръ не привыкъ.

— Сядьте, сэръ, сказалъ старикъ повелительно,—сядь сію минуту, или тебѣ никогда не бывать моимъ товарищемъ. Правосудіе должно взять свое. Какое право мы имѣемъ отстанвать преступника? Я бы не заступился за тебя, еслибъ ты совершилъ преступленіе. Впрочемъ, теперь уже поздно, прежде чѣмъ ты доѣдешь до него, полицейскіе сыщики уже будутъ тамъ. Я далъ Адамсу его адресъ.

При послѣднихъ словахъ отца молодой человекъ поникъ головою, громко застоналъ и холодный потъ крупнымъ бисеромъ унизалъ его лобъ.

ГЛАВА II.

Въ тотъ же вечеръ, въ Страндѣ, въ норфолькской улицѣ сидѣли за чаемъ, также отецъ и сынъ; но въ этой парѣ роли были совершенно противоположныя, чѣмъ у Вордло. Майкель

Пенфольдъ былъ почтенный, тихій человекъ, съ сѣдыми волосами и голубыми глазами; скромность и застѣнчивость его доходила до того, что прежде чѣмъ отвѣтить на какой нибудь вопросъ, онъ всегда съ боязнью осматривалъ своего собесѣдника и окружающую его комнату.

Робертъ, сынъ его, былъ молодой человекъ съ большими карими глазами, пріятнымъ мелодичнымъ голосомъ, широкими плечами и энергичными быстрыми манерами. Этотъ человекъ представлялъ смѣсь пастора, ученаго и игрока въ крикетъ.

Они очень весело разговаривали о пасторскомъ мѣстѣ, которое Робертъ намѣревался купить близъ Оксфорда, что не мѣшало ему продолжать свои занятія съ учениками.

— Это мѣсто хорошее, батюшка, прибавилъ онъ, — и если я когда нибудь женюсь, и мы будемъ жить тамъ съ женою, вы, я надѣюсь, будете пріѣзжать къ намъ постоянно на субботу и воскресенье.

— Конечно, Робертъ. Ахъ, какъ *она* была бы рада услышать твои проповѣди; это всегда было ея задушевнымъ желаніемъ; бѣдная голубушка!

— Будемъ надѣяться, что *она* и теперь слышитъ меня, сказалъ Робертъ, — и къ тому же вы остались мнѣ; а на доходы съ моего мѣста, я надѣюсь доставить вамъ побольше комфорта.

— Ты очень добръ, Робертъ, но я лучше желалъ бы, чтобы ты на себя употреблялъ эти деньги; однако ты, должно быть, очень ловко обдѣлываешь свои дѣла, что въ состояніи такъ хорошо одѣваться, дѣлать отцу такіе богатые подарки и отложить при томъ на покупку мѣста тысячу четыреста фунтовъ.

— Вы ошибаетесь, батюшка, я только отложилъ четыреста фунтовъ, тысячу же я досталъ; — нѣтъ, это мой секретъ, до поры до времени.

— О, я не спрашиваю, я никогда не былъ любопытенъ.

Поговоривъ еще нѣсколько времени, старикъ зажегъ свѣчу, чтобъ идти спать, какъ вдругъ въ комнату вошелъ неожиданный посѣтитель.

Вошедшій человекъ былъ прилично одѣтъ, съ однимъ только исключеніемъ: на немъ была тяжелая золотая цѣпочка. Черные, блестящіе глаза его, поражали своей пронизательностію и бѣгло-

стію. Войдя, онъ окинулъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и все его окружающее.

— Мистеръ Майкель Пенфольдъ, если я не ошибаюсь, сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.

— Къ вашимъ услугамъ, сэръ.

— И мистеръ Робертъ Пенфольдъ.

— Я Робертъ Пенфольдъ, что вамъ угодно?

— Сдѣлайте одолженіе, скажите, вы написали *Робертъ Пенфольдъ* на оборотѣ этого векселя?

— Конечно это моя подпись, иначе мнѣ не выдали бы денегъ.

— А, вы получили деньги?

— Конечно получилъ.

— Вы уже помѣстили эти деньги, или они при васъ?

— При мнѣ.

— Тѣмъ лучше.

И странный посѣтитель устремилъ на Майкеля пристальный взглядъ.

— Вотъ видите, сэръ, сказалъ онъ, — въ этомъ векселѣ вкрались нѣкоторыя неправильности; ихъ надо разъяснить, иначе вашему сыну придется возвратить деньги.

— Неправильности, въ векселѣ, воскликнулъ со страхомъ Майкель Пенфольдъ, — кто трасировалъ его? дайте мнѣ посмотреть. О, Господи, неправильности въ векселѣ, предъявленномъ тобою, Робертъ! и старикъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Чего вы боитесь, батюшка? сказалъ Робертъ, если вексель неправильный, то придется только отдать назадъ деньги. Они у меня.

— Самое лучшее для мистера Роберта Пенфольда было бы прямо отправиться со мною къ маклеру; онъ живетъ тутъ по близости. А вы, сэръ, останьтесь дома, вы отвѣчаете за цѣлость денегъ.

Робертъ Пенфольдъ тотчасъ надѣлъ шляпу и послѣдовалъ за таинственнымъ посѣтителемъ.

Они еще не успѣли сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ внезапно, зайдя немного впередъ, остановился прямо передъ Робертомъ и поспѣшно сказалъ: «мы можемъ здѣсь покончить»

это дѣло». Въ ту же минуту имъ перерѣзалъ дорогу полицейскій, а за спиной Роберта какъ бы выросъ другой мужчина, также полицейскій, но переодѣтый.

Окруживъ, такимъ образомъ, свою жертву, сыщикъ сбросилъ съ себя маску.

— Ну, молодецъ, мнѣ бы слѣдовало устроить это дѣльце въ твоёмъ домѣ, но мнѣ стало жаль твоего старика и его сѣдыхъ волосъ. Я получилъ приказъ арестовать тебя за подлогъ.

— За подлогъ! меня арестовать за подлогъ!? воскликнулъ Робертъ съ удивленіемъ, но безъ малѣйшаго смущенія, ибо онъ не вполне сознавалъ весь ужасъ своего положенія. Черезъ минуту однако онъ поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Пойдите къ мистеру Вордло, сказалъ онъ, — умоляю васъ, пойдите сейчасъ же къ нему.

— Нельзя, отвѣчалъ сыщикъ, — Вордло до этого нѣтъ никакого дѣла. Вексель остановленъ. Васъ арестуетъ не Вордло, а тотъ, кто выдалъ деньги. Вотъ и приказъ объ арестѣ; вамъ лучше спокойно идти съ нами, или я васъ арестую.

— Не надо меня арестовывать, воскликнулъ Робертъ въ сильномъ волненіи, — я не убѣгу. Прочъ, я пасторъ англиканской церкви и не позволю наложить на себя руки.

Но въ ту же минуту одинъ изъ полицейскихъ схватилъ его за руку; тогда Робертъ Пенфольдъ гнѣвно оттолкнулъ его и однимъ прыжкомъ очутился посреди улицы.

Полицейскіе бросились за нимъ и сыщикъ получилъ въ щеку такой страшный ударъ, что полетѣлъ на землю; за этимъ быстро слѣдовали одинъ ударъ за другимъ и несчастные полицейскіе только успѣвали хвататься за глаза и носы. Однако, несмотря на полученные раны и ушибы, имъ удалось, наконецъ, схватить своего противника и всѣ вмѣстѣ повалились на землю въ жестокой, убійственной борьбѣ; между тѣмъ въ окнахъ со- сѣднихъ домовъ показались удивленные лица и, между прочими, почтенная фигура Майкеля Пенфольда, который съ отчаяніемъ махалъ руками и оглашалъ воздухъ криками ужаса.

Наконецъ, сыщикъ сѣлъ на грудь Роберта Пенфольда, а полицейскіе надѣли ему наручники. Окончивъ такимъ образомъ

эту отчаянную и недостойную борьбу, они посадили свою жертву въ кэбъ и повезли въ полицію.

На слѣдующій день старикъ Вордло объявилъ передъ судьей, что вексель былъ подложный, а товарищъ мистера Адамса показалъ подъ присягой, что обвиняемый былъ тотъ самый человѣкъ, который представилъ вексель и получилъ по немъ деньги. Полицейскіе съ подбитыми глазами, и сыщикъ съ двумя выбитыми зубами, объяснили, какъ обвиняемый отчаянно имъ сопротивлялся. Эти послѣднія показанія говорили такъ громко противъ него, что судья отказалъ въ просьбѣ отдать его на поруки.

Такимъ образомъ, пасторъ Робертъ Пенфольдъ былъ отправленъ въ тюрьму и подвергнутъ уголовному суду по обвиненію въ подлогѣ.

Возвратясь домой, старикъ Вордло рассказалъ все случившееся своему сыну; тотъ выслушалъ его молча и не произнесъ ни одного слова. Вскорѣ Артуръ получилъ письмо отъ Роберта Пенфольда, которое сильно взволновало его, и онъ обѣщалъ навѣстить его въ тюрьмѣ.

Но онъ никогда не исполнилъ своего обѣщанія.

Артуръ Вордло былъ очень несчастливъ, ибо въ душѣ его происходила самая ужасная борьба; онъ не смѣлъ дѣйствовать прямо противъ отца, въ ту самую минуту, когда тотъ назначалъ его своимъ товарищемъ; но въ тоже время сердце его обливалось кровью при мысли о Робертѣ Пенфольдѣ. Онъ поступилъ въ этомъ страшномъ положеніи такъ, какъ слѣдовало отъ него ожидать, судя по его мутнымъ глазамъ и вдавшемуся подбородку — онъ медлилъ. «Прежде чѣмъ начнется этотъ ужасный процессъ», утѣшалъ онъ себя, — «я буду уже главою фирмы и въ состояніи выдать чекъ въ нѣсколько тысячъ. Тогда я дамъ отступного Адамсу, сколько бы онъ не потребовалъ, и затушу это дѣло».

Долго утѣшалъ онъ себя подобными надеждами. Но счета по фирмѣ составлялись долго, а судъ на этотъ разъ дѣйствовалъ необыкновенно быстро, такъ что, прежде чѣмъ Артуръ былъ утвержденъ товарищемъ фирмы, онъ получалъ отчаянное письмо,

въ которомъ его умоляли всѣмъ, что у него есть святаго, явиться въ судъ въ качествѣ свидѣтеля со стороны защиты.

Это письмо едва на свело съ ума молодого человѣка; онъ бросился къ Адамсу и умолялъ его прекратить дѣло, но Адамсъ былъ непреклоненъ. Онъ хотя и получилъ обратно деньги, но хотѣлъ отмстить за причиненный ему страхъ.

Потерпѣвъ тутъ пораженіе, Артуръ Вордло возвратился въ Оксфордъ и заперся въ своей комнатѣ, терзаемый страхомъ и упреками совѣсти. Онъ никуда не выходилъ и, какъ дикій звѣрь въ берлогѣ, бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, не зная ни минуты покоя.

Несмотря однако на всю его осторожность, и всѣ принятыя мѣры, адвокатъ подсудимаго нашелъ къ нему дорогу. Однажды утромъ въ семь часовъ его разбудилъ какой-то чиновникъ, и предъявилъ ему повѣстку, обязывающую его, подъ опасеніемъ наказанія, явиться въ судъ, въ качествѣ свидѣтеля Роберта Пенфольда.

Этого послѣдняго удара онъ не вынесъ. Его физическія силы пошатнулись отъ нравственной борьбы, и въ тотъ же день у него открылась страшная горячка. Такимъ образомъ, онъ метался въ безчувственномъ бреду въ то самое время, какъ Робертъ Пенфольдъ предсталъ на скамьѣ обвиненныхъ предъ Центральнымъ Уголовнымъ Судомъ.

Дѣло это продолжалось шесть часовъ, и рассказъ о немъ могъ бы имѣть значительный интересъ, но, по различнымъ причинамъ, о которыхъ мы считаемъ излишнимъ распространяться, мы рѣшились пройти молчаніемъ судебныя пренія. Обвиненіе состояло изъ двухъ статей: въ первой, Робертъ Пенфольдъ обвинялся въ подлогѣ векселя, во второй въ томъ, что онъ пустилъ въ обращеніе вексель, зная, что онъ подложный. По первой статьѣ доводы обвиненія были очень слабы, особенно въ виду показаній знаменитаго эксперта Ундерклифа, который, подъ присягой, утверждалъ, что почеркъ въ помѣтѣ *Робертъ Пенфольдъ*, былъ не тотъ же самый почеркъ, которымъ писанъ весь документъ. Въ подтвержденіе этого онъ привелъ много тонкихъ и убѣдительныхъ доводовъ; противъ же его показаній не было предъявлено никакихъ основательныхъ возраженій. По-

этому судья предложилъ присяжнымъ освободить подсудимаго отъ обвиненія по первой статьѣ. Но за то по обвиненію въ томъ, что Робертъ Пенфольдъ пустилъ въ обращеніе подложный вексель, доказательства были безспорныя; что же касается до вопроса, знаетъ ли онъ, что вексель былъ подложный, то для подсудимаго, быть можетъ, было большимъ несчастіемъ, что онъ судился въ Англии и не могъ быть выслушанъ лично въ судѣ, что, напротивъ, дозволяется въ другихъ странахъ; главной же уликой было его сопротивленіе полицейскимъ, очевидно доказывавшее, что онъ зналъ о подлогѣ векселя, совершенномъ, вѣроятно, его сообщникомъ.

Адвокатъ подсудимаго энергически протестовалъ, что Артуръ Вордло не явился свидѣтелемъ въ пользу защиты, и просилъ судью подвергнуть его отвѣтственности за презрѣніе къ суду. Но старикъ Вордло былъ вторично призванъ въ судъ и, подъ присягой, показалъ, что онъ оставилъ сына въ такой сильной горячкѣ, что доктора не надѣялись даже на его выздоровленіе; при этомъ онъ объявилъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, что только сознаніе своихъ обязанностей, какъ гражданина, могло заставить его явиться въ судъ отъ смертнаго одра сына. Онъ также объявилъ, что, по его мнѣнію, главной причиной болѣзни Артура и была невозможность представить доказательства виновности его друга.

Присяжные долго совѣщались и, наконецъ, объявили: *виновенъ*, но достоинъ снисхожденія.

Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ чиновниковъ суда спросилъ, полу-нараспѣвъ, полу-речитативомъ, не имѣетъ ли подсудимый что либо сказать противъ того, чтобы приговоръ былъ постановленъ согласно отвѣту присяжныхъ. Подсудимые, большею частью, отвѣчаютъ мертвымъ молчаніемъ на подобный выкликъ чиновника. И что имъ отвѣчать? Этотъ выкликъ не выражаетъ для нихъ никакой идеи, отвѣчать на него было бы тоже самое, что отвѣчать на крикъ кукушки. Но достопочтенный Робертъ Пенфольдъ находился въ такомъ воспаленно-нервномъ состояніи и всѣ его чувства были такъ болѣзненно настроены, что онъ на лету схватилъ смыслъ словъ, несмотря

на ихъ произношеніе, и уцѣпился за нихъ, какъ утопающій цѣпляется за соломенку.

— Милордъ, милордъ! воскликнулъ онъ, — я вамъ скажу настоящую причину, почему молодой Вордло не явился въ судъ. Судья махнулъ рукой и Робертъ Пенфольдъ долженъ былъ замолчать.

— Подсудимый, произнесъ судья. — я не могу входить въ обсужденіе фактовъ; присяжные рѣшили дѣло по существу. Приговоръ можетъ быть только остановленъ по вопросу о примѣненіи законовъ въ данномъ случаѣ. Все, что вы имѣете сказать въ этомъ отношеніи, я терпѣливо выслушаю, но если вы хотите распространяться о существѣ дѣла, то потрудитесь замолчать и выслушать вашъ приговоръ.

Вслѣдъ за этимъ, не останавливаясь ни на минуту, судья указалъ на гнусный характеръ разсматриваемаго преступленія, хотя допустилъ одно смягчающее обстоятельство и въ заключеніе, приговорилъ подсудимаго къ пятилѣтнему тюремному заключенію.

Услышавъ свой приговоръ, несчастный огласилъ залу суда дикимъ, отчаяннымъ воплемъ и судорожно схватился за свою скамью.

Обыкновенно подсудимые, обращаясь къ судьямъ, выводятъ ихъ изъ терпѣнья, или плохимъ знаніемъ закона, или дурной логикой, или дерзостью. Но этотъ дикій вопль не имѣлъ ничего общаго съ обычными разглагольствованіями подсудимыхъ, и, выходя прямо изъ сердца преступника, откликнулся въ сердце судьи. Голосъ строгаго стража правосудія дрогнулъ, но только на минуту, и, быстро оправившись, онъ снова продолжалъ твердо, торжественно, но человѣчно: — «Несмотря на все, я убѣжденъ, благодаря моему опыту, что это ваше первое преступленіе и, можетъ быть, послѣднее. Потому я употреблю все свое вліяніе, чтобъ васъ не помѣстили въ одну тюрьму съ зачерствѣлыми преступниками, а отправили бы отсюда въ другую страну, гдѣ вы можете начать жизнь съизнова и съ годами смыть съ себя позорное пятно. Дайте мнѣ возможность надѣяться на ваше исправленіе; начните тотчасъ же вашу новую жизнь съ полного раскаянья и признайте себя од-

ного виновнымъ въ вашемъ преступленіи. Васъ никто не заставлялъ предъявлять подложный вексель и получать деньги; деньги нашлись у васъ. Подобный поступокъ не можетъ быть оправданъ ни закономъ, ни нравственностью, ни религіею».

Этихъ послѣднихъ словъ подсудимый не могъ перенести и громко зарыдалъ. Но это продолжалось недолго. Онъ вдругъ оправился и съ какимъ-то страннымъ спокойствіемъ произнесъ: «Господи! прости всѣмъ... кромѣ одного, кромѣ одного». Вслѣдъ за этимъ онъ, какъ подобаетъ джентльмену, почтительно поклонился судѣ и присяжнымъ и вышелъ изъ залы суда съ видомъ чловѣка, который разъ навсегда покончилъ съ своими чувствами и пойдетъ теперь на каторгу, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ.

Коронный адвокатъ потребовалъ, чтобъ подложный документъ былъ сохраненъ въ цѣлости.

— Я только что хотѣлъ просить о томъ же, прибавилъ адвокатъ подсудимаго.

Судья сръзалъ ихъ обоихъ, презрительно замѣтивъ, что это само собой разумѣется.

Робертъ Пенфолдъ провелъ цѣлый годъ въ одиночномъ заключеніи и потомъ, для излеченія его отъ благодѣтельнаго вліянія подобнаго заключенія (если таковое бываетъ), онъ былъ переведенъ на понтонный корабль «Местъ», гдѣ очутился въ обществѣ величайшихъ мошенниковъ и злодѣевъ въ свѣтѣ. Имъ не удалось низвести его къ своему уровню, но они нанесли большой вредъ его уму и душѣ; и прежде чѣмъ прошла половина назначенныхъ ему лѣтъ, онъ отправился въ ссыльную колонію совершенно инымъ чловѣкомъ, чловѣкомъ разочарованнымъ, ожесточеннымъ, безнадежнымъ, вѣрующимъ въ малое и ненавидящимъ многое.

Онъ взялъ съ собою молитвенникъ, который ему дала мать, когда онъ былъ посвященъ въ діаконы, но рѣдко читалъ дагѣе перваго листка, на которомъ бѣдная женщина вылила всю свою материнскую любовь въ набожныхъ стремленіяхъ къ небу о благополучіи своего любимаго сына. Въ минуты мрачнаго отчаянья, онъ часто пробѣгалъ эти строки съ слезами на гла-

захъ, ибо онъ былъ увѣренъ въ любви своей матери, хотя сомнѣвался подъ часъ въ правосудіи Бога.

III.

Мистеръ Вордло прямо изъ суда возвратился къ сыну и ухаживалъ за нимъ съ отеческой любовью; когда же горячка прошла, то, при первой возможности, онъ отправилъ его на морской берегъ, а потомъ и за-границу. Молодой человѣкъ безмолвно повиновался. Онъ никогда не спрашивалъ о Робертѣ Пенфольдѣ, никогда не упоминалъ его имени, и, казалось, былъ очень благодаренъ, что другіе руководили какъ физической, такъ и умственной его жизнью. Но пробывъ за-границей не болѣе мѣсяца, онъ сталъ просить позволенія у отца возвратиться въ Англію и приняться за дѣла. Въ его письмахъ проглядывало какое-то нервное нетерпѣніе, и старикъ Вордло, глубоко сожалѣя его и желая наградить за рѣдкое послушаніе, тотчасъ согласился на его просьбу, и по пріѣздѣ Артура въ Лондонъ подписалъ актъ о принятіи его въ товарищи, надавалъ ему добрыхъ совѣтовъ и удалился на покой въ свое имѣніе. Сначала онъ пріѣзжалъ въ городъ каждые три дня, обозрѣвалъ всѣ торговля книги и снабжалъ сына необходимыми свѣденіями и совѣтами, но эти посѣщенія вскорѣ сдѣлались все рѣже и рѣже и, наконецъ, онъ сталъ только изрѣдка переписываться съ сыномъ. Такимъ образомъ, Артуръ Вордло неограниченно распоряжался всѣми дѣлами торговаго дома и легко уплатилъ свои оксфордскіе долги. Находясь постоянно въ безвокойномъ волненіи, онъ съ какой-то лихорадочной энергіей принялся за торговые обороты и вскорѣ умножилъ и распространилъ дѣла фирмы.

Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій при вступленіи въ контору было послать за Майкелемъ Пенфольдомъ. Бѣдный старикъ со времени «несчастія» сына, постоянно опасался, что его прогонять съ мѣста, и, потому, получивъ приглашеніе молодого хозяина, онъ съ тяжелымъ вздохомъ поспѣшилъ въ контору.

— Мистеръ Пенфольдъ, сказалъ Артуръ Вордло, холодно посмотрѣвъ на него. — Вы были вѣрнымъ слугою фирмы впродолженіи многихъ лѣтъ и я увеличиваю вамъ жалованье на 50 ф. въ годъ, вы будете вести главную торговую книгу. Ну, ну, прибавилъ онъ рѣзко, почти гнѣвно, когда изумленной старикъ началъ разсыпаться въ благодарностяхъ. — Ни слова болѣе, а главное, никогда не говорите мнѣ о той проклятой исторіи. Вы въ ней невиноваты и я также... Ну... Ступайте... я не нуждаюсь въ благодарности. Слышите, мистеръ Пенфольдъ!

Старикъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты, сильно удивляясь добротѣ и раздражительности своего юнаго хозяина.

Артуръ Вордло всею душою предался дѣламъ, день и ночь только и думалъ о нихъ и скоро прослылъ за честолюбиваго, быстро возвышающагося купца. Наконецъ, однако, честолюбіе нашло себѣ въ его сердцѣ серьезнаго соперника. Онъ влюбился, страстно влюбился, и предметъ его любви былъ вполне ея достоинъ. Молодая дѣвушка была дочь генерала, котораго заслуги были всеми признаны, однако недостаточно вознаграждены. Предложеніе Вордло было благосклонно принято отцомъ, а дочь мало-по-малу поддавалась этой любви, искренность и теплота которой были несомнѣнны; такимъ образомъ, свадьба была бы тотчасъ же сыграна, еслибъ отецъ молодой дѣвушки не получилъ вдругъ (благодаря отчасти, вліянію Вордло) выгодное мѣсто внѣ Англіи. Дѣла его были разстроены, и онъ долженъ былъ, хоть на время, принять предложенное мѣсто; дочь же не могла его отпустить одного, такъ какъ онъ былъ вдовецъ и бромъ нея у него не было близкихъ родныхъ. Это временное разставаніе, хотя и отсрочивало свадьбу, но естественно побудило молодыхъ людей дать другъ другу торжественное обѣщаніе обвѣнчаться при первой возможности; и Артуръ Вордло имѣлъ счастье писать и получать съ каждою почтой теплыя, сердечныя письма. Любовь, обращенная на достойный предметъ, подѣйствовала цѣлительнымъ бальзамомъ на его сердце и, подъ ея нѣжнымъ, но могучимъ покровомъ, онъ сдѣлался спокойнѣе, добрѣе, и его характеръ сталъ видимо исправляться. Таково было благотѣльное вліяніе на него чистой, искренней любви.

Между тѣмъ объемъ его торговыхъ предпріятій началъ пугать старика Пенфольда, но Артуръ скоро убѣдилъ его въ неосновательности подобныхъ опасеній, и старикъ успокоился, въ виду непреложныхъ доводовъ и гордыхъ, самоувѣренныхъ улыбокъ молодого человѣка.

На четвертомъ году управленія Артура Вордло дѣлами торговаго дома Вордло и сынъ случились на другомъ полушаріи довольно странныя происшествія, въ которыхъ Артуръ былъ заинтересованъ гораздо болѣе, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго взгляда. Къ этимъ-то происшествіямъ мы теперь и перейдемъ.

Робертъ Пенфольдъ, въ должное время, просилъ генерала Роллестона отпустить его по билету изъ тюрьмы на заработки. Генералъ, полагая, что, въ виду его тяжкаго преступленія, эта просьба была преждевременна, объявилъ, что онъ никогда не отпускаетъ арестантовъ по билету изъ тюрьмы иначе, какъ по присканіи ими приличнаго мѣста и занятія.

— Постарайтесь, чтобъ кто нибудь васъ взялъ въ приказчики, и я тогда подумаю о вашемъ отпускѣ.

Робертъ Пенфольдъ не могъ найти никого, кто бы согласился взять его прямо изъ тюрьмы въ контору, и онъ написалъ генералу краснорѣчивое письмо, прося его дозволить ему заняться ручною работою. По счастью генералъ Роллестонъ только что прогналъ своего садовника и тотчасъ же предложилъ это мѣсто краснорѣчивому арестанту, замѣтивъ, что онъ самъ готовъ держать у себя отпущенныхъ по билету преступниковъ, но твердо рѣшился ограждать своихъ сосѣдей отъ малѣйшихъ ихъ продѣлокъ.

Освобожденный арестантъ явился тогда къ генералу и просилъ вступить въ свою новую должность подъ вымышленнымъ

именемъ Джемса Ситона. Генераль долго размышлялъ и колебался, наконецъ произнесъ:—Если вы дѣйствительно рѣшились исправиться, то старое имя, вами обезпеченное, могло бы служить вамъ большой преградой къ успѣху. Ну, я дамъ вамъ всѣ средства сдѣлаться человѣкомъ, но, прибавилъ старый служака, грозно насупивъ брови,—если вы теперь хоть на вершокъ уклонитесь отъ прямого пути, то не ждите милости, Джемси Ситонъ.

Такимъ образомъ, Робертъ Пенфолдъ получилъ новое имя и поселился въ саду генерала Роллестона. Его наружность также совершенно измѣнилась. У него отросли великолѣпные усы и длинная, прекрасная борода, такъ что въ этомъ загорѣломъ, бородатомъ работникѣ въ грубой одеждѣ никто не узналъ бы блѣднаго подсудимаго, дрожавшаго и плакавшаго въ Лондонскомъ Центральномъ Уголовномъ Судѣ.

Университетское образованіе излечиваетъ людей отъ привычки дѣлать чтобы-то ни было на половину, какъ въ умственной, такъ и въ физической области; поэтому Ситонъ занимался садомъ гораздо усерднѣе своего плебея предшественника: онъ вставалъ въ пять часовъ и не кончалъ работы ранѣе осьми вечера. Но онъ былъ очень непопуляренъ въ людской, ибо постоянно былъ задумчивъ, грустенъ и держался вдалекѣ отъ своихъ товарищей слугъ. За то жизнь посреди цвѣтовъ принесла ему большую пользу: эти прелестные товарищи и воспитанники, съ которыми онъ проводилъ всю свою новую жизнь, были чисты, невинны и далеки отъ всякой преступной мысли. Однажды онъ косилъ траву на лужкѣ, какъ вдругъ услышалъ не вдалекѣ нѣжный шелестъ и, обернувшись, увидалъ молодую дѣвушку. Прелестныя ея щеки были покрыты румянцемъ отъ быстрой ходьбы, роскошныя, каштановыя волосы и свѣтлыя каріе глаза увеличивали еще необыкновенную красоту ея нѣжнаго, дышавшаго спокойствіемъ лица. Она прошла мимо съ царственнымъ величіемъ богини, и Ситонъ, словно опьяенный красотой и ароматнымъ благоуханіемъ, долго смотрѣлъ съ изумленнымъ восторгомъ на ея удаляющуюся фигуру, столь же прелестную, какъ ея лицо. Вскорѣ она снова прошла мимо него, и такъ повторялось нѣсколько разъ; она ходила для здоровья

скоро, но непринужденно. Разъ она прошла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, и онъ снялъ почитительно шляпу; она слегка наклонила голову, но не удостоила взглядомъ садовника. Наконецъ, она ушла завтракать, и дужекъ какъ бы потерялъ свою прелесть, чего-то теперь не доставало; Джемсъ Ситонъ на секунду почувствовалъ мрачную пустоту, но тотчасъ же она смѣнилась чувствомъ неожиданнаго, неблагоприятнаго счастья, которое часто предшествуетъ безумію и горю.

Молодая дѣвушка была Эленъ Роллестонъ только-что возвратившаяся домой изъ путешествія. Она гуляла въ саду каждый день, и Ситонъ незамѣтно изъ-за деревьевъ и кустарниковъ слѣдилъ за нею шагъ за шагомъ. Онъ пожиралъ ее глазами и сердцемъ, и вскорѣ она сдѣлалась центромъ всѣхъ его помышлений, лучезарнымъ свѣтиломъ, озарившимъ его мрачное, одинокое существованіе. Это было, конечно, безумно, но вліяніе этой возвышенной, чистой любви было чрезвычайно и въ высшей степени цѣлительно для него. Ежечасное, ежеминутное изученіе этого прелестнаго созданія, которое если и не ангель, какъ онъ воображалъ, но все же невинная, добродѣтельная женщина—смягчало его ожесточенное сердце и спасительно противудѣйствовало пагубнымъ вліяніямъ его недавнихъ товарищей. Предавшись всей своей страсти, онъ еще болѣе сталъ удаляться отъ общества слугъ, и это было для него большимъ несчастіемъ, ибо онъ могъ услышать въ людской обѣ Эленъ Роллестонъ нѣчто такое, что навѣрное побудило бы его убѣгать въ самый удаленный уголокъ сада при появленіи этой прелестной очаровательницы. Теперь же Джемсъ Ситонъ не спускалъ глазъ съ своей богини, и если цѣлый день онъ не видалъ ее, то предавался самому мрачному отчаянію. Когда она опаздывала немного въ своей обычной прогулкѣ, то онъ тревожился, метался и бросалъ работу; когда же она напротивъ появлялась, то онъ вздрагивалъ отъ восторга, в садъ, дорожки, дужокъ все словно озарялось какимъ-то небеснымъ свѣтомъ. Его любовь, переходившая въ безпредѣльное обожаніе, отличалась тѣмъ болѣею застѣнчивостью, что, кромѣ своей природной скромности, онъ сознавалъ всю безнадѣжность своего презрѣннаго положенія. Потому, хотя онъ ежедневно связывалъ ей великолѣпные букеты, но не имѣлъ

смѣлости подносить ихъ самъ, онъ отдавалъ ихъ горничной Эленъ,—Саръ Вильсонъ.

Однажды вечеромъ, возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который, остановивъ его, заговорилъ фамиллярно, но въ пол-голоса.

Всмотрѣвшись ближе въ незнакомца, онъ узналъ въ немъ своего бывшего товарища, арестанта Бута, съ которымъ онъ пріѣхалъ изъ Англии на одномъ кораблѣ. Бутъ предложилъ ему пойти съ нимъ въ кабакъ выпить пива. Онъ не соглашался, но Бутъ съумѣлъ такъ хорошо представиться оскорбленнымъ, что Ситонъ, хотя и неохотно, но долженъ былъ послѣдовать за нимъ. Бутъ повелъ его въ кабачекъ, въ отдаленной узкой улицѣ, и тамъ, въ особой комнатѣ, Ситонъ съ удивленіемъ увидѣлъ двухъ негодяевъ съ отталкивающими фізіономіями; они его, очевидно, ожидали, ибо при входѣ Бута многозначительно съ нимъ переглянулись. Ситонъ невольно вздрогнулъ: комната была такая мрачная, уединенная, а лица, окружающія его, такъ явно обнаруживали отъявленныхъ негодяевъ. Однако они дружески, хотя и грубо, пригласили его сѣсть, и вскорѣ объяснили ему, въ чемъ дѣло. «Всѣ мы обязаны помогать другъ другу, если можемъ это сдѣлать безъ особыхъ затрудненій», сказалъ одинъ изъ нихъ. Ихъ просьба заключалась въ простой любезности, въ которой ни одинъ порядочный человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ отказать своему ближнему. Эта просьба состояла въ томъ, чтобъ онъ въ назначенный день далъ сторожевой собакѣ генерала Роллестона кусочекъ приготовленнаго ими мяса, а въ замѣнъ этой ничтожной услуги, они предлагали щедро подѣлиться съ нимъ тѣми бездѣлками, которыя могли найтись въ генеральскомъ домѣ.

Ситонъ вздрогнулъ еще сильнѣе прежняго и, закрывъ лицо руками, произнесъ:

— Нѣтъ, я не могу.

— Отчего же нѣтъ?

— Онъ слишкомъ для меня добръ.

Эти слова были встрѣчены грубымъ, презрительнымъ хохотомъ, такъ непонятны онѣ казались этимъ испорченнымъ людамъ. Ситонъ, однако, продолжалъ упорствовать; тогда одинъ изъ «дѣло», № 10.

воровъ подошелъ къ двери и спокойно вынулъ большой ножъ. Ситонъ поблѣднѣлъ и обвелъ глазами всю комнату, ища какого нибудь оружія.

— Чтожъ, ты на насъ донесешь? спросилъ одинъ изъ него-деевъ.

— Нѣтъ, но я не обокраду своего благодѣтеля, вы меня скорѣе убьете.

И въ ту же минуту онъ бросился въ комнату, и, схвативъ ко-чергу, грозно сталъ махать ею.

— Ну, брось, сказалъ Бутъ мрачно, — и ты Бобъ спрячь ножъ, неужели молодецъ, не принимая участія въ дѣлѣ товарищей, долженъ непременно на нихъ доносить?

— Къ чему мнѣ на васъ доносить, сказалъ Робертъ Пен-фольдъ, — развѣ законъ за меня заступился? Но я не позволю обокрасть моего благодѣтеля и его дочь.

— Хорошо, сказалъ Бутъ, — гей, молодцы, можно обработать кого и другого. Оставимъ этого старика. Ну, допьемъ пиво и разстанемся друзьями.

— Я согласенъ, если вы обѣщаетесь обработать кого дру-гого, а генерала оставите въ покоѣ.

Негодяи не хотя дали обѣщаніе, и Ситонъ, выпивъ за ихъ здоровье, вышелъ изъ кабачка. Бутъ вскорѣ послѣдовалъ за нимъ и, вполнѣ соглашаясь съ нимъ, сталъ увѣрять, что онъ самъ не въ состояніи обворовать человѣка, который оказалъ услугу ему, или его товарищу. Но онъ говорилъ такъ много и такъ краснорѣчиво, а остальные негодяи говорили такъ ма-ло, что Ситонъ возымѣлъ сильное подозрѣніе на счетъ ихъ намѣреній и, побуждаемый своею любовью, купилъ на послѣдніа деньги револьверъ съ принадлежностями.

Онъ этимъ, однако, не удовольствовался. Зная о планѣ раз-бойниковъ, не надѣясь на вѣрность жадной собаки, онъ самъ перебрался въ маленькій сарай, въ которомъ хранились садо-выя орудія и тамъ проводилъ на пролетъ всѣ ночи. Этотъ са-рай находился въ небольшомъ огородѣ, отдѣленномъ отъ лужка нѣсколькими молодыми деревьями, насаженными въ одинъ рядъ. Окно комнаты миссъ Роллестонъ выходило на этотъ лужекъ, такъ что сторожевая башня Ситона была въ нѣсколькихъ ша-

гахъ отъ него; сдѣлавъ отвертіе въ стѣнѣ сарая, ибо свѣтъ проникалъ въ него только сверху, Ситонъ цѣлую ночь не спускалъ глазъ съ этого окна; онъ караулилъ, на минуту засыпалъ, и снова караулилъ. По вечерамъ до тѣхъ поръ, пока молодая дѣвушка не приходила въ свою комнату, онъ изучалъ богословіе при свѣтѣ грошевой свѣчки, а увидавъ тѣнь своей богини, гасилъ свѣчу, чтобъ не обратить на себя вниманія и принимался караулить; при малѣйшемъ шумѣ или шорохѣ, онъ вскакивалъ и удостовѣрялся, все ли благополучно. Такъ прошло нѣсколько ночей и, конечно, его подозрѣнія и страхъ начали мало по малу изглаживаться въ виду того, что они ничѣмъ не подтверждались, но его любовь воспламенялась все болѣе и болѣе, находя теперь себѣ пищу въ отрадномъ сознаніи, что онъ тайный покровитель своего божества.

Между тѣмъ горничная миссъ Роллестонъ Сара Вильсонъ влюбилась въ него по своему; съ перваго взгляда онъ ей очень понравился, а потомъ онъ самъ, хотя и ненамѣренно, разжигалъ ея зародившееся чувство, ибо онъ всегда приносилъ ей букеты и внимательно слушалъ ея болтовню, разумѣется, ради нѣсколькихъ словъ, иногда вырывавшихся у нея объ ея госпожѣ. Такъ какъ онъ никогда не разговаривалъ съ прочими слугами, то это явное предпочтеніе льстило ей, и она вскорѣ такъ часто стала ему попадаться на дорогѣ и такъ преслѣдовала его любезностями, что онъ открыто началъ высказывать свое нетерпѣніе. Тогда, судя по себѣ, она стала подозрѣвать, не скрывается ли гдѣнибудь соперница. Подозрѣніе рождаетъ ревность, ревность ведетъ за собою бдительность, а бдительность приводитъ къ открытію всякой тайны. Прежде всего она открыла, что пока она говорила о миссъ Роллестонъ, онъ всегда ее слушалъ съ удовольствіемъ; во-вторыхъ, что Ситонъ спалъ въ маленькомъ сараѣ для садовыхъ орудій. Она не была достаточно романтична, чтобъ сдѣлать въ своемъ умѣ эти два обстоятельства. Онѣ извѣстны были ей, какъ отдѣльные факты, пока странное происшествіе, о которомъ мы тотчасъ же расскажемъ, послужило ей связующимъ между ними звеномъ.

Однажды вечеромъ миссъ Роллестонъ сидѣла наединѣ съ своимъ отцемъ и, видимо скучая, только изъ приличія удержива-

валась отъ зѣвоты; несмотря на свои блестящія способности, она получила поверхностное воспитаніе, какъ всѣ молодыя дѣвушки и теперь вела самую однообразную жизнь, такъ что не имѣла никакого умственного запаса, въ которому могла бы прибѣгать въ минуты уединенія. Наконецъ, ей стало за себя стыдно и, пересиливъ свою дремоту, она сказала: — Не сыграть ли вамъ, папа, новую кадрили?

— Да, да, моя милая! произнесъ генералъ, также пробуждаясь отъ одолѣвавшего его сна. И онъ приготовился слушать, а молодая дѣвушка сѣла за фортепьяно. Однако, отецъ недолго слушалъ и вскорѣ захрапѣлъ; Эленъ Роллстонъ нимало не разсердилась, и прелестная улыбка показалась на ея лицѣ, она съ легкостью зефира подошла на цыпочкахъ къ отцу и поцѣловала его сѣдую голову. Потомъ взяла свѣчу и ушла къ себѣ въ комнату. Вы, можетъ быть, полагаете, что, придя туда, она тотчасъ же бросилась на постель, напротивъ, она сѣла за свой письменный столикъ и начала писать письма къ своимъ пріятельницамъ. Къ часу ночи были уже готовы три длиннѣйшихъ письма, въ которыхъ она вылила всю свою душу, описала все, что ее занимаетъ, начиная отъ своего жениха, котораго она, конечно, представляла полу-божествомъ и до новаго проповѣдника и послѣдней только-что полученной шляпки.

Окончивъ письма, она открыла окно и устремила свои прелестные глаза къ небу; Ситонъ, все время слѣдившій за ея тѣнью, дѣйствительно, могъ теперь вообразить, съ нѣкоторой долей правды, что онъ видитъ передъ собою небеснаго ангела, устремляющаго свои взоры изъ земной темницы къ роднымъ небесамъ.

Въ два часа она легла въ постель, но не спала, а тихо лежала, устремивъ глаза на мириады звѣздъ. Вдругъ ей послышался какой-то шелестъ у окна, и она взглянула на дерево, возвышавшееся возлѣ самого дома. Его верхніе сучья сильно колебались, несмотря на то, что не было ни малѣйшаго вѣтра. Это ее очень удивило, и пока она недоумѣвала, прямо передъ окномъ показалась рука, потомъ другая, и, наконецъ, цѣлая фигура человека, быстро взлѣзавшаго на дерево.

Молодая дѣвушка вскочила и, пораженная ужасомъ, не могла даже вскрикнуть. Подъ самымъ ея окномъ былъ довольно большой выступъ отъ нижняго окна, и на него-то спрыгнулъ съ дерева таинственный посѣтитель. Эленъ вскрикнула отъ ужаса. Въ ту же самую минуту раздался пистолетный выстрѣлъ и человекъ, показавшійся въ ея окнѣ, запнулся и грохнулся на землю. Новые выстрѣлы и тяжелые удары быстро слѣдовали одни за другими и бѣдная Эленъ, съ дикимъ воплемъ, выскочила изъ постели и бросилась въ сосѣднюю комнату Вильсонъ. Весь домъ уже былъ на ногахъ; повсюду слышались поспѣшные шаги и свѣтъ мелькалъ во всѣхъ окнахъ.

Генералъ Роллестонъ тотчасъ же узналъ отъ Вильсонъ о случившемся и, поднявъ на ноги слугъ, осмотрѣлъ весь домъ, но найдя всѣ двери запертыми, они съ ружьями и пистолетами отправились въ садъ. Тамъ, подъ самымъ окномъ миссъ Роллестонъ, они нашли безчувственный трупъ какого-то человекъ. Бросившись къ нему съ яростью, они, къ величайшему удивленію, узнали въ немъ садовника Джемса Ситона.

Генералъ Роллестонъ отступилъ шага два, пораженный этимъ зрѣлищемъ. Потомъ ему стало жаль; но, подумавъ съ минуту, онъ строго произнесъ. — внесите негодя въ комнату и пошлите за полицейскимъ офицеромъ.

Ситона внесли въ сѣни и положили на полъ. Всѣ слуги окружили его, горя любопытствомъ узнать, въ чемъ дѣло, женщины же, по обычной своей привычкѣ, начали болтать въ одинъ голосъ; но генералъ Роллестонъ приказалъ имъ молчать и отойти въ сторону. — «Спрысните его холодной водой и посторовайтесь всѣ, я одинъ допрошу его». Сдѣлавъ шага два впередъ, онъ скрестилъ руки и безмолвно стоялъ надъ безчувственнымъ Ситономъ, посреди всеобщей тишины, прерываемой только воплями Вильсонъ и еще другой молодой горничной, вторившей ей изъ дружбы.

Наконецъ, Ситонъ зашевелился, жалобно застоналъ, и началъ тяжело переводить дыханіе. Но генералъ Роллестонъ не выразилъ ни малѣйшаго состраданія и мрачно ждалъ пока несчастный совершенно придетъ въ себя и будетъ въ состояніи отвѣчать на безжалостный допросъ. Онъ спокойно ждалъ; и

прождалъ слишкомъ долго, ибо ему пришлось отвѣчать, а не предлагать вопросы.

Разсудокъ возвращается позже всѣхъ другихъ чувствъ чело-
вѣку, приходящему въ себя изъ безчувственнаго состоянія; и
Ситонъ, видя передъ собою генерала, протянулъ къ нему руки
и произнесъ дрожащимъ, полнымъ чувства голосомъ, при оди-
надцати свидѣтеляхъ: — «Спасена ли она, о спасена ли она?»

IV.

Сара Вильсонъ вдругъ перестала плакать и, опустивъ глаза
въ землю, сильно покраснѣла. Генералъ Роллестонъ съ изумле-
ніемъ воскликнулъ:—Спасена ли она! Кто спасена?

— Онъ говоритъ о моей госпожѣ, отвѣчала рѣзко Виль-
сонъ и выбѣжала изъ комнаты.

— Она спасена, но не по твоей милости, сказалъ генералъ, —
что ты дѣлалъ подъ ея окнами въ такое позднее время?

Рѣзкій тонъ, которымъ онъ произнесъ эти слова, явно вы-
ражалъ подозрѣніе, и Ситонъ, глубоко оскорбленный, мрачно
произнесъ:—счастье ваше, что я былъ тамъ.

— Это не отвѣтъ, строго сказалъ генералъ.

— Я другого отвѣта не дамъ.

— Такъ я васъ отправлю въ полицію.

— Отправьте, сэръ, съ горечью сказалъ Ситонъ, —но, приба-
вилъ онъ гораздо нѣжнѣе, — вы раскаетесь, когда придете въ
себя.

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Вильсонъ съ словами:—
Миссъ Роллестонъ говоритъ, что разбойникъ былъ безъ боро-
ды. Она никогда не замѣчала лица Ситона, но бороду его
она очень хорошо замѣтила. Она просила меня спросить его:
онъ ли выстрѣлилъ изъ пистолета и убилъ разбойника.

Этотъ вопросъ былъ какъ бы лучемъ свѣта, внезапно оза-
ряющаго мракъ, и положеніе вещей мгновенно измѣнилось. Си-

тону казалось, точно небо говорило ему устами Вильсонъ. Лицо его просіяло, въ глазахъ показались слезы, и онъ, радостно улыбувшись, нѣжнымъ голосомъ произнесъ:

— Скажите ей, что я слышалъ, какъ нѣсколько мошенниковъ стоваривались напасть на этотъ домъ, и вотъ уже съ мѣсяцъ я караюлю, и даже силю въ саду. Да, я убилъ изъ револьвера одного изъ злодѣевъ и другого ранилъ; но ихъ было трое... и кажется меня ударили чѣмъ-то по головѣ... я почувствовалъ...

Тутъ Вильсонъ перебила его, дико вскрикнувъ, и, съ блестящими отъ испуга глазами, она указала рукой на каплю крови, медленно струившіяся по чулкамъ и башмакамъ Ситона.

— Онъ раненъ, сказалъ одинъ изъ слугъ генерала.

— О, это ничего, возразилъ Ситонъ, — рана не должна быть глубока, ибо я ее не чувствую. Вотъ челоуѣкъ, прибавилъ онъ, устремляя взглядъ, полный упрека на генерала Роллестона, — вотъ одинъ челоуѣкъ, который нанесъ мнѣ убійственную рану сегодня.

Дѣйствіе на генерала Роллестона этого рѣзкаго упрека удивило всѣхъ окружающихъ, которые были знакомы только съ желѣзной стороной его характера. Онъ поникъ головой, задумался на минуту, и потомъ, явно недовольный собой, выместилъ свою злобу на слугахъ.

— Чего вы тутъ стоите, ротозѣи, воскликнулъ онъ грубо; — ступайте вонъ, женщины, а вы, Томъ, раздѣньте этого бѣдняка и перевяжите ему рану; Андрию, принесите скорѣй бутылку портвейна.

Оставивъ такимъ образомъ раненаго вниманію и попеченію своихъ слугъ, онъ отправился къ дочери и спросилъ ее, согласна ли она, чтобъ Ситона оставили въ домѣ до излеченія.

— О, папа, сказала она, — конечно я рада. — Я ему очень благодарна. А на кого онъ похожъ, Вильсонъ? продолжала она, — такая жалость, я никогда не замѣчала его лица, хотя издали всегда видѣла его прекрасную, золотистую бороду. Бѣдный молодой челоуѣкъ! Да, папа, прикажите его положить въ постель, и мы всѣ будемъ за нимъ ухаживать. Я еще въ жизни не сдѣлала ни одного добраго дѣла; отчего бы не начать сегодня?

Генералъ Роллестонъ засмѣялся при этой вспышкѣ энтузіаз-

ма и пошелъ отдавать необходимыя приказанія. Но Вильсонъ послѣдовала за нимъ и, остановивъ его въ корридорѣ, сказала таинственно:

— Не дѣлайте этого, сэръ, выслушайте меня; я имѣю вѣчто важное вамъ сообщить—и она объяснила ему свои подозрѣнія, что Джемсъ Ситонъ влюбленъ въ его дочь. Генераль сначала съ презрѣніемъ отозвался на ея слова, но она привела столько доводовъ, что онъ отправился внизъ въ странномъ смущеніи, не зная, смѣяться ли ему, сердиться или горевать.

Въ сѣняхъ онъ засталъ полицейскаго офицера, который разсматривалъ свои фотографическія карточки, желая убѣдиться, что Джемсъ Ситонъ не изъ его ли «птиць», какъ онъ выражался.

Увидя это, Роллестонъ покраснѣлъ, но вышелъ изъ двойнаго затрудненія съ замѣчательнымъ искусствомъ.

— Гексамъ, этотъ бѣднякъ поступилъ, какъ герой, и раненъ, защищая меня. Отведите его въ больницу, но смотрите, чтобъ тамъ обходились съ нимъ, какъ съ моимъ сыномъ, и чтобъ ему ни въ чемъ не отказывали.

Облокотясь на двухъ людей и съ трудомъ переступая, Ситонъ отправился въ больницу, а генераль Роллестонъ, закуривъ сигару, погрузился въ глубокую думу, недоумѣвая, какъ ему отдѣлаться отъ этого безумнаго юноши и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать ему услугу. Что же касается до Сары Вильсонъ, то она грустно удалилась въ свою комнату, удивляясь, но уже поздно, своей непонятной глупости: еслибъ она съумѣла помолчать, то Ситонъ былъ бы ея пациентомъ, а миссъ Роллестонъ, конечно, не ухаживала бы за нимъ иначе, какъ черезъ посредство ея же, Сары Вильсонъ.

Однако ошибка, сдѣланная ею, по милости ея слѣпой страсти, была отчасти исправлена самою миссъ Роллестонъ. Услыхавъ на другой день, что Ситонъ былъ отправленъ изъ дому, она воскликнула съ изумленіемъ: «о чемъ это папа думалъ, отсылая нашего благодѣтеля въ больницу?» И задумавшись на минуту, она приказала Вильсонъ связать букетъ цвѣтовъ и отнести Ситону. «Онъ садовникъ», сказала она самымъ невиннымъ образомъ, «и вѣрно будетъ грустить по своимъ цвѣтамъ».

Это приказаніе она отдавала потомъ каждый день, съ тѣмъ постоянствомъ, которое составляло отличительную черту ея характера. Супъ, вино и желе также посылались каждый день изъ кухни съ одинаковымъ постоянствомъ. Но Вильсонъ скрывала ния той, которая посылала все это бѣдному раненому, а увѣряла Ситона, что все это идетъ отъ нея самой. Онъ естественно былъ благодаренъ ей, и такъ чистосердечно высказывалъ это, что она надѣялась мало по малу снискать его любовь. Но его сердце оставалось вѣрнымъ той холодной красавицѣ, которую онъ такъ мужественно спасъ, и которая, повидимому, его забыла. Это наконецъ вывело изъ терпѣнія Вильсонъ, и она вздумала излечить его отъ безумной любви очень дѣйствительнымъ, но горькимъ средствомъ.

Придя однажды къ нему, она сѣла на кровать и весело сказала: — у насъ весь домъ на нѣгахъ; пріѣхалъ *милой* миссъ Роллестонъ.

— Милый миссъ Роллестонъ! воскликнулъ больной съ изумленіемъ.

— Да, ея суженый. Развѣ вы не знали, что она невѣста?

— Она невѣста! едва могъ промолвить Ситонъ.

— Неужели Джемсъ, возразила Вильсонъ, устремивъ на него взглядъ, полный упрека, — неужели вы думали, что такая красавица не найдетъ себѣ пары?

Ситонъ отвѣтилъ только болѣзненнымъ стономъ, и, уничтоженный этимъ жестокимъ ударомъ, упалъ на подушки какъ бы мертвый.

Увидѣвъ это, сидѣлка подошла къ кровати и строго сказала Вильсонъ: — вы вѣрно, моя милая, безъ намѣренія, но поступили очень дурно; вамъ бы лучше теперь уйти.

Вильсонъ поспѣшно выбѣжала изъ комнаты и оставила бѣднаго больного одного съ своимъ отчаяніемъ. На другой день она, какъ всегда, положила на постель букетъ, и стала весело болтать обо всемъ, кромѣ миссъ Роллестонъ. Наконецъ, она остановилась, чтобъ перевести духъ. Но онъ тотчасъ схватилъ ее за руку и, устремивъ на нее взглядъ, полный мольбы, прознесъ:

— Она его любитъ?

— Какъ, вы все еще думаете о ней? возразила Вильсонъ, — вѣроятно она его не ненавидитъ, если выходитъ за него замужъ.

— Ради Бога, не шутите этимъ! скажите прямо, любите ли она его?

— Какой вы странный, Джемсъ, какже я могу это знать? Она, быть можетъ, не въ состояннн такъ любить, какъ я полюбила бы человѣка, который бы мнѣ понравился (и она бросила на Ситона томный взглядъ), но я не вижу, почему ей не быть, какъ всѣ прочія молодыя дѣвушки. Къ тому же она очень любить своего отца, а онъ желаетъ этого брака. Впрочемъ, ей должно быть нравится ея женихъ: съ тѣхъ поръ, какъ онъ прїѣхалъ, она гораздо веселѣе, и съ любовью читаетъ ему письма своихъ прїятельницъ. И потомъ я замѣтила, что она, гуляя, слишкомъ сильно на него опирается.

При этихъ словахъ Ситонъ вздрогнулъ, словно до него прикоснулось раскаленное желѣзо; но Вильсонъ, поджигаемая ревностью и своей собственной страстью, не знала жалости.

— Отчего же нѣтъ, продолжала она, — онъ молодъ, красивъ и обожаетъ ее. Если вы, дѣйствительно, желаете ей добра, то вы должны радоваться, что она нашла себѣ такую отличную партію.

— Конечно, долженъ, я знаю, сказалъ Ситонъ со слезами на глазахъ послѣ минутнаго молчанія, — но только если онъ достоинъ ея.

— О, да, Джемсъ, вы вѣрно слышали о немъ; это молодой мистеръ Вордло.

Ситонъ вскочилъ на постели. — Кто, Вордло, дико воскликнулъ онъ, — какой Вордло?

— Какой Вордло? да сынъ знаменитаго лондонскаго купца; онъ, говорятъ, самъ теперь управляетъ всѣми дѣлами, старикъ-то, кажется, отъ всего отказался.

— *Проклятый! проклятый! проклятый!* дико заревѣлъ Робертъ Пенфольдъ; глаза его метали огонь и руки ожесточенно, дико били воздухъ.

Сара Вильсонъ отскочила въ ужасѣ.

— Этотъ ангель выйдетъ замужъ за него! продолжалъ тѣмъ

же самымъ страшнымъ голосомъ Пенфольдъ.—никогда, пока я живъ: я прежде задушю его своими руками.

Тутъ сидѣлки положили конецъ безумной вспышкѣ его страстей, насильно вытащивъ Вильсонъ изъ комнаты. Однако онъ успѣлъ произнести, съ неописанной злобой и твердой рѣшимостью, нѣсколько словъ, которыя навѣки остались въ ея памяти.

— *Никогда—пока я живъ!*

Когда, на слѣдующій разъ, Вильсонъ пришла въ больницу, то ее не пустили къ больному, по приказанію главнаго начальника. Несмотря на это, она продолжала носить цвѣты по прежнему, каждый день. Черезъ недѣлю, полагая, что больной достаточно успокоился, и имѣя передать ему кое-что объ Артурѣ Вордло, она снова попросила дозволенія повидать его.

— Онъ выписался сегодня, отвѣчали ей.

— Какъ, онъ уже выздоровѣлъ?

— Отчего же нѣтъ, у насъ выздоравливали больные и потяжелѣе.

— Куда онъ отправился?

— Не знаемъ, не оставилъ адреса.

Сара Вильсонъ, какъ многія женщины, имѣла способность предугадывать бѣду; она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и опустилась въ изнеможеніи на стулъ. Дѣйствительно, она имѣла причину бояться; по милости ея были спущены два страшныхъ, дикихъ звѣря—Ревность и Месть.

Немного оправившись, она вернулась домой, и, изъ боязни выдать себя, никому не сказала о случившемся.

Въ тотъ же день Артуръ Вордло обѣдалъ у генерала Роллестона. Онъ пришелъ за полчаса до обѣда, и Эленъ дожидалась его на лужкѣ. Нѣжно поздоровавшись, они пошли рука объ руку по саду, и съ любовью разговаривали о будущемъ счастьѣ, которое только на время отсрочивалось необходимымъ отъѣздомъ молодого человѣка. Отецъ Эленъ выбралъ ей въ мужа этого человѣка, а она горячо любила отца; къ тому же Артуръ Вордло былъ ея рабомъ, ея вещью, а молодыя дѣвушки очень любятъ подобную собственность, особенно когда и вѣншній видъ ея неотталкивающей. Онъ любилъ ее страстно,

это ей нравилось и она, мало-по-малу, стала чувствовать къ нему, если не пламенную любовь, то нѣжную привязанность, и ея прелестное лицо нѣсколько разъ очень близко прикасалось къ плечу Вордло во время ихъ прогулки по зеленому лужку.

А за изгородью, окаймлявшей лужокъ, въ глубокой канавѣ лежалъ неподвижно человекъ, слѣдившій за всей этой сценой пламенными, налитыми кровью глазами.

— У меня есть маленькая просьба къ вамъ, милый Артуръ, сказала Эленъ прежде, чѣмъ они вошли въ домъ,—папа говорить, что бѣдный Ситонъ, тотъ самый, который, спасая насъ отъ разбойниковъ, былъ раненъ,—человекъ съ образованіемъ и искалъ мѣста конторщика или что нибудь въ этомъ родѣ. Не могли ли бы вы найти ему мѣсто.

— Полагаю, отвѣчалъ Вордло,—да, почти навѣрное. Стоитъ только написать два слова въ контору Вайта и К^о; они нуждаются въ приказчикѣ для нагрузки кораблей.

— О! какъ вы добры, сказала Эленъ, устремляя на него взглядъ, полный благодарности.

Случай былъ слишкомъ соблазнителенъ, а молодой человекъ слишкомъ влюбленъ: ихъ лица прикоснулись другъ къ другу на секунду, и яркій румянецъ долго потомъ не сходилъ съ прелестной щечки молодой дѣвушки.

Пламенные, налитые кровью глаза человека, слѣдившаго за этой сценой изъ-за изгороди—видѣли все, но онъ не слышалъ словъ, по милости которыхъ онъ долженъ былъ вынести подобную попытку. Онъ, однако, лежалъ неподвижно въ канавѣ и ждалъ, ждалъ удобной минуты.

Домъ генерала Роллестона стоялъ на границѣ города, въ концѣ узкой уединенной аллеи. Это положеніе дома соблазнило разбойниковъ, злой умыселъ которыхъ былъ уничтоженъ Ситономъ; теперь оно соблазнило самого Ситона.

Вордло долженъ былъ пройти по этой дорогѣ, возвращаясь домой; и Ситонъ часовъ въ 10 вечера спрятался за большое дерево, стоявшее въ двухъ шагахъ отъ изгороди и сталъ поджидать своего соперника съ тѣмъ хладнокровнымъ терпѣніемъ, которое всегда предвѣщаетъ недоброе.

Приготовленія, которыя онъ сдѣлалъ для этой встрѣчи, были

чрезвычайно странны. У него въ карманѣ была маленькая дорожная чернильница, перо и чистый листъ бумаги, на которомъ сверху было написано: *Сидней*, день, мѣсяць и годъ. Въ рукахъ у него былъ револьверъ, изъ котораго онъ убилъ разбойника подъ окномъ Эленъ Роллестонъ; одно изъ дулъ пистолета было заряжено холостымъ зарядомъ.

ГЛАВА V.

Ночь была ясная и звѣздная. Одинадцать часовъ пробило на церковныхъ часахъ. Вордло не являлся, и Ситонъ, какъ прикованный, стоялъ въ своей засадѣ. Двѣнадцать часовъ пробило, а Вордло все не являлся, и Ситонъ не двигался съ мѣста.

Вскорѣ послѣ полуночи, парадная дверь въ домѣ генерала отворилась, и на порогѣ показалась человѣческая фигура. Глаза Ситона разгорѣлись при видѣ ея, ибо это былъ молодой Вордло. Онъ, казалось, не торопился уйти изъ этого дома, что было понятно: за нимъ слѣдовала Эленъ Роллестонъ. Робертъ Пенфолдъ видѣлъ, какъ лицо ея горѣло при свѣтѣ лампы, которую держалъ слуга. Самъ генералъ шелъ позади, а за нимъ одинъ изъ слугъ съ ружьемъ. Ситонъ спрятался за деревья и отложилъ свое намѣреніе, но не отказался отъ него. Онъ смутно слышалъ шаги и говоръ, но ясно могъ разобрать только слова Вордло:—Уже время прилива и намъ нечего терять ни минуты.

Ситонъ послѣдовалъ за ними въ недалекомъ разстояніи, увѣренный, что они скоро разстанутся, и дадутъ ему возможность остаться на единѣ съ Вордло. Они спустились въ гавань и сѣли въ лодку; Ситонъ подошелъ ближе и узналъ, что они отправились на пароходъ, который, стоя не вдалекѣ, готовился отплыть въ Англію. Они отчалили отъ берега и Ситонъ остановился, пораженный, убитый.

Вдругъ черное чудовище, блестящее вдали двумя громад-

ными, пламенными зрачками, стало пыхтѣть, какъ Левіафанъ, дымъ столбомъ поднялся къ небу, колеса зашевелились и пароходъ быстро понесся изъ гавани. Ситонъ безмолвно опустился на землю, все было для него потеряно. Эллентъ уѣхала въ Англію! Вордло былъ съ ней! Любовь и месть одинаково его обманули; онъ посмотрѣлъ на небо, посмотрѣлъ на море, и съ какой-то глупой, бессмысленной улыбкой сталъ играть ногой съ камушками, валявшимися на пескѣ. — Онъ спрашивалъ себя, зачѣмъ онъ родился на свѣтъ, зачѣмъ ему жить послѣ этого! Ангелъ и демонъ его жизни отплыли вмѣстѣ, а онъ остался одинъ.

Онъ написалъ нѣсколько словъ на бумагѣ, приготовленной имъ для Вордло, положилъ ее въ карманъ, и съ грустнымъ стономъ, какъ издыхающая собака, легъ на песокъ и терпѣливо сталъ ожидать прилива, смерти. Трудно сказать, дошло ли бы такъ далеко его безуміе, но когда вода стала набѣгать и онъ начиналъ дрожать всѣмъ тѣломъ отъ ея холоднаго прикосновенія, онъ вдругъ услышалъ серебристые звуки дорогого ему голоса. Онъ вскочилъ на ноги, и жизнь, со всѣми ея радостями, снова хлынула на него. Это былъ голосъ женщины, которую онъ такъ безумно любилъ.

Эллентъ Роллестонъ возвращалась въ лодкѣ. Онъ прокрался, какъ ящерица, между судами, опрокинутыми на берегу, и увидѣлъ какъ она вышла изъ лодки съ отцомъ. Итакъ Вордло уѣхалъ въ Англію одинъ, безъ нея. Ситонъ вздрогнулъ отъ радости. Вскорѣ Эллентъ начала жаловаться на судьбу, мило надувъ губки.

— Папа, папа, вздыхала она, — зачѣмъ на этомъ свѣтѣ друзья должны разставаться? Бѣдный Артуръ уѣхалъ, а вскорѣ и я должна разстаться съ вами—и она залилась слезами.

— Ахъ ты, глупый, ребенокъ, нѣжно сказалъ старый генераль, — что значитъ краткое разставаніе, когда мы всѣ вскорѣ соединимся въ веселой старой Англіи! Ну, ну, поплачь немного, это тебя облегчитъ, — и онъ нѣжно погладилъ ее по головѣ, а она, какъ бы слѣпо повинуваясь ему, дѣйствительно, принялась плакать не на шутку.

Какою горечью обливалось сердце Ситона при видѣ этихъ

слезъ! Неужели онъ не можетъ сказать ей слова утѣшенія, онъ, который, ради нея, съ радостью отдалъ бы жизнь!... Но съ другой стороны, эти слезы охладили его лихорадочный пылъ, и какъ бы очистили его сердце; онъ съ изумленіемъ сталъ вспоминать о своихъ недавнихъ злыхъ помыслахъ. Ангель-хранитель, казалось, осѣнилъ его своимъ небеснымъ крыломъ, и его страсти остыли. Онъ бросился на колѣни и возблагодарилъ Бога, что не встрѣтилъ Артура Вордло наединѣ въ эту ночь.

Потомъ онъ вернулся домой, и съ этого дня засѣлъ за работу, рѣдко выходя на улицу, и то только для отысканія занятій. Но между тѣмъ полиція его розыскивала, и однажды, къ величайшему его изумленію, онъ увидѣлъ Гексама у своей лѣстницы; но его изумленіе и испугъ еще болѣе увеличились, когда полицейскій офицеръ, замѣтивъ его, сталъ быстро подыматься по лѣстницѣ. Ситонъ былъ увѣренъ, что полиція подсмотрѣла, какъ онъ часто подкрадывался къ дому генерала Роллестона, и рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности.

— Ну, молодець, мы тебя таки нашли, сказалъ Гексамъ, входя безъ церемоніи въ комнату.

— Какое теперь я совершилъ преступленіе? спросилъ Ситонъ, нахмуривъ брови.

— Джемсъ, отвѣчалъ торжественно полицейскій, — ты въ этотъ разъ обвиняешься въ неслыханномъ преступленіи. Ты бѣжалъ и скрываешься отъ хорошенькой дѣвушки. Во всякомъ случаѣ это ошибка, но когда эта дѣвушка прелестна, какъ ангель, и достаточно богата, чтобъ натравить на тебя Дика Гексама, то это вполне бесполезно. Вотъ тебѣ, молодець, письмо.

Ситонъ взялъ съ изумленіемъ письмо. Оно было написано четкимъ женскимъ почеркомъ и слегка надушено. Въ нѣсколькихъ ловкихъ фразахъ писавшая письмо прежде всего извинялась въ необыкновенныхъ средствахъ, принятыхъ ею для отысканія мистера Ситона, но она надѣялась, что онъ приметъ во вниманіе, что она глубоко ему обязана, а благодарность иногда очень назойлива. Она имѣетъ счастье его увѣдомить, что у Вайтъ и Ком. готово для него мѣсто приказчика, и она надѣется, что мистеръ Ситонъ, не теряя ни минуты, приметъ это мѣсто, такъ какъ много въ колоніи, начиная съ подобнаго скромнаго

положенія, достигали богатства и почестей. Потомъ, не имѣя ни малѣйшаго желанія вступать въ переписку съ бывшимъ садовникомъ, эта любезная, но осторожная молодая дѣвушка кончила письмо слѣдующими словами:

«Мистеру Ситону не для чего беспокоиться отвѣчать на эту записку. Достаточно сказать мистеру Гексаму: *да*, что доставить искреннее удовольствіе

Преданной ему доброжелательницѣ
Элленъ Роллестонъ.

Ситонъ съ глубокимъ волненіемъ поникъ головой; даже Гексамъ съ какимъ-то тайнымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на его смущеніе. Наконецъ, Ситонъ поднялъ голову и нѣжнымъ шепотомъ произнесъ.—Скажите ей *да*, благослови ее Господь! Оставьте меня, мнѣ надо помолиться за нее.

Гексамъ повиновался и тихо вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Вайтъ и Коми: нашли истинное сокровище въ Джемсѣ Ситонѣ. Приказчики въ колоніяхъ не такъ апатичны, какъ лондонскіе, которые, повидимому, только и думаютъ о своей спеціальности, но въ тоже самое время стараются всѣми возможными средствами не слишкомъ затруднять себя выполненіемъ хлопотливыхъ обязанностей, ею налагаемыхъ; но Ситонъ затмилъ даже колониальныхъ приказчиковъ своей лихорадочной энергіей въ изученіи всѣхъ отраслей торговли Вайтъ и Коми., такъ что остальные приказчики даже смѣялись надъ нимъ, но за то онъ заслужилъ вниманіе удивленныхъ хозяевъ; этой энергіей, онъ отчасти былъ обязанъ своей неудержимой страсти. Въ Сидней многіе наживали себѣ огромныя состоянія, и Ситонъ возмѣлъ дикую надежду разбогатѣть, благодаря какому нибудь счастливому случаю, прежде чѣмъ Вердло возвра-

тится къ Эленъ Роллестонъ. Его разсудокъ, однако, шепталъ ему, что будь онъ богатъ, какъ Крезъ, она никогда не согласилась бы соединить свою жизнь съ запятнанною жизнью каторжника. Но сердце ему говорило: «не слушай разсудка, слушай только меня, старайся и не унывай». И онъ трудился за двухъ, за трехъ, не гнушался никакой работой, охотно бросалъ на минуту перо, чтобы поднять тяжелый ящикъ или помочь вкатить на корабль огромную бочку. Старикъ Вайтъ съ удивленіемъ слѣдилъ за его дѣятельностью, и былъ такъ имъ доволенъ, что прибавилъ жалованья. Сятонъ теперь никогда не видалъ Эленъ Роллестонъ, кромѣ воскресныхъ дней, въ которые онъ аккуратно ходилъ въ ея церковь и, прячась за колонну, жадно пожиралъ ее глазами. Онъ жилъ очень скромно, откладывалъ каждый грошъ, и пользовался каждымъ случаемъ нажать копѣйку; такъ онъ купилъ землю за десять фунтовъ стерлинговъ и продалъ ее черезъ сутки за сорокъ—и все это для нея. Онъ надѣялся безъ надежды и боролся съ нищетой, съ цѣлымъ міромъ, съ самимъ собою.

Въ это время Вайтъ и Комп. были заняты нагрузкою двухъ кораблей—«Шанона» и «Прозерпины», зафрахтованныхъ Вордло и сыномъ. Оба корабля стояли въ сиднейской гавани и уже были нагружены товарами, но самыя сливки груза оставались еще на берегу, именно: восемнадцать ящиковъ съ золотымъ нескомъ и слитками, и сорокъ ящиковъ съ свинцомъ и мѣдью. Самъ Вордло сложилъ эти ящики въ кладовую, а мистеръ Вайтъ, имѣвшій вторые ключи отъ ящиковъ съ золотомъ, аккуратно пересмотрѣлъ и перенумеровалъ ихъ всѣ; но снаружи не было означено, изъ предосторожности, что въ каждомъ ящикѣ находилось, а просто былъ ярлыкъ на однихъ: «Прозерпина,» на другихъ: «Шанонъ». Лейтенантъ «Прозерпины», пользовавшійся полной довѣренностью Вордло, имѣлъ отъ него письменную

«Дело», № 10.

инструкцію о нагрузкѣ ящиковъ. Однажды вечеромъ, передъ самымъ закрытіемъ конторы, онъ явился, по обыкновенію, въ кладовую и сталъ вымѣрять ящики, съ цѣлью приготовить нужное для нихъ мѣсто въ трюмѣ обоихъ кораблей. Ситонъ сопровождалъ его. Въ послѣднее время мистеръ Вайли (такъ звали лейтенанта) сильно пилъ, былъ онъ достаточно нагружившись и сегодня. Отойдя куда-то на минуту и снова возвратившись, Ситонъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что дверь кладовой была заперта. Онъ подумалъ, что Вайли, быть можетъ, остался внутри, — дверь затворилась очень легко на пружинѣ, а открыть ее можно было только особымъ, очень хитрымъ ключемъ. Ситонъ вынулъ ключъ изъ кармана, отворилъ дверь и позвалъ мистера Вайли, но не получилъ никакого отвѣта; онъ, однако, изъ предосторожности, обошелъ всю кладовую, полагая, что не заснулъ ли гдѣ нибудь между ящиками пьяный лейтенантъ; но того нигдѣ не оказалось, и Ситонъ, зная, что онъ одинъ въ кладовой, сталъ неблагоприятно разсматривать сокровища Вордло; но такова уже человѣческая слабость, что люди всегда, какою-то таинственною силою, привлекаются къ тому, что ихъ заставляетъ страдать. Онъ съ грустью смотрѣлъ на эти ящики, представлявшіе фактическое доказательство богатства его соперника, того богатства, которое ему проложило дорогу въ домъ генерала Роллестона и въ сердце его дочери, ибо богатство можетъ помочь достигнуть до человѣческаго сердца, даже до такого сердца, котораго прямо купить нельзя. Эти грустные размышленія, вѣроятно, продолжались долго, ибо Ситонъ вдругъ услышалъ шумъ, доказывающій, что запирали контору и, слѣдовательно, было поздно; онъ поспѣшно закрылъ желѣзные ставни, вышелъ на улицу и заперъ дверь. Часа черезъ два послѣ его ухода, въ кладовой, выходившей въ уединенную, безмолвную улицу; случилось нѣчто таинственное. У того угла ея стѣны, гдѣ стояли вертикально два большіе ящика, до восьми футовъ вышины, и громоздилось нѣсколько маленькихъ ящичковъ, — у этого угла, вдругъ блеснулъ слабый свѣтъ и, черезъ минуту, двѣ загорѣлыя, мускулистыя руки показались на краю одного изъ ящичковъ, ближайшаго къ стѣнѣ; ящикъ немного пошатнулся, и черезъ

секунду на него взлѣзъ не котъ, не обезьяна, какъ можно было ожидать, но животное, очень похожее на этихъ обоихъ четвероногихъ, именно матросъ; надо ли намъ прибавлять, что этотъ матросъ былъ лейтенантъ «Прозерпины». Онъ посмѣшно соскочилъ съ ящика, за которымъ скрывался въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, зажегъ глухой фонарь и сталъ пробираться тихими шагами вдоль кладовой. Это было чрезвычайно таинственное явленіе, и оно удивило бы хозяевъ кладовой болѣе даже, чѣмъ постороннихъ, ибо посторонніе прямо бы сказали, что это кража со взломомъ или поджигательство, но люди, знающіе кладовую, тотчасъ бы отвѣтили, что оба эти преступленія были почти невозможны. Ловкій матросъ не могъ поджечь этой кладовой, не сжаривъ себя первого, да и въ сущности онъ вовсе не могъ ее сжечь, ибо ея плоская крышка представляла гигантскій желѣзный резервуаръ, который, благодаря американскому изобрѣтенію, могъ въ минуту превратиться въ душъ и затушить какой бы то ни было пожаръ въ нѣсколько секундъ. Точно также не могъ онъ обворовать кладовую, такъ какъ вещи, находившіяся въ ней, предохранялись своею тяжестью, и невозможно было выйти изъ кладовой, не возбудивъ тревоги и не подвергнувшись тщательному обыску. Но не желая впасть въ ошибку тѣхъ писателей, которые слишкомъ низко цѣнятъ быстроту соображенія читателей и закидываютъ ихъ ненужными объясненіями и коментаріями, мы просто расскажемъ, что дѣлалъ Вайли ночью въ кладовой, предоставивъ самимъ читателямъ уяснить себѣ его цѣль изъ послѣдующихъ событій нашего разсказа.

Прежде всего мистеръ Вайли вынулъ изъ своихъ кармановъ связку съ восемнадцатью блестящими ключами, двѣ новыхъ отвертки, фляжку рому и два корабельныхъ сухаря. Потомъ онъ постепенно открылъ всѣ восемнадцать ящиковъ съ ярлыками *Прозерпина*, и при свѣтѣ его глухого фонаря заблестѣли золотой песокъ и золотые слитки, тщательно завернутые въ тончайшую австралійскую шерсть. Это было соблазнительное зрѣлище. Но морякъ спокойно приступилъ къ еще труднѣйшей работѣ; онъ открылъ восемнадцать ящиковъ съ ярлыками *Шанонъ*, и эти ящики, выбранные имъ изъ сорока, вѣроятно по ка-

кой нибудь отмытъкъ оказались наполненными уже другимъ товаромъ; въ нихъ находился свинецъ въ большихъ четверугольныхъ плитахъ, по двѣ или по четыре въ ящикѣ. Эти двѣ разнородныя системы укладки золота и свинца приводили къ нѣкотораго рода единству въ тяжести всѣхъ тридцати шести ящиковъ, открытыхъ мистеромъ Вайли; иначе ящики съ золотомъ были бы вдвое тяжелѣе ящиковъ съ низшимъ металломъ, ибо хотя свинецъ считается вообще очень тяжелымъ, но научными опытами дознано, что вѣсъ свинца относится къ вѣсу золота, какъ 5 къ 12-ти.

Таинственная работа Вайли продолжалась очень долго, онъ часто прерывалъ ее, и, при каждомъ шумѣ на улицѣ, поспѣшно закрывалъ свой фонарь. Эти мѣры осторожности были впрочемъ совершенно излишни, такъ какъ никакой свѣтъ не могъ проникнуть сквозь желѣзные ставни. Наконецъ, восемнадцать ящиковъ съ свинцомъ были всѣ открыты, и, усталый отъ тяжелаго труда, Вайли отеръ потъ, градомъ выступившій на его лицѣ и выпилъ глотокъ рому. Потомъ онъ приваялся за новую работу, вынулъ три свинцовыя плиты изъ ящика съ ярлыкомъ «Шанонъ» и положилъ ихъ на полъ, а изъ одного изъ ящиковъ съ ярлыкомъ «Прозерпина» вынулъ золото и переложилъ въ пустой ящикъ Шанона. Такимъ образомъ онъ съ большою тщательностью, чтобъ не разсыпать золотого песку по полу, переложилъ весь грузъ восемнадцати ящиковъ Прозерпины въ восемнадцать ящиковъ Шанона и обратно. Закончивъ съ этой странной, на взглядъ шуточной, продолжкой, Вайли взобрался на одинъ изъ ящиковъ, съѣлъ сухарь и выпилъ рому, но немного, ибо въ эту эпоху своей жизни, онъ былъ трезвымъ человекомъ, хотя и могъ представляться пьянымъ, какъ и всѣмъ, чѣмъ угодно. Все громадное количество золота было совершенно въ его рукахъ, но онъ не тронулъ ни унціи, хотя бы для вѣнчальнаго кольца Нанси Раузъ. Мистеръ Вайли имѣлъ совѣсть, хотя очень своеобразную, но главное онъ былъ чрезвычайно вѣренъ тѣмъ, которымъ служилъ. Онъ старательно заперъ всѣ ящики съ ярлыкомъ «Прозерпина» и снова, взявъ отвертку, тщательно завинтилъ восемнадцать ящиковъ съ ярлыками «Шанонъ» которые онъ наполнилъ зо-

лотомъ; потомъ, раскаливъ до красна матроскую иглу на пламени своего фонаря, онъ сдѣлалъ на этихъ послѣднихъ ящикахъ отмѣтки, замѣтныя только для его глаза. Когда все было кончено, онъ, несмотря на свою могучую силу, почувствовалъ страшную усталость и съ радостью отдохнулъ бы съ часокъ, но посмотрѣвъ на часы, онъ рассчиталъ, что солнце должно быть уже встало, и снова спрятался въ свою засаду, то-есть взлѣзъ на высокіе ящики и осторожно спустился въ промежутокъ между ящиками и стѣной.

Рано утромъ, какъ только открылась контора, явились за ящиками два матроса, по приказанію, данному имъ наканунѣ мистеромъ Вайли. Кладовую тотчасъ же открыли, но матросамъ было объявлено, что самъ Вайли долженъ присутствовать при отпускѣ товара.

— О! онъ не заставитъ себя ждать, отвѣчали они, — онъ сказалъ, что насъ встрѣтитъ здѣсь.

Прошло довольно много времени въ ожиданіи, и наконецъ Вайли неожиданно явился позади матросовъ и вмѣшался въ разговоръ.

Ситонъ былъ очень удивленъ, найдя его вдругъ въ кладовой, и спросилъ задумчиво:

— Откуда вы взялись, я не видалъ, чтобъ вы вошли.

— О! сэръ, отвѣчалъ Вайли очень учтиво, — человѣкъ на кораблѣ скоро выучится ходить, какъ кошка. Я вошелъ въ дверь, какъ вы всѣ, но услышавъ мое имя, я остановился. Ну, ну, я здѣсь, какъ бы тамъ ни пришелъ. Эй, Джэкъ! сколько поѣздокъ придется сдѣлать, чтобъ перетащить всѣ ящики? Сколько ихъ, восемнадцать для Прозерпины и сорокъ для Шанона, вѣрно, сэръ?

— Совершенно вѣрно.

— Такъ не угодно ли вамъ сдать ихъ, я ихъ снова проверю на баркасѣ и потомъ отвезу на корабль.

Ситонъ позвалъ двухъ конторщиковъ и послалъ одного изъ нихъ на лодку, а другого на баркасѣ, стоявшій не вдалекѣ отъ берега. Такимъ образомъ, ящики повѣряли три раза въ кладовой, на лодкѣ и на баркасѣ. Когда все было сдано, Вайли выдалъ Ситону росписку въ полученіи и, нанявъ маленькій па-

роходъ, повелъ на буксирѣ баркасъ, прежде къ Шанону, а потомъ къ Прозерпинѣ.

Ситонъ тотчасъ же отправился къ хозяйну и отдалъ росписку Вайли.

— Но, сэръ, сказалъ онъ, — правильно ли, что офицеръ съ Прозерпины, беретъ отъ насъ грузъ для Шанона?

— Конечно неправильно, отвѣчалъ старикъ Вайтъ, и позвалъ своего помощника, мистера Гардкастля.

Гардкастль объяснилъ, что Прозерпина брала главнѣйшій грузъ, то-есть золото, и потому онъ не видѣлъ ничего дурного въ томъ, чтобъ офицеръ съ Прозерпины, пользовавшійся и въ предыдущихъ случаяхъ полной довѣренностью купца Вордло, взялъ нѣсколько ящиковъ съ свинцомъ и мѣдью для Шанона.

— Хорошо сэръ, отвѣчалъ Ситонъ, — но не лучше ли мнѣ самому съѣздить на корабль и посмотрѣть, какъ будутъ грузить ящики.

— Мнѣ кажется, что вы подымаете шумъ изъ пустяковъ, замѣтилъ Гардкастль.

Мистеръ Вайтъ вполне раздѣлялъ это мнѣніе, но былъ слишкомъ уменъ, чтобъ сдерживать энергію и осторожность своихъ приказчиковъ, и потому сказалъ Ситону, что онъ можетъ ѣхать на корабль, если желаетъ, для своего собственнаго успокоенія.

Ситонъ съ трудомъ отыскалъ лодочку и, причаливъ къ кораблямъ, нашель, что на Шанонъ уже нагрузили всѣ ящики съ его ярлыками, а капитанъ Прозерпины и ея лейтенантъ только-что начали грузить свои ящики. Увидавъ Ситона, капитанъ Гудсонъ грубо спросилъ, что ему нужно.

— Онъ пріѣхалъ за вапей роспиской, сказалъ мистеръ Вайли, — такъ и слѣдуетъ. Ну, поворачивайтесь молодцы. Въ трюмѣ два ящика, слѣдуетъ еще шестнадцать.

Посмотрѣвъ, какъ нагрузили всѣ ящики на Прозерпину, Ситонъ возвратился на берегъ съ росписками въ пріемкѣ капитаномъ Гевитомъ сорока ящиковъ на Шанонъ, и капитаномъ Гудсономъ восемнадцати на Прозерпину. Выйдя изъ лодки, онъ встрѣтилъ агента Ллойда и рассказалъ ему, какой значительный грузъ онъ только-что отправилъ; тотъ замѣтилъ лишь, что оба корабля застрахованы въ Сиднеѣ, но грузъ, вѣроятно, застрахованъ въ Лондонѣ.

Однако, несмотря на все, Ситону казалось, что въ этомъ дѣлѣ что-то не чисто; его подозрѣнія основывались, быть можетъ, на торопливости нагрузки или на странныхъ манерахъ мистера Вайли. Во всякомъ случаѣ, эти подозрѣнія были до того незначительны, что онъ не могъ надѣяться убѣдить въ ихъ справедливости своихъ хозяевъ; потому онъ предпочелъ молчать, да и къ тому же, онъ сознавалъ, что ненависть къ Вордло мѣшала ему справедливо судить о дѣйствіяхъ, не только самаго Вордло, но и его слугъ. Впрочемъ вскорѣ надъ его головой разразился новый ударъ, который изгладилъ всѣ эти мысли изъ его ума и сердца.

Миссъ Эллень Роллестонъ явилась однажды утромъ въ контору Вайтъ и Комп., и остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ситона, вручила Гардкастлю письмо Артура Вордло, которое заключало въ себѣ приказаніе отдать въ ея распоряженіе дамскую каюту на Шанонѣ. Гардкастль почтительно поклонился и обѣщавъ устроить все для достойнаго принятія ея на Шанонѣ, готовящемся отплыть въ Англію черезъ недѣлю. Уходя, миссъ Роллестонъ обвела глазомъ всю контору, отыскивая длинную, блестящую бороду Ситона; но онъ, со времени своего поступленія въ приказчики, обрѣзалъ и укоротилъ ее изъ приличія до того, что молодая дѣвушка не могла узнать въ человѣкѣ, согнувшемся надъ своею конторкой — бывшаго садовника, ея спасителя и protégé. Несчастный же Ситонъ, слыша, изъ ея собственныхъ устъ, объ ея отъѣздѣ въ Англію, не помнилъ себя отъ отчаянія, морозъ пробѣгалъ по всѣмъ его жиламъ, сердце обливалось геречью.

Однако, любя ее нѣжно, благородно, онъ поборолъ свое отчаяніе и затѣмъ отправился на Шанонъ, чтобы устроить для нея каюту со всевозможнымъ комфортомъ. Прежде всего онъ навелъ справки, въ какомъ положеніи былъ корабль, которому довѣряли такой драгоценный для него грузъ. Слыша разспросы, старый лодочникъ, перевозившій его на корабль, замѣтилъ, что онъ видѣлъ самъ, какъ изъ Шанона каждую ночь выкачивали воду помпами. Ситонъ тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ агента Ллойда и тотъ приказалъ отвезти Шанонъ въ доки для исправленій. Потомъ Ситонъ отъ имени Вайта и Комп. извѣстилъ

миссъ Роллестонъ, что Шанонъ, по случаю починковъ, не могъ идти въ море ранѣе мѣсяца. Молодая дѣвушка отвѣчала простой роспиской въ полученіи письма, и Ситонъ сталъ дышать свободнѣе.

Миссъ Роллестонъ дала слово Артуру Вордло, что она выйдетъ въ Англію черезъ мѣсяцъ на его корабль Шанонъ. Она была рабой своего слова и настойчивость была отличительной чертой ея характера; потому узнавъ, что она не могла ѣхать на Шанонъ, она снова явилась въ контору и взяла себѣ мѣсто на Прозерпинѣ. Главное для нея было отправиться, когда она обѣщала, и на корабль Вордло.

Прозерпина выходила въ море черезъ десять дней, и Ситонъ тотчасъ же навелъ объ ней справки; оказалось, что корабль былъ совершенно исправенъ и не было причины его задержать. При этомъ извѣстїи въ душѣ несчастнаго произошла долгая, смертельная борьба между себялюбивой страстью и возвышенной преданностью любимому существу. Наконецъ, добро восторжествовало надъ зломъ, и вмѣсто того, чтобъ предаваться мрачному отчаянью, онъ самъ сталъ хлопотать о лучшемъ исполненіи воли его богини. Онъ отправился на Прозерпину, и выбралъ для нея лучшую каюту. Генералъ Роллестонъ велѣлъ ее обмеллировать, и его агентъ прислалъ обыкновенную мебель: кровать съ выдвигными ящиками, комодъ, два кресла, маленький столъ, зеркало и висячую лампу. Но Ситонъ на свой счетъ сдѣлалъ много прибавокъ и улучшеній. Онъ устлалъ полъ мягкой, кокосовой рогожкой, вставилъ вмѣсто обычныхъ шестизвенныхъ оконъ цѣльныя, зеркальныя, повѣсилъ на нихъ венеціанскія сторы и розовыя занавѣси, устроенныя такъ, что ихъ можно было мгновенно замѣнить глухими ставнями въ случаѣ бури. Онъ вставилъ зеркальное стекло въ дверь, ведущую въ ея ванную, и устроилъ легкое кресло, подвѣшивавшееся на крючки, вбитые посреди каюты, такъ что Эллень могла сидѣть и читать, не чувствуя ни малѣйшей качки; кромѣ того, онъ повѣсилъ полку съ книгами, приспособленную такъ, что книги не могли падать, что же касается до содержанія этихъ книгъ, то онъ самъ выбралъ маленькую бібліотеку, въ которой всѣ путешествія непремѣнно оканчивались благополучно. Наконецъ, онъ устроилъ колоколь-

чикъ изъ каюты Эленъ въ каюту ея горничной. Тутъ кстатн сказать, что миссъ Роллестонъ стоило огромнаго труда найти горничную, которая бы согласилась ѣхать съ нею; наконецъ, явилась молодая женщина, нанявшаяся за огромное жалованье, скрывъ тотъ простой фактъ, что она только-что вышла замужъ за одного изъ матросовъ Прозерпины и съ радостью отправилась бы даромъ. Звали ее Джени Гольтъ, а мужа ея Майкель Donovanъ.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Прозерпины Ситонъ замѣтилъ, что капитанъ и лейтенантъ смотрѣли на него далеко недружелюбно, чтобъ не сказать враждебно; но въ настоящемъ настроеніи его ума, ему было все равно, какъ два животныхъ, въ синихъ курткахъ, смотрѣли на его самопожертвованіе. Онъ пріѣзжалъ на этотъ корабль только для того, чтобъ оказать послѣднюю услугу горячо любимому существу, которое, мелькнувъ, какъ ангелъ свѣта, на мрачномъ пути его жизни, освѣтило на минуту этотъ мракъ лучезарнымъ блескомъ и, теперь, далеко улетаетъ на вѣки.

Наконецъ, роковой вечеръ насталъ, послѣдній ея вечеръ въ Сиднеѣ. Твердость Ситона, не поддерживаемая болѣе лихорадочными хлопотами объ ея комфортѣ, видимо ему измѣнила, и онъ предался самому горькому отчаянью. Въ 9 часовъ онъ украдкой пробрался въ садъ генерала Роллестона, гдѣ впервые ее увидѣлъ. Тамъ онъ опустился на землю и долго сидѣлъ неподвижно. Потомъ онъ всталъ и подошелъ ближе къ дому. Въ столовой свѣтилась лампа; онъ взглянулъ въ окно и увидалъ ее.

Она сидѣла на колѣняхъ отца, устремивъ на него взоръ, полный любви; рука ея лежала въ его рукѣ. Глаза ея были полны слезъ: у нея не было матери, у него не было сына, и они горячо любили другъ друга. Эта нѣжная поза и ихъ горькое безмолвіе были краснорѣчивѣе всякихъ словъ для человѣка, испытавшаго въ жизни горе. Бѣдный Ситонъ залился истерическими слезами; онъ плакалъ, потому что она плакала.

Отецъ Эленъ послалъ ее рано спать. Ситонъ сталъ съ жадностью слѣдить, какъ онъ часто бывало дѣлывалъ, за каждымъ движеніемъ ея прелестной тѣни. Наконецъ она погасила свѣчу. Для него все было кончено. Онъ бросился на мокрую

землю и бессмысленно устремилъ взоры на небо. Часто умъ въ тиши ночной бываетъ всего свѣтлѣе, и теперь Робертъ Пенфольдъ вдругъ созналъ, — словно онъ это прочелъ на безоблачномъ небѣ, — что его Элленъ ѣхала въ Англію лишь съ цѣлью выдти замужъ за Артура Вордло. Это неожиданное открытіе поразило его въ самое сердце, онъ вскочилъ, какъ безумный, пожираемый ревностью, почти заглушавшей его любовь. Еще разъ онъ повторилъ, что этому никогда не бывать, и впалъ въ глубокую думу; вскорѣ созрѣлъ у него въ головѣ цѣлый планъ, какъ помѣшать этому чудовищному браку; но планъ былъ такъ дикъ, такъ опасенъ, что еще не совсѣмъ заглохшій въ немъ разумъ нашептывалъ: бѣги, безумецъ, бѣги, или любовь тебя погубитъ!

Онъ внялъ голосу разсудка и черезъ минуту уже былъ далеко. Онъ отправился домой, но, придя къ дверямъ, не могъ войти и, вернувшись, снова зашагалъ по улицамъ, не зная, куда шель и зачѣмъ. Страсти въ немъ дико бушевали и разумъ, такъ долго, мужественно отстаивавшій свои права, сталъ теперь быстро поддаваться сердечному и физическому пылу. Ситонъ незамѣтно очутился въ гавани и дико устремилъ на Прозерпину налитые кровью глаза, онъ, который, за часъ передъ тѣмъ, такъ ясно сознавалъ, что ему ничего не оставалось, какъ забыть, или стараться забыть невѣсту Артура Вордло. Онъ громко застоналъ и пустился бѣжать въ городъ съ какою-то лихорадочною быстротою. Пробѣжавъ какую-то узкую, уединенную улицу, онъ вдругъ остановился и, схватившись за фонарный столбъ, началъ громко оплакивать свою судьбу. Мимомедшій полицейскій подошелъ къ нему и, принявъ его за пьянаго, посоветовалъ ему идти домой. Онъ отскочилъ, какъ бы ужаленный, и бросился въ другую улицу, гдѣ могъ быть наединѣ.

Въ этой улицѣ одна лавка была открыта и освѣщена, несмотря на то, что было только еще пять часовъ утра. Это была цпрюльня, посѣщаемая рабочимъ людомъ. На вывѣскѣ красовалось: — *Стрижка—6 пенсовъ. Бритье 3 пенса. Горячій кофе—чашка 3 пенса.* Глаза Ситона остановились на этой вывѣскѣ. Онъ пристально посмотрѣлъ на нее съ минуту и продолжалъ свой путь. Потомъ онъ вдругъ вернулся, перешелъ

улицу и вошелъ въ лавку. Цирюльникъ чѣмъ-то былъ занятъ у печки, но, услыхавъ шаги Ситона, быстро повернулъ къ нему свое некрасивое, отталкивающее лицо.

— Я хочу сбрить бороду, сказалъ Ситонъ, опускаясь въ кресло.

— Неужели, отвѣчалъ цирюльникъ, смотря на него своими косыми глазами.—Чтожъ вы мнѣ за это дадите?

— Вы сами лучше знаете цѣну.

— Конечно, 3 пенса съ бороды.

— Хорошо, только поскорѣе.

— погодите, я такъ беру съ рабочаго люда, но съ васъ надо взять больше.

— Я дамъ вдвое.

— Нѣтъ, меньше десяти шиллинговъ я съ васъ не возьму.

— Это отчего? воскликнулъ Ситонъ съ испугомъ; онъ полагалъ въ своемъ смущеніи, что вѣрно этотъ человекъ читалъ въ его сердцѣ.

— Я вамъ скажу почему, отвѣчалъ косой цирюльникъ,— нѣтъ, лучше я вамъ покажу.

И взявъ со стола маленькое зеркало, онъ вдругъ поднесъ его къ лицу Ситона. Ситонъ вздрогнулъ, увидѣвъ свое изображеніе: до того дико, болѣзненно было его лицо, до того убійственны, кровью налиты его глаза. Тогда цирюльникъ съ лукавою улыбкою произнесъ:—Чтожъ я развѣ не правъ? Неужели я долженъ сбрить бороду съ такого молодца менѣе, чѣмъ за десять шиллинговъ?

— Я вижу въ чемъ дѣло, простоналъ Ситонъ, — вы полагаете, что я совершилъ какое нибудь преступленіе. Я плачу отъ горя, и меня принимаютъ за пьянаго, я блѣденъ отъ душевной тревоги, и меня называютъ преступникомъ. Проклятыи! да будетъ легка кара Божія вамъ и всему человѣчеству.

— Хорошо, сказалъ цирюльникъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ;—десять шиллинговъ и ни слова болѣе. Оставайтесь или уходите.

— У меня нѣтъ съ собой денегъ, возразилъ Ситонъ, пошаривъ въ карманахъ.

— О! мнѣ все равно, оставьте часы.

Ситонъ безмолвно отдалъ свои часы кровожадному вампиру

и мрачно повникъ головою. Цирюльникъ обстригъ ему коротко бороду и, отъ времени до времени, порывался войти въ разговоръ, но не получалъ никакого отвѣта.

— Не отчаивайтесь, молодецъ, сказалъ онъ добродушно, — вы не первый попадаете въ бѣду и принуждены мѣнять кожу.

Ситонъ продолжалъ упорно молчать. Цирюльникъ приступилъ теперь къ бритью, и окончивъ эту операцію, поздравилъ Ситона съ удивительной перемѣной, происшедшей въ его лицѣ.

— Васъ теперь никто не узнаетъ, сказалъ онъ, — и я вамъ объясню почему: вашъ ротъ немного вздернуть къ верху, а усы опускаютъ его внизъ, и совершенно измѣняютъ лицо. Теперь, какъ я васъ обрилъ, я вижу, что вы джентльменъ. Не пожалѣйте соверена, сэръ.

Ситонъ безмолвно выбѣжалъ изъ лавки.

— Экой надутый, пробормоталъ цирюльникъ, аккуратно завертывая въ бумагу прекрасные шелковые волосы Ситона. Пока онъ этимъ занимался, въ лавку зашелъ, за чашкой кофе, одинъ изъ обычныхъ ея посѣтителей. Это былъ полицейскій, который принялъ Ситона за веселаго собесѣдника.

ГЛАВА VII.

Слуги генерала Роллестона свезли на Прозерпину чемоданы и ящики Эдленъ. Но она сама никакъ не хотѣла разстаться до послѣдней минуты съ дорогимъ ей домомъ.

— О, папа, говорила она со слезами на глазахъ, — мнѣ надо собрать всѣ свои силы, всю свою твердость, чтобы сдержать слово, данное Артуру, и разстаться съ тобой. Зачѣмъ я дала ему слово? зачѣмъ я должна быть рабой своего слова?

— Потому что, отвѣчалъ старикъ, но не столь твердымъ голосомъ какъ обыкновенно, — потому что я тебѣ всегда внушалъ, что женщина должна равняться мужчинѣ во всѣхъ добродѣтеляхъ, кромѣ храбрости. Я слышалъ это отъ моей матери и

научилъ этому мою Элленъ. Что же было бы похвальнаго въ вѣрности своему слову, еслибъ это ничего не стоило?

Онъ обѣщаль послѣдовать за нею въ Англію не позже трехъ мѣсяцевъ, и мужественная дѣвушка, пересиливъ свое горе, отерла слезы, чтобы еще болѣе не увеличивать печали старика, съ которой онъ боролся также славно, какъ сражался, бывало, съ врагами отечества.

Прозерпина должна была сняться съ якоря въ два часа; въ часъ, безъ нѣсколькихъ минутъ, къ кораблю пристала маленькая лодка, и сидѣвшій въ ней человѣкъ просилъ дать ему каюту, объяснивъ, что онъ миссіонеръ, пасторъ Джонъ Гэзелъ, возвращавшійся въ Англію послѣ жестокой болѣзни. Лейтенантъ Прозерпины пристально посмотрѣлъ ему прямо въ глаза и отвѣчалъ, что у нихъ мало каютъ для пассажировъ, и что всѣ онѣ были взяты конторой Вайтъ и К^о для одной молодой дамы и ея слугъ. Мистеръ Гэзелъ возразилъ, что онъ человѣкъ недостаточный и довольствовался бы самымъ скромнымъ помѣщеніемъ; но ѣхать въ Англію ему было крайне необходимо.

— Такъ бросься въ воду и плыви себѣ на здоровье, воскликнулъ капитанъ Гудсонъ, подходя къ разговаривавшимъ, — у меня нѣтъ на кораблѣ мѣста для поповъ.

— Будьте милостивы, господа, произнесъ мистеръ Гэзелъ, устремивъ на нихъ взглядъ, полный мольбы;—моя жизнь отъ этого зависить.

— Очень сожалью, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Вайли, — но это невозможно. Вамъ, впрочемъ, нечего отчаяваться, вы можете отправиться на Шанонъ.

— Но я слышалъ, что онъ чинится.

— Да, да, но тамъ работаетъ полтора года человѣкъ, и онъ вскорѣ выйдетъ въ море вслѣдъ за нами.

— Ну, ну, сэръ, грубо воскликнулъ Гудсонъ;—проваливайте, мнѣ не до васъ; эй, ребята, заработу. Вонъ уже и наша дама!

Тяжело вздохнувъ, миссіонеръ смиренно спустился въ лодку, но очутившись тамъ, рѣзко приказалъ гребцамъ какъ можно скорѣе грести къ берегу. По дорогѣ онъ встрѣтилъ лодку Роллестоновъ, и обратя въ ту сторону свое блѣдное лицо, Гэзелъ долго, пристально смотрѣлъ на отца и дочь. Элленъ была пора-

жена грустнымъ выраженіемъ этого незнакомца и шепнула отцу:—«бѣдный пасторъ, онъ вѣрно проводилъ на корабль любимаго человѣка». Генералъ Роллестонъ обернулся, но лодка съ пасторомъ была уже далеко.

Вскорѣ они пристали къ кораблю и были приняты съ почтительнымъ вниманіемъ. Элленъ прямо провели въ каюту. Видя, съ какой тщательной заботливостію тамъ было все устроено, молодая дѣвушка съ любовью взглянула на отца и прошептала: «здѣсь былъ кто-то, горячо меня любящій!» Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ отецъ и дочь остались наединѣ, а между тѣмъ корабль снимался съ якоря, и вскорѣ матросъ прибѣжалъ сказать, что генералу пора уѣзжать. Элленъ проводила отца на палубу, блѣдная, разстроенная. Они обнялись въ послѣдній разъ, и генералъ Роллестонъ спустился въ лодку. Молодая дѣвушка перегнулась за бортъ и долго махала платкомъ, хотя слезы мѣшали ей видѣть быстро удалявшагося отца.

Въ эту самую минуту причалила къ Прозерпинѣ четырехъ-весельная лодка, и мистеръ Гезель снова появился на палубѣ. Онъ представилъ Гудсону приказъ изъ конторы Вайтъ и К°, подписанный Джемсомъ Ситономъ, по которому капитанъ Прозерпины долженъ былъ дать мѣсто на кораблѣ пастору Джону Гезелю; причемъ прилагалась и квитанція въ полученіи денегъ отъ пастора за проѣздъ. Гудсонъ и Вайли на минуту задумались. Видя ихъ нерѣшимость, миссіонеръ прибавилъ, что онъ разсказалъ въ конторѣ объ ихъ странномъ поведеніи, и мистеръ Ситонъ обѣщалъ остановить корабль, если приказанія торговаго дома не будутъ уважены. «Я заплатилъ деньги за проѣздъ, и вы меня не прогоните иначе, какъ силой», сказалъ въ заключеніе пасторъ спокойно, но рѣшительно.

Мистеръ Вайли стоялъ въ полуоборотъ къ миссіонеру, и тотъ не могъ не замѣтить мрачный, злобный взглядъ его, но черезъ минуту, къ неопisanному удивленію пастора, Вайли обернулся къ нему и, съ веселой улыбкой, сказалъ:

— Ну, сэръ, по правдѣ вамъ сказать, мы, моряки, не любимъ брать пассажировъ на подобне корабли; они всегда помѣха при малѣйшей бурѣ. Но такъ какъ вы уже здѣсь, то оставайтесь и устройтесь, какъ знаете.

— Ну, будетъ тамъ чепуху болтать, воскликнулъ капитанъ грубымъ голосомъ;—втащите вещи пастора и отчалте лодку! Подымай якорь!

И онъ продолжалъ отдавать приказанія своимъ громовымъ голосомъ: якорь былъ поднятъ, паруса поставлены, и Прозерпина понеслась съ попутнымъ вѣтромъ къ берегамъ Англiи.

Генераль Роллестонъ медленно, грустно возвратился домой, часто оборачиваясь и пристально устремляя взоръ на корабль, уносившій съ собою въ безпредѣльную синеву моря его единственное дитя. Усѣвшись въ своемъ кабинетѣ, онъ закурилъ сигару и утѣшалъ себя мыслию, что это разставанiе было временное, ибо онъ уже отказался отъ своего мѣста и долженъ былъ остаться въ Сидней только для сдачи дѣлъ преемнику, что не могло продолжаться болѣе трехъ мѣсяцевъ. Успокоившись немного, онъ пошелъ на верхъ, чтобъ взглянуть на спальню своей дочери, гдѣ еще какъ бы виталъ ея духъ. Въ комнатѣ этой одно окно выходило на сѣверъ, другое на западъ, прямо на заливъ. Генераль взглянулъ на полъ, усѣянный бумажками; тряпками и пр. и пр., и потомъ устремилъ свой взглядъ въ окно, на быстро удаляющуюся Прозерпину. Онъ тяжело вздохнулъ и закурилъ новую сигару, но не успѣлъ еще ее окончить, какъ увидалъ на полу маленькiй бантъ изъ лентъ, и, нагнувшись, положилъ его за пазуху. Въ эту минуту вошла въ комнату Сара Видьсонъ.

— Э, вы здѣсь, сэръ, сказала она полусердитымъ тономъ, — зачѣмъ вы не сказали, я бы убрала комнату, а то она въ такомъ беспорядкѣ.

И она принялась убирать комнату. Генераль Роллестонъ безсознательно слѣдилъ за всѣми ея движенiями, и вдругъ замѣтилъ въ связанномъ ею узлѣ бѣлая платокъ съ пятномъ крови.

— Что это, спросилъ онъ, — она порѣзала себѣ палець?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчала Вильсонъ, но ея видимое смущеніе не могло не обратить на себя вниманіе генерала.

Онъ пристально посмотрѣлъ на горничную и потомъ на платокъ; кровь на немъ была блѣдно-красная. Роллестонъ видѣлъ платокъ съ подобными пятнами шестнадцать лѣтъ тому назадъ въ рукахъ своей молодой жены, за нѣсколько мѣсяцовъ до ея смерти, въ самой злѣйшей чахоткѣ.

— Сара, произнесъ дрожащимъ голосомъ Роллестонъ, — ради Бога, скажите мнѣ правду. Зачѣмъ вы отъ меня это скрывали?

— Я невиновата, сэръ, поспѣшно воскликнула Вильсонъ, — еслибъ я сказала, то лишилась бы мѣста. Ваша дочь не любить противорѣчій; а она мнѣ строго приказала не говорить вамъ ничего; но теперь ея нѣтъ, и право мнѣ всегда было ее жаль; но какъ я вамъ уже объяснила, я должна была скрывать.

— Скрывать что?

— Да то, сэръ, что она часто харкала кровью, и ужасно похудѣла, бѣдная голубушка.

Генераль Роллестонъ громко застоналъ. Онъ не произнесъ ни слова, но дико, бессознательно смотрѣлъ то на платокъ, то на Прозерпину, уносившую его дочь, быть можетъ, навсегда. Его желѣзное лицо исказилось отъ душевныхъ страданій и, смотря на него, даже Вильсонъ, далеко не отличавшаяся добротой, залилась искренними слезами сожалѣнія. Наконецъ, онъ пересилилъ свое волненіе и сказалъ Вильсонъ, что она невиновата, ей приказано было молчать, а мы всѣ должны исполнять данныя намъ приказанія.

— Но теперь вы должны меня слушаться, прибавилъ онъ, — скажите, лечилъ ли ее какой нибудь докторъ?

— Здѣсь я никогда не видывала доктора, сэръ, но она разъ проговорила, что была у доктора Валентина, известнаго своимъ леченіемъ грудныхъ болѣзней.

Черезъ нѣсколько минутъ генераль Роллестонъ былъ уже у доктора Валентина и прямо спросилъ его: какая была болѣзнь у его дочери.

— Легкія тронуты, спокойно отвѣтилъ докторъ.

Несчастный отецъ спросилъ тогда съ ужасомъ, какого мнѣнія былъ докторъ о ходѣ болѣзни, и была ли неминуемая опасность; мистеръ Валентинъ отвѣчалъ съ нѣкоторымъ чувствомъ, что отчаяваться еще нечего, но опасность была велика. На вопросъ, зачѣмъ онъ дозволилъ предпринять больной морское путешествіе, онъ отвѣчалъ, что австраійскій воздухъ ей крайне вреденъ, и морское путешествіе могло принести скорѣе пользу, чѣмъ вредъ. Генераль Роллестонъ пожалъ ему руку и молча вышелъ изъ комнаты.

На другой день онъ взялъ себѣ мѣсто на Шанонѣ и принялъ всѣ мѣры къ быстрому окончанію своихъ дѣлъ. Съ какимъ-то воинственнымъ духомъ готовился онъ послѣдовать за своей дочерью и бороться со смертью за ея жизнь; но часто онъ тяжело вздыхалъ при мысли о невидимомъ, таинственномъ врагѣ, съ которымъ ему приходилось бороться. О, еслибъ эта борьба была открытая битва, съ пушками и штыками!

Наконецъ, Шанонъ былъ готовъ къ отплытію и вышелъ въ море.

ГЛАВА VIII.

Вордло между тѣмъ возвратился въ Лондонъ и былъ заваленъ работой; теперь самое время познакомить читателя съ одной, по крайней мѣрѣ, изъ тайнъ, которыя этотъ ловкій купецъ умѣлъ скрыть отъ биржи, отъ отца, отъ всѣхъ, кромѣ одного бѣднаго преданнаго простяка Майкея Пенфольда?

Часто люди, кажущіеся дураками, поступаютъ умно, а умные—глупо, но самыя свои ошибки эти послѣдніе дѣлаютъ умно и, падая, докажутъ вамъ, что, по существу вещей, это паденіе не могло, не должно было случиться, и что это только чудовищная иллюзія. Быть можетъ, Артуръ Вордло не былъ настолько уменъ, но все же онъ, съ перваго мѣсяца своего управленія, уже разстроилъ дѣла конторы самымъ искуснымъ образомъ. Подобно жаднымъ компаніямъ, которыя, не довольствуясь главнымъ пу-

темъ своихъ желѣзныхъ дорогъ, раззоряютъ себя слишкомъ многочисленными вѣтвями, онъ обезспилъ основной корень своей фирмы, развѣтвивъ по всему свѣту его отпрыски. Онъ не только былъ слишкомъ честолюбивъ и не довольно хладнокровенъ, но также и несчастливъ, словно находился подъ какимъ-то проклятіемъ; даже ловко задуманныя дѣла не удавались ему отъ какихънибудь пустыхъ случайностей. Кромѣ того, его новые агенты и корреспонденты безжалостно его обманывали. Что же онъ дѣлалъ? Онъ ставилъ на карту новыя суммы и проигрывалъ ихъ. Онъ не могъ остановиться, ибо главная игра его состояла въ тайнѣ; отецъ его ничего не зналъ и спокойно бралъ свои 4,000 фунтовъ въ годъ; еслибъ ему на минуту приостановили эту выдачу, то онъ тотчасъ бы потребовалъ отчета и ликвидировалъ бы всѣ дѣла. Будущее казалось Артуру Вордло до того мрачнымъ, что его часто соблазняла мысль взять изъ кассы 20,000 фунтовъ, что для человѣка въ его положеніи было всегда возможно, и бѣжать изъ Англіи. Но, сдѣлавъ это, онъ долженъ былъ отказаться отъ Элленъ Роллестонъ, а онъ слишкомъ пламенно ее любилъ. Его ловкій, изворотливый умъ былъ плодovitъ на изобрѣтенія, и онъ устремилъ всѣ свои силы на разрѣшеніе двойной задачи: жениться на Элленъ и привести разстроенныя дѣла фирмы въ прежнее положеніе. Для этого требовалась большая сумма денегъ, не менѣе 90,000 фунтовъ.

Дѣло было очень трудное, но онъ имѣлъ два вѣрныхъ условія для успѣха. Во-первыхъ, онъ пользовался отличнымъ кредитомъ, во-вторыхъ, онъ рѣшился не останавливаться ни передъ какими средствами. Онъ былъ обманутъ нѣсколько разъ, а ничто такъ не колеблетъ слабой добродѣтели, какъ подобное сознаніе. Люди такого закала склонны открыть нѣчто въ родѣ текущаго счета съ человѣчествомъ.

— Насъ обманывали ближніе, говорятъ они,—и мы должны возвратитъ свое не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Послѣ долгихъ, тяжелыхъ размышленій Артуръ Вордло, наконецъ, придумалъ планъ блестящаго разрѣшенія двойной задуманной имъ задачи; для исполненія этого-то плана онъ ѣздилъ въ Австралію. Мы уже видѣли, что онъ убѣдилъ Элленъ Роллестонъ возвратиться въ Англію и выдти за него замужъ;

но что касается до остального его плана, то онъ вполне объяснится изъ послѣдующаго нашего разсказа. По возвращеніи въ Англію, первымъ дѣломъ Артура было застраховать грузъ Прозерпины и Шанона. Онъ послалъ Майкеля Пенфольда въ Ллойдъ съ необходимыми документами, въ томъ числѣ съ росписками купцовъ, продавшихъ ему золото. Пенфольдъ безъ труда застраховалъ Шанонъ, грузъ котораго былъ оцѣненъ только въ 6,000 фунтовъ; при застрахованіи же Прозерпины, съ ея грузомъ золота въ 130,000 фунтовъ, встрѣтились серьезныя затрудненія. Нѣкоторыя страховыя компаніи отказали въ страховкѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что золото могло подвергнуться кораблекрушенію и кражѣ; другіе согласились, но желали повидаться съ самимъ Вордло и предложить ему нѣкоторые вопросы. Онъ отвѣчалъ на все очень любезно, но съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ; подобное дѣло другимъ могло казаться крупнымъ и важнымъ, но для него было незначительнымъ, въ виду его огромныхъ операцій.

Съ однимъ изъ страховщиковъ, мистеромъ Конделемъ, онъ разговорился нѣсколько откровеннѣе, находясь съ нимъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Между прочимъ онъ замѣтилъ съ улыбкой:—Я бы желалъ застраховать Шанонъ въ его настоящей цѣнѣ; но это невозможно. На Прозерпинѣ нѣсколько ящиковъ съ золотомъ, но настоящее мое сокровище на Шанонѣ — это моя невѣста, сэръ.

— Неужели, миссъ Роллестонъ?

— Да, вѣдь вы, кажется, ее видѣли, и потому не удивитесь моему предложенію. Застрахуйте Шанонъ въ миліонъ фунтовъ. Не пожимайте плечами отъ удивленія, я пошутилъ. Вы, господа, имѣете дѣла лишь съ матеріальными сокровищами; но вѣдь миліонъ не вознаградилъ бы меня за потерю моей Эленъ, какъ не вознаградилъ бы онъ меня за потерю собственной жизни.

При этихъ словахъ у него навернулись слезы, но онъ вскорѣ оправился и продолжалъ дѣловымъ тономъ:

— Ахъ да, мы говорили о золотѣ на Прозерпинѣ. Вы знаете, что я былъ въ Австраліи и тамъ купилъ золото у купцовъ, имена которыхъ стоятъ въ роспискахъ. Я сложилъ всѣ ящики

къ конторѣ Вайтъ и К^о, въ Сиднеѣ, и поручилъ нагрузить ихъ Джозефу Вайли, лейтенанту Прозерпины и человѣку, вполнѣ достойному довѣрія. Капитанъ Гудсонъ отличный морякъ, а корабль новый, выстроенный Мэромъ. Потому мы можемъ страшиаться развѣ однихъ обыкновенныхъ случайностей на морѣ.

— Такъ должно полагать, сказалъ мистеръ Кондель и, вставъ, распрощался. Но дойдя до дверей, онъ остановился и застѣнчиво промолвилъ:— Вы мнѣ позволите, мистеръ Вордло, дать вамъ маленькій совѣтъ?

— Конечно.

— Удвойте, если можете, страховку Шанона.

Съ этими словами онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, очевидно для того, чтобъ избѣгнуть вопросовъ, на которые онъ не желалъ отвѣчать.

Вордло дико, безсмысленно, посмотрѣлъ ему вслѣдъ и съ испугомъ схватился за голову. Потомъ онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ, смертная блѣдность покрыла его лицо и холодный потъ выступилъ на лбу. — «Удвоить... страховку... Шанона!», бормоталъ онъ едва внятно.

Люди, идущіе не прямымъ путемъ, постоянно подвержены подобнымъ сюрпризамъ; слово, сказанное въ одномъ смыслѣ, тотчасъ же перетолковывается ихъ совѣстью совершенно въ иномъ.

Много различныхъ компаній и купцовъ потребовалось для застрахованія Прозерпины, но, наконецъ, дѣло было устроено. Тогда Вордло, скинувъ съ себя маску спокойствія и не теряя ни минуты, занялъ большую сумму денегъ подъ застрахованный грузъ для уплаты векселей, на которые онъ купилъ въ Австраліи золото, и еще нѣкоторыхъ другихъ срочныхъ обязательствъ. Теперь онъ вздохнулъ свободнѣе; на мѣсяцъ или на два ему нечего было уже бояться общей паники, и онъ сталъ съ надеждою ожидать блистательнаго окончанія своего гениальнаго плана. Но два мѣсяца быстро проходятъ для человѣка, поставившаго всю свою будущность на карту. Время тогда не идетъ, а летитъ. Потому Вордло вскорѣ сталъ беспокоиться о своихъ австралійскихъ корабляхъ и каждый день навѣдывался въ Лондонъ, нѣтъ ли о нихъ какихъ извѣстій. Кромѣ того, хотя Кондель застраховалъ часть груза Прозерпины, его тая-

ственные слова не выходили изъ головы Вордло, и терзаемый подозрѣніемъ, онъ подослалъ къ Конделю вѣрнаго человѣка съ порученіемъ узнать, что онъ подозрѣвалъ, совѣтуя удвоить страховку Шанона. Оказалось, что дѣло было самое простое: Кондель получилъ сторонней извѣстіе о дурномъ положеніи Шанона, и потому посовѣтовалъ своему другу усилить страховку, а самъ отказался отъ нея.

Относительно обѣихъ этихъ кораблей, наши читатели уже знаютъ то, чего не вѣдалъ самъ Вордло: именно, что Шанонъ вышелъ въ море послѣ Прозерпины, а не прежде нея, и что миссъ Роллестонъ находилась на Прозерпинѣ, а не на Шанонѣ, который шелъ позади въ разстояніи, по крайней мѣрѣ, двухъ тысячъ миль. Въ добавокъ къ этимъ двумъ свѣденіямъ, пользуясь нашей авторской способностью перелетать въ одно мгновеніе моря и земли, мы теперь расскажем странныя, но истинныя происшествія, случившіяся между прочимъ на Прозерпинѣ. Оставимъ же на время ловкаго лондонскаго купца, устремляющаго съ безпокойствомъ свои взоры въ даль невѣрнаго будущаго, и перенесемъ чрезъ безпредѣльную синеву Тихаго Океана, на палубу Прозерпины, быстро несущейся къ берегамъ Англіи.

Корабль вышелъ изъ Сиднея съ попутнымъ вѣтромъ, но вскорѣ погода сдѣлалась неблагопріятной и онъ сталъ очень тихо подвигаться при сильной качкѣ. Это имѣло чрезвычайно дурное вліяніе на миссъ Роллестонъ. Она не страдала морскою болѣзнію, но видимо изнемогала и въ одну недѣлю ужасно поблѣднѣла и похудѣла. Молодой пасторъ, мистеръ Гэзель, слѣдилъ за ней съ почтительнымъ безпокойствомъ, что, конечно, ею было замѣчено. Его большіе черные глаза съ мрачной вѣжностью устремлялись на нее при всякомъ ея появленіи на палубѣ, и онъ тогда только спускалъ съ нея глаза, когда она сама взглядывала на него. Ясно было, что онъ интересовался ею, но не

хотѣлъ ее беспокоить и навязываться съ своимъ участіемъ. Онъ приносилъ ей кресло, предлагалъ свой пледъ, когда на палубѣ становилось холодно, и вообще оказывалъ ей всевозможныя услуги, но все это молча. Когда же она благодарила его въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, то глаза его блестящею радостью, и яркій румянецъ покрывалъ его щеки.

Молодые дѣвушки-невѣсты бываютъ гораздо общительнѣе съ мужчинами, чѣмъ дѣвицы, не имѣющія надежды выдти замужъ; кромѣ того, на кораблѣ какъ-то сглаживается даже англійская сдержанность; къ тому же женщины всегда даютъ духовнымъ лицамъ нѣкоторыя привилегіи. Неудивительно поэтому, что миссъ Роллестонъ, черезъ нѣсколько дней, сама первая заговорила съ мистеромъ Гэзелемъ; сначала они мѣнялись только пустыми, односложными словами, но мало по малу ихъ разговоры стали все продолжительнѣе и интереснѣе. Этотъ обмѣнъ мыслей былъ чрезвычайно пріятенъ для миссъ Роллестонъ, ибо, благодаря отличной памяти и громадной начитанности, мистеръ Гэзель былъ ходячимъ словаремъ, зналъ все и обо всемъ. Но когда она касалась религіозныхъ предметовъ, то, къ крайнему ея удивленію, хотя она встрѣчала въ немъ такое же глубокое знаніе, какъ и въ другихъ вещахъ, пасторъ говорилъ о религіи очень холодно и безъ малѣйшаго благоговѣнія. Она, наконецъ, не выдержала и сказала:—«Трудно повѣрить, чтобы вы были миссіонеръ». При этихъ словахъ онъ такъ смутился, что ей стало его жаль, и она нѣжно прибавила:—Извините меня, мистеръ Гэзель, мое замѣчаніе было совершенно не кстати.

— Нисколько, отвѣчалъ онъ, — конечно, я не гожусь въ миссіонеры, иначе меня бы здѣсь не было.

Миссъ Роллестонъ пристально взглянула на него и ничего не сказала; но его отвѣтъ и выраженіе лица доказали ей, что онъ былъ человѣкъ ни мало не честолюбивый и не обидчивый.

Дни шли за днями съ такимъ однообразіемъ, что Эленъ непременно впала бы въ уныніе, еслибъ мистеръ Гэзель, искусно разнообразя бесѣды, не обращалъ ея вниманія то на одинъ интересный предметъ, то на другой. Поразительная скромность дѣлала его умъ подобнымъ бібліотекѣ, которая нѣма, пока къ ней никто не обращается за свѣденіями, но громадный запасъ

его знаній былъ по истинѣ изумителенъ. Эллень, напримѣръ, училась хорошо ботаникѣ и ясно замѣчала, что мистеръ Гэзель нарочно скрывалъ, что онъ знакомъ съ этой наукой гораздо больше, чѣмъ она. Точно также присутствуя однажды при разговорѣ Гэзеля съ корабельнымъ докторомъ, она была свидѣтельницей, какъ докторъ не могъ скрыть своего удивленія, что пасторъ зналъ химию гораздо лучше его. Наконецъ, въ одно свѣтлое утро, наступившее послѣ десятидневныхъ тумановъ, Гэзель привелъ въ восторгъ весь экипажъ Прозерпины своимъ искусствомъ въ опредѣленія широты и долготы мѣста, въ которомъ они находились. Вайли сначала не хотѣлъ дать ему необходимыхъ для этого инструментовъ, но Гэзель, зная, что необходимыя наблюденія не дѣлаются, потому что капитанъ постоянно лежить пьяный въ своей каютѣ, шепнулъ лейтенанту, что онъ обо всемъ донесетъ Ллойдю. Тогда Вайли принужденъ былъ уступить, объявивъ громогласно, что капитанъ Гудсонъ очень боленъ и поручилъ сдѣлать наблюденія мистеру Гэзелю. Миссъ Роллестонъ, видѣвшая всю эту сцену, смотрѣла на молодого пастора съ тѣмъ восторженнымъ удивленіемъ, которое женщины питаютъ ко всему, что имъ непонятно.

Мы уже сказали, что бесѣды между Эллень и Гэзелемъ были чрезвычайно разнообразны и оживлены. Такъ однажды рѣчь зашла о благодарности, и Гэзель замѣтилъ, что онъ былъ очень жалкаго мнѣнія о людяхъ, которые распространяются о *долгѣ благодарности*, о тяжеломъ бремени и т. д. — Что касается до меня, прибавилъ онъ, — то я однажды имѣлъ такой долгъ благодарности, и сознаніе его было для меня сладостью.

— Вы, быть можетъ, всегда надѣялись уплатить этотъ долгъ? замѣтила Эллень.

— Да, я надѣялся даже противъ надежды.

— А какъ вы полагаете, вообще люди благодарны?

— Нѣтъ, миссъ Роллестонъ.

— Ну, а я полагаю, что всѣ люди благодарны, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи меня. Я видѣла примѣръ благодарности даже въ арестантѣ. Одинъ бѣдный человекъ, который за что-то былъ сосланъ, просилъ отца взять его къ себѣ въ садовники; папа на это согласился, и онъ былъ такъ благодаренъ, что

узнавъ о намѣреніи разбойниковъ ограбить нашъ домъ, стерегъ насъ нѣсколько ночей сряду, и когда дѣйствительно разбойники явились, то онъ одного убилъ, а другихъ обратилъ въ бѣгство. Ну, развѣ это не благодарность?

Слова эти, произнесенныя съ необыкновеннымъ жаромъ, преисполнили сердце Гэзеля неописаннымъ восторгомъ, но онъ не сказалъ ни слова, и молодая дѣвушка продолжала тѣмъ же искреннимъ тономъ:—Онъ, бѣдный, былъ раненъ, и, по его выздоровленіи, мы ему выхлопотали мѣсто приказчика въ одной торговой конторѣ. Съ тѣхъ поръ, мы его потеряли изъ вида, а онъ насъ не забылъ. Моя каюта здѣсь такъ мило устроена, съ такимъ комфортомъ и вниманіемъ, что я вѣжно поблагодарила папа, но тотчасъ увидѣла, по его удивленному взгляду, что онъ тутъ не при чемъ. Теперь же, соображая все, я увѣрена, что это сдѣлалъ мистеръ Ситонъ. Бѣдный человекъ! А я даже и не узнала бы его, еслибъ увидѣла.

Мистеръ Гэзель замѣтилъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, что въ поступкахъ Ситона не было ничего удивительнаго.

— Все же, прибавилъ онъ, —чрезвычайно отраднo слышать, что въ преступникѣ остается хоть тѣнь добраго чувства.

— Въ преступникѣ! воскликнула Элленъ Роллестонъ вся вспыхнувъ, — кто вамъ сказалъ, что онъ преступникъ? Знайте развѣ навсегда, мистеръ Гэзель, что мои друзья никогда не могутъ быть преступниками. Они могутъ совершить какойнибудь легкомысленный проступокъ, какуюнибудь ошибку, но не болѣе. Бѣдный, благородный Ситонъ никогда не былъ виновенъ въ преступленіи: это очевидно.

Гэзель не отвѣчалъ съ обычнымъ своимъ искусствомъ на этотъ образчикъ женской логики; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы и такъ поспѣшно удалился, что Элленъ подумала, ужь не оскорбила ли она его чѣмънибудь, и съ нетерпѣніемъ ожидала объясненія. Но смущеніе Гэзеля никогда не объяснилось, онъ старательно избѣгалъ всякаго намека на этотъ разговоръ; но въ сознание ясно говорило Элленъ что ея горячее заступничество за друзей ни мало не повредило ей въ его мнѣніи.

Втеченіи двухъ дней вѣтеръ дулъ сильный, западный, и Прозерпина неслась съ неимоверной быстротой, такъ что сдѣ-

лала въ это время четыреста пятьдесятъ миль. Потомъ вдругъ наступила необыкновенная тишь, паруса висѣли, какъ тряпки, солнце безпощадно пекло, матросы отъ нечего дѣлать посвистывали, капитанъ пилъ горькую, а лейтенантъ потакалъ ему въ этомъ. Миссъ Роллстонъ между тѣмъ занемогла и болѣе не выходила на палубу. Гезель, одинокій и грустный, перечиталъ всѣ книги, бывшія на кораблѣ; когда ему уже нечего было читать, онъ принялся дѣлать наблюденія надъ экипажемъ Прозерпины, записывая въ свой дневникъ все, что заслуживало вниманія. Изъ этого-то дневника, для лучшаго уясненія читателямъ послѣдующихъ событій нашего разсказа, мы теперь приведемъ нѣсколько отрывковъ.

Отрывки изъ дневника мистера Гезеля.

«Между нашими матросами особенно замѣчательны Джонъ Вельчъ и Самуэль Куперъ, которые связаны между собою узами давней дружбы. Оба они весьма искусные моряки, но Вельчъ словоохотливъ, а Куперъ, напротивъ, чрезвычайно молчаливъ, за то каждое его слово всегда кстати. Я спросилъ однажды Вельча, почему онъ такъ любитъ Купера, онъ отвѣчалъ: — «Вотъ видите, сэръ, онъ мой товарищъ и отличный морякъ; къ тому же онъ хорошо воспитанъ и умѣетъ держать языкъ за зубами.» Я потомъ спросилъ Купера, почему онъ такъ любитъ Вельча? Онъ долго не хотѣлъ отвѣчать, наконецъ промолвилъ: — «славная компанія». Эта дружба, хотя и грубо выражается, но она по истинѣ трогательна, и я увѣренъ, что каждый изъ друзей съ радостью принялъ бы другъ за друга дюжину палокъ. Я также однажды думалъ, что нажилъ такого друга.

«Капитанъ Гудсонъ замѣчательная личность или, вѣрнѣе сказать, въ немъ двѣ личности: онъ одинъ человѣкъ, когда трезвъ, и другой, когда пьянъ, что случается очень часто. Трезвый Гудсонъ — грубый, мужиковатый морякъ, чрезвычайно энергичный и опытный; онъ преданъ своему дѣлу, никогда ни съ кѣмъ не разговариваетъ, не спускаетъ глазъ съ команды и однимъ взглядомъ обнимаетъ весь свой корабль отъ мачтъ до малѣйшихъ веревокъ. Пьяный Гудсонъ, — болтливый, задорный человѣкъ, преслѣдующій всѣхъ нескончаемыми разсказами о своихъ бывшихъ корабляхъ; о настоящемъ же онъ ни мало не

заботится, его орлиный глазъ тускнѣетъ, и онъ ничего не видитъ, ничего не замѣчаетъ. Первыми признаками его пьянства служить его красный носъ и постоянно повторяемая фраза: «*мой домъ къ хозяевамъ только въ тѣ минуты, когда онъ забываетъ совершенно о всякомъ долгѣ.* Все это было бы очень смѣшно, есдибъ не всеяло опасеній за сохранность корабля. Страшно подумать, что *ея* драгоценная жизнь въ рукахъ такого ненадежнаго человѣка!

«Лейтенантъ Джозефъ Вайли не такъ эксцентриченъ, какъ капитанъ, но, быть можетъ, человѣкъ еще болѣе замѣчательный; онъ одинъ изъ тѣхъ могучихъ, крѣпкихъ натуръ, которыхъ природа повидимому создала для того, чтобъ онѣ достигали своихъ цѣлей прямой силой; но онъ никогда не прибѣгаетъ къ этой силѣ, напротивъ, онъ всегда подкрадывается, какъ кошка, заглядываетъ во всѣ углы и подозрительно подсматриваетъ за всѣми. Я вижу ясно, что онъ слѣдитъ за мною и подслушиваетъ мои разговоры съ *ней*. Онъ очень со мною учтивъ, но замѣтно меня избѣгаетъ. Вообще въ немъ есть что-то странное, непонятное. Почему онъ не хотѣлъ взять меня на Прозерпину? почему сказалъ ложь, увѣряя, что мнѣ не было мѣста, тогда какъ даже теперь есть двѣ пустыя каюты, которыми онъ завладѣлъ?

«Я только что узналъ отъ одного изъ юнговъ, что Вайли въ своей, или лучше сказать, въ своихъ каютахъ держитъ нѣсколько боченковъ водки и опаиваетъ капитана. Это, конечно, очень неблагоприятно, и я боюсь, что онъ это дѣлаетъ съ цѣлью подкопаться подъ капитана и получить его мѣсто. Но между тѣмъ корабль подвергается всевозможнымъ опасностямъ, ибо капитанъ всегда пьянъ, а Вайли, по словамъ Купера и Вельча, очень плохой морякъ. Мнѣ надо слѣдить хорошенько за этимъ низкимъ интригантомъ и, въ случаѣ крайности, предупредить капитана, чтобъ онъ не очень полагался на своего коварнаго друга.

«Вѣтеръ снова поднялся, Прозерпина быстро несется, и Э. Р. заняла опять свое мѣсто, на палубѣ. Все теперь, ирсіяло на

мрачномъ кораблѣ. Удивляюсь, какъ мы могли жить не видя ея. Я привѣтствовалъ ее какъ можно покойнѣе, но голосъ мой дрожалъ и сердце лихорадочно билось. Она сказала мнѣ, что путешествіе очень ее утомляетъ, и что это послѣднее, которое она когда либо предприметь. Какъ странно, какъ дьявольски странно, чтобы *она* полюбила *его*! Но любить ли она его? Можетъ ли она его любить? Любила ли бы она его, если бы знала все? Она узнаетъ все, прежде чѣмъ выйдетъ за него замужъ, но теперь еще рано, молчи мое буйное сердце!»

«Въ прошлую ночь, лежа въ каютѣ, я слышалъ нѣсколько тяжелыхъ ударовъ о бокъ корабля. Я очень испугался и побѣжалъ прямо къ капитану; но вѣтеръ былъ такъ силенъ, что я долженъ былъ пробираться почти на четверенькахъ. Проходя мимо каюты лейтенанта, я слышалъ снова тѣже удары; я прислушался, и теперь ясно было, что удары эти раздавались внутри корабля. Добравшись до капитана, я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло. «О! сказалъ онъ: это вѣрно Вайли заколачиваетъ свои ящики». Но я возразилъ, что ударяли о бокъ корабля, а не вбивали гвозди, и, наконецъ, по моей настоятельной просьбѣ, онъ вышелъ изъ каюты и началъ прислушиваться. Вскорѣ съ страшнымъ ругательствомъ онъ воскликнулъ, что олухъ лейтенантъ пробьетъ такими ударами тонкую стѣнку корабля; и толкнувъ ногою въ дверь каюты Вайли, онъ хотѣлъ войти, но она была заперта. Въ ту же минуту странные звуки прекратились. Мы стали звать лейтенанта, но долго не получали никакого отвѣта; наконецъ, Вайли вышелъ изъ констапельской. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ, но спокойно спросилъ, въ чемъ дѣло. Я отвѣчалъ, что ему лучше это должно быть известно, ибо онъ только — что вышелъ изъ того самаго мѣста, гдѣ раздавались удары.

— Удары? сказалъ онъ, — можетъ быть. Одинъ тирсъ оторвался и бьетъ по трюму.

Потомъ онъ спросилъ, за этимъ ли только его беспокоили, и, не дожидаясь отвѣта, поспѣшно ушелъ въ свою каюту, дерзко захлопнувъ дверью намъ подъ носъ. Я замѣтилъ капитану, что поведеніе Вайли было очень непочтительно; капитанъ съ этимъ

согласился, замѣтивъ, что Вайли очень грубое, дерзкое, неуживчивое животное, и что онъ желалъ отъ него отдѣлаться.

— «Но вотъ видите, сэръ, прибавилъ онъ, — этотъ нахалъ пользуется довѣріемъ хозяина корабля, и я долженъ его терпѣть». Тутъ онъ разразился самыми крупными ругательствами и проклятіями, и я поспѣшилъ съ нимъ разстаться.

«На другой день я видѣлъ, какъ капитанъ разговаривалъ съ лейтенантомъ самымъ дружескимъ тономъ. Этотъ Гудсонъ странный человѣкъ: я убѣжденъ, что между нимъ и Вайли кроется какая нибудь тайна.

.....

«Сегодня Э. Р. была на палубѣ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, и присутствіе этого ангела наполняло мою душу счастьемъ; но это счастье недолго продолжалось. Мы вдругъ повстрѣчались съ пароходомъ, шедшимъ въ Сидней, и по данному сигналу Гудсонъ послалъ лодку, которая и привезла письмо Э. Р. Повидимому Прозерпину приняли за Шанонъ, на которомъ она должна была находиться. Письмо было отъ *нею*. О! какъ вспыхнули ея щеки и заблестѣли ея глаза при видѣ знакомаго почерка! И какое мрачное отчаянье наполняло мою душу! Я бросился съ палубы, ибо чувствовалъ, что не совладаю съ собою. Что значить быть богатымъ... Благодаря богатству, этотъ подлець можетъ протянуть руку черезъ океанъ и вручить ей письмо, подъ самымъ моимъ носомъ. И въ одну секунду изчезло все преимущество, которое я, казалось, приобрѣлъ надъ нимъ, благодаря его отсутствію. Онъ теперь не въ Англии, онъ здѣсь. Его ненавистное присутствіе обратило меня въ бѣгство. О, какъ радъ я былъ бы лежать въ могилѣ или вовсе не родиться на свѣтъ, только не чувствовать бы въ сердцѣ этого ада любви и ненависти!»

Здѣсь мы прекратимъ выписки изъ дневника Гэзеля и снова будемъ продолжать нашъ рассказъ.

Гэзель, дѣйствительно, бѣжалъ при видѣ, съ какой радостью Элленъ Роллестонъ стала читать письмо Артура Вордло. Онъ

удалился не только потому, что его душевныя страданія были невыносимы, но также изъ боязни проговориться. Онъ рѣшилъ открытъ тяготившую его тайну только по прибытіи въ Англію и хорошо понималъ, что для подобнаго дѣла теперь не время наконецъ, прежде чѣмъ повѣдать все Эленъ Роллстонъ, ему надо было раскрыть свою тайну другимъ. Но оставимъ на минуту Гэзеля, терзаемаго отчаяніемъ, возвратимся къ молодой дѣвушкѣ и прочтемъ вмѣстѣ съ нею письмо Артура Вордло.

«Россель—сквэръ.

15 декабря 1865 г.

«Милая Эленъ,

Узнавъ, что Антилопа идетъ въ Сидней мимо мыса Горна, я просилъ капитана поймать въ морѣ Шанонъ, и если только позволитъ погода, передать тебѣ эти строки. Конечно, вѣроятнѣе, что ты ихъ не получишь. Но все же случай можетъ намъ благоприятствовать, въ то время, какъ сердце мое такъ полно тобою, что я съ радостью пользуюсь первою возможностью излить накипѣвшія чувства. Притомъ я представляю себѣ, какъ просіяетъ твое прелестное личико, когда среди океана ты получишь неожиданное письмо. Такимъ образомъ, я предвкушаю величайшее счастье, которое только могу себѣ представить — счастье доставить удовольствіе моей милой Эленъ.

«Новаго у меня нѣтъ ничего. Ты знаешь, какъ горячо и преданно я тебя люблю, знаешь такъ хорошо, что я полагаю увѣрять тебя въ этомъ совершенно излишне. Скоро, скоро придетъ время, когда самое слово любовь не будетъ произноситься нами. По крайней мѣрѣ, что касается до меня, то любовью будетъ дышать каждое мое дѣйствіе, каждый взглядъ, каждое слово, и говорить о любви будетъ ненужнымъ повтореніемъ. Мы не говоримъ о воздухѣ, которымъ живемъ. Мы дышимъ имъ, мы говоримъ имъ, но не о немъ.

«Я полагаю, что всѣ влюбленные ревнивы, и я съума бы сошелъ, еслибъ ты когда нибудь дала въ своемъ сердцѣ мѣсто сопернику; но я не понимаю тѣхъ, которые желали бы запретить любимому существу питать привязанность къ кому бы то ни было, исключая ихъ самихъ. Я знаю, что моя Эленъ любитъ своего

отца, любить столько же, а можетъ быть, и болѣе, чѣмъ меня. И однако же, я его также люблю. Смотри на этого благороднаго, мужественнаго, честнаго человѣка, я всегда говорю себѣ: «вотъ твой благодѣтель, еслибъ не онъ, то не было бы на свѣтѣ твоей Элленъ!» Теперь скажу тебѣ, моя дорогая, что я случайно, какъ это иногда бываетъ въ торговомъ мѣрѣ, имѣю возможность повліять на военныя власти; и благодаря этому вліянію, а болѣе его собственнымъ, всѣми признаннымъ достоинствамъ, твой отецъ, по всей вѣроятности, скоро получитъ такое мѣсто, которое позволитъ ему возвратиться въ Англію и жить въ довольствѣ. Онъ можетъ поселиться съ нами, но, конечно, это будетъ зависѣть отъ него.

«Ожиданіе этого благополучія и моего собственнаго, еще большаго счастья отвращаетъ мой умъ на мгновеніе отъ постоянно гнетущаго, его безпокойства. Теперь моя Элленъ на морѣ, на страшномъ жестокомъ, коварномъ морѣ, которое не жалѣетъ ни красоты, ни добродѣтели. Я велѣ дѣла нашей конторы продолжать нѣсколькихъ лѣтъ и полагалъ, что по опыту знакомы мнѣ заботы и безпокойства, но теперь я вижу, что никогда не знавалъ ни того, ни другаго. У меня въ морѣ два корабля: Шанонъ и Прозерпина. На Прозерпинѣ восемнадцать ящиковъ золота, стоющіе 130,000 фунтовъ; и мнѣ рѣшительно все равно, придетъ ли она благополучно или погибнетъ. Но на Шанонѣ моя красавица, и каждый малѣйшій шелестъ вѣтра будитъ меня ночью, и каждый день я бѣгу, какъ сумасшедшій, къ Ллойдю, чтобъ взглянуть на анемометръ. О Боже! будь милосердъ и возврати мнѣ моего ангела! о Боже! будь правосуденъ, и не карай ее за мои прегрѣшенія.

«Кромѣ опасностей отъ непогоды, на морѣ есть и другія, которыхъ можно избѣгнуть при осторожности. Умоляю тебя, будь осторожна въ пищѣ и избѣгай ночного воздуха, ради того, который жить не можетъ безъ тебя. Когда я уѣзжалъ, ты далеко не была такъ хороша на взглядъ, какъ бывала прежде. О! еслибъ я только могъ убѣдить тебя, что ты обязана себя беречь!

«Но зачѣмъ тебя огорчать моими опасеніями: лучше поговоримъ о моихъ надеждахъ. Какъ радужны онѣ! Сколько радости,

сколько счастья меня вскорѣ ожидаетъ! Я часто спрашиваю себя, чѣмъ я заслужилъ такой рай?!

«Родная моя, когда мы будемъ составлять одно, то будемъ ли мы дѣлать каждую мысль, или мнѣ лучше скрывать отъ твоего чистаго, незапятнаннаго ума все, что касается торговли и спекуляцій? Иногда мнѣ кажется, что высшимъ счастіемъ было бы не имѣть ничего отъ тебя скрытнаго, и что ты, своимъ ангельскимъ дыханіемъ, очистила бы мои дѣла отъ всѣхъ соблазновъ; но есть минуты, когда я говорю себѣ: «о, никогда не омрачай этого ангела твоими низкими дѣлами, но, послѣ тяжелыхъ трудовъ, отправляйся къ ней на нѣсколько блаженныхъ мгновеній, улетай съ земли на небо». Но ты рѣшишь этотъ вопросъ, какъ и всѣ другіе.

«Неужели надо уже кончать письмо, когда я еще ничего не сказалъ... Да, я кончу, вѣдь, можетъ быть, ты и не получишь этихъ строкъ. Запечатавъ письмо, я горячо его прижму къ сердцу и вознесу къ небу пламенную мольбу, чтобы оно достигло тебя, и чтобы ты благополучно перенеслась въ объятія того, кто не знаетъ ни минуты покоя, пока не увидитъ тебя снова.

Твой преданный, любящій

Артуръ Вордло».

Элленъ Роллестонъ прочла это письмо нѣсколько разъ, не смотря на его отрывочный, нелитературный стиль. Она видела дѣловыя письма Артура, бывшія образцами краткости и точности, но она не высоко цѣнила подобныя произведенія. Это же письмо ей пришлось по сердцу. Она вся покраснѣла отъ удовольствія, съ сіяющей улыбкой смотрѣла на него, цѣловала его и снова перечитывала. Однако, мало-по-малу, ея настроеніе измѣнилось, и когда мистеръ Гэзель, собравшись съ силами, снова появился на палубѣ, онъ нашелъ ее всю въ слезахъ. Одной рукой она поддерживала свою поникшую голову, другой держала пальто, и вся ея поза была до того прелестна, хотя и грустна, что Гэзель остановился въ нѣмомъ восторгѣ.

Увидѣвъ его, она инстинктивно отвернулась, чтобы скрыть слезы; но черезъ минуту сказала съ спокойнымъ достоинствомъ:

— Зачѣмъ мнѣ скрывать мое горе отъ васъ, сэръ? Мистеръ Гэзель, могу ли я говорить съ вами, какъ съ пасторомъ?

— Конечно, отвѣчалъ Гэзель нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Она указала ему на табуретъ, и онъ сѣлъ подлѣ нея. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она молчала, губы ея дрожали, но, пересиливъ свое волненіе, она произнесла довольно твердымъ голосомъ:

— Я вамъ открою тайну, которую я даже скрывала отъ отца. Мнѣ недолго остается жить.

Она произнесла это спокойно, и спокойно смотрѣла на него.

Гэзель въ первую минуту былъ пораженъ изумленіемъ, потомъ сердце его переполнилось ужасомъ.

— Что вы хотите сказать? проговорилъ онъ съ трудомъ, — что это такое?

— Благодарю васъ за сочувствіе, нѣжно сказала Эленъ, — я вамъ все скажу. У меня бываютъ не частые, но сильные припадки кашля, и я даже харкаю кровью. Вы знаете, это дурной признакъ. Это продолжается уже четыре мѣсяца, и я очень похудѣла и ослабѣла. Моя рука была прежде пухлая, а теперь посмотрите на нее!... Бѣдный Артуръ!

Она отвернула голову, и слезы снова покатались по ея щекамъ; Гэзель съ безмысленнымъ ужасомъ смотрѣлъ на прелестную, но исхудалую руку, протянутую къ нему, и на письмо Артура Вордло, крѣпко стиснутое въ другой рукѣ. Онъ не промолвилъ ни слова, но блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Успокойтесь, пожалуйста, сэръ, сказала она, — не будемте болѣе объ этомъ говорить, но вы теперь, конечно, не удивитесь, что я прибѣгла къ вашей духовной помощи и утѣшенію, несмотря на наше недавнее знакомство.

— Я не въ состояніи васъ утѣшать, произнесъ Гэзель въ сильномъ волненіи, — я могу думать теперь только о томъ, какъ васъ спасти. Да поможетъ мнѣ Богъ!

— Это все напрасно, возразила Эленъ Роллестонъ нѣжно, но твердо; — я лечилась мѣсяцами у лучшаго доктора, и мнѣ становилось все хуже и хуже. Нѣтъ, мистеръ Гэзель, я никогда не выздоровлю. Моя мать умерла въ мои годы, и отъ той же болѣзни. Для меня все кончено. Помогите мнѣ, сэръ, преклонитесь съ

покорностью воли Божьей. Я не ропщу, не сожалею мира, но мнѣ грустно думать, какъ отзовется моя смерть на всѣхъ тѣхъ, кто мнѣ дорогъ. Особенно она поразитъ того, кто ожидаетъ меня теперь съ такимъ нетерпѣніемъ въ Англію. Я увѣрена, что не дожду. Вы же увидите его, когда онъ явится на корабль... и услышите... увидите...

Она умолкла и поникла головой надъ письмомъ. Потомъ она взглянула на него, покраснѣла и, послѣ минутнаго колебанія, отдала его тому, къ кому она обратилась за духовной помощью. Письмо было омочено ея слезами.

— Сдѣлайте одолженіе прочтите письмо, и тогда, я увѣрена, вы исполните мою просьбу. Бѣдный Артуръ! онъ такъ полонъ надеждъ, а я ихъ разрушу!

Она встала, чтобъ скрыть свое волненіе и, оставивъ письмо Артура Вордло въ рукахъ человѣка, любившаго ее, быть можетъ, еще пламеннѣе Артура, стала задумчиво ходить взадъ и впередъ по палубѣ.

Гэзелъ стоялъ неподвижно съ письмомъ въ рукахъ; страшный ударъ, такъ неожиданно разразившійся надъ нимъ, поразилъ его до оцѣпененія, онъ какъ бы остолбенѣлъ. Но выхода ему не было, онъ долженъ былъ прочесть письмо, не смотря на все свое отвращеніе. Онъ прочелъ его внимательно до конца, хотя нѣсколько разъ едва не упалъ въ обморокъ.

— Онъ любитъ меня, не правда ли—любитъ! воскликнула миссъ Роллестонъ, когда Гэзелъ сталъ внимательно разсматривать подпись Артура Вордло.

Гэзелъ бессмысленно взглянулъ на нее, но черезъ минуту, съ присущимъ ему чистосердечіемъ, произнесъ:

— Да, человѣкъ написавшій это письмо васъ любитъ.

— Такъ вы его пожалѣете... и я могу васъ попросить... тотъ ударъ будетъ ему такъ страшенъ, такъ неожиданъ. Скажите ему, какъ можно осторожнѣе, нѣжнѣе, скажите ему, что его Эленъ...

Тутъ Гэзелъ отдалъ ей письмо, съ какимъ-то лихорадочнымъ, почти грубымъ движеніемъ, и быстро отвернулся.

— Мистеръ Гэзелъ, неужели вы не исполните моей просьбы?

Гэзелъ снова обернулся и лицо его исказилось страстью. Онъ

закрывъ его руками, но черезъ секунду, устремивъ на Эленъ взглядъ, полный самой жгучей любви, отвѣчалъ на ея мольбу однимъ словомъ:

— Нѣтъ.

ГЛАВА IX.

Этотъ прямой рѣзкій отказъ изумилъ Эленъ Роллестонъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ произнесенъ такимъ угрюмымъ, даже жесткимъ тономъ, какого она не слыхала отъ этого мягкаго, добродушнаго пастора. Она подумала, что вѣрно поступила дурно, заявивъ ему свою просьбу, и, покраснѣвъ отъ стыда, въ замѣшательствѣ глядѣла на него.

— Моя обязанность, сказалъ онъ, — продлитьъ вашу драгоценную жизнь. а поддерживать въ васъ мысль о смерти принесетъ вамъ только вредъ. Не надѣйтесь, чтобъ я потакалъ вашей слабости. Дозвольте мнѣ быть вашимъ врачомъ.

— Благодарю, отвѣчала холодно Эленъ, — у меня есть свой докторъ.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь; но онъ вполне доказалъ свою неспособность, дозволивъ вамъ жить на сладкихъ печеніяхъ и сладостяхъ, тогда какъ это для васъ чистѣйшій ядъ. Болѣзнь легкихъ вылечивается, но не микстурами и вредной пищей.

— Мистеръ Гезель, отвѣчала молодая дѣвушка, — бросимъ этотъ разговоръ, онъ принимаетъ вовсе не интересный оборотъ.

— Быть можетъ для васъ, но не для меня.

— Извините, сэръ, видя ваше дружеское участіе ко мнѣ, я думала, что вы не откажете въ первой моей просьбѣ и, она, гордо выпрямившись, прибавила, — нужно ли мнѣ говорить, въ послѣдней.

— Вы несправедливы ко мнѣ, грустно произнесъ Гезель, — вы страшно несправедливы. Чтобъ я отказалъ вамъ въ чемъ нибудь для васъ полезномъ, — я, который съ радостію отдалъ бы жизнь за васъ.

— Мистеръ Гэзель! воскликнула молодая дѣвушка, отодвигаясь отъ него. Она задрожала всѣмъ тѣломъ, но, тотчасъ же оправившись, сказала съ убійственнымъ хладнокровіемъ и достоинствомъ:—Сэръ, вы дали мнѣ сегодня тяжелый и горькій урокъ. Вы во зло употребили санъ пастора и то довѣріе, которое онъ мнѣ внушалъ; съ этой минуты, мы другъ друга не знаемъ.

Послѣ этого разговора Эленъ Роллестонъ и мистеръ Гэзель никогда не говорили болѣе другъ съ другомъ. Встрѣчая его на палубѣ, она проходила мимо съ холоднымъ презрѣніемъ. Онъ безмолвно преклонялся ея волѣ и никогда не заговаривалъ съ нею. Но его твердое постоянство въ достиженіи разъ предположенной цѣли равнялось его деликатности, и потому миссъ Роллестонъ, въ одинъ прекрасный день, нашла на своемъ столѣ записку о лучшихъ средствахъ къ исцѣленію болѣзни легкихъ, подкрѣпленную авторитетами лучшихъ медиковъ. Она тотчасъ отослала записку, приписавъ карандашемъ, что она всѣми силами будетъ стараться сохранить свою жизнь, но, относительно средствъ будетъ слѣдовать только своему собственному разсудку. Но женщины, всегда женщины; и прежде чѣмъ, съ презрѣніемъ отвергнула его совѣтъ, она старательно его списала. Гэзель отвѣчалъ:—«Живите по какому бы то ни было побужденію, только живите». На это онъ не получилъ никакого отвѣта, и несчастный влюбленный не безпокоилъ болѣе гордой красавицы до тѣхъ поръ, пока не случилось событіе совершенно иного рода.

Однажды ночью онъ сидѣлъ на палубѣ, прислонясь къ гротъ-мачтѣ и, погруженный въ грустныя думы, наконецъ задремалъ. Вдругъ онъ вскочилъ въ испугѣ, пробужденный странными звуками въ трюмѣ. Ночь была тихая, ясная, и всѣ звуки какъ бы усиливались въ общемъ безмолвіи. Гэзель прислушался: нѣдра корабля словно грызла гигантская крыса. Гэзель, подстрекае-

мый любопытствомъ, тихо спустился по лѣсенкѣ, желая по-смотреть, что въ сущности производило эти странные звуки. Но достигъ до мѣста, откуда они неслись, было трудно, ибо надо было провикнуть подъ докъ. Пока онъ недоумѣвалъ, что ему предпринять, онъ вдругъ увидѣлъ свѣтъ, мелькавшій сквозь маленькій лючекъ, сзади, лейтенантской каюты. Слышавные имъ звуки раздавались по близости этого свѣта; и Гэзель вдругъ припомнилъ, что онъ, во время буря, слышалъ таинственный стукъ въ этомъ же самомъ мѣстѣ. Въ умѣ его тотчасъ блеснуло подозрѣнiе. Онъ остановился, и сталъ прислушиваться: таинственная крыса продолжала свою работу. Гэзель снялъ башмаки и тихо, неслышно, подкрался къ маленькому люку.

Онъ просунулъ голову въ отверстiе, и устремилъ изумленный взглядъ въ мрачную дыру, существованiе которой онъ и не подозрѣвалъ. Въ сущности, это было пустое пространство между грузомъ и бокомъ корабля. Эта деревянная пещера была очень узка и имѣла около пятнадцати футовъ длины. Свѣча видѣлась въ дальнемъ ея концѣ, и между свѣчей и Гэзелемъ возвышалась какая-то фигура. Человѣкъ этотъ былъ занятъ своей работой и стоялъ въ полуоборотъ къ неожиданному посѣтителю. Свѣтъ былъ, такимъ образомъ, частью скрытъ, но все же громадныя ребра корабля рельефно выступали изъ темноты, а за этой углой деревянной стѣнкой слышался плескъ безпредѣльнаго моря. Было что-то грозное, торжественное въ этомъ зрѣлищѣ, напоминавшемъ въ очю, что между этой мрачной дырой и водянымъ чудовищемъ, между жизнью и смертью былъ только одинъ шагъ.

Что же долженъ былъ почувствовать Гэзель въ эту роковую минуту, въ этомъ роковомъ мѣстѣ, когда онъ увидѣлъ кто былъ стоявшій передъ нимъ работникъ, и что онъ работалъ!

Это былъ Джозефъ Вайли. Его профиль, освѣщенный мерцающимъ пламенемъ свѣчки, казался страшнымъ, призрачнымъ. Въ рукахъ онъ держалъ огромный буравъ и сверлилъ имъ большую дыру въ стѣнкѣ корабля, подъ самой ватеръ-линей. Окончи онъ свое дѣло — море вступило бы въ вѣдра корабля и корабль, со всѣмъ находившимся на немъ грузомъ, погрузился бы на дно океана.

Гезель остолбенѣлъ, мысли у него спутались, въ глазахъ помутилось; черезъ мгновеніе, сознавъ всю неизбѣжность грозившей гибели, онъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, волоса у него стали дыбомъ, и онъ не могъ промолвить ни слова.

Между тѣмъ буравъ вошелъ въ дерево по самую рукоятку и Вайли быстрымъ движеніемъ выхватилъ буравъ одной рукой, а другой, въ тоже мгновеніе, вбилъ молоткомъ въ отверстіе деревянный клинъ. Но не смотря на всю его быстроту, струя воды брызнула изъ отверстія. Не теряя ни секунды, Вайли продолжалъ колотить молоткомъ по клину, и потомъ, схвативъ обѣими руками большой молотъ, окончательно вогналъ втулку.

Тогда Гезель, собравшись съ силами, громко вскрикнулъ. Вайли обернулся, устремилъ на него изумленный, испуганный взглядъ и, отскочивъ шага два, опрокинулъ свѣчку.

Все погрузилось въ мракъ. Безмолвная, мертвая тишина прерывалась только глухимъ плескомъ морскихъ волнъ.

(Продолж. въ слѣд. книжкѣ).

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ.

I.

«Не пеки, жена, блиновъ миѣ,
А не то, я распеку».
А жена перечить мужу:
— «Вотъ на зло да напеку...»
«Не носи блиновъ миѣ въ поле,
Заруби ты на носу...»
А жена перечить мужу:
— «Вотъ на зло да принесу».
«А пойдешь, такъ мостъ минуй ты...»
— «Черезъ мостъ на зло пойду...»
«Не клади въ подолъ каменьевъ...»
— «Непремѣнно накладу...»
«Да не прыгай съ моста въ воду...»
А жена кричитъ: «спрыгну!...»
«Не вспугни чертей въ болотѣ...»
А жена кричитъ: «вспугну!...»

* *
* *

Въхалъ мужъ чрезъ мостъ обратно,
А его чертенокъ вплавъ
Догоняетъ: «Другъ любезный!
Отъ жены своей — избавь!...
Отъ нея теперь житья нѣтъ
Миѣ въ водѣ...» — «Ну ладно, братъ:
Коль тебѣ съ ней тошно стало,
Такъ возьметъ-ли мужъ назадъ?»

II.

Ходить, ротъ розиня,
По Москвѣ Тарась.
Все въ столицѣ диво
Для мужицкихъ глазъ.
Передъ колокольной
Сталь онъ, и глядитъ:
«Галокъ-то, вотъ галокъ
Сколько тамъ сидитъ».
Сталь считать онъ галокъ,
Вдругъ солдатъ идетъ...
«Ну, чего стоишь ты
Здѣсь розиня ротъ?
Свалишь только зубы?»..
— «Галокъ счесть хочу,
Господинъ служивый»...
«Я-те проучу..
Ты казенныхъ галокъ
Въ городѣ считалъ?
Нѣтъ, шалишь, другъ милнй,
Маршъ за мной въ кварталъ».
— «Смилуйся, служивый!
Въ чемъ я виноватъ?»
«Въ чемъ? казенныхъ галокъ
Не считай здѣсь, братъ...»
— «Смилуйся, служивый!
Ты ужь больно крутъ...»
«Ну, пойдѣмъ, въ кварталѣ
Дѣло разберутъ».
— «Смилуйся, служивый!
Хочешъ денегъ взять?»
«Ну, а сколько галокъ
Смѣль ты насчитать?»
— «Три десятка...» — «Ладно,
Нравъ не злобенъ мой,—
Дай мнѣ тридцать гривенъ
И пошелъ домой.»

— «На, служивый, только
Не води лишь въ часть:
Знамо, въ это мѣсто
Нѣ-любо попасть!..»
Вотъ въ артель вернулся
Съ хохотомъ Тарась.
«Ты чему смѣешься?
Али съ пьяныхъ глазъ?»
Говорять Тарасу...
«Ну, чему ты радъ?»
— «Москаля надулъ я,
Даромъ что солдатъ:
Насчиталъ я галокъ
Сотни двѣ—смотри,
А его увѣрилъ,
Что десятка три.
Только тридцать гривенъ
Отдалъ ему я...
Что же, братцы, смѣтка
Есть ли у меня?..»

Д. Минаевъ.

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.

(Романъ Фр. Шпизгагена).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Мы стояли въ глубокой нишѣ у открытаго окна классной комнаты. На тихомъ дворѣ привольно играли воробьи, и лучи осенняго солнца, скользившіе по старымъ стѣнамъ, падали на траву, пробивавшуюся сквозь плиты. Изъ высокой мрачной комнаты, пропитанной школьной атмосферой, раздавался гулъ голосовъ нашихъ товарищей; всѣ они, за исключеніемъ насъ, сидѣли уже на мѣстахъ, склонившись надъ своими Софоклами, и ждали съ минуты на минуту прихода „старинны“, потому что рекреационная четверть часа уже прошла.

— „Увидишь“; повторилъ я еще разъ, въ ту минуту, какъ дверь отворилась, и „онъ“ вошелъ. „Онъ“, профессоръ Ледереръ, временно исправлявшій должность директора гимназіи, прозванный на шеольномъ нарѣчьи „старинной“, въ сущности не былъ старъ. Ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ; маленькая, уже обсыпанная просѣдью голова его выходила изъ накрахмаленныхъ воротничковъ снѣжной бѣлизны; на длинномъ, изумительно-худощавомъ туловищѣ красовался, и лѣтомъ и зимой, сюртукъ изъ самаго тонкаго сукна, застегнутый на-глухо. У него были бѣлыя, изящныя руки, съ длин-

ними, заостренными ногтями; когда онъ, — что случалось довольно часто, — въ нервномъ возбужденіи размахивалъ этими руками подъ самыми моими глазами, я изумлялся бѣлизнѣ ихъ; раза два я съ трудомъ удержался отъ искушенія схватить эту изящную руку и раздавить ее въ своихъ широкихъ, грубыхъ ладоняхъ. Профессоръ Ледереръ направлялся отъ двери къ кафедрѣ двѣнадцатью мѣрными шагами, исполненными необыкновеннаго достоинства; голова и глаза его были слегка опущены; на лицѣ выражалась сосредоточенная мысль. Онъ казался жрецомъ, идущимъ совершить жертву на алтарѣ, или Цезаремъ, вступающимъ въ сенатъ — во всякомъ случаѣ существомъ, далекимъ отъ современной плебейской сферы. Остановившись на пути къ кафедрѣ было бы преступленіемъ. Величественное движеніе руки служило, въ большей части такихъ случаевъ, единственнымъ отвѣтомъ профессора. Но сангвиникъ Артуръ такъ былъ убѣжденъ въ томъ, что просьба его будетъ исполнена, что охотно отказался отъ лишняго шанса въ свою пользу. Онъ заступилъ профессору дорогу и высказалъ ему свою просьбу; онъ просилъ объ увольненіи на этотъ день; это была суббота. — Ни за что, сказалъ профессоръ. — “Ради увеселительной прогулки, „ продолжалъ Артуръ, ни мало не смущаясь рѣзкимъ тономъ суроваго педагога. Его было трудно запутать, моего друга Артура. “Ради увеселительной прогулки на пароходѣ моего дяди, для изслѣдованія устричныхъ отмелей, которыя онъ снялъ два года тому назадъ. У меня есть письмо отъ отца, господинъ профессоръ“. И онъ подалъ письмо. Блѣдное лицо профессора покраснѣло отъ гнѣва. Бѣлою рукою, съ которой онъ снялъ черную перчатку, онъ сдѣлалъ классическій жестъ по направленію къ Артуру, голубые глаза его потемнѣли, какъ морская пучина, когда по небу проходятъ тучи. — Ни за что! — вскричалъ онъ въ третій разъ, прошелъ мимо Артура на кафедру, сложилъ молча бѣлыя руки, но черезъ секунду объявилъ, что слишкомъ взволнованъ, чтобы молиться, и заикаясь — почтенный педагогъ всегда заикался, когда приходилъ въ возбужденное состояніе — разразился филипикой противъ заразы, овладѣвшей молодежью, противъ пристрастія къ свѣту и суетнымъ наслажденіямъ, постоянно отличающимъ тѣхъ, надъ которыми не паритъ духъ Аполлона и

Паллады Афины; онъ помнить слова поэта, что можно порою сбрасывать съ себя серьезность, можно даже иногда плясать и пировать, но дѣйствіе должно соответствовать причинѣ; это дозволительно, когда какойнибудь Виргилій возвращается съ чужбины, или Клеопатра, свою добровольною смертию, спасаетъ отечество отъ грозящей опасности. Но какъ смѣетъ личность, завѣдомо принадлежащая къ самымъ худшимъ ученикамъ, личность, которая была бы безусловно самымъ худшимъ ученикомъ, если бы у нея не оспаривала пальмы первенства другая личность, положительно недосыгаемая въ этомъ отношеніи—здѣсь близорукіе глаза профессора обратились въ мою сторону,—какъ смѣетъ подобная личность домогаться вѣнка, который можетъ по праву украшать только чело, покрытое трудovýmъ потомъ. Можно ли упрекать его, оратора, въ строгости? Онъ не думаетъ; онъ искренно желалъ бы, онъ отъ души былъ бы радъ, еслибы личность, которую онъ покаралъ суровымъ словомъ порицанія, доказала свою невинность, переводя безъ запинокъ, великолѣпный хоръ Антигоны, что составляетъ предметъ настоящей лекціи.

Фонъ-Цереръ, начинайте.

Бѣдный Артуръ! Еще теперь, черезъ много, много лѣтъ, я живо вижу передъ собой его красивое, тогда уже нѣсколько помятое лицо, тщетно пытавшееся удержать на тонкихъ губахъ аристократически-равнодушную улыбку, съ которою онъ слушалъ разговоръ профессора, и въ настоящую минуту, когда онъ раскрылъ книгу и прочелъ съ грѣхомъ неполамъ два стиха греческаго текста. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, презрительная улыбка сбѣгала съ губъ его, и въ ту минуту, какъ онъ кончилъ, смущенный взглядъ его обратился съ мольбою о помощи къ его сосѣду и другу. Но, Боже мой, какъ могъ я ему помочь, и онъ долженъ былъ знать лучше всякаго другого, что я не въ состояніи оказать ему помощь. Неотвратимое совершилось. Онъ превратилъ „лучъ Геліоса“ въ „щитъ Эола“ и наговорилъ еще много подобныхъ нелѣпостей. Товарищи заявляли о своихъ превосходныхъ познаніяхъ взрывами смѣха, и даже на серьезномъ лицѣ профессора появилась злобная улыбка торжества надъ уничтоженнымъ противникомъ.—„Собаки“, пробормоталъ Артуръ, поплѣдѣвшими губами, садясь на мѣсто по-

слѣ двухминутной пытки.—Отчего ты мнѣ не подсказалъ?—Я не успѣлъ отвѣтить на такой глупый вопросъ, потому что очередь дошла и до меня. Но я не чувствовалъ ни малѣйшаго расположенія подвергаться ученой пыткѣ на потѣху товарищей, и объявилъ, что еще менѣе подготовленъ, чѣмъ мой другъ, и надѣюсь исполнѣ оправдать этимъ признаніемъ отзывъ, который сдѣлалъ обо мнѣ самъ господинъ профессоръ нѣсколько минутъ тому назадъ. При этомъ я грозно посмотрѣлъ на товарищей. Они тотчасъ же перестали смѣяться, и самъ профессоръ, потому ли, что ему показалось, что онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, или потому, что онъ считалъ ниже своего достоинства отвѣчать на мою дерзкую выходку, только пожалъ плечами и отвернулся отъ насъ. Во всю остальную часть лекціи онъ былъ необыкновенно любезенъ съ прочими учениками, отпускалъ имъ остроги самого ученаго свойства, а къ намъ относился съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ.

Едва затворилась за нимъ дверь, какъ Артуръ подбѣжалъ къ первой скамьѣ и закричалъ:

— Вы опять вели себя, какъ подлецы, но я не намѣренъ здѣсь оставаться; „старина“ не придетъ сюда сегодня, а если кто другой обо мнѣ спросить, то вы скажите, что я болѣнъ.

— И обо мнѣ тоже, вскричалъ я, становясь подлѣ Артура и положивъ ему руку на плечо. — Я пойду съ нимъ, только подлецы оставляютъ друзей.

Черезъ минуту мы спустились изъ окна, отстоявшаго на 12 футовъ отъ земли, на дворъ и, прижавшись къ стѣнкѣ, чтобы профессоръ насъ не замѣтилъ, когда онъ пойдетъ изъ классовъ домой, стали обдумывать, что намъ дѣлать. Выйти изъ тѣснаго глухого задняго двора, на которомъ мы стояли, на улицу, можно было только двумя путями: или, по длиннымъ извилистымъ корридорамъ гимназіи — стараго Августинскаго монастыря—или мимо оконъ самого профессора, квартира котораго примыкала однимъ угломъ ко двору. Первый путь былъ опасенъ; часто учителя, несмотря на то, что опредѣленный для ихъ лекціи часъ уже пробилъ, еще рассказывали по корридорамъ, а намъ была дорога всякая минута. Второй путь былъ еще опаснѣе; онъ

велъ прямо черезъ логовище льва, но за то былъ короче, и мы рѣшились попробовать его. Пробираясь по стѣнѣ, подъ самыми окнами нашего класса, гдѣ уже началась вторая лекція, мы дошли до калитки, которая вела въ дворикъ³ квартиры профессора. Здѣсь все было тихо. Сквозь открытую калитку мы увидѣли профессора, который только-что вернулся и игралъ на крыльцѣ съ своимъ младшимъ сыномъ, хорошенькимъ черноволосымъ шестилѣтнимъ мальчикомъ. Онъ бѣгалъ за нимъ въ догонку и хлопалъ въ ладоши. Мальчикъ смѣялся и кричалъ; разъ онъ даже выбѣжалъ на дворъ, прямо къ кучѣ хвороста, за которой мы скрывались. Если бы эти маленькія ножки сдѣлали еще шагъ, мы были бы открыты.

Часто потомъ мнѣ приходило на мысль, что отъ этого шага зависѣла вся моя жизнь. Еслибъ мальчикъ подбѣжалъ къ намъ, то мы должны были бы выйти изъ-за хвороста, и такъ какъ эта дорога вела, прямо изъ гимназіи въ квартиру профессора, то мы, конечно, объявили бы, что шли просить у него прощенія за то, что сдѣлали ему непріятность. По крайней мѣрѣ, Артуръ признавался, что въ ту минуту какъ ребенокъ подбѣгалъ къ намъ, эта мысль промелькнула, какъ молнія, въ его головѣ. Тогда все дѣло кончилось бы нотацией, или вѣрнѣе кроткимъ увѣщаніемъ, потому что профессоръ, въ сущности, былъ человекъ добрый, мы вернулись бы въ классъ, объявили бы товарищамъ, что подшутили надъ ними, сказавъ, что думаемъ убѣжать тайкомъ, и — впрочемъ я и самъ не знаю, чтобы тогда случилось, во всякомъ случаѣ не то, что случилось на самомъ дѣлѣ. Но маленькія ножки не добѣжали до насъ, отецъ догналъ ребенка, поднялъ его на руки, такъ что черные волосы мальчика засвѣтились на солнцѣ и, лаская, понесъ его домой. На порогъ встрѣтила его жена въ папильоткахъ и въ бѣломъ кухонномъ передникѣ; затѣмъ отецъ, мать и сынъ всѣ исчезли, дворъ опустѣлъ. Теперь или никогда. Съ сильно бьющимся сердцемъ проскользнули мы въ калитку черезъ дворикъ профессорской квартиры, готическія окна которой были освѣщены косыми лучами солнца. Выходная дверь жалобно заскрипѣла, и мы, черезъ минуту, были уже на бульварѣ и направлялись быстрыми шагами, и даже

рысцою, къ гавани.—Что же ты скажешь отцу, спросилъ я.— Да ничего, онъ и не спроситъ, отвѣчалъ Артуръ,—а если спроситъ, скажу, что отпустили, нельзя же иначе. Но это будетъ чудная прогулка, я великолѣпно поучу.

Нѣскольکو минутъ мы шли молча другъ подлѣ друга. Въ первый разъ мнѣ пришла въ голову мысль, что я убѣжалъ изъ школы рѣшительно за-даромъ. Если Артура посадятъ дня на два въ карцеръ, то онъ, по крайней мѣрѣ, сегодня покутитъ, къ тому же родители его были очень свисходительны, словомъ, онъ почти ничѣмъ не рисковалъ. Я же, напротивъ, подвергался опасности быть открытымъ и наказаннымъ, не имѣя въ виду никакого удовольствія. Мой строгій старикъ отецъ не любитъ шутить, особенно такими вещами. Я снова таскалъ для другого каштаны изъ огня. Ну, что за важность. Идти скорымъ шагомъ по этой усаженной деревьями аллеѣ было во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сидѣть въ душномъ классѣ, а для меня тогда всякая шалость, всякая безразсудная выходка были привлекательны сами по себѣ. Я счелъ особеннымъ великодушіемъ со стороны моего эгоистическаго друга, когда онъ мнѣ сказалъ:

— Послушай-ка, Георгъ, поѣдемъ съ нами; дядя поручилъ мнѣ пригласить, какъ можно больше товарищей, я тебѣ говорю, чудо, что будетъ. Элиза, Коль и Эмилиа Хекепфенигъ также ѣдутъ. Я тебѣ предоставлю Эмилию, а за тѣмъ устрицы, шампанское, ананасовый пуншъ, право поѣдемъ.

— А отецъ мой? сказалъ я, но сказалъ совершенно машинально, потому что твердо рѣшился ѣхать. Эмилиа Хекепфенигъ, Эмилиа, съ своимъ тупымъ носикомъ и смѣющимися глазками, которая меня всегда особенно отличала и недавно еще, во время игры въ фанты, такъ крѣпко поцѣловала, чего вовсе не требовала игра, и ее-то Артуръ представлялъ мнѣ! Да, я поѣду, непременно поѣду, чтобы тамъ не было.

— Какъ ты думаешь, могу я ѣхать въ такомъ видѣ, спросилъ я, останавливаясь и оглядывая свой костюмъ, правда, простой и опрятный, но далеко не парадный.

— Отчего же не ѣхать, возразилъ Артуръ, — не все ли это равно, къ тому же намъ нельзя терять ни минуты.

Одѣтый въ самое лучшее платье, Артуръ даже не взглянулъ на меня и не умѣрилъ своего шага. Дѣйствительно, каждая минута была дорога. Когда мы вышли двумя узкими переулками въ гавань, съ парохода раздался звонокъ. Угловатая фигура капитана виднѣлась у колеса. Мы протѣснились сквозь густую толпу зѣваекъ и, перескочивъ черезъ трапъ въ ту минуту, когда его уже хотѣли снять, очутились на палубѣ среди самаго пестраго общества.

II.

— Какъ ты меня напугалъ! сказала г-жа фонъ-Церенъ, взявъ сына за обѣ руки; — мы уже предположили невозможное, что профессоръ Ледереръ не отпустилъ тебя. Видишь ты, Церенъ, что я была права?

— Тѣмъ лучше, возразилъ штейerratъ, — барышни были въ такомъ горѣ, что ты не придешь, Артуръ; надѣюсь, что я не сказала ничего лишняго, mademoiselle Emilie, mademoiselle Elise, галантно обратился штейerratъ къ дѣвочкамъ, въ коричневыхъ соломенныхъ шляпкахъ, которыя въ отвѣтъ захихикали. — Поздоровайся же съ дядюшкой, прибавилъ штейerratъ тише, — гдѣ же дядюшка? и онъ окинулъ взорами толпившееся на палубѣ общество.

Въ эту минуту къ намъ приблизился самъ коммерціи совѣтникъ Штреберъ. Его маленькіе свѣтло-голубые глазенки безпокойно бѣгали подъ сѣдоватыми бровями, козырекъ старомодной фуражки былъ отодвинутъ на затылокъ, лѣвый рукавъ широкаго синяго фрака съ золотыми пуговицами съѣхалъ на половину съ плеча, ножки въ желтыхъ нанковыхъ панталонахъ проворно двигались.

— Буда этотъ проклятый Юганъ...

— Позвольте представить вамъ моего Артура...

— Хорошо, хорошо! вскричалъ коммерціи совѣтникъ, не смотря на представляемаго; — ага! вотъ онъ мошенникъ! и онъ устремился къ лакею, вышедшему въ эту минуту изъ каюты съ подносомъ.

Штейерратъ и жена его обмѣнялись взглядами, въ которыхъ ясно можно было прочесть: „невѣжа“ или что нибудь въ этомъ родѣ. Артуръ обернулся къ дѣвушкамъ и сказалъ имъ что-то, что заставило ихъ расхохотаться и пригрозить ему своими зонтиками; на меня никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, потому я удалился на переднюю часть палубы, усѣлся на грудѣ канатовъ и сталъ смотрѣть въ море. Пароходъ вышелъ уже изъ гавани и слѣдовалъ лѣвѣмъ берегомъ, на которомъ виднѣлись красныя крыши домиковъ, окруженныя зелеными деревьями; на песчаномъ плоскомъ берегу мелькали какія-то фигуры, — купальщики или матросы, трудно было разобрать, — онѣ смотрѣли на пароходъ, съ шумомъ пронесившійся мимо нихъ.

По правую руку берегъ почти ускользалъ изъ виду; на дальнемъ горизонтѣ виднѣлись мѣловые берега сосѣдняго острова, надъ моремъ носились чайки, наполнявшія воздухъ своимъ однозвучнымъ крикомъ.

Утро было великолѣпное; я это видѣлъ, но не сознавалъ. Я былъ въ очень мрачномъ настроеніи духа. Если бы пароходъ коммерціи совѣтника, „Пингвинъ“, отправлялся въ Китай или Буэносъ-Айресъ, и я былъ бы пассажиромъ съ кошелькомъ, поднымъ золота, или даже простымъ матросомъ, но съ увѣренностью, что никогда не увижу болѣе ненавистныхъ башенъ родного города, рѣзко обрисовавшихся на лазурной синевѣ неба — тогда бы дѣло другое. Но теперь! что же нагоняло на меня такую меланхолю? Сознаніе моего непослушанія, страхъ неприятныхъ послѣдствій вины? О нѣтъ! Въ самомъ худшемъ случаѣ строгій отецъ только выгналъ бы меня изъ дому, какъ онъ уже не разъ грозилъ, а такое изгнаніе представлялось мнѣ освобожденіемъ отъ ига, которое становилось съ каждымъ днемъ все невыносимѣе, и я привѣтствовалъ мысль о немъ улыбкой злобнаго довольства. Такъ отчего же мнѣ было такъ грустно? Отчего? Поставьте себя на мое мѣсто; вообразите, каково школьнику, убѣжавшему изъ училища, богъ-вѣсть ради какихъ благъ, сидѣть на палубѣ парохода на канатѣ, вдали отъ веселаго общества, чувствовать общее пренебреженіе къ себѣ, потерять даже надежду, что лавей съ бутербродами и портвейномъ подойдетъ къ нему! Этотъ послѣдній знакъ

пренебреженія особенно тяжело отозвался уменя на сердцѣ. Я всегда отличался хорошимъ аппетитомъ, въ настоящее же время быстрая ходьба изъ школы въ гавань и свѣжій морской вѣтеръ еще сильнѣе раздражили этотъ аппетитъ.

Я всталъ въ порывѣ негодованія и тотчасъ же сѣлъ опять. Нѣтъ, Артуръ самъ долженъ подойти и представить меня обществу, я думаю—это не богъ знаетъ какая услуга послѣ того подвига, который я совершилъ ради него. Впрочемъ онъ мнѣ никогда не платилъ за мои услуги. Сколько удочекъ, канареекъ, раковинъ, чубуковъ, ножичковъ и т. д. перекушилъ онъ у меня; т. е. вѣрнѣе, выманилъ ласкою или силою, и ни разу не выплатилъ условленной цѣны; сколько разъ онъ занималъ у меня чистыми деньгами, если у меня оказывалась сколько нибудь солидная сумма; впрочемъ онъ не брезгалъ и двумя съ половиной зильбергрошами.

Странно, что мнѣ вздумалось подводить такіе ирраціональные итоги именно въ это ясное, чудное утро! Въ первый разъ, за все время нашей дружбы, которая завязалась между нами чуть ли не на шестомъ году отъ роду, приходили мнѣ въ голову такія мысли; я всегда любилъ хорошенькаго, стройнаго мальчика съ длинными золотистыми будрями и добрыми карими глазами, — мальчика, ходившаго въ бархатной курточкѣ, которую такъ пріятно было гладить рукою. Я любилъ его, какъ цѣпная собака любитъ комнатную болонку, которую можетъ разтерзать въ одно мгновеніе ока, любилъ его даже въ настоящую минуту, когда онъ ухаживалъ за барышнями и смѣясь прогуливался по палубѣ какъ свѣтскій молодой человекъ.

Я слѣдилъ за нимъ изъ своего уголка и мнѣ становилось все грустнѣе и грустнѣе; должно быть я былъ очень голоденъ.

Мы доѣхали до мыса, далеко выдающагося въ море и который намъ нужно было обогнуть. На берегу самаго моря видѣлся хижина, осѣненная старымъ, полусгнившимъ дубомъ, — хижина, съ которой у меня связывались дорогія воспоминанія. Въ ней жилъ кузнецъ Пиннофъ, отецъ моего друга Клауса Пиннофа. Кузнецъ Пиннофъ былъ для меня одною изъ самыхъ интересныхъ личностей въ года моего дѣтства. У него были четыре старыя зар-

жавленные двухствольныя ружья и еще огромное ружье, которыя онъ одолжалъ пріѣзжавшихъ купаться, а также и насъ, дѣтей, когда мы были при деньгахъ, потому что кузнецъ Пиннофъ рѣдко что дѣлалъ за простое спасибо; кромѣ того у него была огромная парусная лодка, которую мы дѣти прозвали катеромъ, служившая также исключительно для развлечения пріѣзжихъ, особенно за послѣдніе годы, когда онъ сталъ плохо видѣть и не могъ предпринимать дальнихъ поѣздокъ. Въ былые годы онъ предпринималъ поѣздки, далеко не такія невинныя; таможенные чиновники, сотоварищи моего отца, покачивали головами, когда заходила рѣчь о похожденияхъ кузнеца Пиннофа. Но какое дѣло было до этого намъ! какое дѣло было мнѣ, обязанному четыремъ заржавленнымъ охотничьимъ ружьямъ и лодкѣ Пиннофа самыми лучшими часами жизни, мнѣ, для котораго Клаусъ Пиннофъ былъ лучшимъ товарищемъ въ мірѣ! потому что, съ тѣхъ поръ какъ Клаусъ поступилъ въ ученіе къ слесарю съ годъ тому назадъ, я рѣдко съ нимъ видѣлся, а за послѣдніе полгода совсѣмъ потерялъ его изъ виду.

Но въ настоящее время, когда мы проѣзжали мимо хижины его отца, я вспомнилъ о немъ; на пескѣ, возлѣ вытянутой на берегъ лодки, стояло маленькое существо, въ которомъ, не смотря на громадное разстояніе, мои глаза узнали приемную сестру Клауса Кристель Меве; 16 лѣтъ тому назадъ покойная жена Пиннофа нашла дѣвочку на берегу, среди обломковъ потерпѣвшаго крушеніе судна, и кузнецъ, въ порывѣ великодушія, а, можетъ быть, какъ говорили нѣкоторые, въ надеждѣ получить когда нибудь богатое вознагражденіе, принялъ ее къ себѣ. Судно было голландское изъ Явы, на сколько можно было судить по обломкамъ, но имя его и его владѣльцевъ осталось тайною, благодаря, можетъ быть, небрежности, съ которою власти наводили справки. Найденныя же назвали Христиной или Кристелью Меве, потому что дивій крикъ кружившихся въ воздухѣ чаекъ привелъ г-жу Пинновъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала дѣвочка.

Шорохъ подъ самымъ моимъ ухомъ заставилъ меня повернуть голову. Въ двухъ шагахъ отъ меня открылся одинъ изъ палубныхъ люковъ и изъ него высунулся до половины какой-то человѣкъ.

Бороткіе жесткіе волоса, широкое лицо, обнаженная мускулистая шея, открытая почти по поясъ грудь, нѣкогда красная рубаха, нѣкогда бѣлые панталоны—все было покрыто сажей, и такъ какъ черный человекъ прищурилъ свои и безъ того маленькіе глазенки, чтобы лучше всмотрѣться вдаль, то на немъ не было бы ни одного свѣтлаго пятнышка, еслибы онъ не раскрылъ въ эту минуту широкаго рта въ веселую улыбку, которая выказала два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ. Онъ приподнялся еще на два дюйма, замахалъ своею черною рукою въ знакъ привѣтствія на берегъ, и я узналъ его.

— Клаусъ! крикнулъ я.

— Голла! закричалъ онъ вздрагивая, и обращая на меня свои маленькіе глазенки.

— Какое нѣжное привѣтствіе, Клаусъ!

Клаусъ покраснѣлъ подъ сажей и выставилъ всѣ свои зубы.

— Господи Боже мой, вскричалъ онъ.

— Георгъ! какъ ты — какъ вы сюда попали?

— Такъ, а ты Клаусъ!

— Я здѣсь уже давно, отвѣчалъ онъ, — я все собирался сходить провѣдать васъ.

— Вогъ глупый-то, зачѣмъ же ты говоришь мнѣ вы? спросилъ я.

— Да вѣдь вы съ важными господами, сказалъ Клаусъ, указывая большимъ пальцемъ черезъ плечо на заднюю палубу.

— Лучше бы я былъ съ тобою, и ты бы мнѣ далъ кусокъ хлѣба съ масломъ, сказалъ я. Чортъ бы ихъ побралъ — этихъ важныхъ господъ!

Клаусъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Такъ зачѣмъ же, началъ онъ...

— Зачѣмъ я здѣсь? прервалъ я его. — Потому что я дуракъ, осель, Клаусъ.

— Ну нѣтъ! сказалъ Клаусъ.

— Вѣрь мнѣ, Клаусъ, я чистѣйшій осель. Лучше бы у меня были такіе друзья, какъ ты, Клаусъ. И мой взглядъ обратился на вѣроломнаго Артура, который разгуливалъ среди гостей съ зонти-

мой Эмили, а она щеголяла въ маленькой соломенной кокетливо надѣтой на локоны.

Мнѣ нужно внизъ, сказалъ Клаусъ, дружески улыбаясь.—
— рожай. И онъ спустился внизъ.

— Это былъ трубочистъ? спросилъ серебрястый голосъ позади меня.

Я поспѣшно обернулся и тотчасъ же всталъ съ мѣста. Передо мною стояла нарядная дамочка лѣтъ 12, въ бѣломъ платьицѣ съ голубыми ленточками на рукавахъ, голубыя же ленты развѣвались съ ея соломенной шляпки и большіе голубые глаза съ любопытствомъ смотрѣли то на люкъ, куда исчезъ мой черный другъ, то вопросительно на меня. Въ эту минуту люкъ поднялся, Клаусъ выглянулъ изъ него.

— Тебѣ въ самомъ дѣлѣ принести хлѣба съ масломъ...

— Господи! вскрикнула дѣвочка. Люкъ тотчасъ же захлопнулся' за мгновенно исчезнувшимъ другомъ моимъ.

— Господи! повторила опять дѣвочка,—какъ я испугалась!

— Чего, та снѣге? спросилъ другой голосъ. Голосъ былъ очень тонокъ, принадлежалъ онъ сухопарой барынѣ, которая вышла въ это время изъ-за каюты; на ней было надѣто поношенное двуличное шелковое платье; по обѣимъ сторонамъ блѣднаго лица спустились рѣдкія рыжеватыя букли.

Эта дама была Амалія Дуффъ; голубоглазая, съ голубыми ленточками дѣвочка была ея питомица Гермина Штреберъ, единственная дочь коммерціи совѣтника.

Я зналъ ихъ обѣихъ, какъ зналъ всѣхъ жителей нашего маленькаго городка; вѣроятно, и онѣ меня знали, потому что я два былъ съ Артуромъ въ огромномъ саду коммерціи совѣтника, близъ воротъ, и двѣ недѣли тому назадъ имѣлъ даже честь качать маленькую Гермину цѣлыя полчаса на огромныхъ качеляхъ, съ которыхъ, если ихъ хорошенько поддаты, можно было видѣть между деревьями море. Кромѣ того дѣвица Дуффъ была родомъ изъ того самого саксонскаго города, въ которомъ родились и мои родители и, пріѣхавъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ нашъ городъ, привезла рекомендательныя письма и поклоны изъ родного города, но они нѣсколько запоздали: моей доброй матушки уже

не было на свѣтѣ,—она скончалась 5 лѣтъ тому назадъ. Г-жа Дуффъ не разъ удостоивала меня своею назидательною бесѣдою, но она была близорука, и потому я не могъ обидѣться на нее за то, что она приставила золотую лорнетку къ поблекшимъ глазамъ и спросила меня съ поклономъ, который танцовальныя учителя называютъ кажется *grand compliment*:— „Съ кѣмъ я имѣю честь“?

Я назвалъ свою фамилію.

— *O ciel!* вскричала госпожа Дуффъ, — *mon jeune compatriote!* Тысячу разъ простите мою близорукость. Ну какъ поживаетъ вашъ батюшка? Ваша матушка? Боже мой, я сама не помню, что говорю, но ваше внезапное появленіе въ этомъ тихомъ уголкѣ совсѣмъ меня смутило. Что я хотѣла сказать? Да, тамъ на верху вами очень интересуются. Куда это вы такъ запрятались? Васъ всюду искали.

— А между тѣмъ меня было очень легко найти, проговорилъ я, вѣроятно, съ нѣкоторою горечью, которая не ускользнула отъ чуткаго уха г-жи Дуффъ.

— Ахъ, да, сказала она съ многозначительнымъ взглядомъ.— Кто предается уединенію... Это старая истина... Потихе, *ma petite*. Это отвратительное животное разорветъ тебѣ платье!

Послѣднія слова относились къ маленькой Герминѣ, начавшей играть на гладкомъ полу палубы съ прехорошенькой собачкой, которая съ громкимъ лаемъ бѣгала за ней.

— У васъ задумчивый характеръ, продолжала гувернантка, снова обращаясь ко мнѣ;—это видно по грустному выраженію вашихъ губъ. Вамъ непріятно шумное веселье, вы не любите крика и возни, но мы, бѣдные люди, должны мириться съ тѣмъ, чего не можемъ избѣжать, я говорю, по крайней мѣрѣ, о себѣ. Въ противномъ случаѣ, неужели я сидѣла бы здѣсь, на этомъ колеблющемся суднѣ, гдѣ я умираю отъ страха? И съ какой цѣлью? Чтобы участвовать въ канibalскомъ угощеніи! Невинныхъ устриць отрываютъ отъ материнской груди соленой влаги и ѣдятъ живыми! Развѣ эта картина можетъ быть назидательна для ребенка?

И г-жа Дуффъ печально потрясла своими жиденькими локонами.

— Вопросъ еще, найдемъ ли мы устриць-то, сказалъ я.

— Вы думаете нѣтъ? Другіе мужчины также сомнѣваются. Въ

морѣ слишкомъ мало соли. Хотя въ прѣсной водѣ, Лапола, римляне... но я не смѣю выставлять свои скромныя ля передъ молодымъ ученымъ! Этотъ добродушный совѣтникъ мерціи! Да, да, презирай себѣ умъ и знаніе! Но вотъ онъ и самъ идетъ. Ни слова о томъ, что мы говорили, мой молодой другъ, прощу васъ.

Я не успѣлъ завѣрить блѣдную даму въ моей скромности, такъ какъ въ эту минуту коммерціи совѣтникъ, ведя подъ руку толстую совѣтницу Геккепфенигъ, и за ними все общество явилось на переднюю палубу разсматривать какое-то трехмачтовое судно, которое несло въ встрѣчу намъ на всѣхъ парусахъ. Я очутился посреди компаніи и ледъ, окружавшій меня, такъ сказать, сразу сломился. Артуръ, красивое лицо котораго уже сильно покраснѣло отъ выпитаго вина, дружески потрепалъ меня по плечу и спросилъ: „куда это я запропастился“? Коварная Эмилія протянула мнѣ руку, прошептавъ: „Неужели вы меня совсѣмъ забыли“? и съ легкимъ крикомъ упала въ мои объятія, такъ какъ въ эту минуту нашъ пароходъ салютовалъ выстрѣлами изъ своихъ мортиръ проѣзжавшаго великана морей. Это трехмачтовое судно, возвращавшееся изъ Вест-Индіи, принадлежало къ флоту коммерціи совѣтника. Извѣстно было, что оно пріѣдетъ сегодня, и коммерціи совѣтникъ не безъ удовольствія провезъ гостей, по дорогѣ къ своей устричной отмели, мимо лучшаго изъ своихъ кораблей. Онъ стоялъ у колеса, приставивъ рупоръ ко рту и изо всѣхъ силъ кричалъ что-то, чего невозможно было слышать среди всеобщаго ура! и выстрѣловъ изъ мортиръ; жѣдлолицый капитанъ корабля пожималъ широкими плечами, давая знать, что ничего не понимаетъ,—но все равно! Зрѣлище было величественное и главную роль въ немъ игралъ коммерціи совѣтникъ на козлахъ, съ рупоромъ у рта. Онъ былъ доволенъ; и когда „Альбертосъ“ пролетѣлъ мимо насъ на своихъ громадныхъ крыльяхъ и желѣзныя ноги „Пингвина“ задвигались снова, онъ сошелъ съ пьедестала, чтобы принять поздравленія общества, и въ эту минуту его свѣтлыя глазки блестя, ноздри широкаго носа дрожали и громкій смѣхъ походилъ на пѣніе пѣтуха, утѣшающагося гордымъ сознаніемъ своего первенства въ птичникѣ.

Прочія птицы охотно признавали это превосходство; они ворковали, пищали, кудхтали комплименты; спины сгибались, головы наклонялись и всѣхъ ниже сгибалась спина и наклонялась голова отца Артура, штейеррата; онъ не отходилъ отъ виновника торжества и сладенькимъ голосомъ говорилъ ему любезности, которыя тотъ принималъ какъ нѣчто вполне подобающее и обычное, съ такимъ равнодушіемъ, что всякій другой могъ бы обидѣться. Можетъ быть, и штейеррату не совсѣмъ нравилось обращеніе зятя, но у него было слишкомъ много такта, чтобы высказать все, что тяготило его въ эти минуты. Супруга его не отличалась такимъ самообладаніемъ; урожденная баронесса Киппенрейтеръ безъ сомнѣнія могла требовать почтенія къ себѣ, и имѣла право обижаться, не встрѣчая его. Она старалась вознаградить себя за это униженіе презрительно покровительственнымъ обращеніемъ съ прочими дамами—бургомистершей Кихъ, совѣтницей Геккепфенигъ, женой инспектора зданій Штрומбахъ и прочими важными дамами нашего городка; но это вознагражденіе не могло согнать облака съ ея аристократическаго лба, хотя тонкія губы и опускались съ какою-то судорожной привѣтливостью на ея длинные желтые зубы.

Какъ только я нѣсколько освоился съ обществомъ—а за этимъ дѣло не стало—мой живой, отчасти шаловливый характеръ началъ проситься наружу и выражаться въ различныхъ шуткахъ, не всегда приличныхъ, но никогда не доходившихъ до злости, и увлекавшихъ меня тѣмъ болѣе, что они возбуждали громкій смѣхъ. Боже мой, я до сихъ поръ краснѣю, вспоминая какія плоскости выдавалъ я за остроуміе своимъ скромнымъ слушателямъ, какъ бѣдны помысломъ и грубы по формѣ были представляемы мною сцены, прославившія меня по всему городу (главная была: любовникъ хочетъ дать серенаду своей милой, но ему безпрестанно мѣшаетъ лай собакъ, мяуканье кошекъ, воркотня сосѣдокъ, злобныя замѣчанія прохожихъ и наконецъ полицейскій арестуетъ его); какъ безтактны и бессмысленны были мои рѣчи за столомъ и сколькими стаканами вина вознаграждалъ я себя за эти глупыя рѣчи.

Ахъ, этотъ обѣдъ подъ парусиной палаткой, на палубѣ парохода, спокойно стоявшаго на якорѣ!—этотъ обѣдъ былъ послѣдніе истин-

Счастливые часы на много, много лѣтъ моей жизни. Не знаю, не оттого ли они представляются мнѣ такими свѣтлыми, — молодость ли играла во мнѣ, или вино, искрившееся въ хрустальныхъ стаканахъ, или солнечный свѣтъ, обливавшій яркимъ свѣтомъ безграничное море, или благоуханный воздухъ, едва колебавшій громадную равнину водъ, и не прохлаждавшій даже горячихъ щекъ дѣвушекъ; или все вмѣстѣ: молодость, солнечный блескъ, море, золотое вино, розовыя щеки дѣвушекъ, ах! и устрицы, въ два года успѣвшія расплодиться, какъ песокъ морской, и унесенныя морскимъ теченіемъ, засыпанныя морскимъ пескомъ, всѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ пустыхъ раковинъ! Какой неисчерпаемой темой для юмора служили эти пустыя раковины, красовавшіяся на великолѣпномъ блюдѣ среди стола! Какъ всякій изощрялъ надъ ними свое остроуміе! Какъ всѣ тайно радовались, что упрямый миллионеръ получилъ урокъ, что онъ, не смотря на все свое богатство, не можетъ взять у природы того, чего она не хочетъ подарить.

Но надо отдать справедливость коммерціи совѣтнику, онъ переносилъ свою неудачу съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и когда, послѣ веселой рѣчи, въ которой онъ оплакивалъ свое несчастье, вдругъ на палубѣ раздался громкій крикъ и матросы притащили огромныя бочки съ устрицами, увѣряя, что сейчасъ только наловили ихъ, то не было конца радости и привѣтствіямъ щедрому хозяину, во второй разъ доказавшему, что у него хитрость и предусмотрительность еще превосходятъ упрямство и настойчивость.

Не знаю, долго ли сидѣли за роскошнымъ обѣдомъ мужчины, пока дамы прогуливались на палубѣ; во всякомъ случаѣ долго, слишкомъ долго для насъ, юношей. Разговоръ вертѣлся на двусмысленныхъ анекдотахъ, въ которыхъ особенно отличался коммерціи совѣтникъ; хохотали, кричали; меня заставили пѣть пѣсни, которыми громко рукоплескали; и я очень гордился, замѣтя, что мой сильный басъ привлекъ даже дамъ снова къ столу; я изъ всѣхъ силъ постарался, какъ можно лучше выполнить второй голосъ въ пѣсни „Ich weis nicht was soll es bedeuten“, пропѣтой хоромъ мужчинами и дамами, и при этомъ не спускалъ глазъ съ Эмили. Мое вниманіе, конечно, заставило переглядываться и пересмѣиваться по-

другъ молодой особы, и возбудило такую ревность въ Артурѣ, что онъ не могъ не высказать мнѣ ее, когда мы попозже съ сигарами во рту прогуливались по палубѣ.

Между тѣмъ настала вечерь, но наше объясненіе съ Артуромъ все еще продолжалось, не принимая особенно враждебнаго характера. Но вотъ, на берегу острова, мимо котораго мы проѣзжали, усмотрѣли мы развалину, освѣщенную лучами заходящаго солнца; она состояла изъ башни, возвышавшейся на крутомъ обрывистомъ мысу.

Видъ ея далъ нашему спору, и безъ того очень оживленному, неприятный поворотъ. Эта старая башня была единственнымъ остаткомъ Церенбурга, родоваго помѣстья Артурова семейства, владѣвшаго дѣйствительно въ прежнія времена обширными землями на островѣ и, кажется, также на материкѣ. Артуръ указалъ на нее патетическимъ жестомъ и требовалъ, чтобы я, предъ замкомъ его предковъ, на вѣки отказался отъ Эмили Геккепфенигъ: какъ бюргеръ, я всегда долженъ уступать дворянину. Я утверждалъ въ отвѣтъ, что любовь не различаетъ бюргеровъ отъ дворянъ, и что я ни за что не могу согласиться на клятву, которая сдѣлаетъ несчастными и меня и молодую дѣвушку.

— Рабъ, сказалъ Артуръ, — такъ-то платишь ты мнѣ за свисходительность, съ которой я удостоилъ тебя своимъ обществомъ?

Я громко расхохотался, мой смѣхъ еще болѣе разгорячилъ пьяный гнѣвъ Артура.

— Мой отецъ штейerratъ фонъ-Церенъ, вскричалъ онъ, — а твой отецъ мелкій чиновническа.

— Оставь отцевъ нашихъ въ покоѣ, Артуръ, сказалъ я, — ты знаешь, что я не позволю шутить именовъ моего отца.

— Твой отецъ...

— Еще разъ, Артуръ, прошу тебя не поминай моего отца! Мой отецъ, по крайней мѣрѣ, не хуже твоего. И если ты скажешь еще хоть слово противъ моего отца, я тебя выброшу за бортъ... И я приставилъ кулаки къ лицу Артура.

— Что случилось? спросилъ штейerratъ, внезапно подходя къ намъ. — Какъ, молодой человекъ, такъ-то вы оказываете уваженіе мое-

му сыну, мнѣ? Вы, кажется, хотите достойно короновать все ваше сегодняшнее неприличное поведеніе. Сынъ мой никогда больше не возьметъ васъ съ собой.

— Возьметъ съ собой? вскричалъ я, — какъ возьметъ съ собой! Да мы оба убѣжали, какъ онъ, такъ и я. Вмѣстѣ возьмутъ, вмѣстѣ засадятъ, вмѣстѣ повѣсятъ... и я разразился громкимъ, оглушительнымъ смѣхомъ, вполне оправдавшимъ сдѣланный мнѣ упрекъ въ неприличномъ поведеніи.

— Какъ? вскричалъ штейерратъ, — Артуръ, что это значитъ?

Но Артуръ не былъ въ состояніи дать разумный отвѣтъ. Онъ промывчалъ что-то и бросился на меня, вѣроятно, съ намѣреніемъ побить. Отецъ схватилъ его за руку и увелъ прочь, уговаривая потихоньку, и мимоходомъ бросилъ на меня сердитый взглядъ.

Эта сцена окончательно взбѣсила меня и безъ того уже достаточно разгоряченнаго. Не помню, что со мной было потомъ, помню только что—не знаю какимъ образомъ удостоился я этой чести—я куда-то вель подъ руку коммерціи совѣтника и въ страстныхъ выраженіяхъ жаловался ему на свое несчастіе, на оскорбленіе, причиненное мнѣ моимъ лучшимъ другомъ, которому я всегда готовъ былъ принести въ жертву и мое состояніе, и мою кровь. Коммерція совѣтникъ помиралъ со смѣху.

— Имѣніе и кровь, вскричалъ онъ, — да, это вамъ пригодится; имѣніе-го; — коммерціи совѣтникъ поднялъ плечи вверхъ и надулъ себѣ щеки, — а кровь, — онъ толкнулъ меня локтемъ подъ бокъ — кровь, чистая кровь, настоящая кровь, и у меня была такая кровь; мой Германъ, по крайней мѣрѣ, на половину моя кровь. Вонъ она скачетъ — не ангелъ ли она? Жаль, что она не мальчикъ, оттого я все и называю ее Германъ. Германъ, Германъ!

Малютка подбѣжала къ намъ; на шеѣ ея былъ надѣтъ красный платокъ, который отецъ еще крѣпче обвязалъ вокругъ ея нѣжныхъ плечъ.

— Не ангелъ ли она? точно козочка, продолжалъ онъ снова взявъ меня за руку. — Она выйдетъ замужъ за графа, не за такого проголодавшагося дворянчика, какъ мой зять, штейерратъ, ни за такого, какъ его братъ, пьяница Церендорфскій, или какъ тотъ ду-

рень, директоръ рабочаго дома въ Динсдѣ. Нѣтъ, она выйдетъ за настоящаго графа, за молодца въ шесть футовъ росту, вотъ какъ вы. Да, за такого какъ ты, мой мальчикъ!

Онъ положилъ свои коротенькія руки мнѣ на плечо и смотрѣлъ на меня умильно-плаксивыми глазами.

— Ты славный малый, великолѣпный малый, жаль, что ты голъ, какъ соколъ, а то бы я взялъ тебя зятемъ; но, я буду говорить тебѣ—ты; можешь и ты называть меня—ты, мой милый.

И почтенный мужъ зарыдалъ на моей груди и велѣлъ принести шампанскаго, вѣроятно для того, чтобы запечатлѣть, по старинному обычаю, братскій союзъ торжественною выпивкою. Сомнѣваюсь, чтобы желаніе его было выполнено; по крайней мѣрѣ, я не помню, чтобы мы пили на брудершафтъ, а такая торжественная церемонія, вѣроятно, запечатлѣлась бы въ моей памяти. Я помню только, что, вскорѣ послѣ этой сцены, я спустился внизъ къ моему другу, Клаусу, съ бутылкой вина, сталъ съ нимъ чокаяться и увѣрять его, что онъ лучшій малый въ свѣтѣ, и что я его сдѣлаю главнымъ истошникомъ въ преисподней, какъ только самъ туда попаду, что случится очень скоро, потому что сегодня же вечеромъ я покончу съ отцемъ, хотя я готовъ каждую минуту дать себя разорвать на клочки за него и т. п. Что было со мною дальше и какъ добрый Клаусъ проводилъ меня на верхъ по крутой лѣстницѣ—не помню, но вѣроятно ему удалось справиться со мною, потому что, когда мы вошли въ гавань, я снова сидѣлъ на палубѣ и снова смотрѣлъ на мачты судовъ и видѣлъ мѣсяцъ надъ высокою церковью башни св. Николая, и вдругъ этотъ мѣсяцъ упалъ, и я самъ чуть не упалъ, потому что „Пингвинъ“ толкнулся бокомъ о сваи моста, на которомъ снова стояла густая масса народа; но эта масса не кричала, какъ сегодня утромъ, а стояла тихо, страшно тихо, и, когда я сталъ пробираться сквозь нее, она смотрѣла на меня такъ серьезно, что мнѣ показалось, что случилось какое нибудь несчастье или скоро случится, и что я самъ причиною какого нибудь несчастія. Я подошелъ къ маленькому домику отца въ узкомъ Гаванскомъ переулкѣ; въ комнатѣ на-лѣво отъ сѣней, сквозь запертыя ставни,

свѣтился огонекъ, значить отецъ былъ уже дома; онъ обыкновенно прогуливался въ это время по городскому валу. Развѣ уже было такъ поздно; я вынулъ часы и старался разглядѣть, при слабомъ свѣтѣ луны—фонари не зажигались въ городѣ Х. въ лунныя ночи—который часъ. Невозможно.

— Э, все равно, сказала я,—будь что будетъ, и схватился за мѣдную ручку двери. Она показалась кускомъ льда моей горячей рукѣ.

III.

Едва затворилась за мною входная дверь, Рикхенъ, смотрѣвшая за нашимъ хозяйствомъ по смерти матери, быстро вышла изъ комнаты на право. При тускломъ свѣтѣ лампы, я замѣтилъ, что добрая старуха, увидавъ меня, всплеснула руками и смотрѣла на меня, вытаращивъ глаза, съ выраженіемъ крайняго ужаса.

— Не случилось ли чего съ отцемъ? спросилъ я, хватаясь за столъ.

Переходъ отъ свѣжаго воздуха въ душную переднюю и страхъ, причиненный мнѣ испуганною физиономіею Рикхенъ, подѣйствовали на меня самымъ потрясающимъ образомъ; у меня захватило дыханіе и затѣмъ кровь прилила мнѣ въ голову. Все закружилось передъ моими глазами.

— Несчастный, что ты сдѣлалъ?—простонала Рикхенъ.

— Ради Бога, что случилось? закричалъ я, схвативъ старуху за руку.

Въ эту минуту дверь комнаты отца отворилась, и самъ отецъ появился на порогѣ, наполняя собою почти все дверное пространство, потому что отецъ былъ высокій плотный мужчина, а дверь была низенькая и узенькая.

— Слава Богу! произнесъ я.

Въ эту минуту я чувствовалъ только радость, что не сблизилъ опасенія, отъ которыхъ у меня захватывало духъ, но этотъ есте-

ственный порывъ продолжался только одну секунду; мы смотрѣли другъ на друга, какъ два противника, вдругъ столкнувшіеся лицомъ въ лицу, какъ два противника, изъ которыхъ одинъ давно поджидалъ другого, а другой смѣло шелъ на встрѣчу неизбежной судьбѣ.

— Войди, сказалъ отецъ, отступая отъ двери.

Я повиновался. Въ ухахъ у меня звенѣло, но я шелъ твердыми шагами и сердце мое билось не отъ страху. Въ ту минуту, какъ я вошелъ, съ волосяного кресла отца—отецъ не терпѣлъ дивановъ у себя въ домѣ—поднялась длинная черная фигура, это былъ профессоръ Ледереръ. Я стоялъ возлѣ двери, отецъ посреди комнаты, профессоръ у письменнаго стола передъ лампой, такъ что тѣнь его падала на меня. Ни одинъ изъ насъ не шевелился, ни одинъ изъ насъ не говорилъ. Профессоръ предоставлялъ отцу начать. Отецъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить. Такъ прошло съ полминуты, которыя показались мнѣ вѣчностью, но въ это время я успѣлъ сообразить, что если профессоръ сейчасъ же не уйдетъ изъ этой комнаты и изъ этого дома, примиреніе между отцемъ и мною сдѣлается невозможнымъ.

— Заблудшійся молодой человекъ, началъ профессоръ.

— Оставьте меня одного съ отцемъ, г. профессоръ, сказалъ я.

Профессоръ посмотрѣлъ на меня, какъ человекъ, который не вѣритъ своимъ ушамъ. Обвиненный, преступникъ, — такимъ я казался въ глазахъ педагога, — осмѣливался прерывать судью, прерывать съ такимъ дерзкимъ требованіемъ, — какая неслыханная наглость!

— Молодой человекъ, началъ онъ снова, но голосъ его былъ уже менѣе твердъ.

— Говорю вамъ, оставьте насъ однихъ, закричалъ я, подвинувшись на шагъ къ профессору.

— Онъ съ ума сошелъ, вскричалъ профессоръ, отступая и натываясь на столъ.

— Мальчишка! закричалъ отецъ, выступая впередъ, какъ будто желая оградить профессора отъ нападенія.

— Если я сошелъ съ ума, сказалъ я, обращая пылающіе

глаза, то на профессора, то на отца, — то вамъ тѣмъ болѣе слѣдуетъ оставить насъ однихъ.

Профессоръ сталъ искать глазами шляпы, которая стояла позади его на столѣ.

— Нѣтъ, останьтесь! останьтесь! закричалъ отецъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. — Неужели этотъ дерзкій мальчишка снова поставитъ на своемъ, я былъ къ нему слишкомъ снисходителенъ; пора переменить обращеніе.

Отецъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ, какъ онъ всегда дѣлалъ, когда былъ сильно взволнованъ.

— Да, переменить обращеніе, продолжалъ онъ, — такъ не можетъ идти далѣе; я сдѣлалъ, что могъ, мнѣ не въ чемъ упрекать себя, но я не хочу служить посмѣшищемъ людямъ изъ-за сквернаго мальчишки; если онъ не хочетъ дѣлать то, что онъ обязанъ дѣлать, то и я не хочу исполнять никакихъ обязанностей относительно его. Посмотримъ, какъ-то онъ проживетъ на свѣтѣ безъ меня.

Онъ ни разу не взглянулъ на меня, произнося эти слова прерывающимся отъ гнѣва голосомъ.

Впослѣдствіи, я видѣлъ картину, изображавшую древняго римлянина, сжигавшаго руку на горячихъ угольяхъ и смотрѣвшаго въ землю съ выраженіемъ неописаннаго страданія на лицѣ. Эта картина живо напоминала мнѣ отца въ тотъ роковой вечеръ.

— Вашъ батюшка совершенно правъ, вмѣшался снова профессоръ, считавшій своею обязанностью подсоблять ковать желѣзо, уже лежавшее на наковальнѣ. — Какой отецъ дѣлалъ болѣе для своихъ дѣтей, чѣмъ этотъ превосходный человѣкъ! Его честность, трудолюбіе, прямота вошли въ пословицу. Его украшаютъ всѣ бюргерскія добродѣтели и, по вашей винѣ, онъ лишенъ лучшаго, драгоцѣннѣйшаго украшенія бюргера, благонравнаго сына, опоры въ старости. Этого безподобнаго человѣка постигла неумолимая рука судьбы, онъ лишился дорогой супруги, сына въ цвѣтѣ лѣтъ, выдалъ единственную дочь замужъ на чужбинѣ, и чтоже? — теперь онъ лишается послѣдняго — Веніамина своей старости. Неужели его неусыпныя заботы, его молитвы денно и ночью...

Отецъ мой былъ человѣкъ строгій, но вовсе не набожный съ

точки зрѣнія священниковъ; онъ ненавидѣлъ ложь, а что онъ молился денно и ночью—это была сущая ложь. Къ тому же онъ отличался чрезвычайно, почти болѣзненною скромностью, и похвалы профессора показались ему неумѣстными и неприличными.

— Оставимте это, господинъ профессоръ, прервалъ онъ рѣзко краснорѣчиваго ученаго.—Повторяю еще разъ, я исполнилъ свою обязанность и баста! Онъ долженъ исполнить свою обязанность и баста! И больше я ничего отъ него не требую, ровно ничего, но этого я требую, и если онъ отказывается...

Негодование отца все возрастало и возрастало при видѣ моего спокойствія. Странно, еслибы я сталъ просить его и умолять, я убѣжденъ, что отецъ почувствовалъ бы ко мнѣ презрѣніе, но потому что я держалъ себя такъ, какъ безъ сомнѣнія сталъ бы держать себя и онъ, если бы находился въ моемъ положеніи, потому что я хранилъ презрительное молчаніе, онъ ненавидѣлъ меня въ эту минуту, какъ ненавидимъ мы то, что стоятъ намъ поперекъ дороги, и что мы не можемъ оттолкнуть съ презрѣніемъ ногою.

— Вы совершили тяжелый проступокъ, Георгъ Гартвигъ, снова началъ профессоръ.—Вы удалились изъ гимназіи безъ разрѣшенія вашихъ наставниковъ. Я не говорю о томъ безразличномъ легкомысліи, съ которымъ вы оттолкнули въ этотъ разъ, какъ отталкивали часто прежде, драгоценный случай обогатиться новыми свѣденіями; — я говорю только о страшномъ нравственномъ преступленіи, о непокорности, о дерзкомъ нарушеніи запрещенія, о дурномъ примѣрѣ, который, вашимъ постыднымъ поведеніемъ, вы подали своимъ товарищамъ. Если Артуръ фонъ-Церенъ, изъ юноши, склоннаго къ удовольствіямъ, превратился въ совершенно легкомысленнаго юношу, то этимъ онъ обязанъ вашему дурному примѣру, никогда бы этотъ совращенный вами юноша не рѣшился на то, что онъ сдѣлалъ сегодня....

При этихъ словахъ, я, слишкомъ хорошо знавшій этого совращеннаго мною юношу, разразился презрительнымъ смѣхомъ, который окончательно смутилъ профессора. Онъ схватилъ шляпу и, пробормотавъ какія-то несвязныя слова, вѣроятно, что я человѣкъ окончательно погибшій, хотѣлъ уйти. Отецъ заступилъ ему дорогу.

— Одну минуту, господинъ профессоръ, сказалъ онъ, и затѣмъ, обратившись ко мнѣ: — ты сейчасъ же попросишь у своего учителя прощенья за эту новую дерзость, сейчасъ же, повторилъ онъ повелительно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,

— Сейчасъ-же, произнесъ отецъ громовымъ голосомъ.

— Нѣтъ, повторилъ я.

— Будешь ты просить или нѣтъ?

Онъ стоялъ передо мною, дрожа отъ гнѣва. Его желтоватое лицо подернулось пепельнымъ оттѣнкомъ. На лбу натянулась жила, глаза горѣли. Послѣднія слова онъ произнесъ хриплымъ, шипящимъ голосомъ.

— Нѣтъ, сказалъ я.

Отецъ поднялъ руку, чтобы ударить меня, но не ударилъ, рука его медленно опустилась и указала на дверь.

— Вонъ, произнесъ онъ, медленно и твердо, — вонъ изъ моего дома навсегда.

Я пристально смотрѣлъ ему въ лицо, и хотѣлъ что-то сказать, сказать, можетъ быть: „прости меня, прости меня, у тебя я готовъ просить прощенья“, но на сердцѣ у меня точно лежалъ камень, зубы мои были стиснуты и я не могъ ихъ разжать, не могъ произнести ни слова; я безмолвно направился къ двери.

Профессоръ устремился за мною и схватилъ меня за руку, вѣроятно, съ самымъ благимъ намѣреніемъ, но я видѣлъ въ немъ только виновника того, что случилось, грубо оттолкнулъ его, хлопнулъ дверью и выбѣжалъ мимо старой экономки — добрая старуха можетъ быть подслушала, что происходило между нами и стояла статуей отчаянія — выбѣжалъ вонъ изъ дому, прямо на улицу.

IV.

Я, какъ безумный, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ; но вдругъ колѣни у меня подкосились, крыши, освѣщенныя луною, и, кое-гдѣ мелькавшія огнями окна — все вокругъ меня закружилось; потомъ

въ глазахъ у меня потемнѣло; опьяненіе, начавшееся на кораблѣ, и побѣжденное силою воли во время страшной сцены, которой я только-что былъ дѣйствующимъ лицомъ, снова ударило мнѣ въ голову. Я прислонился къ стѣнѣ, чтобы не упасть.

Такъ я простоялъ одну или двѣ минуты въ полузабытѣ, изъ котораго меня вывели голоса дѣвушекъ, шедшихъ за водою къ сосѣднему колодцу. Я оправился и побрелъ по улицѣ шатаясь. Но вскорѣ крѣпкая натура моя одержала верхъ, поступь моя стала тверже, и я началъ размышлять, что со мною будетъ, и куда теперь мнѣ прежде всего обратиться. О помѣщеніи въ гостинницѣ я и не думалъ; я никогда еще не спалъ подѣ иной кровлею, какъ кровлею отчаго дома; кромѣ того все мое богатство заключалось менѣе чѣмъ въ одномъ талерѣ — отецъ мало мнѣ давалъ карманныхъ денегъ — и я не зналъ навѣрное, какъ долго мнѣ придется существовать на этотъ талеръ. Не разстанься я сегодня врагомъ съ Артуромъ, я, можетъ быть, отправился бы къ нему; но явиться къ нему въ домъ просителемъ я не могъ; кромѣ того, вѣроятно, Артуръ спалъ теперь послѣ хмѣля, а родители его никогда не были расположены ко мнѣ. Коммерціи совѣтникъ? онъ обнялъ меня сегодня, говорилъ мнѣ ты и называлъ братомъ; онъ, вѣроятно, съ радостью приметъ меня, и отведетъ великолѣпную комнату съ балдахинномъ надъ кроватью.

Въ то время, какъ тревожное воображеніе рисовало мнѣ блестящій пріемъ въ домѣ коммерціи совѣтника, я твердо шелъ въ противную сторону къ гавани. Проходя мимо двухъ кабацковъ, изъ которыхъ раздавались дикія матросскія пѣсли, мнѣ пришло въ голову: „Что если я войду, примажусь къ матросамъ и завтра отправлюсь скитаться по бѣлу свѣту, какъ братъ мой Фрицъ? Одинаковымъ образомъ потерять двухъ сыновей! — это была бы хорошая месть отцу. А потомъ я долженъ погибнуть въ морѣ, и буду лежать на днѣ морскомъ, гдѣ давно уже лежатъ кости брата моего! — Фи! Георгъ! громко проговорилъ я, — фи! бѣдный старикъ!

Что если я тотчасъ вернусь? Профессора, вѣроятно, уже нѣтъ въ нашемъ домѣ. Отецъ одиакъ у себя въ комнатѣ; я войду къ

нему и скажу: „Теперь бей меня; я не стану защищаться, я глазомъ не моргну“.

Но я не вернулся, даже ни на минуту не остановился; городъ былъ далеко уже за мною, и я шелъ по широкой аллеѣ предмѣстья, гдѣ и вправо и влѣво стояли рыбацкіе домики, въ это время года большею частью заняты купальщиками. Тамъ и самъ они ярко просвѣчивали сквозь деревья; передъ нѣкоторыми изъ нихъ, въ зелени палисадниковъ, у дверей сидѣли, вокругъ лампы, покрытой стекляннымъ колпакомъ, веселыя группы; слышались пѣсни и смѣхъ и веселые дѣтскіе голоса; вечеръ былъ отличный; вѣтерокъ едва шелестилъ вершины деревьевъ, склонявшихся надо мною; въ травѣ и кустахъ у ногъ моихъ передвигались свѣтлячки.

Сырой теплой вѣтерокъ, долетавшій съ моря, освѣжилъ мою пылавшую голову. Вдругъ на глаза мнѣ попалась хижина кузнеца Пиннофа. Вотъ она! тутъ я могъ найти пріютъ. Старикъ могъ дать мнѣ постель, если не постель, то мѣсто въ кузницѣ, или кресло старухи; вѣдь не могла же она и день и ночь сидѣть въ креслѣ! Жаль, что Клауса не было болѣе дома, но все равно—дома была хорошенькая Кристель. Кристель всегда была моею любимицей; нѣкоторое время я даже серьезно мечталъ объ ней, и она меня привлекала въ хижину по крайней мѣрѣ также часто, какъ двухстволка и длинное ружье старика, или глинтвейнъ, что продавалъ старикъ зимою катальщикамъ на конькахъ, толпившимся у берега.

Юношеское легкомысліе! или мнѣ за него слѣдуетъ обвинить себя? Но въ эту минуту я забылъ причиненное мною несчастіе, горе отца, свое собственное опасное положеніе—все позабылъ, или, если не позабылъ, то все это мнѣ представлялось какимъ-то темнымъ фономъ, отъ котораго ясно и радостно отдѣлялась картина гостепріимной хижины, съ пылавшимъ кузнечнымъ огнемъ, и легкая фигура занятой и торопливо суетившейся Кристель. Что такое школа! что такое отцовскій домъ и всякое другое рабство! Когда прежде не было меня въ это время дома, я начиналъ раздумывать, какъ воротиться домой не слышно отъ отца, ложившагося аккуратно въ половинѣ десятиаго; но теперь отецъ самъ выгналъ меня изъ дому; мнѣ не

надо было снимать сапоги въ сѣняхъ и; владучись, пробираться по скрипучей лѣстницѣ къ себѣ въ комнату; я человекъ свободный и могу дѣлать все, что мнѣ угодно!

Я оставилъ за собою аллею и предмѣстье, и шелъ знакомой дорогой по волнистой почвѣ. Слѣва отъ меня была небольшая поляна, справа картофельное поле, кое-гдѣ одинокія деревья, мрачно поднимавшіяся на свѣтломъ ночномъ небѣ, а далеко впереди— море, шумъ котораго становился все яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ того какъ я шелъ и болѣе приближался къ образовавшейся тутъ косѣ, въ особенности же онъ сталъ яснѣе къ западу, гдѣ было открытое море и откуда теперь неся вѣтеръ. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, что шелъ безъ шапки. Я или потерялъ ее, или оставилъ въ сѣняхъ на столѣ около лампочки; тѣмъ лучше, теперь мнѣ не надо было нести ее въ рукахъ и морской вѣтеръ могъ свободно играть по моимъ пылавшимъ вискамъ и развѣвавшимся волосамъ.

Надо мною высоко поднялась пара дивныхъ лебедей; я не могъ ихъ видѣть, но слышалъ ихъ протяжный, жалобный крикъ,—крикъ изъ двухъ тоновъ, странно раздавшійся въ ночной тиши, и тутъ я увидѣлъ ихъ на одну минуту, освѣщенныхъ луною, послѣ чего они опять скрылись во мракѣ! „Счастливаго пути!“ закричалъ я имъ.— „счастливаго пути, мои добрые товарищи!“

Меня окватило какое-то невѣдомое мнѣ до сихъ поръ блаженное состояніе, и грустное, и вмѣстѣ съ тѣмъ радостное. Мнѣ хотѣлось броситься на землю и заплакать, хотѣлось поднять руки къ небу и возликовать. Тогда я не зналъ, что такъ сильно окватило меня. Теперь я понимаю: то было пріятное чувство, которое должно являться у рыбы, когда она съ быстротою молніи летитъ въ своемъ родномъ элементѣ, у птицы, когда она паритъ въ воздухѣ, у серны, когда она несется по лѣснымъ лужайкамъ;—восторженное состояніе человека, когда онъ чувствуетъ себя въ полной юношеской силѣ съ глазу на глазъ съ матерью природою, создавшей его изъ элементовъ, изъ которыхъ она сама состоитъ, для того, чтобы собою доставлять ему счастье. Присутствіе этого восторга, блаженство испытывать его, и есть то чувство, которое влечетъ человека изъ узкихъ отношеній, въ которыхъ онъ находился, въ

широкій міръ, въ море, въ пустыню, на вершины Альпъ, всюду, гдѣ свободно ходитъ вѣтеръ, гдѣ небо торжественно смотритъ на него, гдѣ стоило бы поставить жизнь на карту, чтобы выиграть, хотя бы это было на полѣ битвы въ кровавой борьбѣ со смертью, пугающей наше зрѣніе.

Можетъ ли извинить эта мысль то преступное упрямство, съ которымъ я только-что обошелся съ отцемъ и невѣроятное легкомысліе заставившее меня поставить на карту все мое будущее? Конечно нѣтъ. Я не хочу ничего оправдывать, ничего щадить; я просто хочу рассказывать, что происходило во мнѣ и со мною при такихъ-то и такихъ обстоятельствахъ, и объяснять только тамъ, гдѣ мнѣ покажется это необходимымъ.

Но, какъ я сказала, въ ту минуту ужасный призракъ съ парализованной ногой былъ слишкомъ далекъ, чтобы навести на меня страхъ; вмѣсто него передо мною вынырнули двѣ другія фигуры, въ то самое время, какъ я съ удвоенною скоростью поднимался на холмъ. Въ этихъ фигурахъ не было ничего призрачнаго, и когда я ихъ увидалъ, они ничего призрачнаго не дѣлали, такъ какъ они стояли крѣпко обнявшись, будто сросшіеся вмѣстѣ, и, съ тихимъ боязливымъ крикомъ, вырвавшимся изъ устъ дѣвушки, отскочили другъ отъ друга, когда я вдругъ, на поворотѣ дороги спустившись съ холма, очутился передъ ними. Дѣвушка наклонилась къ корзинѣ, которую поставила возлѣ себя, такъ какъ руки ей нужны были на другое, а мужчина окликнулъ меня такимъ громкимъ и смущеннымъ голосомъ, какой могъ вырваться только изъ очень невинной груди.

— Здравствуйте, сказалъ я, — я надѣюсь...

— Господи, да это вы! сказалъ мужчина. — Кристель, взгляни, вѣдь это онъ! и Клаусъ удержалъ за платье Кристель Меве, хотѣвшую уже обратиться въ бѣгство.

— Я думала, что это дядя, проговорила Кристель, не вполне довольная открытіемъ, что ихъ засталъ врасплохъ хорошій пріятель.

Хотя отношенія, очевидно существовавшія между Клаусомъ и Кристелью, не требовали объясненія, тѣмъ не менѣе я былъ въ

нѣкоторомъ родѣ удивленъ. Въ то время какъ Клаусъ былъ у своего отца—когда началась наша съ нимъ дружба—я никогда не замѣчалъ, что въ сердцѣ добраго парня таится что нибудь другое, кромѣ братской привязанности къ своей хорошенькой пріемной сестрѣ; но конечно это было уже четыре года тому назадъ, и Клаусъ шестнадцати лѣтъ поступилъ къ слесарю Вангерифу, и очень можетъ быть, что эта продолжительная разлука пробудила любовь, которая безъ этого спокойно продолжала бы покоиться и, можетъ быть, никогда не пробудилась бы сама. Тоже самое подтвердили и влюбленные, въ то время, какъ мы тихо возвращались въ кузницу, и когда разговоръ принималъ интересное направленіе, мы останавливались на нѣсколько минутъ. А онъ принималъ это направленіе, въ особенности когда рѣчь заходила о затрудненіи преодолѣть высказанное въ разныхъ случаяхъ, въ самыхъ жесткихъ словахъ, неодобреніе и неудовольствіе стараго Пиннофа противъ этихъ отношеній. Клаусъ не высказывалъ прямо, но изъ всего мною слышаннаго я могъ заключить, что старикъ самъ сладко поглядываетъ на свою хорошенькую воспитанницу; по крайней мѣрѣ, чему же было приписать, что онъ, безъ всякаго повода со стороны молодого человѣка, съ каждымъ годомъ, и почти съ каждымъ днемъ становился все ворчливѣе, и наконецъ совершенно запретилъ ему входить въ домъ, за долго передъ тѣмъ начавъ браниться и кричать на его шатающаго и преступнаго препровожденіе времени. Поэтому-то они—влюбленные—принуждены теперь видѣться потихоньку, что къ сожалѣнію представляетъ большія затрудненія, такъ какъ старикъ чрезвычайно остороженъ и бдителенъ, и предпочитаетъ посылать въ городъ глуховѣмаго ученика Якова за необходимыми покупками, хотя тотъ исполняетъ порученія дурно и безтолково; и навѣрно не послалъ бы и сегодня Кристель, если бы не услышалъ, что Клаусъ до поздней ночи будетъ занятъ на пароходѣ, и слѣдовательно не найдетъ времени для свиданія.

Такъ какъ я отъ души любилъ честнаго Клауса, съ которымъ не разъ отличался въ юношескихъ шалостяхъ и на водѣ и на сушѣ, и не менѣе былъ привязанъ къ краснощеккой, нѣжно говорившей Кристель Меве, то я почувствовалъ такую живую къ нимъ симпатію,

что горе и радости ихъ любви въ эту минуту были ближе моему сердцу, чѣмъ моя собственная участь. Я вспомнилъ о себѣ только тогда, когда мы перешли еще черезъ холмъ, и увидали передъ собою кузницу съ нижними окнами, освѣщенными краснымъ кузнечнымъ огнемъ, и Клаусъ спросилъ, не пройдемъ ли мы еще разъ. Только тутъ узналъ онъ, что я вышелъ такъ далеко за городъ не ради вечерней прогулки по полямъ, и что я намѣренъ просить у отца его пріюта на одинъ, а можетъ быть, и на много дней. Въ тоже время я, въ короткихъ словахъ, сообщилъ ему о причинѣ, побудившей меня на такой шагъ.

Клаусъ, казалось, былъ пораженъ моими словами; онъ взялъ меня за руку и, отведа меня нѣсколько въ сторону, спросилъ тихимъ голосомъ, въ которомъ слышалось безпокойство, хорошо ли я обдумалъ, что сдѣлаю? Отецъ мой, вѣроятно, не желалъ сдѣлать мнѣ зла, и, вѣроятно, проститъ меня, если я тотчасъ же вернусь. Онъ съ удовольствіемъ готовъ идти предупредить моего отца о моемъ приходѣ, и вынести на себѣ первую бурю.

— Клаусъ, старина моя, сказала я, — твоя доля не лучше моей. Мы товарищи по несчастію; тебя отецъ не пускаетъ къ себѣ, точно также какъ мой отецъ не пускаетъ меня. Какая тутъ разница?

— Та, сказала Клаусъ, — что я ничего не сдѣлалъ, за что бы отецъ могъ сердиться на меня, тогда какъ вы сами говорите, что вы — не сердитесь на меня за слово — съиграли съ отцомъ северную шутку.

Я отвѣчалъ, что пусть будетъ, что будетъ, но домой я не пойду. Что я стану дѣлать потомъ, я не знаю. Мы объ этомъ поговорить можемъ завтра; я приѣду къ нему на пароходъ, и, очень можетъ быть, буду нуждаться въ его услугахъ.

Клаусъ, видя мою рѣшительность, и привыкшій давно повиноваться моимъ распоряженіямъ, еще разъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ: „Ну такъ до завтра?“

Его добрая душа была такъ занята всѣмъ, слышаннымъ имъ, что онъ ушелъ бы не простившись съ Кристель, если бы я, смѣясь, не напомнилъ ему о такой преступной забывчивости. Но поцѣлва, о которомъ я позаботился для него, онъ не получилъ; Кристель

сказала, что я злой и такимъ образомъ мы разстались; Клаусъ пошелъ снова по дорогѣ въ городъ, и скоро исчезъ во мракѣ, а мы съ Кристель отправились къ кузницѣ, въ окнахъ которой свѣтъ видѣлся еще ярче прежняго.

— Отчего это старикъ такъ поздно работаетъ? спросилъ я дѣвушку.

— Да такъ, отвѣчала она.

На многіе мои другіе вопросы я получалъ только односложные отвѣты. Прежде мы съ Кристель были хорошими друзьями, и я зналъ ее, какъ самую веселую хохотунью. Поэтому мнѣ оставалось только предположить, что она разсердилась на мою шутку о поцѣлугѣ. А когда меня не ослѣпляли страсти, я не имѣлъ обыкновенія завѣдомо когонибудь оскорблять, а тѣмъ болѣе бѣдную дѣвушку, къ которой душевно былъ привязанъ, и потому мнѣ не трудно было попросить у Кристель прощенія, если я оскорбилъ ее, хотя и съ хорошимъ намѣреніемъ, а именно, не желая, чтобы она, по моей винѣ, ушла не поцѣловавъ на прощанье своего возлюбленнаго. Кристель не отвѣчала, и я хотѣлъ уже взять ее за талью, чтобы придать болѣе вѣсу моей просьбѣ о прощеніи, какъ вдругъ дѣвушка начала плакать, и сказала безпокойнымъ голосомъ: „что мнѣ нельзя прійти съ нею къ нему“, и что это будетъ совершенно напрасно, потому что онъ не приметъ меня.

Это заявленіе и предостереженіе, можетъ быть, остановило бы другихъ. Кузница стояла такъ одиноко, слава стараго кузнеца была не вполне хороша, и я достаточно начитался разбойничьихъ рассказовъ, чтобы вспомнить о подходящихъ романическихъ положеніяхъ, когда дочь разбойника предостерегаетъ заблудившагося героя отъ прочихъ членовъ своего почтеннаго семейства, и при этомъ скромно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно намекаетъ о своей любви. Но во-первыхъ какъ тогда, такъ и теперь, душа моя не поддавалась трусости, такъ часто подчиняющей себѣ людей съ пылкимъ воображеніемъ; второе, если старикъ ревновалъ своего собственнаго сына—а я считалъ это несомнѣннымъ—то почему же ему не ревновать и меня? а въ третьихъ въ эту самую минуту къ ногамъ моимъ бросилась съ дикимъ лаемъ маленькая дворняжка, и въ то же время въ дверяхъ кузницы по-

казалась широкая фигура, и послышался знакомый голосъ старика Пиннофа, крикнувшаго густымъ басомъ: „Кто тамъ?“,

— Пріятель, Георгъ Гартвигъ, сказалъ я, отбросивъ ногою въ кусты лающую собаченку.

Вѣроятно, Кристель проходя въ домъ, мимо старика, сообщила ему уже о моемъ посѣщеніи, потому что онъ не трогаясь съ мѣста и продолжая стоять въ дверяхъ, сказалъ мнѣ:

— Я не могу дать вамъ ночлега, у меня не постоянный дворъ.

— Я знаю, Пиннофъ, отвѣчалъ я, подходя къ нему и протягивая ему руку, — но я думалъ, что мы съ вами друзья.

Старикъ не взявъ моей руки, и пробормоталъ что-то непонятное.

— Домой я больше не пойду, продолжалъ я, — въ этомъ вы можете быть увѣрены. Поэтому если вы не хотите, чтобы я заснулъ въ этихъ кустахъ, и въ запуски съ вашей дворняшкой вылъ на луну, то впустите меня и сдѣлайте мнѣ стаканъ грогу, знаете половину на половину, и сами выпейте стаканчикъ или два, это вамъ будетъ полезно и вы станете веселѣе.

При этихъ словахъ я положилъ негостепримному кузнецу правую руку на плечо, и въ знакъ моихъ дружелюбныхъ чувствъ сильно потрясъ его.

— Кажется, вы хотите вытолкать слабого старика изъ его собственнаго дома! злобно вскричалъ онъ, и я съ своей стороны почувствовалъ на своихъ плечахъ двѣ руки, величина и крѣпость которыхъ были удивительны, въ особенности если принять въ соображеніе, что это были руки „слабого старика“. Кровь моя, которую ночной вѣтеръ никакъ не охладилъ въ достаточной степени, тотчасъ же снова взволновалась, кромѣ того это былъ благопріятный случай излить на комъ нибудь свою злобу, и потому я схватилъ своего противника, однимъ толчкомъ столкнулъ его съ порога, на которомъ онъ все еще стоялъ, и отбросилъ на нѣсколько шаговъ въ сторону. Я никакъ не думалъ прежде силою ворваться въ домъ, но кузнецъ, опасавшійся этого и желавшій во что бы то ни стало помѣшать моему намѣренію, съ такой яростію бросился на меня, что мнѣ надо было употребить всю свою силу, чтобы преодолѣть бѣшенство кузнеца. Мнѣ не разъ приходилось участвовать въ дра-

какъ, и я всегда выходилъ изъ нихъ побѣдителемъ, но такого равнаго себѣ противника я еще никогда не встрѣчалъ. Кромѣ того, по какой-то жалости „къ старьку“, бросившемуся на меня съ матроскими ухватками кулачнаго бойца, я не платилъ ему тою же монетою, хотя и могъ, а довольствовался только давить его въ своихъ рукахъ. Наконецъ я почувствовалъ, что могу побороть его, и съ быстротою молніи схватилъ его нѣсколько ниже, поднялъ съ земли и черезъ секунду онъ лежалъ бы у меня въ растяжку на пескѣ, какъ вдругъ гдѣ-то вблизи раздался звучный смѣхъ. Я выпустилъ противника, а онъ, лишь только почувствовалъ себя на свободѣ, снова бросился на меня. Такъ какъ я не былъ приготовленъ къ этому новому нападенію, то потерялъ равновѣсіе, пошатнулся, упалъ, а противникъ мой насѣлъ на меня. Я почувствовалъ уже на горлѣ его желѣзныя руки, какъ вдругъ смѣхъ прекратился и послышался голосъ: „Фи, старикъ! этого онъ отъ тебя не заслужилъ!“ и чьи-то руки, обладавшія достаточной силой, оттащили отъ меня кузнеца. Я вскочилъ на ноги, и остановился передъ своимъ спасителемъ—такъ слѣдуетъ мнѣ назвать его, потому что не будь его, Богъ знаетъ, что было бы со мною.

V.

Сколько я могъ различить при слабомъ свѣтѣ луны, только что скрывшейся за облака, это былъ высокій мужчина хорошо сложенный и съ такими быстрыми тѣлодвиженіями, что я счелъ его за молодого человѣка, какъ вдругъ, при поворотѣ, на него упалъ свѣтъ кузнечнаго огня черезъ открытую дверь, и я увидѣлъ передъ собою старика съ глубоко морщинистыми чертами лица. Когда же, взявъ меня за руку, онъ привелъ въ кузницу, освѣщенную красноватымъ пламенемъ, онъ мнѣ снова показался ни молодымъ, ни старымъ, или скорѣе и тѣмъ и другимъ.

Конечно время это не было благопріятно для изслѣдованій фи-

зіомій. Незнакомецъ осматривалъ меня во всѣ глаза, какъ-то непріятно блестящіе между глубокими морщинами и складками. Потомъ онъ повернулся на каблукахъ, и разразился бѣшенымъ смѣхомъ, такъ какъ въ ту минуту кузнецъ далъ такой толчекъ глухонѣмому ученику Якову, въ продолженіи всего этого времени необращавшему вниманія на происходившее вокругъ него, и продолжавшаго раздувать мѣхи, — что тотъ какъ кубарь два раза перевернулся.

— Bravo! bravo! вскричалъ незнакомецъ, — съ этимъ дѣломъ идетъ удачнѣе чѣмъ съ другимъ? не такъ ли Пиннофъ?

— Другой долженъ радоваться, что такъ счастливо отдѣлялся, проворчалъ кузнецъ, вынимая изъ огня кусокъ желѣза, раскаленного до красна.

— Я готовъ всякую минуту начать съ начала, Пиннофъ, вскричалъ я, обрадованный, что веселые глаза знакомого одобрительно моргали мнѣ, въ то время, какъ онъ съ притворной важностью восклицалъ: “Стыдитесь, молодой человѣкъ, стыдитесь! — слабый старикъ! что тутъ за искусство!”

Кузнецъ взялъ молотъ, и сталъ бить имъ по каленому желѣзу, такъ что полетѣли искры и задрожали окна.

Незнакомецъ затянулъ себѣ уши.

— Ради Бога, вскричалъ онъ, — перестаньте шумѣть, вѣдь этого самъ чортъ не выдержитъ! Неужели вы думаете, что у меня ваши плебейскія уши? Перестаньте, говорю я вамъ, или....

Онъ далъ кузнецу пинекъ, такой же, какой тотъ далъ своему ученику; но старикъ стоялъ тверже того, и поднялъ молотъ, дико озираясь, какъ будто слѣдующимъ ударомъ хотѣлъ раскрыть голову незнакомцу.

— Вы съ ума сошли, сказалъ тотъ, выразительно взглянувъ на взбѣшеннаго. Когда старикъ медленно опускалъ молотъ, незнакомецъ продолжалъ разговоръ съ нимъ вполголоса, на что кузнецъ отвѣчалъ ему глухимъ ворчаніемъ, въ которомъ мнѣ послышалось мое имя.

— Можетъ быть, отвѣчалъ незнакомецъ, — но разъ онъ здѣсь, пусть же здѣсь и останется.

— Извините, сказалъ я, — но я никакъ не имѣю намѣренія навязываться; я не перешелъ бы этого порога, еслибы...

— Ну, теперь этотъ начинаетъ, вскричалъ незнакомецъ сердито емѣясь, — будете ли вы наконецъ благоразумны! Я хочу мира и покоя, но больше всего хочу ужинать, и вы отъужинаете со мною. Эй, Кристель! гдѣ же дѣвочка! А вы Пиннофъ, снимите вашъ фартукъ, и приходите тоже къ намъ!

Съ этими словами онъ отворилъ низенькую дверь вправо отъ очага, ведущую изъ кузницы въ жилую комнату. Я часто бывалъ тамъ, и потому хорошо зналъ расположеніе дома. Жилая комната была довольно велика, но вдвое ниже кузницы, такъ какъ надъ нею находились спальни, къ которымъ вела лирообразная лѣстница въ нѣсколько ступеней, изъ угла комнаты, черезъ отверстіе въ потолокъ. Потомъ была еще дверь. Она вела въ маленькую боковую комнату, гдѣ спала мать кузнеца, дряхлая старуха, которая и теперь еще сидѣла въ креслѣ въ своемъ обычномъ углу жилой комнаты, подлѣ самой печки, натопленной извнѣ. Посрѣди комнаты стоялъ тяжелый дубовый столъ, а на столѣ корзина, принесенная Кристелю изъ города. Кристель копошилась въ шкапу въ глубинѣ комнаты.

— Ну, Кристель, вскричалъ незнакомецъ, со свѣчой въ рукѣ заглядывая въ корзину, — что ты принесла? На видъ все хорошо. Поторопись, я голоденъ какъ волкъ. И вы тоже, неправда ли? Вы въ такихъ счастливыхъ годахъ, когда вѣчно хочется ѣсть. Идите сюда къ окну. Садитесь!

Онъ посадилъ меня на одно изъ двухъ кресель, стоявшихъ у окна, самъ сѣлъ на другое, и продолжалъ болѣ тихимъ голосомъ, поглядывая на Кристель, накрывавшую на столъ торопливо, но безъ шума:

— Хорошенькая дѣвушка, но черезъ чуръ бѣлокура, вѣдь она голландка; это идетъ къ здѣшнему дому; а старуха тамъ въ креслѣ киваетъ головою, точно Тербургская картина! Къ этому Пиннофъ съ физиономіей бульдога, а Язовъ съ глазами карпа! Но все это мнѣ нравится, и, когда я, какъ въ этотъ разъ, приѣзжаю въ городъ не въ экипажѣ, я рѣдко пропускаю, чтобы не

зайти сюда, и потомъ Пиннофъ меня перевозить, тѣмъ болѣе, что при попутномъ вѣтрѣ я въ полчаса дома, а въ экипажѣ сюда доѣхать изъ городу часъ, да до моего имѣнья столько же.

Незнакомецъ проговорилъ все это пріятнымъ, обязательнымъ тономъ, чрезвычайно мнѣ понравившимся, при этомъ онъ постоянно гладилъ себѣ лѣвой рукой бороду, доходившую до половины груди, при чемъ на пальцѣ у него иногда блестѣло брилліантовое кольцо. Я начиналъ чувствовать почтеніе къ незнакомцу, и очень желалъ знать, кто онъ такой, но не рѣшался спросить.

— Какой здѣсь въ комнатѣ скверный воздухъ, вдругъ вскричалъ онъ, — задохнуться можно! и онъ хотѣлъ открыть окно, у котораго мы сидѣли, но обернулся и сказалъ:—Ахъ да! старуха можетъ простудиться. Кристель! Нельзя ли уложить старуху спать?

— Сейчасъ, сударь, сказала Кристель, только-что окончившая накрывать на столъ.

Она подошла къ старухѣ и крикнула ей на ухо:

— Бабушка, спать пора!

Старуха мотнула головой вверхъ, потомъ мотнула внизъ и, поддерживаемая дѣвушкой, поднялась съ кресла и пошла черезъ комнату. Подойдя къ ступенямъ, ведущимъ въ боковую комнату, Кристель осмотрѣлась кругомъ, я подбѣжалъ и поднялъ старуху на ступени, въ то время какъ Кристель отворяла дверь, за которою и исчезла съ своей спутницей.

— Отлично, молодой человѣкъ, сказалъ незнакомецъ, когда я возвратился къ нему;—надо всегда быть любезнымъ съ дамами. Ну теперь мы отворимъ окно.

Онъ отворилъ его. Ночной воздухъ ворвался въ комнату. На дворѣ стало темно; мѣсяцъ спрятался за густой тучей, налетѣвшей съ запада; съ моря, находившагося только въ нѣсколькихъ шагахъ, неся громкій ревъ и плескъ разбивавшихся о берегъ волнъ; нѣсколько капель дождя упало мнѣ на лицо.

Незнакомецъ внимательно посмотрѣлъ въ окно.

— Намъ надо скоро ѣхать, прошепталъ онъ; потомъ обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:—теперь же поѣдимъ; я умираю отъ голода. Идемте.

Онъ подошелъ къ столу, за который сѣлъ, движеніемъ руки приглашая меня занять мѣсто подлѣ него. Я въ продолженіи всего дня гораздо болѣе пилъ, чѣмъ ѣлъ, и моя крѣпкая натура, долго борющаяся съ хмѣлемъ, настоятельно требовала подкрѣпленія. Такимъ образомъ я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе хозяина, да и содержаніе корзины могло плѣнить даже избалованнаго лакому. Тамъ была икра, свѣжая лососина, ветчина, колбаса, пикули; въ винѣ также не было недостатка. На столѣ уже стояли двѣ бутылки краснаго вина, съ хорошими этикетками, а изъ корзинки выглядывало бѣлое горлышко бутылки шампанскаго.

— На видъ это не дурно, сказалъ незнакомецъ, наливая вина и мнѣ и себѣ, и отрѣзывая то того, то другого, причемъ просилъ меня слѣдовать его примѣру, непрерывно болтая все время. Безъ прямого вопроса съ его стороны, я не знаю какъ мы начали говорить о моихъ дѣлахъ, и не успѣли еще окончить первой бутылки, какъ я, по природной мнѣ откровенности, довѣрчиво рассказалъ ему почти всю краткую исторію моей, вообще еще краткой и небогатой содержаніемъ жизни. На рассказъ о событіяхъ настоящаго, столь важнаго для меня дня, потребовалось нѣсколько болѣе времени. Въ пылу рассказа, я, безо всякаго вниманія, снова выпилъ нѣсколько стакановъ вина, и тяжесть, давившая мнѣ сердце, тотчасъ же исчезла; ко мнѣ воротилось мое обычное хорошее расположеніе духа, тѣмъ болѣе, что встрѣча съ таинственнымъ незнакомцемъ, и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, удовлетворяла моей страсти къ приключеніямъ. Я описалъ бѣгство изъ школы, передразнивалъ голосъ и манеру говорить профессора Ледерера, я самымъ сатирическимъ образомъ обрисовалъ совѣтника коммерціи, и, кажется, даже ударилъ по столу кулакомъ, когда началъ говорить о постыдной неблагодарности друга моего Артура, и о высокоумномъ и грубомъ пристрастіи штейррата. Послѣ этого языкъ мой запнулся, печальный полусвѣтъ въ рабочей комнатѣ отца распространился въ моей омрачившейся душѣ, я сталъ говорить въ трагическомъ духѣ:—что хоть бы мнѣ пришлось ходить босому, безъ сапогъ, какъ началъ уже ходить безъ шапки, хоть бы пришлось переселиться въ Нордкапъ и просить подаванія, или если просить не буду въ

состояніи, то разбоемъ добывать себѣ кусокъ хлѣба — то и тогда я никогда, никогда не вернусь къ отцу послѣ того, какъ онъ выгналъ меня изъ своего дома. Это предѣлъ того, что я считаю обязательнымъ терпѣть отъ отца; обязательство природы уничтожено, — это во мнѣ утвердилось такъ же твердо, какъ звѣзды на небѣ, и если кто нибудь будетъ смѣяться надъ этимъ, то онъ за это полатится.

Съ этими словами я выскочилъ изъ-за стола, и такъ толкнулъ стаканъ, изъ котораго пилъ, что тотъ разлетѣлся въ дребезги. Незнакомецъ постоянно, во время моего разказа, то одобрялъ меня, то пугалъ своей веселостью; вдругъ, при послѣднихъ моихъ словахъ, которыя, можетъ быть, были произнесены весьма патетически, разразился звонкимъ смѣхомъ, которому, казалось, не предвидѣлось конца.

— Вы были добры ко мнѣ, вскричалъ я, — безъ вашего вмѣшательства, Богъ знаетъ, что было бы со мною, но все равно. Вы оказали мнѣ помощь во время, а теперь напоили и накормили меня — поэтому вы можете смѣяться сколько вамъ угодно; но я, съ своей стороны, не хочу, по крайней мѣрѣ, слушать вашъ смѣхъ. Прощайте!

Я глазами сталъ отыскивать фуражку, потомъ вспомнивъ, что фуражки у меня нѣтъ, я провелъ рукою по своимъ густымъ кудрявымъ волосамъ и бросился къ двери, когда незнакомецъ, поднявшійся въ это время, бросился за мною, схватилъ меня за руку, и заговорилъ тѣмъ дружескимъ, серьезнымъ голосомъ, который мнѣ такъ понравился.

— Молодой человекъ, простите меня, а теперь идемте и снова сядемъ; честное слово дворянина, я буду уважать ваши чувства, хотя бы вы ихъ выражали нѣсколько странно.

Темные глаза его судорожно моргнули, и по морщинамъ тоже пробѣжала судорожная дрожь.

— Вы шутите со мною, сказалъ я.

— Честное слово дворянина, нѣтъ! Напротивъ того, вы чрезвычайно какъ мнѣ нравитесь, и, во время вашего разказа, мнѣ нѣсколько разъ хотѣлось прервать васъ, чтобы попросить у васъ од-

ного одолженія. Поѣдемте на нѣкоторое время ко мнѣ! Помирите ли вы съ отцомъ, какъ я надѣюсь, или нѣтъ, какъ вамъ кажется—но во всякомъ случаѣ вамъ прежде всего надо пріютъ, а вѣдь здѣсь, гдѣ очевидно не желаютъ вашего присутствія, оставаться вамъ нельзя. Относительно меня, какъ я уже говорилъ, вы, принявъ мое приглашеніе, сдѣлаете мнѣ одолженіе. Я не могу вамъ предложить многого, но... давайте руку! Ну, отлично, теперь мы выпьемъ шампанскаго въ честь нашего товарищества.

Я уже давно простилъ своему любезному, таинственному незнакомцу, и, отуманенный виномъ, отъ души могъ отвѣтить ему. Со смѣхомъ и шутками мы въ одинъ мигъ опорожнили бутылку, послѣ чего вошелъ кузнецъ. Онъ снялъ свой фартукъ, и на мускулистую толстую шею завязалъ толстый платокъ. Кромѣ того, въ этотъ вечеръ, мнѣ въ первый разъ бросилось въ глаза, что на немъ не было болѣе большихъ синихъ очковъ, которые онъ носилъ уже нѣсколько лѣтъ, и которые вошли чуть не въ поговорку; мнѣ припоминалось, что и до нашей драки онъ былъ безъ нихъ и потомъ тоже; но я могъ ошибиться, и кромѣ того, мнѣ некогда было думать о такихъ пустякахъ, потому что вниманіе мое было тотчасъ же обращено на разговоръ, происходившій въ полголоса между кузнецомъ и незнакомцемъ.

— Что, пора?

— Да, отвѣчалъ кузнецъ.

— Вѣтеръ попутный?

— Да.

— Все въ порядкѣ?

— Кромѣ явора, который вы мнѣ не дали докончить.

— И такъ сойдесть.

— Но худо.

Незнакомецъ задумался, его прекрасное лицо снова показалось мнѣ старше двадцатью годами, онъ погладилъ себѣ бороду, и я замѣтилъ, что онъ искоса вглядывался въ меня. Вдругъ онъ взялъ кузнеца за руку, и вывелъ въ другую комнату, дверь въ которую онъ за собою заперъ. Я слышалъ, какъ они за дверью разговаривали, но разобрать ничего не могъ, потому что незнако-

мецъ очевидно говорилъ въ полголоса, а ворчливый бась кузнеца всегда трудно было понять. Но потомъ разговоръ сталъ громче и какъ казалось, все горячѣе и горячѣе, въ особенности со стороны кузнеца. „Я этого хочу“! вскричалъ незнакомецъ. — „А я нѣтъ“? проворчалъ старикъ. — „Это мое дѣло“. — „Точно такъ же какъ и мое“.

Голоса снова затихли, потомъ я услыхалъ, какъ отворилась наружная дверь. Они вышли изъ кузницы; я видѣлъ въ открытое окно, къ которому подошелъ, какъ они пошли подъ навѣсъ, у самаго берега, куда вытаскивали обыкновенно на песокъ лодку Пинофа. Они исчезли въ тѣни навѣса; потомъ я услышалъ звукъ цѣпей и трескъ песку; это спускали лодку, потомъ снова все затихло; только сильнѣе раздавался плескъ моря и смѣшивался съ шумомъ вѣтра, шелестѣвшимаго листьями стараго дуба, раскинушаго надъ кузницей свои засохшіе сучья.

Шорохъ въ комнатѣ заставилъ меня обернуться. Недалеко отъ меня стояла Кристель и смотрѣла въ окно съ такимъ же лихорадочнымъ вниманіемъ, какъ и я за минуту до этого.

— Ну, Кристель! сказалъ я.

Она приложила палецъ къ губамъ.

— Тсъ! прошептала она.

Она сдѣлала мнѣ знакъ отойти отъ окна и стать посрединѣ комнаты.

Я послѣдовалъ за нею болѣе удивленный, чѣмъ испуганный.

— Что съ тобою, Кристель?

— Не ѣздите съ ними! Пожалуйста не ѣздите! И уходите поскорѣе отсюда. Вы не должны оставаться здѣсь ни минуты.

— Да, почему же? Что это за баринъ?

— Я не смѣю сказать; я не смѣю назвать его по имени. Если вы поѣдете съ нимъ, такъ узнаете, но не ѣздите.

— Что же они мнѣ сдѣлаютъ?

— Сдѣлать? Ничего вамъ не сдѣлаютъ; но не ѣздите съ ними.

Съ улицы слышались звуки приближающихся шаговъ; Кристель отошла отъ меня и начала убирать со стола; голосъ кузне-

ца и его спутника, возвращавшихся съ берега, дѣлался все яснѣе и яснѣе.

Не знаю, какъ бы поступилъ другой на моемъ мѣстѣ; но на меня предостереженіе дѣвушки произвело совершенно обратное дѣйствіе.

Правда, сердце мое билось сильнѣе и взглядъ мой какъ-то пугливо скользилъ по охотничьимъ ружьямъ, висѣвшимъ на обычныхъ мѣстахъ своихъ на стѣнѣ; но во мнѣ пробуждалось страстное желаніе испытать приключеніе. Я готовъ былъ помѣряться со всякою опасностью, къ тому же Кристель сама говорила, что противъ меня лично ничего не злоумышляютъ. Кроме того — и это обстоятельство лучше всего объясняетъ мое поведеніе въ тотъ вечеръ — незнакомецъ, кто бы онъ ни былъ, рѣшительно очаровалъ меня своимъ полусерьезнымъ, полунасмѣшливымъ, полудержкимъ, полусочувственнымъ обращеніемъ. Много лѣтъ спустя, когда мнѣ пришлось слышать легенду о мышеловѣ Гаммельнѣ, увлекавшемъ за собою волею-неволею молодежь, я вспомнилъ про этого человѣка.

Онъ переодѣлся въ широкую куртку изъ грубаго сукна, вмѣсто своей суконной фуражки надѣлъ низенькую клеенчатую шляпу. Пиннофъ отворилъ стѣнной шкапъ и вынулъ оттуда точно такую же куртку; незнакомецъ надѣлъ ее на меня и далъ мнѣ шляпу взамѣнъ потерянной фуражки.

— На дворѣ холодно, сказала она, — а вы легко одѣты и можете простудиться, хотя, надѣюсь, мы и не пробудемъ долго въ дорогѣ. Ну, великолѣпно, отправитесь же.

Кузнецъ подошелъ къ Кристель и сказалъ ей что-то; Кристель ничего не отвѣчала съ той минуты, какъ кузнецъ и незнакомецъ вошли въ комнату; она повернулась ко мнѣ спиной и не оглянулась даже въ ту минуту, какъ я пожелалъ ей доброй ночи.

— Пойдемте, сказалъ незнакомецъ.

Мы прошли черезъ темную кузницу на улицу. Сдѣлавъ шага два, я обернулся назадъ; свѣтъ въ жилой комнатѣ уже погасъ; домъ стоялъ во мракѣ, вѣтеръ гудѣлъ и свистѣлъ въ сучьяхъ стараго дуба.

Съ берега раздавался сильный шумъ; вѣтеръ крѣпчалъ; мѣсяцъ

скрылся; ни одной звѣздочки не виднѣлось сѣвозъ тучи, которыя освѣтились въ ту минуту блѣдноватымъ блескомъ свергнувшей молніи; за ней послѣдовалъ глухой раскатъ грома.

Мы подошли къ лодкѣ, которая была уже до половины въ водѣ. Меня посадили въ нее, а Пиннофъ, незнакомецъ и глухонѣмой Яковъ, вдругъ появившійся изъ мрака также въ матроскомъ платьѣ и высокихъ сапогахъ, отчалили ее окончательно отъ берега. Черезъ двѣ минуты мы скользили уже по волнамъ, клокотавшимъ вокругъ лодки; незнакомецъ стоялъ у руля, пока Пиннофъ и Яковъ прилаживали парусъ, потомъ онъ уступилъ свое мѣсто Пиннофу, а самъ сѣлъ возлѣ меня.

— Ну, какъ вамъ нравится здѣсь? спросилъ онъ.

— Великолѣпно, отвѣтилъ я; — но вамъ, Пиннофъ, слѣдуетъ еще убавить парусовъ; вѣтеръ слишкомъ крѣпокъ, а тамъ — и я указалъ на западъ — сильно заноситъ.

— Э, да вы не новичекъ, замѣтилъ незнакомецъ. Пиннофъ не отвѣчалъ ни слова, и тотчасъ же скомандовалъ: “кливеръ внизъ..”, и ловкимъ движеніемъ руля поставилъ судно подъ вѣтеръ. Лодка нагнулась на бокъ подъ напоромъ вѣтра, такъ что я думалъ, что мы перевернемся. Но паруса скоро пришли въ равновѣсіе, и мы полетѣли въ непроглядную морскую даль, озаряемые по временамъ блѣднымъ свѣтомъ молній, смѣнявшихся все чаще и чаще, при усиливающихся раскатахъ грома.

Буря однако скоро стихла; сѣвозъ тучи засвѣтились звѣзды, я перешелъ съ передней части судна, гдѣ помогалъ Якову управляться съ парусомъ, на корму, и сѣлъ возлѣ незнакомца, который пощупалъ мою куртку рукой.

— Вы насквозь промокли, сказалъ онъ.

— Я думаю и всѣ также, отвѣтилъ я.

— Но вы не привычны.

— За то мнѣ 19 лѣтъ.

— Только.

— Ровнехонько.

— Вы совершенный мужчина.

Никогда, никакая длинная нотация профессора Ледерера или дру-

гихъ учителей не въ состояніи были пристыдить меня до такой степени, до какой возвысило меня въ собственныхъ глазахъ это лаконическое заключеніе. Въ эту минуту я готовъ былъ сдѣлать все, что бы ни потребовалъ отъ меня незнакомецъ; но онъ потребовалъ немногаго, потребовалъ не договора съ адомъ, а только того, чтобы я легъ на дно лодки и далъ укрыть себя подушкой, потому что придется ѣхать можетъ быть долго, такъ какъ вѣтеръ перемѣнилъ направленіе; моя помощь была не нужна, а сонъ—это теплая шинель, какъ говоритъ Санчо Панса.

Я упирался и завѣрялъ, что могу не спать трое сутокъ; но сдался, наконецъ, на его просьбы, и едва опустился на дно лодки, какъ сонъ совершенно неожиданно наложилъ на меня свою свинцовую руку.

Сколько времени я проспалъ—не знаю. Я проснулся въ ту минуту, какъ лодка со скрипомъ приставала къ песчаному берегу. Незнакомецъ помогъ мнѣ встать, но я до того заспался, что рѣшительно не помнилъ, какъ вышелъ изъ лодки. Къ тому же была глухая ночь: я видѣлъ только, какъ волны съ пѣной разбивались о низменный песчаный берегъ, съ котораго мы поднялись выше на берегъ, какъ мнѣ показалось, поросшій деревьями. Когда я совсѣмъ пришелъ въ себя, лодка уже отчалила, а мы съ незнакомцемъ взбирались вверхъ между деревьями. Незнакомецъ велъ меня за руку, и ловко, и шутивно предостерегалъ противъ неровностей дороги, на которой каждый камень, каждый корень были ему, какъ видно, хорошо знакомы. Передъ нами открылась поляна; по ту сторону ея возвышалась какая-то темная масса; при сѣромъ свѣтѣ занимавшаяся утра, я разсмотрѣлъ какія-то строенія, а за ними паркъ или лѣсъ съ высокими деревьями.

— Ну вотъ и дома, сказалъ незнакомецъ, когда мы прошли тихій дворъ и остановились у большого мрачнаго зданія.

— Куда? спросилъ я.

— Ко мнѣ домой, отвѣтилъ онъ, смѣясь и зажигая спичку.

— Кудажь это? продолжалъ я свои распросы, съ неожиданной для себя самого смѣлостью.

Спичка загорѣлась; онъ зажегъ ею стоявшую на головахъ свѣчу;

свѣтъ упалъ на его лицо, окаймленное огромною включенною бородою; дождь превратилъ всякую чуть замѣтную складочку его лица въ глубокую морщину. Онъ посмотрѣлъ на меня большими впалыми глазами.

— Въ Церендорфъ, отвѣтилъ онъ, — къ Мальте фонъ-Церенъ, котораго прозываютъ дикимъ. Вы не сердитесь, что послѣдовали за мной?

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь всеми святыми, отвѣтилъ я.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ТЮРЕМНОЙ ЖИЗНИ.

(Разсказъ).

Девять часовъ майскаго вечера; весь городской букетъ вышелъ на „вѣнецъ“ — такъ зовется нагорный берегъ Волги, — подышать воздухомъ, посплетничать.

Дѣйствительно, „на вѣнецъ“ дышать есть чѣмъ, есть чѣмъ отсюда и любоваться: Волга разлилась вереть на пятнадцать, очертанія противоположнаго берега едва замѣтны невооруженнымъ глазомъ; въ воздухѣ не шелохнетъ, на небѣ ни облака; на островахъ, незахваченныхъ громадною полосой, переливающейся по рѣкѣ, мѣсячнаго свѣта, мелькають огни; изъ садовъ, точно покрытыхъ только-что выпавшимъ снѣгомъ (яблоки, черемуха, вишня цвѣтуть), несутся ароматныя волны; мѣстахъ въ двадцати заливаются во всю мочь соловьи, гдѣ-то высоко слышится журавлиный крикъ.

На томъ же „вѣнецъ“ стоитъ угрюмое острожное зданіе. Всѣ окна въ немъ настѣжъ; въ каждомъ четырехъугольникѣ желѣзной рѣшетки виднѣются стриженныя головы арестантовъ; въ нѣкоторыхъ окнахъ эти головы расположены въ два и три яруса.

Полный снопъ мѣсячныхъ лучей и волны ароматовъ, врывающіеся порой черезъ желѣзныя рѣшетки въ промзглую острожную атмосферу, странно дѣйствуютъ на нервы несчастной острожной братіи: обыкновенно въ это-то время и расходится во всю ширь

каторжная жизнь, теперь же въ большинствѣ камеръ царить мертвая тишина. Уже одна эта, не совсѣмъ обыкновенная, тишина говоритъ, что едва ли въ чьей другой душѣ майскій вечеръ, со всѣми его благодатями, будить столько воспоминаній, несбыточныхъ надеждъ и стремленій, какъ въ душахъ замурованнаго люда.

Войдите въ любую камеру и вы уловите нѣсколько *живыхъ картинъ*, нѣсколько группъ, остановившихся, такъ сказать, застывшихъ на послѣднемъ движеніи; взгляните въ выраженія острожныхъ лицъ, они говорятъ одно, что для этихъ людей не существуетъ въ настоящую минуту окружающаго, они оторвались отъ дѣйствительности, ушли въ самихъ себя, въ свои любимыя грезы и мечты; всѣ они далеко отъ мрачныхъ стѣнъ, рѣшетокъ и цѣпей...

Закинувъ руки за бритую голову, неподвижно лежитъ на нарахъ недавно пойманный татаринъ Арзанкуловъ. Такая же ночь грезится дикому степняку; около рѣки чуть теплится костеръ; вокругъ храпятъ человекъ десять ребятъ, тутъ же растянулись сторожевые псы; стреноженные лошади разбрелись по всему полю; одна изъ лучшихъ кобылицъ отбилась дальше отъ табуна и костра. Неслышно, какъ змѣя, ползетъ Арзанкуловъ въ высокой травѣ къ намѣченной добычѣ; собаки не чувтъ приближенія врага. Судорожно стиснула мускулистая рука вора рукоять топора... Свиснула арканъ...

„Гайда!“

Собаки бросились на крикъ, за ними кинулись пастухи, но поздно: припавъ къ шеѣ похищеннаго кови, далеко уже мчится дикарь по безпредѣльной степи...

Шагахъ въ пяти отъ Арзанкулова, прислонясь къ косяку, стоитъ высокій, лѣтъ двадцати шести арестантъ. Манера держать себя, тонкія, правильныя черты лица высокаго арестанта, говорятъ, что не изъ здѣшнихъ онъ, что божій людъ, втиснутый въ острожную могилу, не родня ему. Чуждыя для всего остального люда картины грезятся высокому арестанту въ этотъ поздній часъ: ему припомнился темный садъ, женщина, вся въ бѣломъ, послѣднія слова любви и прощанья, клятвы побѣдить или умереть за „ойтчизну“. Ему припомнились непроходимыя лѣса дорогой родины, бое-

выя схватки съ врагами; торжественные звуки гимновъ, вопли пощады и смерти, крики торжества и побѣды. Широко раздуваются тонкія ноздри высокаго арестанта, въ черныхъ глазахъ его засвѣтился лихорадочный огонь... О! въ этотъ мигъ, онъ, незадумавшись, отдалъ бы жизнь, вынесъ бы всё муки, чтобы только вырваться изъ могилы, еще разъ взглянуть на любимую женщину, лицомъ къ лицу встрѣтиться съ врагомъ.

Тутъ же, на нарахъ сидятъ два арестанта, передъ ними карты, мѣдяки, но хлынувшая, вмѣстѣ съ соловьиной пѣсней, волна весенняго воздуха, заставила забыть ихъ любимое занятіе. Вѣчно-подвижное, нахальное лицо записнаго мазурника Васьки-Кота приняло несвойственное ему, какое-то болѣзненно-сосредоточенное выраженіе, буйная голова его партнера, въ душегубствѣ понавшагося мѣщанина Рогожникова, низко опустилась на грудь. Со всеми линиями, красками и штрихами пришла на память душегубцу такая же свѣтлая, благодатная ночь, пасека, полногрудая женщина, убаюкивающая на крыльцѣ ребенка, тихая пѣсня этой женщины, звонкій смѣхъ сынишки, бѣгущаго на встрѣчу душегубцу.

Не отрываясь отъ окпа часа уже два, стоитъ Якишевъ-Ходокъ. Куда уносили грезы бездомовника — трудно сказать: десять лѣтъ въ рангѣ непомятаго родства, отыскивая „волюшку безцѣнную“, не справляясь съ дорогами, отдыхая только въ острогахъ, попадавшихъ на пути, мѣрять Ходокъ „Матушку—Россею“. Басурманскія страны, какъ родныя, знакомы бездомовнику; и тамъ искалъ онъ кладъ, недававшійся на родинѣ: „волюшку“. Чередой, одна за другою, приносились передъ перелетной птицей картины прошлыхъ, вольныхъ странствованій, безпредѣльно раскидывалась передъ нимъ степнина, шумѣло море хвалынское своей немолчной волной...

— „С-л-у-ш-а-й“! протяжно раздалось въ ночной тиши.

Арестанты очнулись; сны были разбиты; тяжелымъ взглядомъ отвѣтили они на крикъ, напоминавшій суровую дѣйствительность...

У каждаго арестанта есть неотвязчивая дума; каждый арестантъ нянчится съ этой думой, лелѣетъ ее, какъ мать нянчится съ любимымъ дѣтищемъ: не досыпая ночей, не доѣдая куска; но каждый арестантъ въ тоже время ненавидитъ и проклинаетъ эту думу, какъ страстный любовникъ ненавидитъ и проклинаетъ измѣнившую ему женщину. Завѣтная дума свѣтлымъ лучомъ падаетъ въ острожную могилу; она — импульсъ жизни; но она же и помѣха къ какому бы то ни было успокоенію.

— Жить бы можно, — толкуютъ осторожные. — Для че и въ острогѣ не жить? Работа одно слово дворянская: съ боку на бокъ переваливайся, ласы разводи; пища въ другорядъ тоже ничего идетъ, утробу свою важно набьешь. Одно не въ ногу: съ душой ты неладишь, ничего съ ней растаковской не подѣлаешь. Вонъ ей отсель желательно. Ты ей резонты кажешь, а она тѣ одно: ничего мнѣ не надоть! Вишь ты ей, бестія, волю подавай“!

Завѣтная дума тюремной жизни, все внутреннее содержаніе этой жизни, весьма полно выражается на канцелярскомъ языкѣ двумя словами: учинить побѣгъ.

Мысль „учинить побѣгъ“ засѣдаетъ въ каждаго арестанта въ тотъ самый моментъ, когда въ первый разъ позади его глухо звякнетъ тяжелый запоръ. Жизнь каторжника раздваивается съ этого момента: на ряду съ другими онъ бранится, сплетничаетъ, пьянствуетъ, строчитъ фальшивые билеты, но это только декорация, возможность сократить безконечные дни. Къ этой дѣйствительности арестантъ относится машинально, больше по привычкѣ. Всѣ силы арестанта, весь, часто богатый запасъ ума и воображенія его сосредоточивается въ другомъ мірѣ, въ мірѣ, чаще всего неполныхъ помысловъ вырваться на волю. Это острожный недугъ, пожирающій самые сильные, самые крѣпкіе организмы. Всемогущее время оказывается безсильнымъ противъ острожнаго дуализма; на противъ того, болѣзнь съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе упорный характеръ; арестантъ становится маниакомъ; природы, внесшія въ свою жизнь всевозможныя передраги, холодно, съ математическою точностью совершавшія ужаснѣйшія преступленія, превращаются въ дѣтей; все ихъ утѣшеніе — фантастическія грезы

и надежды; галлюциозными планами побѣга поглощается вся умственная работа арестанта.

Знающій натуру человѣка вообще и условія быта нашихъ острововъ въ частности, пойметъ причины этихъ горячечныхъ грезъ арестантовъ, этихъ пожирающихъ стремленій къ волѣ. Филантропы, желающіе превратить тюрьму въ нравственную школу преступника, пока еще не ухитрились обончательно превратить человѣка въ трупъ. Какъ не красиво устроена могила, — все же она остается могилой; никогда не смирить живого человѣка настолько, чтобы онъ помирился съ ней.

Протяжное: „с-л-у-ш-а-й“! замерло въ ночной тишинѣ... Вскорѣ въ той же тишинѣ раздался другой голосъ, несшійся изъ острожной могилы:

..... Что куютъ-то меня, добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня, добра молодца, во козыршия сани,
Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ, во губернію,
Привели-то меня, добра молодца, привели ко приему;
Посадили-то меня, добра молодца, во красное стуле;
Какъ и стали меня разудалаго стричъ, они-то брити.
Ужъ вы брейте мои кудерюшки, брейте, не жалѣйте,
Отоплите мои кудерюшки ко красной, ко дѣвки...

Этотъ задумчиво-серебристый голосъ лучше всякихъ мудрствованій говорилъ, что томятся въ громадной могилѣ живые люди.

Долго въ этотъ вечеръ острожная братія, помѣщавшаяся въ камерѣ № 12, что-то таинственно шушукалась между собой. Солнце взошло, а нѣкоторые члены и не ложились еще спать.

Недѣли черезъ полторы послѣ этого шушуканья, какая-то странная напряженность стала чуваться въ острожной атмосферѣ; точно передъ грозой. Опытный глазъ могъ подмѣтить на острожныхъ фізіономіяхъ нѣчто глубоко затаенное, и обдуманное. Въ особенности это было замѣтно на обитателяхъ камеры № 12.

Ея арестанты перестали безцѣльно шпаться изъ угла въ уголь; между ними исчезла рознь, руготня, взаимныя каверзы, пьянство, дебоши. Словомъ, изъ мѣста прокаженного въ глазахъ начальства камера № 12 превратилась въ образцовую.

Симптомы чего-то недобраго выразались въ разныхъ формахъ.

Стремленіе каждаго арестанта направлено къ спасенію себя „отъ изнуренія“. Камера № 12 отреклась первая отъ этого священнѣйшаго начала острожнаго кодекса; напротивъ, какъ ни утомительна представлялась работа, она первая вызывалась исполнять ее. При нѣкоторой наблюдательности значеніе этого прилива трудолюбія могло бы выясниться очень скоро: стоило только взглянуть хоть на одну физиономію Васьки-Кота, во время работы, на его разбѣгающіеся глаза, чтобы понять, что не начальническое благоволеніе тянетъ его къ тяжелой лямкѣ.

„Не къ добру!“ сказалъ бы знающій острожные порядки, увидѣвъ дружбу арестантовъ камеры № 12.

Практической смыслъ подсказалъ арестантамъ, что только вмѣстѣ, сообща, составляютъ они крѣпкое, органическое тѣло, способное на серьезную борьбу, на приведеніе въ исполненіе задуманнаго плана, что только при условіи дружнаго объединенія, имъ можно рассчитывать на успѣхъ. Васька-Котъ могъ свысока относиться къ ребяческимъ планамъ Ходока, разбивавшимся при первомъ соприкосновеніи съ его выкладками и расчетами, но онъ очень хорошо понималъ, что тамъ, гдѣ нужно увлечь остальную братію, создать общее дѣло, однихъ выкладокъ и расчетовъ недостаточно, но именно требуется такая страстная натура, какой былъ Ходокъ. Понималъ, съ своей стороны, и бездомовникъ необходимость для полнаго успѣха участія въ задуманномъ дѣлѣ остальной братіи камеры № 12: далеко не всѣ арестанты этой камеры могли бы поспорить въ безумной отвагѣ съ „Шляхтой“ и Рогожниковымъ; въ случаѣ нужды, въ критическую минуту, они первые постояли бы за себя и за товарищество, связавшее съ ними свою участь. Примерной тупостью обладалъ ломовикъ Будаевъ, но за то эта тупость обладала и громадной силой, а предстоящая работа, кромѣ смѣтки, именно силы, да выносливости и требовала. Крѣпко не надежнымъ смотрѣлъ изъ писарьковъ Фаворскій; но товарищество камеры № 12 постаралось втянуть и его въ созрѣвшую затѣю: знало товарищество, что у этого писарька золотыя руки для поддѣлки фальшивыхъ билетовъ, и золотая голова для подачи канцеляр-

скихъ совѣтовъ. Медвѣдемъ смотрѣлъ Арзанкулосъ, но и за нимъ числилось великое достоинство: съ дѣтства служа по конокрадству, дикарь зналъ столько ухажаевъ, что ихъ съ лихвой могло хватить на пятнадцать человѣкъ камеры № 12, да кромѣ того, на случай нужды, онъ могъ каждому порадовать милымъ человѣкомъ, способнымъ укрыть странниковъ отъ зоркихъ глазъ.

Словомъ, арестанты, какъ люди прагматичные, люди, выдавшіе на своемъ вѣку виды, очень хорошо поняли, что для успѣха необходимо пробѣлъ въ силахъ и способностяхъ одного пополнить избыткомъ въ тѣхъ же силахъ и способностяхъ другого и, понявши это, постарались устранить поводы къ руготнѣ и розни.

Впрочемъ камеръ № 12 вообще везло. Незадолго до таинственного шушуканья назначили новаго смотрителя. Это былъ уже счастливый признакъ.

Новый смотритель тюрьмы, изъ отставныхъ военныхъ, долгое время мирно проживалъ въ родовомъ помѣстьѣ своемъ — Вышкахъ; приращеніе семьи, малые доходишки и необходимость просвѣтить нѣкоторыхъ членовъ въ гимназіи вывели его изъ тихой резиденціи. Не долго думая, старичина взялъ первое предложенное мѣсто. Отъ перваго соприкосновенія съ забубенной, прожженной семьлицей въ 200 человѣкъ у старичины закружилась немногодумная голова; жалобы, сплетни, ссоры, мыльные пузыри всевозможныхъ видовъ и сортовъ полѣзли къ нему со всѣхъ сторонъ; съ ранняго утра контора набивалась острожнымъ людомъ, являвшимся съ своими „претензіями“ до того, что свѣжему человѣку нельзя было пробывать въ ней и пяти минутъ. Сначала старичина принялся рьяно разбирать плоды острожнаго воображенія и дѣйствительности, но изъ его рьяности выходилъ одинъ пустоцвѣтъ; затѣмъ отъ мирнаго разрѣшенія дѣлъ, онъ перешелъ было къ системѣ устрашенія, — къ

сильнымъ и частымъ зуботычинамъ, но осторожная братія отгрызнулась, до старичины дошелъ слухъ, что буде онъ самъ, своей волей, не угомонится, то ему готовится нѣчто весьма внушительное.

Неужьлая борьба съ неподатливымъ на порядки міромъ продолжалась не долго. Старичина на все махнулъ рукой.

„Съ ними, чертями, самъ сатана не управится“, — говорилъ угомонившійся старичина. „Развѣ это люди? Скотина всякая лучше ихъ. Ты имъ добра желай, а они тебя ножомъ пырнуть нарываютъ, ты имъ резоны говори, — а они зубы скалятъ. Жрать, да душегубничать, проклятые, только и умѣютъ“!

Камера № 12 по первому абцугу сблизъ съ толку старичину, ее только одну онъ и исключалъ изъ ранга чертей. Трудолюбіе и тихость Рогожниковыхъ, Будаевыхъ, Котовъ очаровали его.

Не разъ держалъ умиленный смотритель такіе спичи къ отдѣльнымъ представителямъ осторожной добродѣтели, процвѣтавшей въ камерѣ № 12.

„Вѣдь вотъ, хоть бы ты, Рогожниковъ, душегубъ, а кабы съ тебя примѣръ брали, такъ я бы обѣими руками перекрестился. Впрочемъ, что ты! По моему разумѣнью, полякъ хуже душегуба, а тобой „Шляхта“ не нахваляюсь, потому, кромѣ почтенья ничего отъ тебя не видалъ. Его превосходительству даже объ тебѣ доклады валь. Молодцы, ребята!“

„Рады стараться“!

Случалось, впрочемъ, что отъ этой тихости и почтительности немногодумный лобъ смотрителя покрывался морщинами. „А ну какъ и эти что нибудь состряпаютъ“? пробѣгало въ нехитрыхъ мозгахъ старичины, но эти спасительныя мысли онъ старался отгонять прочь.

Труднѣе было камерѣ № 12 отвести отъ себя глаза священника, но и въ этомъ успѣлъ одинъ изъ товарищества, изъ евреевъ, Андрюшка Жидокъ.

— Ирѣшенъ, батюшка, каялся осторожный попъ впоследствии, когда братія успѣла убѣжать изъ тюрьмы и когда стало извѣстнымъ, что въ числѣ бѣжавшихъ находился „Жидокъ—Агнецомъ невиннымъ прикинулся; скорблю, говорить, о прежнемъ нечестіи, муки ад-

скія передъ очами зрю“. Ну и станешь утѣшать. Такъ, что жъвы полагаете? На взрыдъ рыдаетъ, въ грудь себя бьетъ.

Другіе аргусы, для своего успокоенія, требовали еще меньше хитрости, благо закрылись мирно главныя очи.

Догадливѣе была острожная братія: глядя на смиренность камеры № 12, слушая ее: „рады стараться“! эта братія лукаво посмѣивалась, да когда старичина, ругаясь за озорство, ставилъ въ примѣръ Ваську-Кота, думала:

„Постой, пучеглазый, онъ тѣ въ шапку-то наеладеть“!

Главная инициатива острожного заговора принадлежала Ходоку и Васькѣ-Коту. Эти двѣ личности представляли, такъ сказать, сердце и голову камеры № 12.

Лихорадочно-страстная натура Ходока, окончательно сложившаяся подъ вліяніемъ десятилѣтняго безпаспортнаго странствованія, меньше другихъ была способна сжиться съ тюремной обстановкой. Даже та насильственно возбуждаемая дѣятельность, которой товарищи Ходока старались заглушить потребность иной жизни, не существовала для бродяги: вольный воздухъ или смерть составляли для него двѣ грани, недопускавшія сдѣлокъ. Готовясь къ побѣгу, другіе арестанты строили планы будущей жизни, разсчитывали, соображали; вопросы: какъ устроиться? куда применить? также часто задавались ими, какъ и самый вопросъ о возможности успѣха замысла. Никакихъ практическихъ вопросовъ не задавалъ себѣ Ходокъ, ему достаточно было знать, что, въ случаѣ удачи, тюремныя стѣны не будутъ давить его, что онъ по прежнему превратится въ перелетную птицу,—достаточно для того, чтобы отдаться самому всецѣло мысли о побѣгѣ и увлечь другихъ на опасную дорогу.

Такъ передавалъ впоследствии одинъ изъ пойманныхъ арестантовъ роль Бездомовника, при „учиненіи побѣга сообщая камерой № 12“:

„Коли говорить правду, каждый изъ насъ ту мысль имѣлъ, чтобъ побѣгъ учинить, однако взбаламутилъ насъ впервой изъ бродягъ арестантъ Якишка, Ходокомъ мы его звали. До этого Якишки таились мы другъ отъ дружки точно воры, потому и промежь нашего братства завсегда измѣнщики найдутся. И скажу я вашему благородію, чудной же и человѣкъ былъ этотъ самый Якишка. Затосковался онъ съ перваго часа, какъ въ острогъ попалъ; таитъ словно свѣча. Мы къ нему значить пристали: „ты, моль, хоть бы въ больницу выписался, попользовался бы чѣмъ“ — а онъ намъ въ отвѣтъ: „отъ моего недуга дохтора лекарства не имѣютъ; растетъ, говоритъ, такая трава на зеленыхъ лугахъ, что волей прозывается, такъ тою травою только и спасгись могу“. Затосковался единожды нашъ Якишка пуще прежняго, точно въ воду опущенный ходитъ. Ходилъ, ходилъ, по острогу до самаго вечера. Пришелъ вечеръ; признаться сказать, на насъ на всѣхъ въ тѣ поры сумлѣніе нашло; только мы — ничего, поправились, каждый сталь свою категорію выводить, одинъ Якишка молчитъ. Спать ужъ надоть ложиться, — „ну, говоритъ, братцы, давайте-ка я передъ своимъ вамъ пѣсню спою; недужится мнѣ, — авось полегчаетъ, да и вамъ веселѣе станетъ“. Запѣлъ Якишка свою пѣсню и ужъ такимъ манеромъ затянулъ, что одно слово: умереть бы съ этой пѣсней. Самъ кончилъ, а мы все слушаемъ, глазъ съ Якишки не спускаючи. Эхъ, говоритъ, братцы, спѣлъ бы я вамъ эту пѣсенку на волѣ, такъ не то бы еще вышло, соловья лѣсного не надоть, заходили бы ваши ноженьки быстрыя, унесли бы они васъ за тридевять морей и земель. А чтобъ на волѣ-то быть, захотѣть только надоть, потому коли одна голова не сможетъ, десять силой возьмутъ, а коли не возьмутъ, такъ по крайности всѣмъ веселѣе страдать будетъ“. Слушавши Якишкины слова долго, — какъ это онъ волю-то все расписывалъ, положили мы въ ту же ночь обща „учинить побѣгъ“.

Много сочинялось плановъ къ побѣгу, — самые фантастическіе изъ нихъ принадлежали Бездомовнику — такъ однажды предлагалъ онъ силой вырваться изъ каземата, сбить замки, дружнымъ натискомъ смять часовыхъ и — или положить животы или быть на волѣ;

въ другой разъ предложилъ привести тотъ же планъ, только мѣстомъ исполненія избрать не острогъ, а оврагъ, и чтобы попасть на это мѣсто, выдумать такое дѣло, чтобъ всю камеру къ допросу повели; но всѣ планы какъ Ходока, такъ и другихъ арестантовъ, обыкновенно въ пухъ разбивались Васькой Котомъ:

„Эхъ вы, чертовилы! Туда же съ затѣями лѣзете! Хлестали бы другъ дружку по носамъ, да вшей по праздникамъ давили, чѣмъ всякія несообразительныя глупости придумывать. И за коимъ вамъ лѣшимъ бѣжать? Нѣшто полагаете по волѣ ходить? Держи карманъ шире. По волѣ ходить — умную башку надо, а съ глупой все одно — острога не миновать. Ты сообрази: придумалъ побѣгъ учинить, и не сообразилъ того, что допрежь, чѣмъ ты шагъ сдѣлаешь, тебѣ въ зашеекъ такихъ треуховъ наладутъ, что съ свѣтомъ вольнымъ распрощаешься.“

Послѣ cadaго разбитаго проекта острожные впадали въ отчаяніе; они думали, что дѣло окончательно проигрывалось; глубже всѣхъ это отчаяніе выражалось въ Бездомовникѣ; чѣмъ смѣлѣе была предлагаемая мысль, тѣмъ полнѣе поддавался онъ ей, тѣмъ горячѣе защищалъ ее.

— Такой ужъ онъ у насъ былъ человѣкъ, — говорили арестанты про Бездомовника — что въ другорядъ только дивисься. Словно не острожный. Осадить бывало его Васька, — такъ что вы полагаете? Ученье реветь, схватить себя за волосы: башку, кричить, разобью.

Разъ задавшись цѣлью „учинить побѣгъ“ — ровно, безъ горячечнаго увлеченія, взвѣсивая всѣ шансы успѣха и проигрыша, шелъ къ этой цѣли Васька Коть; удача, возможность исполненія не отуманила его головы, ошибка въ расчетахъ не заставляла падать въ изнеможеніи. Въ то время, какъ другіе арестанты строили фантастическіе планы, предвкушали наслажденіе волей, Васька Коть вглядывался въ дѣйствительность, прииѣрлся къ ней. Никто такъ хорошо не зналъ мѣстности расположенія острога, всѣхъ закоулковъ, никто такъ хорошо не изучилъ характеръ начальствующихъ особъ, какъ тотъ же Васька Коть. Васька Коть первый понялъ, что продолженіе дебошей въ камерѣ № 12, повлечетъ за

собой разсортировку арестантовъ, слѣдовательно открытіе тайны. разрушеніе массовой силы, — а съ тѣмъ вмѣстѣ и конецъ замыслу, первый понялъ, что начальническое благоволеніе обуславливается ослабленіемъ контроля, отсутствіемъ обысковъ и т. п., и всѣ усилія направилъ къ тому, чтобы камеру № 12 изъ мѣста прокаженного превратить въ расадникъ острожныхъ добродѣтелей. Цѣль была достигнута: изъ-подъ строгаго контроля острожнаго товарищества, имъ устроеннаго, не ускользала ни одна неровность, виновные подвергались тяжкимъ наказаніямъ. Васька Котъ зналъ, что идти съ пустыми руками на солдатъ, пробывать лбомъ острожныя стѣны — безумство, что для такого замысла, какъ „учинить побѣгъ“, должны быть, какіе ни на есть, да все же инструменты и всѣ способности своего ума употреблять на пополненіе скуднаго арсенала: старый гвоздь былъ для него драгоценной находкой, топоръ, переданный часовымъ, доставилъ ему радость на цѣлую недѣлю. Гербовая бумага, чернила, Богъ вѣсть какими путями приходили къ Коту и, подъ его надзоромъ, Фаворскій цѣлая ночи просиживалъ за поддѣлкой фальшивыхъ ассигнацій, печатей, строченіемъ всевозможныхъ паспортовъ.

Прежде чѣмъ остановиться на способъ побѣга, Васька-Котъ отстранилъ уже всѣ препятствія, какія могли встрѣтятся въ рѣшительную минуту; онъ сдѣлалъ возможной окончательную работу. Васька-Котъ дѣйствовалъ „по зрѣломъ размысленію“. Очищая путь, онъ, какъ увидимъ ниже, не задумывался надъ средствами.

Камера № 12 считалась, послѣ таинственнаго шушуканья, образцовой по кротости и послушанію, но никто такъ не льстилъ и не угождалъ начальству, — начиная отъ „Пучеглазова“ смотрителя и кончая хромоногимъ инвалидомъ Вохроменко, — какъ тотъ же Васька-Котъ.

— Чего ты передъ ними, дьяволъ, лебезишь? Али тоже въ смотрителя съ карявымъ рыломъ цопастъ наровишь? — ругались острожные, взирая на выкрутасы Васьки.

— А хотя бы и такъ; ништо вашего брата по мордасамъ чистить не сзумью? Небось. Порядки такіе заведемъ, что страсть, отгрызался Васька на арестансткую ругань.

Долго „Васька-Коть“ ограничивался отрицательной дѣятельностью: онъ отводилъ глаза начальству, устранилъ препятствія, могущія встрѣтиться въ моментъ побѣга, обдавалъ холодной водой горячешные планы другихъ арестантовъ, но о своихъ предположеніяхъ не проронилъ еще ни слова; онъ не ощущалъ подъ ногами достаточно надежной почвы.

Однажды арестантовъ послали развѣшивать бѣлье на вновь устроенную на одномъ изъ хозяйственныхъ строеній сушильню. Въ партію рабочихъ попалъ Васька-Коть. Работали арестанты на сушильнѣ не долго, какойнибудь часъ, много два, — но въ этотъ короткій срокъ въ головѣ острожнаго вожака созрѣла мысль привести въ исполненіе давно желѣемую завѣтную думу.

Васька-Коть остановился на сушильнѣ, какъ на удобнѣйшемъ пути для „учиненія побѣга“.

Острогъ состоялъ изъ двухъ дворовъ; второй назывался „заднимъ“ и заключалъ всѣ хозяйственныя службы; дворы отдѣлялись каменной стѣной, въ серединѣ которой были пробиты ворота, на ночь запиравшіеся; эти ворота и днемъ и ночью охранялись съ перваго, внутренняго двора часовымъ.

Зданіе, избранное „Васькой-Котомъ“ переходнымъ пунктомъ къ свободѣ, примыкало къ наружной стѣнѣ острога; въ нижнемъ этажѣ его помѣщались острожные служители съ своими семействами, въ среднемъ прачешная и въ верхнемъ сушильня; въ служительское помѣщеніе вела одна лѣстница, въ прачешную и сушильню другая; арестантамъ стоило только попасть на эту послѣднюю лѣстницу, чтобы имѣть за собой лишній и притомъ весьма значительный шансъ на успѣхъ. Сушильня сообщалась съ подвалкой, — имѣвшей слуховое окно, заколоченное желѣзными полосами; подъ этимъ слуховымъ окномъ приходился уступъ, шириною не болѣе пол-аршина; я указываю эти подробности, чтобы сдѣлать понятнымъ путь, избранный острожными къ свободѣ: слѣдовало попасть сначала на сушильню и подвалку, выломать оконную рѣшетку, пробраться по выдавшемуся карнизу на крышу, съ нея сажени три спуститься по водосточной трубѣ на вѣшнюю острожную стѣну, а тамъ еще нѣсколько сажень, недосмотръ часоваго и на свободѣ!

Таковъ былъ путь, избранный Васькой-Котомъ и опробованный остальнымъ товариществомъ, какъ наиудобнѣйшій и безопаснѣйшій: взирая днемъ на этотъ удобнѣйшій путь, захватывало духъ, но побѣгъ былъ учиненъ въ такую ночь, когда въ двухъ шагахъ не видно было человѣка; слѣдовательно, когда каждый неосторожный шагъ по воздушному пути могъ имѣть только одно послѣдствіе: разбитію голову о камни мощенаго двора.

Но воздушнымъ путемъ не исчерпывался успѣхъ замысла, карта далеко еще не выигрывалась, оставалась самая трудная часть работы, какъ по исполненію, такъ и по предосторожностямъ, которыя должны были приниматься, чтобы скрыть исполненіе отъ начальническихъ глазъ. Малѣйшій шумъ, ничтожный внѣшній признакъ могли быть уловлены наметавшимся на острожныхъ фортахъ глазомъ какого-нибудь унтеръ-офицера Кидошенко и тогда, конечно, плоды глубокихъ размышленій, выкладокъ, хитростей, нечеловѣческихъ трудовъ пошли бы прахомъ....

Говорили потомъ арестанты:

— Ужь и дрожало же у насъ сердечушко, какъ начнетъ обыскъ чинить этотъ самый унтеръ Кидошенко! И въ потъ тѣ бросить и въ жаръ! Такъ воть зѣнки-то свои во все стороны и плятеть; каждый камешекъ понюхаетъ. Я, говорить, и нутро-то твое все выворочу, потому знаю васъ растаковскихъ дѣтей, на спинѣ моей черезъ вашего брата зориньки выбито не мало.

Самый употребительный способъ, избираемый арестантами къ побѣгу, это подкупъ. Камера № 12, вѣрная острожнымъ тенденціямъ, тоже остановилась на этомъ пути.

Чтобы добраться до земли, чтобы начать подкупъ, арестантамъ слѣдовало устранить много препятствій. Устраивался не одиночный побѣгъ, но побѣгъ скопомъ. Начало дороги къ свободѣ должно было находиться непременно въ камерѣ. На этотъ разъ острожной братіи помогла неизяяснимо-глупая фантазія строителя, воздвигавшаго острожное зданіе; благодаря этой глупости подъ самой камерой № 12 очутился подвалъ. Зимой, осенью и весной этотъ подвалъ служилъ неизсякаемымъ резервуаромъ тифозныхъ горячекъ, домотъ, лихорадокъ и проч.; при первомъ же тепломъ солнечномъ

лучъ изъ каждой щели его лезли мириады всевозможныхъ гадинъ: блохъ, макрицъ, двухвостокъ. Но на этотъ разъ подвалу суждено было оказать немалую услугу острожной братіи: онъ былъ избранъ исходной точкой для побѣга. Весь проѣденный ржавчиной замокъ, висѣвшій на внѣшней двери подвала, служилъ доказательствомъ, что въ хранилище гадинъ и болѣзней не заглядывалъ ни разу человѣческой глазъ; арестанты могли вести отъ него мины въ полной безопасности. До подвала арестанты добрались, приподнявши половицу и пробивши въ каменномъ сводѣ отверстіе, достаточное, чтобы человѣкъ могъ пролѣзть въ него. Вся работа происходила подъ нарами, собиравшимися и разбиравшимися въ мгновение ока; приподнимавшаяся половица такъ хитро прилаживалась къ мѣсту, что только счастливый случай могъ открыть, какія дѣла „въ часъ полночный“ творятся подъ нарами.

Самый подкопъ вели сначала по прямому направленію къ стѣнѣ, раздѣлявшей острожные дворы; за этой стѣнной миной дѣлала прямой уголъ и направлялась къ огромнымъ полѣнницамъ дровъ, сложенныхъ на заднемъ дворѣ; затѣмъ, оставивъ параллельное направленіе, шла уже перпендикулярно. Выходное отверстіе подкопа приходилось какъ разъ въ узкомъ пространствѣ, оставленномъ между стѣнной и полѣницей дровъ. Какими соображеніями руководствовались острожные кроты, чтобы неошибиться въ избранномъ направленіи, что вело ихъ, понять было невозможно; слѣдовало дивиться только совершившемуся факту: арестанты не обманулись ни на одинъ шагъ, ни разу не уклонились ни въ право, ни въ лѣво; отверстіе, черезъ которое явились на свѣтъ божій замуравленные люди, пришлось въ самомъ убраннымъ мѣстѣ.

Работа шла ночью, послѣ переклички; работали всѣ поочередно. Обломокъ желѣзной полосы служилъ орудіемъ; маканецъ-свѣча, смастеренная изъ воровски захваченныхъ на кухнѣ оглобковъ жира, еле-брезжущимъ свѣтомъ освѣщала широкіе плечи, сосредоточенно угрюмое лицо подземнаго работника; нѣсколько горстей земли, кровавыя мозоли и изтерзанное тѣло—въ настоящемъ, надежда быть свободнымъ въ будущемъ, служили ему наградой.

Въ глубокомъ молчаніи шелъ страшно-тяжелый трудъ.

Глухой, лихорадочной жизнью кипѣло зданіе людской отваги: одѣв неутомимыя руки долбили каменные своды, пробивали землю, другія мастерили паспорта и деньги. Шагъ за шагомъ, обливая кровавымъ потомъ каждый вершокъ земли, — острожная братія приближалась къ цѣли. Большая половина подземнаго пути была окончена, все тѣло главнаго крота Будаева было изтерзано въ кровь. Только мирно покоилось начальство, не замѣчая, какъ вытягиваются острожныя лица отъ мучительнаго ожиданія, отъ бессонныхъ ночей.

Самымъ ненадежнымъ между своей братіей считался мѣщанинъ Никита Глазуновъ. По всему острогу онъ былъ извѣстенъ за начальническаго прихвостня и шпіона. Товарищество посвятило его послѣдняго въ свою тайну, посвятило тогда, когда уже нельзя было скрывать ее.

Посвящая Глазунова въ свою тайну, такъ закончила острожная братія:

„Воли ты, Микитка, супротивъ насъ пойдешь, измѣнщикомъ станешь, такъ разрази меня Христосъ на этомъ самомъ мѣстѣ, — изведу я твою скаредную душу.

Выраженіе лицъ носило, что грозило предателю острожнаго товарищества.

Въ послѣднее время, — съ тѣхъ поръ, какъ арестанты камеры № 12 рѣшились привести въ исполненіе свой замыселъ, авторитетъ Глазунова въ глазахъ начальства сильно пошатнулся; вмѣстѣ съ прекращеніемъ дебошей, пьянства, ссоръ, изсякъ источникъ сплетенъ, доносовъ. Все благоволеніе начальства обратилось къ Васькѣ Коту, — его ставили всѣмъ и каждому въ примѣръ, имъ тыкали глаза, при случаѣ, въ дѣлахъ обиходныхъ спрашивали у него совѣта; къ Глазунову же, бравшему шпіонство, начальство обратилось снисхожденіемъ. Это мучило Глазунова, онъ возненавидѣлъ соперника. Острожный заговоръ давалъ возможность Глазунову разомъ достигнуть двухъ цѣлей: поднять кредитъ у начальства и воздать сторицею неутомимому вожаку. Но Глазуновъ понималъ очень хорошо, что острастку давали ему не даромъ, что рассчитывать на состраданіе въ подоб-

ныхъ случаяхъ невозможно. Плохая надежда была и на недогадливость арестантовъ. Трусъ, какъ всѣ шпионы, Глазуновъ не пошелъ на приманку: или окончательно слѣться съ товариществомъ или категорично отрапортовать начальству: такъ и такъ, молъ, подкобы ведутъ, подъ александровъ день побѣгъ учинить желаютъ, — но выбралъ путь извилистый, сталъ непрерывно дуть въ начальническія уши полусловами, темными намеками: „чую де, что недоброе творится, а что творится не знаю, — сами ищите, только Ваську прижмите, потому онъ всему дѣлу заводчикъ.“

Взяло наконецъ начальство непрерывному наушничанью Глазунова: однажды въ глухую полночь нагрянуло съ обыскомъ въ камеру № 12. Но громадный замчище, висѣвшій на коридорной двери и эхо, глухо раздавшееся подъ острожными сводами, выдало приближеніе начальства: кроты во время успѣли выбраться изъ подъ земли. Камера № 12 покоилась глубокимъ сномъ, когда начальство переступило порогъ ея.

Началась прежде всего перекличка.

Карта ставилась ва банкъ, — но арестанты мастерски выдержали роли; сонные, смиренные являлись они передъ начальническія очи. Что творилось въ душѣ ихъ — неизвѣстно, — но только на лицахъ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Послѣ переклички пошелъ обыскъ; обшарили всѣ углы, — въ двухъ, трехъ мѣстахъ пробовали полъ, слазили въ печь и т. д., но въ результатъ оказалось нѣсколько трубокъ, — носогрѣйками ихъ зовутъ, — фунта два вартузанаго табаку, да колода засаженныхъ картъ.

Нельзя было сказать, чтобы такъ торжественно предпринятый обыскъ принесъ блестящіе результаты, даже ни одного фальшиваго двугривеннаго не нашли.

Начальство выругалось и съ широкъ удалилось.

Въ тотъ самый моментъ, когда на концѣ коридора брякнулъ огромный замчище, — во всѣхъ головахъ камеры № 12 мелькнула одна мысль: Микитка выдалъ! Во время обыска тридцать неутомимыхъ глазъ видѣлись въ шпиона; не смотря ни на кого, Глазуновъ чувствовалъ на себѣ вліяніе этихъ глазъ, и, подъ этимъ вліяніемъ, блѣдный, какъ полотно, стоялъ во все время, какъ тѣшилось начальство.

Повидимому, послѣ обыска, въ отношеніяхъ осторожнаго товарищества къ Глазунову не произошло никакихъ пережѣвъ, къ нему относились ни хуже, ни лучше; арестанты понимали, что малѣйшая пережѣна въ отношеніяхъ укажетъ Глазунову на настоятельную необходимость сдѣлать рѣшительный шагъ. Но за то на третій день послѣ обыска, когда всѣ арестанты разбрелись по острожному двору, въ одномъ изъ угловъ этого двора собрался судъ изъ главныхъ вожаковъ заговора. Это былъ судъ безапелляционный, неуомлимый, — судъ, совмѣщавшій въ однихъ и тѣхъ же личностяхъ и обвинителей и судей. „Измѣнникъ“ покушался разбить все, чѣмъ жила осторожная личность, — на порогъ свободы хотѣлъ снова втиснуть ее въ могилу; до произнесенія приговора участь его уже была предрѣшена.

— Понимаете, братцы вы мои, съ которой стороны вѣтеръ-то дуетъ?

— Знамо оиъ.

— Прихвостень поганый!

Вопросъ общественной безопасности и возмездія разрѣшился не такъ скоро; за его предложеніемъ наступило, въ продолженіи нѣсколькихъ мгновеній, гробовое молчаніе; всѣ утрюмо смотрѣли въ землю; ни у кого перваго не срывалось роковое слово.

— Что же вы носы-то повѣсила? первый заговорилъ Васья-Котъ. — Али жаль стало ненагляднаго? Грѣха нешто, праведныя души, побоялись?

— Жалѣть собаку чево.

— За него и отвѣтъ - то весь: три пятницы молока не хлѣбать.

Только въ сердцѣ Ходока шевельнулось состраданіе; жаль ему стало Никиты.

— Попужать бы, братцы; можетъ, и совѣсть скажется.

— Нашелъ совѣсть въ аспидѣ.

— Душа-то, братцы, и у него живая; жа...

Но Рогожниковъ не далъ бродягѣ докончить.

— Дивлюсь я, Якишка, слушаючи твои рѣчи. Мугъ тебѣ мало? Волю что ли разлюбилъ?

— Баба.

Ходокъ махнулъ рукой и отошелъ прочь.

— Такъ какъ же полагаете?

— Какъ? башку разбить.

— Знаю!

Другіе молча подтвердили приговоръ.

У Глазунова была страсть выпить.

Дня черезъ два послѣ произнесенія приговора осторожнымъ судомъ, Васька-Котъ, какъ за великую тайну, передалъ Глазунову, что стоявшій наканунѣ въ караулѣ знакомый солдатъ принесъ ему двѣ бутылки водки и оставилъ ихъ въ секретномъ мѣстѣ, за цейхаузомъ. У Глазунова разгорѣлись глаза. Васька-Котъ пообѣщалъ Глазунову стаканъ водки, если онъ пойдетъ съ нимъ и ухитрится перенести половину сокровища въ камеру. Глазуновъ, ничего не подозревая, тѣмъ больше что дѣло было днемъ, часа въ три, съ превеликою радостью изъявилъ свое согласіе.

Пошли; черезъ пол-минуты изъ камеры вышелъ Будаевъ и отправился, только другой дорогой, къ тому же цейхаузу.

Во все время ихъ отсутствія въ камерѣ царствовала какая-то торжественная тишина; никто не выронилъ ни слова; арестанты избѣгали встрѣтиться глазами другъ съ другомъ.

Минуть черезъ пять, десять возвратился Будаевъ и Васька-Котъ безъ Глазунова и безъ водки; они были блѣднѣе обыкновеннаго. Никто изъ присутствовавшихъ въ камерѣ не спросилъ, что случилось съ Глазуновымъ; вопросъ былъ напрасенъ; лица палачей говорили, что приговоръ неумолимаго суда приведенъ въ исполненіе.

На вечернюю переключку Глазуновъ не явился; бросились искать его и нашли — повѣшеннымъ за цейхаузомъ; немного выше роста Человѣческаго выходила перекладина, такъ на ней и повисъ.

Вечеромъ въ тотъ день Фаворскій преподавалъ юридическую мудрость арестантамъ:

— Что бы вамъ ни толковали, на одномъ стойте: знать, молъ-ничего не знаю вѣдать не вѣдаю. Спросать: подозрѣнія на кого не имѣешь ли? Ладь одно: къ убивству самъ не причастенъ, подозрѣнія изъявить никакого не могу. Кричать начнешь, ругаться, — молчи, а потомъ: это, молъ, ваше высокоблагородіе супротивъ закона,

я съ такого страха и невѣсть что нагорожу; коли кто тутъ будетъ — скажи: засвидѣтельствуйте, почтенные господа, что господинъ слѣдователь нестерпимыя притѣсненія чинить. Потому значить, какъ угомонится, такъ ты тихимъ манеромъ, со всякимъ почтеніемъ и подпусти: примѣчалъ-де я за Микиткой тоску не малую, — бывало цѣлыя ноченьки глазъ онъ не смыкалъ; стонеть все напѣ парень, потому и болталъ онъ не однажды: рученьки молъ на себя наложу, опостылѣлъ мнѣ свѣтъ божій. Такъ можетъ и взаправду угораздиль надъ собой эдакую линію. Врагъ-то силенъ... Да самъ-то попростѣ будь, чтобъ глядя на тебя полагали: парень-то дуракъ не дуракъ, а съ придурью не малой.

Учитель былъ бывалый; ученики понятливые; начальство не особенно прозорливое; дѣло сошло къ обоюдному удовольствію.

Пятнадцать голосовъ повторяло одну и ту же пѣсню съ незначительными варіаціями; начальство осталось очень доволью; правосудіе удовлетворилось безъ труда, безъ ломанья головы.

Черезъ два дня Глазунова свалили въ оврагъ, какъ самоубійцу.

Послѣ смерти Глазунова работа пошла еще неутомимѣе, еще лихорадочнѣе; бѣльмо съ глазъ исчезло, бояться было некого. Цѣлыя, ночи арестанты оставались поль земли, только къ утру, измученные, являлись они изъ своего убѣжища. Къ концу августа огромный, сажень въ семь, подкопъ былъ совсѣмъ готовъ. Назначили и день побѣга: канунъ Александра Невскаго. Выборъ для послѣдовалъ послѣ долгихъ совѣщаній и обнаруживалъ большую практичность въ выбиравшихъ: тучи чаще заволакивали небо, ночи стали темнѣе, а между тѣмъ до холодовъ, гонящихся бездомный людъ по теплымъ угламъ, оставалось еще долго; канунъ большихъ праздниковъ православные проводятъ по церквямъ, и помолившись усердно Богу, спятъ крѣпче. Чѣмъ ближе подходилъ роковой день, тѣмъ внут-

реальная борьба все рѣзче и рѣзче отпечатлѣвалась на лицахъ; даже вѣчно сдержанный, вѣчно рассчитывающій Васька-Котъ подчасъ измѣнял себя, — объ остальныхъ арестантахъ и говорить нечего, они ходили совсѣмъ полоумные.

Затѣя камеры № 12, какъ оказалось впоследствии, оставалась не безызвѣстною, большей половиной острога, но не только никто не выдалъ ее, напротивъ, каждый изъ знавшихъ тайну, старался быть полезнымъ товариществу, одни вслѣдствіе глубокой симпатіи къ затѣй, другіе памятуя страшную участь, постигшую Глазунова.

Пришелъ кануць Александра Невского.

Всенощная шла своимъ чередомъ въ острожской церкви: звонко заливались пѣвчіе, на самомъ видномъ мѣстѣ, окруженное чадами и домочадцами, красовалось разнообразное начальство, за нимъ тѣснился свободный людъ, а дальше, сквозь дымъ и парь, за проволочной рѣшеткой видѣлись блѣдныя фізіономіи. Всѣ знакомые обитатели камеры № 12-й, за исключеніемъ конечно Арзанкулова, — онъ до поту лица молился въ камерѣ, — были на лицо и усердіе, чѣмъ когда либо, клали земные поклоны. Не молился одинъ только Ходокъ: приложивъ пылающее лицо къ мокро-холодной стѣнѣ, онъ тяжело дышалъ и вздрагивалъ по временамъ: образѣе всѣхъ мерещилась бродягѣ скорая воля. Священникъ не однажды жаловался по начальству, что арестанты безъ должнаго благоговѣнія присутствуютъ въ храмѣ, но на этотъ разъ, по всей вѣроятности, и онъ оставался доволенъ своей разнохарактерной паствой: даже всегдашняго шушуканья не было слышно, звякъ кандаловъ и тотъ рѣже раздавался: точно къ великому таинству готовились арестанты. Неторопливо, покорно выходили изъ своей клѣтки арестанты и прикладывались къ Евангелію; принявъ благословеніе, покорно лобзали они пастырскую руку, и также покорно склоняли свои головы передъ стоящимъ у наоя начальствомъ.

Кончилась всенощная; арестантовъ развели по камерамъ и сдѣлали обычную перекличку; Ходока била лихорадка, онъ едва могъ проговорить “здѣсь”, — и тутъ же заявилъ, что ему неможется, что онъ завтра же желаетъ выписаться въ больницу.

Начальство отошло ко сну; острогъ оцѣнили часовыми; звонко-

протяжное: „слушай„ — говорило, какъ зорко оберегается тюрьма.

Ночь подъ Александра Невскаго была темна, какъ адъ ермѣшнѣй: въ двухъ шагахъ человѣка не видать; дождь лить, какъ изъ ведра, — холодный вѣтеръ сбивалъ съ ногъ. Дрожкой дрожали часовые, кутаясь въ свои хламиды.

Поздно за полночь поднялись острожные: точно вызванные чаро-дѣйствомъ, выходили изъ подъ земли темныя фигуры, торопливо пробѣгали дворъ, снова исчезали въ уродливомъ зданіи и снова появлялись высоко на крышѣ. Какъ кошки, цѣплялись они по коньку, по водосточной трубѣ и, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ часоваго, спускались по веревкѣ на вольную землю.

Десять человѣкъ дышало уже вольнымъ воздухомъ; случайно-ли, шумъ ли услышалъ часовой, только поднялъ онъ глаза и обомгѣлъ; по острожной стѣнѣ спускалась темная масса. Не помня себя, часовой вскинулъ ружье и приложился. Быть можетъ, въ первый разъ не обмануло ружье: раздался выстрѣлъ, черная масса тяжело грохнула на землю.

Поднялась тревога; первымъ дѣломъ бросились къ упавшей массѣ; обливаясь кровью, то лежалъ пробитый на вылетъ въ грудь Ходокъ. Шальная пуля сыграла надъ нимъ сверную шутку.

Почти одновременно на дворѣ раздался сквозъ бурю страшный стонъ и еще тяжелѣе грохнула съ крыши на землю другая масса: у Рогожникова нога сорвалась..... За то пошла гулять по свѣту остальная тюремная семья.

Н. Соколо вскій.

ИЗЪ ИСТОРИИ РАБСТВА.

(Очеркъ второй).

VII.

Тюрьма Азеноры освѣщалась блѣднымъ свѣтомъ лампы. Молодая женщина сидѣла задумавшись надъ сосудомъ, въ которомъ заключался жизненный напитокъ, приготовленный ею для графа Плауэрнеля. Наконецъ она открыла ящикъ, вынула изъ него сначала порошокъ, который всыпала въ приготовленное питье, затѣмъ взяла скляночку, выпила содержащуюся въ ней жидкость и тихо проговорила:

— Ну, мой любезный Неровегъ, теперь ты можешь придти. Я ожидаю тебя съ нетерпѣнiемъ.

И губы ея искривились злою улыбкою.

— Однакожъ надо подбавить крови... тогда скорѣе бросится въ глаза... Этихъ свирѣпыхъ дикарей можно пробрать только тѣмъ, что сильно дѣйствуетъ на ихъ воображенiе... Бѣдное дитя!

Изъ ея груди вырвался глубокий вздохъ, и она направилась къ той конурѣ, гдѣ спалъ малютка Коломанъ.

Малютка уже проснулся, онъ сидѣлъ въ уголку, съжившись, и горько плакалъ.

— Подойди ко мнѣ, сказала она нѣжнымъ голосомъ, — подойди, милый малютка.

Сыннишка Фергана повиновался, всталъ и робко подошелъ къ молодой женщинѣ. Его блѣдная фигура, также какъ и у его матери, дышала кроткой и нѣжной прелестью.

— Ты все еще горюешь, малютка, сказала Азенора, поставивъ ребенка между собой и столомъ, на которомъ лежалъ кинжалъ. — Нехорошо постоянно плакать, ты можешь заболѣть.

Ребенокъ продолжалъ рыдать.

— О чемъ ты горюешь?

— Гдѣ мой папа, моя мама; сколько времени я ихъ уже не вижу.

— Такъ ты очень любишь своего отца и свою мать?

Бѣдное дитя, вмѣсто отвѣта, съ глухими рыданіями бросилось на шею колдуньи. Азенора не хотѣла мѣшать этому наивному изліянію горя, приняла малютку въ свои объятія и стала нѣжно цѣловать и ласкать его. Ребенокъ, все продолжая плакать, сталъ на колѣни предъ молодой женщиной и покрылъ поцѣлуями ея блѣдныя, мертвенныя руки. Азенора, до глубины души потрясенная этими нѣжными, ребяческими ласками, грустно и внимательно разсматривала ребенка.

— Нѣтъ, нѣтъ,.... мужество меня оставляетъ, шептала она....—Я думаю, что будетъ достаточно нѣсколькихъ капель....

Уже рука ея приближалась къ кинжалу, какъ вдругъ она услышала странный, глухой шумъ въ стѣнѣ. Онъ былъ похожъ на звукъ волочащейся по каменнымъ плитамъ цѣпи. Испуганная женщина оттолкнута отъ себя ребенка, и подбѣжала къ тому мѣсту, откуда слышался шумъ. Къ ея удивленію, отворилась потайная дверь и въ нее вошелъ Ферганъ—блѣдный, покрытый потомъ, съ лицомъ, обезображеннымъ яростію. Въ рукахъ у него былъ ломъ. Ужасъ Азеноры еще болѣе усилился, между тѣмъ Коломбанкъ, съ радостнымъ крикомъ, бросился на шею къ вошедшему такимъ страннымъ образомъ каменьщику.

— Мой отецъ! кричалъ ребенокъ. — Мой милый отецъ!...

Ферганъ, упоенный счастіемъ, уронилъ ломъ, сжалъ въ своихъ сильныхъ объятіяхъ своего милаго ребенка, цѣловалъ его и разсматривалъ, какъ будто не видался съ нимъ цѣлые годы.

— Добрый батюшка!... Милый отецъ, повторялъ ребенокъ.

— Его отецъ? сказала Азенора. — Какъ онъ могъ пройти сюда?

Рабъ, не замѣчая присутствія Азеноры, продолжалъ всматриваться въ лицо своего малютки.

— Онъ блѣденъ, онъ плакалъ, шепталъ отецъ, — но, кажется, онъ не страдалъ, они его не мучили.

И еще разъ поцѣловавъ ребенка, онъ прибавилъ:

— Мое бѣдное дитя! воображаю, какъ твоя мать будетъ счастлива.

Потомъ, когда нѣсколько успокоились въ немъ родительскія чувства, онъ вспомнилъ, что былъ здѣсь не одинъ, и, не сомнѣваясь, что Азенора именно та колдунья, которой имя производило ужасъ даже между рабами сеньерин, онъ, поставивъ своего сына на землю, поднялъ лѣмъ и подошелъ къ молодой женщинѣ съ угрожающимъ видомъ.

— Это ты, проклятая, закричалъ онъ грозно, — ты, для своего дьявольскаго колдовства, воруешь дѣтей у честныхъ людей. Ты должна умереть и умрешь.

Онъ взмахнулъ своимъ ломомъ.

— Папа, не убивай ее, закричалъ ребенокъ, обнимая колѣни своего отца. — О, не убивай ее, она такъ хорошо ласкала меня передъ тѣмъ, какъ ты вошелъ!....

Ферганъ, пораженный словами Коломбаика, опустилъ смертоносное оружіе и, съ изумленіемъ глядя на Азенору, которая мужественно смотрѣла ему въ глаза, сказалъ, обращаясь къ своему ребенку:

— Эта женщина тебя цѣловала?

— Да, отецъ!... Все время, какъ я находился здѣсь, она обращалась со мной такъ ласково.

— Если это такъ, сказалъ каменьщикъ, бросая вопросительный взглядъ на колдунью; — къ чему велѣла ты похитить этого ребенка?

— Гдѣ нашелъ ты проходъ, которымъ могъ войти въ эту башню? спросила Азенора, не отвѣчая на вопросъ раба.

— Тебѣ какое дѣло!?

Молодая женщина быстро отворила сундукъ, вынула оттуда большую шкатулку съ золотомъ и показала ее Фергану.

— Возьми все это золото и позволь мнѣ сопутствовать тебѣ, сказала она; — если ты могъ войти сюда потайнымъ ходомъ, точно также ты можешь выйти отсюда.

— Ты... ты будешь мнѣ сопутствовать?

— Я хочу бѣжать изъ этого замка, гдѣ меня держатъ какъ плѣнницу; я пойду въ Анжеръ къ Вильгельму IX, герцогу Аквитаніи....

Тутъ она стала внимательно прислушиваться, показавъ знаками Фергану, чтобы онъ молчалъ.

— Тише! почти шепотомъ сказала она; — я слышу голоса и шаги на лѣстницѣ; сюда входятъ.... это Неровегъ!

— Онъ! закричалъ каменьщикъ съ злобной радостью потрясая своимъ ломомъ. — А, лютый звѣрь! ты больше никого не будешь мучить!

— Несчастный! ты насъ погубишь! Графъ не одинъ, борьба невозможна; подумай о своемъ сынѣ!

Потомъ, показавъ на массивную дубовую мебель, она прибавила:

— Живѣе, завали этой мебелью дверь, ключъ отъ которой постоянно находится у Неровега; онъ меня держитъ въ самомъ мучительномъ плѣну, и я его ненавижу, можетъ быть, болѣе, чѣмъ ты. Поспѣши, мы имѣемъ еще время убѣжать... Скорѣе, скорѣе, Неровегу осталось пройти только нѣсколько ступеней... я уже слышу звонъ его шпоръ о камни...

Ферганъ, думая только о спасеніи сына, забылъ свою ненависть къ кровожадному графу и послѣдовалъ совѣту Азеноры. Онъ стащилъ своими сильными руками массивную мебель и такъ баррикадировалъ дверь, что потребовались бы страшныя усилія для уничтоженія его работы. Въ то же время Азенора, нагнувъ на плечи плацъ и положивъ въ карманъ нѣсколько мѣшковъ съ драгоценностями, указала Фергану на ящикъ съ золотомъ.

— Бери же это золото, сказала она, — и побѣжимъ.

— Неси сама твое золото, а я понесу моего сына и ломъ, чтобы было чѣмъ защищать его!

Вида, что раба ничѣмъ не сговоришь, Азенора сама захватила ящикъ. Въ это самое время Неровегъ вложилъ ключъ въ замокъ.

— Азенора, кто держитъ дверь извнутри, закричалъ онъ грозно стуча въ дверь. — Проклятая колдунья! Это ты ее заколдовала!

Пока Неровегъ неистово колотилъ въ дверь, каменьщикъ, его сынъ и Азенора подошли къ потайной двери и стали спускаться по лѣстницѣ, устроенной въ стѣнѣ башни. Лѣстница была чрезвычайно узка. По желанію Фергана первую стала спускаться колдунья, за нею Коломбаикъ, а сзади онъ самъ. Ферганъ имѣлъ въ рукахъ лампу. Этотъ потайной ходъ былъ устроенъ такимъ образомъ, что проходилъ мимо каждой тюрьмы; послѣднія сообщались съ ходомъ посредствомъ слуховыхъ оконъ и потайныхъ дверей, о которыхъ узники, разумѣется, не имѣли никакого понятія. Слуховыя окна помогали шпионить, и каждое слово заключеннаго дѣлалось извѣстнымъ Неровегу, или одному изъ его довѣренныхъ лицъ, тамъ подслушивающихъ. Тюрьма Бенезека была устроена также, какъ и другія тюрьмы, и это была лампа Фергана, поднимавшагося къ башнѣ, которая такъ сильно перепугала несчастную Изолину. Когда бѣглецы, спускаясь внизъ, поровнялись съ этой тюрьмой, ихъ поразилъ страшный хохотъ, похожій на хохотъ сумасшедшаго человѣка. Они невольно остановились. Ферганъ посмотрѣлъ въ дыры, замѣняющія глаза у извѣстной намъ маски. Онъ задрожалъ отъ ужаса. На желѣзной рѣшеткѣ лежалъ полуобгорѣлый трупъ Бенезека, и подлѣ, на вучѣ соломы, сидѣла, уткнувъ голову въ колѣни, несчастная дочь его Изолина, время отъ времени смѣющаяся хохотомъ сумасшедшей. Она, дѣйствительно, сошла съ ума. Ферганъ, потрясенный до глубины души, обдумывалъ, какъ бы вывести эту несчастную изъ адской тюрьмы, какъ вдругъ отворилась дверь, и въ нее вошелъ старшій сынъ Неровега — Гонтрамъ. Онъ былъ пьянъ. Приближаясь къ Изолинѣ, онъ задѣлъ за рѣшетку, на которой лежалъ трупъ Бенезека, но нисколько не смутившись онъ подошелъ къ дочери, въ присутствіи которой замучили ея отца, и подошелъ съ единственной цѣлю обольстить ее и сдѣлать своей наложницей. Бросая на нее страстные взгляды, онъ взялъ ее за руку, и сказалъ:

— Пойдемъ со мною!

Сумасшедшая, казалось, ничѣго не видѣла и не слышала, она по прежнему продолжала смѣяться.

— Ты очень веселая дѣвушка, продолжалъ развратный юноша; — я сегодня тоже веселъ! Пойдемъ на верхъ, тамъ мы посмѣемся вмѣстѣ!

— А, измѣнникъ! закричалъ кто-то, тоже входя въ тюрьму; — я вѣрно угадалъ твои замыслы, когда ты поднялся изъ за стола въ то время, какъ отецъ отправился къ колдунѣ.

И бросившись на своего брата, Гюн (это былъ онъ) закричалъ неистовымъ голосомъ:

— Я говорилъ уже, что если тебѣ вздумается овладѣть этой женщиной, ты мнѣ заплатишь за это желаніе своею кровью.. Она принадлежитъ мнѣ столько же, сколько и тебѣ.

— Ты смѣешь! крикнулъ Гонтрамъ, оставляя руку Изолины, — ты, незаконнорожденный сынъ капеллана моей матери.

Размахнувшись, онъ ударилъ по лицу своего брата и выхватилъ мечъ. Гюн обнажилъ свой. Началась борьба, но она продолжалась недолго: Гюн упалъ мертвый къ ногамъ своего брата.

— Незаконнорожденный умеръ... Теперь ты моя, обратился онъ къ Изолинѣ. — Теперь ты принадлежишь мнѣ вполне и нераздѣльно. Чтобы обладать тобою, я убилъ этого негодяя.... Довольно ли тебѣ одной смерти?

— Нѣтъ .. и ты умрешь также, какъ умеръ твой братъ,.. ты сынъ проклятаго Неровега, изверга и мучителя людей, закричалъ Ферганъ грознымъ голосомъ.

И прежде чѣмъ Гонтрамъ, державшій въ объятіяхъ дочь Бенезека, успѣлъ обернуться, онъ получилъ такой жестокий ударъ въ голову ломомъ, что, не произнеся ни крика, ни сто-на, повалился мертвый на землю къ ногамъ Изолины.

— Еще однимъ Плуэрнеземъ меньше! съ злобной радостію закричалъ Ферганъ.

Несчастная сумасшедшая, не понимая ничего, что вокругъ нея дѣлалось, глядѣла на все бессмысленными глазами.

Но какимъ образомъ Ферганъ могъ явиться такъ кстати на помощь къ несчастному созданію?

Каждая тюрьма имѣла, какъ мы уже сказали, свой особый потайной ходъ съ того секретнаго прохода, которымъ шелъ Ферганъ. Средневѣковые люди были чрезвычайно изобрѣтательны на подобные тайники. Забота о собственной защитѣ

побуждала ихъ изощрять свои умственные способности на изобрѣтеніе такихъ ходовъ, которые бы давали имъ средство въ случаѣ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, наострить лыжи и ударить куда нибудь въ лѣсъ, гдѣ и скрываться до тѣхъ поръ, пока врагъ, насыщенный грабежемъ и убійствомъ, не удалится въ свою берлогу.

Потайные ходы въ тюрьмѣ дѣлались съ тою цѣлю, чтобы, въ случаѣ надобности, расправившись въ ней по своему произволу, избѣжать огласки. Средневѣковыми людямъ не зачѣмъ было обращать особенное вниманіе на общественное мнѣніе, — они его презирали, — но бывали, однакоже, случаи когда и они считали нужнымъ скрывать свои дѣянія отъ свѣта.

Черезъ такой-то потайной ходъ вошелъ Ферганъ въ тюрьму въ то время, какъ борьба между братьями ознаменовалась убійствомъ.

Расправившись съ сыномъ Неровега и оттолкнувъ ногою его трупъ, каменьщикъ подошелъ къ Изолинѣ.

— Пойдемъ со мною, бѣдное дитя, сказалъ онъ, — пойдемъ поскорѣе...

Но сумасшедшая ничего не отвѣчала, она вперила свой взглядъ въ какую-то отдаленную точку, и, повидимому, не поняла словъ Фергана.

Онъ взявъ ее за плечи, поднялъ и хотѣлъ уже вести съ собою, какъ вдругъ бѣдная дѣвушка опустилась предъ нимъ на колѣни.

И этотъ жестъ былъ машинальный, такъ какъ за нимъ не послѣдовало никакого возгласа.

— Женщина! обратился тогда Ферганъ къ Азенорѣ, съ свирѣпымъ наслажденіемъ разсматривавшей трупы сыновей Неровега, — женщина, возьми эту несчастную за руку, можетъ быть, она послушаетъ тебя и пойдетъ за нами.

Его предположеніе оправдалось: Изолина тотчасъ же послѣдовала за колдуньей. За нею вышелъ Ферганъ и заперъ за собою дверь тюрьмы.

— Зачѣмъ намъ брать съ собою эту сумасшедшую, — она только замедлитъ нашъ путь, сказала Азенора.

— Развѣ я оставилъ тебя? закричалъ угрожающимъ тономъ «Дѣло», № 10.

Ферганъ, — развѣ я не подарилъ тебѣ жизнь? Берегись! Если ты не станешь помогать мнѣ вывести изъ этой труппы несчастное дитя, то...

— Напрасны твои угрозы, прервала Азенора, — я готова во всемъ помогать тебѣ, лишь бы не оставляла меня надежда проникнуть къ герцогу Аквитаніи... О, я готова на колѣняхъ ползти отсюда въ Анжеръ къ Вильгельму... Говори, что я должна дѣлать.

— Помочь мнѣ вести это несчастное созданіе, а, тѣмъ временемъ, мой сынишка посвѣтитъ намъ.

Углубляясь все дальше и дальше, бѣглецы, наконецъ, почувствовали, что начинаютъ подниматься вверхъ. Скоро они вышли на свѣжій воздухъ между скалъ, находящихся болѣе чѣмъ въ верстѣ отъ замка.

VIII

Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждала Жеганна возвращенія своего мужа. Раннее утро застало ее сидящею у дверей ея жалкой лачуги и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ смотрящею вдоль дороги. Внезапно ея вниманіе было развлечено глухимъ шумомъ, похожимъ на гулъ сотенъ человѣческихъ голосовъ. Тревожно осматриваясь, она, наконецъ, замѣтила густую толпу народа, которая валила по деревенской улицѣ и видимо направлялась къ тому концу ея, на которомъ стояла изба Фергана. По временамъ изъ толпы слышался крикъ, повторяемый сотнями голосовъ:

— Богъ этого хочетъ!... Богъ этого желаетъ!...

Во главѣ этой толпы ѣхали: на бѣломъ старомъ мулѣ монахъ, и на черной маленькой лошаdkѣ воинъ. Монаха звали Петръ Пустынникъ, или, по просту, Петръ Кукушка. На лѣвомъ его плечѣ красовался красный крестъ; вмѣсто пояса онъ былъ опоясанъ толстой веревкою; его голыя ноги обуты въ толстые деревянные башмаки, и вообще вся его одежда имѣла

нищенскій видъ; его лицо выражало страшнѣйшій фанатизмъ и носило на себѣ печать сильныхъ страстей и необузданной воли; въ правой рукѣ онъ держалъ огромный, грубо-выдѣланный деревянный крестъ. Его товарищъ, гасконскій дворянинъ, Готье, по прозванію Голякъ, отличался совершенно противоположной наружностью. Насколько наружность Петра внушала уваженіе и страхъ, настолько уморительное лицо Готье возбуждало невольный смѣхъ. Онъ также носилъ красный крестъ на своемъ плечѣ, онъ первый за Петромъ заявилъ желаніе идти въ крестовый походъ, на освобожденіе гроба господня. Онъ составлялъ рѣзкую противоположность съ своимъ серьезнымъ и суровымъ товарищемъ; онъ вѣчно смѣялся, вѣчно отпускалъ шуточки и развлекалъ своихъ путевыхъ товарищей сальными разсказцами и веселыми прибаутками. За этими двумя провозвѣстниками крестовыхъ походовъ, шла пестрая, густая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Она состояла изъ людей различныхъ общественныхъ положеній. Здѣсь были люди обезпеченныхъ городскихъ сословій, но были также и рабы, вилены, нищіе, бродяги, даже разнаго рода преступники, вышедшіе на свѣтъ Божій изъ лѣсовъ, гдѣ они скрывались долгое время; у всѣхъ у нихъ на лѣвомъ плечѣ красовался красный крестъ. Болѣе богатые изъ нихъ путешествовали на ослахъ и мулахъ; были даже и такіе, которые ѣхали въ телѣгахъ, запряженныхъ лошадьми. Они захватили съ собой все свое имущество до послѣдней курицы, и за крестовымъ воинствомъ тянулись цѣлыя массы домашняго скота.

Эта толпа въ 3—4 тысячи человѣкъ шла изъ Анжера и его окрестностей; каждая деревня, чрезъ которую она проходила, снабжала ее новыми подкрѣпленіями. Рабы, почувствовавъ нѣкоторую свободу, совершенно опьянѣли отъ восторга; въ первый разъ имъ привелось безнаказанно оставить господскую землю, обильно орошенную ихъ потомъ и кровью. Ихъ веселыя восклицанія, ихъ беспорядочныя пѣсни, — раздавались на далекомъ пространствѣ; время отъ времени они повторяли съ восторгомъ слѣдующія слова Петра Пустынника:

— Смерть сарацинамъ! Идемъ на освобожденіе святаго гроба!... Богъ этого хочетъ.

Или кричали за Готье:

— О, Иерусалимъ, городъ чудесъ! Онъ будетъ нашъ, этотъ городъ веселья, хорошаго вина, женщинъ-красавицъ, золота и солнца! Она будетъ наша—земля обѣтованная!

Эта поющая, танцующая, шумящая и восклицающая толпа остановилась подлѣ избы Фергана. Здѣсь же собрались рабы плуэрнельской сеньеріи; они шли уже на полевые работы, но, завидѣвъ приближеніе крестоносцевъ, остановились, отчасти изъ любопытства, но болѣе изъ страха.

— Молчите! кричали въ толпѣ.— Слушайте, Петръ и Готье хотятъ говорить.

Водворилась тишина. Петръ подѣхалъ ближе къ рабамъ графа Плуэрнеля и началъ говорить сильнымъ; рѣзкимъ голосомъ:

— Знаете-ли вы, христіане, мои братья, знаете ли вы, что происходитъ въ Палестинѣ въ то время, какъ вы спокойно сидите въ вашей деревнѣ. Божественная гробница Спасителя міра во власти сарациновъ! Да, да! Онъ въ рукахъ невѣрныхъ, святой гробъ нашего Спасителя! Несчастіе! несчастіе! Проклятіе! Проклятіе!

Монахъ ударилъ себя въ грудь, разорвалъ свою рясу, закатилъ глаза подъ лобъ, заскрежеталъ зубами, нѣсколько разъ конвульсивно повернулся на сѣдлѣ и еще съ большимъ жаромъ продолжалъ свою рѣчь:

— Какъ, невѣрные владычествуютъ въ Иерусалимѣ! Они оскверняютъ своимъ присутствіемъ святой городъ, мѣсто, гдѣ находится гробница Христа, а вы, христіане, мои братья, вы терпите это ужасное святотатство! Намѣрены ли вы терпѣть его долѣе?

— Нѣтъ, нѣтъ, закричали въ толпѣ, сопровождавшей монаха,—смерть невѣрнымъ! Освободимъ святой гробъ! Пойдемъ къ Иерусалиму! Богъ этого хочетъ! Самъ Богъ намъ повелѣваетъ.

Рабы плуэрнельской сеньеріи, невѣжественные, забытые, трусливые, широко раскрыли свои удивленные глаза. Они смотрѣли другъ на друга, какъ бы спрашивая, что это такое Иерусалимъ, какіе-такіе звѣри сарацины, и съ какой стати выйдутъ изъ себя этотъ странный монахъ. Наконецъ уже извѣст-

ный намъ Мартинъ рѣшился обратиться къ монаху съ такимъ вопросомъ:

— Святой отецъ, мы знаемъ, что нашъ Спаситель пребываетъ на небѣ вмѣстѣ съ Богомъ. Отцемъ, такъ какая бѣда въ томъ, что его гробница находится въ рукахъ этихъ, какъ вы ихъ называете, сарациновъ.

— О несчастіе! О омерзѣніе! О печаль для всего міра! вскричалъ Петръ. — Знаете ли вы, мои братья, христіане, что говоритъ нашъ Спаситель, взирая на вашу холодность къ святынямъ: «О! люди маловѣрные, я отдалъ свою кровь, чтобы васъ освободить...

— Намъ освободить? прервалъ его съ грустью одинъ изъ болѣе молодыхъ рабовъ. — Ну, нѣтъ, наврядъ ли это будетъ. Рабами были наши отцы, рабы мы сами, рабами же будутъ и наши дѣти!

Это замѣчаніе, безъ сомнѣнія, нѣсколько озадачило монаха; онъ повернулся нетерпѣливо на своемъ мѣстѣ.

— О горе! О! проклятіе! загремѣлъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ. — «О, люди маловѣрные, я отдалъ свою кровь, чтобы искупить ваши грѣхи, а вы, взявъ, не хотите дать мнѣ кровь этихъ сарациновъ, которые ежеминутно кощунствуютъ надъ моею гробницею». — Вотъ что скажетъ божественный Спаситель... Вотъ что говоритъ онъ теперь, въ эту минуту...

— И это не все, перебилъ Готье. — Спаситель еще говоритъ: «Какъ! эти проклятые сарацины по горло сидятъ въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ; они живутъ въ благословенной странѣ, гдѣ человѣку для полученія пропитанія нѣтъ надобности работать до истощенія силъ: плодородная земля сама даетъ ему все необходимое; и чего, чего нѣтъ въ этой благополучной странѣ: и золотой колось, и рѣдкіе фрукты, и тонкія вина, и великолѣпныя стада!» — Вотъ что говоритъ Спаситель, мои милые друзья. — Видите, какая это чудная страна; чтобы повѣрить всему этому, надобно самимъ видѣть! Подумайте, зимы тамъ не бываетъ, а стоитъ вѣчная весна; самые бѣднѣйшіе изъ этихъ собакъ-сарациновъ живутъ въ бѣлыхъ мраморныхъ домахъ, и цѣлыми днями проводятъ время въ очаровательныхъ садахъ, украшенныхъ освѣжающими фонтанами; ихъ дѣти, одѣтыя въ

шелковыя платья, играютъ на улицахъ рубинами и алмазами.

Ропотъ удивленія пробѣжалъ въ толпѣ. Готье продолжалъ:

— «Такова эта чудная страна, населенная собаками-сараццинами, говоритъ Спаситель, а христіане, любезныя дѣти святой католической церкви, живутъ въ полу-развалившихся избахъ, ѣдятъ черный хлѣбъ, пьютъ болотную воду, дрожатъ отъ холода во время суровой зимы и дождливаго лѣта. — Нѣтъ! это несправедливо... Я хочу, чтобы мои любезныя дѣти отправились освободить мою гробницу и изгнать невѣрныхъ изъ святой земли, тогда, въ вознагражденіе за ихъ ревность къ святынямъ и послушаніе, они получаютъ въ обладаніе чудную страну Палестину! Я имъ отдамъ Іерусалимъ, городъ съ серебряными стѣнами, съ золотыми воротами! Я имъ отдамъ богатства скверныхъ сарацциновъ». — Да, мои мужественные товарищи, вотъ какія слова говоритъ нашъ Спаситель.

Потомъ обратясь къ Петру,

— Правду я говорю, святой человѣкъ? спросилъ онъ.

— Правду, отвѣтилъ Петръ. — Великая правда въ его словахъ, мои братья... Слѣдуйте за нами, и благо вамъ будетъ.

Описаніе чудесъ и богатствъ Палестины произвело свое дѣйствіе на этихъ несчастныхъ рабовъ, одѣтыхъ въ лохмотья, склонившихся подъ тяжестью ярма, наложеннаго на нихъ рабствомъ. Надежда закралась въ ихъ разбитое сердце и они, которые никогда не знали, что значитъ радость, почувствовали страшное внутреннее волненіе: имъ казалось, что съ путешествіемъ въ Іерусалимъ связано окончаніе ихъ бѣдствій, что за нимъ послѣдуетъ полное освобожденіе ихъ отъ тираніи ихъ мучителей, что земныя блага станутъ доступны и имъ, жалкимъ паріямъ въ человѣчествѣ. Они начали колебаться, въ особенности молодежь; симпатіи ихъ видимо стали переходить на сторону этихъ авантюристовъ, которые съ такимъ добродушіемъ общались имъ лучшую жизнь въ будущемъ. Они уже готовы были выразить свое желаніе соединиться съ крестноносцами, какъ вдругъ Мартинъ, замѣтившій это колебаніе, заговорилъ глухимъ, но рѣшительнымъ голосомъ:

— Мои друзья, этотъ баринъ, сидящій на черной лошади, похожей на осла, — этотъ баринъ сказалъ вамъ: «чтобы повѣ-

рить всѣмъ этимъ чудесамъ, надобно самимъ ихъ видѣть.» А по мнѣ, лучше просто вѣрить имъ, не видѣвши, не штука пойдти туда, а каково-то будетъ ворочаться!

— Старый Мартинъ говоритъ дѣло, загалдили въ одинъ голосъ нѣкоторые изъ его товарищей, — дѣйствительно штука неважная пойдти, а какъ вернуться назадъ — эта штука будетъ похитрѣе.

— Къ тому же, продолжалъ Мартинъ, — сарацины, въ самомъ дѣлѣ, не такіе же олухи, чтобы дали себя обобрать, не сопротивляясь; вѣроятно придется съ ними воевать и, можетъ быть, сила будетъ на ихъ сторонѣ....

Эти возраженія нисколько не смутили Готье.

— Посмотрите, мои друзья, сказалъ онъ, — на этихъ бѣдняковъ, которые толпою собрались вокругъ насъ. У нихъ нѣтъ никакого оружія, кромѣ простой палки, однако же они не задумались ни на минуту, и поняли, что божью волю надобно исполнять безъ всякихъ разсужденій. Они идутъ съ нами въ крестовый походъ, идутъ въ полной увѣренности, что все обѣщанное нами непремѣнно сбудется и они получаютъ всѣ тѣ блага и выгоды, которыя выпадутъ на долю побѣдителей невѣрныхъ. Итакъ, откиньте всякія сомнѣнія, перестаньте колебаться и съ полной вѣрой идите въ крестовый походъ!

— Да, да, идите! кричалъ Петръ. — И какіе бы тяжкіе грѣхи не лежали на вашей душѣ, они вамъ простятся съ той минуты, какъ вы примкнете къ священному воинству крестовосцевъ.... Идите же, идите!... Вотъ вамъ живой примѣръ предъ глазами, мои любезные братья — Вильгельмъ IX, герцогъ Аквитаніи.... Вы хорошо знаете, какой онъ человекъ: мотъ, развратникъ, грѣшникъ, какихъ мало. Но завтра онъ выходитъ изъ своего Анжера по пути въ Палестину, — и ему будутъ прощены всѣ его беззаконія....

— Да, да, пойдѣмъ въ крестовый походъ! закричали самые смѣлые изъ числа убѣдившихся доводами краснорѣчивыхъ ораторовъ. — Освободимъ Иерусалимъ!

Но большинство рабовъ все еще сомнительно покачивало головами, они видимо склонялись на сторону невѣрующаго Мартина.

— Пойдти не худо, говорили они, — Но что скажетъ нашъ

сеньерь? Онъ запретилъ намъ выходить изъ его владѣнй, угрожая, въ противномъ случаѣ, наказывать насъ самымъ жестокииъ образомъ.

— Вашъ сеньерь! замѣтилъ съ сардонической улыбкой Готье. — Не обращайтесь на него никакого вниманя!... Спросите у этихъ нашихъ товарищей: заботились ли они о мнѣнн ихъ сеньеровъ, когда задумали присоединиться къ намъ?

— Что на нихъ смотрѣть, отвѣтили въ толпѣ крестоносцевъ. — Мы хотимъ идти въ Иерусалимъ, а до всего остального намъ нѣтъ никакого дѣла.

— Какъ! загремѣлъ Петръ, — вы полагаете, что сеньерь, ослушавшійся воли Бога, избѣгнетъ наказаня... Нѣтъ, не думайте этого! Его постигнетъ небесная кара, если онъ осмѣлится дѣйствовать противъ вашего рвеня на пользу святаго дѣла. Идите же смѣло!

Эти слова произвели сильное впечатлѣнне, но скептики все еще не унимались.

— Далеко ли отсюда до Иерусалима? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Далеко-ли? воскликнулъ Петръ. — Для вѣрующаго этотъ путь такъ легокъ, что онъ и не замѣтитъ разстояня; для безбожниковъ же онъ длиненъ, безъ конца.

— А дальше чѣмъ до Нанта? спросилъ еще какой-то неугомонный.

Такая настойчивость взорвала Готье, но онъ сдержалъ себя и началъ весело:

— Э, друзья мои, развѣ птица, вылетѣвшая изъ клѣтки, въ своемъ свободномъ полетѣ раздумываетъ о разстоянн? Развѣ осель, тянущй съ утра до ночи мельничное колесо, по одному и тому же кругу, проходитъ пространство меньшее того, которое пробѣгаетъ свободный лѣсной олень? Но развѣ не лучше, мои друзья, идти по своей волѣ, какъ лѣсной олень, и ежедневно знакомиться съ новыми мѣстами, нежели, какъ мельничный осель, быть прикованныиъ къ сеньеряльной землѣ и вѣчно производить одну и ту же работу, въ добавокъ не получая за это никакого вознагражденя!

— Онъ правду говорить: лучше быть похожими на лѣснаго

олена, чѣмъ тянуть такую же тяжелую лямку, какую тянетъ осель, шептали плуэرنельскіе рабы.

— Пойдемъ въ Палестину! Пойдемъ въ Іерусалимъ! говорили другіе.—Въ дорогу, поскорѣе въ дорогу.

— Мои друзья! берегитесь! сказалъ, съ своей стороны, Мартинъ, покачивая головой; — мельничный осель каждый вечеръ получаетъ свою, хотя и скудную, порцію пищи; лѣсной же олень часто цѣлыми днями бродитъ по лѣсу голодный. Если вы пойдете вмѣстѣ съ этой громадной толпой, которая день отъ дня будетъ увеличиваться въ числѣ, то кто же васъ будетъ кормить и гдѣ, наконецъ, найдете вы себѣ достаточное количество пищи? Гдѣ деревни и города, въ которыхъ вы всѣ вмѣстѣ отыщете себѣ ночлегъ?

— О маловѣрные грѣшники? А кто питаетъ и одѣваетъ птицъ небесныхъ? вскричалъ Петръ. — Развѣ во время своего полета они носятъ съ собой пищу? Развѣ не находятъ они каждая сутки удобный для себя ночлегъ подъ кустомъ, на деревѣ, подъ кровлей домовъ?

Эти слова окончателью убѣдили скептиковъ и, среди плуэренельскихъ рабовъ, раздался почти всеобщій крикъ:

— Въ Іерусалимъ! Идемъ всѣ въ Іерусалимъ!

— Итакъ въ путь, мои друзья! Не заботьтесь ни о кровѣ, ни о пищѣ; Богъ вамъ все дастъ, сказалъ, Готье. — Въ дорогу... въ дорогу!... Есть у васъ запасы сѣтнаго — берите ихъ съ собой; имѣете ословъ, — карбкайтесь на нихъ; можете запречь телѣги — запрягайте, сажайте туда своихъ женъ и дѣтей; если же у васъ ничего этого нѣтъ, то вы имѣете ноги, которыми можете идти. И такъ въ путь, въ Іерусалимъ! Теперь насъ сотни, скоро будутъ тысячи, а тамъ и сотни тысячъ. Но палестинскихъ сокровищъ достанетъ на всѣхъ!

— И сверхъ того мы заслужимъ себѣ вѣчное спасеніе! добавилъ Петръ, благословляя толпу своимъ деревяннымъ крестомъ. Пойдемъ въ Іерусалимъ! Исполнимъ божью волю.

— Въ дорогу! Въ Палестину! закричали сотни голосовъ въ толпѣ рабовъ.

Увлеченные краснорѣчіемъ этихъ первыхъ проповѣдниковъ крестовыхъ походовъ, рабы графа Неровега, не взирая на бла-

горазумные совѣты стараго Мартина, бросились въ свои дома и, захвативъ, что попало подъ руки, присоединились къ толпѣ крестоносцевъ.

Во время этой суматохи, произведенной крестоносцами, Жеганна, съ небольшого возвышенія, на которомъ стояла, увидѣла на равнинѣ своего мужа съ Коломбаикомъ на рукахъ; Ферганъ бѣжалъ что было мочи; сзади его, впрочемъ на довольно значительномъ разстояніи, скакалъ Гарэнь, Истребитель мужиковъ. Послѣдній, съ мечомъ въ рукѣ, шпорилъ лошадь и видимо желалъ поскорѣе нагнать бѣгущаго раба. Разстояніе между ними, разумѣется, уменьшалось съ каждой секундой. По счастію для Фергана дорогу пересѣкалъ широкій и глубокій ровъ, перескочить черезъ который не могъ рѣшиться даже самый смѣлый наѣздникъ; не съ меньшими опасностями сопряженъ былъ и переѣздъ черезъ него верхомъ на лошади. Добѣжавъ до рва, Ферганъ привыкшій лазить въ глубокихъ каменистыхъ, изборожденных канавками, смѣло спустился въ ровъ. Вскорѣ за нимъ ко рву прискакалъ и взбѣшенный Гарэнь. Увидя невозможность преодолѣть встрѣченное препятствіе, онъ рѣшился объѣхать на мостъ, устроенный чрезъ ровъ на полверсты выше этого мѣста. Онъ все еще надѣялся подлѣ самой деревни пересѣчь путь Фергану и захватить коварнаго раба.

Жеганна видѣла все это; она понимала опасность, которой подвергался ея мужъ; она сообразила, какую усталость долженъ чувствовать Ферганъ, пробѣжавъ такое огромное пространство, имѣя на рукахъ сына; и мужественная женщина рѣшилась, съ своей стороны, помочь мужу, насколько представлялось къ тому возможности. Она побѣжала на встрѣчу каменьщика, который вскорѣ вышелъ изъ рва, и хотѣла взять ребенка къ себѣ на руки, но Ферганъ отрицательно покачалъ головой и проговорилъ:

— Скорѣе, скорѣе, какъ бы намъ опередить Гарэна! Ахъ! еслибы не эта мертвая, мы бы еще рано утромъ были въ деревнѣ!

— О, мой сынъ, мой милый сынъ! шептала Жеганна, съ неизяснимой любовью смотря ему въ глаза. — Такъ они не сдѣлали ему никакого вреда...

Въ это время до слуха Фергана донеслась пѣснь крестоносцевъ, и онъ увидѣлъ толпу ихъ, находящуюся въ то время къ нему ближе, чѣмъ деревня и гораздо далѣе отъ Гарэна, продолжавшаго бѣшено скакать на перерѣзъ пути убѣгающаго раба.

— Что это за люди? И что они поютъ? спросилъ Ферганъ.

— Эти люди идутъ, какъ они говорятъ, въ Іерусалимъ. Многіе изъ нашихъ послѣдовали за ними. Они бѣснуются, какъ сумасшедшіе.

— Мы теперь спасены, закричалъ Ферганъ съ радостью.— Пойдемъ съ ними.

— Въ умѣ ли ты Ферганъ, какъ же мы пойдемъ за ними такъ далеко, съ нашимъ ребенкомъ.

Но Ферганъ ничего не отвѣчалъ и направился къ толпѣ. Онъ видѣлъ только одно, что прибѣжить сюда ранѣе Гарэна. Черезъ нѣсколько минутъ онъ добѣжалъ до крестоносцевъ и упалъ почти безъ чувствъ на руки своихъ товарищей.

— Наконецъ мы спасены! восторженно произнесъ онъ.

Истребитель мужиковъ, переѣхавъ черезъ мостъ, съ удивленіемъ замѣтилъ вдали толпу крестоносцевъ. Въ это же время ему попалось на встрѣчу нѣсколько рабовъ, предпочитавшихъ тяжесть рабства отдаленному невѣдомому путешествію. Впереди всѣхъ находился Мартинъ.

— Добрый господинъ Гарэнь, сказалъ онъ;—мы не изъ числа тѣхъ бунтовщиковъ, которые осмѣливаются бѣжать съ земель своего сеньера за этой толпой крестоносцевъ, вдушихъ въ Палестину... Мы вовсе не хотимъ оставлять владѣній нашего барина.

— Кровь и смерть! закричалъ управляющій, который былъ каменьщика, услыхавъ потрясающую новость о бѣгствѣ такого множества рабовъ.—О, мерзавцы! не взирая на ожидающее ихъ жестокое наказаніе, они осмѣлились бѣжать! Но я имъ задамъ! Будутъ они долго помнить!

Мартинъ указалъ ему на Петра и Гогье, какъ на предводителей крестоносцевъ. Къ нимъ и обратился Гарэнь, подсказавъ къ толпѣ.

— По какому праву, кричалъ онъ грозно, — осмѣлились вы

такой большой толпой войти на земли моего сеньера Нервега VI, графа плуэрнельской стороны?

Потомъ, еще болѣе возвысивъ голосъ, онъ обратился къ плуэрнельскимъ рабамъ съ такой рѣчью.

— А вы, рабы и вилены, выслушайте мои слова. Тѣмъ изъ васъ, которые будутъ настолько наглы, что осмѣлятся послѣдовать за этими бродягами, я вѣдоу тотчасъ же отрубить руки и ноги... Трепещите, негодяи, если...

— Молчи грѣхотворникъ!... Святотатецъ! произнесъ съ сильнѣйшимъ негодованіемъ Петръ, прерывая управляющаго;—ты смѣешь угрожать христіанамъ, идущимъ освобождать гробъ Христовъ!

— Какъ! Безумецъ! возразилъ Гаренъ въ сильномъ раздраженіи, вынимая мечъ; — ты осмѣливаешься давать приказанія здѣсь, на землѣ моего сеньера?

И говоря эти слова Истребитель мужиковъ бросился съ обнаженнымъ мечомъ на монаха; но послѣдній, парируя ударъ своимъ тяжелымъ крестомъ, такъ сильно ударилъ имъ по головѣ управляющаго, что тотъ мгновенно опалѣлъ и уронилъ свой мечъ.

— Смерть этому бандиту, который желаетъ рубить руки и ноги мстителемъ за оскорбленіе величайшей христіанской святыни, кричало множество голосовъ изъ толпы,—смерть ему!..

— Да, пусть умретъ, кричали громче другихъ рабы изъ этой деревни, ненавидящіе управляющаго.—Смерть Истребителю мужиковъ; тогда, по крайней мѣрѣ, онъ никого не будетъ больше мучить!

Они немедленно бросились на Гарена, стащили его съ лошади, и, въ одну минуту, ненавистный управляющій, затоптанный десятками ногъ, былъ убитъ и разорванъ на части; озлобленные рабы переломали ему руки и ноги, отрѣзали голову, которую одинъ изъ нихъ надѣлъ на палку въ видѣ трофея и, потомъ, въ сопровожденіи остальныхъ рабовъ деревни, присоединился къ крестовосцамъ. Тогда вся толпа двинулась далѣе, напѣвая хоромъ пѣснь, сдѣлавшуюся уже популярной въ то время, пѣснь, въ которой яркими красками описывались прелести іерусалимской жизни, богатства, въ немъ заключающіяся, и легкость побѣды надъ сарацинами.

IX.

Мы въ Палестинѣ. Жгучіе лучи солнца освѣщаютъ громадную песчаную пустыню; во всѣ стороны, какъ только видитъ глазъ, разстилается песокъ, одинъ красноватый, горячій песокъ: не видно нигдѣ ни дома, ни дерева, ни кустика, ни травы, ни даже камня;—песокъ, одинъ песокъ! Путникъ не найдетъ здѣсь тѣни, не утолитъ жгучей жажды, пожирающей его истощенный организмъ. За то дорога обозначена очень ясно. Тамъ и сямъ во множествѣ лежатъ разбросанныя человѣческія кости: то остатки христіанъ, пришедшихъ сюда издалека, изъ Европы. Увлеченные краснорѣчіемъ фанатиковъ проповѣдниковъ и искателей приключеній, потянулись въ Палестину десятки тысячъ людей; они шли съ полной увѣренностью въ легкой побѣдѣ, съ полной надеждой разбогатѣть и отдохнуть отъ тѣхъ тяжестей средневѣковаго соціальнаго быта, которыя, для огромнаго большинства тогдашняго общества, исключали почти всякую возможность жить, хотя нѣсколько по-человѣчески. Добрые люди сладко мечтали о будущемъ благоденствіи, надежда окрыляла ихъ, они не хотѣли вѣрить, что мечтанія и надежды рѣдко осуществляются, и шли, все шли впередъ. Отрезвленіе для нихъ было невысказано. Они зашли такъ далеко, что имъ возврата не было. Еще въ Европѣ они испытывали всевозможныя бѣдствія, но крѣпились, рассчитывая на тѣ выгоды въ будущемъ, которыя достанутся имъ въ Святой землѣ. Но когда въ Палестинѣ ихъ разомъ стали довивать: жаръ, болѣзни, голодъ и несогласія, они начали терять голову и гибли сотнями и тысячами. Многочисленные трупы ихъ, брошенные безъ погребенія, — свидѣтельствовали, что отчаяніе уже успѣло овладѣть христіанами и потребовалось бы очень немного усилій со стороны магометанъ, чтобы разомъ уничтожить все крестовое войско. Но магометане также мало понимали свое положеніе, какъ и христіане. Однакоже мы вовсе не думаемъ рассказывать здѣсь исторію перваго крестоваго похода, а потому обратимся къ прерванному разсказу.

По этой-то безотрадной пустынь шло все впередъ и впередъ крестовое воинство. Мало того, что оно на своемъ пути оставляло мертвыхъ, между послѣдними валялось много больныхъ и умирающихъ. Ихъ положеніе было самое отчаянное: не имѣя никакихъ средствъ къ защитѣ, еще живые попадали они въ зубы звѣрамъ. Но все шли и шли впередъ, увлеченные до самозабвенія и искавшіе облегченія своей судьбы люди.

Вотъ идетъ масса, представляющая самую разнообразную и фантастическую смѣсь лицъ и одеждъ. Одни, едва прикрывающіе свою наготу, имѣютъ на головѣ богатый, блестящій восточный тюрбанъ; другіе, прикрывающіе свою голову какой-то дырявой тряпкой, напялили на себя богатѣйшій шелковый кафтанъ; одни ступаютъ по горячему песку голыми ногами, другіе гордятся восточными кожаными туфлями и сапогами. Но у всѣхъ на лицахъ выражается страданіе и утомленіе; всѣ они какъ будто бы говорятъ: «пить, дайте намъ пить, иначе мы умремъ отъ жажды». Люди вошли въ себя, каждый занятъ своими личными страданіями, ни откуда не слышно человѣческаго звука, молчаніе царитъ вездѣ...

Во главѣ этой толпы, на прекраснѣйшемъ арабскомъ конѣ, ѣдетъ молодой человѣкъ, богато одѣтый. Это Вильгельмъ IX, прекрасный герцогъ Аквитаніи, поэтъ разгула и страстей, бывшій закореѣный врагъ католическаго духовенства, соблазнитель Марбоджіаны, портретъ которой онъ носилъ на своемъ щитѣ, и носилъ его только для того, чтобы такимъ необычнымъ поступкомъ бросить въ лицо оскорбленіе всему своему обществу. Но теперь Мальборджіана забыта, какъ забыты многія другія жертвы ненасытнаго сластолюбца. Лицо этого замѣчательнаго въ своемъ родѣ человѣка, выражающее смѣлость и иронию, на половину закрыто шелковымъ капюшономъ, спускающимся на его плечи; одѣтъ онъ въ легкій, изящный, шелковый кафтанъ; на немъ нѣтъ никакого оружія, ни латы; въ правой рукѣ онъ держитъ своего любимаго охотничьяго сокола, котораго во время пути спускаетъ иногда на пролетавшихъ птицъ. На крушѣ его лошади сидитъ маленькій негртенокъ, и держитъ надъ герцогомъ огромный зонтикъ. Рядомъ съ герцогской лошадыю выступаетъ верблюдъ. На спинѣ этого скромнаго животнаго

утверждена роскошная палатка, закрытая со всѣхъ сторонъ. Съ другой стороны герцога, на той же черной лошаdkѣ, плетется Готье, похудѣвшій еще болѣе послѣ того, какъ мы съ нимъ встрѣтились въ послѣдній разъ. Онъ сбросилъ свою прежнюю дрянную олежонку и фигурируетъ теперь въ богатѣйшей восточной одеждѣ. Сзади ихъ идутъ и ѣдутъ оруженосцы Вильгельма IX. Изъ числа богатѣйшаго оружія, принадлежащаго герцогу, особеннымъ великолѣпіемъ отличается щитъ, снабженный портретомъ блѣдной Азеноры, замѣнившимъ портретъ Мальборджіаны.

Полы палатки раскрылись, оттуда показалась нѣжная ручка и послышался утомленный голосъ:

— Вильгельмъ, я хочу пить.

— Азенора, желаетъ напитокъ. Понци-ка воды для моей возлюбленной красавицы, сказалъ Вильгельмъ, обращаясь къ Готье;— но поскорѣе! Ты знаешь, какъ нетерпѣливы всѣ жаждущіе пить, въ особенности женщины. Горе тому кто, во время не охладить ихъ пылающія губы свѣжимъ напиткомъ, или не разгорячить страстнымъ поцѣлуемъ.

— На мою долю досталось охлажденіе, а на вашу, герцогъ, остается разгоряченіе, сказалъ улыбаясь Готье и пошелъ къ обозу, гдѣ, подъ прочными запорами, сохранялась вода, самый драгоценный продуктъ въ тропической пустынѣ.

Вновь заколыхались полы палатки и выставилась изъ-за нихъ прелестная головка Азеноры, сильно похорошѣвшей за послѣднее время.

— О, Вильгельмъ, сказала она, — нѣкогда мои губы были мертвы и блѣдны: огонь твоихъ поцѣлуевъ сдѣлалъ ихъ розовыми и горячими.

— Это доказываетъ только, что я такой же искусный колдунъ, какъ ты, моя милая колдунья.

— Не называй меня этимъ противнымъ именемъ. Не напоминай мнѣ тѣ печальныя времена, о которыхъ я не могу вспомнить безъ ужаса... При мысли о нихъ мнѣ дѣлается горько и стыдно!

— Зачѣмъ же стыдиться? Ты рѣшилась принятися за колдовство въ надеждѣ хоть какимъ нибудь способомъ избавиться отъ этого грубаго дикаря Неровега, который сначала изнасиловалъ тебя, а потомъ заперъ въ тюрьму... Ты хотѣла избавиться отъ

него, давъ ему отравленный напитокъ. Чтожъ, въ твоёмъ желаніи не было ничего особенно худаго и неестественнаго. Не говорилъ ли тебѣ я, сюзеренъ этого медвѣдя, этого свирѣпаго волка, что у меня не разъ проявлялось сильное желаніе съечь его проклятое черное гнѣздо, скрыть до основанія его ужасную тюрьму, свидѣтельница не человѣческихъ злодѣйствъ? Слово рыцаря! я желалъ, въ честь твоихъ прекрасныхъ глазъ, моя обожаемая, переломить съ нимъ копье, но къ несчастію я нигдѣ не могъ его встрѣтить. Не удалось мнѣ, за то явился другой мститель за тебя. Недавно я узналъ, что графъ Плуэрнель, высадившись въ Яффѣ, встрѣтилъ тамъ нѣсколькихъ дворянъ, отчаянныхъ игроковъ, проигралъ имъ все до послѣдняго кафтана, и даже свой мечъ. Хотѣлось бы мнѣ повидать теперь этого звѣря! Хорошо онъ долженъ быть, одѣтый въ какую нибудь хламиду, съ колпакомъ на головѣ, съ палкой въ рукѣ, возсѣдающій на ослѣ, или, даже, можетъ быть, просто путешествующій по образу пѣшаго хожденія! Ну, моя милая колдунья, скажи развѣ не искусные волшебники эти игральныя кости? Какъ! въ одну ночь онѣ дѣлаютъ изъ гордаго сеньера нищаго, а изъ нищаго—сеньера! И такъ да здравствуетъ игра! и если мнѣ что не нравится въ ней, такъ развѣ постоянное счастье, которое валяетъ мнѣ, а я такъ люблю вездѣ непостоянство!

— Я это знаю, Вильгельмъ, также какъ ты, и я жалуясь на свое счастье.

— На твоё счастье... въ игрѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ. Я твоя; исполнилась мечта моей юности, и однакоже это счастье причиняетъ мнѣ тысячи мученій!

• — Не упрекаетъ ли тебя совѣсть? Безумная! мы въ Святой землѣ! Всѣ наши грѣхи прощены и будутъ вѣчно прощаться! И такъ будемъ грѣшить, грѣшить, безирестанно грѣшить!

— Да, я знаю, ты постоянно слѣдуешь этому правилу, отъѣчала Азенора съ признаками свирѣпой ревности. — Твоя любовь капризна, ты неразборчивъ въ своихъ привязанностяхъ, тебѣ все равно — благородная ли дама, раба или какая нибудь потаскушка!

— А развѣ ты забыла, что толкуютъ намъ постоянно патеры? Они говорятъ: первые будутъ послѣдними. Вотъ по этой именно

причинѣ, я иногда и отдаю преимущество послѣднимъ изъ женщинъ, и своей любовью возвышаю ихъ на мѣсто первыхъ.

— Вѣроятно по этимъ же соображеніямъ вы возвышали эту мерзкую потаскушку Перетту...

— Не ругайся, моя милая! прервалъ ее смѣясь Вильгельмъ.— Я припоминаю теперь, какая веселая и смѣлая собесѣдница была эта Перетта? Никто не могъ сравниться съ нею въ кутежѣ! Надобно было видѣть ее послѣ взятія Антиохіи! Съ кубкомъ въ рукахъ, съ волосами, развѣвающимися по вѣтру—она была чудо какъ хороша!

— Молчи, Вильгельмъ! я тебя ненавижу!..

— Бѣдвяжка Перетта!.. какъ и множество другихъ, молодыхъ прелестницъ она умерла въ дорогѣ... Нѣтъ ея болѣе!..

— Тѣмъ хуже,.. потому что я съ наслаженіемъ задушила бы ее теперь своими собственными руками; да; также какъ и Иоланду, твою нынѣшнюю прелестницу!

— Къ чему такая злоба! Иоланда премиленькая дѣвочка! Посмотри, какъ она хорошѣетъ съ каждымъ днемъ. Она напоминаетъ мнѣ мою лучшую драгоценность—мою античную Діану, ту дивную статую, которой такъ любовались всѣ мои гости. Я написалъ въ честь этой дѣвочки стихи, которыя намѣреваюсь теперь же прочесть тебѣ.

— Ни слова болѣе, Вильгельмъ! Ты неумолимъ!.. Ты меня замучаешь!

— Ревнивица! по крайней мѣрѣ не мѣшай мнѣ восхищаться и пѣть ту, мою другую Діану... мраморную. Увы! чтобы имѣть средства, необходимыя для крестоваго похода, я продалъ это образцовое произведеніе древняго искусства, вмѣстѣ съ тремя моими помѣстьями, епископу Пуатье! Но гдѣ ему оцѣнить мою прелестную Діану! Онъ, этотъ старый сатиръ, не имѣетъ никакого понятія о женщинахъ... разумѣется, мраморныхъ.

— Великій грѣшникъ! И ты еще смѣешь смѣяться надъ невоздержаніемъ.

— Другъ мой, ты знаешь, что у меня только одна великая страсть—любовь. Я вовсе не жаденъ и не жадность къ богатству привела меня сюда, въ Палестину. Нѣтъ! Пускаясь въ этотъ отдаленный путь, я думалъ только объ одной любви,

Пусть другіе мечтають о завоеваніяхъ земель. Я же хочу побѣждать нѣмокъ, саксонокъ, чешекъ, венгерокъ, молдованокъ, болгарокъ, гречанокъ, сарацинокъ, сиріанокъ, мавританокъ, негрітанокъ, и—клянусь голубями Венеры — не надо мнѣ самого Іерусалима, я желаю найти въ немъ только одну красавицу изъ красавицъ, которую и буду стараться соблазнить всѣми возможными средствами.

— И это ты говоришь мнѣ, твоей Азенорѣ!

— Не сердись, моя красавица, выслушай меня спокойно. Видишь ли, я пилъ всѣ вина безъ исключенія, не отдавая ни одному изъ нихъ преимущества, пока не узналъ вкуса кипрскаго вина, но когда я его попробовалъ, я все также продолжаю пить другія вина, хотя и отдаю предпочтеніе кипрскому. Также и въ любви. Съ какой бы женщиной я не имѣлъ связь, сравненіе заставляетъ меня вспоминать о тебѣ и тебѣ отдавать предпочтеніе. Вспомни тотъ день, когда, забравшись въ Палестину, я встрѣтилъ тебя на дорогѣ. Ты сказала мнѣ: «Я тебя люблю! Хочешь взять меня, я буду принадлежать тебѣ и душой и тѣломъ». Съ того времени ты для меня драгоценнѣйшій алмазь, безъ сравненія превосходящій всѣ другіе драгоценные камни.

Въ это время послышался страшный шумъ. Кричали въ обозѣ. Но скоро все утихло и Готье появился съ кувшиномъ, наполненнымъ питьемъ.

— Что тамъ за шумъ? спросилъ герцогъ, беря изъ рукъ Готье кувшинъ и передавая его Азенорѣ. — Чего орутъ тамъ эти дураки?

— Господинъ герцогъ, въ ту минуту, какъ твои черные рабы вытащили изъ багажа мѣхъ съ водой, чтобы наполнить ею кувшинъ, въ который я положилъ здѣшняго вкуснаго сладкаго тростника и сокъ двухъ лимоновъ, — въ это время со всѣхъ сторонъ послышались крики: «воды, дайте намъ воды». «У меня умираетъ ребенокъ», кричалъ одинъ; «а у меня жена лежитъ безъ движенія», вопилъ другой. Затѣмъ все смѣшалось въ одинъ общій крикъ: «Гдѣ же эти журчащія фонтаны, которые ты обѣщалъ намъ; гдѣ эти прекрасные тѣнистые сады, о которыхъ ты такъ много разглагольствовалъ».

— И что ты отвѣчалъ этимъ плутамъ, мой веселый гаско-нецъ?

— Подражая голосу моего великаго кума Петра, я сказалъ грубіянамъ: «Вѣра есть самый обильный фонтанъ, который освѣжаетъ души; вѣра въ васъ самихъ, солдаты креста, откройте кранъ, и вы освѣжитесь... О, люди маловѣрные! Вы осмѣливаетесь спрашивать: гдѣ тѣнистые сады? Вѣра есть не только освѣжающій фонтанъ, но она также громаднѣйшее дерево, осѣняющее своими вѣтвями всѣхъ вѣрныхъ. Итакъ, стремитесь стать подъ это дерево; другой лучшей тѣни вы не найдете нигдѣ! Терпите и надѣйтесь, и за все воздастся вамъ сторицею». Сказалъ я имъ все это, и тотчасъ же успокоились мои добрые люди.

— Готье, тебѣ слѣдовало бы быть папой, весело сказалъ Вильгельмъ, и, обращаясь къ своему отряду, громко прибавилъ:

— Поспѣшимъ, мои воины; въ противномъ случаѣ главная армія безъ насъ возьметъ Маргалу... А маргальянки, говорятъ, очень хороши собой...

X.

Облако пыли, произведенное отрядомъ герцога Аквитаніи, мало-по-малу улеглось, что даетъ намъ возможность посмотреть назадъ, вдоль дороги. Кромѣ тѣхъ картинъ, которыя мы уже описали, мы увидимъ тамъ и сямъ отдѣльныхъ путниковъ, оставшихъ отъ разныхъ отрядовъ, бредущихъ въ далекомъ разстояніи одинъ отъ другого. Эти несчастные еще печальнѣе на видъ, чѣмъ тѣ странники изъ отряда Вильгельма, съ которыми мы только-что познакомились. Они еле передвигаютъ ноги. Не смотря на мученія, испытываемыя ими отъ голода и жажды, они не смѣютъ остановиться отдохнуть; но боятся они не сарациновъ, — нѣтъ, тѣ далеко, — а голодныхъ хищныхъ звѣрей, рыщущихъ за добычей по всему необозримому пространству пустыни,

Ближе всѣхъ къ намъ, но въ очень далекомъ разстояніи отъ ушедшаго герцогскаго отряда плетутся три живыя человѣческія фигуры. Это наши старые знакомцы—Ферганъ каменьщикъ, Жеганна горбатая и Коломбаикъ. Но вотъ они остановились: мальчикъ, изнывающій отъ жажды, упалъ на землю; его ножки всѣ изранены; подлѣ него легла его мать, стараясь утѣшить плачущаго страдальца. Сзади нихъ сталъ Ферганъ, пытаясь своимъ тѣломъ заслонить ихъ отъ солнца. Невдалекѣ лежали три трупа, еще не остывшіе, очевидно недавно пронзенные копьями. Готье не сказалъ всей правды Вильгельму. Одни его сладкія рѣчи, видно, не могли утишить волненіе и пришлось прибѣгнуть къ другому, болѣе дѣйствительному средству. Эти три трупа принадлежали тѣмъ изъ вонновъ отряда аквитанскаго герцога, которые особенно настойчиво изъявляли желаніе пользоваться водой герцогскаго обоза.

— Ты не отвѣчаешь мнѣ, мой милый мальчикъ, со слезами говорила Жеганна,—ты уже не слышишь меня.

Она боязливо вглядывалась въ открытые неподвижные глаза ребенка, который лежалъ безъ чувствъ.

— О! шептала она.—Если бы моя кровь могла призвать тебя къ жизни... Ферганъ! вскричала она внезапно, съ рѣшительнымъ видомъ обращаясь къ своему мужу, — открой мнѣ жилы и дай напиться моей крови нашему ребенку; можетъ быть этимъ средствомъ мы его спасемъ.

— Очень можетъ быть, что это средство поможетъ, отвѣчалъ Ферганъ;—но какъ я сильнѣе тебя, то мнѣ и...

Въ это время послышался шумъ крыльевъ, разсѣкающихъ воздухъ и огромный степной орелъ спустился между трупами, выбралъ одинъ изъ нихъ—новорожденного ребенка—и поднялся съ этой добычей высоко въ воздухъ. Ферганъ и его жена такъ были развлечены этимъ зрѣлищемъ, что сперва и не замѣтили, какъ вдали показался пилигримъ, направившійся какъ разъ въ ихъ сторону.

— Ферганъ, говорила Жеганна каменьщику, который уже замѣтилъ пилигрима и не спускалъ съ него глазъ;—Ферганъ, ты и безъ того ослабѣлъ, а если пустить тебѣ кровь, ты, пожалуй, умрешь, я, разумѣется, тебя не переживу; тогда кто же ста-

неть защищать и кормить Коломбаика? Ты еще въ силахъ идти, въ силахъ нести мальчугана на своей спинѣ: я же не въ состояніи продолжать дорогу, мои окровавленные ноги отказываются мнѣ служить; позволь же мнѣ пожертвовать собой для нашего сына. Я только прошу тебя вырыть яму и зарыть меня въ ней,—я не хочу быть съѣденной звѣрями.

— Скорѣй ложись, Жеганна, быстро произнесъ Ферганъ, не отвѣчая на вопросы, предложенные женой,—не шевелись, притворись мертвой; я сдѣлаю тоже самое... и мы будемъ спасены!

Они улеглись; скоро послышалось тяжелое дыханіе осла, мѣрно ступавшаго по глубокому песку. На немъ сидѣлъ пилигримъ, человекъ высокаго роста и сильнаго сложенія.

— Опять трупы... сколько ихъ встрѣчается по дорогѣ въ Маргалу, произнесъ про себя путешественникъ, проѣзжая мимо семейства каменьщика, и погналъ своего осла.

Но едва онъ успѣлъ отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ Ферганъ вскочилъ на крупъ осла, схватилъ своими сильными руками за горло пилигрима, повалилъ его, наступилъ колѣномъ ему на грудь и закричалъ:

— Жеганна! здѣсь во выюкѣ есть полный кувшинъ воды; возьми его поскорѣе и дай напиться нашему сыну!

Мужественная мать, не могшая встать на ноги, поползла на колѣняхъ, и, схвативъ кувшинъ, прошептала:

— Лишь бы не было слишкомъ поздно, мой Боже, и мы были бы въ состояніи возвратить къ жизни наше милое дитя!

Въ то время, какъ Жеганна овладѣвала кувшиномъ съ водой, Ферганъ продолжалъ борьбу съ пилигримомъ, лицо котораго совершенно закрылось капюшономъ его одежды. Борьба была нелегкая, пилигримъ обладалъ тоже замѣчательной силой.

— Я не сдѣлаю тебѣ никакого зла, говорилъ Ферганъ.— Мое дитя умираетъ отъ жажды, у тебя есть кувшинъ съ водой; я рѣшился взять его силой, потому что былъ увѣренъ въ отказѣ, еслибы попросилъ тебя удѣлить мнѣ немного воды.

— О, какое великое несчастіе, что у меня нѣтъ оружія, а то я бы показалъ тебѣ, какъ воровать воду у честныхъ людей. Я бы проучилъ тебя, бездѣльникъ! Но и теперь еще я съумѣю отплатить тебѣ, подлый бродяга,—я задушю тебя.

— Этотъ голосъ... Онъ мнѣ знакомъ, проговорилъ Ферганъ, и, напрягнувъ всѣ силы, сорвалъ капишонъ съ лица незнакомца.—Что я вижу?.. Неровегъ, нашъ лютой Неровегъ!

Графъ Плуэрнель, воспользовавшись изумленіемъ Фергана, высвободился изъ подъ него и тотчасъ же посмотрѣлъ: цѣлы ли кувшинъ съ водой? Его негодованію не было предѣла, когда онъ увидѣлъ, что Жеганна держала кувшинъ въ своихъ рукахъ, а Коломбаикъ съ жадностью пилъ изъ него. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ втягивалъ въ себя живительную влагу, жизнь возвращалась къ нему мало-по-малу.

— Этотъ чертенокъ пьетъ мою воду, съ бѣшенствомъ закричалъ Неровегъ; — а въ пустынѣ вода — сама жизнь!

Онъ стремительно бросился къ Жеганнѣ, но Ферганъ, въ это время пришедшій уже въ себя, сжалъ въ своихъ могучихъ рукахъ графа Плуэрнея.

— Мы здѣсь не въ твоей сеньеріи, сказалъ онъ, — гдѣ ты ходишь весь въ желѣзѣ и вооруженный, а мы, твои рабы, съ голыми руками. Въ этой пустынѣ мы равны. Неровегъ! для насъ одинъ только выходъ: кто нибудь долженъ умереть, — иначе мы не разстанемся!

Началась свирѣпая борьба. Оба борющіеся были люди сильные, настоящіе атлеты. Борьба продолжалась долго и побѣда не склонялась ни на чью сторону; наконецъ послышался отчаянный крикъ Фергана:

— Несчастіе! О, моя жена! О, мой сынъ!

Неровегъ сломилъ Фергана и наслѣлъ на него, онъ старался всѣми силами задушить своего противника. При отчаянномъ крикѣ отца, Коломбаикъ бросился къ мѣсту борьбы и, замѣтивъ, что одна нога Неровега была обнажена, вцѣпился въ нее своими зубами. Сильная боль заставила графа выпустить изъ рукъ Фергана и обратиться на Коломбаика. Каменьщикъ превосходно воспользовался этой ошибкой Неровега; онъ высвободился и тотчасъ же наслѣлъ на графа; потомъ, съ помощію своего сына и жены, успѣлъ связать руки Неровегу, а затѣмъ и ноги.

— Теперь мы спасены! сказалъ Ферганъ, съ жадностью глотая воду изъ кувшина. — Воды, содержащейся въ этомъ со-

судѣ, намъ достанетъ до Маргалы, гдѣ мы соединимся съ своими товарищами. У меня еще осталось нѣсколько провизіи. Ты, Жеганна, вмѣстѣ съ Коломбаикомъ, сядешь на этого осла. Что же касается до нашего сеньера, мучавшаго людей, хуже волка, прибавилъ онъ мрачно,—я полагаю, онъ скоро не будетъ имѣть надобности ни въ провизіи, ни въ водѣ.

Жеганна и Коломбаикъ съ безпокойствомъ смотрѣли на Фергана, который очень близко подошелъ къ Неровегу, желая увѣриться, что веревки, стягивающія графа, крѣпки и не поддадутся никакимъ усиліямъ разорвать ихъ.

— Узнаешь ли ты меня? спросилъ каменьщикъ, бросая враждебный взглядъ на Неровега. — Въ Галліи ты былъ моимъ господиномъ, а я твоимъ рабомъ.

— Ты, негодяй?

— Да, я, внукъ Денъ-Брао, котораго твой дѣдъ уморилъ голодомъ, въ плуэргельской тюрьмѣ въ благодарность за то, что онъ ее построилъ... Я родственникъ Бенезека Богатаго, замученнаго тобою въ глазахъ его дочери, сошедшей съ ума отъ ужаса. На время она пришла въ себя и описала мнѣ всѣ злодѣйства, которыхъ была свидѣтельницею. Затѣмъ несчастная умерла. Я вырылъ ея могилу въ подземельяхъ, чрезъ которыя идетъ потайной ходъ изъ твоего замка.

— Такъ это ты, бродяга, вывелъ изъ башни Азенору блѣдную?

— Да. Я пришелъ къ ней за своимъ сыномъ, вотъ за этимъ ребенкомъ, котораго ты здѣсь видишь. Его похитили твои люди, чтобы отдать подъ ножъ колдунѣ.

— О горе мнѣ! Я проигралъ даже свой мечъ, и не могу теперь наказать этого наглаго разбойника! Я не могъ содержать моихъ вооруженныхъ людей,—они бросили меня, и я нахожусь теперь во власти этого подлаго раба!.. Горе мнѣ! Зачѣмъ эта подлая собака пережила другихъ такихъ же негодяевъ, погибшихъ въ этомъ тяжеломъ пути?

— Я пережилъ ихъ затѣмъ, чтобы отмстить тебѣ, лютый звѣрь, за себя и за всѣхъ моихъ братьевъ.

— О Боже! до какого униженія я дожилъ! Я нахожусь во власти подлаго раба, убѣжавшаго изъ моихъ владѣній, шепталъ Неровегъ.—Человѣкъ онъ или демонъ? Я вѣрую въ Бога и въ

святую католическую церковь!.. прибавилъ онъ громко, — и если ты демонъ, именемъ Бога, говорю тебѣ: исчезни!

— Послушай, Неровергъ, отвѣчалъ Ферганъ по нѣкоторомъ размышленіи.—Хотя солнце уже заходитъ, но жара еще такъ сильна, и такъ раздражаетъ меня, что я намѣренъ выждать и не двинусь въ путь, пока не взойдетъ луна. Во ожиданіи этого времени, поговоримъ.

Графъ слушалъ и ничего не могъ отвѣтить: онъ совершенно растерялся. Жара же, въ самомъ дѣлѣ, стала такъ утомительна, что путники рѣшительно не могли подняться съ мѣста.

— Неровергъ, продолжалъ каменщикъ серьезнымъ тономъ,— въ Галліи, въ твоихъ помѣстьяхъ, ты былъ, въ одно и тоже время, и обвинитель, и судья и палачъ твоихъ рабовъ. Сегодня моя очередь. Эта пустыня—моя сеньерія! Мой рабъ — это ты! Я буду также твоимъ обвинителемъ, судьей и палачемъ. Обвиненіемъ для тебя послужитъ рассказъ о моемъ путешествіи. Ты понимаешь, что нужна была слишкомъ большая ненависть къ тебѣ, чтобы твои рабы рѣшились толпой уйти въ это отдаленное путешествіе. Много земель пришлось намъ пройти, пока мы достигли Палестины. И какія нужды и лишенія выпали намъ на долю во время этого путешествія! Каково было идти намъ, бѣднымъ рабамъ, ступающимъ голыми ногами по землѣ; мы голодали, мы умирали отъ жажды. Намъ выступило изъ Галліи, подъ начальствомъ Петра и Готье, болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ. На дорогѣ мы грабили, раззоряли, убивали ни въ чемъ неповинныхъ людей. Крестоносцы, неимѣющіе никакого понятія о протяженіи пути, при видѣ каждаго города, обращались къ предводителямъ съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ:

— Не это ли Іерусалимъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Петръ;—идемъ дальше.

«И мы шли. Сперва мы, какъ безумцы, радовались, восхищались и гордились собою. Это путешествіе было нашимъ торжествомъ: насъ боялись, при нашемъ приближеніи бѣжали. Мы стали господами. Само духовенство оправдывало наши разбой и убійства! Мы раззоряли и жгли города; палили хлѣбъ, находящійся еще на корню: убивали скотъ, который не могли угнать

съ собой; рѣзали стариковъ и дѣтей, насилывали женщинъ, и, при приближеніи къ новому городу, опять спрашивали:

— Не это ли Іерусалимъ?

— Нѣтъ еще, давали все тотъ же отвѣтъ Петръ и Готье; — нѣтъ еще, пойдемъ далѣе!

«И опять шли. Иностранные народы, сначала уstraшенные нашимъ нашествіемъ, безъ всякаго сопротивленія позволяли намъ грабить, убивать и жечь; но скоро и они взялись за умъ: стали силой отражать силу; они вступали съ нами въ бой, съ оружіемъ въ рукахъ защищали свои земли и имущество, и дѣйствовали съ такимъ успѣхомъ, что, изъ числа шестидесяти тысячъ, вышедшихъ изъ Галліи, насъ сѣло на корабли въ Константинополь для отправленія въ Палестину не болѣе шести тысячъ человекъ. Здѣсь продолжаются тѣже гадости, таже борьба, и насъ теперь осталось даже менѣе половины высадившихся. Но все эти невзгоды можно было бы перенести. А то, на наше несчастіе, и здѣсь мы подвергаемся опасности на вѣчныя времена быть закабаленными въ рабство, многіе изъ насъ и теперь, какъ рабы, переходятъ отъ одного господина къ другому. И здѣсь уже заведены помѣстья на образецъ нашихъ, во множествѣ разбросанныхъ по Галліи. Здѣсь уже существуютъ графства едесское, антиохійское, триполійское и другіе. Вновь испеченные графы вербуютъ себѣ рабовъ, изъ числа нашихъ, вышедшихъ изъ Галліи. Голодъ, болѣзни и совершенная беззащитность—самые вѣрные союзники сеньеровъ, и несчастные рабы работаютъ на новыхъ господъ также, какъ они работали на старыхъ: опять идетъ таже непрерывная работа безъ отдыха и вознагражденія, работа, истощающая силы и недающая никакой возможности хотя нѣсколько улучшить свое безотрадное положеніе! Разумѣется, не все мы попали въ рабство: многіе, какъ я напримѣръ, предпочли голодную свободу полусытому рабству, и пожелали продолжать свой путь къ Іерусалиму. И вотъ, Нероверъ, какимъ манеромъ совершилось путешествіе тысячъ рабовъ и виленовъ, покрывшихъ всю дорогу многочисленными кучами своихъ истлѣвающихъ труповъ. Судьба гонитъ несчастныхъ рабовъ и приходится имъ или умирать съ голода въ дорогѣ или идти впередъ. Хотя бы я. Убѣжавъ изъ тво-

ихъ помѣстій въ надеждѣ избавиться отъ твоихъ палачей, могли я гдѣ нибудь остановиться въ Галліи? Вѣдь это значило бы переимѣнить одного господина на другого и попасть въ новое рабство. Далѣе, перейдя границу, могъ ли я, вмѣстѣ съ женой и ребенкомъ, рѣшиться на переимѣну своей участи въ странахъ, возмущенныхъ нашими подвигами, въ тѣхъ странахъ, гдѣ насъ, отставшихъ отъ отрядовъ, убивали, какъ дикихъ звѣрей? И такъ приходились идти и идти впередъ... Къ тому же, какъ ни безотраднa наша бродячая жизнь, все же она лучше рабства, здѣсь мы, по крайней мѣрѣ, свободны.. И теперь, Неровегъ, по волѣ судьбы, мы встрѣтились съ тобою, здѣсь, въ пустынѣ, и ты принадлежишь мнѣ, также, какъ я принадлежалъ тебѣ въ твоей сеньерин. Теперь я полный господинъ твой, и отъ меня зависитъ твоя жизнь или смерть... Не пойдѣ я въ крестовой походъ, не наслаждаться бы мнѣ мѣстію!

— О, ужасная участь! Погибнуть отъ руки подлаго раба! прошепталъ Неровегъ, до сихъ поръ съ мрачнымъ спокойствіемъ слушавшій длинную рѣчь своего врага.

— Да, ты умрешь, но прежде еще послушай, я не все кончилъ. Глупые вы сеньеры, чистое стадо барановъ; вы поддались льстивымъ внушеніямъ патеровъ и епископовъ, развѣсили уши на ихъ сладкія рѣчи и надуты кругомъ. Они обольстили ваше дикое воображеніе несуществующими богатствами въ Палестинѣ, и вы продали имъ за безцѣнокъ ваши замки и земли. Они наслаждаются теперь, а вы здѣсь проигрываетесь, умираете отъ истощенія и чумы, погибаете въ сраженіяхъ. Хоть бы ты, Неровегъ! Ты умрешь, какъ нищій въ пескахъ Палестины, а твой смертельный врагъ, епископъ нантскій, извлекаетъ теперь огромную пользу изъ дешевой покупки части твоего имѣнія...

— А! будь проклятъ этотъ италіанскій монахъ, котораго я арестовалъ вмѣстѣ съ нантскимъ епископомъ, закричалъ въ сильной ярости Неровегъ.—Этотъ Иеронимо вскружилъ мнѣ голову, рассказывая о крестовомъ походѣ и представляя мнѣ картину будущихъ наказаній, если я не заглажу ихъ путешествіемъ въ Святую землю. «Наказаніе уже начинается, говорилъ онъ, смотри одинъ изъ твоихъ сыновей убить своимъ братомъ»..

— Твои оба сына убиты, Неровегъ! Братоубійцу убилъ я, своимъ ломомъ, въ ту минуту, когда этотъ негодяй желалъ изнасиловать дочь Бенезека.

— Въ свою очередь теперь я торжествую! закричалъ Неровегъ, — мой сынъ Гонтрамъ не умеръ; онъ выздоровѣетъ отъ той ужасной раны, которую ты ему нанесъ. Да, Иеронимо обѣщай мнѣ, именемъ Бога, что, если я дамъ свободу нантскому епископу и пойду въ крестовый походъ, выздоровленіе моего сына будетъ несомнѣнно... Если бы не это обѣщаніе, я никогда бы не пошелъ въ Палестину. Не знаю надули меня эти хитрые попы или нѣтъ?.. Но не въ томъ дѣло. Могъ ли я раздумывать въ то время, видя подлѣ себя одного сына мертвого, а другаго умирающаго?—прибавилъ онъ нѣжно.

— Такъ ты любишь своего сына? спросилъ Ферганъ.

Неровегъ бросилъ на него взглядъ, полный ненависти, и двѣ крупные слезы покатались по его загорѣлымъ щекамъ. Но не желая показаться слабымъ въ глазахъ своего бывшего раба, онъ поскорѣе отвернулся. Этотъ невольный жестъ замѣтила Жоганна и сказала тихо своему мужу:

— Посмотри, этотъ сеивьеръ, не смотря на всю свою злобу, плачетъ о своемъ сынѣ.

— О, отецъ! воскликнулъ Коломбаикъ, съ умоляющимъ видомъ протягивая свои руки, — отецъ, онъ плачетъ, не дѣлай ему никакого зла.

— Ты слышишь, Неровегъ? сказалъ Ферганъ, обращаясь къ графу. — Ты расчувствовался, говоря о своемъ сынѣ. Но вѣдь ты хотѣлъ зарѣзать мое дитя. Неужели ты думаешь, что у раба менѣе родительскаго чувства, чѣмъ у тебя?

Неровегъ отвѣчалъ на это взрывомъ сардоническаго смѣха.

— Чему ты смѣешься?

— Мнѣ смѣшно, что ты, рабъ, осмѣливаешься говорить о родительскихъ чувствахъ! Ты, подобный волу или ослу, и ты смѣешь сравнивать себя со мною. Развѣ у рабочаго скота есть какія нибудь чувства?

— Въ его глазахъ у раба, какъ и у скота, нѣтъ души, повторилъ медленно каменьчикъ. — Да, онъ говоритъ искренно, имъ руководить дикая, безумная гордость. Но онъ оплакиваетъ

своего сына, значить въ немъ есть человѣческія чувства. И между тѣмъ какъ онъ смотритъ на раба! Но странно удивляться, что Неровегъ и ему подобныя считаютъ раба неразумнымъ, безсердечнымъ животнымъ... Они правы по своему. Какъ имъ не презирать насъ, подлыхъ трусовъ! Ихъ тысячи завоевателей; насъ миллионы завоеванныхъ, а мы терпѣливо сносимъ ярмо, которое имъ захотѣлось наложить на насъ, и нѣтъ у нихъ животнаго, которое бы смиреннѣ насъ носило кандалы, и покорнѣ сгибалось подъ плетью, подъ веревкой или подъ ножомъ. Мы все сносимъ, не даромъ наши пастеры такъ много толкуютъ намъ о терпѣннѣ и смиреннѣ. Да, мы не болѣе, какъ глухое и пугливое стадо барановъ.

— Слушай, Неровегъ, продолжалъ Ферганъ послѣ минутнаго молчанія,—ты въ моей власти, ты безоруженъ, связанъ, и я могу сдѣлать съ тобою все, что захочу. Я убѣжденъ, что поступлю совершенно справедливо, если расправлюсь съ тобой, какъ съ волкомъ, пойманномъ западнею: я тебя пришибу палочными ударами, — такую смерть ты вполнѣ заслужилъ. У меня есть теперь мечъ, но я не намѣренъ употребить его противъ тебя. Ты считаешь меня скотомъ, ты всегда говорилъ, что раба надо или вѣшать, или убивать палками. Не справедливо ли будетъ, если я, имѣя на своей сторонѣ силу, примѣню къ тебѣ твои же разсужденія? Приготовься же умереть, я тебя осудилъ и сейчасъ же приведу въ исполненіе свой приговоръ.

Онъ взялъ въ руки свою огромную палку, но въ тоже мгновеніе жена и сынъ схватили его за руки.

— Пощади, пощади его, упрасивали они.

— Нѣтъ, отвѣчалъ сурово каменьщикъ. — Развѣ Неровегъ щадилъ Бенезека и его дочь?

— Но вспомни, Ферганъ, сказала Жеганна—что безъ него мы бы лишились нашего сына. Еслибъ не подоспѣла его вода, Коломбанкъ лежалъ бы теперь мертвымъ.

Эти простыя слова подѣйствовали на суроваго каменьщика, онъ далеко отбросилъ свою палку.

— Слушай, сказалъ онъ Неровегу, — не смотря на всѣ гадости, которыми прославился ты и тебѣ подобныя, я знаю, ты вѣрно удержишь клятву, данную кому нибудь изъ твоихъ това-

рищей. Клянись же мнѣ спасеніемъ твоей души и словомъ рыцаря, клянись, что съ этой минуты ты не будешь предпринимать ничего противъ меня, моей жены и моего сына. Я не боюсь ничего, пока мы здѣсь одни въ пустынѣ; но если я встрѣчу тебя въ Маргалѣ или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ, гдѣ будетъ много рыцарей, жизнь моя и моего семейства будетъ въ твоихъ рукахъ. Поклянись же и я тотчасъ освобожу тебя.

— Клясться передъ тобою, подлый рабъ?! съ хохотомъ произнесъ Неровегъ. — Ты съ ума спятилъ; этакъ, пожалуй, потребуетъ съ меня клятву и мой вьютный осель!

— А, это уже слишкомъ, закричалъ Ферганъ.—Нечего съ тобою много разговаривать, ты умрешь, Неровегъ.

Но въ это время послышался глухой шумъ, подобный отдаленному грому. Ферганъ остановился и, къ своему ужасу, увидѣлъ, что пустыня заколыхалась, тучи песку поднялись на воздухъ и понеслись столбами прямо на нашихъ странниковъ. Начался страшный степной ураганъ.

— Мы погибли, съ ужасомъ закричалъ Ферганъ.

Не успѣлъ онъ вымолвить этихъ словъ, какъ былъ сброшенъ на землю; потомъ поднявшись, онъ увидѣлъ, что отдѣленъ отъ своего семейства на большее разстояніе, скоро и онъ изчезъ изъ виду.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ лежалъ связанный Неровегъ, образовалась цѣлая гора песку.

Хроники говорятъ, что Ферганъ и его сынъ Коломанкъ благополучно прибыли въ Маргалу.

(Продолженіе съ слѣд. книжкѣ).

ИЗЪ ГВѢИИЕ.

Нась счастье, каеъ дѣвчонка тѣшить,
На мѣстѣ долго не сидить:
Рукой намъ волоса причешеть,
Дастъ поцѣлуй — и улетить.

Несчастью, добренькой старушкѣ,
Другое дѣло — спѣху нѣтъ:
Она подсядетъ къ вамъ, къ подушкѣ,
И ну, вязать — хоть на-сто лѣтъ.

Н. Ти — нѣ.

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Школа.

I.

Просматривая послѣдній коммерческій календарь, я нахожу, что съ 1857-го года у насъ явилось громадное число акціонерныхъ предпріятій — торговыхъ, промышленныхъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходства, финансовыхъ. Складочный капиталъ всѣхъ этихъ предпріятій составляетъ 333 милліона. И это только предпріятія болѣе значительныя. Сколько еще предпріятій мелочныхъ, частныхъ; сколько предпріятій неудавшихся; сколько явилось новыхъ фабрикъ и заводовъ!

Припоминая, что писалось въ послѣднія десять лѣтъ, я встрѣчаю почтенныя имена гг. Шипова, Коллюпанова, Долинскаго, писателей, до 1857-го года въ экономической литературѣ неизвѣстныхъ, я нахожу цѣлую литературу о русскомъ кредитѣ, о русской бѣдности, о стѣсненномъ положеніи помѣщиковъ и крестьянъ, о безпомощности чиновниковъ, нанимающихся въ солдаты, превращающихся въ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, лавочниковъ; споръ о тарифѣ, о покровительственной системѣ и системѣ свободной торговли волнуетъ умы Петербурга, Москвы, Риги, Берлина, и даже самъ Бисмаркъ принимаетъ въ немъ участіе въ качествѣ представителя нѣмецкаго элемента. Я встрѣчаю, наконецъ, новое слово, прежде русскому человѣку неизвѣстное — пролетаріатъ. Очевидно, что русская жизнь идетъ куда-то впередъ и что русскій интел-

лектъ, пораженный новымъ явленіемъ, находится въ лихорадочномъ состояніи.

Но въ тоже время, какъ факты этого рода приводятъ меня въ смущеніе и подавляютъ своею грандіозностью, за вечернимъ чаемъ у одного своего знакомаго, я слышу сѣтованія отца, отдавашаго нынче своего сына въ гимназію. Сѣтующій отецъ сообщаетъ, что онъ не узнаетъ своего сына. Прежде смѣлаго и бойкаго мальчика точно пришибло чѣмъ-то; точно въ немъ происходитъ какая-то сильная внутренняя работа, и умъ его находится подъ подавляющими новыми впечатлѣніями. Отецъ бранитъ латинскій языкъ и обзываетъ его нецензурными названіями. По рассказамъ отца, задали его сыну въ первый урокъ латинскую азбуку, во второй — склады, на третій — чтеніе, а съ четвертаго — спряженіе глаголовъ. До сихъ поръ ребенокъ не зубрилъ ничего на память, домашній учитель его не задавалъ ему никакихъ уроковъ, а только бесѣдовалъ съ нимъ и вдругъ, какъ громъ изъ тучи, грянуло латинское спряженіе. Нужно задолбить урокъ, нужно его отвѣтить. Ну, а какъ не отвѣчу, а какъ поставить нуль, а за нуль оставить безъ обѣда? Въ воображеніи ребенка рисуются страшныя картины неудачи и наказанія. Его умъ-и сердце, незнавшіе страха, забиялся робостью; ребенокъ струсился и повѣсилъ носъ!

Этотъ послѣдній фактъ я стараюсь пристронуть къ фактамъ предъидущимъ и, не смотря на грандіозность первыхъ и на кажущуюся мелочность послѣдняго, онъ производитъ въ моихъ понятіяхъ путаницу и неловкость.

Я припоминаю, что десять лѣтъ тому назадъ г. Пироговъ писалъ много о воспитаніи и надѣлалъ своими статьями не мало шуму. Я прочитываю нѣкоторыя его статьи, я прочитываю статьи Спенсера о воспитаніи и прихожу къ заключенію, что вопросъ о воспитаніи не напечатлѣлся въ умѣ русскаго общества съ тою глубиной, которая бы позволила теоріи раціональнаго воспитанія проявиться въ собственномъ практическомъ примѣненіи, и что, слѣдовательно объ этомъ вопросѣ говорилось у насъ еще мало.

II.

Если бы передъ сѣверо-германской войной, Пруссія стала обучать своихъ солдатъ стрѣльбѣ изъ лука, то подъ Садовой оказались бы побѣдителями конечно австрійскіе штуцерные.

Законъ исторической солидарности заставляетъ народы держаться на возможно высшемъ уровнѣ знаній. Горе народу, который бы не захотѣлъ или не съумѣлъ подчиниться этому закону. Такой народъ затрутъ немедленно другіе народы и съэксплуатируютъ его въ свою пользу. Изъ свободнаго онъ сдѣлается рабомъ, слугою, работникомъ другихъ.

Читающая публика привыкла слышать восторженныя похвалы XIX вѣку. Но ни читающая публика, ни хвалители, нерѣдко не понимаютъ того, что они говорятъ и все свое общественное и частное поведеніе устраниваютъ по принципамъ, которые повидному отрицаютъ. Живя въ XIX вѣкѣ, мы ведемъ себя, какъ люди четырнадцатаго столѣтія.

Когда за переселеніемъ народовъ и формированіемъ европейскихъ государствъ, наступило для Европы время умственного пробужденія, періодъ этотъ называли эпохой возрожденія наукъ и искусствъ, — періодомъ новой исторіи.

Варварскіе средніе вѣка сдѣлались, наконецъ, невыносимыми для всѣхъ лучшихъ людей и нужно было найти выходъ къ лучшему. Но гдѣ и какъ? Тогда лучшие люди вспомнили, что на свѣтѣ уже существовала цивилизація, — цивилизація Рима и Греціи. И вотъ лучшие люди пересаживаютъ на европейскую почву классическую латынь и принимаютъ за изученіе древнихъ.

Время это намѣчено въ исторіи Европы сильнымъ напряженіемъ мысли. Повсюду, и преимущественно въ Италіи, сдѣлавшейся центромъ классицизма, возникаютъ гимназіи, университеты, художественныя школы, академіи, коллегіи. Германія въ этотъ періодъ основываетъ многое множество университетовъ и коллегій. Лучшие люди времени отдались популяризаціи знаній и распространенію общечеловѣческаго, гуманитарнаго образованія. Для распространенія гуманизма составились даже особыя общества, напр., рейнское, страсбургское.

Этому же времени принадлежитъ возникновеніе искусствъ—архитектуры, ваянія, живописи, музыки. Въ Европѣ появился цѣлый рядъ великихъ творцовъ искусства и создались величественныя храмы и палаццо; явился цѣлый рядъ произведеній живописи, предъ которыми туристы и до сихъ поръ останавливаются въ безмолвномъ, и нѣсколько запоздавшемъ, благоговѣніи.

То была полная реакція всему средневѣковому, темному, варварскому, старому. Борьба, начавшаяся противъ деспотизма, окончилась, впрочемъ, односторонней побѣдой — реформаціей.

Но незамѣтно, шагъ за шагомъ, подготовлялось иное время. Разрѣшеніе вопросовъ жизни умозрительнымъ способомъ, отвлеченнымъ мышленіемъ уступало прямому наблюденію жизни в природѣ. Наблюденіе и изученіе фактовъ привело къ естествознанію и къ цѣлому ряду открытій, создавшихъ новую культуру. Время это на языкѣ историковъ называется періодомъ новѣйшей исторіи и началомъ его считается XIX вѣкъ.

Какъ гуманисты должны были нѣкогда вести борьбу противъ доминикановъ, явившихся рымп поборниками старинны и прозванныхъ обскурантами, такъ люди новѣйшаго времени ведутъ теперь борьбу съ представителями идей, бывшихъ нѣкогда новыми, но теперь уже отсталыми. Во времена гуманистовъ, новый вѣкъ боролся съ средневѣковымъ періодомъ, нынче же новѣйшій борется съ новымъ, естествознаніе съ метафизикой.

Безъ естествознанія немислимы ни современная цивилизація, ни будущій прогрессъ человѣчества, и довольствоваться системами и теоріями гуманистовъ, значитъ выходить на борьбу противъ шуцерныхъ съ лукомъ и стрѣлами.

Химія съ технологіей, физика и математика (механика) дали Европѣ весь ея экономическій прогрессъ, дали ей всё ея познѣтенія и открытія. Пролѣдите всю свою домашнюю жизнь и вы увидите, какъ всё эти знанія входятъ во всё мелочи всего васъ окружающаго и что безъ нихъ невозможно ни одно изъ тѣхъ удобствъ, которыми вы пользуетесь, не возможно даже удовлетвореніе вашихъ насущныхъ потребностей.

Исслѣдованіе свойствъ желѣза, мѣди, цинка и другихъ металловъ создало многообразныя орудія для употребленія пищи, снаряды для освѣщенія и нагрѣванія, вмѣстѣ со стекломъ, превратили шалашъ дикаря въ домъ современнаго европейца. Вся ваша мебель, на которой вы сидите, постель, на которой вы спите, сапоги, платье, которое вы носите, суть только ближайшія практическія послѣдствія силъ природы и знанія ихъ. Обратите вниманіе на такую мелкую вещь, какъ стальное перо. Сколько слѣдовало произвести наблюдений и создать послѣдовательныхъ процессовъ, чтобы изъ желѣзной руды получить въ окончательномъ результатѣ перо? Какое громадное разстояніе знаній отдѣляетъ желѣзный шкворень, выкованный деревенскимъ кузнецомъ, отъ любаго соммервилльскаго пера. А многообразныя матеріи, которыми скрыта ваша мебель, въ которыхъ одѣваете вы, ваша жена, ваши дѣти? Ткань Пенелопы или что предъ теперешнимъ набивнымъ коленкоромъ. Чтобы явился си-

тецъ, слѣдовало разработаться математикѣ и химіи до пароваго двигателя придильной и ткацкой машины, до особаго отдѣла знаній—красильнаго искусства. Но химія не остановилась и тутъ. Натуральныя красящія вещества оказались не удовлетворительными и изъ каменно-угольной смолы созданы анилиновыя краски, которымъ предназначено произвести переворотъ въ красильномъ искусствѣ. Торфъ и парафиновая свѣча, каменно-угольная смола и пурпуровая краска! Время сырья кончается безвозвратно. Химія съ каждымъ днемъ открываетъ новыя комбинаціи для простыхъ тѣлъ и, какъ бы недовольная вмѣнательствомъ посредниковъ, хочетъ получать шерсть прямо изъ травы, которой питается баранъ.

Земледѣліе, бывшее до сихъ поръ наиболѣе отсталымъ знаніемъ, становится невозможнымъ безъ раціональнаго изученія силъ природы. Ниче невозможно быть толковымъ сельскимъ хозяиномъ, не зная земледѣльской химіи, вліянія и свойствъ разныхъ удобрительныхъ веществъ, не зная отношенія состава почвы къ роду возвращаемыхъ хлѣбовъ. Допотопныя земледѣльческія орудія оказываются тоже непригодными и механика предлагаетъ земледѣльцу свои услуги въ видѣ пароваго плуга, жатвенной машины, вѣялки, дренажа, орошенія и т. д. Въ недалекомъ будущемъ, по крайней мѣрѣ у болѣе передовыхъ народовъ, предстоить полное пзмѣненіе физіономіи сельскихъ мѣстностей и даже состава почвы. Прежнюю естественную сельскую мѣстность и натуральный составъ почвы стремится замѣнить мѣстность искусственная и почва составная. Кислыя торфяныя болота, покрытыя богульникомъ и клюквой, превращаются уже въ плодородныя черноземныя почвы или, какъ въ Ольденбургѣ, въ дубовыя плантаціи. Холодныя почвы посредствомъ дренажа и органическихъ примѣсей превращаются въ рыхлыя и теплыя, а сухія и горячія охлаждаются орошеніемъ. Недостатокъ земли заставляетъ измѣнять русла рѣкъ и давать имъ искусственно болѣе прямое теченіе. То, что не пригодно для пашни, покрывается лѣсами; а плодородная лѣсная почва превращается въ пашню. Человѣкъ все болѣе и болѣе становится господиномъ природы и заставляетъ силы ея служить себѣ. Чтобы быть сельскимъ хозяиномъ, стоящимъ въ уровень съ современнымъ естествознаніемъ, нужно быть химикомъ и агрономомъ, механикомъ и математикомъ. Не существуетъ другой области человѣческой дѣятельности, требующей такихъ разностороннихъ познаній и такого изученія силъ и явленій природы, какъ сельское хозяйство.

Мануфактурная, фабричная, земледѣльская промышленность

обнимаютъ внѣшнюю дѣятельность человѣка; онѣ доставляютъ ему предметы первой необходимости и удобства внѣшней жизни. Но рядомъ съ этой областью введенія стоитъ другая область, внѣ которой могли дѣйствовать и дѣйствовали, не чувствуя стѣсненій, Рафаэль и Бенвенуто Челлини, Эразмъ Роттердамскій и даже Мартинъ Лютеръ и внѣ которой современному человѣку дѣйствовать невозможно. Эта область обнимаетъ органическую жизнь человѣка. Нынче, болѣе чѣмъ когда либо, понимаютъ, что здоровый духъ только въ здоровомъ тѣлѣ. Соціально-экономическое настроеніе человѣческаго интелекта создало неизвѣстное прежде обществу нервное напряженіе. Патріархальное благодушество и мирная умственная спячка, въ которой имѣютъ право пребывать дикари, для большинства цивилизованнаго человѣчества давно уже миновала. Прежнюю безмятежность смѣнила горячка, прежнее довольство — недовольство и постоянное стремленіе къ улучшенію своего личнаго и общественнаго положенія. Усилившіеся симптомы психическихъ болѣзней, какъ слѣдствіе напряженнаго умственнаго состоянія, составляютъ рѣзкій признакъ нашей эпохи. Самоубійства и умопомѣшательства экономическаго характера, т. е. неудовлетворенныхъ желаній и стремленій человѣка къ своему индивидуальному счастью, дѣлаются повседневными фактами. Поэтому изученіе силъ нашего внутренняго организма и вліяющихъ на него внѣшнихъ силъ природы составляютъ новое знаніе, также неизбѣжно необходимое каждому, какъ умѣнье читать и писать. Накопленіе огромныхъ массъ людей въ центрахъ промышленности, дѣластъ подобное знаніе еще болѣе необходимымъ. Когда Европа считала въ своихъ городахъ по три милліона жителей, какъ нынче Лондонъ? Былъ-ли въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ извѣстенъ нынѣшній пролетаріатъ, наводнившій всѣ европейскіе города? Правда, мы уже не знаемъ ни черной немочи, ни чумы, но зато нищета, лишенія, вредныя жилища, вредный промышленный трудъ подтачиваютъ жизнь милліоновъ прежде времени и уносятъ жертвы больше всякой черной немочи. Изслѣдованіе вліянія современнаго соціально-экономическаго быта на здоровье людей создали особую вѣтвь медицины — общественную гигиену, подчинившую уже себѣ гражданскую архитектуру. Современный архитекторъ, если онъ неумѣетъ построить дома, удовлетворяющаго гигиеническимъ требованіямъ, не умѣетъ расположить города, удовлетворяющаго условіямъ общественнаго здоровья и устроить соответственную систему сточковъ и клоакъ — не

архитекторъ, а рисовальщикъ, не полезный для общества человѣкъ, а метафизикъ или его тунелдный собратъ—эстетикъ.

Естествознаніе, проникающее во всё мелочи индивидуальной и коллективной жизни, опредѣляетъ и обусловливаетъ общественное и частное поведеніе человѣка. Человѣкъ только частичка природы, подчиняющаяся общимъ мировымъ законамъ. Лишь знаніе этихъ законовъ указываетъ безошибочный путь къ культурѣ личности и общества. Поэтому негодованіе нашихъ классиковъ и филистеровъ на стремленіе молодого поколѣнія къ естествознанію доказываетъ только все безсиліе рутины передъ восходящей силой реального знанія. На свѣтѣ есть одна всепоглощающая наука — химія. Всё остальные знанія только вспомогательныя. Одна химія можетъ опредѣлить законы и свойства силъ природы и законъ сочетанія этихъ силъ, дѣйствующихъ въ живыхъ и въ неживыхъ тѣлахъ. Можетъ быть, это время еще не такъ близко; но развѣ истина теряетъ что нибудь, если она не осуществима немедленно? Понятно, почему люди болѣе проникательныя, отдавали предпочтеніе естествознанію надъ умозрѣніями.

Но можетъ быть правы и умозрители и противники естествознанія? Можетъ быть необыкновенное развитіе промышленности и современного экономическаго быта, требующее знанія химіи, физики, математики, есть только продуктъ западно-европейской жизни, умѣстной лишь у американцевъ, нѣмцевъ, англичанъ, французовъ; для насъ же русскихъ требуется что нибудь другое, менѣе матеріальное и болѣе возвышенное? Подобная теорія народнаго аскетизма была бы возможна, если бы не существовало закона исторической солидарности и еслибы защитники этой теоріи не противорѣчили сами себѣ. Изолированная жизнь народовъ была невозможна даже въ древности, а при нынѣшнемъ развитіи экономической дѣятельности человѣка, при желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ—совершенно не мыслима. А что такое споръ нашихъ защитниковъ покровительственной системы, что такое наше стремленіе къ созданію русскаго флота, что такое наши нападки на нѣмцевъ и англичанъ, будто бы вытѣсняющихъ насъ изъ нашего собственнаго дома и забравшихъ нашу промышленность въ свои руки; что все это, какъ не сознаніе нашего отчужденія отъ естествознанія? Славянофильскій задоръ, въ который мы впадали во всѣхъ этихъ случаяхъ, больше ничего какъ сухой туманъ, державшій въ чадѣ наше здравомысліе. Въ какомъ положеніи, напримѣръ, находится наше земледѣліе? Какой русскій крестьянинъ и даже помѣщикъ

имѣеть рациональное понятіе о сельскомъ хозяйствѣ? Мы папемъ не такъ какъ слѣдуетъ; мы не такъ и не тѣмъ удобряемъ, чѣмъ нужно, мы не имѣемъ никакого понятія о разложеніи почвъ, о химическомъ ихъ составѣ и химическомъ составѣ разныхъ хлѣбовъ; намъ незнакомы усовершенствованныя земледѣльческія машины и орудія; мы рѣшительно не умѣемъ пользоваться съ экономіей своимъ трудомъ, напрягаемъ до нечеловѣческаго размѣра свои силы, и тамъ, гдѣ американецъ, при томъ же расходѣ силъ, получаетъ десятъ, мы получаемъ единицу. Посмотрите на нашу промышленность, на нашу ремесленность, на наши города. Мы не знаемъ общественной гигиены и отравляемъ воздухъ городовъ помойными ямами и отхожими мѣстами, питающими своимъ отравляющимъ содержимымъ наши рѣки, колодцы и ручьи. Мы, переживая какъ будто бы средніе вѣка, держимъ себя съ младенческимъ беспіемъ въ вопросахъ народнаго здоровья и предоставляемъ попеченіе о себѣ высшимъ силамъ, не принимая никакихъ мѣръ противъ сибирской язвы, чумы, холеры, тифа. Наши, даже деревянные дома, пропитанные гнилью и сыростью, совершенно не знаютъ вентиляціи и, конечно, въ разгаръ самой сильной холеры ни одинъ домовладѣлецъ не догадался бы вычистить отхожихъ мѣстъ безъ поужденія полиціи. Что же это такое, какъ не полное отсутствіе знаній силъ природы и своихъ собственныхъ человѣческихъ силъ.

Къ какимъ выгоднымъ послѣдствіямъ ведетъ знаніе и умѣнье съ малой потерей труда приходитъ къ большимъ результатамъ, читатель увидить изъ слѣдующаго разсказа:

Когда мормоны порѣшили переселиться въ пустыню Запада и Югъ объявилъ походъ, каждое семейство начало приготовляться къ странствованію. Этимъ приготовленіямъ, говоритъ Диксонъ, нѣтъ ничего равнаго въ исторіи съ того дня, когда Моисей вывелъ народъ изъ Египта. Преслѣдуемые своими врагами, переселенцы вышли изъ Наука, пока еще свирѣствовала зима; перешлъ Миссисипи по льду и начали свое странствіе по странѣ, въ которой на протяженіи 1,500 миль не было ни дорогъ, ни мостовъ, ни селеній, ни гостинницъ, ни колодцевъ, ни полей, ни пастбищъ. Путь лежалъ черезъ луговую степь, населенную только повіями, шакалами, волками и медвѣдями; его перерѣзывали быстрые потоки и длинныя гряды горныхъ кряжей; а конечная цѣль, къ котой они стремились, спасительная гавань, которой они могли достигъ послѣ такихъ трудовъ и опасностей—были пустынные берега Мертваго моря, безплодная долина, орошаемая соленой влагой, пастбище, по-

крытое соленою корой. Во время пути дѣти отмораживали себѣ руки, старыя и молодыя страдали отъ жажды. Часто миражи издѣвались надъ несчастными, подавая имъ ложную надежду и даже, когда они останавливались у ручьевъ и потоковъ, вода часто была горька на вкусъ и вредна для здоровья; даже лошади падали отъ изнеможенія и болѣзней. Въ виду ужасныхъ трудностей и лишений, многіе стали отставать по дорогѣ, еще большее количество умирало преждевременной смертю. И не смотря на то, храбрый, стойкій отрядъ переселенцевъ шелъ все впередъ. Когда путникамъ становилось очень грустно, оркестръ музыки игралъ какую нибудь веселую пѣсню, всѣ подтягивали ее и забывали свое горе. Днемъ они пѣли гимны, ночью плясали вокругъ сторожевыхъ огней. Уныніе, мрачныя мысли, аскетизмъ были строго изгнаны изъ ихъ лагера, изъ ихъ головы. Между немногими сокровищами, унесенными ими изъ Наука, былъ печатный станокъ, и газета, печатавшаяся такимъ образомъ на дорогѣ, распространяла добрыя совѣты, увѣщанія по всѣмъ закоулкамъ лагера. Старикъ и до сихъ поръ не могутъ рассказывать безъ слезъ, какъ они перебирались чрезъ скалистыя горы, таща за собою фургоны, отыскивая себѣ пищу, безъ всякой помощи, безъ проводниковъ. Сильные молодые шли впередъ, пробивая тропинку для стариковъ и женщинъ, отгоняя медвѣдей и волковъ, убивая змѣй и охотясь за лосемъ и дикимъ оленемъ. Наконецъ, когда они достигли вершины горнаго прохода, ихъ глазамъ представились безплодная, безконечная, каменныя равнины, съ пересохшими ложбинами потоковъ, съ обнаженными холмами, съ узкими оврагамъ, крутымъ пропастью и ручьями горькой воды. День за днемъ, недѣля за недѣлей шли они по этимъ холоднымъ горамъ, по этимъ угрюмымъ долинамъ. Пища оскудѣвала, дикія животныя встрѣчались рѣже. И впереди ждало ихъ тоже. Впрочемъ они и не ожидали цвѣтущаго райа отъ обѣтованной земли, къ которой стремились. Рѣшившись поселиться въ этой новой странѣ, они знали, что въ ней никто не жилъ, потому что ее считали вполне негодной. Они ожидали найти тутъ только миръ и свободу, найти мѣсто, въ которомъ они могли бы попытать счастья съ глазу на глазъ съ природой. Наконецъ, странники остановились на мѣстѣ, указанномъ имъ ихъ предводителемъ. Ни минуты не было потеряно. Каждый тотчасъ взялся за свое дѣло подъ вліяніемъ практической, мудрой теоріи, проповѣдуемой Юнгомъ о святости труда.

Вскорѣ пустынная долина начала измѣнять свой видъ подъ ис-

кустными руками поселенцевъ. Горные ручьи отведены по новому направленію, поля обработаны и засеяны; дома стали выростать изъ земли; стада овецъ и коровъ паслись на горныхъ скатахъ. Соленыя копи и пыльные мельницы были устроены и пущены въ ходъ, фруктовые деревья насажены и огороды разведены. Прошелъ годъ и поселенцы не погибли въ своей пустынь; напрогивъ, они стали распространяться, благоденствовать и даже наживать деньги. Съ каждымъ годомъ они продолжали все болѣе и болѣе умножаться и богатѣть до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ихъ купцы стали извѣстны въ Лондонъ и Нью-Йоркъ, а ихъ городъ сдѣлался однимъ изъ чудесъ свѣта. Въ чемъ же тайна этого удивительнаго развитія? — «Посмотрите вокругъ себя, сказалъ Юнгъ Диксону, если вы желаете знать, что мы за народъ. Девятнадцать лѣтъ тому назадъ, эта долина была пустыней, покрытая только тамъ и сямъ дикими шафеемъ и подсолнечниками; мы, явившись сюда изъ далека, не принесли съ собою ничего, кромѣ жѣшка съ сѣменами и кореньями, ничего не привели, кромѣ нѣсколькихъ воловъ и фургоновъ. Посмотрите теперь вокругъ себя съ этого балкона и вы увидите, что мы сдѣлали». Ихъ улицы чисты, ихъ дома свѣтлы, ихъ сады изобилуютъ плодами. Миръ царствуетъ въ ихъ городахъ. Пьянцы и публичныя женщины невѣдомы въ ихъ средѣ. У нихъ болѣе первоначальныхъ школъ, чѣмъ въ какой либо сектѣ Соединенныхъ штатовъ, говоритъ Диксонъ. И всѣ эти чудеса совершили они потому, что каждый изъ нихъ владѣлъ практическимъ знаніемъ, могъ дѣлать что нибудь и дѣлать хорошо. Напримѣръ, предводитель мормоновъ Юнгъ,—пользующійся у своего народа властью, какой не пользовался никогда никакой папа въ Римѣ, никакой калифъ въ Багдадѣ,—плотникъ по ремеслу. Онъ умѣлъ рубить деревья, тесать доски, дѣлать телѣги, ставить заборы, строить временныя навѣсы. Переселенцы, которыхъ онъ долженъ былъ вести съ собою, привыкли къ труду и лишениямъ; они были большею частью новоанглійскіе рабочіе или западныя фермеры, люди, которые могли взяться за какое угодно дѣло, исполнить его хорошо и побороть всякую трудность. Равное число англичанъ или французовъ погибло бы въ этой попыткѣ—перейти чрезъ степи и горы, но природный америванецъ—человѣкъ на всѣ руки: онъ банкиръ, мясникъ, плотникъ, возница, государственный человѣкъ, все что хотите и когда хотите,—это человѣкъ знающій все, способный на все, такъ что хлѣбникъ выстроитъ вамъ мостъ, проповѣдникъ укротитъ самую дикую лошадь, адвокатъ иссечетъ вамъ широкъ.

Что создало всё эти чудеса, какъ не естествознаніе, какъ не знаніе силъ природы и умѣнье дѣлать все? Перенесите вологодское населеніе на берега Соленого озера и черезъ годъ оно превратится въ пустыню и снова появится двікій шалфей. Но переведите поселенцевъ Соленого озера въ вологодскую губернію — и черезъ годъ она превратится въ самую цвѣтущую мѣстность Россіи.

Ясно, что всё наши толки о нашей бѣдности, всё наши мучительныя думы объ обогащеніи, всё фантазіи, воздушныя замки, создаемыя нашими финансистами и экономистами, больше ничего, какъ смутная мысль о разладѣ стремленій съ практикой, больше ничего, какъ недовольство нашимъ отчужденіемъ отъ естествознанія.

Возстановляетъ ли наша школа это равновѣсіе? Стремится ли она уничтожить этотъ разладъ? Создаетъ ли она людей, требуемыхъ настоящимъ историческимъ и экономическимъ моментомъ русской жизни?

III.

Школа и жизнь понимаются многими, какъ два независимыя понятія.

Самовоспитаніе начинается съ перваго дня рожденія человѣка. Ребенокъ уже въ крѣбъ ли упражняетъ свои органы и члены, изучаетъ свои силы и силы природы. Онъ приучается различать разстоянія и управлять своимъ органомъ зрѣнія. Онъ приучается узнавать свойство окружающихъ его тѣлъ и предметовъ. Онъ приучается привариваться къ природѣ, къ средѣ его окружающей.

Первые моменты самовоспитанія, когда ребенокъ не больше, какъ пузырь, совершенно одинаковы для дѣтей, какого бы онъ не былъ званія и происхожденія. Но потомъ; путь самовоспитанія раздѣляется на двѣ дороги: простолюдинъ идетъ одной, господинъ другой.

Простолюдинъ, воспитывающійся на лонѣ природы, продолжаетъ тотъ путь, которымъ онъ началъ свое самовоспитаніе. Деревенскій мальчишка собственными руками и ногами изслѣдуетъ свойства земли въ грязяхъ и лужахъ; коченѣющими членами онъ покупаетъ знаніе атмосферическихъ вліяній и свойства простудныхъ болѣзней,

которым подвергается его организмъ. На дворѣ своей избы и среди деревенскаго стада онъ беретъ первые практическіе уроки знакомства съ животнымъ міромъ; а въ тѣхъ работахъ, которыхъ требуютъ отъ него отецъ и мать въ домашнемъ хозяйствѣ, онъ знакомится практически со всѣми условіями домашней жизни и приучается къ практическому труду съ малолѣтства. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ, онъ уже помогаетъ отцу на пашнѣ и становится въ общихъ взглядахъ на сельское хозяйство на уровень своего отца, чтобы идти по этой дорогѣ до старости. Отъ этого между восьмилѣтнимъ ребенкомъ и его взрослымъ отцомъ не существуетъ разлада. Оба они воспитываются и живутъ въ одной школѣ природы, незная тѣхъ отвлеченностей и умозрѣній, которыя раздѣляютъ поколѣнія теоретиковъ. Конечно, одно практическое знакомство съ предметами окружающаго міра не даетъ отвѣтовъ на всѣ вопросы пытливаго ума деревенскаго мальчика. Часто представляются и поразительныя явленія, разъясненія которыхъ своимъ умомъ для ребенка не подъ силу. Напримеръ, громъ и молнія, явленія сильно-дѣйствующія на воображеніе, ребенокъ понять не въ состояніи. Въ такомъ случаѣ болѣе знающій отецъ объясняетъ ему, что это ѣдетъ Илья пророкъ и ребенокъ удовлетворяется. Также основательны бывають разъясненія о восходѣ и закатѣ солнца, о землѣ, стоящей на трехъ китахъ, о небѣ, какъ непроницаемомъ сводѣ, съ горящими въ немъ лампадкама и т. д. То, что ребенокъ только можетъ видѣть, но не можетъ ощущать руками, объясняютъ ему, конечно, не по послѣднему уровню знаній. Но вопросъ не въ этомъ. Нашъ вопросъ въ воспитательномъ методѣ. А противъ воспитательнаго метода чловѣка, живущаго на лонѣ природы, сказать ничего нельзя, ибо чловѣкъ учится самою жизнью. Жить и учиться для него одно и то же.

Не такъ совершается процессъ воспитанія людей, подготовляющихъ для болѣе широкой дѣятельности. Ребенокъ, начавшій свое воспитаніе съ самообразования, продолжаетъ его лишь до школы, въ которую онъ долженъ быть помѣщенъ въ качествѣ будущаго образованнаго чловѣка. Школа уже не даетъ фактовъ и не знакомитъ ребенка съ явленіями природы по методу деревенскаго воспитанія. Ребенку предлагаются готовые выводы и умозаключенія; а относительно подведенія подъ нихъ фактовъ, предоставляется ребенку поступать какъ ему угодно. Съ этого момента наступаетъ разладъ между цивилизованнымъ школьникомъ и деревенскимъ

простолюдиномъ. Простолюдинъ вырабатывается въ человѣка факта и непосредственнаго наблюдателя явленій природы и жизни, дѣлая изъ нихъ свои собственные выводы и заключенія; цивилизованный же мальчишъ превращается въ умственнаго эквилибриста, набирается готовыми общими выводами и за тѣмъ уже всю свою жизнь гнетъ подъ нихъ факты.

Ближайшее послѣдствіе этого разлада въ томъ, что цивилизованный человѣкъ умирается здоровымъ смысломъ простолюдина. Простолюдинъ же теряетъ вѣру въ знаніе и науку, ибо то, что предлагаетъ ему образованный человѣкъ, совершенно не сходится съ его практическою мудростью.

Хорошо, если образованный человѣкъ не превратился въ школъ въ окончательнаго дурака. Тогда, вступивъ въ дѣйствительную жизнь, онъ принимается за самовоспитаніе, т. е. старается вырвать съ корнемъ всю ту чушь, которой набили его голову, и изучая жизнь практически и проверяя факты, онъ строитъ свои собственные выводы и заключенія.

Подобное самовоспитаніе есть постоянное явленіе въ жизни порядочныхъ людей. Но почему же болѣе умный человѣкъ не можетъ избѣгнуть подобнаго положенія? Почему требуется для него непремѣнно перевоспитаніе себя? Конечно, только потому, что онъ видитъ ошибки школы, сдѣлавшей съ нимъ не то, что ей слѣдовало сдѣлать.

Если простой человѣкъ объясняетъ всѣ явленія жизни знаніями десятаго вѣка, то школа образованныхъ людей стоитъ на знаніяхъ временъ Эразма Роттердамскаго. Школа хочетъ давать намъ гуманитарное образованіе, точно мы вчера выскочили изъ ирака времени, точно на прошедшей недѣлѣ окончилось переселеніе народовъ.

Для людей XV вѣка, знакомство съ классическимъ міромъ было дѣйствительно необходимо. Готовой цивилизаціей Рима и Греціи лучшіе люди того времени хотѣли положить конецъ средневѣковой грубости. Идеи Рима и Греціи, взятая изъ цвѣтущей поры этихъ государствъ, освѣжили и улучшили загрубѣлый умъ одичавшаго европейца. Въ тѣ времена школа создавала новыхъ людей и вела впередъ жизнь. Но какую услугу оказали бы университеты того времени теперь? Развѣ римская гуманность годится для насъ; развѣ римскіи понятія имѣютъ для насъ прогрессивный смыслъ; развѣ мы не ушли неизмѣримо дальше Рима и Греціи, весь бытъ которыхъ былъ построенъ на идеѣ рабства и барской лѣни?

Все, что можно было извлечь полезного из древняго міра, Европа уже извлекла и затѣмъ пошла дальше. Предположите, что современная классическая школа вобьетъ въ головы своихъ учениковъ вполнѣ возвышенныя идеи. Но какими праздными болтунами окажутся эти юноши среди промышленнаго населенія Европы; какую несчастную фигуру изобразили бы они въ пустынѣ Соленаго озера и какъ были бы они жалки въ своей практической безпомощности.

Но классическая школа не права даже и въ томъ, что она посылаетъ возвышенныя идеи. Справедливо, что она научитъ спряженію латинскихъ глаголовъ; справедливо, что она научитъ 1,000 или даже 10,000 латинскихъ словъ. Но выучить слова не значитъ постигнуть красоты языка и усвоить возвышенный полетъ мысли. Невозможно все это просто потому, что юноша съ 16 до 18 лѣтъ еще не способенъ къ тому размѣру обобщенія, которымъ создаются очень возвышенныя мысли и является способность оцѣнки красоты языка. Тѣ, кто навязываетъ школѣ подобныя заслуги, облачаютъ лишь собственное незнаніе правилъ педагогическихъ и физиологическихъ условій дѣтскаго организма. Дѣтская голова возвышеннаго не возьметъ, ибо въ эту пору ей нужны факты. А между тѣмъ погоня за возвышеннымъ только утомляетъ дѣтскій мозгъ, разстраиваетъ дѣтское здоровье и отнимаетъ время отъ изученія практическихъ полезностей. Ребенокъ, научаемый латинскому языку, тратитъ на него пять часовъ въ недѣлю въ классѣ, да столько же дома на приготовленіе уроковъ. Для 30 учебныхъ недѣль въ году потеря составляетъ 300 часовъ, а въ семь лѣтъ ученья 2,100 часовъ. Предполагая на греческій языкъ половину, получимъ 3,150 часовъ или 315 учебныхъ дней. Почти годъ потрачивается на задалбливаніе словъ и фразъ и на умственную эквилибристику, только притупляющую способности. Сколько же классическое воспитаніе создаетъ людей, способныхъ понимать красоты классицизма? Отвѣтить на этотъ вопросъ не совсѣмъ легко. Попробуемъ хотя приблизительно. Сталкиваясь съ людьми, вы, читатель, конечно, не встрѣчали много латинистовъ и эллинистовъ. Миѣ что-то ихъ и совсѣмъ встрѣчать не приходилось, за исключеніемъ учителей, занимавшихся своимъ дѣломъ по казенной надобности. Поэтому мы сдѣлаемъ большую уступку классицизму, если предположимъ, что изъ 1,000 учениковъ явится одинъ настоящій классикъ. Слѣдовательно, трудъ 1,000 человекъ или 315 дней помноженные на 1,000 = 315,000 днямъ = 900 лѣтъ, которые расходятся на изготовле-

не одного классика. Предположимъ, что каждый ученикъ, напрасно затратившій такимъ образомъ свои силы, могъ бы произвести практически полезнаго труда на 10 коп. въ день. Кажется немного. Окажется, что каждый классикъ, выработанный коллективнымъ трудомъ всѣхъ потраченныхъ на него силъ, стоитъ 3,150,000 рубл. Ну, а какую существенную, замѣняющую этотъ расходъ, услугу принесетъ классикъ обществу, его создавшему?

Но мы предположимъ еще новый случай, что всѣ учащіяся латыни непрѣменно усвоятъ возвышенныя идеи и научатся при посредствѣ классицизма цѣнить красоты своего роднаго языка. За что же такая клевета на современность и на свою собственную родину? Или ни исторія своей страны, ни ея литература не представляютъ ничего достойнаго изученія, удивленія, подражанія? Этого, конечно, не рѣшится никто утверждать.

Забота объ украшеніи ума классика идетъ такъ далеко, что въ немъ даже предполагаются безцѣлесныя качества и какъ бы отрицается возможность жить и трудиться своими руками. Но предположивъ, что будущій классикъ есть въ тоже время и землевладелецъ и что, окончивъ свое высшее образованіе, онъ принужденъ будетъ поселиться въ своемъ имѣніи, невольно сожалѣешь о бѣдныгѣ, не имѣющемъ ровно никакого понятія о вопросахъ существенной необходимости. Ну, а какъ драпировка въ римскую тогу будетъ грозить голодной смертью, какую помощь окажетъ классикъ латинскій языкъ въ деревнѣ и полное отсутствіе знаній быта и условій своей страны и сельскаго хозяйства? Для какой полезной практической дѣятельности годится человѣкъ, получившій подобное образованіе? Времена крѣпостнаго быта уже кончились. Староста и управляющій не спасутъ. Бѣдняга классикъ, въ своемъ дѣтскомъ невѣденіи практической жизни и условій своего времени, изобразитъ жалкую тѣнь, скитающуюся между живыми людьми. Онъ будетъ беспомощнымъ человѣкомъ, неспособнымъ быть никакимъ экономическимъ производителемъ въ то время, какъ вся его родина переживаетъ экономическій кризисъ и находится въ экономической лихорадкѣ. Онъ будетъ несчастнымъ мученикомъ, неспособнымъ работать общее дѣло. Онъ будетъ истиннымъ Рудинымъ, этимъ красивымъ болтуномъ о высокихъ матеріяхъ, изнывающимъ въ пожирающей его тоскѣ и скукѣ и въ своей неспособности быть активнымъ дѣятелемъ. Время такихъ людей исторически давно уже миновало. Все лучшее, все мыслящее, все понимающее что намъ нужно, изнемогаетъ въ упорной, энергической борьбѣ съ по-

добными уродливыми продуктами крѣпостничества; оно требуетъ людей, подъ руками которыхъ пустыни Соленого озера были бы способны превратиться въ цвѣтушія, плодородныя земли, и въ отвѣтъ на это стремленіе являются внезапно люди классическаго образованія, т. е. какъ разъ такіе незнающіе, беспомощные болтуны, отъ которыхъ уже отвернулась жизнь. Удовлетворяетъ ли такая школа даже самому скромному требованію здравсмыслія? Какъ неизмѣримо выше стоитъ простолудинъ, воспитавшійся на ловѣ природы путемъ личныхъ наблюденій; какъ неизмѣримо выше и счастливѣе такъ называемые реалисты. Реалистъ знакомится и съ физикой, и съ химіей, и съ физиологіей. Реалистъ можетъ сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ, заводчикомъ, механикомъ. Реалисту дается возможность добывать себѣ хлѣбъ практически полезными знаніями. Бѣдлагъ же класснику неоставлено ничего; точно онъ воспитывается не для того, чтобы жить между людьми, точно ему не нужно ни пить, ни ѣсть, ни быть здоровымъ.

И на бѣду еще самый методъ образованія лишаетъ человѣка возможности умственной самодѣятельности. Въмѣсто богатаго запаса фактовъ, изъ которыхъ самъ ученикъ долженъ извлекать общіе выводы, ему даются готовые выводы, безъ фактовъ, или же факты односторонніе, рассчитанные на извѣстный выводъ. Въ чемъ, какъ не въ этомъ, причина внезапныхъ и неожиданныхъ переворотовъ русскаго общественнаго мнѣнія? Въ чемъ, какъ не въ этомъ, причина того жалкаго положенія русскаго интеллекта, въ какомъ онъ находится теперь? Человѣка богатаго знаніями фактовъ и на основаніи ихъ составившаго себѣ программу для личнаго и общественнаго поведенія, нельзя убѣдить видѣть сегодня черное въ томъ, въ чемъ онъ видѣлъ вчера бѣлое. Тотъ классицизмъ, противъ котораго мы говоримъ, есть не знаніе, а напротивъ невѣдѣніе. Онъ создаетъ не дѣятелей, а беспомощность. Онъ не помогаетъ культурѣ, и вредитъ ей, ибо отчуждаетъ человѣка отъ практики, отъ дѣйствительности, его окружающей, и формируетъ общество, которое колеблеть всякій вѣтеръ.

Между тѣмъ нельзя отрицать и того, чтобы программы, составленныя для воспитанія нашего юношества, даже при той ограниченности фактовъ, которые они предполагаютъ давать ученикамъ, были бы неудовлетворительны и вызвали беспощадное порицаніе. Въ русскомъ образованіи главное зло не въ программахъ, а въ преподавателяхъ. Преподавателямъ дается достаточный просторъ, но увѣ! круговая порука мѣшаетъ и школъ вести жизнь, и выработы-

вать самой для себя дѣятелей. Отъ этого бесплнная школа создаетъ бесплннаго преподавателя, а бесплнный преподаватель приготавлиеть въ ученикѣ такого же бесплннаго будущаго наставника, какъ самъ.

Спасительной силой въ такомъ неудовлетворительномъ порядкѣ вещей должна бы явиться жизнь. И конечно, она явится, но явится только тогда, когда наше родное здравомысліе, воспитывающееся на лонѣ природы, заставитъ классическое общественное мнѣніе повернуть отъ общихъ идей къ фактамъ жизни, и когда самые способы преподаванія встанутъ на тотъ же самый путь отъ частнаго къ общему. Только въ этомъ случаѣ школа сольется съ жизнью и сдѣлается силой прогрессивной. Какимъ образомъ можетъ быть устроена подобная прогрессивная школа, основанная на методѣ естествознанія, я представлю читателю въ идеальной картинѣ, которую попытаюсь нарисовать въ слѣдующей главѣ.

IV.

Если обратить вниманіе на то, что такъ называемое классическое образованіе вовсе не даетъ того, что оно обѣщаетъ, да и невозможно по своему педагогическому методу и по физиологическимъ условіямъ учениковъ; если обратить вниманіе на то, что и реальное воспитаніе, придерживающееся того же метода, въ такой же степени неудовлетворительно, то споръ о преимуществѣ классицизма надъ реализмомъ долженъ показаться простымъ словозверженіемъ. Но вопросъ этотъ глубже, и даже сами спорящіе неподозрѣваютъ иногда, какую сущность они отстаиваютъ.

Вопросъ о классицизмѣ и реализмѣ есть въ сущности вопросъ соціально-экономическій; онъ есть вопросъ труда и капитала. Онъ есть вопросъ двухъ крайнихъ міровоззрѣній, которыя всегда волновали человечество и впервые были возведены въ философскую систему Антисфеномъ и Аристиппомъ. Для насъ, переживающихъ время экономического кризиса, вопросъ этотъ имѣетъ особенную важность, и потому наше разногласіе, разъединяющее общество до того, что трудно найти двухъ людей, смотрящихъ одинаково на одинъ и тотъ же вопросъ, есть признакъ сильной внутренней работы преснувагося русскаго интеллекта. Конечно, спорять не всѣ. Масса

образованной черни не обнаруживает никаких признаков головной работы и пребывает въ мирной неподвижности и въ безмятежной умственной апатіи. Но за то тѣмъ сильнѣе разбродъ передовиковъ п. людей, воображающихъ себя интеллектуальными представителями страны. Правда, ихъ еще не много и вотъ еще причина, почему у насъ не можетъ еще образоваться партій. У насъ только зачатки ихъ, одни предводители будущихъ партій, военнопольники безъ войска.

Но и эти зачатки уже довольно опредѣлительно обозначили свое направленіе, выржавшееся въ спорѣ о воспитаніи, въ тяготѣніи къ былому времени и въ тяготѣніи къ новой социальнo-экономической организаціи общества.

И въ самомъ дѣлѣ, для чего требуется воспитаніе? Конечно, только для того, чтобы научить людей самому выгодному и полезному образу дѣйствій и поведенія, какъ индивидуальнаго, такъ и коллективнаго. Какое же самое выгодное поведеніе для насъ въ настоящій моментъ нашего социальнo-экономическаго пробужденія? Конечно, социальнo-экономическое. Намъ нужно знать бытъ сзоей страны, бытъ народа, его умственныя и экономическія силы и средства; намъ нужно готовиться бытъ членами земства, намъ нужно готовиться бытъ членами разныхъ промышленныхъ предприятий; намъ нужно наконецъ готовиться въ общественныя дѣятели. Не жизни же учить всему этому взрослыхъ людей; слѣдовательно должна учить школа; она должна положить твердое основаніе тому, что въ послѣдствіи должна только развить жизнь. Школа въ этомъ случаѣ не больше, какъ помощникъ жизни. Она должна научить тому, до чего человекъ своимъ умомъ дойдетъ съ гораздо большей потратой силъ и времени. Слѣдовательно, школа есть не больше, какъ экономическія человѣческія силы въ самовоспитаніи.

Какимъ же образомъ можетъ бытъ организована подобная школа? Если читатель бывалъ за границей, — а если и не за границей, то ему случалось оставлять свой медвѣжій уголъ и посѣщать Москву и Петербургъ, — я попрошу читателя припомнить, какое впечатлѣніе производило на него все новое, что онъ видѣлъ впервые. Читатель, конечно, приходилъ въ изумленіе отъ новаго и невиданнаго; духовныя очи его раскрывались, его подавляла масса новыхъ впечатлѣній, въ его головѣ происходили небывалыя, новые процессы и въ результатѣ являлись небывалыя, новыя мысли. Посѣтивъ кристальный дворецъ въ Лондонѣ, онъ переносился воображеніемъ въ геологическій міръ, при видѣ ихтиозавровъ, мастодонтовъ и дру-

Гнихъ чудовищъ, помѣщенныхъ въ саду; видя мавританскій или греческій домикъ, со всею ихъ утварью, онъ усвоивалъ понятіе о мавританской и греческой архитектурѣ, и о виѣшной сторонѣ домашняго быта мавровъ и грековъ. Посѣтивъ Геркуланумъ, онъ знакомился еще полнѣе съ римской домашней жизнью; осматривая парижскій зоологическій садъ, онъ какъ бы дѣлалъ путешествіе по различнымъ поясамъ земли и узнавалъ ихъ фауну и флору; посѣщая музеи машинъ, земледѣльческихъ орудій, предметовъ заводской и фабричной промышленности, фабрики и заводы, онъ получалъ ясное представленіе о характерѣ и размѣрѣ промышленной и экономической дѣятельности; осматривая соборы, картинныя галереи, онъ получалъ понятіе объ искусствахъ эпохи пробужденія европейской мысли; наконецъ панорамы, діорамы, косморамы, даже электрическіе фокусы Филиппа возбуждали бездну новыхъ впечатлѣній и мыслей. Что было все это, какъ не наглядное воспитаніе и пополненіе пробѣла, оставленнаго въ умѣ читателя его скуднымъ школьнымъ воспитаніемъ? Пріятно и даже съ наслажденіемъ знакомился онъ съ новыми для него обычаями и нравами, съ складомъ новой для него жизни и набирался новыхъ знаній, можетъ быть, даже вовсе и не сознавая, что въ немъ совершается процессъ нагляднаго воспитанія, т. е. прилагается тотъ самый методъ самообразованія конкретнымъ путемъ и переходомъ отъ фактовъ къ обобщеніямъ, на основаніи котораго должна быть преобразована существующая школа.

Теперешняя задача воспитанія въ томъ, чтобы организовать школу именно по этому методу, громадное, полезное вліяніе котораго читатель испыталъ практически на себѣ во время путешествія. То, что рассчитано нынче на праздную забаву, праздныхъ туристовъ, ради эксплуатаціи ихъ кошельковъ ловкими фокусниками и промышленниками, должно быть соединено въ одно съ исключительною цѣлью воспитанія молодыхъ поколѣній.

Какъ же соединить все это въ одно и организовать цѣлую воспитательную систему такъ, чтобы воспитаніе дѣтей превратилось какъ бы въ кругосвѣтное плаваніе, по всѣмъ землямъ и всѣхъ народамъ, такъ, чтобы ребенокъ увидѣлъ бы возможно большее число фактовъ и явленій изъ жизни природы и общества?

Не знаю, можно ли рассчитывать на учрежденіе подобныхъ воспитательныхъ заведеній путемъ правительственнымъ, и потому я предполагаю большее частное акціонерное общество съ сильнымъ складочнымъ капиталомъ. Я предполагаю, что тѣ частныя усилія; ко-

торыя проявляются нынѣ въ сотняхъ, если не въ тысячахъ частныхъ, воспитательныхъ заведеній, соединяются въ одно, и всѣ отдѣльныя педагогическія силы, дѣйствующія нынѣ въ разбродѣ, соединяются въ одну общую педагогическую силу, какъ бы исходящую изъ одного центра. Если подобная мысль покажется читателю утопической, то я попрошу его припомнить, что я предлагаю ему не больше, какъ идеальный прозекъ, осуществленіе котораго вовсе не такъ невозможно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Это идеальное воспитательное общество исходить изъ сознанія тѣхъ истинъ, что школа должна продолжать самоученіе, начатое ребенкомъ; что методъ естествознанія есть единственно правильный методъ для воспитанія молодого ума, ибо предлагаетъ факты и затѣмъ уже дѣлаетъ обобщенія; что этому методу единственно соответствуетъ способъ нагляднаго обученія, что первоначальное училище должно знакомить съ наивозможно большею массою фактовъ, и допуская лишь немногія обобщенія, на которыя способенъ отрокъ; что, когда умъ обогатился уже запасомъ свѣденій, наступаетъ пора высшаго образованія и украшенія мысли, которое и дастъ университетъ.

Поэтому образованіе начинается съ знакомства съ природой и съ предметами сподручными, окружающими ребенка въ его повседневной практической жизни. Учениковъ водятъ на прогулки въ поле и лѣсъ, объясняютъ все новое и ребенку незнакомое; собираютъ насѣкомыхъ, бабочекъ, цвѣты, рассказываютъ жизнь животныхъ, объясняютъ въ полѣ процессы земледѣлія, исторію превращенія хлѣбнаго зерна въ хлѣбъ и т. д.; водятъ въ ремесленныя заведенія—столярныя, токарныя, слесарныя, на заводы, какіе есть подъ руками и, однимъ словомъ, знакомятъ съ различными отраслями и процессами человѣческаго труда; этимъ способомъ ребенокъ очень скоро ознакомится со всѣми предметами окружающей его домашней жизни и замѣтитъ массу новыхъ фактовъ.

Когда ребенокъ познакомился уже съ повседневнымъ и непосредственно его окружающимъ, и когда наблюдательныя его способности уже достаточно возбуждены, можно идти дальше. Послѣдующее образованіе должно заключаться въ знакомствѣ съ болѣе отдаленными землями, ихъ природой, людьми, обычаями и характеромъ экономической дѣятельности. Знакомство начинается, конечно, съ собственной родины ребенка. Для этого служатъ или рельефныя изображенія каждой губерніи,

или перспективные карты, нарисованные съ птичьего полета. Въѣстъ съ видомъ земли предлагаются въ рисункахъ или въ манекенахъ мѣстные обитатели — чуваша, мордва, черемисы, татары, черкесы и т. д. Въ музеяхъ указываются разныхъ родовъ орудія и машины, служащія этимъ народамъ и мѣстностямъ для удовлетворенія предметахъ основной потребности. Ребенокъ знакомится также и съ предметами изъ повседневнаго быта этихъ людей: съ домашней утварью, съ играми дѣтей, съ внутренностью жилищъ. Если обитатели этихъ губерній отличаются какою либо особой экономической или промышленной дѣятельностью, то показываются и объясняются эти предметы и производства.

Когда наглядное знакомство съ собственнымъ отечествомъ уже сдѣлано, переходить къ рельефнымъ или перспективнымъ картамъ государствъ Европы и къ остальнымъ частямъ свѣта. И здѣсь воспитаннику показываютъ въ музеяхъ всѣ предметы изъ жизни этихъ народовъ, — все то, что придаетъ особенный отличительный характеръ ихъ дѣятельности и указываетъ на ихъ особенность и значеніе, какъ въ смыслѣ общей культуры, такъ и въ отношеніи социально-экономическомъ. Знакомство начинается, конечно, съ флоры и фауны; съ указанія разнаго рода сырья и постепенной его переработки въ предметы потребленія, напр., сахарный тростникъ и, наконецъ, готовый сахаръ; чайный кустъ, и чай; шелковичный червь и шелковая матерія, и т. д. Процессы производства должны быть уясняемы съ такою подробностью, чтобы сообщить ребенку достаточно полное о нихъ представленіе и возбудить желаніе вникнуть ближе въ научную сущность и въ подробности процессовъ. Дѣтскій умъ незамѣтно подготовится къ воспріятію болѣе отвлеченныхъ истинъ и къ пониманію сущности и процессовъ силъ природы, служащихъ агентами разныхъ химическихъ комбинацій.

Окончивъ общее знакомство съ поверхностью земли и внѣшней ея жизнью, приступаютъ къ болѣе близкому изученію чловѣка и природы. Теперь наступаетъ пора указанія физиологическихъ отравленій животныхъ и растительныхъ организмовъ по сравнительному методу и на образцахъ или анатомическихъ препаратахъ. Ребенка знакомятъ съ процессами пищеваренія, дыханія, кровообращенія; дѣлаютъ опыты искусственнаго пищеваренія, показываютъ вредное вліяніе на организмъ разныхъ постороннихъ веществъ, какъ напр., минеральные и другіе яды, проводя при этомъ параллель между физиологическимъ и патологическимъ состояніемъ организма. Пособіемъ при подобныхъ объясненіяхъ должны служить патологи-

чекіе кабинеты восковыхъ фигуръ и патологическіе препараты. Въ параллель съ ознакомленіемъ съ физиологическимъ и патологическимъ состояніемъ чловѣческаго организма идетъ знакомство съ подобными же явленіями изъ жизни животныхъ и растеній.

Послѣднее объясненіе должно имѣть по преимуществу промышленно-практической характеръ, ибо нѣкоторые продукты изъ животнаго и растительнаго царства, годны на потребности чловѣчскія вслѣдствіе своего патологическаго характера, другіе же пригодны лишь въ здоровомъ состояніи.

Послѣ ознакомленія съ вопросами, приступается къ объясненію физическихъ и химическихъ явленій. Указываются на опытахъ грома и молніи, и всѣ разнообразныя видоизмѣненія электричества, свойства и дѣйствія газовъ, причины дождя, града, вліянія теплоты и холода и т. д. Какъ практическое приложеніе упомянутыхъ сплъ природы, показываются электромагнитные телеграфы, желѣзныя дороги, паровая машина, пароходъ и затѣмъ переходъ къ математикѣ, какъ орудію расчета и опредѣленія размѣра силъ.

Математика точно также начпается съ нагляднаго объясненія линій, плоскостей и тѣлъ, и соединяется съ черченіемъ и рисованіемъ. Къ ней непосредственно примыкаетъ такъ называемая математическая географія, т. е. объясненіе общей связи міровыхъ тѣлъ, отношеніе къ нимъ нашей солнечной системы и скромное мѣсто занимаемое землей.

Этимъ знаніемъ заканчивается ознакомленіе съ природою и чловѣкомъ въ ихъ настоящемъ моментѣ. Затѣмъ объясняютъ, кто, когда и какъ жилъ прежде на землѣ; какъ совершалось постепенное улучшеніе чловѣческаго типа, и какъ брало повсюду перевѣсъ болѣе культурованное чловѣчество. Все это указываетъ на образцахъ или на картографическихъ изображеніяхъ большого размѣра.

Все чтеніе, какъ я уже сказалъ, производится въ музеяхъ и кабинетахъ. Оні помѣщаются въ одномъ огромномъ зданіи, удобномъ, не только для лекцій, но гдѣ бы воспитывающаяся молодежь могла заниматься играми, ремеслами и гдѣ бы можно было проводить все свое свободное время. Музеи, кабинеты, аудиторіи открыты цѣлый день и для всѣхъ: для богатаго и бѣднаго, для простолюдина и господина; по вечерамъ можетъ производиться чтеніе путешествій, историческихъ сочиненій, или же, преподаватели и наблюдатели объясняютъ ученикамъ то, что для нихъ было неяснымъ, или же, развиваютъ ихъ понятія научной популярной бесѣдой.

Занятія производятся преимущественно лѣтомъ, ибо зимой природа спитъ.

Одни и тѣ же факты объясняютъ въ различныхъ подробностяхъ для разныхъ возрастовъ, соотвѣтственно умственнымъ силамъ учениковъ.

Послѣдній высшій курсъ нагляднаго обученія есть ознакомленіе учениковъ съ научной системой. Это, такъ сказать, приведеніе въ порядокъ всѣхъ тѣхъ фактовъ, съ которыми ученики знакомились прежде, неподозрѣвая того, что каждый изъ нихъ пріуроченъ къ своему мѣсту. Этимъ и заканчивается курсъ, соотвѣтствующій курсу нынѣшней гимназіи.

Если читатель скажетъ, что всего этого мало, то я отвѣчу ему, что миллионы фактовъ изъ физики, химіи, фізіологіи, экономическаго быта, изъ исторіи прошлаго, дадутъ гораздо больше того, что даетъ нынѣшняя гимназія. А если читатель будетъ недоволенъ тѣмъ, что ученики не знакомятся съ грамматикой, то я отвѣчу ему, что грамматическія правила, какъ собраніе законовъ языка, есть индукція; что всѣ мы думаемъ и пишемъ правильно, изучивъ свой языкъ практически, и что очень немногіе изъ насъ знаютъ грамматику. Поэтому, грамматику, языки, литературу, исторію, теорію экономической науки, какъ предметы чисто индуктивные, мы отводимъ въ курсъ университетскаго воспитанія. Тамъ пусть читаютъ профессора, какъ они читаютъ свои лекціи нынче, и этого вопроса я не касаюсь. Соціально-техническое воспитаніе начинается уже послѣ университета.

Я боялся вдаваться и въ теоретическія подробности и въ подробности самой программы, ибо имѣлъ въ виду, не утомляя читателя, навести его на правильное размышленіе о воспитаніи, способномъ создать наиболѣе полезныхъ людей.

Изложенная метода представляетъ и еще одну выгоду — выгоду нравственнаго воспитанія, въ подобномъ размѣрѣ, при существующей системѣ воспитанія, невозможнаго. У меня не учатъ ребенка а онъ учится самъ. Ему только помогаютъ болѣе соотвѣтственнымъ и легкимъ образомъ развивать свои наблюдательныя и познавательныя способности. Въ самообразованіи вся сила этой системы. Ужъ пробужденъ къ активной дѣятельности и ищетъ постоянно новой и новой пищи. Вслѣдствіе этого ужъ сохраняетъ свою прогрессивную силу и воспитаніе не оканчивается только школой, а поведется человѣкомъ съ тою же энергіей и по вступленіи въ жизнь. Въ этомъ, конечно, заключается величайшій источникъ

нравственности, котораго не даетъ высшая школа. Жизнь въ школѣ становится тоже немислимой, ибо ученикъ учится самъ. Вслѣдствіе этого, ученіе перестаетъ быть мѣрой принудительной и вся масса лжи и грубости, которая создается теперь искусственными отношеніями между учителями, начальствомъ и учениками отпадаетъ сама собой. Свободное воспитаніе и свободныя отношенія создадутъ свободныхъ людей. Нашъ теперешній гимназистъ, сдержанный, скромный, боящійся общительности, но готовый на все въ тихомолку, есть такой же будущій взрослый русскій человѣкъ. Въ необузданномъ американскомъ ребенкѣ лежитъ начало будущаго свободного американца.

Есть и еще одна наука или искусство, котораго не знаетъ высшій русскій. Это искусство говорить. Заучиваніе на память не развиваетъ способности выражать ясно, сильно и послѣдовательно свою мысль. Искусство говорить можетъ быть создано проще всего сходками учениковъ, ихъ спорами и разсужденіями о своихъ дѣлахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ введеніемъ такой организаціи образованія, при которой бы ученики болѣе старшаго возраста и болѣе сплывые въ знаніяхъ объясняли бы научные предметы ученикамъ болѣе молодымъ и занимались бы съ ними въ вечернее рекреационное время чтеніемъ и бесѣдами.

Предлагаемый мною теоретическій проэктъ можетъ казаться идеальнымъ не по своей основной сущности; ибо, нѣсколько похожая на эту система воспитанія существуетъ, какъ я уже сказала, для взрослыхъ туристовъ, недоучившихся въ своихъ домашнихъ школахъ. Нужно, слѣдовательно, чтобы явилось достаточное число людей мыслящихъ одинаковымъ образомъ и чтобы являлась возможность имѣть ежегодно для нагляднаго воспитанія юношества милліона три рублей. Не у насъ однихъ раздаются сѣтованія о несоотвѣтственно малыхъ расходахъ на воспитаніе. Слѣдовательно, и съ этой стороны возможность осуществленія въ большихъ размѣрахъ системы нагляднаго воспитанія не такъ далека, какъ это можетъ казаться. Вопросъ въ починѣ.

Н. Шелгуновъ.

СТАРИКИ И МОЛОДЫЕ.

(Изъ Гервега.)

«Молодъ ты — сиди жь безмолвно!
Молодъ ты — мы старше вдвое!
Пусть сперва утихнутъ волны,
Стихнеть пламя роковое.

Въ буйныхъ взрывахъ проку мало,
Ты неопытенъ душою;
Головъ своей сначала
Дай покрыться сѣдиною.

Мудрецы! раба тупого
Воля ближнихъ беспокоитъ;
Только кто-жь, столпы былого,
Кто грядущее построятъ?

Кромѣ сильной молодежи,
Кто за васъ на бой воспрянетъ?
Ваши дочери пригожи —
Только кто-жь любить ихъ станетъ?

Не судите юность строго,
Сколько бь юность не кричала:
Добродѣтель ваша много
Въ тихомолву согрѣшала.

А. Михайловъ.

ИСТОЧНИКИ УДОВОЛЬСТВІЙ.

(Психологическій очеркъ).

Стремленіе человѣка къ наслажденію, т. е. къ удовлетворенію своимъ органическимъ потребностямъ такъ естественно, что всякое нарушеніе этого стремленія есть нарушеніе законовъ человѣческой природы, уродливый психологическій фактъ. Въ этомъ верховномъ чувствѣ люди сознательно или инстинктивно всегда были согласны; но не всѣ согласны въ оцѣнкѣ самихъ источниковъ наслажденія. Что приносило удовольствіе одному, то нерѣдко оказывалось неприятымъ другому, и довольно трудно было указать на такія привязанности и стремленія, которыя были бы общи всѣмъ людямъ. Мы постоянно видимъ, какъ возникаютъ новыя склонности, чувства у людей, поставленныхъ въ положеніе не похожее на то, въ которомъ они находились прежде, мы видимъ какъ феномены, вначалѣ безразличныя для насъ, дѣлаются потомъ источниками удовольствій, увеличивая и видоизмѣняя количество и качество нашихъ симпатій и отвращеній. Вслѣдствіе этого изслѣдованіе источниковъ удовольствій должно быть замѣнено изслѣдованіемъ происхожденія различныхъ влеченій, привязанностей, изслѣдованіемъ того, какимъ образомъ и изъ какихъ душевныхъ возбужденій образуются новыя душевныя возбужденія, разграниченіемъ пріобрѣтенныхъ, воспитанныхъ чувствованій, отъ такихъ, которыя составляютъ неотъемлемую часть человѣческаго организма. Съ этими-то изслѣдованіями, или, лучше сказать, съ примѣрами подобныхъ изслѣдованій, читатель и встрѣтится въ предлагаемомъ очеркѣ.

Я уже сказалъ, что различныя предметы, вначалѣ невызывающіе въ насъ никакихъ симпатій, могутъ, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, сдѣлаться источниками удовольствій. Для того, чтобы это случилось, стоитъ только, чтобы извѣстное ощущеніе, вызываемое этимъ предметомъ, часто было испытываемо нами одновременно или въ непосредственной послѣдовательности съ какимъ нибудь приятнымъ ощущеніемъ. Вслѣдствіе частаго повторенія, между ними возникаетъ такая связь, что, когда будетъ появляться въ сознаніи одно изъ нихъ, вслѣдъ за собою оно будетъ вызывать и другое, связанное съ нимъ ощущеніе. Про такія ощущенія, которыя, вслѣдствіе указаннаго обстоятельства, получили способность вызывать одно другое, говорятъ, что они ассоціированны между собою. Такимъ образомъ, мы видимъ, что различныя ощущенія могутъ возникать въ насъ и безъ содѣйствія тѣхъ феноменовъ, которыми они были вызваны первоначально...

Эти вторичныя ощущенія, вызываемыя независимо отъ тѣхъ предметовъ, которые возбуждали ихъ вначалѣ, называются идеями этихъ ощущеній. Ощущеніе, воспроизводимое въ формѣ идеи, вызывается дѣятельностью тѣхъ частей мозга, которыя возбуждаются и при реальномъ ощущеніи. При этомъ *въ слабой степени происходитъ* тоже самое, что и при галлюцинаціяхъ: «представленія дѣйствуютъ на центральныя чувственныя органы такимъ образомъ, что въ нихъ совершается нѣчто, происходящее обыкновенно только при внѣшнемъ раздраженіи,—именно актъ ощущенія». (Гризингеръ. Душевныя болѣзни. Стр. 33). Мы видимъ, что представленіе производитъ часто такое же дѣйствіе, какъ и самое ощущеніе, напримѣръ, когда вниманіе наше обращено на представленіе вкуснаго блюда, то происходитъ истеченіе слюны во рту; у кормилицы, возбужденной представленіемъ сосущаго ее ребенка, часто происходитъ отдѣленіе молока изъ груди. Явленіе эти могли быть вызваны только раздраженіемъ извѣстныхъ нервныхъ центровъ; слѣдовательно въ моментъ представленія существовало возбужденіе этихъ центровъ. «Извѣстно, что чувство холода часто вызываетъ у людей такъ называемую гусинную кожу — сокращеніе особенныхъ маленькихъ мышцъ въ кожѣ. Явленіе это есть очевидно рефлексъ, осложненный сознательнымъ ощущеніемъ холода, и въ этомъ смыслѣ оно совершенно невольное. А между тѣмъ я знаю господина, который способенъ вызывать у себя гусинную кожу даже въ теплой комнатѣ—для этого онъ долженъ только вообразить, что ему холодно. Въ этомъ замѣчательномъ случаѣ воображеніе производитъ

одинаковый эффект съ реальнымъ чувственнымъ возбужденіемъ. (Сѣченовъ. «Рефлексы головного мозга» стр. 129). Эти и другіе случаи показываютъ, что психическія отправленія не освобождены отъ физическихъ процессовъ, что идеи ощущеній вызываються такою же дѣятельностью нервныхъ центровъ, какъ и реальныя ощущенія, возбужденныя впечатлѣніями на органы чувствъ. Такимъ образомъ «со стороны процесса въ нервныхъ аппаратахъ въ сущности все равно—видѣть предъ собою дѣйствительнаго человѣка или вспоминать объ немъ.» (Сѣченовъ. «Рефлексы.....» стр. 130).

Ощущенія, данныя въ идеѣ, отличаются отъ такихъ, которыя являются непосредственными результатами физическихъ раздраженій, только своею интенсивностью. Впрочемъ эта разница дѣлается въ иныхъ случаяхъ совершенно нечувствительною; примѣръ этого мы видимъ въ галлюцинаціяхъ, при которыхъ идеальныя ощущенія бывають настолько сильны, ярки и отчетливы, что мы смѣливаемъ ихъ съ первичными, то есть съ такими, которыя вызываються какими нибудь впечатлѣніями.

Вслѣдствіе ассоціаціи состоянія желанія, скорби, радости могутъ сдѣлаться съ такими идеями, которыя не трогають наши чувства и вслѣдствіе такого сдѣленія эти идеи пріобрѣтають страстный характеръ, дѣлаются источниками душевныхъ возбужденій. Если какой нибудь предметъ дѣйствовалъ на наши чувства преимущественно тогда, когда мы бывали въ грустномъ настроеніи духа, то мало-по-малу и этотъ предметъ получить способность навѣвать на насъ грусть. Предметы, нравившіеся намъ и привлекшіе насъ къ себѣ вслѣдствіе своей полезности, необходимы для жизни, начинаютъ вскорѣ нравиться намъ независимо отъ своей полезности. Мы начинаемъ желать ихъ, ради ихъ самихъ. Въ этомъ случаѣ тѣ психическія состоянія, которыя вызывались часто этими предметами наконецъ такъ прочно ассоціируются съ ихъ представленіями, что начинаютъ вызываться послѣдними совершенно независимо отъ какихъ либо представленій о полезности или необходимости для насъ этихъ предметовъ. — Такимъ путемъ мы можемъ привязаться къ почестямъ, отличіямъ, къ извѣстному положенію въ свѣтѣ, къ богатству, деньгамъ и т. п.

Когда мы замѣчаемъ, что извѣстныя явленія имѣють какое нибудь отношеніе къ нашимъ радостямъ и страданіямъ, то есть способны увеличить или уменьшить количество тѣхъ или другихъ, то мы перестаемъ относиться безразлично къ этимъ явленіямъ; мы радуемся, когда они совершаются такимъ образомъ, что мы во-

жемъ рассчитывать на увеличеніе удобствъ, выгодъ и удовольствій въ будущемъ и печалимся при противныхъ обстоятельствахъ. Въ первомъ случаѣ удовольствіе вызывается предвзвѣшеніемъ ожидаемыхъ благъ, будущими наслажденіями, воспроизведенными въ формѣ идей; во-второмъ—будущими страданіями. Такимъ образомъ явленія, вначалѣ безразличныя для насъ, сдѣлаются источниками душевныхъ возбужденій, предметами нашихъ желаній или нежеланій. Эти состоянія сознанія будутъ являться вначалѣ, какъ результаты умозаключеній. Дѣйствительно, пока не установятся ассоціаціи между представленіями упомянутыхъ явленій и тѣми психическими состояніями, которыя вызываются этими явленіями при помощи извѣстныхъ представленій, до тѣхъ поръ намъ часто придется приводить себѣ на память тѣ выводы, къ которымъ мы пришли недавно для того, чтобы поддержать себя въ стремленіи установить опредѣленные отношенія къ извѣстнымъ предметамъ и явленіямъ. Пока не устранились извѣстныя привычки, пока не развились въ насъ привязанность, любовь къ однимъ предметамъ и поступкамъ и отвращеніе къ другимъ, намъ часто придется убѣждать себя рѣшиться на извѣстный образъ дѣйствій, отнестись такъ, а не иначе къ данному предмету и въ этомъ случаѣ чувства, поднимающіяся въ насъ, будутъ результатами извѣстныхъ умозаключеній. Но когда прочно установятся ассоціаціи между представленіями упомянутыхъ предметовъ и явленій и тѣми чувствами, которыя вызывались ими при посредствѣ извѣстныхъ разсужденій, тогда мы не будемъ нуждаться въ приведеніи себѣ на память различныхъ прежнихъ доводовъ и доказательствъ. Сказанные предметы и явленія станутъ возбуждать тѣ или другія душевныя настроенія независимо отъ всякихъ разсужденій, какъ бы вслѣдствіе естественной привлекательности или безобразія заключающихся въ нихъ, подобно тому, какъ гармоническое сочетаніе тоновъ производитъ пріятное впечатлѣніе, а диссонансъ—непріятное.

Мало-по-малу различныя представленія, сопровождавшія, обыкновенно, ощущенія, производимыя упомянутыми предметами и явленіями, станутъ все рѣже и рѣже появляться въ сознаніи вслѣдъ за этими ощущеніями,—и движенія души, вызываемыя послѣдними, будутъ казаться непосредственными результатами внѣшнихъ впечатлѣній. Что станвится съ этими представленіями, можно ли допустить, слѣдя Вундту, что они становятся достояніемъ безсознательной души? Происходятъ ли эффекты по прежнему путемъ умозаключеній, совершаемыхъ безсознательной душой вслѣдствіе прежнихъ

же представленій, которыя теперь недоступны сознанию, хотя, оживленіемъ своимъ въ безсознательной душѣ, они по прежнему производятъ аффектъ. Распространяться объ этомъ я не буду, такъ какъ пришлось-бы пуститься въ разсужденія о безсознательной душѣ. «Въ сознаниіи, говоритъ Вундтъ, въ большей части случаевъ, бываетъ ясно содержаніе только результата, аффекта или настроенія, поэтому-то мы и считаемъ эти возбужденія души за первоначальныя и независимыя явленія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они основаны на познавательномъ процессѣ и большею частью предполагаютъ весьма сложное происхожденіе, которое рѣдко допускаетъ сколько нибудь удовлетворительный анализъ». (Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. т. 2 стр. 40) «Физическое впечатлѣніе никогда не производитъ аффекта прямо, а всегда только посредствомъ ряда возбуждаемыхъ имъ представленій. Не въ силу непосредственнаго впечатлѣнія звукъ органа вызываетъ въ нашей душѣ религиозное настроеніе, или черныя цвѣты возбуждаютъ серьезное и печальное настроеніе, но посредствомъ представленій, пробуждаемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ впечатлѣніями». (Вундтъ. «Душа.....» т. 2 стр. 39). Чувства, вызываемыя послѣдними, не сопровождаются представленіями очевиднымъ для насъ образомъ; въ сознаниіи эти представленія не появляются. Собственно говоря, можно довольно удовлетворительно объяснить подобные случаи и не заставляя безсознательную душу дѣлать различныя умозаключенія. Но я воздержусь отъ подобныхъ объясненій и попрошу только читателя обратить вниманіе на тотъ фактъ, что чувства, вызывавшіеся прежде сознательною работою мысл., сознательными представленіями начинаютъ возбуждаться и независимо отъ послѣднихъ, а слѣдовательно отсутствіе ихъ въ какомъ нибудь случаѣ еще не доказываетъ того, что и прежде эти чувства вызывались въ насъ безъ пособія какихъ-бы то ни было представленій. Различныя предметы могутъ вызывать въ насъ душевныя возбужденія, напоминая намъ о томъ, что дорого намъ, что привлекаетъ насъ къ себѣ. Но предметы эти могутъ дѣйствовать на насъ и не пробуждая какихъ нибудь отчетливыхъ воспоминаній. Иногда звукъ чьего нибудь голоса вызываетъ въ насъ пріятное волненіе; мы тщетно напрягаемъ свою память, чтобы припомнить на чей голосъ похожъ услышанный нами, кого изъ близкихъ, дорогихъ намъ людей напоминаетъ онъ, тѣмъ не менѣе звукъ этого голоса все-таки трогаетъ насъ, кажется намъ привлекательнымъ.

И такъ мы видимъ, что чувства, вызываемыя какимъ нибудь

предметомъ, нерѣдко вовсе не указываютъ на то, какимъ путемъ они развились въ насъ; въ нихъ не сохраняется ничего, почему бы мы могли судить о способѣ ихъ происхожденія. Вслѣдствіе этого, подобныя чувства кажутся намъ часто такими же простыми, первоначальными, какъ и тѣ, которыя являются непосредственными результатами различныхъ физическихъ раздраженій.

Какъ на хорошій примѣръ подобнаго чувства, можно указать на чувство смѣшнаго. Читатель, вѣроятно, удивится, если его станутъ увѣрять, что чувство смѣшнаго есть именно то чувство, которое возбуждается въ насъ сознаніемъ собственной силы и превосходства надъ другими. Чувство смѣшнаго, скажетъ онъ, не сопровождается представленіями собственной силы и могущества. Но это обстоятельство ничего не говоритъ противъ указаннаго происхожденія чувства смѣшнаго, потому что подобное явленіе мы замѣчаемъ во многихъ другихъ случаяхъ. Когда человѣкъ дѣлается, на примѣръ, внезапно обладателемъ значительной суммы денегъ, онъ испытываетъ, въ большей части случаевъ, радостное волненіе и послѣднее вызывается въ немъ не представленіями тѣхъ выгодныхъ послѣдствій, съ которыми связано это обладаніе; а независимо отъ этихъ представленій, какъ чувство простое, первоначальное. Приятное волненіе, возбуждаемое деньгами, первоначально вызывалось представленіемъ тѣхъ выгодъ, удобствъ и удовольствій, которыя представлялись возможными при обладаніи богатства. Это волненіе, наконецъ, такъ прочно ассоціировалось съ представленіемъ денегъ, что послѣднія начали вызывать удовольствіе вслѣдствіе одной ассоціаціи, безъ пособія упомянутыхъ представленій. Когда мы стремимся къ чему либо, то мы только взрѣдка освѣжаемъ свои стремленія представленіемъ тѣхъ выгодныхъ и пріятныхъ послѣдствій, съ которыми связано достиженіе нашей цѣли, и чѣмъ далѣе мы стремимся къ ней, тѣмъ рѣже и рѣже является необходимость поддерживать и усиливать эти стремленія представленіемъ разныхъ заманчивыхъ картинъ. Точно также, какъ съ теченіемъ времени мы свыкаемся съ мыслью объ истинности известной теоремы и не припоминаемъ каждый разъ доказательства ея, мы свыкаемся и съ мыслью о необходимости дать известное направленіе нашей дѣятельности, не приводимъ на память всевозможныхъ доводовъ въ пользу такого рѣшенія и мало-по-малу начинаемъ желать совершенно независимо отъ первоначальныхъ мотивовъ, то-есть, приобретаемъ новую привычку. Въ такомъ случаѣ чувства, вызываемая цѣлью, будутъ вызываться непосредствен-

но ею безъ участія прежнихъ представленій, при помощи которыхъ возникли прежде душевныя волненія. Тоже самое происходитъ и съ чувствомъ смѣшнаго.

Никто не можетъ сказать, чтобы была разница между удовольствіями, вызываемыми видомъ чужого безсилія, ничтожества, несовершенства и тѣмъ, что называется смѣшнымъ; не можетъ сказать уже потому, что нельзя утверждать, чтобы была замѣтная разница между различными пріятными волненіями, носящими неодинаковыя названія. Если мы и отдѣляемъ одно удовольствіе отъ другого, то только на основаніи неодинаковости тѣхъ причинъ, которыми вызваны эти удовольствія. По всей вѣроятности, еслибы мы могли не знать причинъ, вызывающихъ два какія нибудь удовольствія, мы непременно перемѣшали бы ихъ между собою, если бы только онѣ не отличались одно отъ другого своею интенсивностью. Я не распространяю этого на всѣ случаи пріятныхъ ощущеній, но думаю, что сказанное вполне прилагается къ рассматриваемому нами случаю.

Каждый разъ когда смѣются надъ чѣмъ либо, обстоятельствами, возбуждающими смѣхъ, являются различныя проявленія человѣческаго безсилія и несовершенства. Наивность, непонятливость, боязливость, невѣжество чаще всего возбуждаютъ смѣхъ. «Можно ли сочинить комедію, не задѣвая чужого достоинства? Какъ рѣдко мы съумѣли бы смѣяться подъ условіемъ не унижать никого? Правда, мы привыкли слышать о невинной шуткѣ; мало того, юморъ до того пріятенъ и увлекателенъ, что онъ привлекаетъ къ себѣ людей, вмѣсто того, чтобы отталкивать униженіемъ и презрѣніемъ? Въ такихъ случаяхъ видоизмѣненіе чувства силы должно быть такъ велико, что почти вполне теряется его характеръ. При всемъ томъ, однако, мнѣ кажется, что и юморъ можетъ быть сведенъ къ чувству силы. Юморъ направленъ или на отсутствующее лицо, или же мѣтитъ на какую нибудь сторону характера, которой не придается важности. (Бэнъ. — «Объ изученіи характера» стр. 378).

Могутъ замѣтить что человѣка иногда смѣшатъ такіе случаи, въ которыхъ нѣтъ ничего такого, что бы могло возбудить чувство силы, въ которыхъ никто не является униженнымъ и одурченнымъ. Но и подобные случаи не говорятъ ничего противъ указаннаго происхожденія чувства смѣшнаго. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстная пещь, что если какой нибудь феноменъ часто вызывалъ въ насъ пріятное чувство, то послѣднее можетъ такъ тѣсно ассоціироваться съ ощущеніями отъ различныхъ признаковъ феномена, что по-

слѣдніе, то-есть, признаки будутъ тоже вызывать это чувство. На основаніи этого легко объяснить, почему какой нибудь весельчакъ можетъ возбуждать веселость общества, не задѣвая лично никого. Различныя проявленія человѣческаго ничтожества характеризуются тѣми или другими внѣшними признаками, которыя, на основаніи предыдущаго, могутъ сдѣлаться стимулами веселаго расположенія. Такимъ образомъ, человѣкъ умышленно измѣняя интонацію голоса, усвоивая извѣстную жестукацію, мимикку, складъ рѣчи можетъ развеселить общество, и чѣмъ рельефнѣе въ этомъ случаѣ будутъ выставлены какіе нибудь характеристичныя признаки человѣческаго ничтожества, тѣмъ сильнѣе будетъ вызванно удовольствіе. Въ этомъ случаѣ, что нибудь въ родѣ притворной непонятливости, неловкости, мнимаго испуга вызываетъ удовольствіе и смѣхъ чисто автоматически, вслѣдствіе установившейся ассоціаціи между идеями этихъ признаковъ человѣческаго безсилія и состояніемъ удовольствія.

Очевидно, что смѣхъ могутъ вызывать и такіе случаи, которые въ данное время не вызвали бы сознанія собственной силы и связаннаго съ нимъ удовольствія. Если эти случаи вызвали удовольствіе силы когда нибудь прежде, когда мы были равнодушны къ извѣстнымъ преимуществамъ, то, вслѣдствіе установившейся ассоціаціи, эти случаи будутъ вызывать удовольствіе и впоследствии, когда не было бы этой ассоціаціи, мы отнеслись бы къ нимъ совершенно хладнокровно. Учителя, невольно улыбающагося при нелѣпномъ отвѣтѣ ученика, конечно, нельзя заподозрить въ томъ, чтобы этотъ отвѣтъ вызывалъ въ немъ чувство собственнаго превосходства, напротивъ, во всякомъ учителѣ подобныя отвѣты стремятся возбудить далеко не веселое чувство, но сила привычки такова, что смѣхъ невольно вызывается въ немъ нелѣпнымъ отвѣтомъ.

Здѣсь я считаю нужнымъ замѣтить, что смѣшное и способное возбудить смѣхъ еще не одно и то же. Смѣхъ можетъ быть вызванъ всякою сильною радостью, какой бы источникъ она не имѣла. Смѣются вслѣдствіе радостнаго извѣстія, полученнаго внезапно, вслѣдствіе счастливаго оборота дѣлъ, женщина смѣется отъ удовольствія, слушая лестный комплиментъ и т. д. Смѣхъ можетъ быть возбужденъ даже сильнымъ горемъ; мы видимъ, напримѣръ, что слезы могутъ сопровождаться истерическимъ смѣхомъ и на оборотъ смѣхъ—слезами, такъ что предметы и событія, вызывающія смѣхъ могутъ и не быть забавными, смѣшными и послѣднее

есть только одна изъ причинъ, вызывающихъ смѣхъ, являющійся однимъ изъ физиологическихъ результатовъ всякаго сильнаго душевнаго возбужденія.

Каждая эпоха, каждое сословіе, мало того каждый отдѣльный кружокъ людей различаются между собою въ выборѣ предметовъ для своихъ пасмѣшекъ. То или другое направленіе, которое приусть послѣдніе, опредѣляется тѣми понятіями о несовершенномъ, низкомъ, которыя существуютъ въ данной группѣ людей. Если есть обстоятельства, возбуждающія смѣхъ почти во всѣхъ, то это потому, что люди сходятся между собою въ нѣкоторыхъ понятіяхъ относительно отрицательныхъ достоинствъ человѣка. Но, очевидно, что если бы тѣ или другія проявленія человѣческаго безсилія обладали, такъ сказать, естественною привлекательностью, то-есть, удовольствіе вызываемое ими было такое же первоначальное, производное, какъ и то, которое вызывается, напримѣръ, вкуснымъ кушаньемъ или приятнымъ запахомъ, то всѣ люди одинаково возбуждались бы одинаковыми примѣрами человѣческаго ничтожества, — чего въ дѣйствительности не бываетъ. А это указываетъ на то, что приятное чувство, вызываемое видомъ смѣшнаго, есть производное, искусственное.

II.

Въ чемъ же заключается причина того, что новыя душевныя возбужденія часто ничѣмъ не обнаруживаютъ своего происхожденія? Съ причиною этой читатель сейчасъ познакомится.

Всякое, сколько нибудь сильное ощущение производитъ вліяніе на органическіе процессы, совершающіеся въ насъ. Подъ вліяніемъ его измѣняется дѣятельность сердца, железъ, легкихъ, возбуждаются мышцы и т. д. «Сердцебиеніе, дыханіе, желудочное пищевареніе, выдѣленіе пота, желчи, мочи измѣняются при волненіяхъ; при гнѣвѣ наливаются вены лица, и иногда кажется будто человѣкъ задыхается отъ сильнаго волненія; при страхѣ и ужасѣ происходитъ скорое образованіе водянистыхъ выдѣлений; при печали, дыханіе дѣлается медленнымъ и поверхностнымъ, и поэтому должно отъ времени до времени прерываться глубокимъ вздоханьемъ, вздохами и т. д.» (Гризингеръ «Душевныя болѣзни» стр. 66);

«Сильное неудовольствие нерѣдко производитъ изліяніе желчи въ кровь, что предполагаетъ нарушение отправленій печени». (Вундтъ стр. 30). «Въ моментъ удовольствія, очевидно, существуетъ возбужденіе или возвышеніе нѣкоторыхъ или всѣхъ силъ жизни: въ моментъ огорченія — ослабленіе тѣхъ же силъ.... Итаетъ сильное огорченіе, будто рѣзкій ударъ, мгновенно производитъ временное пониженіе жизненной энергіи, и нужно время, чтобы оправиться. Съ другой стороны, удовольствіе, недоходящее до крайней степени, всегда считалось однимъ изъ вліяній, возвышающихъ энергію тѣла; тогда какъ потери, несчастья, неудачи понижаютъ и состояніе тѣла. Нужна порядочная физическая сила, чтобы сохранить здоровье во время горести, да и не хватить никакого здоровья, если горестъ продлится долго» (Бень. Объ изученіи характера» стр. 314).

Но всякое измѣненіе въ процессахъ растительной жизни, ощущаемое нами, производитъ всегда перемѣну въ настроеніи духа. «Извѣстно, что достаточно маленькаго кусочка гнилого желтка, чтобы вызвать въ ту самую минуту, когда онъ будетъ проглоченъ, дурноту, головокруженіе, смѣшеніе понятій, невыразимую тоску, наконецъ всѣ признаки злокачественной нервной лихорадки, — и весь этотъ беспорядокъ можетъ прекратиться тотчасъ, какъ только ничтожная причина его будетъ извергнута естественно или искусственно рвотою». (Кабанисъ. «Отношеніе между нравственною и физическою природою» томъ 2-й стр. 374). У страдающихъ болѣзнями сердца очень часто является чувство боязни, при болѣзняхъ кишечнаго канала, при иктерическихъ измѣненіяхъ крови — угрюмое, боязливое, сердитое расположеніе духа, медленность мышленія, общее дурное настроеніе (Гризипгеръ «Душевные болѣзни» стр. 66). Поэтому всякое сильное ощущеніе, вызванное впечатлѣніемъ на органы чувствъ, точно также какъ идея его, сопровождаются группою ощущеній, произведенныхъ перемѣнами въ органическихъ процессахъ. Эти послѣднія ощущенія осложняютъ первое, сливаются съ нимъ по законамъ ассоціаціи и потомъ воспроизводятся всегда вмѣстѣ. Но ощущенія, поражаемая процессами растительной жизни, то есть, внутренностиныя ощущенія, отличаются меньшею раздѣльностью, нежели внѣшнія; онѣ болѣе смутны и неопредѣленны, чѣмъ тѣ, которыя порождаются внѣшними предметами. Когда ощущеніе, вызванное впечатлѣніемъ на органы внѣшнихъ чувствъ, возсоздается памятью, то мы ясно отличаемъ это ощущеніе отъ другихъ, ясно представляемъ себѣ тотъ предметъ, которымъ было

вызвано это ощущение. Не то бываетъ съ внутренними ощущеніями. Душевное настроеніе, сопровождающее какое нибудь мѣстное удовольствіе или страданіе и вызываемое измѣненіемъ органическихъ процессовъ, не указываетъ само по себѣ на то, какимъ предметомъ было вызвано это состояніе сознанія. Для различныхъ душевныхъ настроеній, порождаемыхъ тою или другою группою внутренностныхъ ощущенийъ, мы не имѣемъ даже отдѣльныхъ определенныхъ названій. Существуетъ нѣсколько различныхъ названій, да и тѣ употребляются часто какъ синонимы. Печаль, скорбь, тоска, грусть, уныніе — все это различные названія для совершенно сходныхъ состояній духа. Вообще замѣтно отличаются одно отъ другаго только такія противоположныя состоянія, какъ веселость и уныніе, избытокъ энергіи и апатія и т. д.; остальные же не имѣютъ никакихъ рѣзкихъ отличій и незамѣтно переходятъ одно въ другое. Поэтому, когда какое нибудь изъ упомянутыхъ настроеній души связывается съ постороннимъ ощущеніемъ, то, рассматривая потомъ то душевное возбужденіе, которое будетъ вызываться этимъ ощущеніемъ, мы будемъ не въ состояніи опредѣлить, какимъ путемъ образовалось новое чувство, вызываемое указаннымъ ощущеніемъ, такъ какъ сопровождающее его движеніе души не отличается хоть какою нибудь опредѣленностью. Если нѣсколько душевныхъ настроеній соединяются съ какимъ нибудь ощущеніемъ органовъ вышнихъ чувствъ, то тѣмъ труднѣе бываетъ открыть происхожденіе и составъ этого сложнаго чувства. Происходить ли данное душевное настроеніе отъ сочетанія многихъ другихъ душевныхъ настроеній или нѣтъ, — это трудно бываетъ рѣшить, рассматривая какое нибудь настроеніе. Представленіе о какой нибудь мѣстности, напримѣръ, состоитъ изъ ряда ясно-различныхъ идей, соответствующихъ различнымъ частямъ мѣстности, различнымъ впечатлѣніямъ, полученнымъ при рассматриваніи этой мѣстности. Мы можемъ видѣть, изъ какихъ отдѣльныхъ представлений составлено представленіе о всей мѣстности. Но если ассоціируются между собою не отчетливыя, раздѣльныя ощущенія пяти вышнихъ чувствъ, а смутныя внутренностныя, порождающія то или другое душевное настроеніе, то въ общемъ, сложномъ ощущеніи, являющемся результатомъ такого сліянія внутреннихъ ощущенийъ, трудно бываетъ различить составляющіе его элементы. Въ первомъ случаѣ мы будемъ знать, какія ощущенія положили начало представленію объ известной мѣстности,

Будем видѣть происхожденіе этого представленія; во второмъ случаѣ этого не будетъ видно.

То душевное настроеніе, которое сопровождается какое нибудь пріятное или непріятное ощущеніе внѣшнихъ чувствъ, составляетъ главный элементъ въ различныхъ страстныхъ волненіяхъ души. Когда воспроизводится въ качествѣ идеи то или другое мѣстное ощущеніе, то вмѣстѣ съ нимъ возбуждается и общее чувство, постоянно сопровождавшее его; — только совершенно безразличныя для насъ впечатлѣнія не вызываютъ его. Но мы уже видѣли, какого рода тѣ ощущенія, которыя составляютъ главное основаніе движеній души, насколько совокупность ихъ представляетъ собою нѣчто ясно отличающееся отъ другихъ комбинацій внутренностныхъ ощущеній, и можно ли по этому судить о самой причинѣ, вызвавшей ихъ. Когда поэтому слабыя, неясныя элементы нашихъ душевныхъ возбужденій, воспроизведенныя въ формѣ идей, сливаются съ безразличными для насъ идеями, то въ новомъ душевномъ возбужденіи мы не въ состояніи будемъ различить составляющихъ его отдѣльныхъ ощущеній.

Даже въ томъ случаѣ, когда мы испытываемъ одновременно нѣсколько внѣшнихъ ощущеній, то есть такихъ, которыя порождаются впечатлѣніями на органы пяти чувствъ, намъ кажется, что мы испытываемъ только одно ощущеніе. При этомъ происходитъ нѣчто похожее на то, что мы видимъ при химическихъ соединеніяхъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ сложное тѣло, полученное соединеніемъ между собою простыхъ, бываетъ совершенно непохоже на эти простые тѣла; точно также и въ нашемъ случаѣ ощущеніе, сложенное изъ другихъ ощущеній, бываетъ непохоже на своихъ составителей. Для примѣра рассмотримъ ощущеніе, производимое нищею. Последнее является результатомъ собственно вкусовыхъ, обонятельныхъ и осязательныхъ ощущеній. Извѣстная вещь, что ощущеніе, производимое какимъ нибудь кушаньемъ, совершенно измѣняется въ случаѣ, напримѣръ, насморка, когда намъ трудно бываетъ отличить одинъ запахъ отъ другого. Точно также запахъ кушанья производитъ ощущеніе, отличное отъ того, которое мы почувимъ, когда станемъ пробовать это кушанье, то есть, когда мы будемъ испытывать одновременно и вкусовыя, и обонятельныя ощущенія. Горячее кушанье производитъ не такое ощущеніе, какъ остывшее; здѣсь къ обонятельнымъ и вкусовымъ ощущеніямъ присоединяется ощущеніе температуры. Гладкость и шероховатость являются новыми элементами въ ощущеніи, производимомъ нищею.

Вкусъ дыни, ананаса, нѣкоторыхъ конфетъ теряетъ почти всю свою пріятность, когда мы не можемъ ощущать ихъ запаха; — мороженое кажется намъ въ такомъ случаѣ не лучше льда, смѣшаннаго съ сахаромъ. Такимъ образомъ, одно ощущеніе, соединясь съ другимъ, производитъ нѣкоторое сложное ощущеніе, которое непохоже ни на одно изъ своихъ составляющихъ. Это составное ощущеніе кажется намъ такимъ же простымъ, несоставнымъ и неразлагаемымъ на другія, какъ и любое изъ составляющихъ ощущеній. Если на нашъ взглядъ дѣйствуютъ одновременно, или быстро одинъ за другимъ, семь цвѣтовъ солнечнаго спектра или какіе нибудь два дополнительные цвѣта, то мы испытываемъ ощущеніе блага цвѣта. Въ этомъ случаѣ нѣсколько различныхъ ощущеній сливаются въ одно, которое нисколько непохоже на ощущенія, входящія въ его составъ и совершенно *ничѣмъ не обнаруживаетъ* своего происхожденія, своего сложнаго характера. Группа ощущеній, вызываемыхъ нѣсколькими, гармонически звучащими, музыкальными тонами, воспринимается нами какъ одно ощущеніе, и я сомнѣваюсь, чтобы человѣкъ, неимѣющій никакого понятія о способности звуковъ сливаться въ гармоническіе аккорды, замѣтилъ бы, что испытываетъ мое имъ ощущеніе есть результатъ многихъ, слившихся между собою, ощущеній.

Если мы и сознаемъ, что ощущеніе, производимое, напримѣръ пищею, составлено изъ нѣсколькихъ другихъ, то это только потому, что мы часто имѣемъ возможность убѣдиться въ этомъ. Мы можемъ нюхать съѣдобные предметы, не пробуя ихъ, можемъ опредѣлять ихъ вкусъ независимо отъ запаха (напримѣръ, во время насморка), можемъ измѣнить ихъ температуру; — не мудрено, поэтому, что мы признаемъ сложность ощущеній, производимыхъ пищею. Не то бываетъ съ группою прочно ассоціированныхъ между собою ощущеній. Здѣсь мы не можемъ выдѣлить по произволу нѣкоторыхъ изъ нихъ, отдѣльно изслѣдовать послѣднія, и такимъ образомъ опредѣлить характеръ составляющихъ ощущеній. Мы испытываемъ ихъ, какъ одно ощущеніе, всѣ разомъ, не имѣя возможности отдѣлить одно отъ другого и замѣтить сложность испытываемаго ощущенія.

Очевидно, поэтому, что рассматривая какое нибудь чувство недавняго происхожденія и сложенное изъ какихъ нибудь простыхъ чувствъ, мы можемъ принять за такое же простое, непронзводимое и рассматриваемое нами чувство. Долгое время на многія изъ нашихъ чувствъ, составляющія продукты воспитанія, смотрѣли, какъ

на прирожденныя, которыя не могутъ быть развиты въ насъ. Казалось очень страннымъ и даже невозможнымъ, чтобы чувства, по видимому, совершенно простыя, могли быть сложными, чтобы то или другое производное чувство могло имѣть такое-то происхожденіе, когда ничто въ немъ не указываетъ на подобное происхожденіе.

На какомъ же основаніи мы можемъ судить о сложности и производности какого нибудь чувства, когда ничто въ немъ не указываетъ на то, изъ какихъ болѣе простыхъ чувствъ составлено оно, какимъ путемъ оно образовалось.

Мы могли бы цѣлѣй вѣкъ смотрѣть на какое нибудь химическое соединеніе и не открыть, изъ какихъ простыхъ элементовъ состоитъ оно; точно также, изучая уже образовавшееся чувство, мы не могли бы отыскать способа происхожденія его, опредѣлить, изъ какихъ элементарныхъ чувствъ состоитъ оно. Если бы на глазахъ людей не произошло никогда образованія или разложенія какого нибудь тѣла, то они нпегогда бы не могли убѣдиться въ томъ, что почти всѣ тѣла, встрѣчаемыя нами въ природѣ, представляютъ соединенія простыхъ тѣлъ. — Точно также если бы мы не видѣли примѣровъ возникновенія новыхъ чувствъ, склонностей, привязанностей, примѣровъ, даваемыхъ намъ воспитаніемъ, историческими событіями, то не было бы никакихъ данныхъ, вслѣдствіи которыхъ мы могли бы допустить возможность возникновенія новыхъ чувствъ. Вслѣдствіе этого была подвергнута сомнѣнію прирожденность, простота, непроезводность такихъ чувствъ, которыя по видимому представляли неотъемлемую принадлежность человѣческой природы. Необходимо было уменьшить число элементарныхъ чувствъ, вытекающихъ изъ общихъ всѣмъ людямъ свойствъ организма, когда увидѣли, что многія чувства, встрѣчаемыя у народовъ цивилизованныхъ, незнакомы дикарямъ, что у ребенка нѣтъ такихъ чувствъ, которыя мы видимъ у взрослого и т. д. Дѣйствительно, у позднѣйшихъ психологовъ число простыхъ, неразлагаемыхъ душевныхъ возбужденій сравнительно невелико.

III.

Не только различныя вещи и явленія могутъ вызывать въ насъ радость или горе, но и идеи ихъ. Если извѣстное обстоятельство

часто приносило намъ горе, то впослѣдствіи и представленіе его будетъ вызывать грустное настроеніе духа, и на оборотъ: идея обстоятельства, вызывавшаго прежде частія удовольствія, будетъ вызывать свѣтлое настроеніе. И чѣмъ рельефнѣе будетъ то состояніе сознанія, которое порождается идеями бывшихъ источниковъ наслажденія или страданія, то есть, чѣмъ сильнѣе у насъ память грустныхъ и радостныхъ ощущеній, тѣмъ больше вліянія будутъ оказывать на насъ представленія предметовъ, могущихъ быть источниками радости или горя. Такимъ образомъ, вліяніе представлений, мыслей на поступки будетъ сильнѣе у того человѣка, у котораго сильна память ощущеній; у него можно будетъ встрѣтить больше благоразумія, такъ какъ возможныя радости и горести, данныя въ идеѣ, производятъ на него большое вліяніе, а слѣдовательно, представленія тѣхъ послѣдствій, которыя, по его мнѣнію, будутъ вызваны его поступками, заставятъ его воздержаться отъ неблагоприятныхъ дѣйствій. Каждый разъ, когда въ сознаніи появляется мысль о такой обстановкѣ, которая прежде принесла намъ много страданій, въ насъ, въ слабой степени, вызываются такіе же ощущенія, какія бы вызвала соответствующая дѣйствительность. Предположимъ теперь, что мы совершенно ясно представимъ себѣ то положеніе, въ которомъ находится какой нибудь другой человѣкъ — и положимъ далѣе, что это положеніе часто было испытываемо нами прежде; очевидно, что такое представленіе вызоветъ въ насъ въ слабой степени тѣ же ощущенія, которыя были бы вызваны реальными, а не только мыслимыми обстоятельствами. Эти ощущенія, которыя вызываются въ насъ параллельно съ ощущеніями другого человѣка и вызываются тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится этотъ человѣкъ — называются сочувственными ощущеніями. Очевидно, что для возбужденія послѣднихъ, необходимо ясное представленіе того положенія, въ которомъ находится другой человѣкъ, и также необходимо, чтобы человѣкъ самъ былъ когда нибудь въ положеніи хоть нѣсколько похожемъ на то, въ которомъ находится другой, въ противномъ случаѣ онъ не въ состояніи будетъ сочувствовать ему. «Если человѣкъ не выполнѣ представляетъ себѣ мастерски описанныя чувства романическаго героя, такъ это не потому, чтобы онъ не понималъ ихъ языка, а потому, что или не испыталъ ихъ самъ, или же недостаточно запомнилъ, если они были имъ испытаны.» (Бэнъ «объ изученіи характера», стр. 445). «Конечно, совершенная симпатія предполагаетъ нѣчто другое, кромѣ нашего собственнаго воспоминанія — нужно понимать еще

Разницу характера: но это показывает только, что высшія формы симпатіи нуждаются еще въ большей силѣ и развитіи интеллекта». (Бэнъ — «объ изученіи характера» стр. 446). Проявленія того или другаго состоянія сознанія характеризуются извѣстными внѣшними признаками, болѣе или менѣе одинаковыми у всѣхъ людей: то или другое выраженіе лица, извѣстные жесты, отдѣленіе слезъ, измѣненіе въ интонаціи голоса, связанны съ различными душевными волненіями и измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ послѣднихъ, такъ что по однимъ можно угадывать о другихъ. Предположимъ теперь, что извѣстныя волненія какаго нибудь человѣка, проявлявшіяся извѣстнымъ внѣшнимъ образомъ, вызывали во мнѣ такія же сочувственныя волненія, тогда послѣднее состояніе ассоціируется съ представленіемъ той внѣшней формы, въ которой проявилось это волненіе у другаго, то есть съ представленіями того выраженія лица, характера рѣчи, тѣхъ позъ и т. д., которыми сопровождалось разсматриваемое волненіе. Когда установится такая ассоціація, то сказанныя представленія станутъ вызывать тоже волненіе, которое прежде вызывалось только яснымъ и отчетливымъ представленіемъ того состоянія, въ которомъ находится данный человѣкъ. Такимъ образомъ, когда мы слышимъ вблизи себя отчаянные крики, или голосъ, исполненный радости, то въ душѣ нашей пробуждаются сочувственныя волненія, хотя мы не знаемъ тѣхъ причинъ, которыми были вызваны эти восклицанія и вопли. Рѣчь, полная энтузіазма, блескъ глазъ, выраженіе лица, жесты вызываютъ сочувственныя волненія даже тогда, когда смыслъ рѣчи недоступенъ намъ. Мало по малу намъ дѣлается понятіе и понятіе языка страстныхъ волненій. Различныя его особенности получаютъ вслѣдствіе ассоціаціи способность вызывать самостоятельно, безъ пособія какихъ либо представленій, сочувственныя духовныя волненія. Чувства другихъ людей начинаютъ волновать также и насъ и, вслѣдствіе этого, страстная сторона нашей жизни дѣлается полнѣе и разнообразнѣе.

Мы можемъ сочувствовать даже такимъ радостямъ другихъ людей, къ которымъ сами сдѣлались уже давно равнодушными. Вспоминая о томъ удовольствіи, которое доставляло намъ прежде извѣстное обстоятельство, мы можемъ симпатизировать этому удовольствію, когда оно испытывается другимъ. «Нерѣдко, прочитавъ какое нибудь стихотвореніе, мы не находимъ въ немъ никакого удовольствія, а между тѣмъ испытываемъ большое удовольствіе, когда читаемъ это стихотвореніе другому. Если послѣдняго оно интересуетъ только какъ новость, то мы раздѣляемъ возбуждаемое

имъ любопытство, хотя сами собою мы и неспособны уже на это чувство; мы смотримъ на произведеніе преимущественно съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ оно представляется слушателю; а не съ тѣхъ, съ которыхъ сами смотрѣли на него; мы радуемся возбужденнымъ имъ интересомъ, и этимъ возбуждаемъ самихъ себя. Напротивъ, если стихотвореніе не удовлетворяетъ слушателя, то мы недовольны этимъ, и теряемъ охоту продолжать чтеніе. («Теорія нравственныхъ чувствъ» — соч. Адама Смита: стр. 24).

Мы можемъ жить надеждами и ожиданіями другихъ, радоваться ожидаемому ими избавленію отъ какихъ нибудь бѣдствій, какъ будто бы послѣдніе были нашими собственными, хотя наши личныя нужды могутъ быть въ это время вполне удовлетворенными. Мы можемъ быть счастливы тѣмъ счастьемъ, которое испытываютъ другіе и потому содѣйствіе, оказываемое намъ этому счастью, бываетъ часто для насъ источникомъ многихъ радостей.

Участіе, принимаемое нами въ судьбѣ другаго, вносить больше движенія въ нашу собственную жизнь, увеличиваетъ сферу нашихъ интересовъ, цѣлей, стремленій; въ нашей собственной жизни какъ бы повторяется, отражается жизнь нашего ближняго.

Сравнительно ничтожная дѣятельность чувства и разума, въ томъ случаѣ, когда интересы наши сосредоточены на насъ самихъ, сильно возрастаетъ вслѣдствіе сочувствія къ другимъ. Будущее наше расширяется; къ нему присоединяется будущее другихъ. Число нашихъ цѣлей, интересовъ и ожиданій возрастаетъ; а чѣмъ больше у насъ послѣднихъ, тѣмъ сильнѣе бываемъ мы привязаны къ жизни, тѣмъ болѣе дорожимъ ею.

Радости, ожидаемыя нами, дѣлаютъ болѣе или менѣе пріятнымъ весь періодъ времени, предшествующій этой ожидаемой радости, такъ что въ сложности идея ожидаемаго удовольствія можетъ принести намъ больше счастья, чѣмъ ощущеніе самого удовольствія, потому что хотя въ послѣднемъ случаѣ интенсивность удовольствія значительнѣе, нежели въ первомъ, но продолжительность его менѣе велика.

Чѣмъ болѣе поэтому существуетъ того, къ чему мы стремимся, чего мы ожидаемъ, на что надѣемся, тѣмъ свѣтлѣе наше настоящее, тѣмъ болѣе движенія, страсти вносятся въ него. Мы всегда живемъ болѣе будущимъ, чѣмъ настоящимъ. Будущее даетъ окраску настоящему, такъ какъ въ немъ лежатъ мотивы нашей дѣятельности. Та или другая оживленность послѣдней, ея теплота и поэтичность обуславливаются тѣми цѣлями, ради которыхъ она ве-

дется. Чѣмъ яснѣе, картиннѣе представляются намъ эти цѣли, тѣмъ сильнѣе мы возбуждаемся ими, тѣмъ страстнѣе наша дѣятельность, тѣмъ оживленнѣе наша жизнь.

Для человѣка, все вниманіе котораго сосредоточено только на самомъ себѣ, жизнь теряетъ всякую цѣну съ наступленіемъ старости, когда не на что надѣяться, нечего желать, не къ чему стремиться. Но если у отдѣльнаго человѣка годы полагають конецъ своекорыстнымъ желаніямъ и стремленіямъ, то не такое зрѣлище представляетъ намъ все человѣчество—его желанія вѣчно новы, оно всегда живетъ своею нескончаемою жизнью. И счастливъ тотъ человѣкъ, который способенъ жить одною жизнью если не со всѣмъ человѣчествомъ, то по крайней мѣрѣ съ своими ближними; тогда и при закатѣ своихъ дней онъ будетъ также привязанъ къ жизни, какъ и въ молодости; онъ не перестанетъ желать, надѣяться, живя чужими желаніями и надеждами; до послѣднихъ минутъ своихъ онъ не будетъ тяготиться жизнью.

Но для того, чтобы быть способными сочувствовать другимъ, мы сами должны были испытать то, чему приходится сочувствовать. Для того, чтобы понимать радости другихъ, нужно было самому испытать ихъ. Если въ прошлой своей жизни мы не встрѣчали ничего, кромѣ различныхъ бѣдствій, то и сочувственныя радости будутъ недоступны намъ.

Такимъ образомъ наши собственные удовольствія кладутъ начало тѣмъ удовольствіямъ, которыя впослѣдствіи мы будемъ испытывать по сочувствію, и которыми увеличится общій фондъ нашихъ удовольствій.

IV.

Изящнымъ обыкновенно называется то, что приноситъ намъ удовольствіе, не потому, что удовлетворяетъ какой нибудь потребности организма, не вслѣдствіе своей полезности, необходимости, а только потому, что наши нервы устроены такимъ образомъ, что извѣстное впечатлѣніе, напр. гармоническое сочетаніе тоновъ, вызываетъ пріятное ощущеніе, или вслѣдствіе существованія ассоціаціи между идеальными воспроизведеніями различныхъ чувствен-

ныхъ удовольствій и представленіями тѣхъ или другихъ предметовъ. Удовольствіе, вызываемое предметомъ, необходимымъ для поддержания цѣлости организма, не будетъ эстетическимъ. Далѣе—предметъ, который не можетъ быть одновременно источникомъ удовольствія для многихъ, пользованіе которымъ ограничивается однимъ человекомъ, не причисляется къ разряду изящныхъ. Такимъ образомъ ландшафтъ, музыка, статуя, могущія дѣйствовать одновременно на многихъ, вызываютъ эстетическія волненія; тогда какъ удовольствіе ѣды, вслѣдствіе своей замкнутости и полезности, не принадлежитъ къ числу эстетическихъ. Сочувственныя волненія, вызываемыя въ насъ слушаніемъ музыки, игрою актера, будутъ, по общепринятому убѣжденію, эстетическими; а тѣже самыя волненія, происходящія, слѣдовательно, вслѣдствіе возбужденія тѣхъ же частей мозга, что и въ предыдущемъ случаѣ, но вызванныя дѣйствительными событіями, касающимися только лично насъ самихъ, уже не имѣютъ права на подобное названіе. Наше собственное вѣжное чувство къ кому бы то ни было не будетъ еще эстетическимъ; тогда какъ воспроизведенное въ формѣ идеи, подъ вліяніемъ напр. какого нибудь художественнаго произведенія, оно получаетъ названіе эстетическаго. Сообразно съ этимъ, чувства, возбуждаемыя въ насъ собственнымъ ребенкомъ, не могутъ быть причислены къ разряду эстетическихъ, тогда какъ тѣже чувства, внушаемыя намъ видомъ картины, изображающей напр. веселаго ребенка, или мать, ласкающую свое дитя, будутъ эстетическими. Но мы видѣли уже, что между дѣйствительными ощущеніями и представленными въ идеѣ не существуетъ особенной разницы; какъ тѣ, такъ и другія вызываются дѣятельностью однихъ и тѣхъ же нервныхъ центровъ и все различіе состоитъ въ томъ, что въ одномъ случаѣ возбужденіе нервовъ бываетъ слабѣе, чѣмъ въ другомъ,—но иногда исчезаетъ и это различіе. Такимъ образомъ, разграниченіе пріятнаго отъ изящнаго основано не на какомъ нибудь различіи между чувствами, а только на неодинаковости причинъ, вызывающихъ эти два рода психическихъ волненій, въ сущности одинаковыхъ между собою.

Каковы элементарныя впечатлѣнія, изъ которыхъ слагается впечатлѣніе цѣлаго, какимъ образомъ они комбинированы между собою; въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ одно за другимъ; — отъ всего этого зависитъ то дѣйствіе, которое производится данною группою формъ, цвѣтовъ, звуковъ и т. д. Въ одномъ случаѣ эти впечатлѣнія ослабляютъ одно другое, въ другомъ взаимно усиливаютъ. Иногда предыдущія впечатлѣнія обезпечиваютъ большее дѣйствіе

послѣдующихъ, а иной разъ они ослабляютъ это дѣйствіе. Фразы, звукъ, жестъ, событіе, неспособные произвести сильнаго впечатлѣнія, взятые отдѣльно, дѣлаются даже эффектными при извѣстной обстановкѣ. Если дѣйствіе впечатлѣнія зависить отчасти отъ того настроенія духа, въ которомъ мы находимся, то очевидно, что отъ предъидущихъ впечатлѣній, подготовляющихъ насъ къ воспріятію послѣдующихъ, будетъ зависѣть то дѣйствіе, которое произведетъ данное впечатлѣніе. Когда мы слышимъ торжественную патетическую рѣчь, когда ходъ этой рѣчи заставляетъ насъ ожидать постепеннаго увеличенія торжественности, чего-то еще болѣе возвышеннаго, и когда человѣкъ, говорящій ее, обращается внезапно къ одному изъ слушателей съ какимъ нибудь, сравнительно ничтожнымъ, вопросомъ, касающимся будничной жизни — подобный переходъ вызываетъ въ насъ смѣхъ, хотя бы этотъ вопросъ (наприм. освѣдомленіе о здоровьи супруги), взятый отдѣльно, не представлялъ ничего смѣшнаго. Приказаніе принести носовой платокъ, съ которымъ обращается къ служанкѣ одно дѣйствующее лицо въ какомъ-то водевилѣ, взятое само по себѣ не будетъ смѣшнымъ, но оно вызываетъ смѣхъ, потому что отдается неожиданно, среди патетической рѣчи, въ которой говорящій обращается даже къ тѣни умершей жены. Происшествія, часто случающіяся въ райкѣ театра, представляютъ сами по себѣ довольно обыденныя явленія, но они кажутся смѣшными, забавными, потому что совершаются при такой обстановкѣ, когда наше настроеніе, наши ожиданія, порожденныя представленіемъ на сценѣ, вовсе не соотвѣтствуютъ имъ. Такимъ образомъ: громкая отрыжка, чиханіе, мычаніе пьянаго, его замѣчанія насчетъ игры актеровъ, раздающіеся внезапно во время какой нибудь паузы, могутъ вызвать взрывъ хохота, хотя въ другомъ случаѣ мы отнеслись бы къ нимъ совершенно хладнокровно. Во всѣхъ этихъ случаяхъ вліяніе, оказанное впечатлѣніями, зависить не столько отъ самыхъ впечатлѣній, сколько отъ эффектнаго контраста ихъ.

Когда впечатлѣнія, дѣйствующія на насъ одновременно, стремятся вызвать одинакія группы ощущеній, то одни изъ этихъ впечатлѣній усиливаютъ другія; если же на оборотъ, ощущеніе, вызываемое однимъ впечатлѣніемъ, значительно разнится отъ тѣхъ, которыя вызываются другими, то каждое изъ нихъ овладѣваетъ только частію нашего вниманія. Вниманіе въ этомъ случаѣ раздѣлится между нѣсколькими ощущеніями и тѣмъ болѣе будетъ послѣднихъ, тѣмъ слабѣе будетъ сознано каждое изъ нихъ. По-

этому, когда желаютъ, чтобы вызываемыя ощущенія произвели большій эффектъ, то стараются отстранить такія впечатлѣнія, которыя безъ надобности могли бы привлечь къ себѣ долю вниманія и тѣмъ ослабить послѣднее. Такимъ образомъ въ литературномъ произведеніи, напримѣръ, стараются избѣгать очень длинныхъ предложеній, ненужныхъ дополненій, чтобы не развлекать вниманія и не уменьшать силу впечатлѣнія. Когда къ дѣйствию, производимому на насъ смысломъ словъ, присоединяется вліяніе интонаціи голоса, мимики, жестовъ, то въ такомъ случаѣ всѣ эти впечатлѣнія стремятся вызвать въ насъ одинакія ощущенія, и слѣдовательно, взаимно усиливаясь, производятъ болѣе живое, болѣе яркое ощущеніе, нежели въ томъ случаѣ, когда бы они дѣйствовали отдѣльно одно отъ другого. Подобную группу одновременныхъ ощущеній называютъ стройною, и о предметахъ, которые вызвали ихъ, говорятъ, что они производятъ стройное впечатлѣніе. Когда различныя части картины или статуи стремятся пробудить въ насъ одинакія чувства, когда, слѣдовательно, ассоціаціи идей, вызванныя одною частью, не разнятся сильно отъ тѣхъ, которыя вызываются другими частями, то про такую картину или статую говорятъ, что въ нихъ соблюдено единство эффекта, что это стройныя созданія искусства, дѣйствіе мотива какой нибудь пѣсни усиливается ея словами и тѣмъ выраженіемъ, съ которымъ поется эта пѣсня. Но если эти слова и выраженія нисколько не соотвѣтствуютъ мотиву пѣсни, то впечатлѣніе, произведенное ими, будетъ отличаться отъ того, которое произведено мотивомъ и вслѣдствіе этого мелодія, слова и выраженіе, съ которымъ поется пѣсня, произведутъ нестройное, несогласное впечатлѣніе.

Всякое ощущеніе предполагаетъ извѣстную степень измѣненія мозгового вещества, вслѣдствіе котораго ослабѣваетъ на нѣкоторое время наша способность къ воспріятію этого ощущенія. Такимъ образомъ, когда мы долго смотримъ на ярко-освѣщенный предметъ, то потомъ нѣкоторое время не замѣчаемъ предметовъ менѣе яркихъ и необходимъ нѣкоторый промежутокъ времени для восстановленія прежней впечатлительности нервовъ. Точно также, если мы долго обоняемъ одинъ и тотъ же запахъ, то, наконецъ, перестаемъ его слышать и т. д. Поэтому когда нѣсколько впечатлѣній, слѣдующихъ одно за другимъ, вызываютъ совершенно различныя одно отъ другого ощущенія, то этимъ обезпечивается большая интенсивность каждаго изъ нихъ; такъ какъ въ этомъ случаѣ ни одно нервное волокно, ни одинъ центръ не возбуждаются къ продолженію.

тельной дѣятельности, не устаютъ, а вслѣдствіе этого, не ослабѣваетъ и ихъ воспримчивость къ впечатлѣніямъ. Намъ нравятся такія расположенія цвѣтовъ, такія ихъ комбинаціи, которыя менѣе утомляютъ глазъ. Если цвѣта, попеременно дѣйствующіе на глазъ, возбуждаютъ различныя группы нервовъ; то, перебѣгая отъ одного цвѣта къ другому, мы даемъ отдыхъ то однимъ первамъ, то другимъ. «Такимъ образомъ мы требуемъ или соединенія такихъ цвѣтовъ, которые очень близки къ дополнительнымъ, или сочетанія одного какого нибудь цвѣта со смѣшаннымъ цвѣтомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ цвѣта дѣйствуютъ на нашъ глазъ такъ, что могутъ быть долѣе всего переносимы послѣднимъ. Это условіе вполне осуществляется при соединеніи двухъ дополнительныхъ цвѣтовъ, или одного какого либо цвѣта съ чернымъ, потому что тогда для сѣтчатой оболочки глаза, при переходѣ отъ одного цвѣта къ другому, наступаетъ попеременно отдыхъ отъ дѣйствія свѣтовыхъ впечатлѣній; тоже самое, только приблизительно, достигается и при сочетаніи какого нибудь цвѣта съ сѣрымъ или бѣлымъ, или если оба соединенные цвѣта не совершенно дополнительные» (Вундтъ: Душа человѣка и животныхъ. т. 2-ой стр. 97-я).

Въ ряду различныхъ впечатлѣній наиболее пріятными для насъ будутъ тѣ изъ нихъ, воспріятіе которыхъ сопряжено съ меньшею тратою усилій. Намъ бываетъ непріятно слушать невнятную рѣчь, читать неразборчиво написанную рукопись, разсматривать предметъ, когда этому мѣшаетъ темнота. Напротивъ, въ насъ вызывается удовольствіе, когда слушаніе или чтеніе чего нибудь сопряжено съ незначительною тратою умственной энергіи. Намъ нравится слогъ такого сочиненія, въ которомъ изложеніе ясно, не запутано, въ которомъ идеи расположены такимъ образомъ, что онѣ воспринимаются съ небольшимъ умственнымъ усиленіемъ, гдѣ требуется мало времени и вниманія для того, чтобы понять каждое предложеніе, гдѣ нѣтъ ни излишнихъ подробностей, ни чрезвычайной краткости, одинаково утомляющихъ вниманіе; однимъ словомъ, намъ нравится такой слогъ, при которомъ переходъ словъ и фразъ въ представленія происходитъ съ наибольшею экономіею силы (Подробное доказательство этого приводится въ статьѣ Спенсера «Философія слога» т. 1-ый).

Намъ пріятно смотрѣть на симметрическую фигуру, такъ какъ она воспринимается съ большею легкостью; достаточно одного взгляда на нее, чтобы составить представленіе о ней, тогда какъ въ фигурѣ неправильной мы должны разсмотрѣть отдѣльно каждую часть,

потому что различныя части ея непохожи одна на другую и по одной нельзя заключить о другой. «При разсматриваніи произведенія искусства или природы, нашъ глазъ, чтобы лучше разсмотрѣть всѣ части предмета, долженъ пробѣжать линіи, очертанія и, такимъ образомъ, воспроизвести въ воспріятіи предметъ, въ цѣломъ и частяхъ. Хотя предметы малыхъ размѣровъ могутъ быть восприняты глазомъ и въ состояніи покоя; но все-таки и здѣсь глазъ какъ будто вспоминаетъ тѣ движенія, которыя онъ долженъ былъ бы сдѣлать для точнаго обозрѣнія предмета. Поэтому, что прежде всего дѣйствуетъ на насъ при разсматриваніи формъ, есть большая или меньшая легкость, съ какою нашъ глазъ можетъ своимъ движеніемъ слѣдить за линіями очертанія предмета» (Вундтъ. Душа чел. и жив. т. 2-й стр. 76) «Легкія, извилистыя, дугообразныя линіи пріятны для взора; напротивъ, прямыя наклонныя линіи, а еще болѣе угловатыя фигуры, въ которыхъ глазъ ежеминутно долженъ измѣнять направленіе своего движенія, производитъ непріятное впечатлѣніе» (Вундтъ: Душа человека и животныхъ т. 2-ой стр. 102).

И такъ мы видимъ, что одни группы впечатлѣній вызываютъ болѣе интенсивныя ощущенія, производятъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели другія; что впечатлѣнія могутъ или взаимно усиливаться или взаимно ослабляться; что воспріятіе однихъ совершается съ меньшимъ усиленіемъ со стороны слушателя, читателя или зрителя, чѣмъ воспріятіе другихъ, что одними утомляется вниманіе, другими послѣднее сберегается; въ одномъ случаѣ ни одна группа нервныхъ центровъ не возбуждается къ продолжительной дѣятельности, не утомляется; въ другомъ происходитъ противное.

Одни и тѣже психическія состоянія могутъ быть вызваны различными комбинаціями очертаній, линій, звуковъ, цвѣтовъ, словъ и фразъ, выражены, переданы различнымъ образомъ или, говоря иначе, одна и таже идея, одно и то же содержаніе могутъ быть облечены въ различныя формы. Въ изящныхъ комбинаціяхъ различныя составныя элементы сопоставлены такимъ образомъ, что производятъ наибольшее дѣйствіе при наименьшемъ расходуваніи силы со стороны воспринимающаго впечатлѣніе, т. е. въ изящномъ произведеніи форма наиболѣе сообразна съ содержаніемъ.

Но очевидно, что эти условія, преслѣдованіе которыхъ можно замѣтить въ каждой комбинаціи, которымъ подчиняются изящныя формы — такого рода, что выполненія ихъ еще недостаточно для того, чтобы сдѣлать изящнымъ извѣстный феноменъ. Если формы сообразны съ такимъ содержаніемъ, которое вызываетъ далеко не

эстетическое чувство, то такое соотвѣтствіе между формою и содержаніемъ поставить данный предметъ еще далѣе отъ изящнаго; сдѣлаетъ его еще болѣе отталкивающимъ. Далѣе, формы эти очевидно будутъ зависѣть отъ того, какія чувства вызываются въ насъ тѣми или другими впечатлѣніями и сообразно съ этимъ будетъ измѣняться группировка различныхъ частей художественнаго произведенія, т. е. группировка впечатлѣній, произведенныхъ ими. Поэтому формы эти не являются чѣмъ-то независимымъ отъ установившихся въ насъ ассоціацій идей, чѣмъ-то устойчивымъ, неизмѣннымъ, опредѣленнымъ, а слѣдовательно не могутъ быть найдены путемъ разсматриванія феноменовъ, возбуждающихъ въ насъ пріятныя волненія, отыскиваніемъ общихъ признаковъ, украшающихъ прекрасныя предметы. Симметричность, гармонія цвѣтовъ, пріятная кривизна волнистыхъ линий—все это такого рода элементы изящнаго, отъ котораго отступаютъ почти въ каждомъ художественномъ произведеніи, и это отступленіе нисколько не вредитъ ихъ красотѣ. Художникъ, пишущій картину, располагаетъ цвѣта, сообразуясь не съ гармоніею цвѣтовъ, а съ тѣмъ ихъ распредѣленіемъ, которое онъ замѣчаетъ въ воспроизведенныхъ имъ предметахъ. Часто приходится встрѣчать отступленія даже отъ музыкальной гармоніи, напр. въ операхъ Мейербера и этимъ отступленіемъ не ослабляется, а усиливается эффектъ. Если бы различныя элементы изящнаго, изъ которыхъ слагаются изящныя формы: фигуры, цвѣта, звуки, слова обладали самостоятельною способностью вызывать эстетическія волненія, независимо отъ всякой ассоціаціи, т. е. обладали бы естественною, безусловною красотою, то можно было бы указать и на такія комбинаціи ихъ, которыя были уже постоянными, опредѣленными. Можно было бы прямо сказать, что такая-то комбинація всегда вызываетъ извѣстное эстетическое волненіе, а другая во всѣхъ случаяхъ будетъ не изящною. Тогда изящныя формы представляли бы собою нѣчто совершенно опредѣленное, устойчивое, независимое отъ времени и личныхъ вкусовъ. Но есть ли такія впечатлѣнія, которыя помимо ассоціаціи идей вызвали бы эстетическія чувства? Это читатель увидитъ изъ слѣдующей главы.

V.

Мы знаемъ, что если тѣ или другіе предметы долгое время вызвали въ насъ удовольствіе, то послѣднее станетъ, наконецъ, вызываться и ихъ виѣшнимъ видомъ; поэтому всѣ предметы, похожіе на нихъ, сдѣлаются также источниками пріятнаго возбужденія. Послѣднее будетъ вызываться не одними тѣми предметами, которые имѣютъ съ послѣдними только нѣсколько общихъ признаковъ. Такимъ образомъ можетъ образоваться цѣлая группа виѣшнихъ признаковъ, которые будутъ вызывать пріятное ощущеніе. Каждый предметъ, обладающій однимъ или многими изъ нихъ, будетъ, по нашему мнѣнію, красивымъ. Всякая мѣстность, представляющая нѣкоторое сходство съ тою, гдѣ было проведено наиболѣе счастливое время нашей жизни, будетъ казаться намъ красивѣе, чѣмъ тѣмъ людямъ, у которыхъ идеи различныхъ особенностей этой мѣстности не ассоціировались съ пріятными ощущеніями. Точно также намъ будетъ казаться красивымъ всякое лицо, напоминающее черты лица любимаго существа, и трудно допустить, чтобы было такое идеальное лицо, которое одинаково удовлетворяло вкусамъ людей, принадлежащихъ различнымъ мѣстностямъ и эпохамъ.

«Какія разнообразныя и противоположныя формы принимаются за красоту въ различныхъ породахъ: размѣры, которые мы ищемъ въ одномъ животномъ, противоположны размѣрамъ, которые нравятся намъ въ другомъ. Каждая порода въ природѣ имѣетъ свое устройство и особенную красоту, совершенно непохожія на устройство и красоту другихъ породъ». («Теорія нравственныхъ чувствъ» соч. Адама Смита стр. 258). Самое точное и изысканное знаніе красоты человѣческой породы совершенно бесполезно, чтобы судить о цвѣтахъ, о лошадяхъ или о всякомъ другомъ разрядѣ предметовъ: по той же причинѣ, въ различныхъ климатахъ, въ которыхъ разнообразіе обычаевъ видоизмѣняетъ различнымъ образомъ общія черты человѣческой породы, понятія о красотѣ оказываются тоже весьма различными. Красота варварійской лошади не похожа на красоту, цѣнимую въ англійской лошади. Какъ не похожи понятія о красотѣ лица или тѣла человѣческаго у различныхъ

народовъ! Бѣлый цвѣтъ кожи считается въ Гвинееѣ уродствомъ, а толстыя губы и сплюснутый носъ принимаются за красоту, у нѣкоторыхъ народовъ уши, висящія до плечъ, вызываютъ восхищеніе. Въ Китаѣ на женщинѣ смотрятъ, какъ на уроду, если она обладаетъ на столько большой ногой, что можетъ удобно ходить. Нѣкоторые американскіе дикари сжимаютъ головы своихъ дѣтей четырьмя дощечками, и даютъ еще нѣжныя гибкія кости, чтобы придать головѣ совсѣмъ квадратную форму (Смитъ 259, 260).— Если мы обратимъ вниманіе на тѣ особенности лица, которыя у цивилизованныхъ расъ считаются или элементами красоты, или элементами безобразія, то увидимъ, что существованіе этихъ условій красоты удовлетворительно объясняется на основаніи ассоціаций идей.

Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что красота человѣческаго лица не есть оригинальная, первоначальная, а производная, то есть-обязанная своимъ происхожденіемъ способности нашихъ идей ассоціроваться между собою. Положимъ поэтому, что въ началѣ всякое лицо бываетъ для насъ безразличнымъ и посмотримъ, съ представленіями какихъ особенностей человѣческаго лица должны будутъ ассоціроваться пріятныя волненія, какія очертанія лица преимущественно станутъ вызывать удовольствіе. Очевидно тѣ, которыя напоминаютъ намъ лица людей, сношенія съ которыми доставили намъ наибольшее удовольствіе. Всякая черта, напоминающая намъ такое лицо, будетъ стремиться вызвать въ насъ пріятное ощущеніе, такъ какъ послѣднее, вслѣдствіе частыхъ повтореній, ассоціровалось съ ощущеніями, вызываемыми непосредственно различными особенностями извѣстнаго лица.

Совѣстливость, отвращеніе отъ поступковъ, вредящихъ другимъ, расположеніе къ хорошему образу дѣяствій, справедливость — всѣ эти качества, необходимыя для того, чтобы сношенія съ другими людьми не были источниками безпрестанныхъ непріятностей, а были источникомъ удовольствія,— всѣ эти качества бываютъ развиты въ насъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе способны мы сочувствовать нашимъ ближнимъ. Но это бываетъ только тогда, когда мы сами испытали то, чему приходится сочувствовать, когда память ощущеній, у насъ настолько сильна, что идеи наши такъ живы, ярки и отчетливы, что дѣйствуютъ на насъ подобно реальнымъ ощущеніемъ, и воображаемая обстановка производитъ такое же впечатлѣніе, какъ и дѣйствительная. Но для этого необходимо нѣкоторое интеллектуальное совершенство; и если такъ, то, въ сред-

немъ выводѣ, болѣе пріятныхъ, или, по крайней мѣрѣ, менѣе непріятныхъ сношеній у насъ будетъ съ такими людьми, у которыхъ достаточно сильно и развиты умственные способности. Такимъ образомъ, пріятными для насъ будутъ тѣ особенности лица, которыя составляютъ принадлежность преимущественно тѣхъ людей, которые въ интеллектуальномъ отношеніи не стоятъ ниже обыкновеннаго уровня, потому что такія особенности напоминаютъ намъ о людяхъ, сношенія съ которыми были чаще пріятными, чѣмъ непріятными. Ощущенія удовольствія будутъ вызываться этими особенностями лица, вслѣдствіе установившихся ассоціацій между представленіями этихъ особенностей и чувствомъ удовольствія.

Внѣшніе признаки людей, вызывающихъ въ насъ чувства удивленія и почтенія, стоящихъ выше обыкновеннаго уровня, будутъ стремиться вызвать такія же чувства, которыя вызывались прежде дѣйствіями этихъ людей. Эти внѣшніе признаки также сдѣлаются принадлежностями красиваго лица. Но понятно, что упомянутые люди должны стоять выше другихъ людей въ интеллектуальномъ отношеніи,—а слѣдовательно опять внѣшніе признаки, связанные съ высокимъ умственнымъ развитіемъ, станутъ источниками пріятныхъ волненій. Эти внѣшніе признаки будутъ вызывать въ насъ удовольствіе помимо всякихъ заключеній о достоинствѣ человѣка: они получаютъ какъ бы естественную привлекательность и прелесть.

Если бы мы не задавались никакими предложеніями касательно производности или оригинальности человѣческой красоты, способъ ея происхожденія, а захотѣли бы просто найти, какими общими признаками характеризуются безобразныя лица и какими красивыя у различныхъ цивилизованныхъ расъ, то пришли бы къ тѣмъ же заключеніямъ, къ какимъ мы пришли сейчасъ а priori. Дѣйствительно, общепризнанными элементами безобразія считаются такія особенности лица, которыя предполагаютъ низкій уровень умственныхъ способностей, а привлекательными кажутся такія, которыя связываются съ болѣе высокими умственными способностями.

Лобъ отступившій назадъ, выдавшіяся челюсти, значительный размѣръ скуловыхъ костей—все это такіе признаки, которые указываютъ на слабость умственныхъ силъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются элементами безобразія. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ греческаго ваянія, стремящихся воспроизвести идеальную красоту, мы встрѣчаемъ лица съ камперовымъ угломъ большимъ 90°. Но чѣмъ болѣе уголъ Кампера, тѣмъ болѣе емкость черепа, а слѣдовательно и объемъ заключающагося въ немъ мозга.

Конечно, еще недостаточно одного соблюденія показанныхъ условій, чтобы сдѣлать лицо красивымъ. Выраженіе лица, цвѣтъ кожи и глазъ тоже вліяютъ на красоту лица. Отдѣльные вкусы могутъ представлять частыя отклоненія отъ общаго правила; могутъ болѣе нравиться такія лица, которыя представляютъ отступленіе отъ указанныхъ условій красоты, но большинство вкусовъ будетъ на сторонѣ такихъ особенностей лица, которыя не противорѣчатъ этимъ условіямъ.

Очевидно, что если бы существовали такія формы и очертанія, которыя вызывали удовольствіе, независимо отъ ассоціаціи, т. е. удовлетворяли бы природѣ всякаго человѣка, то люди стремились бы къ воспроизведенію этихъ формъ и очертаній въ различныхъ своихъ созданіяхъ. Эти формы вызывали бы въ нихъ такое же простое, элементарное удовольствіе, какое вызывается, напр., удовлетвореніемъ чувства голода. Но ничего подобнаго не замѣчается въ окружающей дѣйствительности, и внушенія чувства красоты оказываются чрезвычайно разнообразными. Существовавшія и существующія прекрасныя вѣщныя формы только доказываютъ, что неприводной, оригинальной, геометрической красоты, вовсе не существуетъ.

Въ различныхъ архитектурныхъ типахъ, мы не замѣчаемъ преобладанія какойнибудь опредѣленной формы, которая бы пробивалась въ каждомъ типѣ и указывала на существованіе безусловно прекрасныхъ геометрическихъ формъ, къ воспроизведенію которыхъ стремятся люди въ своихъ художественныхъ композиціяхъ.

Тѣ формы, которыя постоянно окружали людей, представленія которыхъ поэтому слились съ различными психическими волненіями, обыкновенно входили составными элементами въ произведенія людей. Такимъ образомъ «мы видимъ, что разбросанныя массы скалъ, среди которыхъ помѣщались обыкновенно замки, отразились въ суровыхъ неорганизованныхъ формахъ замковъ. Въ абатствахъ и тому подобныхъ строеніяхъ, которыя обыкновенно расположены въ сравнительно защищенныхъ мѣстностяхъ, мы не замѣчаемъ такихъ рѣзкихъ разчлененій массъ и линий, и нагота, свойственная крѣпостямъ, замѣняется украшеніями, напоминающими сосѣдніе лѣса. Между швейцарскимъ домикомъ и швейцарскимъ видомъ замѣчается очевидное родство. Угловатая крыша такого домика, столь высокая и столь непропорціонально широкая, сравнительно съ другими крышами, напоминаетъ сосѣдную горную вершину; а широкіе, нависшіе края крыши имѣютъ форму и наклоненіе нижнихъ

вѣтвей ели. Въ зданіяхъ востока замѣчается очевидная связь между однообразіемъ плоскихъ крышъ, тамъ и сямъ нарушаемымъ минаретами, и окружающими эти зданія равнинами съ неправильно разсѣянными пальмовыми деревьями (Источники архитектурныхъ типовъ». Соч. Спенсера, т. 1-й 183 стр.)

Есть еще обстоятельство, вслѣдствіе котораго различные феномены, вначалѣ безразличны для насъ, дѣлаются источниками духовныхъ волненій—это сходство этихъ феноменовъ — часто очень отдаленное — съ феноменами психической жизни, вслѣдствіе котораго неодушевленные предметы какъ бы одухотворяются въ нашихъ глазахъ, получаютъ особенную выразительность. Мы смотримъ на природу подѣ влияніемъ представленій о человѣкѣ, подѣ влияніемъ впечатлѣній, полученныхъ изъ міра человѣческихъ дѣйствій. Эпитеты: задумчивый, печальный, граціозный, смѣшной, пасмурный постоянно прилагаются также и къ феноменамъ неодушевленной природы, и поэзія представляетъ множество примѣровъ этого выраженія: шопотъ листьевъ, лепетъ ручья, ползущія облака, спящія волны и т. н., можно встрѣтить во многихъ поэтическихъ произведеніяхъ. Народное суевѣріе съ давнихъ поръ различало въ рокотѣ водопада, завываніи бури, шумѣ волнъ, раскатахъ грома голоса неземныхъ существъ, и населяло природу дѣсьвыми царями, горными духами, русалками и т. д.

Наиболѣе сильныя чувства вызываются въ насъ различными столкновеніями съ людьми и неодушевленная природа часто дѣйствуетъ на насъ настолько, насколько напоминаетъ намъ человѣка, такъ что, во многихъ случаяхъ, отъ него она заимствуетъ свою красоту и свою непривлекательность. Нѣкоторыя комбинаціи звуковъ, формъ, цвѣтовъ, линій, движеній въ феноменахъ неодушевленной природы, поражаютъ насъ своимъ сходствомъ съ такими же комбинаціями въ феноменахъ психической жизни и это-то сходство одушевляетъ—украшаетъ или обезображиваетъ—предметы, вначалѣ совершенно безразличныя для насъ.

Итакъ мы видимъ, что способность наслаждаться изящнымъ, находить красоту въ окружающемъ, опредѣляется главнымъ образомъ тѣмъ, какимъ образомъ ассоціировались въ насъ различныя идеи, и, слѣдовательно, зависитъ отъ предшествующей жизни — воспитанія.

Съ перваго взгляда, это, конечно, кажется несправедливымъ, потому что, если мы и видимъ, какъ разнятся между собою вкусы людей, но за то замѣчаемъ и нѣкоторую общность въ этихъ вкусахъ

и это заставляет нас думать, что существуют предметы, красота которых не зависит от личных особенностей каждого человека, от установившихся привычек, от воспитанія. Но подобная общность не говоритъ ничего противъ высказаннаго положенія; напротивъ, она только подтверждаетъ его; такъ какъ очевидно, что люди, находящіеся подъ давленіемъ однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ обстоятельствъ, должны обнаруживать нѣкоторое сходство въ своихъ вкусахъ, наклонностяхъ, намѣреніяхъ и привязанностяхъ. Всѣ эти качества имѣютъ иногда такое темное, запутанное происхожденіе, представляютъ часто сложные результаты такихъ многочисленныхъ и отдаленныхъ причинъ, что онѣ всегда казались людямъ такою первоначальною неизмѣнною принадлежностью человѣческаго организма, какъ и потребность въ пищѣ, питьѣ и снѣ.

«Большинство тѣхъ, кто размышляетъ о человѣческой природѣ, предпочитаютъ скорѣе догматически принимать, что душевныя различія, которыя они замѣчаютъ или думаютъ замѣчать между людьми, суть послѣдніе факты, которые не могутъ быть ни объяснены, ни измѣнены, чѣмъ постараться, посредствомъ надлежащихъ приѣмовъ мысли, дойти до возможности отнести эти душевныя различія къ внѣшнимъ причинамъ, которыми онѣ большею частью производятся и съ удаленіемъ которыхъ они перестали бы существовать. (Система Логикъ. Милля; т. 2-й, стр. 431).

Недостаточность доказательствъ и примѣровъ, приведенныхъ мною, не позволяетъ мнѣ утверждать здѣсь, что почти всѣ наши способности являются продуктами воспитанія, но я и не пытался представить своимъ очеркомъ обширное и стройное доказательство этого. Я хотѣлъ только указать на природу нашихъ эстетическихъ чувствъ, нашихъ вкусовъ и привязанностей, а слѣдовательно и нашихъ удовольствій. Читатели, желающіе большихъ подробностей, большей систематичности, болѣе научной строгости въ доказательствахъ, не будутъ, конечно, искать всего этого въ журнальной статьѣ, а обратятся къ сочиненіямъ, специально трактующимъ о различныхъ вопросахъ психологій.

На основаніи данныхъ, приведенныхъ мною, можно судить только о томъ, какъ широко работаетъ начало ассоціаціи во всѣхъ другихъ случаяхъ нашей жизни, какъ не велико было бы число предметовъ, способныхъ трогать наши чувства безъ удивительной способности нашихъ идей—ассоціроваться между собою. Очевидно, что здѣсь не было указано еще на громадную массу феноме-

новъ, которые своимъ дѣйствіемъ на насъ обязаны такъ же ассоціаціи. Но нѣтъ даже никакой возможности перечислить всѣ случаи, гдѣ, вслѣдствіе этой же причины, безразличныя для насъ феномены дѣлаются источниками удовольствія.

Всякій предметъ, всякое дѣйствіе могутъ сдѣлаться источниками удовольствія, если только они не приносятъ намъ страданія, вслѣдствіе физиологическихъ особенностей организма, и поэтому источники наслажденія не представляютъ собою чего нибудь неизмѣннаго, одинаковаго для всякаго времени и мѣста. Читатель видѣлъ насколько наша способность къ наслажденію является продуктомъ воспитанія, какъ невелико число тѣхъ удовольствій, которыя вытекаютъ изъ первоначальныхъ, общихъ всѣмъ людямъ, свойствъ организма, которыя являются необходимымъ слѣдствіемъ его физиологическихъ особенностей, потребностей, которыя не зависятъ отъ воспитанія. Человѣкъ является на свѣтъ съ способностью къ крайне ограниченному числу наслажденій; путемъ дальнѣйшаго воспитанія способность эта расширяется; все большее и большее число феноменовъ становятся источниками удовольствій, начинаютъ интересоваться насъ, привязываютъ къ жизни.

Довольно странно, послѣ этого, видѣть тотъ ужасъ, который овладѣлъ многими людьми, когда они слышали нападенія на нѣкоторыя эстетическія удовольствія. Привыкли считать свой ограниченный кругъ наслажденій за единственно-возможный, полагая, что за предѣлами этого круга немислимы никакія радости, люди эти приняли нападенія за попытку изгнать изъ жизни человѣка всѣ свѣтлыя минуты. Между тѣмъ нападенія дѣлались на такія эстетическія наслажденія, которыя принадлежатъ отживающему порядку вещей, которыя услаждали чисто-животныя привычки праздныхъ и развращенныхъ лѣнностію людей.

Итакъ мы видимъ, что наиболѣе блестящая, яркая сторона нашей жизни, украшающая, разнообразящая ее, вносящая въ нее движеніе — страстная сторона нашей жизни, ничтожная вначалѣ, дѣлается съ теченіемъ времени все богаче и богаче содержаніемъ, что способность къ различнымъ психическимъ возбужденіямъ, которыя испытываемъ мы въ теченіи нашей жизни, не возникаетъ въ насъ вмѣстѣ съ появленіемъ нашимъ на свѣтъ, но образуется и растетъ по мѣрѣ нашего совершенствованія. Достаточно, если мы способны первоначально только къ немногимъ душевнымъ возбужденіямъ, чтобы потомъ, путемъ ассоціаціи, они сдѣлали источниками страстныхъ волненій много другихъ феноменовъ. Зерожденіе праз-

вптіе страсти можетъ произойти довольно скоро. Чѣмъ болѣе страстныхъ представленій сопровождаютъ безразличное для насъ представленіе, тѣмъ скорѣе установится прочная связь между страстными движеніями души и упомянутымъ представленіемъ. Примѣръ, дружба, любовь, общественное мнѣніе, соревнованіе оказываютъ въ этомъ случаѣ большое вліяніе. Соблюдая извѣстную правильность въ сближеніяхъ съ людьми, въ чтеніи книгъ, мы можемъ содѣйствовать образованію или исчезновенію извѣстной страсти. Мы можемъ путемъ мышленія вліять на образованіе ассоціацій идей, связывая послѣднія въ зарашѣ обдуманнныя группы, постоянно концентрируя свои мысли на извѣстныхъ представленіяхъ. Масса идей разрозненныхъ, несвязанныхъ ничѣмъ между собою, не можетъ служить хорошимъ матеріаломъ ни для мысли, ни для чувства. Мышленіе будетъ двигаться очень медленно, когда одна идея не вызываетъ быстро вслѣдъ за собою другія, ассоціированныя съ ней, идеи. Наслажденіе или страданіе, испытанныя нами прежде, не сдѣлаются источниками другихъ движеній души, когда идеи ихъ стоятъ особнякомъ отъ другихъ идей, не связаны съ послѣдними въ прочныя ассоціаціи. Мышленіе разрываетъ старыя ассоціаціи идей и связываетъ новыя. Путемъ его хаотическая масса идей перерабатывается въ такую, гдѣ однѣ идеи получаютъ способность вызывать другія; оно группируетъ ихъ въ такія ассоціаціи, которыя наиболѣе пригодны для жизни.

Когда расширяется область мысли, то, вмѣстѣ съ ней, расширяется и область чувства. Мысль не исключаетъ чувства, не ослабляетъ его; напротивъ, при ея помощи образуются многія новыя чувства, появляются новыя источники страстныхъ волненій. Чисто умственные процессы отличаются отъ душевныхъ возбужденій только тѣмъ, что, въ первомъ случаѣ, въ сознаніи движутся цѣпи безразличныхъ идей, а во второмъ—они перемищаются идеальными воспроизведеніями прежнихъ чувственныхъ движеній души.

Управляя ходомъ своихъ представленій, можно управлять и перемѣнами въ душевномъ настроеніи; можно вліять на развитіе или ослабленіе извѣстной страсти. Когда страстное представленіе постоянно появляется въ нашемъ сознаніи, то оно все сильнѣе и сильнѣе укореняетъ слѣдъ, оставляемый имъ, и усиливаетъ вслѣдствіе этого яркость ощущенія, вызываемаго оживленіемъ этого слѣда. Но когда, измѣнивши преднамѣренно окружающую насъ обстановку, мы измѣнимъ характеръ получаемыхъ нами впечатлѣній, когда мы станемъ отвлекать наше вниманіе отъ такихъ представ-

лений и ощущений, которые могут напомнить намъ о предметѣ страсти, тогда слѣды, оставленные послѣднимъ, подчиняясь общему свойству слѣдовъ, начнутъ ослабѣвать и тускнѣть. Ощущенія, вызываемыя оживленіемъ этихъ слѣдовъ, все болѣе и болѣе будутъ терять свою яркость и страстный характеръ, а вмѣстѣ съ этимъ исчезнетъ и обаятельная сила бывшаго предмета страсти.

Нужно всегда стараться связать идеальныя воспроизведенія прежнихъ удовольствій, и вообще всякія пріятныя ощущенія, съ такими идеями, которыя вызываются обыденной, будничной обстановкой жизни. Въ такомъ случаѣ даже будничная наша жизнь сдѣлается богатою источниками удовольствій. Это вещь вполне возможная. Нѣтъ такого предмета или явленія, которые не получили бы для насъ прелести при благопріятныхъ для этого условіяхъ, если только они не вызываютъ страданій вслѣдствіе физиологическихъ особенностей организма. Вѣроятно въ болѣе счастливомъ будущемъ лучшая обстановка создастъ такіе вкусы, при которыхъ явится возможность наслаждаться не одной музыкой, поэзіей, живописью и т. д., но и тѣмъ, что называется прозою жизни. Конечно, послѣднее названіе не прилагается въ этомъ случаѣ къ такой прозѣ, какъ постоянное голоданье, четырнадцать часовъ работы въ сутки и т. д.

И такъ мы видимъ, что для того, чтобы наслаждаться, нужно еще развить въ себѣ способность къ наслажденію, потому что послѣдняя не является чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ организмомъ каждаго человѣка. Когда въ жизни ничто не радуетъ насъ, не привлекаетъ къ себѣ, то это вовсе не служитъ признакомъ совершенства и высоты нашей натуры, а показываетъ только, что мы не умѣемъ ни къ чему привязаться. Скучать, тяготиться жизнью съумѣетъ всякій, и имѣть для этого какую нибудь высокую натуру вовсе не требуется. Для этого достаточно быть ожирѣвшимъ и тупымъ членомъ ко всему равнодушнаго общества.

Н. Згурскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОДРОСТАЮЩІЯ СИЛЫ.

IV.

Маша (Живая Душа) росла и развивалась при условіяхъ въ высшей степени благопріятныхъ и, даже можно сказать, исключительныхъ. Изъ того, что авторъ заставляетъ ее вспоминать въ началѣ романа, можно видѣть, что дѣтство она прожила самымъ мирнымъ образомъ, подъ крылышкомъ нѣжно-любящей ее матери, въ деревенской глуши, гдѣ ей была предоставлена полная свобода гулять, бѣгать, читать, думать и мечтать. Любовь окружающихъ людей, полная свобода, уединеніе и книги, отсутствіе нужды и всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ дразгъ и непріятностей, которыя являются всегда ея неизбѣжнымъ слѣдствіемъ — развѣ такая обстановка выпадаетъ на долю многихъ изъ нашихъ женщинъ? Не трудно понять, какъ должна была она отразиться на характерѣ дѣвочки: уединеніе должно было развить въ ней нѣкоторую мечтательность и сосредоточенность; а свобода и симпатіи окружающихъ лицъ должны были поселить и укрѣпить въ ней любовь къ самостоятельности, развить нѣкоторую нѣжность сердца, чуткость и впечатлительность души. Когда ея мать умерла, ее взяла къ себѣ на воспитаніе одна богатая родственница, которая тоже старалась окружить ея жизнь самыми благопріятными условіями для ея психическаго и физическаго развитія «и

«Дѣло», № 10. 1

здѣсь, у этой богатой родственницы жизнь ея, — говоритъ авторъ, — была почти такая же точно, какъ тамъ дома, почти тоже давала для развитія: *хорошую бібліотеку, удаленіе отъ сѣтской пошлости, природу*: прибавились *краснорѣчивые разговоры, увлекательныя проповѣди*. Правда, здѣсь было менѣе элементовъ, дѣйствующихъ на вѣжную, симпатическую сторону человѣка, за то здѣсь было несравненно болѣе условій, способствующихъ развитію ума, возбуждающихъ мысль. У родственницы собиралась вся интеллигенція города, у ней устраивались литературные вечера, на которыхъ читались очень умныя и либеральныя книги (судя по отзывамъ дѣйствующихъ лицъ) и велись (судя по отзывамъ автора) очень умныя и даже либеральныя бесѣды. Эти бесѣды и книги изъ *хорошей* (по увѣренію автора) бібліотеки должны были дать героинѣ богатый умственный матеріалъ, а праздная досуговая жизнь съ одной стороны и, съ другой, рано развитая наклонность къ уединенію и мечтательности, наклонность еще болѣе укрѣпившаяся въ ней въ домѣ богатой родственницы, гдѣ она чувствовала себя болѣе или менѣе чуждой, — давали ей полную возможность вполне усвоить этотъ матеріалъ, переработать его и сдѣлать изъ него ясныя и опредѣленные выводы.

Такимъ образомъ обстановка, среди которой росла героиня романа, должна была образовать изъ нея женщину сознательно-мыслящую, развитую, съ опредѣленными убѣжденіями. Съ другой стороны, положеніе ея въ домѣ родственницы, хотя въ матеріальномъ отношеніи и не оставляло ничего лучшаго желать, было все-таки положеніемъ зависимымъ и потому непрочнымъ, необезпеченнымъ. Оно не могло ее удовлетворить, потому что оно противорѣчило развитому въ ней, при другихъ условіяхъ, стремленію къ самостоятельности, стѣсняло ея свободу, сковывало ее по рукамъ и по ногамъ цѣпями, правда, цѣпями, обитыми шелкомъ и украшенными розамі, но все же цѣпями. Маша тяготилась своимъ положеніемъ, и уже въ самомъ началѣ романа она высказываетъ твердое намѣреніе покинуть домъ богатой родственницы и поставить себя въ тѣ условія жизни, въ которыхъ она, по естественному ходу вещей, должна была стоять, если бы только не вмѣшалась сюда барская филантропія Надежды Сергѣевны (богатой родственницы). Но эта барская филантропія, вмѣшательство которой было необходимо не столько для самой сущности дѣда, сколько для постороннихъ цѣлей романа, — нисколько не измѣнила соціальнаго положенія Маши. Она все-таки осталась, по прежнему, пролетаріемъ,

неимѣющимъ никакихъ другихъ ресурсовъ къ существованію, кромѣ собственныхъ рукъ и головы, кромѣ личнаго труда,—пролетаріемъ, случайно попавшимъ на барскіе хлѣба.

Маша была настолько развита, что могла это понять, а разъ понявъ, она не могла не почувствовать всей ненормальности своего положенія, не могла не стараться выйдти изъ него. «Сначала», говоритъ она въ разговорѣ съ гувернанткой, Ольгой Порфирьевной,—«я какъ-то пала ницъ, ни на что не глядѣла, ничего не искала, только мучилась, а потомъ приподнялась и стала выхода искать».

— И нашли?—спрашиваетъ гувернантка.

— Почти.

— Какой? Да вы что-то задумали, Маг! Что вы задумали?

— Я задумала поступить учительницей куда нибудь.

— Учительницей? Вы? Такъ это вотъ для чего вы все учитесь съ утра и до вечера?

— Да.

Ольга Порфиревна, услышавъ такой отвѣтъ, удивляется и недоумѣваетъ. Промѣнять довольную жизнь въ барскомъ домѣ на жизнь труженника, жизнь, полную всяческихъ лишеній — какъ это должно быть странно и непонятно для филистеровъ. Потому для нихъ не можетъ быть понятнымъ и стремленіе новыхъ людей къ независимости, къ созданію себѣ самостоятельнаго положенія, хотя бы даже эта независимость, эта самостоятельность выкупались цѣною бѣдности, нищеты и лишеній. А между тѣмъ и это стремленіе новыхъ женщинъ также естественно и также реально, какъ и ихъ стремленіе къ «великому настоящему дѣлу». Человѣкъ, поставленный въ условія жизни пролетарія, т. е. неимѣющій другихъ источниковъ кромѣ личнаго труда и завоевывающій личнымъ трудомъ свое обезпеченіе, долженъ чувствовать гордость и уваженіе къ самому себѣ. Эта гордость и самоуваженіе заставляютъ его ревниво охранять свою самостоятельность; заставляютъ его соглашаться лучше на существенныя матеріальныя пожертвованія, чѣмъ подчиняться чьему бы то ни было произволу, чьей бы то ни было зависимости. Эта благородная гордость и это вполне основательное самоуваженіе заставляютъ новыхъ женщинъ искать труда внѣ дома родителей, родственниковъ, опекуновъ и благодѣтелей, гонить ихъ изъ теплаго домашняго угла, въ которомъ филистеръ такъ хорошо умѣетъ свить себѣ уютное гнѣздышко,—въ тѣ непривѣтныя,

рабочіе углы, гдѣ ихъ ожидаетъ и холодъ и голодъ и всяческія лишения и всяческая нужда. Филистеры ополчаются на нихъ за это и, вѣрные своему обыкновенному методу мышленія, объясняютъ это непонятное для нихъ бѣгство новыхъ женщинъ отъ теплаго домашняго очага, отъ дароваго (по ихъ мнѣнію) домашняго стола, — дѣтскою неразсчитливостью и глупымъ фантазерствомъ. Такое объясненіе, въ свою очередь, можно объяснить только крайнимъ невѣжествомъ филистеровъ по части психологій и совершеннымъ непониманіемъ характера новыхъ женщинъ.

Итакъ, Маша — пролетарій по условіямъ своего соціального существованія, но пролетарій, разившійся при особенно счастливыхъ, благоприятныхъ обстоятельствахъ, — поставлена авторомъ въ такія условія, при которыхъ изъ нея долженъ бы былъ образоваться идеальнѣйшій типъ новой женщины. Авторъ, повидимому, и смотритъ на свою героиню, какъ на такой типъ. Такъ и мы отчасти смотримъ на нее, потому что мы замѣчаемъ въ ней много чертъ, присущихъ характеру новой женщины. Но только отчасти. Рядомъ съ чертами новаго типа въ ней просвѣчиваютъ черты и другого характера, — характера барышень, выросшихъ въ душевной атмосферѣ самодовольнаго филистерскаго прозябанія. По всему видно, что авторъ не въ силахъ совладать съ новымъ типомъ, что онъ выше его пониманія, что буржуазныя тенденціи и филистерскіе взгляды на жизнь такъ глубоко засѣли въ собственную душу романиста, что онъ не могъ не удѣлить частички ихъ и «Живой душѣ», своей героинѣ. Но прежде, чѣмъ мы будемъ говорить объ этихъ буржуазныхъ чертахъ характера Маши, укажемъ на тѣ особенности «Живой души», которыя дѣлаютъ изъ нея «душу новой женщины».

На одну изъ этихъ особенностей мы уже указали. Маша не удовлетворяется тѣмъ, чѣмъ бы на ея мѣстѣ удовлетворилась всякая барышня, воспитанная на крѣпостныхъ хлѣбахъ. Живетъ она въ холѣ и довольствѣ, ее любятъ, ее не особенно стѣсняютъ, у нея много услужливыхъ знакомыхъ обоюго пола, у нея есть, наконецъ, женихъ, первый богачъ въ городѣ, красавецъ собою, влюбленъ въ нее до безумія. Но всего этого мало. Она недовольна своею жизнію, она недовольна собою, она недовольна окружающими ее людьми. Она настолько лучше и развитѣе ихъ, что понимаетъ всю ихъ мелочность и пустоту, всю мизерность ихъ цѣлей, всю бесплодность ихъ стремленій и словопрений: она, какъ и прообразъ ея Марья Николаевна Щетинина, хочетъ дѣйствовать, — хочетъ дѣлать «настоящее дѣло». Ей надоѣла балтовня, ей надоѣли сборы на приготовленіе

къ чему-то очень важному, — сборы и приготовленія, которые весь вѣкъ остаются одними только сборами и приготовленіями.

— Развѣ вамъ будущее не кажется свѣтло и хорошо? спросилъ ее однажды Михаилъ Яковлевичъ, тотъ самый богачъ и красавецъ, который пламенѣлъ къ ней любовью. А она отвѣтила ему на это:

— Все будущее — а настоящее? Все сборы одни! (Ч. I стр. 73).
А ей нужно было самага дѣла.

На первыхъ же страницахъ романа авторъ заставляетъ ее высказать публикѣ свои воззрѣнія на окружающихъ ее людей, на ихъ цѣли и стремленія. А такъ какъ эти воззрѣнія въ высшей степени характерны для опредѣленія собственныхъ стремленій героини, то мы считаемъ нужнымъ напомнить ихъ здѣсь нашимъ читателямъ. «Есть конецъ чтенію всякой книги, — пересказываетъ авторъ мысли Маши, — не всегда удовлетворяетъ природа; и къ чему ведетъ самый краснорѣчивый разговоръ? Онъ вѣдь долженъ къ чему нибудь вести? Можно ли одну и ту же книгу все читать сначала? Можно ли разговаривать все объ одномъ и томъ же? Всѣ эти знакомыя лица — чтимые люди, за всякаго она хваталась, во всякаго всматривалась съ сомнѣніемъ и надеждою, и всякаго печально выпускала, сама очень удивленная и глубоко огорченная. Надежда Сергѣевна ея родственница, она добрая и развѣтная женщина, понимаетъ всякія тонкости, — да, все это такъ, но сколько вопіющаго во всемъ разлада. Отчего же это? какъ можетъ, почему можетъ человекъ искренно оплакивать пошлости и не позже какъ черезъ часъ впадать въ худшія? что ждетъ другихъ? Полиньку, напримѣръ, что ждетъ ее самого лучшаго? Выучится понимать высокія вещи, читать умныя книги, знать будетъ, что свѣтъ пусть, что люди слабы и ничтожны, что женщины осуждены страдать, особенно тонко будетъ понимать любовь, особенно тщательно будетъ ее искать изъ любви у ней разыгрываться будутъ драмы; кончится любовь грустно — на всю жизнь задастъ ей горя безысходнаго, беспомощнаго; кончится любовь весело — счастье вмѣстѣ съ собою подаритъ какимъ-то застоємъ, какимъ-то усталымъ равнодушіемъ... какъ сталоь вотъ съ такою-то,.. или такою-то... А Ольга Парфировна? цѣлый вѣкъ проведетъ въ томъ, что будетъ утомлять свои горькія чувства, считать свои уязвленія и жертвы, принесенныя добродѣтели, какъ всѣ признанныя, но ни чѣмъ ненагражденныя страдальцы? А Павелъ Ивановичъ? Все будетъ говорить, говорить, — говорить и только? все сбѣ-

раться куда-то? все не нынче—завтра? А Камышева? Что дастъ ея умъ и ея сильный характеръ? Неужели только одну славу, что была умна и характерна, и что умъ и характеръ прошли безслѣдно, какъ и пройдетъ ея красота? А тотъ, кого ей прочать въ мужа, Михаилъ Яковлевичъ? Что онъ такое? Онъ и уменъ и честенъ и великодушенъ и даже твердъ и стоекъ; молодой, очень богатый, онъ не шель по дорогѣ молодыхъ богатыхъ людей, онъ, кажется, достоинъ и любви и уваженія и всего хорошаго, что ей мѣшаетъ предаться ему душою? Что? Она долго всматривалась въ это лицо, старалась вычитать, что скажутъ эти хорошіе, красивые глаза. Глаза глядѣли на нее, какъ всегда съ любовью и, казалось, говорили: «мы добрые глаза, мы честные. Вотъ наша жизнь: мы плавали отъ такой грусти, отъ страстной своей тоски, все по своимъ домашнимъ дѣламъ, а что за воротами творится, мы хотя то соображали и тѣмъ сокрушались, но не до горечи, не до той жгучей горечи, которая мѣшаетъ вольно дышать, — мы добрые, но простые глаза! А маленькая Катя? И она вѣдь какъ-то стала обращать свой умъ больше на вапризныя выходки, и она стала какъ-то утучняться и уже иногда глядѣла какимъ-то соннымъ взглядомъ». Такимъ образомъ все, за что Маша ни бралась, оказывалось несостоятельнымъ и никуда негоднымъ. А между тѣмъ каждый изъ названныхъ ею знакомыхъ считался въ своемъ кругу за человѣка во всѣхъ отношеніяхъ порядочнаго и даже недюжиннаго: каждый изъ нихъ въ дѣйствительности и былъ порядочнымъ и недюжиннымъ человѣкомъ, съ точки зрѣнія филистерской морали. Всѣ они были не глупы, не безчестны, платковъ изъ кармановъ не таскали, всему прекрасно сочувствовали, противъ дурного мысленно и даже словесно возмущались, вдовъ и сиротъ не грабили, денегъ въ ростъ не давали, никого, повидимому, не обижали и не задѣвали. Чего же лучше?

Но Маша понимала, что всѣ эти прекрасныя свойства ихъ души были прекрасны только въ ихъ глазахъ, что, въ сущности, это были пустоцвѣты, безъ сѣмянъ и запаха, что отъ нихъ никому не могло быть ни тепло, ни холодно. Что толку въ ихъ умѣ, въ ихъ честности, въ ихъ благородныхъ намѣреніяхъ, если и этотъ умъ и эта честность исключительно только обращаются на достиженіе узко-эгоистическихъ, себялюбивыхъ цѣлей, если эти намѣренія на вѣки вѣчные останутся одними только намѣреніями и никогда не осуществляются въ жизни. Она удивляется, какъ могутъ они примирять свои возвышенныя стремленія съ тою пошлою мѣ-

щанскою жизнью, которую они сами себя устроили. Она негодуешь на них за то, что они слишком пассивно, слишком вяло относятся къ тому, «что за воротами творится», что они «хотя объ этомъ соображаютъ и сокрушаются, но не до горечи, не до той жгучей горечи, которая мѣшаетъ вольно дышать». Иными словами, она сердится на них за то, что они, себялюбивые и самодовольные мѣщане, насквозь проникнутые стремленіемъ обезпечить свой личный комфортъ, и въ этомъ ничтожномъ комфортѣ усматривающіе единственную цѣль, единственную задачу своей жизни. Маша очень хорошо понимаетъ, что жизнь, преслѣдующая подобную задачу, не можетъ дать большого счастья; что она будетъ *скучною, пустою* жизнью. Мало того, она думаетъ, что даже любви, — любви, этого неисчерпаемаго родника всяческихъ утѣхъ и наслажденій, этого возвышеннаго, божественнаго чувства, этого лучшаго украшенія человѣческой жизни, по понятіямъ всѣхъ благомыслящихъ филистеровъ, — даже любви недостаточно для того, чтобы сдѣлать человѣка счастливымъ. Счастье, которое даритъ любовь, всегда сопровождается, по ея мнѣнію, «какимъ то застоємъ, какимъ то усталымъ равнодушіемъ». «Ну, положимъ, думаетъ она, полюблю я, выйду замужъ и найду самое завидное, какъ говорятъ, счастье. Но что это такое, это такъ называемое завидное счастье?»

Такимъ образомъ, новыхъ женщинъ не удовлетворяетъ ни любовь, ни счастье филистеровъ, ни ихъ узкая, эгоистическая дѣятельность. Критически относясь къ окружающей ихъ обстановкѣ, онѣ стремятся перенести эту критику изъ слова въ дѣло. Но какъ приняться за это дѣло, и въ чемъ оно должно состоять?— Вотъ тотъ роковой вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго тщетно ломала себя голову Марья Николаевна Щетинина и который навелъ и на Машу тоску и отчаяніе. Герония «Живой Души», какъ и герония «Труднаго времени», думала услышать отвѣтъ на него отъ своихъ знакомыхъ мужчинъ; только она обратилась къ нимъ съ требованіями болѣе опредѣленными, болѣе ясно сформулированными. Она хотѣла, чтобы ей указали на такую дѣятельность, которая привела бы къ уничтоженію всего того, что мучило и стѣсняло людей, что ихъ давило и опошляло, всего, что было въ жизни дурно, несправедливо и дико. Притомъ она хотѣла, чтобы ей показали ту дѣятельность не въ принципѣ, не въ теоріи только, а на практикѣ—она искала только дѣятеля, у котораго слово соединилось бы съ дѣломъ.—Женихъ ея, Михайлъ Яковлевичъ, по увѣренію романиста и героини романа (хотя изъ самаго романа этого

не видно), былъ уменъ, добръ и честенъ,—но, увѣ! онъ вмѣстѣ съ этимъ отличался слишкомъ благодушнымъ филистерствомъ для того, чтобы онъ могъ удовлетворить Машу. Машѣ онъ нравился,—быть можетъ, она немного даже любила его, она считала его самымъ лучшимъ человѣкомъ изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Для обыкновенной барышни всего этого было бы вполне достаточно, чтобы ни мало не колеблясь отдать свою руку и сердце этому богатому, красивому, умному и, вдобавокъ, еще пламенному обожателю; барышня не задумываясь отвѣтила бы «да» на его: «согласны ли вы быть моею женою»? И она поступила бы весьма благоразумно, и всякій благомыслящій человѣкъ одобрилъ бы ея выборъ, и даже завидовалъ бы ей. Но Маша отвѣтила «нѣтъ», и отказалась дѣлиться рукою и сердцемъ съ человѣкомъ, котораго она, безъ сомнѣнія, немножко любила. По крайней мѣрѣ, на его вопросъ: Вы меня не любите? она затруднилась дать положительный отвѣтъ и отвѣтила очень условно и очень политично: «Вѣроятно нѣтъ, хотя вы мнѣ дороги... очень... Я никого не знаю лучше васъ... и вы мнѣ всѣхъ ближе... но... но... я желаю чего-то невозможнаго, необыкновеннаго... я сама не знаю, отчего я не соглашаюсь быть вашею женою...» Но послѣ этого деликатнаго отказа, она весьма категорично, хотя и не совсемъ связно, объясняетъ ему настоящую причину: «То, продолжаетъ она, — на что всѣ у насъ собираются только въ будущемъ, мнѣ кажется можетъ быть теперь въ настоящемъ... Не надо только глядѣть со стороны, а надо взяться. *Я васъ очень люблю*, но я не согласна быть вашей женою... Я хочу другой жизни, совсемъ другой, — жизни настоящей, не на словахъ, не то, чтобы трогало только и волновало, не то, чтобы только голова болѣла отъ мыслей, а чтобы тѣло все ныло, какъ у настоящаго работника отъ настоящаго труда... чтобы не сидѣть калѣкою при дорогѣ... не лежать камнемъ... Я хочу этого, вправду хочу... Не то, чтобы пожелать, да и ждать, а хочу, какъ голодный хлѣба,—теперь, сейчасъ, только о томъ и думаю...»—

Понявъ въ чемъ дѣло, Михайлъ Яковлевичъ думалъ доѣхать ея краснорѣчіемъ. Авторъ даже не передаетъ того краснорѣчія, а просто объявляетъ, что «онъ заговорилъ и долго говорилъ». Говорилъ онъ ей «о ея стремленіяхъ и условіяхъ», «о возможности иной жизни»; «объ удушающей средѣ», «о подавляемыхъ добрыхъ силахъ», «о тяжести борьбы въ одиночку», «о страшномъ, нравственномъ усыпленіи общества». Авторъ завѣряетъ насъ, что «онъ говорилъ очень, очень хорошо; за каждымъ его словомъ можно было кричать:

«правда! правда!» Краснорѣчіе его трогало и волновало Ману: одинъ разъ она даже готова была протянуть ему руку «съ рѣшимостью отдаться этой любви», но въ эту критическую минуту въ ней сказался характеръ новой женщины. «Вы все это знаете, и до сихъ поръ... я все-таки не могу понять, какъ вы могли такъ жить до сихъ поръ, проговорила она, остановилась, помолчала и прибавила: зачѣмъ вы...» и не кончила фразы; но мы кончимъ за нее: «зачѣмъ вы, милый человѣкъ»,—должна бы она ему сказать, — съ такимъ циническимъ самодовольствомъ оплевываете свою собственную особу? Неужели вы не понимаете и не догадываетесь, что человѣкъ, который видитъ и даже чувствуетъ страданія своихъ ближнихъ, который видитъ порождающія ихъ причины, который знаетъ, что причины эти устранимы, знаетъ и то, какимъ образомъ ихъ можно устранить, и который, однако, ничего не дѣлаетъ и не предпринимаетъ для ихъ устраненія, который сидитъ сложа руки и равнодушно смотритъ, какъ люди мучатся, борются, падаютъ и погибаютъ, — что такой человѣкъ вполнѣ заслуживаетъ названія, по меньшей мѣрѣ, идиота. А если онъ еще осмѣливается плакаться и пускаться въ краснорѣчивыя сожалѣнія, по поводу меньшей братіи, — то онъ, въ своей трусливой гадливости присоединяетъ нахальное лицемѣріе. Человѣкъ дѣйствительно, а не поддѣльно, скорбящій о меньшей братіи никогда не станетъ относиться съ тою пассивностью, съ тѣмъ барскимъ индифферентизмомъ, съ какимъ вы къ ней относились, потому что вы до сихъ поръ пальцемъ о палецъ не пошевелили, чтобы улучшить положеніе бѣдной братіи. Вы говорите, будто одинъ—въ полѣ не воинъ. Вздоръ, это пустая отговорка. Если вы раньше другихъ увидѣли пожаръ, неужели вы будете сидѣть сложа руки, оправдывая свое бездѣйствіе тѣмъ, «что, молъ, одинъ пожаръ не затушишь»? Нѣтъ, вы должны кричать, звать на помощь, и если помощь не явится, вы должны употребить всѣ отъ васъ зависящія мѣры къ прекращенію пожара. Можетъ быть, эти мѣры останутся бесполезными и вамъ не удастся потушить огня, но вы все-таки должны попытаться. Въ противномъ случаѣ, на вашу отвѣтственность падетъ дальнѣйшее распространеніе пламени. Васъ будутъ даже судить какъ соучастника въ поджогахъ, если окажется, что первоначальной причиною пожара былъ поджогъ?

V.

Неудовлетворенная окружающею ее дѣйствительностью, не будучи въ силахъ помириться съ мелкими цѣлями и пошлыми интересами филистерскаго существованія, стремясь къ широкой, человѣческой дѣятельности, къ «настоящему» дѣлу, и не находя никого, кто бы могъ указать ей это дѣло, ввести въ эту дѣятельность, — Маша скучала, томилась и страдала.

» Объясняя такимъ образомъ тоску и томленіе Маши, мы основываемся на ея собственныхъ мысляхъ и на ея разговорахъ съ Михаиломъ Яковлевичемъ, цитированныхъ нами выше. Но авторъ романа не вполне съ нами согласенъ; онъ объясняетъ тоску своей героини совершенно иначе и объясняетъ именно такъ, какъ бы объяснилъ ее любой изъ самыхъ тупоумнѣйшихъ филистеровъ. По его мнѣнію, Маша скучала оттого, что она чувствовала потребность любить и не находила предмета, достойнаго своей любви. Повѣствуя о сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ, мучившихъ его героиню, онъ говоритъ. «Да, хорошо бы было, если бы прошли всѣ эти недоумѣнія и сомнѣнія, а на ихъ мѣсто одна бы любовь... Любить когонибудь, любить до того... до того, чтобы приклониться къ его плечу усталой головой и вдругъ глубоко почувствовать всѣмъ существомъ своимъ, что жизнь, не смотря на всѣ бѣды, напасти, противорѣчія и непрочность, все-таки несравненное благо» и т. д. (стр. 57, ч. I). И это говоритъ не авторъ отъ себя, — нѣтъ, онъ увѣряетъ насъ, будто такъ думаетъ его героиня. Какъ, неужели такъ думаетъ та самая Маша, которая, за нѣсколько страницъ передъ этимъ, скептически относилась къ блаженству любви и сожалѣла женщинъ, видящихъ въ ней все свое счастье, которая съ сомнѣніемъ спрашивала себя: «ну, положимъ, полюблю я, выйду замужъ, и пойдетъ самое завидное, какъ говорятъ, счастье. Но что это такое, такъ называемое завидное счастье?» (стр. 29). И теперь эта же самая Маша говоритъ, «будто только тогда поймешь, что жизнь благо, когда полюбишь, будто любовь избавитъ ее отъ всѣхъ ея сомнѣній, недоумѣній, рѣшить всѣ ея нерѣшенные вопросы, покажетъ ей, гдѣ тотъ кладъ, который она не находила нигдѣ» (стр. 58). Очевидно, что авторъ не понималъ того типа, который онъ вздумалъ изображать. Ему удалось уловить только нѣ-

которыя его черты, — онъ воспроизвелъ ихъ довольно вѣрно, но это его не удовлетворило и онъ счелъ своимъ долгомъ подмалевать ихъ своею суздальскою кистью. Онъ думалъ, быть можетъ, что этими самодѣльными красками онъ поправитъ и украситъ картину, но, на самомъ дѣлѣ, онъ ее исказилъ и обезобразилъ, самъ того не видя, поступивъ въ этомъ случаѣ какъ тотъ извѣстный маляръ, которому поручено было вычистить дорогую копію съ Рафаэлевской Мадонны. Вычистивъ ее, маляръ на этомъ не остановился; ему показалось, что все-таки Мадонна не такъ хороша, какъ бы она должна быть; и вотъ онъ началъ поправлять Рафаэля: вздернулъ немножко носъ, укоротилъ губы, подкрасилъ волосы, и что же? вмѣсто прелестной Мадонны на картинѣ очутилась какая-то невообразимая уродина, какъ двѣ капли воды похожая на законную супругу остроумнаго маляра. Почти такую же точно операцію произвела и г-жа Марко-Вовчекъ надъ непонятнымъ ею типомъ новой женщины.

Дѣвушка, скужающая о томъ, что не находитъ себѣ предмета любви, видящая въ любви примиреніе и разрѣшеніе всѣхъ своихъ сомнѣній и недоумѣній, мечтающая о томъ, «какъ бы привлечь усталую головкою къ плечу» какого нибудь мужички: — такая дѣвушка не имѣетъ ничего общаго съ новою женщиною. Это *барышня*; это милый *цвѣтокъ*, выросшій на почвѣ буржуазнаго прозябанія, это «небесная радость и утѣшеніе» филистерскаго очага; это — все, что хотите, но это не та мыслящая и энергическая женщина, которая выработала свой характеръ подъ вліяніемъ указанныхъ нами въ началѣ статьи соціальныхъ и экономическихъ условій своего существованія. Близорукіе глаза филистера легко могутъ смѣшать оба характера, потому что, по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ, они во многомъ сходны. Барышня также точно скучаетъ, ноетъ и томится, какъ скучаетъ, ноетъ и томится и новая женщина; также *чего-то* ищетъ, къ *чему-то* стремится, и очень любитъ помечтать объ этомъ неопредѣленномъ *ничто*, особенно въ уединенномъ саду, да еще при свѣтѣ луны. Сначала она тоже никакъ не можетъ дать себѣ отчета, что это за «ничто», хотя она уже инстинктивно понимаетъ, гдѣ его нужно искать, и потому никакими знакомствами съ мужчинами не брезгаетъ. Вотъ ей приглянулось смазливое личико, она услышала прозаическія варіаціи на тему: «ты для меня душа и сила», и всякая неопредѣленность въ этомъ «ничто» исчезаетъ, и мечта принимаетъ видъ какого нибудь франтика въ кепи, или франтика въ цилиндрѣ, смотря по обстоятельствамъ. Безотчетная тоска и

томленіе превращаются въ весьма опредѣленную и сознательную тревогу: любить ли? женится ли? А когда, наконецъ, и на эти мучительные вопросы получится успокоительный отвѣтъ, когда барышня нагляднымъ образомъ убѣдится, что ее «любятъ и женятся», тогда время нытья, скорби и сокрушенія исчезаютъ сами собою и, на ихъ мѣсто, является радость, веселье, поцѣлуи и счастливый бракъ.

Тоска же и безотчетное стремленіе новыхъ женщинъ, какъ мы объяснили выше, обуславливаются совершенно другими причинами, другими мотивами. Эти мотивы такъ же реальны, такъ же естественны и также могущественны, какъ и тѣ, которые лежатъ въ основѣ мечтательнаго идеализма скучающихъ барышень. Они выработались подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ экономическихъ условийъ жизни, въ которыя поставлена современная женщина нашихъ среднихъ интеллигентныхъ классовъ.

Смѣшивать эти двѣ совершенно различныя категоріи мотивовъ также нелѣпо и неосновательно, какъ, напримѣръ, смѣшивать отношенія къ окружающимъ явленіямъ молодого поколѣнія и отживающаго поколѣнія старцевъ-идеалистовъ. И молодое поколѣніе недовольно окружающею его дѣйствительностью, и старики-идеалисты недовольны ею; и тѣ и другіе относятся къ ней отрицательно, но какая разница между взглядами тѣхъ и другихъ. Первые сознательно смотрятъ на окружающую ихъ дѣйствительную жизнь, требуютъ отъ нея не «сладкихъ вздоховъ и молитвъ», а реального и опредѣленнаго удовлетворенія своимъ человѣческимъ желаніямъ, ищутъ въ ней труда и содержанія, а не пустоты и милаго бездѣльничанья. Иначе смотрятъ на жизнь молодые старцы и старые юноши, которые ноютъ и брюзжатъ отъ пресыщенія, отъ романической скуки, въ которую драпировались самодовольные откупщики, прикидываясь чуть не Манфредами. Смѣшивать эти два, по внѣшнимъ своимъ признакамъ, весьма схожія отношенія съ явленіями окружающей жизни—называть безразлично и то и другое критическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности, повторяемъ опять, могутъ только люди крайне недалъновидные, люди непонимающіе ни истиннаго смысла дѣятельности и направленія молодого поколѣнія, ни истинныхъ причинъ и мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ брюзжатъ и негодуютъ разочарованные отъ объѣденія старцы. Точно также не понимаютъ ни сущности характера новыхъ женщинъ, ни существенныхъ отличій его отъ типа барышни и тѣ, которые, подобно ав-

тору «Живой души», смѣшиваютъ причину тоски и неудовлетворенности первыхъ съ причинами тоски и неудовлетворенности вторыхъ.

Но буржуазныя поползновенія автора романа не ограничиваются тѣмъ только, что онъ заставляетъ свою героиню мечтать о любви и о «плечѣ» своего предмета, подобно нанвной барышнѣ, только что выпущенной изъ Смольнаго института; онъ и дѣйствовать-то ее заставляетъ, какъ настоящую институтку; онъ дѣлаетъ ее героинею пошлѣйшаго изъ пошлѣйшихъ мѣщанскихъ романовъ.

Маша, не смотря на всѣ благопріятныя условія своего развитія, сама, по собственной инициативѣ, была не въ силахъ разрѣшить мучившаго ее вопроса: что дѣлать и какъ дѣлать? Она думала найти отвѣтъ на него въ дѣятельности знакомыхъ ей мужчинъ, но ничего не нашла, кромѣ бесплоднаго фразерства и столь же бесплоднаго топтанія на одномъ мѣстѣ. Это обстоятельство, какъ мы видѣли, приводило ее въ уныніе и богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось это уныніе, если бы авторъ не послалъ, ей въ лицѣ Загайнаго, такого именно человѣка, какового она искала, — «человѣка, который соединялъ слово съ дѣломъ и который дѣлалъ настоящее, великое дѣло.» Встрѣтившись съ такимъ человѣкомъ, новая женщина братски протянула бы ему руку и стала бы работать вмѣстѣ съ нимъ; при этомъ, на первомъ планѣ было бы дѣло, а любовь и всякія другія постороннія соображенія и мотивы отодвинулись бы на второй: ихъ даже могло бы и совсѣмъ не быть, это было бы даже и лучше, для того, чтобы попусту не пугать и не смущать непроницательныхъ читателей. Но авторъ «Живой души» поступилъ совершенно наоборотъ. Главный мотивъ, который долженъ былъ бы руководить новою женщиною, онъ скрылъ, а мотивъ второстепенный и чисто-случайный выдвинулъ на первый планъ. Маша отдалась Загайному и стала работать вмѣстѣ съ нимъ, не потому, что она оцѣнила и поняла всю важность его дѣла, а просто потому, что она влюбилась въ него. Но, можетъ быть, она и влюбилась въ него именно потому, что она поняла и оцѣнила всю плодотворность его дѣятельности, всю великость его дѣла? Это было бы, конечно, лучше, и значительно смягчило бы мѣщанскій колоритъ романа, но нѣтъ, этого не было. Маша влюбилась въ Загайнаго внезапно, съ того самого момента, какъ она его увидѣла, прежде даже чѣмъ она заговорила съ нимъ, прежде даже чѣмъ она узнала, что это за человѣкъ, чего онъ хочетъ и къ чему онъ стремится. Едва только Загайный вошелъ въ комнату и былъ представленъ

Надеждѣ Сергѣевнѣ, едва только онъ произнесъ: «Миѣ вашъ городъ знакомъ, я бывалъ здѣсь мальчикомъ»,—Машѣ, говоритъ авторъ, «мечъ прошелъ душу» (ч. II стр. 294). «Она почувствовала глубокую, духъ захватывающую радость и какое-то обаятельное, до сихъ поръ неиспытанное смятеніе; словно новая, живая волна жизни обхватила ее».—«Всю ночь», повѣствуетъ далѣе романпстъ, «она не спала и даже не ложилась, а сидѣла у окна, подперши голову руками. Иногда крупныя, тихія слезы катились по ея лицу; ей дѣлалось легко и вольно, какъ послѣ темницы, на свѣжемъ, живительномъ воздухѣ и новое незнакомое чувство блаженства разливалось по всему ея существу; иногда она клонилась (?) подъ этимъ чувствомъ блаженства, какъ подъ громадную, непривычную ношею, и ей казалось, что грудь у нея разорвется отъ полноты этого переходящаго въ сладкую, мучительную, почти нестерпимую боль (?), чувства блаженства. *Впервые видный, но уже драгоцѣнный образъ носился передъ нею точно весь изъ огня и свѣта. Она ничего не спрашивала у него, ничего не говорила ему, не разбирала, не разсуждала, она, такъ сказать, только вѣрила*» (стр. 296). Такою беззавѣтною, безотчетною, такою, можно сказать, чисто животною любовью любятъ обыкновенно барышни, у которыхъ чувственная сторона преобладаетъ надъ интеллектуальною. Ихъ, и только однихъ ихъ—а отнюдь не женщинъ новаго типа,--можетъ воспламенить «убійственный» взглядъ или «убійственный» башъ какогонибудь усастаго и бородастаго сердцесокрушителя; новая женщина, да и вообще всякая женщина, скинувшая платье институтки, прежде чѣмъ воспламенится любовью къ усастому и бородастому сердцесокрушителю, пожелаетъ предварительно узнать, имѣетъ ли этотъ сердцесокрушитель какія нибудь другія достоинства, помимо усовъ и бороды. Хотя, конечно, наружность человѣка, его голосъ, лицо и т. п. и играютъ весьма видную роль при возбужденіи чувства любви, но нельзя же допустить, будто они имѣютъ значеніе самыхъ важныхъ, такъ сказать, рѣшающихъ моментовъ. И чѣмъ болѣе развита женщина, чѣмъ болѣе въ ней преобладаютъ интересы и побужденія человѣка надъ интересами и побужденіями самки, тѣмъ менѣе подчиняется она вліянію этихъ моментовъ, тѣмъ *человѣчнѣе* относится она къ мужчинамъ. Любовь, которой воспылала «Живая душа» къ Загайному, не имѣетъ въ себѣ ничего разумнаго; это любовь животная, любовь, вызываемая не степенью психическаго развитія, не психическими интересами влюбленныхъ лицъ, а условіями чисто-фізіологическими, которыя не

могли имѣть ничего общаго съ первыми; мы не отвергаемъ возможность такой любви между новыми людьми, но мы утверждаемъ, что она не имѣетъ и не можетъ имѣть въ ихъ жизни того громаднаго, всепоглощающаго значенія, того рѣшительнаго вліянія, какое она имѣетъ и должна имѣть въ жизни кисейныхъ барышень. И къ чему вводить въ романъ новой женщины эту любовь?

Романисты наши привыкли смотрѣть на женщину исключительно, какъ на самку, потому они твердо, непоколебимо убѣждены, что чувство любви должно составлять существеннѣйшій и преобладающій интересъ ея жизни, они не могутъ представить себѣ, чтобъ женщина могла имѣть какую нибудь другую цѣль, кромѣ цѣли влюбиться, они не въ силахъ понять, чтобы высшее счастье женщины могло заключаться въ чемъ нибудь другомъ, а не въ любви; они не въ состояніи выдумать ни одного романа, ни одной повѣсти, героиня которой не «пшлала» бы и не «пламенила» бы къ какому нибудь герою. Не они, разумѣется, выдумали такой филистерскій взглядъ на женщину—они служатъ только эхомъ мнѣній и взглядовъ, господствующихъ на этотъ счетъ въ нашемъ обществѣ.

Романисты и беллетристы, выросшіе и воспитавшіеся среди понятій крѣпостнаго быта, отъ юности своей усвоившіе себѣ возрѣнія и идеалы мѣщанскаго комфорта не могли изображать женщину иначе, какъ въ видѣ вѣчно-влюбленныхъ героинь. И что это за любовь! Взглянула—и полюбила; прикоснулась—и воспламенилась. И дѣйствительно, всѣ произведенія этихъ романистовъ, поэтическихъ и прозаическихъ, представляютъ собою только безличныя, крайне однообразныя варіанціи на тему: «она увидѣла и полюбила».—Все это было прежде въ порядкѣ вещей, иначе и быть не могло. Но то, что годилось и было вполне естественно и законно при существованіи крѣпостнаго права, совсѣмъ уже не годится и совсѣмъ неестественно при новыхъ условіяхъ нашей экономической жизни. При крѣпостномъ правѣ было естественно вослѣвовать сладость барщиннаго труда, восхищаться идилліею патріархальныхъ отношеній господина къ рабу, но теперь навязывать обществу идеалы, выработанныя крѣпостнической идилліей, это значить не понимать условій и требованій современной жизни, это значить пытаться вернуть общество къ крѣпостному ярму, дѣйствовать въ интересахъ отживающей крѣпостной системы, въ духѣ тьмы, невѣжества и рутинны. Потому мы снова повторимъ, что авторъ «Живой души» не понялъ характера новой женщины и псказилъ его самымъ безжалостнымъ образомъ. Общая мо-

раль романа таже, что и въ разобранныхъ нами прежде (Люди будущаго и герои мѣщанства) романахъ Жоржъ-Зандъ и Андре Лер. Любовь — *все счастье, все блаженство* женщины; безъ любви ея жизнь полна тоски, скуки и томленія, но чуть только «священный огонь» восплаесть, скука, тоска и томленіе мгновенно исчезаютъ, цѣль жизни проясняется, все существованіе женщины осмысливается—я радости и веселью нѣтъ конца. Любовь вселила въ Машу бодрость и энергію, благодаря которымъ она рѣшилась, наконецъ, порвать узы, связывавшія ее съ родственницей-благодѣтельницей, оставить ея домъ и начать трудовую, самостоятельную жизнь пролетарія; любовь дала ей силы мужественно переносить лишенія и неприятности, которыя она встрѣтила въ своемъ беззащитномъ одиночествѣ, наконецъ любовь же привела ее и окунула, какъ говоритъ самъ авторъ, «въ цѣлую рѣку той сказочной, волшебной «живой воды», одними легкими брызгами воскрешающей человѣка изъ мертвыхъ и придающей ему такую чудесную силу и крѣпость, такую живучесть, веселье и бодрость, передъ которыми блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ житейскіе страхи и ужасы» (стр. 230, Ч. III). Вотъ какими удивительными свойствами обладаетъ любовь. Это настоящій жизненный эликсиръ, которымъ можно разомъ излечивать всѣ девять египетскихъ проказъ. Только пусть въ этой «живой водѣ» купаются праздныя, вѣчно вздыхающія и ни о чемъ недумающія барышни, а женщины мыслящія не нуждаются въ этомъ любовномъ эликсирѣ, онѣ и безъ него сумѣютъ сохранить крѣпость и силу духа, веселость и бодрость, «передъ которыми блѣднѣютъ и исчезаютъ всѣ житейскіе страхи и ужасы».

VI.

Теперь мы переходимъ къ одной изъ героинь романа г. Авдѣва «Между двухъ огней». Конечно, читатель догадывается, что мы поведемъ здѣсь рѣчь не о героинѣ № 1 Ольгѣ Федоровнѣ Мыгищевой, представительницѣ высшей породы, которая можетъ сводить съума престарѣлыхъ старцевъ, въ родѣ г. Гогенфельда или г. Камышлянцева—героя романа, но о которой мы ничего не можемъ сказать, какъ только то, что она на счетъ мужскаго пола слабость маленькую имѣла. Была ли какая нибудь надобность воспѣвать хвалеб-

ные гимны этой весьма обыкновенной и отнюдь не героической слабости и стоило ли, ради нея, возводить Ольгу Федоровну въ героини романа, объ этомъ мы здѣсь скромно умолчимъ, потому что, въ свою очередь, не видимъ ни малѣйшей надобности заниматься здѣсь теоретическими воззрѣніями и идеалами г. Авдѣева. Г. Авдѣевъ выразилъ свое міросозерцаніе на женщину и разнаго рода общественныя явленія во взглядахъ, мысляхъ и діалогахъ своего героя Камышлинцева; взгляды, мысли и діалоги этого героя, въ чинѣ титулярнаго совѣтника въ отставкѣ, — блещутъ такимъ умственнымъ убожествомъ, такую неподдѣльную и непосредственную глупостью, что мы считаемъ даже всякую полемику съ ними дѣломъ неприличнымъ и для читателей нашихъ просто обиднымъ. Потому мы проходимъ ихъ молчаніемъ и останавливаемъ вниманіе читателя на героинѣ № 2—Аннѣ Ивановнѣ Барсуковой.

Въ Аннѣ Ивановнѣ Барсуковой г. Авдѣевъ силится изобразить одну изъ «новыхъ». Рисуя этотъ характеръ, романистъ-помѣщикъ (помѣщикъ по понятіямъ, разумѣется; общественнаго положенія г. Авдѣева мы не знаемъ), хочетъ какъ бы отдать дань требованіямъ современной жизни. Но... *Timeo Danaos et dona ferentes*; дань никогда не платится отъ чистаго сердца, и если дары данайцевъ подозрительны, то еще болѣе подозрительна искренность человѣка, рѣшившагося воздать должную справедливость тому, чего онъ не понимаетъ или чему онъ не симпатизируетъ.

Дѣйствительно, и въ романѣ г. Авдѣева, какъ и въ романѣ г. Марко-Вовчка, новая женщина вышла выкроенною по старой мѣркѣ мѣщанской барышни. Г. Авдѣевъ, надо отдать ему справедливость, не старался исказить и обуржуазить характеръ новой женщины, подобно автору «Живой души», но онъ понялъ его крайне узко, мѣщански, крайне-односторонне. Онъ схватилъ только одну его черту, — черту, которая, конечно, всего скорѣе должна броситься въ глаза добродушному буржуа, но которая однако не составляетъ основной сущности этого характера. Мы говорили уже, что новая женщина, попавшая случайно въ условія, противорѣчащія ея стремленію къ свободѣ и самостоятельности, ставящія ее къ окружающимъ лицамъ въ зависима, подчиненныя отношенія, прежде всего старается выйдти изъ этихъ условій и стать въ положеніе, хотя бы и худшее въ матеріальномъ отношеніи, но за то ни отъ кого независимое. Вѣрно подмѣтивъ эту черту, г. Авдѣевъ вообразилъ, что въ ней одной и заключается вся суть дѣла и что достаточно изобразить женщину съ сильными стремленіями къ самостоя-

«Дѣло», № 10. 2

ятельности, женщину, покидающую родительскій домъ и заводящую швейную мастерскую, одѣвающуюся скромно, неуважающую роскоши, читающую книжки и носящую башлыкъ,—чтобы и вышла новая женщина. Нѣтъ, этого немножко мало. Дѣйствительно, новая женщина не терпитъ пассивной зависимости, она стремится къ экономической самостоятельности, она одѣвается скромно, она не любитъ роскоши, читаетъ разнаго рода книжки и носить башлыкъ; но если бы только этимъ и ограничивались тѣ особенности, которыя отличаютъ ее отъ обыкновенныхъ барышень, то мы бы объ ней и не говорили, потому что мы не считаемъ эти особенности чѣмъ-то существеннымъ. Правда, онѣ составляютъ нѣкоторый прогрессъ въ развитіи характера барышни, но онѣ не измѣняютъ его сущности; руководящимъ мотивомъ, по прежнему, остается узко-эгоистическое соображеніе о личномъ комфортѣ, удобствѣ и довольствѣ. Только тамъ, гдѣ этотъ мотивъ смѣняется другимъ болѣе человѣчнымъ, болѣе разумнымъ стремленіемъ къ возможно-полнѣйшему осуществленію счастья всѣхъ ближнихъ, стремленіемъ, выработавшимся подъ вліяніемъ ясно-сознанной, прочувствованной идеи солидарности человѣческихъ интересовъ, только тамъ, только въ этомъ пунктѣ можно провести рѣзкую границу между характеромъ барышни и новой женщины. Перешла ли нѣтъ эту границу Анна Ивановна—изъ романа этого не видно, а то, что говорится объ ней въ романѣ, не даетъ намъ права дѣлать заключеній ни за, ни противъ.

Однако у Анны Ивановны есть то бессознательное стремленіе къ какому-то дѣлу, о которомъ мы говорили при разборѣ характера Марьи Николаевны Щетининой. Въ первомъ своемъ разговорѣ съ кретиномъ Камышлинцевымъ она говоритъ: «тянетъ къ чему-то, отдалась бы вся чему нибудь, и не знаешь». На это наивное признаніе кретинъ отвѣчалъ ей такъ, какъ и подобало отвѣчать кретину: «А еще хуже,» тихо проговорилъ онъ, посмотрѣвъ на Барсукову, «если и знаешь, да не можешь».

Обстановка, окружавшая Анну Ивановну, и узкая сфера ея дѣятельности, не удовлетворяли ее. Съ отгѣнкомъ худо скрытой проини отвѣчаетъ она Камышлинцеву, предложившему ей вопросъ: что она подѣлывала въ его отсутствіе?—«Да тоже, что и прежде. Дома хозяйничаю немножко, да шью. Дарья Степановна иногда присылаетъ, съ ней что нибудь работаю». — «Вы всегда заняты?» — «Почти, я привыкла всегда что нибудь да дѣлать». — «Счастливая женщина», замѣтилъ, какъ бы про себя, Камышлинцевъ. Глупѣе

этого замѣчанія трудно что нибудь и выдумать. Дѣвушка рисуешь ему картину своей пошлой, однообразной мѣщанской жизни, а онъ восхищается ея счастьемъ! Такая неожиданная глупость должна была, разумѣется, сильно озадачить Анну Ивановну. «Я не жалуюсь», отвѣтила она своему неловкому кавалеру, «но чему же вы нашли завидовать?»—«Какъ не завидовать», сталъ оправдываться герой г. Авдѣева, — «дѣло у васъ есть, а главное вы имъ удовлетворяетесь!»—Барсукова покраснѣла, такое предположеніе показалось ей обиднымъ, и она рѣшилась вывести своего кавалера, какъ говорится, на чистую воду.—«Вы находите, можетъ быть», сказала она ему, «что я довольствуюсь слишкомъ малымъ? Рада бы и большому, да гдѣ же и въ чемъ оно? Назовите!» И какъ вы полагаете, что отвѣтилъ ей этотъ удивительный герой, достойный соперникъ Рязанова по части разговоровъ съ женщинами. Онъ сказалъ ей:—«Да, бездѣлицу вы спрашиваете: женская дѣятельность. У насъ и мужскую-то не знаешь куда дѣть».—«Вотъ видите ли, сръзала его Барсукова, вы и читали много и много видѣли, а не даете отвѣта. Гдѣ же мнѣ-то, деревенской дѣвушкѣ, найти его?»

Однако, она искала его; искала какъ умѣла, и то, что она нашла, нашла сама, безъ всякой посторонней помощи и инициативы. Единственный мужчина, къ которому она могла обратиться за совѣтомъ, былъ Камышлинцевъ; но онъ былъ такъ глупъ, что совѣта ей никакого не только разумнаго, но даже и неразумнаго дать не могъ. На ея вопросъ: что дѣлать?—онъ отвѣчалъ глубоко-мысленно: «Есть вопросы, которые трудно разрѣшать по двумъ причинамъ: во-первыхъ, они сами по себѣ затруднительны, во-вторыхъ не могутъ быть разрѣшены нѣсколькими словами (кто же вамъ велитъ скупиться на слова?). У насъ вообще жизнь не представляетъ удобства къ широкой дѣятельности, а самая дѣятельность можетъ быть направлена такъ разнообразно, что назвать ей одну задачу, значить исключить тысячи. Впрочемъ, мнѣ кажется, всякая дѣятельность почтенна, если она производительна» и т. д. (стр. 14). Если бы Камышлинцевъ просто сказалъ: вашъ вопросъ мнѣ не под силу, я не могу и не берусь рѣшать его, онъ поступилъ бы, если и не особенно умно, то во всякомъ случаѣ честно. Но онъ хотѣлъ порисоваться передъ Барсуковой превосходствомъ своего умственнаго развитія и показать ей, что онъ все можетъ разрѣшить и на все можетъ отвѣтить. Однако, въ своемъ жалкомъ самообольщеніи, онъ не замѣтилъ, что, вмѣсто серьезнаго отвѣта на серьезный вопросъ, онъ повторилъ только одно изъ самыхъ пошлѣйшихъ и

нелѣпѣйшихъ правилъ дѣтскихъ проищей. Она его спросила, что дѣлать, а онъ ей въ отвѣтъ: «дѣятельностей всякихъ много, и всякая дѣятельность почтенна, если она производительна». О, великая истина! Но что такое производительная дѣятельность? Если подѣ ею подразумѣвать (какъ это обыкновенно и дѣлается) всякую дѣятельность, болѣе или менѣе полезную,—въ такомъ случаѣ пусть бы намъ указалъ Камышлинцевъ, какая дѣятельность не почтенна? И воротнички вышивать, и огурцы солить, и кушанья стряпать, и рыбу удить, и за звѣрями и птицами охотиться — все это дѣятельности почтенныя, высоко-почтенныя. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что ихъ нужно всѣмъ рекомендовать? Развѣ то, что дѣлается людьми, можетъ быть когда нибудь абсолютно-безполезно. Всякая дѣятельность *относительно* полезна, и потому каждый человѣкъ обязанъ стремиться по мѣрѣ своихъ силъ и возможности не къ полезной дѣятельности вообще, а къ *наиболѣе полезной*;—если его силы дозволяютъ ему таскать камни, а онъ возится съ мусоромъ — онъ поступаетъ анти-соціально, онъ нарушаетъ основные принципы человѣческаго общежитія, онъ разстраиваетъ солидарность общественныхъ интересовъ, онъ совершаетъ великій грѣхъ противъ всего общества. Вотъ эту-то истину, а совсѣмъ не ту, которая гласитъ, будто всякая дѣятельность почтенна, слѣдуетъ какъ можно чаще повторять всѣмъ и каждому, женщинамъ и мужчинамъ, ощущающимъ потребность что нибудь дѣлать, чѣмъ нибудь заняться. И если бы она чаще повторялась, и ее бы чаще слушали, тогда, быть можетъ, мы не имѣли бы удовольствія видѣть взрослыхъ, исполняющихъ работы дѣтей, сильныхъ, исполняющихъ работы слабыхъ, мыслящихъ людей, добровольно превращающихъ себя въ швейныя, писальныя и всякія другія машины. Тогда, быть можетъ, большинство рабочихъ карьеръ не оканчивалось бы такимъ пошло-мѣщанскимъ образомъ, какимъ оно оканчивается теперь. Вобьютъ человѣку отъ юности его въ голову, будто всякая производительная дѣятельность почтенна, онъ и не заботится много о выборѣ: что сподручнѣе и что легче, за то первое и хвѣтается. Сподручнѣе служить — онъ служить пойдетъ, сподручнѣе шить — онъ шить начнетъ, сподручнѣе торговать или деньги въ ростъ отдавать — онъ и торговать станетъ и деньги въ ростъ будетъ отдавать. Все полезно, все пріемлется, чего же лучше? за чѣмъ же брезгать?

Однако, люди не замѣчаютъ, что, благодаря этой успокоительной философіи лѣни и тупоумія, они стоятъ на одномъ мѣстѣ де-

сятки тысяч вѣковъ; они воображали, будто они сравниваютъ и разчищаютъ дорогу, — но это иллюзія; въ сущности они только утаптываютъ небольшой клочекъ земли, окруженный какимъ-то заколдованнымъ кругомъ, и этого круга они не въ силахъ переступить.

Если бы Аннѣ Ивановнѣ посчастливилось встрѣтить человѣка не только болѣе развитаго и энергичнаго, то очень можетъ быть, что она, при своей настойчивости, при своемъ страстномъ желаніи «всей отдаться» дѣлу, — нашла бы какой нибудь другой выходъ изъ своего положенія. Собственнымъ же умомъ она додумалась до швейной артели, въ ней она усмотрѣла то дѣло, котораго жаждала, черезъ нее она хотѣла вырваться на божій, вольный свѣтъ, на чистый воздухъ. «Вѣдь это несносно быть вѣкъ подъ опекою,» — говорила она Камышлинцову, — «положимъ, хоть и подъ очень мягкой опекою, и постоянно считаться несовершеннѣе. Отъ этого мы, русскія женщины и непрактичны и мало развиты. Мнѣ просто душно въ семьѣ; я хочу жить своимъ умомъ и на свободѣ!» Вотъ вамъ, въ подлинникъ, тотъ мотивъ, который заставляетъ современную женщину бѣжать отъ домашняго очага: она хочетъ жить своимъ умомъ, она хочетъ жить на свободѣ, она не хочетъ быть вѣчно несовершеннѣе! Это первое, могущественное проявленіе сознанія своей силы.

Барсукова дѣйствовала энергично и практично, и потому безъ особыхъ затрудненій высвободилась изъ подъ отцовской ферулы, и пренебрегая городскими сплетнями и толками, открыла швейный магазинъ (не на артельныхъ, однако, началахъ, а просто на хозяйскихъ), къ стыду и ужасу окрестнаго дворянства. Такимъ образомъ она завоевала себѣ экономическую самостоятельность, и завоевала собственными усиліями, по собственной инициативѣ, безъ всякихъ любовныхъ стимуловъ и подстрекательствъ. Она дѣйствовала въ этомъ случаѣ какъ настоящій человѣкъ, и это уже утѣшительно; утѣшительно, что романистъ, воспѣвающій доблесть разныхъ г-жъ Мытищевыхъ и гг. Камышлинцевыхъ, допускаетъ все-таки возможность для женщины поступать иногда по-человѣчески.

Однако, какъ мы уже сказали, только этою стороною своей дѣятельности, только этою чертою своего характера, Барсукова напоминаетъ намъ типъ новой женщины. Дальнѣйшая ея исторія оттѣнена безличнымъ мѣщанскимъ колоритомъ; очевидно, она сформировалась подъ вліяніемъ отсталыхъ, крѣпостническихъ понятій о женщинѣ и ея назначеніи, — тѣхъ понятій, которыя сбили

съ толку и Марко-Вовчекъ, которыя и ее заставили обезобразить личность новой женщины. Оба автора свели своихъ героинь къ идеалу барышни, обусловленному крѣпостнымъ правомъ. Первый превратилъ новую женщину въ *самку*, — второй въ добродѣтельную *хозяйку*; первый выкупалъ ее въ любовномъ элексиръ, «въ водѣ живой», изъ которой она вышла свѣжею, бодрою, возрожденною и веселою; второй посадилъ ее въ швейный магазинъ, который сдѣлалъ изъ нея практическую торговку и убилъ въ ней всякія гражданскіе порывы и всякія не мѣщанскія поползновенія; первый, въ награду за то, что она умѣла сильно любить, далъ ей Загайнаго и въ придачу, вѣчное, ничѣмъ ненарушимое семейное счастье; второй, въ награду за то, что она умѣла малымъ довольствоваться и отвергла Богомыслова, далъ Камышлинцова, и въ придачу тоже вѣчное, ничѣмъ ненарушимое семейное счастье.

VII.

Теперь мы познакомились съ характеристическими особенностями типа новой женщины, насколько эти особенности выразились въ характерѣ трехъ героинь трехъ разобранныхъ романовъ; мы отделили тѣ черты этого типа, которыя вполне соотвѣтствуютъ и обуславливаются его основною идеею, отъ тѣхъ буржуазныхъ примѣсей, которыми исказили ихъ буржуазные романисты. мы показали ту грань, которая отдѣляетъ его отъ типа барышни. Обратимся теперь къ другой сторонѣ вопроса, къ другой сторонѣ разбираемыхъ нами произведеній.

Каждое серьезное беллетристическое произведеніе имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, должно имѣть двѣ стороны. Съ одной стороны, беллетристъ старается воспроизвести по возможности, ближе къ дѣйствительности, тѣ типы и характеры, которые выработались и развились подъ вліяніемъ данныхъ условій современной жизни; но этимъ задача его не можетъ ограничиваться. Каждый новый характеръ, каждый новый типъ возбуждаетъ извѣстные вопросы, предъявляетъ извѣстныя требованія къ жизни. Обойти эти вопросы и эти требованія не можетъ романистъ; въ противномъ случаѣ, его произведеніе не будетъ имѣть другого значенія кромѣ значенія фотографическаго снимка, легкаго очерка, сыраго матеріала.

Его задача состоитъ не въ, томъ только, чтобы художественно (т. е. вѣрно съ *общимъ смысломъ* дѣйствительности) воспроизвести особенности рисуемаго характера, и указать на тѣ требованія, которыя онъ предъявляетъ; онъ долженъ также опредѣлить, по возможности и то, какимъ образомъ можетъ и должна жизнь удовлетворять этимъ требованіямъ. Вотъ это-то и составляетъ тенденціозную, дидактическую сторону каждаго живого беллетристическаго произведенія, нежелающаго ограничиваться одними только пейзажами, а имѣющаго въ виду какія нибудь болѣе или менѣе серьезныя, осмысленныя цѣли. И эта-то дидактическая, тенденціозная сторона, по нашему мнѣнію, и есть самая важная и существенная. Конечно, поклонники чистаго искусства и обожатели художественныхъ формъ не согласятся съ нами въ этомъ никогда. Для нихъ прежде всего художественность или, какъ они выражаются, художественная правда;—дидактическія же цѣли унижаютъ искусство, лишаютъ его той свободы и независимости, которою оно всегда должно пользоваться и на которую никто будто бы не долженъ посягать. Романистъ, по воззрѣніямъ этихъ господъ, долженъ только подмѣчать, наблюдать, обобщать единичные факты, возводить ихъ въ общіе типы и созданный, такимъ образомъ, типъ рисовать въ конкретныхъ образахъ. Примѣшивать къ этому художественному процессу какія нибудь тенденціи—это значить, по ихъ мнѣнію, профанировать искусство. Но дѣло въ томъ, что подобная профанация,—если только это профанация—неизбѣжна и неустранима при всякомъ художественномъ процессѣ. Повидному, этотъ процессъ, какъ его опредѣляютъ эстетика, имѣетъ много общаго съ операциями статистика. Статистикъ также подмѣчаетъ единичные факты, подводитъ ихъ подъ однородныя группы, опредѣляетъ общій, средній типъ каждой группы и потомъ прилагаетъ этотъ общій типъ къ объясненію частныхъ, конкретныхъ явленій. Но вся разница въ томъ, что романистъ оперируетъ надъ живыми личностями,—надъ величинами крайне измѣнчивыми, неопредѣленными, для наблюденія надъ которыми требуется очень много разнообразныхъ и трудно даже уловимыхъ условий,—условій, имѣющихъ чисто субъективный, личный характеръ. Статистикъ также оперируетъ надъ отвлеченными цифрами, величинами строго опредѣленными, точными и постоянными, но для того, чтобы ихъ классифицировать и выводить изъ нихъ средній типъ—для этого не требуется никакихъ другихъ условий, кромѣ твердаго знанія первыхъ четырехъ правилъ арифметики. Потому,

для статистика весьма трудно потерять безпристрастие, необходимое для обеспечения точности и правильности его операций. Напротивъ, для романиста не быть пристрастнымъ — почти невозможно. Разнообразныя свойства тѣхъ элементовъ, надъ которыми онъ оперируетъ, лишаютъ его возможности (не говоря уже о вліяніи его чисто-субъективныхъ наклонностей и взглядовъ, которые не могутъ не играть видной роли при подобныхъ операціяхъ) наблюдать и подмѣчать всѣ эти свойства одновременно и съ одинаковою точностью и полнотою. Нѣкоторыя изъ нихъ отгѣнятся въ его представленіи съ особенною рельефностью; другія съ меньшею; а третія — онъ и совсѣмъ упустилъ изъ виду. Такимъ образомъ уже при самомъ началѣ своихъ операцій, художникъ, мечтающій сохранить строгій нейтралитетъ по отношенію къ наблюдаемымъ фактамъ, встрѣчается съ непреодолимыми затрудненіями, и, самъ того не замѣчая, подготавливаетъ себѣ матеріалъ, имѣющій характеръ чисто-субъективный, далеко неудовлетворяющій требованіямъ объективной, художественной правды. Понятно, что при дальнѣйшихъ операціяхъ, субъективный элементъ будетъ усиливаться и расширяться все болѣе и болѣе въ ущербъ элементу объективному, въ ущербъ объективной правдѣ. И чѣмъ обильнѣе содержаніе художественнаго творенія, чѣмъ разнообразнѣе былъ творческій процессъ, чѣмъ тщательнѣе и добросовѣстнѣе обрабатывалъ художникъ свой матеріалъ, чѣмъ изъ большого числа единичныхъ наблюденій слагалъ онъ свои типы, и чѣмъ рельефнѣе старался онъ выразить ихъ въ конкретныхъ образахъ, тѣмъ субъективнѣе будетъ его произведеніе, тѣмъ большую дозу своихъ личныхъ воззрѣній внесетъ въ него авторъ, тѣмъ, слѣдовательно, менѣе оно будетъ удовлетворять требованіямъ объективной правды.

Итакъ, что бы ни говорили поклонники чистаго искусства и художественной правды, — художественное произведеніе немислимо безъ тенденціи, и требовать отъ романиста безпристрастія и кладнокровія статистика — значить требовать невозможнаго, идти на перекоръ природѣ человѣка, отвергать законъ психологій.

Но беллетристическое произведеніе не только не можетъ, оно и не должно писаться безъ тенденціи; оно не только не можетъ, оно и не должно ограничиваться одною рисовкою, однимъ безпечальнымъ и безстрастнымъ созерцаемъ окружающихъ явленій, — оно должно поучать и вразумлять. При данныхъ условіяхъ жизни современнаго общества большинство грамотной публики стоитъ на такой ступени умственнаго развитія, что для него всякая здра-

вая идея гораздо доступнѣе тогда, когда она сообщается ему въ беллетристической формѣ, а не въ формѣ логическаго разсужденія, научнаго трактата. Это большинство неспособно ни само находить рѣшеніе для трудныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ жизнью, ни искать ихъ въ незнакомой для него области чистой теоріи, — оно ищетъ ихъ въ романахъ и повѣстяхъ. Романы и повѣсти даютъ ему отвѣты на интересующіе его житейскіе вопросы, они даютъ ему руководящія правила и совѣты для его домашняго обихода, они учатъ его, какъ ему жить, и что ему дѣлать. Въ этомъ отношеніи они имѣютъ огромное общественное значеніе, и могли бы быть благотворными орудіями цивилизаціи, но, къ несчастію, орудіе это, въ большинствѣ случаевъ, находится въ такихъ невѣжественныхъ, или недобросовѣстныхъ рукахъ, что оно оказывалось или совершенно бесполезнымъ или крайне вреднымъ. Романисты вмѣсто того, чтобы просвѣтлять сознаніе общества, очищать его міросозернаніе отъ предразсудковъ, задерживающихъ умственное развитіе, — рабски слѣдуютъ рутинѣ и съ ея голоса внушаютъ своимъ читателямъ дикія и нелѣпныя понятія обо всѣхъ, доступныхъ ихъ пониманію, предметахъ, поддерживаютъ ихъ умственный и нравственный застой, оправдываютъ лѣнь, апатію и равнодушіе къ общественнымъ интересамъ. Вмѣсто того, чтобы рисовать передъ читателями возвышенные идеалы людей-гражданъ, они малюютъ имъ разныхъ салонныхъ героевъ и узколобыхъ филистеровъ, они соблазняютъ ихъ свѣтлыми картинками, во вкусѣ фламандской живописи, изображающими мѣщанское счастье во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Все это, конечно, грустно, но все это есть, существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока или не измѣнятся тѣ матеріальныя условія, которыя держатъ большинство публики въ постоянномъ умственномъ несовершенствѣ; или писаніе повѣстей и романовъ перестанетъ быть какимъ-то *asylum*’омъ всякой глупости и невѣжества. Что случится скорѣе—этого, конечно, нельзя предсказать теперь съ полною достовѣрностью, но мы полагаемъ, что первое, потому что беллетристическая форма, по самому существу своему, такова, что къ ней всегда скорѣе будутъ прибѣгать люди, болѣе или менѣе ограниченные, чѣмъ люди серьезно-мыслящіе, развитые и всесторонне образованные. Образное выраженіе мыслей всегда соответствуетъ высшей ступени умственнаго развитія; оно легче и удобнѣе для людей не далекихъ въ умственномъ отношеніи. Когда же къ нему обращаются личности высоко-развитыя и привыкшія къ серьезному мышленію, то онѣ почти

всегда терпят полный фіаско, — и повѣсти и романы выходятъ у этихъ авторовъ произведеніями крайне-неудачными или, какъ обыкновенно выражаются, чуждыми всякой художественности, всякой поэзіи.

Однако всѣ эти соображенія не даютъ критикѣ ни малѣйшаго права благодушно относиться ко всѣмъ недостаткамъ и нелѣпостямъ современной беллетристики. Нѣтъ, она должна обличать ихъ на каждомъ шагу, она должна преслѣдовать ихъ вездѣ, подъ какою бы благовидною формою они ни скрывались, — какъ бы ловко они ни были замаскированы. Съ этою цѣлью она должна, въ каждомъ беллетристическомъ произведеніи, стараться уловить прежде всего идею его и тенденцію и если эта тенденція вредна по своему вліянію на умственное и нравственное развитіе читателей, — она должна безпощадно разоблачить всю его вредность и доказывать всю его нелѣпность. Только такимъ образомъ она можетъ противодѣйствовать вредному вліянію людей, которыхъ всего охотнѣе слушаютъ, которымъ всего легче и незамѣтнѣе подчиняются.—Уловить тенденцію романа или повѣсти не всегда легко, потому что часто самъ романистъ не отдастъ въ ней себѣ никакого отчета; часто романистъ даже и не подозреваетъ вывода, который читатель можетъ сдѣлать изъ его романа, и когда ему кто нибудь укажетъ, онъ съ недоумѣніемъ таращить глаза и наивно восклицаетъ: а я, вѣдь, совсѣмъ объ этомъ и не думалъ!—Однако, глупость несознанная и неумышленная все-таки остается глупостью и ея вредное вліяніе нисколько отъ того не умалется. Потому для критики существенную важность имѣетъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ сказать авторъ, а то, что само собою вытекаетъ изъ его произведенія,—то нравоученіе, которое выведетъ изъ него обыкновенный читатель, неизмѣнній случая инымъ путемъ познакомиться съ міровоззрѣніемъ автора; тотъ отвѣтъ, который онъ найдетъ въ немъ на вопросы, возбуждаемые дѣйствительностью, изображенною въ романѣ. А такъ какъ отвѣты эти имѣютъ очень важное значеніе для большинства читающей публики, то, повторяемъ опять, критика не можетъ и не должна проходить ихъ молчаніемъ.

Какой же отвѣтъ даютъ разбираемая нами произведенія на вопросъ, возбуждаемый появленіемъ въ нашемъ обществѣ типа новой женщины? Вопросъ—куда дѣвать, куда направить ей свои силы, силы, которыя, какъ мы показали, могутъ имѣть огромное соціальное значеніе.

Повѣсть г. Слѣпцова рѣшаетъ этотъ вопросъ весьма безотрадно и глуповато. Герой ея Рязановъ проповѣдуетъ новой женщинѣ, что положеніе ея безвыходно, что чѣмъ болѣе она будетъ узнавать жизнь, тѣмъ больше будетъ лишаться возможности жить такъ, какъ *другіе* живутъ. Если подѣ этими другими слѣдуетъ подразумѣвать фелистеровъ, мелкихъ эгоистовъ и т. п., тогда Рязановъ совершенно правъ: чѣмъ болѣе новая женщина будетъ узнавать жизнь, тѣмъ ненавистнѣе и отвратительнѣе покажутся ей эти самодовольные филистеры, съ ихъ мѣщанскою обстановкою, съ ихъ мѣщанскимъ счастьемъ, и тѣмъ сильнѣе пробудится въ ней стремленіе къ настоящей человѣческой жизни и настоящей человѣческой дѣятельности. Въ чемъ же, однако, осуществится это стремленіе, въ чемъ должна заключаться эта настоящая человѣческая жизнь? этотъ вопросъ только въ иной формѣ задаетъ Марья Николаевна своему собесѣднику. «Что же остается дѣлать человѣку, — спрашиваетъ она его, — который потерялъ возможность жить такъ, какъ всѣ живутъ?» — «Остается... Рязановъ посмотрѣлъ кругомъ, — остается выдумать, создать новую жизнь, а до тѣхъ поръ... Онъ махнулъ рукой — т. е. до тѣхъ поръ остается на все махнуть рукою! О мудрый и глубокомысленный совѣтчикъ! Бѣда только въ томъ, что совѣтъ этотъ нелѣпъ и неудобноисполнимъ. Махнуть на все рукою, какъ это сдѣлалъ Рязановъ, но вотъ именно это-то, а, быть можетъ, одно только это и невозможно для мыслящихъ людей. Они хотятъ дѣйствовать, хоть какънибудь, да, дѣйствовать; окружающая ихъ тупая апатія, сонливая бездѣятельность для нихъ невыносима; они не могутъ относиться къ жизни съ тою благодушною пассивностью, съ какою относятся къ ней филистеры. Филистеры дѣйствительно на все махаютъ рукою, частью благодаря условіямъ своей матеріальной жизни, оброчной обезпеченности своего соціального положенія, частью, благодаря понятіямъ и привычкамъ, привитымъ воспитаніемъ; они готовы со всѣмъ примириться, они готовы смотрѣть на всякое зло, некасающееся ихъ непосредственно, равнодушно и спокойно; но вотъ это то и не мыслимо для новаго человѣка. Новый человѣкъ не можетъ примириться съ умозаключеніемъ разочарованныхъ лѣннцевъ, что будто теперь ничего нельзя дѣлать, будто нужно ждать, пока создастся новая жизнь. И что такое эта новая жизнь? Новая жизнь есть жизнь полная дѣятельности, направленной не къ достиженію личнаго комфорта, индивидуальнаго мѣщанскаго счастья, а къ улучшенію общихъ условій жизни всего общественнаго организма, къ возможному

осуществленію счастья всѣхъ. Какою же однако должна быть эта дѣятельность и доступна ли она для женщины? Къ этому вопросу сводятся всѣ остальные вопросы, возникающіе по поводу новой женщины.

Рязановъ совѣтуетъ Марьѣ Николаевнѣ пріютиться къ какой-то, какъ онъ выражается, «мелкотѣ, которая будто бы «всѣ дѣла справить и всѣ эти артели заведетъ на законномъ основаніи». Г. Авдѣевъ заставляетъ Анну Ивановну завести швейную мастерскую. Марко—Вовчекъ рекомендуетъ Машѣ Загайнаго, какъ человѣка, который научить ее, какъ и что нужно дѣлать. Такимъ образомъ, всѣ три повѣсти имѣютъ одну и ту же общую тенденцію, всѣ они сходятся въ томъ, что отрицаютъ возможность женской инициативы, женской самостоятельности внѣ сферы чисто-экономической дѣятельности. На вопросъ: что ей дѣлать? они отвѣчаютъ: заводи мастерскія, а если хочешь болѣе возвышенной дѣятельности—ищи мужчину.

Заводить мастерскія—это вещь хорошая, но хорошая только въ томъ отношеніи, что можетъ дать экономическую самостоятельность, прочную, матеріальную обезпеченность нѣсколькимъ женщинамъ. Какъ великъ можетъ быть кругъ этихъ женщинъ—это вопросъ уже чисто-экономическій и потому романисты считаютъ себя въ правѣ не касаться его. Но они ошибаются и жестоко ошибаются. Такъ какъ они лезутъ въ учителя и наставники женщинъ, такъ какъ они предлагаютъ ей практическіе совѣты на счетъ ея дѣятельности, то имъ не только не мѣшало-бы, но даже было бы положительно необходимо взвѣсить и оцѣнить въ тиши кабинета достоинство и удобопримѣнимость своего совѣта. Тогда они увидѣли бы, что, во-первыхъ, совѣтъ ихъ въ большинствѣ случаевъ неисполнимъ, во-вторыхъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ быть осуществленъ на практикѣ безъ особыхъ препятствій, онъ приведетъ къ весьма мизерному результату: двѣ, три женщины получаютъ полное матеріальное обезпеченіе, а взаимнѣ того обезпеченіе другихъ двухъ, трехъ женщинъ станетъ весьма низкимъ и непрочнымъ; въ третьихъ, что подобная дѣятельность, какъ дѣятельность исключительно преслѣдующая личныя цѣли, имѣющая въ виду исключительно интересы индивидуальнаго комфорта, не можетъ удовлетворить женщину, стремящуюся къ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ, занятую болѣе широкими интересами. Но, вѣдь, романисты заставляютъ новыхъ женщинъ открывать не просто мастерскія на началахъ лавочническихъ теорій, а мастерскія артель-

ныя. Эти послѣднія, доставляя женщинѣ экономическую самостоятельность, въ то же время проводятъ въ жизнь новыя начала, начала, которыя при своемъ полномъ осуществленіи должны повести къ счастью всѣхъ. Но опять бѣда въ томъ, что романисты не подумали, насколько возможны и полезны подобныя учрежденія при существующихъ условіяхъ. Артель, какъ фактъ единственный и исключительный, полезна только для тѣхъ немногихъ лицъ, которыя принимаютъ въ ней непосредственное участіе; общественное же значеніе она получитъ только тогда, когда изъ единственнаго факта она получитъ возможность сдѣлаться фактомъ общимъ. Но для того, чтобы могла существовать подобная возможность, для этого требуются совершенно особыя условія. Какія это условія, объ этомъ должны бы были подумать романисты. Если бы они объ этомъ подумали, тогда, быть можетъ, они пришли бы къ такому заключенію: требуемыхъ условій у насъ на лицо не оказывается, а такъ какъ, при отсутствіи ихъ, стремленіе женщины достигнуть экономической самостоятельности посредствомъ устройства мастерскихъ и артелей можетъ осуществиться только въ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ, такъ какъ, слѣдовательно, оно никогда не можетъ имѣть другихъ цѣлей, кромѣ цѣлей чисто-личныхъ, индивидуальныхъ, то совѣтовать женщинѣ подобнаго рода дѣятельность, какъ дѣятельность, могущую вывести ее изъ ея теперешняго положенія и удовлетворить всѣмъ ея стремленіямъ и наклонностямъ — крайне неосновательно и неразумно. Они рекомендуютъ ей полумѣры, они занимаютъ ее пустяками, скрывая отъ нея—умышленно или неумышленно—самое важное и самое полезное; хотя нѣкоторые изъ нихъ и ясно видятъ, что, при данныхъ условіяхъ, предприятия, рекомендуемая обыкновенно для женской дѣятельности, не приведутъ ни къ какимъ плодотворнымъ результатамъ и не удовлетворятъ стремленіямъ новой женщины, что стремленія эти могутъ быть только тогда удовлетворены, что плодотворные результаты могутъ быть только тогда достигнуты, когда женщина обратитъ свою дѣятельность на улучшение и устраненіе именно этихъ данныхъ условій,—хотя все это они видятъ и понимаютъ, однако они думаютъ, что подобнаго рода дѣятельность не женскаго ума дѣло, и что инициатива должна здѣсь принадлежать одному только мужчинѣ. Женщина можетъ дѣйствовать за его спиною, по его указанію, но отнюдь не самостоятельно и не по собственному побужденію. Маша томится и бездѣйствуетъ до встрѣчи съ Загайнымъ, но когда она встрѣтилась съ нимъ, глаза

ея открылись, умъ прояснился; сердце наполнилось энергіею и весельемъ. Но что же бы съ ней было, если бы она не встрѣтила Загайнаго? Если бы онъ, вмѣсто того, чтобъ поселиться въ городѣ N, поселился въ городѣ X? Открылись ли бы глаза Маши, прояснился ли бы умъ ея, наполнилось ли бы ея сердце энергіею и весельемъ?— Романистъ не рѣшаетъ вопроса прямо, но уже изъ того, что для этого проясненія, открытія и наполненія непременно потребовалось появленіе посторонняго лица, можно заключить, что авторъ болѣе склоняется въ пользу отрицательнаго, чѣмъ положительнаго отвѣта. Но вѣдь не всякая женщина можетъ рассчитывать на подобную встрѣчу; вѣдь Загайные попадаются не часто. Что же ей дѣлать, если ей не удастся повстрѣчаться съ нимъ? За что приняться, куда пристроиться? Неужели все томиться, сжучать, бездѣйствовать или заводить артели? А вѣдь никакого другого исхода ей не указываютъ романисты.

«Ищи мужчнну съ такими-то и такими-то свойствами; найдя его, дѣйствуй съ нимъ за одно» — говоритъ романистъ, совершенно упуская изъ виду, что именно въ настоящемъ случаѣ утѣшительное завѣреніе «ищите и обряцете» — всего мнѣе можетъ имѣть мѣста. Примѣръ Маши исключителенъ и рѣдокъ. Приводить подобныя примѣры крайне вредно, — вредно, во-первыхъ, потому, что это поселяетъ въ умахъ людей несбыточныя надежды, которыя всегда приводятъ къ апатіи и разочарованію, во-вторыхъ, потому, что заставляютъ человѣка возлагать всѣ упованія не на собственныя свои силы, а на случай, — на силы, такъ сказать, внѣшнія, постороннія. Женщина, вычитавшая изъ романовъ и повѣстей, что для полноты и разумности женской дѣятельности необходимы любовь и мужчина, потеряетъ вѣру въ собственныя силы, а вмѣстѣ съ нею и ту энергію и бодрость духа, которыя такъ необходимы для нея.

Такимъ образомъ, всѣ три разобранныя здѣсь романа приняты ложною, буржуазною тенденціею; они относятся къ женщинамъ точно также, какъ экономисты-лавочники къ рабочимъ: тоже лицемеріе, таже тупая недогадливость, таже искусное маскированіе сущности дѣла, таже погоня за пустымъ и неважнымъ. Вопросъ: что дѣлать новой женщинѣ—оставленъ ими безъ разумнаго отвѣта, и хотя они стараются разрѣшить его, но разрѣшаютъ самымъ неудовлетворительнымъ образомъ, потому что это рѣшеніе нисколько не соотвѣтствуетъ основной тенденціи характера новой женщины. Какого же рода дѣятельность можетъ соотвѣтство-

вать этому характеру? Послѣ всего сказаннаго нами отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Конечно, нельзя отрицать, что стремленіе къ *собственной выгодѣ, собственной пользѣ*, не чуждо характеру и новыхъ людей. Напротивъ, это стремленіе играетъ точно такую же роль между мотивами, управляющими дѣятельностью новой женщины, какую оно играетъ среди мотивовъ любого филистера. Разница только въ томъ, что иначе понимаютъ собственную пользу филистеры, иначе понимаютъ ее новые люди. Для первыхъ она заключается въ личномъ комфортѣ, въ возможности пользоваться удобствами и удовольствіями спокойнаго, мирнаго, эгоистическаго, безмятежнаго и безпечальнаго существованія. У вторыхъ понятіе о собственной пользѣ, о *личномъ* счастьи такъ тѣсно связано съ понятіемъ о пользѣ, о счастьи *всѣхъ*, что даже въ своей чисто-практической дѣятельности они не могутъ разъединить ихъ. Ихъ эгоизмомъ руководить и направляетъ ясно сознающая, глубоко почувствованная идея солидарности человѣческихъ интересовъ, потому и проявляется она въ совершенно другихъ формахъ, нежели у филистеровъ. Эгоизмъ послѣднихъ заставляетъ ихъ искать счастья только для себя, не заботясь о томъ, насколько отъ того выиграютъ или проиграютъ другіе; они не понимаютъ и, по своему социальному положенію, въ большей части случаевъ даже и не могутъ понимать тѣхъ взаимныхъ отношеній, той круговой зависимости, которая связываетъ счастье одного съ счастьемъ всѣхъ. Потому они стремятся къ достиженію счастья, какъ явленія единичнаго, случайнаго, а не къ установленію основныхъ условий счастья вообще, условий, при существованіи которыхъ счастье каждой отдѣльной единицы, а слѣдовательно и ихъ собственное само собою подразумѣвается, само собою устраивается. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Стремленіе къ экономической самостоятельности, т. е. къ доставленію себѣ возможности всегда удовлетворять всѣмъ потребностямъ своего человѣческаго организма,—это стремленіе вызываемое и обуславливаемое вполне реальнымъ и естественнымъ чувствомъ самосохраненія, съ одинаковою силою господствуетъ надъ дѣятельностью какъ мыслящихъ людей, такъ и филистеровъ. Но посмотрите въ какихъ различныхъ формахъ проявляется оно у тѣхъ и у другихъ. Авдѣевская Анна Ивановна Барсукова нанимаетъ мастерицъ, заводитъ швейную мастерскую и, обезпечивъ себя такимъ образомъ, чувствуетъ себя вполне довольною и ни о чемъ болѣе не заботится. Настоящая же Анна Ивановна, какъ одна изъ представительницъ типа новыхъ женщинъ, никогда не удовлетво-

рилась бы; она ужь если бы и завела мастерскую, то непременно на ассоціонныхъ началахъ; о барышахъ здѣсь бы и помину не было; а если бы за всѣми расходами кое-что и оставалось бы, то и это «кое-что» немедленно обращалось бы на распространеніе и развитіе идей ассоціации. Такимъ образомъ Анна Ивановна № 1 и Анна Ивановна № 2, дѣйствуя подѣ влияніемъ одного и того же мотива (мотивъ личнаго счастья, личной пользы, т. е. стремленія къ экономической самостоятельности), выбираютъ два діаметрально-противоположные пути и приходятъ къ двумъ діаметрально-противоположнымъ результатамъ: одна разоряетъ себя, разоряетъ сознательно и, такъ сказать, умышленно, другая обогащается и благоденствуетъ. Почему это? Потому, что у одной стремленіе къ экономической самостоятельности вполне удовлетворялось и исчерпывалось съ получкою хорошихъ заказовъ и съ реализованіемъ хорошихъ барышей; а другая подобнымъ результатомъ никогда не могла удовлетвориться, потому что стремленіе ея было гораздо шире, разумнѣе и человѣчнѣе; просвѣтленная и проникнутая идеею солидарности человѣческихъ интересовъ, — она ставила себѣ цѣлью не достиженіе экономической самостоятельности только одной или двухъ единицъ, а осуществленіе тѣхъ общихъ условій, при которыхъ каждая единица въ отдѣльности и всѣ вообще могли бы пользоваться этою самостоятельностью.

Итакъ господствующую тенденцію, господствующимъ направленіемъ дѣятельности мыслящей женщины должно быть стремленіе къ улучшенію общественнаго благосостоянія, къ солидарности человѣческихъ интересовъ. Только дѣятельность, проникнутая этимъ стремленіемъ, соответствуетъ ея характеру; только одна она достойна ея. А чтобы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, для нея не нужно ни поуканія и понужденій со стороны мужчины, ни священнаго огня любви. Она можетъ и должна дѣйствовать самостоятельно, по собственной инициативѣ, сознательно, а не подѣ влияніемъ темныхъ инстинктовъ и слѣпаго чувства. Но въ чемъ же должна проявиться эта дѣятельность, направленная къ общему благополучію? Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать уже не въ особенностяхъ характера новой женщины, и даже не въ особенностяхъ ея соціального положенія, а въ общественной, соціальной наукѣ.

П. Ткачевъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. **Исторія мѣстнаго самоуправленія въ Россіи.** Т. I. Введение. Уѣздъ московскаго государства. А. Д. Градовскаго. С.-Петербургъ. 1868 г.

2. **Исторія культуры девятнадцатаго вѣка.** Томъ первый. Время первой имперіи, соч. У. Гонеггера, перев. съ нѣмец. С.-Петербургъ. Изданіе Ламанскаго. 1869 г.

3. **Современные французскіе писатели.** Разказы Дроза. Очерки Дюма-сына и Тэна. Фонарь (Lanterne) Рошфора. С.-Петербургъ. 1868 г.

4. **Японія.** Очерки изъ записокъ путешественника вокругъ свѣта. Бартошевскаго. Взглядъ на политическую и социальную жизнь народа. С.-Петербургъ. 1868 г.

5. **Почему и потому.** Вопросы и отвѣты по наиболѣе важнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Для учащихся въ школь и дома. Составлено докт. Отто Уле съ 87-ю рисунками въ текстѣ. Подъ редак. А. Н. Шульговскаго. С.-Петербургъ. Изд. Трубниковой и Стасовой. 1869 г.

Когда до насъ доходили слухи, что вотъ тамъ-то и тамъ-то сокращаются штаты, что вотъ тамъ-то и тамъ-то бѣдные чиновники остались безъ дѣла (а слѣдовательно и безъ жалованья) и не знаютъ, куда примкнуться и какимъ способомъ спастись свое грѣшное тѣло отъ голодной смерти, что нѣкоторые изъ нихъ, начитавшись классиковъ, подумываютъ даже сдѣлаться землепашцами, и коло-

«Дѣло», № 10. 3

низировать тундры и степи нашего обширнаго отечества, что другіе, неполучившіе классическаго образованія, стремятся вступить на паперти Спаской церкви въ конкуренцію съ нѣкоторыми героями «Петербургскихъ трущобъ»;—когда до насъ доходили эти слухи, мы недоумѣвали и изумлялись великой недогадливости этихъ бѣдныхъ заштатныхъ чиновниковъ. Къ чему эти фантастическіе планы, навѣянные классицизмомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и реализмомъ «Петербургскихъ трущобъ»? Вѣдь еслибы даже они и могли когда нибудь осуществиться, то осуществленіе ихъ ни мало не послужило бы ко благу и преуспѣянію заштатныхъ чиновниковъ; оно бы только преждевременно свело ихъ въ могилу или въ полицію. А мы полагаемъ, что и то и другое въ одинаковой степени неприятно и нежелательно. Между тѣмъ, подъ самымъ ихъ носомъ, была дѣятельность, негрозившая ни могилу, ни полицію, сулившая напротивъ долготѣе, почетъ, деньги и славу, дѣятельность, для которой они были вполне способны. Къ чему имъ было мечтать о подвигахъ на паперти Спаской церкви и о воздѣлываніи тундръ и степей, когда передъ ними лежалъ невоздѣланный вертоградъ російской науки? Неужели они не понимали, что воздѣлывать послѣдній гораздо легче, чѣмъ осушать тундры и пахать степи; неужели они не догадывались, что совершать подвиги на поприщѣ науки гораздо удобнѣе и—это главное—безопаснѣе, чѣмъ на паперти Спаской церкви, гдѣ и подачка меньше, и конкурентовъ больше. О, недогадливые заштатные чиновники, отчего не сдѣлались вы учеными, когда вамъ не повезло на службѣ? Но, позвольте, скажутъ, быть можетъ, намъ нѣкоторые наивные юноши, не вполне еще вкусившіе отъ плода російской науки и невосчувствовавшіе всей его сладости,—позвольте, вѣдь для того, чтобы быть ученымъ, нужно имѣть нѣкоторыя способности, нужно удовлетворять нѣкоторымъ условіямъ, которымъ едва ли могли удовлетворять господа заштатные чиновники. Наивные юноши,—скажите же вы намъ, какія такія способности должны имѣть наши ученые и какимъ условіямъ должны они удовлетворять? По нашему мнѣнію, да вѣроятно и по мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей, они должны имѣть только двѣ способности: способность усидчивой, кропотливой дѣятельности, способность писать безостановочно и даже безсвязно; должны удовлетворять только двумъ условіямъ: быть прилежными, терпѣливыми, и не бояться гемороя. Неужели жезаштатные чиновники не имѣли этихъ способностей, не удовлетворяли этимъ условіямъ? «Позвольте,—скажутъ опять наивные юноши,—да вѣдь

кромѣ этихъ условій, есть еще и другія: недостаточно быть усидчивымъ, прилежнымъ, терпѣливымъ и имѣть геморой; чтобы сдѣлаться ученымъ, нужно имѣть въ головѣ кое-какія ясныя мысли, опредѣленныя понятія...» Ясныя мысли, опредѣленныя понятія! Это зачѣмъ? И кого это удивлять будутъ наши воздѣльватели вертограда науки ясными мыслями и опредѣленными понятіями? Кому онѣ теперь нужны?

Но люди, привыкшіе давать словамъ и мнѣніямъ авторитетъ факта, потребуютъ и отъ насъ доказательства. Для этого мы готовы взять на себя обязанность, черезъ каждые три мѣсяца, доказывать справедливость нашего взгляда на качества, необходимыя для русскаго ученаго, фактами и примѣрами,—фактами! безспорными, примѣрами недвусмысленными. Признаемся: скорбная и непріятная обязанность, но мы мужественно беремъ ее на себя въ видахъ назиданія наивныхъ юношей и указанія новыхъ путей къ существованію заштатнымъ чиновникамъ. Мы уже отчасти приступили къ выполненію ея въ нашихъ предъидущихъ библиографическихъ хроникахъ. Недавно, на примѣрѣ г. Аристова, мы показали, какова должна быть логика и каковъ долженъ быть умственный кругозоръ у человѣка, вступившаго на профессорскую кафедру; теперь, на примѣрѣ г. Градовскаго, мы покажемъ какова должна быть ясность мыслей и сила пониманія у человѣка, претендующаго на званіе ученаго. Мы не будемъ, разумѣется, здѣсь вдаваться въ оцѣнку достоинствъ и недостатковъ чисто-фактической стороны труда г. Градовскаго, такъ какъ эти достоинства и недостатки обуславливаются именно тѣми качествами и свойствами, которыхъ мы никогда не отрицаемъ у русскихъ ученыхъ вообще, и у г. Градовскаго въ частности. Здѣсь насъ будутъ интересовать главнымъ образомъ его понятія, взгляды и воззрѣнія, что, по нашему мнѣнію, составляетъ всегда самую существенную часть во всякомъ ученomъ сочиненіи, особенно сочиненіи, относящемся къ области социальныхъ и политическихъ наукъ.

Понятія, взгляды и воззрѣнія на предметы, входящіе въ кругъ его изслѣдованій, собраны въ введеніи,—введеніи, которое уже было напечатано на страницахъ Русскаго Вѣстника, подъ заглавіемъ «Государство и Провинція»,—потому на введеніи мы и остановимся.

Авторъ разсматриваетъ въ немъ *провинціальный вопросъ*, т. е. вопросъ о провинціи и ея отношеніяхъ къ государству,—о централизаци и децентрализаци. Онъ начинается съ увѣренія, что

«провинциальный вопрос, какъ и сама провинція, есть произведеііе новыхъ европейскихъ государствъ и находится въ тѣсной связи съ понятіями о національности».

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что

«различіе элементовъ, обуславливающихъ національность теперь и въ древности, составляетъ главное основаніе различія между новымъ и древнимъ міромъ» (стр. VI).

Прекрасно. Но чѣмъ же обуславливалась національность въ древнемъ мірѣ и чѣмъ она обуславливается теперь?

«Въ древности, философствуетъ г. Градовскій, — различіе національностей устанавливалось элементами скорѣе общественнаго, чѣмъ политическаго характера»,

т. е. это значитъ, что въ древности основаніемъ національности служили религія, языкъ, особый, своеобразный складъ общественныхъ отношеній и общественной культуры, сложившейся подъ вліяніемъ мѣстныхъ этнографическихъ и историческихъ условій. Вы, конечно, до сихъ поръ были убѣждены, читатель, что эти элементы составляютъ основаніе національности не только въ древнемъ, новомъ, то и во всякомъ другомъ мірѣ. Вы были убѣждены, что тамъ, гдѣ народы не отличаются одинъ отъ другого ни языкомъ, ни религіею, ни общественными учрежденіями, — тамъ они вообще ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются; тамъ и національность — какъ совокупность социальнo-культурныхъ особенностей народа, — не опирается ни на какой прочный фундаментъ, — тамъ если и существуетъ понятіе о ней, то это понятіе химерично, несомнательно, тамъ его можно пропагандировать только въ интересахъ рутины и застоя. Но г. Градовскій полагаетъ, что

даже при одинаковости общественныхъ культурныхъ элементовъ, есть еще нѣкоторыя начала, которыя могутъ создать прочную національность; и что эти-то начала и лежатъ въ основаніи современной національности. Это начала политическія. Политическій бытъ страны, *государство*, становится единственнымъ условіемъ, главнымъ мотивомъ національнаго различія» (стр. VII).

Вотъ что. Но развѣ государство и вообще условія политическаго быта той или другой страны не суть продукты ея общественныхъ отношеній, условій ея социальнo-культурнаго быта? Если послѣднія одинаковы, или, какъ совершенно вѣрно заключаетъ г. Гра-

довскій, стремятся сдѣлаться одинаковыми, то гдѣ основанія для различія первыхъ? Тамъ, гдѣ государства разграничиваются между собою горами, рѣками, а не правами, не особенностями экономического быта, ни общественными учрежденіями, ни языкомъ и не религіею—тамъ нѣтъ и не можетъ быть отдѣльныхъ національностей, и если, не смотря на это, народы еще продолжаютъ существовать въ видѣ отдѣльныхъ государствъ,—то такое существованіе не имѣетъ за себя никакого *raison d'être*, оно обуславливается причинами случайными, неразумными,—причинами, которыя должны быть устранены въ видахъ прогресса человѣчества. Исторія западно-европейскихъ народовъ показываетъ, что ихъ національности постепенно лишаются своихъ существенныхъ элементовъ, что они постепенно ослабляются и уничтожаются. Прогрессъ, сглаживая соціально-культурныя особенности быта народовъ, ведетъ къ отрицанію національности. Различіе между національностями древняго міра и новаго совсѣмъ не качественно, т. е. и въ древнемъ, какъ и въ новомъ мірѣ они слагаются изъ совершенно одинаковыхъ элементовъ, но въ новомъ мірѣ эти элементы дѣйствуютъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ древнемъ, и съ каждымъ годомъ ихъ значеніе все болѣе и болѣе умалется. Но г. Градовскій, какъ видите, думаетъ объ этомъ предметѣ иначе: по его мнѣнію, новое государство можетъ и всегда должно оставаться мотивомъ національнаго различія; по его мнѣнію, новое государство не зависитъ и не обуславливается «религіозными и другими учрежденіями».

«Общественныя формы древности — говоритъ онъ—давали опредѣленное содержаніе государству»; въ наше же время «государственная власть не является такимъ продуктомъ религіозныхъ и другихъ общественныхъ учрежденій, гдѣ ея объемъ и характеръ опредѣляется исключительно объемомъ и характеромъ извѣстнаго общества, тоже заранѣе опредѣленнаго».

Что это такое?—неумѣнье ли выразаться, бессознательная ли чепуха, или чепуха сознательная и нарочно придуманная!? Государство не есть продуктъ религіозныхъ и другихъ общественныхъ учрежденій, объемъ и характеръ государственной власти не опредѣляется объемомъ и характеромъ даннаго общества, — такъ что же такое государство, и чѣмъ же опредѣляется характеръ государственной власти? И почему въ древнемъ мірѣ формы государственнаго быта зависѣли отъ формъ общественнаго, а въ новомъ этой зависимости не существуетъ? Если бы г. Градовскій хотя какимъ нибудь намекомъ отвѣтилъ на эти вопросы, — тогда, быть

можетъ, мы поняли бы и его воззрѣнія на національность. Но, увы, онъ не только этого не дѣлаетъ, но даже еще болѣе спутываетъ наши понятія объ этомъ предметѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, онъ говоритъ, что, въ настоящее время

«слиянiе народностей въ отношенiи культурныхъ различiй сдѣлалось не только возможнымъ, но даже необходимымъ,»—что «общая историческая жизнь сгладила нравы, сблизила языки, слила, смѣшала племена,»—а черезъ страничку онъ утверждаетъ, что «государство, оставаясь главнымъ мотивомъ національнаго различiя, должно заботиться о развитiи и равномерномъ распространенiи всѣхъ особенностей даннаго народа по всѣмъ его частямъ. Национальная идея (?), лежащая въ основанiи известной культуры, должна сдѣлаться такимъ же всеобщимъ фактомъ, какъ сама государственная власть и ея законодательство» (стр. VIII).

Изъ первой половины этой фразы оказывается, что государство въ томъ именно и состоитъ, чтобы противодѣйствовать прогрессу, противодѣйствовать направленiю исторической жизни народовъ. Прогрессъ, историческая жизнь народовъ, по собственному сознанию г. Градовскаго, сглаживаютъ ихъ культурныя различiя, ихъ нравы, сблизаетъ языки и религiи,—а государство, напротивъ, должно стараться «о развитiи и распространенiи всѣхъ особенностей даннаго народа». За чѣмъ же это? къ чему навязывать государству такiя анти-прогрессивныя цѣли, заставлять его идти противъ логики фактовъ? А потому—какъ явствуетъ изъ второй половины фразы,— что

«национальная идея должна сдѣлаться такимъ же всеобщимъ фактомъ, какъ сама государственная власть и ея законодательство».

Вотъ это удовлетворительно! Одно только остается не совсѣмъ понятнымъ: что это такое за «национальная идея», и зачѣмъ она должна сдѣлаться «всеобщимъ фактомъ?» Не дурно бы было, если бы г. Аристовъ написалъ комментарий къ г. Градовскому, а г. Градовскiй соблаговолилъ бы дополнить своими воззрѣнiями на національность воззрѣнiя на тотъ же предметъ своего достойнаго товарища по ремеслу. Не дурно было бы также, если бы эти два ученые мужа писали будущiя свои сочиненiя сообща: мы полагаемъ, что послѣднiя значительно выиграли бы въ ясности мысли и опредѣленности выраженiя. Впрочемъ мы сомнѣваемся, чтобы наше желанiе исполнилось, потому что оба мыслителя, кромѣ трезваго, яснаго міросозерцанiя, обладаютъ еще чрезмѣрно развитымъ *самоуверенiемъ*, которое никакъ не дозволитъ имъ соединиться.

подъ одною обложкою. Самоувереніе г. Аристова выражается въ томъ, что онъ свысока и презрительно относится къ исторической наукѣ на Западѣ; самоувереніе г. Градовскаго высказывается въ его отношеніяхъ къ спорамъ французскихъ публицистовъ о централизаціи и децентрализаціи. Онъ полагаетъ, будто

эти французскіе публицисты сами не понимаютъ, о чемъ говорятъ и чего хотятъ, не понимаютъ до такой степени, что консерваторы становятся либералами, либералы консерваторами (См. стр. LXX.)

Со стороны человѣка дѣйствительно понимающаго это дѣло, подобный приговоръ не показался бы намъ ни страннымъ, ни предосудительнымъ. Но со стороны г. Градовскаго, онъ намъ кажется столько же неумѣстнымъ, сколько и неосновательнымъ, такъ какъ самъ авторъ не только не понимаетъ того вопроса, о которомъ взялся толковать, но даже не понимаетъ и того, что о немъ говорятъ другіе. Вопросъ этотъ, какъ мы сказали, есть вопросъ о централизаціи и децентрализаціи, или — если оставить въ сторонѣ пустую игру въ слова и не подразумѣвать подъ децентрализаціею простое перемѣщеніе центральной власти изъ одного общаго центра въ нѣсколько мѣстныхъ, — вопросъ объ отношеніяхъ центральной, политической власти къ мѣстнымъ общественнымъ элементамъ. Тамъ, гдѣ этимъ элементамъ предоставлено право свободнаго развитія и самоуправленія — тамъ будетъ децентрализація; напротивъ, тамъ гдѣ преобладающимъ началомъ является начало государственное, гдѣ оно подчиняетъ себѣ различные общественные союзы и регулируетъ, по своему произволу, общественныя отношенія — тамъ будетъ централизація. Вопросъ о провинціи, при такомъ взглядѣ на децентрализацію, не имѣетъ существеннаго значенія, не имѣетъ въ томъ отношеніи, что отсутствіе самостоятельной и самоуправляющейся провинціи не есть необходимый признакъ централизаціи. Условія общественной жизни, стремленія и потребности общества могутъ быть до такой степени общи и одинаковы въ различныхъ мѣстностяхъ, что всѣякія провинціальныя особенности сгладятся и уничтожатся, и такъ какъ во всѣхъ провинціяхъ будутъ преобладать совершенно одинаковые интересы и желанія, то очевидно, что обособленное самоуправленіе отдѣльныхъ мѣстностей станетъ дѣломъ совсѣмъ ни необходимымъ и даже не нужнымъ, въ видахъ общественной свободы. Напротивъ, при господствѣ такого экономическаго порядка вещей, который налагаетъ своеобразный отпечатокъ на различныя мѣстности, входящія въ составъ государства, децентрализація, въ смыслѣ освобож-

денія общественныхъ элементовъ отъ государственной опеки, должна выразиться въ мѣстномъ провинціальномъ самоуправленіи. Нетрудно догадаться, какой именно экономической порядокъ имѣемъ мы здѣсь въ виду—порядокъ, опирающійся исключительно на землевладѣльческій элементъ. Землевладѣніе приковываетъ людей къ одной извѣстной мѣстности и подчиняетъ ихъ интересы влиянію этой мѣстности; отсюда обособленность, исключительность этихъ интересовъ въ каждой отдѣльной мѣстности, отсюда потребность въ особомъ органѣ, который оберегалъ бы эти интересы, потребность мѣстнаго самоуправления. Напротивъ, при господствѣ промышленнаго порядка, условия экономической жизни различныхъ мѣстностей до того обобщаются, что потребность мѣстнаго самоуправления видоизмѣняется въ потребность общественаго самоуправления.

Изъ этихъ соображеній, съ одной стороны, можно видѣть, что вопросъ о провинціи совсѣмъ не исчерпываетъ вопроса о централизаціи и децентрализаціи, какъ ошибочно полагаетъ г. Градовскій; съ другой, имъ легко объясняются тѣ противорѣчія и странности, которыя онъ усмотрѣлъ въ теоріяхъ буржуазныхъ защитниковъ децентрализаціи и централизаціи. Повидимому буржуазія стремится къ централизаціи, но въ тоже время всѣ буржуазные публицисты защищаютъ децентрализацію, и съ крайнимъ ожесточеніемъ относятся къ пропагандистамъ идеи сильнаго центральнаго государства; централизаторы, съ другой стороны, проповѣдуютъ необходимость усиленія центральной власти въ видахъ устраненія экономического неравенства, въ интересахъ сословія, враждебнаго буржуазіи. Путаница, какъ видите, страшная. Однако, на самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ ни малѣйшей путаницы. Дѣло въ томъ, что мысль г. Градовскаго, будто «централизація есть исконное стремленіе буржуазіи», совершенно ошибочна. Исконное стремленіе буржуазіи заключается совсѣмъ не въ осуществленіи сильнаго государства, а напротивъ въ эмансипированіи общества отъ всякой государственной опеки, въ ограниченіи его роли скромными обязанностями судьи и полицейскаго, въ изыятіи изъ подъ его влияния большей части сферъ человѣческой дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ буржуазія является противницею сильной центральной власти и слѣдовательно сторонницей децентрализаціи. Но какъ примирить эти стремленія съ ея отношеніемъ къ мѣстному самоуправленію? Очевидно, если понимать подъ децентрализацію одно только мѣстное самоуправленіе, одинъ только провинціализмъ, — какъ это

дѣлаетъ г. Градовскій, — то путаница выйдетъ страшная и дѣйствительно можетъ показаться, что буржуазные публицисты сами не понимаютъ, чего они хотятъ. Но, какъ мы уже сказали, провинціализмъ есть одно, но не единственное выраженіе децентрализаціи; другимъ его выраженіемъ является индивидуализмъ,—индивидуализмъ самодовольный и эгоистическій, нетерпящій государственной опеки, ставящій личныя цѣли, личные интересы выше цѣлей и интересовъ государственныхъ, окружающій государственную власть такими условіями, при которыхъ она является скорѣе властью фиктивной, чѣмъ дѣйствительною. Такимъ образомъ, французская буржуазія, уничтожая мѣстныя особенности, игнорируя провинціализмъ, опиравшійся на землевладѣльческомъ элементѣ, стараясь даже, въ критическую минуту, временно усилить значеніе центральной власти,—не забываетъ, однако, своего основнаго принципа, своей основной тенденціи и чуть только борьба мнновалась, чуть только третіе сословіе изъ ничего стало всѣмъ, она пишетъ его на своемъ знамени и проводитъ его въ жизнь. Послѣ этого всякій, даже непроницательный человѣкъ пойметъ, что составляетъ исходную точку зрѣнія французскихъ буржуазныхъ публицистовъ, пишущихъ о централизаціи и децентрализаціи. Они берутъ за исходную точку понятіе о личной свободѣ человѣка, — идею индивидуализма. Такъ они дѣйствительно и поступаютъ. Кажется, ясно и просто. Но г. Градовскій никакъ не можетъ взять этого въ толкъ, и упрекаетъ французскихъ публицистовъ въ непоследовательности и въ непониманіи дѣла,—упрекаетъ за смѣшеніе понятій централизаціи и децентрализаціи съ одной стороны, съ гурвернатуализмомъ и индивидуализмомъ съ другой. Этого одного призмѣра уже вполне достаточно для охарактеризованія силы пониманія автора и знакомства его съ стремленіями и цѣлями французской, да и вообще всякой буржуазіи. Но посмотримъ теперь, какъ самъ онъ рѣшаетъ поставленный имъ вопросъ объ отношеніяхъ центральной власти къ мѣстному самоуправленію.

Замѣтимъ прежде всего, что споръ между централизаторами и децентрализаторами основывается на томъ предположеніи, что будто центральная политическая власть имѣетъ въ виду цѣли и задачи болѣе широкія и возвышенныя, чѣмъ господствующіе общественные органы; послѣдніе преслѣдуютъ чисто-эгоистическіе, личные интересы, первая—интересы общіе, государственныя. На практикѣ, однако, этого не бываетъ,—на практикѣ государство всегда является представителемъ однихъ только привилегированныхъ

элементовъ общества, и потому его цѣли и задачи совпадаютъ съ цѣлями и задачами послѣднихъ. Слѣдовательно, въ примѣненіи къ современному западно-европейскому государству, вопросъ о централизаціи и децентрализаціи не имѣетъ никакого существеннаго значенія. Но когда говорятъ о централизаціи, то обыкновенно подразумѣваютъ идеальное государство, преслѣдующее одну только цѣль—общее благо, и во имя этого общаго блага, требующее подчиненія своему интересу интересамъ разныхъ общественныхъ элементовъ, сложившихся подъ вліяніемъ данныхъ историко-культурныхъ условий; съ этимъ согласенъ и г. Градовскій.

«Такъ или иначе, говоритъ онъ,—централизаторы имѣютъ въ виду общій, хотя отчасти и отвлеченный государственный порядокъ; защитники же самоуправленія поневолѣ, отстаиваютъ общественно-историческія основы государства».

Иными словами,—первые имѣютъ въ виду общую теорію гармоніи общественныхъ отношеній, вторые же защищаютъ данную рутину, обусловленную историческимъ ходомъ общественнаго развитія. Одни являются, слѣдовательно, представителями началъ прогресса, реформы, преобразования; другіе—началъ застоя и регресса. Можетъ ли быть между ними какой нибудь компромиссъ, какая нибудь сдѣлка? Нѣтъ, не можетъ быть, и потому централизаторы и децентрализаторы до сихъ поръ еще такъ же далеки отъ примиренія и соглашенія, какъ были и при самомъ началѣ спора. Они полагаютъ и полагаютъ, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо что государство можетъ основываться или на началахъ децентрализаціи или на началахъ централизаціи, но отнюдь не на началахъ смѣшанныхъ. Въ теоріи, разумѣется, можно представить себѣ и смѣшанное государство, какъ можно представить либерально-консервативнаго дѣятеля, но на практикѣ эти противоположности непримиримы, и если онѣ существуютъ вмѣстѣ, то одно изъ нихъ непременно возьметъ верхъ и вытѣснитъ другое. Потому, всякія такія сдѣлки между двумя противоположными началами, какъ бы онѣ не казались, повидимому, увлекательными и соблазнительными, въ сущности, совершенно нелѣпы и нецѣлесообразны. Но вотъ эти-то бесполезные компромиссы, эти-то средніе пути, эти-то торные дорожки всего чаще и выбираютъ людьми глупыми и недалекими, онѣ всего милѣе и любезнѣе ихъ сердцу. У нихъ не хватаетъ соображенія рѣшить, которое изъ двухъ началъ есть истинное, которая изъ двухъ дорогъ есть настоящая; и они, что-

бы выйти изъ затруднительнаго положенія, оба начала признаютъ за истинныя, объ дороги за настоящія. Но такъ какъ, къ несчастію, нельзя разомъ идти по двумъ діаметрально-противуположнымъ направленіямъ, то они волею-неволею должны выбрать среднее, которое и заводитъ ихъ обыкновенно въ дебри и болота непроходимыя.

Къ числу этихъ недалекихъ и недалководидныхъ людей, какъ уже вѣроятно и догадывается читатель, принадлежитъ и г. Градовскій. Принимая начала централизаціи и децентрализаціи за истинныя и вполне законныя, онъ оба ихъ вводитъ въ государство и старается примирить въ своей провинціи. Что это за идеальная провинція, въ которой должно примириться непримиримое, мы съ достовѣрностью сказать не можемъ, такъ какъ г. Градовскій обозначаетъ организацію ея управленія только въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ; мы знаемъ только, что тутъ будутъ и правительственные органы, съ извѣстною долею власти, и органы мѣстнаго общественнаго самоуправленія, также съ извѣстною долею власти, но какія отношенія установятся между этими двумя рядами правящихъ органовъ, какъ они уживутся другъ съ другомъ, какіе рубежи разграничатъ сферы ихъ дѣятельности—объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ.. То общее правило, которымъ г. Градовскій думаетъ опредѣлить границы правительственнаго вмѣшательства въ сферу общественной дѣятельности, совершенно несостоятельно, и онъ самъ даже признаетъ его несостоятельность.

«Какъ только, говорить онъ (стр. LXXXV)—личный интересъ перестаетъ быть главнымъ руководящимъ мотивомъ дѣятельности, начинается роль правительственныхъ органовъ».

Но за страничку передъ этимъ, приводя благотворительность въ примѣръ подобной дѣятельности, онъ, какъ бы не предчувствуя того, что скажетъ на послѣдующей страницѣ, утверждаетъ, что

«изъ того, что благотворительность не можетъ быть дѣломъ частнымъ, *не слѣдуетъ*, чтобы она производилась одними правительственными органами. Напротивъ, участіе въ этомъ дѣлѣ органовъ общественныхъ необходимо и часто правительственные органы не могутъ выдержать съ ними конкуренцію» (LXXXIV).

Итакъ, роль правительственныхъ органовъ *не* начинается тамъ, гдѣ личный интересъ перестаетъ быть главнымъ руководящимъ мотивомъ дѣятельности. Гдѣ же она, однако, начинается, г. Гра-

довскій? Вѣдь нельзя же, наконецъ, предполагать, будто читатели настолько невнимательны или безпамятны, что имъ можно на одинъ и тотъ же вопросъ давать два совершенно различные отвѣта на двухъ сосѣднихъ страничкахъ. Кажется, г. Градовскій дѣйствительно рассчитываетъ на безпамятность своихъ читателей, и потому на той же LXXXV стр. онъ даетъ третій отвѣтъ, который уже и не опровергаетъ ни на предыдущихъ, ни на послѣдующихъ страницахъ. Такую удивительную стойкость въ убѣжденіяхъ мы объясняемъ только тѣмъ, что отвѣтъ этотъ уже слишкомъ общъ и неопредѣленъ, и, строго говоря, это даже не отвѣтъ, а повтореніе вопроса въ утвердительной формѣ. Послушаемъ:

«Роль правительственныхъ органовъ начинается тогда, утверждаетъ г. Градовскій,—когда юридическій порядокъ нарушается, когда частныя силы оказываются недостаточными для преодоленія «всѣхъ препятствій»

Какихъ препятствій? И когда, въ какихъ случаяхъ частныя силы оказываются недостаточными? И какъ въ этихъ случаяхъ должны дѣйствовать правительственные органы? Все это такіе вопросы, на которые нельзя отвѣтить заученными фразами попуая, и потому г. Градовскій проходитъ ихъ весьма благоразумнымъ молчаніемъ; но оставляя ихъ безъ отвѣта, онъ оставляетъ безъ отвѣта самый существенный вопросъ своей фантастической провинціи, — вопросъ объ отношеніяхъ органовъ центрального правительства къ органамъ мѣстнаго самоуправленія.

«Отношеніе государства къ обществу, говоритъ въ заключеніе г. Градовскій,—опредѣляется какъ отношеніе единства къ разнообразію. Единство есть такой же законъ государственной жизни, какъ разнообразіе и равномерное дѣйствіе какъ органовъ единства, такъ и органовъ разнообразія есть необходимое условіе государственнаго развитія. Единство представляется государствомъ и его официальными органами, разнообразіе проявляется дѣятельностью общества. Уничтожить одно въ пользу другого—значитъ уничтожить условія правильнаго общественнаго развитія. Прежде всего подобное сочетаніе необходимо для того, чтобы личность провинціи стала дѣйствительнымъ жизненнымъ фактомъ. Должность главы провинціи только формально изображаетъ эту личность. Дѣйствительное содержаніе дается ей только общественными элементами» и т. д.

Какое надутое и безцѣльное многословіе тамъ, гдѣ достаточно было бы двухъ словъ, и ни одного слова тамъ, гдѣ дѣйствительно нельзя отдѣлаться двумя, тремя безсвязными фразами. Мы привели эту выписку для характеристики способа выраженій г. Гра-

довскаго. Способъ выраженія характеризуетъ способъ мышленія; человѣкъ, который такъ безсвязно, съ такимъ трудомъ и съ такою замѣчательною неясностью рѣшается излагать самыя простыя и общезвѣстныя истины, едва ли можетъ быть названъ мыслящимъ человѣкомъ, потому что никакъ нельзя допустить, чтобы онъ слишкомъ часто практиковался въ процессѣ мышленія. Ученый, который, выставивъ общее требованіе теоріи, не представляетъ никакихъ положительныхъ данныхъ для удовлетворительнаго разрѣшенія ея, а отдѣляется только неопредѣленными фразами, напрасно претендуетъ на то званіе, которое носитъ; онъ не ученый, а шарлатанъ и фразеръ.

Но допустимъ даже, что гармоническое состояніе «органовъ единства» и «органовъ разнообразія» можетъ осуществиться на практикѣ такъ, какъ этого желаетъ г. Градовскій. Что же изъ этого выйдетъ? Органы мѣстнаго самоуправленія всегда являются представителями господствующихъ классовъ данной мѣстности, выразителями и защитниками экономическихъ интересовъ этихъ классовъ. Въ этомъ смыслѣ, въ нихъ всегда преобладаютъ начала охранительныя, консервативныя. Органы же государственнаго управленія—если понимать его въ смыслѣ идеальномъ—должны напротивъ являться представителями—по выраженію самого г. Градовскаго,—«общихъ интересовъ, рационально-юридическаго порядка, рациональной пользы»,—представителями отвлеченнаго государственнаго и общественнаго строя. Въ этомъ смыслѣ въ нихъ должны преобладать начала прогресса, и во имя этихъ началъ отрицательное отношеніе къ данному *statu quo*. Слѣдовательно, стремленіе къ гармоническому сочетанію органовъ единства и разнообразія есть, въ сущности говоря, стремленіе къ гармоническому сочетанію началъ консерватизма съ началами прогресса, т. е. къ такому порядку вещей, при которомъ бы прогрессъ нейтрализовалъ регрессъ, а регрессъ—производилъ тоже дѣйствіе на прогрессъ, и общественная жизнь находилась бы такимъ образомъ въ состояніи полнѣйшаго застоя. Вотъ желанный идеалъ, вотъ искомый государственный порядокъ, вотъ рациональное рѣшеніе провинціального вопроса, по понятіямъ г. Градовскаго. И такъ г. Градовскій сперва требуетъ, чтобы государство было проводникомъ анти-прогрессивной идеи національности, потомъ предлагаетъ такую организацію органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія, которая должна гарантировать обществу вѣчный застой, препятствовать развитію его силъ и въ консервативномъ и въ прогрессивномъ направленіи.

Преданіе, рутина, прогрессъ, консерватизмъ, мѣстныя особенности и общія начала—все это смѣшивается и перепутывается въ его государственной теоріи и изъ всего этого выходитъ какая-то безобразная система застоя, иначе называемая системою равновѣсія.

Впрочемъ, систему эту избобрѣлъ не самъ г. Градовскій, онъ заимствовалъ ее изъ иностранныхъ книжекъ. Книжки, изъ которыхъ почерпалъ г. Градовскій свою государственную мудрость, были, по всей вѣроятности, произведеніями французскихъ доктринеровъ, потому что воззрѣнія этихъ почтенныхъ господъ отразились не только на его общихъ взглядахъ по части государственной теоріи, но также и на его историческихъ взглядахъ, специально относящихся къ исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи. Исторія мѣстнаго управленія, которую онъ рассматривалъ въ связи съ исторіею сословій, что, вообще говоря, дѣлаетъ большую честь его догадливости и о чемъ мы, по долгу справедливости, не можемъ умолчать,—исторія мѣстнаго управленія представляется ему въ видѣ естественнаго, неизбѣжнаго, логическаго процесса развитія, долженствовавшего непременно привести къ земскимъ учрежденіямъ. Рабское поклоненіе передъ фактомъ, стремленіе рационализировать все, что совершилось, начиная съ московской и кончая петербургскою централизаціею, есть естественное послѣдствіе подобнаго взгляда. Общинное самоуправленіе, по понятіямъ автора, должно было привести къ централизаціи, закрѣпившей сословія; закрѣпленныя сословія сплотили и создали государственное единство; съ утвержденіемъ государственной силы старое значеніе сословій и связанная съ нимъ централизація сдѣлались бесполезны. Отсюда является необходимость въ мѣстныхъ земскихъ учрежденіяхъ, которыя должны были явиться средствомъ осуществленія *экономической свободы* освобожденныхъ сословій.

«Такимъ образомъ,—радожно заключаетъ свое изслѣдованіе г. Градовскій,—у насъ мирно совершается подъ вліаніемъ свободы величайшая реформа, которая стояла Западу столько крови» (стр. 382).

Какъ это пріятно и утѣшительно! И отчего это, подумаешь, мы такими умными уродились? А что мы дѣйствительно умны, лучшимъ доказательствомъ этого служить самъ авторъ... Итакъ историческія изслѣдованія г. Градовскаго утѣшительны для россіянъ вообще, но, кромѣ этой общей утѣшительности, они имѣютъ еще спеціальную утѣшительность для нѣкоторыхъ въ частности. Такъ, напримѣръ, на гг. Скарятину съ Комп. особенно утѣ-

нительно подѣйствуетъ стр. 209 и 210, въ которыхъ развивается мысль о преимуществахъ, въ государственномъ отношеніи, личнаго землевладѣнія передъ общиннымъ, и доказывается—т. е. говорится, потому что г. Градовскій вообще не имѣетъ привычки доказывать,—будто общинному землевладѣнію, въ противоположность личному, присущъ духъ замѣнутости, разъединенности, чуждо пониманіе общихъ интересовъ. Гг. Катковъ съ Комп. съ особеннымъ удовольствіемъ останавятся на стр. СХVII, гдѣ говорится о томъ, какъ должна относиться государственная власть къ нѣкоторымъ окраинамъ Россіи. Утѣшительно также на многихъ подѣйствуетъ мысль, высказываемая имъ въ введеніи, мысль, что въ новомъ государствѣ свобода человѣка совсѣмъ не зависитъ отъ того, принимаетъ или не принимаетъ онъ участіе въ политической государственной жизни страны. Она покажется тѣмъ болѣе утѣшительною, что повидимому совершенно справедлива. Только при болѣе глубокомъ вниманіи обнаруживается вся ея лживость. Изъ всѣхъ свободъ, которыми можетъ пользоваться человѣкъ, самая важная и существенная есть свобода экономическая, т. е. свобода пользоваться по своему личному усмотрѣнію своимъ трудомъ и всѣми его продуктами; только пользованіе этою свободою открываетъ человѣку доступъ ко всякой другой свободѣ; безъ нея же всѣ другія свободы будутъ миражемъ, неосуществимымъ правомъ, пустою фикціею. Но, посмотрите же теперь, кто пользуется въ западно-европейскомъ государствѣ экономическою свободою? Очень немногіе, именно тѣ, которые принимаютъ непосредственное участіе въ управленіи государствомъ. Вся остальная масса, устраненная отъ участія въ управленіи, находится въ экономической зависимости, и вслѣдствіе этого не имѣетъ ни случая, ни возможности воспользоваться тѣми драгоцѣнными преимуществами свободы, которыми пользуются привилегированные классы.

Мы могли бы привести еще нѣсколько примѣровъ глубокомыслія г. Градовскаго, но мы полагаемъ, что и приведеннаго достаточно для того, чтобы, съ одной стороны, нѣсколько разочаровать наивныхъ юношей, а съ другой, вселить въ сердце заштатныхъ чиновниковъ нѣкоторую самоувѣренность и надежду. Прочтя нашу бѣглую замѣтку, быть можетъ, многіе изъ нихъ возвеселятся духомъ и радостно воскликнутъ: «не все еще пропало, мы тоже можемъ сдѣлаться учеными и заслужить славу». Отъ души желаемъ вамъ этого: надѣмся, что вертоградъ россійской науки приобрѣтетъ въ васъ достойныхъ соревнователей и сподвижниковъ гг. Градовскихъ, Аристовыхъ, Рождественскихъ и проч. и проч.

Нѣсколько времени тому назадъ вышла въ русскомъ переводѣ «Исторія новѣйшей культуры» Гонеггера; мы высказали тогда свой взглядъ на эту книгу; теперь, по поводу выхода перваго тома «Исторіи культуры девятнадцатаго столѣтія», намъ приходится повторить свой отзывъ. Новое сочиненіе Гонеггера отличается отъ стараго однимъ только своимъ объемомъ; оно повторяетъ всѣ тѣ недостатки, на которые мы указывали, говоря объ «Исторіи новѣйшей культуры»: таже фразистость, таже безсвязность и разбросанность, таже поверхностность, таже непониманіе общихъ причинъ развитія культурныхъ отношеній, таже неумѣнье схватывать и рельефно изображать характеристическіе признаки этихъ отношеній. Всѣ эти недостатки умаляютъ до нѣкоторой степени то значеніе, которое должна бы была имѣть эта книга, по грандіозности своего плана въ новѣйшей исторической литературѣ. Авторъ хочетъ представить въ ней картину общей культуры девятнадцатаго столѣтія, въ социальномъ, политическомъ, интеллектуальномъ и эстетическомъ отношеніи. Но вмѣсто общей картины, онъ представилъ только отдѣльныя черты, негруппированныя въ одно цѣлое и очерченныя весьма слабо. У него нѣтъ исторіи—въ настоящемъ смыслѣ этого слова,—у него только сырые матеріалы, которые могутъ служить для справокъ; культурныя отношенія онъ разсматриваетъ болѣе съ статической, нежели съ динамической стороны. Онъ не показываетъ, какъ они постепенно развивались и вытекали одно изъ другого, онъ не указываетъ и общихъ причинъ этого развитія. На социальную, экономическую сторону народнаго быта обращено очень мало вниманія, сравнительно съ другими сторонами общественнаго быта. Взаимная связь всѣхъ этихъ сторонъ не выяснена и не опредѣлена. Потому, хотя авторъ и говоритъ въ предисловіи, что онъ особенно желалъ бы «уловить и прослѣдить самую душу времени»—однако, этому прекрасному желанію не суждено было осуществиться. За то другое желаніе автора—изобразить «психическіе портреты, какъ бы жанровыя картины дѣлъ и лицъ»—осуществилось довольно удачно. Гонеггеръ, самъ, заявляя объ этомъ своимъ читателямъ, хвалитъ себя не понапрасну. Жаль только, что излишняя фразистость, нѣкоторая неопредѣленность и туманность вредятъ простотѣ, ясности и отчетливости рисовки. Главнымъ и существеннѣйшимъ элементомъ культуры Гонеггеръ считаетъ литературу, и потому на ней-то исключительно и сосредоточивается все его вниманіе.

«Ея фигуры,—говоритъ онъ,—имѣютъ для меня столь главное значеніе, что

на остальное я смотрю почти какъ на матеріалъ, необходимый для полноты; желалъ бы я, чтобы въ ихъ готовомъ рисункѣ они были для читателя тѣмъ, чѣмъ долгое время при самой работѣ были они для автора, для котораго они уже потускли послѣ своего окончанія.

Это третіе желаніе автора намъ кажется тоже исполнится, но только не вполне, а отчасти: его фразисто-неопредѣленные изображенія, можетъ быть, и дѣйствительно произведутъ на нѣкоторыхъ любителей трескучихъ фразъ, нѣкоторые впечатлѣніе, но это впечатлѣніе изгладится сейчасъ же, какъ только глаза оторвутся отъ книги и изображенія потускнѣютъ въ памяти читателей, такъ же скоро, какъ они потускнѣютъ и въ памяти самого автора. Для образчика и для примѣра приведемъ здѣсь одну изъ самыхъ блестящихъ и наиболѣе удачныхъ характеристикъ автора — характеристику романтической школы. Вотъ какими чертами онъ опредѣляетъ ее.

«Темное, далеко-уходящее стремленіе, алканіе неясныхъ идеаловъ, питающееся жадно-всосаннымъ чувствомъ кипучей юпошеской и мужской силы (?); вызывающее кокетничанье съ жизнью и смертью, съ міромъ и мышленіемъ: игра съ любовною радостью смерти, съ страстнымъ желаніемъ и дикими мученіями, столь распространявшаяся и столь безсознательная, что выраженіе неудовлетворенія было находити даже въ статуяхъ древнихъ; доведенное до обожанія почитаніе искусства, которое соединяется съ религіею и любовью къ женщинамъ въ одно чувство, проникающее сердца всѣхъ романтиковъ съ различными отбѣнками, хотя всегда неясное; рядомъ съ тысячу разъ проповѣдуемою вѣрою въ благодатную силу искусства—игра въ него и имъ, вредящее ему самому и лишющее его существенности; вообще фантастическое созиданіе безъ этического содержанія и той серьезности, которая одна только и облагораживаетъ искусство и жизнь; олицетворенная внѣшность и диллетантизмъ въ широкихъ размѣрахъ; житейская мудрость свободнаго наслажденія и смѣлаго порыва, которая, однако, совершенно на нѣмецкій ладъ остается доктринерскою, даже въ «Луциндѣ», именно потому и развратной; дерзко заносчивый духъ, который, чванясь самимъ собою, желалъ бы выдать себя за геройское мужественное сознаніе; мечты о дружбѣ, унаслѣдованныя отъ древнихъ союзовъ поэтовъ и снабженныя этими романтическими душами, всѣми сахарными сладостями слабоосмысленной цивилизаціи, всегдашняя готовность провозглашать и начинать новыя творенія, которыя рѣдко идутъ дальше перваго почина, воля, желающая только хотѣть, и одушевленіе, стремящееся къ великому, но безсильное, ибо хотя въ немъ есть высокопарящее творческое стремленіе, но нѣтъ истинной силы, смѣсь безсодержательнаго, искусственнаго мечтанія, разжигаемаго только ради его собственного жара, у котораго желаютъ грѣться и опьяняться холодныя души, съ жадною къ сентенціямъ и рефлексіи, но никоимъ образомъ не глубокою жизнію мысли, при чемъ то и другое безпорядочно перекрещивается, полемическое высокомеріе, карабкающееся

«Дѣло», № 10.

4

на бѣднѣй дѣятельностью идеализмъ и неясное эстетическое образованіе; на гармоническѣй продуктъ анализа и мечтательности безъ формы, безъ связи, безъ сознательной цѣли въ творчествѣ; самонаблюденіе, самовосхищеніе, самообожаніе, возведеніе ничтожнаго въ важное, въ большей степени, чѣмъ это когда нибудь дѣлали французы, обращеніе обыкновеннаго въ необыкновенное, извѣстнаго въ неизвѣстное, низкаго въ возвышенное, конечнаго въ вѣчное, вообще установленіе безконечной видимости, въ чемъ по Новалису, по крайней мѣрѣ, имѣвшему къ тому естественнѣйшее влеченіе, заключается необходимое романтизированіе міра; во всемъ этомъ рафинировка и неестественность, отсюда повеллы о художникахъ, исторія живописцевъ, признанія прекрасныхъ душъ, литература писемъ—вотъ душа романтики». (стр. 216).

Въ этой характеристикѣ самымъ рельефнымъ образомъ обнаруживаются всѣ достоинства и недостатки гонеггеровскихъ характеристикъ и потому читатели, конечно, извинять васъ за слишкомъ длинную выписку. Отличительными чертами этихъ характеристикъ, является, съ одной стороны, мѣткость опредѣленій, съ другой, ихъ крайнее обиліе. Очевидно, что авторъ не умѣетъ схватить существенныхъ особенностей предмета и выразить ихъ въ нѣсколькихъ точныхъ и ясныхъ положеніяхъ. Онъ не можетъ опредѣлить его въ одинъ, такъ сказать, пріемъ; онъ хватается то за ту, то за другую черту, пересчитываетъ всѣ ихъ по порядку, не различая важныхъ отъ неважныхъ, постоянно повторяясь и утомляя своимъ многословіемъ. Оттого читая его характеристику, вы встрѣчаете въ ней много очень вѣрно-подмѣченныхъ и рѣзко-очерченныхъ особенностей; но, за то, когда вы ее прочтете, у васъ въ головѣ не остается ничего, кромѣ какого-то треска и шума.

Характеристики философскихъ системъ, кромѣ всѣхъ здѣсь указанныхъ недостатковъ, отличаются еще и неясностью и неполнотою. Нѣмецкимъ философамъ, публицистамъ и литераторамъ вообще отдается предпочтеніе передъ французскими и англійскими въ томъ отношеніи, что авторъ о первыхъ говоритъ гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе, нежели о вторыхъ. Такъ, напримѣръ, посвящая характеристикамъ нѣмцевъ Инцу и Мюллеру по нѣскольку страницъ, о Кабанисѣ онъ говоритъ всего на какихъ нибудь 13, 14 строчкахъ и притомъ съ крайнею небрежностью и неосновательностью (см. стр. 151). Группировка матеріала искусственная и часто даже совершенно беспорядочная. Такъ, напримѣръ, по какому-то удивительному соображенію Іеремія Бентамъ отнесенъ имъ къ тому отдѣлу, въ которомъ разсматриваются англійскіе ученые и мыслители этого времени, и къ отдѣлу, озаглавленному «соціальныя черты», гдѣ говорится объ успѣхахъ земледѣлія, торговли и промышленности.

Трудно также понять, на какомъ основаніи Контъ отнесенъ къ циклу философовъ 19-го вѣка. Какъ по времени своей научной и общественной дѣятельности (которая, какъ извѣстно, уже совсѣмъ почти прекратилась съ 1797 г.), такъ въ особенности по характеру и направленію своей философіи, онъ всецѣло принадлежитъ XVIII вѣку.

Въ заключеніе замѣтимъ, что переводъ книги отъменно плохъ что, впрочемъ, составляетъ общее правило въ изданіяхъ г. Ламанскаго.

Маленькая книжка, появившаяся недавно въ продажѣ, подъ заглавіемъ: «Современные французскіе писатели» и расходящаяся, какъ мы слышали, довольно успѣшно,—принадлежитъ къ числу самыхъ отвратительныхъ литературныхъ спекуляцій, какія только совершались за послѣднее время на нашемъ литературномъ базарѣ. Издатель постыдился даже выставить свое имя; — и это дѣлаетъ честь его стыдливости, хотя и не говоритъ въ пользу его искренности. Чтѣ бы вы сказали, читатель, если бы какой нибудь французъ-шарлатанъ, желая просиѣтить свою націю насчетъ положенія русскаго общества и состоянія русской литературы, ну хоть 60-хъ годовъ, вздумалъ бы перевести на французскій языкъ и издать подъ одною обложкою статьи, пожалуй, Добролюбова и «Петербургскую клубничку» съ «ерундою» Камбека въ придачу? Но французъ, поступая такимъ образомъ, дѣйствовалъ бы, по всей вѣроятности, безсознательно, неумышленно, безъ всякой задней цѣли, безъ всякой грязно-спекулятивной мысли. Гдѣ же таки французъ не жившему въ Россіи (да и жившему даже) было узнать, что такое Добролюбовъ, что такое Петербургская Клубничка и что такое Левъ Камбекъ. Слышалъ онъ отъ своихъ пріятелей, что и Добролюбовъ читается и Камбекъ читается, и Петербургская Клубничка читается,—ну и сообразилъ: значить, молъ, вкусамъ удовлетворяютъ и общество характеризуютъ, слѣдовательно, почему же ихъ и не издать подъ одною обложкою, написавъ на ней: «Современные русскіе писатели».

Подобныя соображенія со стороны француза, мало просвѣщен-

наго насчетъ Россіи, весьма естественны и весьма извинительны; но со стороны русскаго, который имѣеть полную возможность, прежде чѣмъ начинать знакомить своихъ соотчичей съ французскими писателями, самъ ознакомиться съ французскою литературою,—подобныя соображенія уже совсѣмъ не естественны и со всѣмъ не извинительны. Тутъ уже, значить, онъ дѣйствуетъ умышленно, сознательно, надуваетъ и морочитъ публику. Если даже онъ станетъ оправдываться незнаніемъ французскаго языка, то и это не облегчитъ его вины: зачѣмъ же онъ брался за дѣло, которое, при своемъ невѣжествѣ, онъ не могъ выполнить, и которое другіе могли исполнить гораздо лучше и добросовѣстнѣе его. Но издатель «Современныхъ французскихъ писателей» не можетъ апеллировать даже и къ своему невѣжеству по части французскаго языка, потому что въ предисловіи онъ самъ торжественно заявляетъ, что, издавая Дроза и Дюма-сына подъ одною обложкою съ Рошфоромъ,—онъ дѣйствовалъ не на обумъ, а руководствовался извѣстными соображеніями, которыя ясно показываютъ, что онъ имѣеть претензію не только на знаніе французскаго языка, но даже и на знакомство съ французскою современною литературою. Правда, дурной переводъ и эксцентрическое сочетаніе именъ заставляютъ насъ сильно усумниться въ основательности претензій издателя, — но такъ какъ онъ заявляетъ эти претензіи, то и Богъ съ нимъ, тѣмъ хуже для него.

Въ предисловіи онъ, чувствуя, вѣроятно, нѣкоторую тяжесть на сердцѣ, спѣшитъ завѣрить читателей будто

«соединеніе въ одной книгѣ трехъ именъ — Дроза, Тана и Дюма-сына далеко не случайное» и что «не случайно является здѣсь Рошфоръ, журналъ котораго «Фонарь» (La Lanterne) приобрѣлъ въ такой короткій срокъ всеобщую извѣстность.»

Почему же, однако, не случайно?—вопрошаетъ недоумѣвующій читатель. А потому, видите-ли, объясняетъ догадливый издатель, что

«если три названные писателя *въ извѣстной степени* характеризуютъ французское общество, то Рошфоръ характеризуетъ слабыя стороны правительства».

Но въ какой степени, какимъ образомъ и какое именно французское общество характеризуютъ три названные писателя? Вотъ если бы вы, г. издатель, разъяснили намъ этотъ вопросъ -- то это было бы весьма любопытно. Но такъ какъ вы недогадалися этого

сдѣлать, то, нечего дѣлать, придется намъ говорить за васъ. Возьмемъ для примѣра хоть Дроза, рассказы котораго занимаютъ чуть ли не половину всей книги. Признаемся, мы еще никогда не читали въ русской литературѣ ничего болѣе конфертативнаго, болѣе клубничнаго, чѣмъ эти рассказы. Произведенія разныхъ Бредовыхъ, Крестовскихъ, Авенаріусовъ и Боборыкиныхъ, по сравненію съ ними, — лепетъ невиннаго и дѣломудреннаго младенца. При этомъ они ни мало не характерны для французскаго общества, потому что ихъ конфертативные сюжеты заимствованы совѣмъ не изъ особенностей французскаго общества, а изъ тѣхъ пошлыхъ спальныхъ сценъ, которыя мы найдемъ въ какомъ угодно обществѣ... Авторъ съ неподражаемымъ цинизмомъ описываетъ, что чувствуютъ мужъ и жена въ первую ночь брака, съ какими приготовленіями приступаютъ они къ отправленію супружескихъ обязанностей, какія при этомъ разговоры ведутъ, какіе жесты дѣлаютъ и т. п. На эту тему сводятся всѣ его рассказы. Усмотрѣть въ нихъ нѣчто другое, болѣе серьезное такъ же трудно, какъ трудно, напримѣръ, усмотрѣть нѣчто возвышенное, ну хоть въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина: «Первая ночь». Правда, издатель ухитрился увидѣть въ нихъ

«сатиру», «средство для проведенія въ массу читателей *несма симпатичныхъ идей* (?) о бракѣ, о любви, и семьѣ»

но, къ несчастію, не всѣ одарены подобною острою зрѣніемъ, и не всѣ могутъ находить симпатичными клубничные эпизоды изъ спальной жизни мужей и женъ. Большинство обыкновенныхъ читателей не найдутъ въ нихъ ровно ничего, кромѣ клубнички и грязнаго цинизма. Какой же выводъ можно сдѣлать изъ нихъ? Намъ кажется только одинъ: во французской, какъ и во всякой другой литературѣ, есть жалкіе и вредные писаки, которые, подобно уличнымъ проституткамъ, — спекулируютъ насчетъ половыхъ влеченій человѣка и, искусно возбуждая ихъ пикантными сюжетами и циническими рассказами, — открываютъ своимъ произведеніямъ огромный сбытъ въ массѣ той невѣжественной публики, которая по преимуществу живетъ еще чисто-животною жизнью. Считать этихъ литературныхъ проституткокъ — «современными писателями» совершенно нелѣпо, потому что они всегда существовали и будутъ существовать еще вѣроятно очень долго. Чѣмъ ограниченіе сфера разумной дѣятельности, предоставленной человѣку, чѣмъ болѣе чувствуетъ онъ себя стѣсненнымъ въ удовлетво-

реніи высшихъ потребностей своей природы, тѣмъ сильнѣе развиваются въ немъ его низшія, чисто-животныя побужденія и тѣмъ, слѣдовательно, съ большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ относится онъ ко всему, что льститъ этимъ побужденіямъ, и тѣмъ большую поддержку встрѣчаютъ въ ней всякіе уличныя и литературныя пошляки. Произведенія пхъ точно также выражаютъ особенности извѣстнаго общества, какъ уличная потаскушка—степень умственнаго развитія того города, гдѣ она торгуетъ своимъ прелестямъ. Понимаете ли вы это, г. анонимный издатель современныхъ французскихъ писателей? Если вы этого не понимаете, то намъ остается только удивляться вашей по истинѣ изумительной непонятливости. Если же вы это понимали,—въ чемъ мы почти не сомнѣваемся,—и все-таки сочли нужнымъ перевести и издать рассказы Дроза, то какія же другія побужденія могли руководить вами, какъ не расчетъ на слабоуміе вашихъ читателей? Вы, подобно имъ, хотѣли спекулировать «грѣшною слабостью» праздною публики, для того, чтобы извлечь изъ своего изданія возможно большіе барыши. Успѣхъ «Физиологій брака» Дебэ соблазнилъ васъ.—Но увлеченіе перспективою большіхъ барышей еще было бы въ васъ извинительно, а вотъ что неизвѣтельно: зачѣмъ вы лицемѣрите, зачѣмъ вы облѣпливаете этою вонючею и грязною клубникою Фонарь Рошфора, зачѣмъ вы такъ его уродуете и сокращаете? Зачѣмъ вы стараетесь оправдать помѣщеніе Рошфора рядомъ съ Дрозомъ и Дюма какими-то теоретическими соображеніями, тогда какъ вы руководствовались чисто-лавошиническими расчетами угодить на всѣ вкусы и зашибить лишнюю копѣйку? Въ предисловіи вы утверждаете, будто въ циническомъ отношеніи Дроза къ женщинѣ выразился господствующій взглядъ на нее всего французскаго общества; будто Тэнъ въ разсказахъ, напечатанныхъ въ вѣшемъ изданіи, «удачно рисуетъ типъ французскаго воспитанія дѣвушекъ» и будто статья Дюма-сына «Парижская проституція» заслуживаетъ особеннаго вниманія публики. Все это, предупреждаемъ читателей, совершеннѣйшая ложь. Въ фельетонной болтовнѣ Тена и въ трескучихъ завываніяхъ Дюма-сына только кретинъ какой нибудь можетъ найти нѣчто достойное вниманія и даже вообще чтенія. Что же касается до взглядовъ французскаго общества на женщину, то не благоугодно ли будетъ справиться читателямъ съ тѣми фельетонами «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ, не такъ еще давно отзывались парижскіе митинги по поводу женской эмансипаціи; не благоугодно ли ему также будетъ пробѣжать переведенныя на рус-

скій языкъ романы, ну хоть Андре Лео (не говоря уже о Жоржъ-Зандъ), писательницы, пользующейся во Франціи весьма хорошею репутаціею, и онъ пойметъ тогда, какъ его безсовѣстно надуваетъ и морочитъ невѣжественный или безчестный издатель «Современныхъ французскихъ писателей».

Что касается до перевода и изданія Фонаря, то, разумѣется, это дѣло хорошее и полезное; но издатель выполнилъ его отменно дурно: во-первыхъ онъ сокращалъ и урѣзывалъ Фонарь, руководствуясь соображеніями совершенно непонятными и даже для него самого, вѣроятно, неясными. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь не о тѣхъ сокращеніяхъ и урѣзкахъ, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать, повинувшись силѣ независящихъ отъ него обстоятельствъ. Кромѣ этихъ вынужденныхъ сокращеній, онъ сдѣлалъ много и добровольныхъ. Въ предисловіи издатель увѣряетъ, будто онъ выпустилъ только тѣ мѣста, гдѣ Рошфоръ повторяется, или гдѣ онъ толкуетъ о вещахъ, имѣющихъ чисто-мѣстное значеніе и для насъ непонятныхъ. Это опять неправда: выпущено очень много и такихъ мѣстъ, гдѣ авторъ совсѣмъ не повторяется и говоритъ о предметахъ, могущихъ имѣть и у насъ вѣкоторый интересъ. Во-вторыхъ самый переводъ могъ бы быть сдѣланъ гораздо лучше.

Россіяне любятъ путешествовать, но рѣшительно не умѣютъ наблюдать и соображать. Прошлый разъ мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ, разбирая книжку г. Кушелевскаго; нынче намъ приходится убѣдиться въ этомъ еще разъ, благодаря г. Бартошевскому. Г. Бартошевскій—офицеръ, кажется, російскаго флота,—по долгу службы или по собственному желанію объѣхалъ вокругъ свѣта и побывалъ въ Японіи. Мы не знаемъ, какъ долго продолжалось его путешествіе, но мы полагаемъ, что очень не долго; такъ что онъ едва успѣлъ составить себѣ кое-какое, весьма смутное представленіе о тѣхъ земляхъ и народахъ, мимо которыхъ ему приходилось проѣзжать. Когда онъ вернулся на родину, это смутное представ-

леніе стало еще смутнѣе и еще безсвязнѣе. Это обстоятельство должно бы было, повидному, заставить его или постараться позабыть поскорѣе о своемъ путешествіи вокругъ свѣта, для того, чтобы не загромождать памяти неясными представленіями, или же обратиться къ сочиненіямъ русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, для того, чтобы съ помощью ихъ указаній припомнить, осмыслить, уяснить и дополнить свои прежніе, личные наблюденія. Но, къ удивленію нашему, г. Бартошевскій ни сдѣлалъ ни того, ни друго-го: онъ не постарался ни забыть, или, по крайней мѣрѣ, тщательно умолчать о своемъ путешествіи, ни дополнить и уяснить своихъ воспоминаній; ему показалось, что будетъ гораздо удобнѣе и прибыльнѣе взять эти воспоминанія такъ, какъ они есть, записать ихъ на бумажку, пока они еще не совсѣмъ вылетѣли изъ головы и отослать эту бумажку въ типографію. Пожалуй, что такъ для кармана и дѣйствительно прибыльнѣе, да за то для вашей чести и репутаціи, г. Бартошевскій, гораздо убыточнѣе. Не печатали бы вы своихъ записокъ, никто бы и не зналъ, что вы были въ Японіи, жили въ ней и ничего не могли, какъ слѣдуетъ замѣтить и припомнить. Г. Бартошевскій называлъ свои безсвязныя воспоминанія «Взглядомъ на социальную и политическую жизнь народа». У него въ книгѣ дѣйствительно есть такой взглядъ, но взглядъ этотъ можетъ имѣть значеніе развѣ только для тѣхъ изъ его самыхъ близкихъ и интимныхъ знакомыхъ, которые вѣрятъ ему на слово. Для остальной же публики, а въ томъ числѣ и для насъ, немѣющихихъ счастья знать васъ лично, — онъ не имѣетъ ни малѣйшей цѣны. Намъ бы хотѣлось знать не то, какъ онъ, г. Бартошевскій, изволитъ смотрѣть на социальный бытъ японскаго народа, а то, каковъ на самомъ дѣлѣ этотъ бытъ. Но вотъ именно этому-то законному нашему любопытству и не удовлетворяетъ книжка г. Бартошевскаго. Рисуя мрачными красками положеніе китайскаго пролетаріата, онъ говоритъ, что и въ Японіи начинаютъ проявляться признаки его, но что,

«вѣроятно, развитіе ихъ остановится подъ вліяніемъ проникающей въ страну европейской цивилизаціи».

Это утѣшительно, но едва ли правдоподобно, по той весьма простой причинѣ, что сама «европейская цивилизація» не можетъ отрѣшиться отъ пролетаріата и что, по своему основному характеру, она скорѣе можетъ ускорить, нежели остановить его развитіе въ Японіи. Но до какой точки развитія онъ дошелъ въ Японіи

въ настоящее время, откуда онъ явился, когда онъ явился, почему онъ явился, въ какихъ отношеніяхъ онъ находится къ прочимъ классамъ населенія? Вотъ вопросы, которые естественно возникаютъ въ умѣ читателя, при чтеніи цитированныхъ нами строкъ, и на которые онъ тщетно будетъ искать отвѣта въ книгѣ г. Бартошевскаго. А между тѣмъ разрѣшеніе ихъ было безусловно обязательно для автора, если онъ дѣйствительно желалъ познакомить публику—хотя приблизительно, хотя въ общихъ чертахъ,—съ социальнымъ бытомъ японскаго народа. Не говоря ни слова объ образованіи и положеніи японскихъ пролетаріевъ, авторъ точно также ничего не говоритъ и о социальномъ положеніи японскихъ жителей вообще. Изъ одного мѣста его книжки можно догадаться, что въ Японіи, какъ и вездѣ, жители раздѣляются на классы, и что эти классы «въ одинаковой степени отвѣтственны передъ закономъ» (стр. 29). Но какіе это классы, въ какихъ они находятся между собою отношеніяхъ, въ какихъ отношеніяхъ состоятъ они къ князьямъ-феодаламъ (о которыхъ тоже упоминается вскользь въ одномъ мѣстѣ), какія средства они имѣютъ къ существованію, и въ чемъ, наконецъ, заключается ихъ равенство передъ закономъ, фактическое оно или юридическое,—обо всемъ этомъ не говорится ни слова. О политическомъ бытѣ страны—тоже ни слова. О чемъ же наконецъ говоритъ г. Бартошевскій? спроситъ насъ удивленный читатель. Говоритъ онъ о томъ, о чемъ обыкновенно говорятъ наименѣе наблюдательные и провидательные путешественники—объ одеждѣ японцевъ, объ ихъ наружности, о нѣкоторыхъ чертахъ изъ ихъ домашней жизни и т. п. Впрочемъ, чтобы быть вполне справедливымъ къ автору, не скроемъ отъ читателя, что въ его книжкѣ есть двѣ три странички, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніяхъ европейскихъ просвѣтителей къ японцамъ и къ японской литературѣ.

«Японская литература,—разсказываетъ онъ,—обязана своимъ происхожденіемъ Китаю: собственно японскія письмена явились не раньше VIII-го вѣка по Р. Х., а до тѣхъ поръ японцы довольствовались китайскими рукописями, добытыми еще въ третьемъ столѣтіи. Но такъ какъ вообще китайская культура не могла выдержать критики японскаго ума, то и литература, родившись подъ вліяніемъ китайской, естественно стремилась сдѣлаться самостоятельною, такъ что если китайскій элементъ еще силенъ въ ней, то это объясняется двумя главными причинами: во-первыхъ религіею, наводнившюю литературу теологическими цитатами и желанію (вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: желаніемъ) двора удержатъ подражаніе китайскимъ классикамъ; хотя вслѣдствіе напускнаго патриотизма микадды и поощряютъ сочиненія различ-

ного рода азбукъ, которыя вслѣдствіе того являются чуть не ежедневно, но это единственное проявленіе ихъ національныхъ стремленій, такъ какъ они враждебно смотрятъ на развитіе народной культуры, видя свой идеалъ въ китайской рутинѣ. Поэтому всякое описаніе непременно должно быть изложено въ извѣстномъ видѣ; такъ пѣвецъ моря непременно долженъ представить своего героя сидящимъ на берегу его, и слѣдящимъ за движеніемъ волнъ, полетомъ птицъ и плаваніемъ рыбъ, точно также всякій другой предметъ не излагается иначе, какъ подъ извѣстными разъ навсегда принятыми формами. Этотъ классицизмъ, подражаніе китайскимъ образцамъ, всегда задерживалъ и доселѣ задерживаетъ всякое развитіе японской литературы. *Народъ достигнулъ хорошаго элементарнаго образованія, такъ какъ всякій умѣетъ читать и писать*, но благодаря этикъ двумъ задерживающимъ силамъ, религіи и правительству, — не можетъ продолжать свои знанія дальше извѣстныхъ положенныхъ ему границъ. Разныхъ системъ азбукъ въ Японіи больше сорока, но всѣ они созданы не для обработки или болѣе легкаго изученія языка, а для различныхъ вычужденныхъ потребностей; такъ по одному алфавиту надо писать къ старшему, по другому — къ младшему, особенно пишется къ жепцинѣ, къ родителямъ, къ священнику и т. д., да и эти цѣли совершенно не достигаются, такъ какъ всякій, сколько нибудь образованный японецъ, считаетъ своею обязанностью знать китайскіе знаки, которыми пишутся всѣ научныя и беллетристическія сочиненія. Содержаніемъ японскія книги очень не богаты, чего вначе не могло и быть при низкомъ развитіи народа, въ нихъ ничего вы не найдете, кромѣ самыхъ элементарныхъ свѣденій о математикѣ, отчасти о географіи, естественной исторіи и медицинѣ, да повѣстей зротаческаго содержанія» (стр. 49).

Въ другомъ листѣ авторъ увѣряетъ, что

«литературные тузы въ Японіи еще большіе охотники до клубнички, чѣмъ наши современные поэты» (стр. 50),

такъ что мы совѣтуемъ анонимному издателю «Современныхъ французскихъ писателей» перенести свою дѣятельность въ Японію — тамъ онъ встрѣтитъ несомнѣнный успѣхъ и приобрететъ прочную и почетную славу. Не туда ли отправился и г. Тибленъ для изданія 2-го тома «Новыхъ русскихъ писателей»?

Однако и въ этой мертвящей литературѣ, навсквозь проѣденной китаизмомъ и классицизмомъ, начинаютъ пробиваться свѣжія мысли, начинается слышаться голосъ протеста. Г. Бартошевскій рассказываетъ, что ему случайно удалось наткнуться на одну небольшую японскую повѣсть, по своему сюжету и по своей тенденціи рѣзко отличающуюся отъ общаго направленія японской литературы. Содержаніе ея просто и несложно. Въ ней изображается дѣвушка, стоящая, по умственному своему развитію, выше окружающихъ ее людей; жизнь, на первомъ же шагу, встрѣчаетъ ее непріязненно, постоянно напоминая ей, что она вещь, созданная не для себя, а

для наслажденія другихъ. По окончаніи своего воспитанія, она должна поступить въ наложницы къ богатому чиновнику; она его ненавидитъ, но не можетъ избавиться отъ него, потому что онъ уже два года, какъ приобрѣлъ ее въ собственность у хозяйки дома, и только ждалъ, когда ей минетъ четырнадцать лѣтъ, для того, чтобы вступить въ полное обладаніе ею; къ счастью, хозяйка, заключившая это условіе, умираетъ, а новая требуетъ вторичной уплаты. Дѣвушка радуется и блаженствуетъ, полагая, что рабство ея кончено, и что она освободится отъ чиновника; но чиновникъ рѣшается заплатить снова требуемую сумму, чѣмъ отказаться отъ обладанія ею: несчастная, не видя возможности законнымъ образомъ освободиться отъ нелюбимаго человѣка, убѣгаетъ отъ него, и умоляетъ своихъ родителей выкупить ее. Но родители, какъ водится, отвергаютъ свою безумную дочь, отказывающуюся отъ того счастья, которое посылаетъ ей судьба, въ видѣ важнаго и богатаго чиновника. Съ грустью возвращается она назадъ, но на пути встрѣчаетъ своего знакомаго лодочника, друга своего дѣтства, рассказываетъ ему свое горе и онъ выкупаетъ ее и женится на ней. Вотъ и вся почва этого незамысловатаго разсказа; авторъ хочетъ показать въ немъ всю печальную безвыходность положенія японки, и изображаетъ женщину, рѣшающуюся протестовать и бороться съ тѣми ужасными условіями, въ которыя поставилъ ее законъ; правда, эта борьба слаба, этотъ протестъ робокъ и незначителенъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Бартошевскій, важно уже самое побужденіе поплыть противъ течения, стать въ разрѣзъ съ существующими безобразными понятіями. По этому разсказу — продолжаетъ онъ далѣе — надо предположить, что есть же въ Японіи какой нибудь классъ или хоть кружокъ людей болѣе здраво смотрящій на вещи, кружокъ, которому суждено, конечно, двинуть впередъ застоявшееся японское общество и произвести переворотъ въ его понятіяхъ. Замѣчательно, что протестъ впервые раздался со стороны женщинъ; это показываетъ, что хотя ея социальное положеніе въ высшей степени гнусно и отвратительно, но что въ умственномъ отношеніи она стоитъ — сравнительно, разумѣется, — на довольно высокой степени развитія. И дѣйствительно, г. Бартошевскій говоритъ, что въ Японіи женщины получаютъ совершенно одинаковое образованіе съ мужчинами, всѣ они умѣютъ читать и писать и обучаются всѣмъ тѣмъ наукамъ, которыя только доступны японцамъ. Повидному, вліяніе европейцевъ, которые нерѣдко стали теперь вступать въ бракъ съ японцами, должно бы было

еще болѣе способствовать нравственному и умственному возвышенію послѣднихъ, но на дѣлѣ выходитъ на оборотъ; европеецъ не возвышаетъ, а еще болѣе унижаетъ, оскорбляетъ, развращаетъ японку, возбуждая къ себѣ, съ ея стороны, вполне справедливую ненависть и, вѣроятно, презрѣніе, смѣшанное съ ужасомъ и страхомъ.

«Женившись на ней—говорить г. Бартошевскій,—онъ смотритъ на нее какъ на жепу, а какъ на публичную женщину и обращается съ нею съ тою подлою высокоумѣрностью, съ тѣмъ глубокимъ презрѣніемъ, какія характерныя отношенія нашихъ мужчинъ съ падшими женщинами; характеристичною чертою этого обращенія служатъ беспощадные нападки и глумленія надъ обычаями страны, направленные не на улучшеніе взглядовъ или привычекъ женщины, а на то, чтобы втоптать ее въ грязь, показавъ свое превосходство, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти господа ближе японцевъ къ дѣйствительно образованнымъ людямъ Европы только тѣмъ фактомъ, который надѣтъ на ихъ спяніе. Понятно, что образъ дѣйствій этихъ господъ возбуждалъ справедливое негодованіе японцевъ, но, къ несчастію, этотъ вопросъ счумѣли обратить въ политическій, послѣ чего уничтожился всякій предѣлъ своеволію европейцевъ». (Стр. 39.)

Отраднымъ исключеніемъ являются отношенія къ японцамъ американцевъ и русскихъ. Русскихъ—представителями которыхъ здѣсь являются морскіе офицеры,—японцы и японки особенно жалуютъ; первые жалуютъ ихъ за то, что они не вмѣшиваются ни въ какія политическія и общественныя дѣла; вторыя за то, что они не требовательны насчетъ женской чистоплотности и не заставляютъ своихъ женъ, подобно французамъ и англичанамъ, часто мѣнять свое бѣлье. И то и другое дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, большую честь господамъ морскимъ офицерамъ; если и вы, г. Бартошевскій, принадлежите къ ихъ числу, то и вамъ это дѣлаетъ честь.

Въ заключеніе нашей хроники, рекомендуемъ вниманію читателей, небольшую, только-что вышедшую на этихъ дняхъ, книжечку подъ заглавіемъ «Почему и потому, вопросы и отвѣты по наиболѣе важнымъ отраслямъ естественныхъ наукъ». Въ сущности это не болѣе, какъ краткій курсъ физики, изложенный весьма толково и популярно, съ объясненіями, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ раз-

наго рода, болѣе или менѣе обыденныхъ фактовъ физическаго міра. Порядокъ изложенія такой: сперва дается общее опредѣленіе разсматриваемаго физическаго закона или явленія; потомъ разрѣшаются разнаго рода частныя практическіе вопросы, возникающіе по поводу фактовъ обусловливаемыхъ или зависящихъ отъ этого явленія или закона. Напримѣръ, возьмемъ хоть главу *о теплотѣ*. Прежде всего авторъ показываетъ, что обыкновенно подразумѣваютъ подъ теплотою въ общепитіи, потомъ опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ истинная сущность этого явленія и какъ объясняетъ его современная наука. Все это излагается очень сжато и кратко,— менѣе чѣмъ на одной страничкѣ. Послѣ этого слѣдуетъ цѣлый рядъ вопросовъ, съ болѣе или менѣе обстоятельными отвѣтами: почему сыплются искры, если ударить кусочкомъ стали о кремь? Почему можно обжечь руки, если быстро спускаться на нихъ по канату? Почему часто сырое сѣно загорается? Почему если пахнетъ вѣтеръ или если дунуть ртомъ, потухнетъ свѣчка? и т. д., и т. д. Конечно, эти вопросы не исчерпываютъ всѣхъ этихъ недоумѣній, которыя могутъ возникнуть въ головѣ учащагося при встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ физическимъ фактомъ; но уже это дѣло учителя давать дальнѣйшія объясненія и возбуждать новые вопросы. Особенность этого метода состоитъ въ томъ, что ученику даются уже готовые объясненія всевозможныхъ частныхъ случаевъ, вытекающихъ изъ общаго правила, а не требуется, чтобы онъ самъ доходилъ до этихъ объясненій, чтобы онъ самъ подводилъ единичныя явленія подъ общіе законы. Разумѣется, такая метода не годится для учениковъ уже болѣе или менѣе развитыхъ, но для начинающихъ она въ высшей степени полезна и практична. Особенно полезна она для тѣхъ изъ начинающихъ, которые приступаютъ къ изученію физики безъ помощи наставниковъ и руководителей. Намъ казалось бы только, что достоинства этой методы значительно увеличились бы, если бы вопросы были расположены въ логической системѣ; факты, по поводу которыхъ они возникаютъ, бывають болѣе или менѣе сложны, болѣе или менѣе однородны, потому ихъ необходимо слѣдовало бы раздѣлить на категоріи, на степени ихъ однородности и сложности, и сообразуясь съ этими категоріями ставить вопросы именно такимъ образомъ, чтобы сперва шли вопросы о фактахъ менѣе сложныхъ, потомъ болѣе сложныхъ, и чтобы вопросы о фактахъ однородныхъ составляли особыя группы. Такая постановка вопросовъ незамѣтно пріучала бы ученика къ логическому мышленію и облегчала бы пониманіе

отвѣтовъ. Къ несчастію, книга Уде далеко не вполне удовлетворяетъ этому условію; въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ оно какъ будто соблюдается, за то въ другихъ совершенно игнорируется. Видно, что авторъ не имѣлъ его въ виду. Впрочемъ этотъ недостатокъ легко можетъ быть устраненъ и исправленъ, если учащійся будетъ пользоваться этою книгою при руководствѣ хорошаго учителя.

Но не только для учащихъ, эта книга можетъ быть полезна также и для самихъ учителей. Авторъ говоритъ даже въ предисловіи, что, при составленіи ея, онъ ихъ въ особенности имѣлъ въ виду. Она, по его мнѣнію, должна облегчить для нихъ трудъ—находить явленія природы, изъ которыхъ въ методическомъ порядкѣ могли бы быть выведены наиболѣе важные законы. Намъ кажется, что она дѣйствительно можетъ достигнуть этой цѣли, хотя, разумѣется, вполне компетентными судьями въ этомъ дѣлѣ могутъ быть только сами учителя.

П. Т.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣчто о призракахъ современной земской дѣятельности, по поводу «Сборника правительственныхъ распоряженій по дѣламъ земства». — Отсутствіе гласныхъ въ собраніяхъ, сословныя столкновенія, кражи земскихъ суммъ и доносы. — Причины такого положенія дѣлъ. — Подводный камень нашихъ представительныхъ учреждений. — Есть ли надежда на лучшее. — Комиссія для изслѣдованія крестьянскаго хозяйства и надежды, возлагаемыя на нее «крѣпостниками». — Нѣчто о г. Танѣевѣ, какъ объ адвокатѣ. — Принципъ «защищать всякое дѣло», господствующій въ средѣ пашихъ присяжныхъ повѣренныхъ. — Характеръ гражданскаго процесса, поддерживающій этотъ принципъ. — Значеніе того же принципа въ дѣлахъ уголовныхъ. — Направленіе современныхъ статистическихъ работъ въ Россіи. — «Архивъ судебной медицины и общественной гигиены» съ точки зрѣнія практической статистики. — Самоубійства въ Петербургѣ и статья г. Гюбнера. — Недостатки его статистическихъ приѣмовъ. — Самоубійства въ простомъ классѣ жителей. — Петербургская почва, какъ одно изъ сильныхъ вліяній въ этомъ отношеніи. — Самоубійства въ средѣ учащихся. — Матеріальная обстановка студентовъ медико-хирургической академіи. — Нѣчто о современныхъ проэктахъ, какъ слѣдствіяхъ нашей юности. — Проэктъ общества для распространенія въ народѣ журналовъ. — Проэктъ литературно-издательскаго кооперативнаго общества.

Наши читали замѣтили, конечно, что мы чрезвычайно рѣдко касаемся въ своихъ «Обозрѣніяхъ» такъ называемыхъ «земскихъ вопросовъ». Повидимому, это съ нашей стороны довольно важное «упущеніе», потому что, говоря объ общественной жизни Россіи, прежде всего бы, кажется, слѣдовало говорить о дѣятельности земства.

Но мы имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что читатели не только не въ претензіи на насъ за такое «упущеніе», а напротивъ, очень довольны, что мы избавляемъ ихъ отъ разсужденій по земскимъ

дѣламъ. Мы убѣждены, что наши читатели нисколько не интересуются земскими дѣлами; а если это справедливо, то, конечно, читатели должны благодарить насъ за то, что мы, оставляя въ сторонѣ земскія дѣла, занимаемся вопросами болѣе живыми и болѣе интересными.

Но справедливо ли, что наше общество перестало интересоваться земствомъ? Мы думаемъ, что справедливо—и прежде всего потому, что сами избиратели, сами гласные перестали имъ интересоваться. Стану ли я съ удовольствіемъ смотрѣть на какуюнибудь пьесу, если вижу, что актеры исполняютъ свои роли только для виду, думая въ это время единственно о томъ, какъ бы поскорѣе убраться домой? Конечно, я первый уйду изъ театра. Между тѣмъ наши гласные именно похожи на тѣхъ актеровъ, которые не только участвуютъ въ пьесѣ не по своей волѣ, но даже не скрываютъ этого, а прямо говорятъ, что намъ, дескать, «все это до смерти надоѣло».

Въ виду такого равнодушія гласныхъ къ своей дѣятельности—чему мы представимъ несомнѣнные доказательства—а также въ виду справедливо предполагаемаго нами равнодушія всего общества къ земскимъ дѣламъ, мы поступили бы гораздо лучше, еслибы продолжали свое молчаніе относительно всего, что только касается земства. Но одно обстоятельство заставляетъ насъ сдѣлать исключеніе изъ общаго нашего правила и удѣлить на этотъ разъ нѣсколько страничекъ если не «земскимъ дѣламъ», то вообще «земскому вопросу».

На-дняхъ изданъ «Сборникъ всѣхъ узаконеній и распоряженій правительства по земскимъ учрежденіямъ» съ 1 января 1864 года по настоящее время. Въ этотъ сборникъ вошли какъ собственно узаконенія, состоявшіяся въ законодательномъ порядкѣ, такъ и циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ. Словомъ, Сборникъ представляетъ исторію правительственныхъ мѣръ, изложенныхъ въ хронологической послѣдовательности, за все время существованія земскихъ учреждений. Этотъ-то Сборникъ и навелъ насъ на мысль сказать нѣсколько словъ о современномъ характерѣ нашей земской дѣятельности.

Изъ числа всѣхъ правительственныхъ мѣръ по отношенію къ земству, наиболѣе важными должно считать слѣдующія:

1) Законъ 30 мая 1866 года, которымъ запрещалось вносить въ смѣты земскихъ повинностей расходы въ пользу земскихъ гласныхъ, и постановлялось, что еслибы какія либо общества нашли

нужнымъ назначать избраннымъ отъ нихъ гласнымъ какое либо содержаніе, то оно должно быть относимо насчетъ того общества, которое желаетъ вознаграждать своихъ гласныхъ.

2) Законъ 21 ноября 1866 года, которымъ земство лишалось права облагать торговля и промышленныя заведенія выше извѣстной нормы, установленной въ законодательномъ порядкѣ.

3) Законъ 13 іюня 1867 года, объ увеличеніи правъ предсѣдателей земскихъ собраній, о постановленіяхъ собраній, признаваемыхъ недѣйствительными и объ отвѣтственности за нарушеніе правилъ въ собраніяхъ. Этимъ закономъ увеличивалась отвѣтственность предсѣдателей, а потому и расширялись ихъ права.

4) Законъ того же числа и года о порядкѣ печатанія земскихъ отчетовъ и протоколовъ. Этимъ закономъ постановлялось, что отчеты о засѣданіяхъ, пренія и рѣчи могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернаторовъ.

Эти четыре закона имѣютъ дѣйствительно огромное значеніе для земства, и журналистика въ свое время довольно много занималась обсужденіемъ ихъ вліянія на дѣятельность земскихъ собраній. Но какъ бы велико ни было это вліяніе, все-таки оставалось несомнѣннымъ то, что эти четыре закона не имѣли въ виду совершенно парализовать дѣятельность земства и довести до того плачевнаго состоянія, въ какомъ мы видимъ его въ настоящее время. Еслибы земскія собранія оказались не нужными или вредными, то правительство, конечно, совершенно бы ихъ уничтожило.

Между тѣмъ мы видимъ, что земскихъ собраній, несмотря на отсутствіе уничтожающаго ихъ закона, какъ бы вовсе не существуетъ. Газеты и журналы совершенно перестали ими заниматься, публика относится къ нимъ вполне безразлично, да и сами гласные нисколько не интересуются земскимъ дѣломъ. Въ какомъ именно положеніи находится теперь наше земство — не знаютъ ни печать, ни общество, ни, вѣроятно, сами гласные. Если же въ печати и являются изрѣдка какія либо извѣстія, то большею частію невеселаго свойства, показывающія, что если наши «земскія силы» еще не исчезли, то замѣтно разлагаются. Мы не думаемъ, чтобы эти извѣстія имѣли общій характеръ, однакоже и исключительными ихъ назвать невозможно.

Изъ всѣхъ этого рода извѣстій, бросавшихся намъ въ глаза, мы остановимся преимущественно на слѣдующихъ:

Во первыхъ. Не разъ намъ случалось читать, что земскія собранія, и особенно экстренныя, вызванныя разными вопросами, требуютъ

«Дѣло», № 10.

5

вавшими немедленнаго разрѣшенія, не могли состояться потому, что на нихъ не являлось законнаго числа гласныхъ или избирателей. Такъ, напримѣръ, однажды въ Новгородѣ было назначено собраніе избирателей для выбора гласныхъ на предстоявшее трехлѣтіе. Но вмѣсто 200 избирателей, явилось только 19 человѣкъ. А такъ какъ по закону требовалось присутствіе по крайней мѣрѣ 50 человѣкъ, то всѣ явившіеся девятнадцать избирателей и поступили безъ выбора въ гласные — конечно, можетъ быть даже противъ всякаго своего желанія. Точно также въ Калугѣ было недавно назначено чрезвычайное губернское собраніе для разсмотрѣнія докладовъ управы «по нетерпящимъ отлагательства предметамъ». Съѣхалось двадцать человѣкъ, потолковали между собою и порѣшили собраться на завтра. Но вмѣсто назначеннаго собранія, былъ составленъ протоколъ, изъ котораго оказалось, что собраніе, «по недостаточному числу прибывшихъ губернскихъ гласныхъ», состояться не можетъ. Такимъ же точно протоколомъ окончилось назначенное собраніе въ Херсонѣ, гдѣ 17 гласныхъ, два дня напрасно прождавъ своихъ товарищей, должны были разѣхаться по домамъ. По той же причинѣ не могло состояться и Черниговское земское собраніе, хотя цѣль этого собранія была, по словамъ корреспондента, «столь важна, предметъ, подлежавшій обсужденію, столь неотложный, что трудно было представить себѣ, какимъ образомъ прибывшіе гласные выпутаются изъ положенія, въ которомъ очутились». И такъ, это явленіе мы можемъ считать довольно общимъ — а изъ него никакъ не слѣдуетъ, чтобы наши земскія дѣла процвѣтали.

Во вторыхъ. По другимъ газетнымъ извѣстіямъ оказывается, что земство устремило свое вниманіе на такіе предметы, которые хотя сами по себѣ, можетъ быть, и заслуживаютъ вниманія, но ужъ къ дѣятельности земства врядъ ли имѣютъ какое нибудь отношеніе. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить казанское губернское собраніе, которое занимается такими, напримѣръ, вопросами, какъ перенесеніе памятника Державина съ университетскаго двора на театральную площадь. Можетъ быть и правда, что этотъ памятникъ, «находясь во дворѣ, окруженномъ зданіями, мало доступенъ публикѣ, не можетъ способствовать ни украшенію города, ни поддержанію въ обществѣ воспоминаній о литературныхъ трудахъ покойнаго поэта, и возбуждаетъ невольное сожалѣніе о денежныхъ пожертвованіяхъ и трудахъ, понесенныхъ безъ особенной пользы для дѣла», но тѣмъ не менѣе, забота земства о подобнаго

рода вопросахъ не можетъ свидѣтельствовать о томъ, чтобы земскія собранія серьезно относились къ своей дѣятельности.

Въ третьихъ. Еще по нѣкоторымъ извѣстіямъ можно судить, что между различными сословіями, составляющими земство, далеко не существуетъ того согласія, единственно при которомъ возможно правильное теченіе дѣлъ. Это разногласіе замѣчалось въ нашихъ собраніяхъ давно уже, но сперва главной его причиной было дворянское сословіе; теперь же, когда это сословіе сдѣлалось господствующимъ въ земскихъ собраніяхъ, разногласіе идетъ со стороны купечества и сельскаго населенія. Напримѣръ, въ послѣднее время земство стало принимать на себя извѣстныя обязательства по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Мы полагаемъ, судя по нѣкоторымъ фактамъ, что подобныя обязательства обусловлены общимъ согласіемъ всѣхъ сословій, и думали, что желѣзно-дорожное дѣло можетъ сдѣлаться тѣмъ связующимъ цементомъ, отсутствіемъ котораго такъ замѣтно страдаетъ наше земство. Но оказывается, что крестьяне вовсе не участвуютъ въ этого рода обязательствахъ и даже протестуютъ противъ нихъ. Такъ, когда калужское губернско-земское собраніе вошло въ переговоры съ какимъ-то предпринимателемъ по калужско-серпуховской желѣзной дорогѣ и гарантировало одинъ процентъ чистаго дохода, то все сельское населеніе Тарускаго уѣзда протестовало противъ этого распоряженія и подало мѣстному губернатору протестъ, подписанный двѣнадцатью волостными старшинами. Въ немъ крестьяне доказываютъ, что одинъ процентъ со стоимости постройки (24 милліона рублей) составитъ такую крупную сумму, которая превышаетъ всѣ сельскія средства и которую ужъ во всякомъ случаѣ полезнѣе бы было употребить «на развитіе народнаго ученія, на устройство лечебной части, на увеличеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, на устройство пожарнаго сельскаго обоза, на учрежденіе сельскихъ банковъ и т. п.» При этомъ крестьяне находятъ дѣйствія губернскаго собранія «превышающими предѣлы его власти, а потому стѣсняющими ихъ общественное положеніе, такъ какъ подобныя распоряженія земства могутъ быть допущены лишь какъ добровольныя сдѣлки; но не какъ обязательныя». Ходятъ слухи (за недостаткомъ точныхъ извѣстій, приходится довольствоваться и слухами), что подобныя же протесты составлялись и въ другихъ губерніяхъ, хотя не получали огласки. Что касается до неудовольствій со стороны купечества, то они отличаются гораздо меньшей основательностью, хотя все-таки вредятъ земству. Такъ, напримѣръ, петрозаводское купе-

чество обвинило мѣстное земство даже въ томъ, что оно будто бы слишкомъ усердно заботится о народномъ продовольствіи. Въ этой заботѣ купечество видитъ опасную конкуренцію, «направленную единственно противъ его торговыхъ интересовъ». Если, разсуждаетъ купечество, земство станетъ продавать хотя бы и голодающему народу по уменьшенной цѣнѣ хлѣбъ, то это «подорветъ оптовую и розничную частную торговлю, заставитъ хлѣбопромышленниковъ остерегаться дѣлать закупку хлѣба въ обычныхъ размѣрахъ, изъ боязни, что они не только понесутъ убытки отъ пониженія земствомъ цѣнъ, но даже могутъ не распродать своихъ запасовъ и, слѣдовательно, затратить на эту торговлю капиталъ совершенно непроизводительно».

Наконецъ, *въ четвертыя*, намъ случилось довольно часто слышать, что представители земства, тамъ гдѣ они не совсѣмъ равнодушно относятся къ своему дѣлу, имѣютъ много враговъ въ разныхъ слояхъ общества и нерѣдко служатъ предметами доносовъ довольно опаснаго свойства, хотя часто и совершенно неосновательныхъ. Такому, *напримѣръ*, доносу подверглись члены одной земской управы со стороны протоіерея Б., которому показалось, будто члены управы не присутствовали въ соборѣ въ одинъ изъ высокочественныхъ дней, хотя это обвиненіе и не было ни на чемъ основано. Протоіерей Б. прямо обвинялъ всю земскую управу «въ явномъ неуваженіи къ закону и неуваженіи къ Государю Императору» и представилъ это обвиненіе по начальству.

При такомъ общемъ состояніи земства, при равнодушіи къ нему со стороны гласныхъ и всего общества, одно только намъ казалось страннымъ: какимъ образомъ могло случиться, что до сихъ поръ ничего не слышно о растратахъ земскихъ капиталовъ и прочихъ злоупотребленіяхъ, всегда неизбежныхъ тамъ, гдѣ крупныя денежные операціи совершаются безъ всякаго общественнаго контроля. Но наконецъ и такія извѣстія начинаютъ являться. Именно, изъ повгородской губерніи сообщаютъ, что въ уѣздномъ городѣ Боровичахъ *давно уже* ходили неблагоприятныя слухи относительно мѣстнаго земства и что недавно эти слухи совершенно оправдались. Последнее боровичское собраніе получило отъ губернской земской управы бумагу, въ которой говорится, что отчетъ предсѣдателя боровичской уѣздной управы представляетъ недостатокъ *на двѣнадцать тысячъ рублей* въ суммахъ, полученныхъ за продажу хлѣба для голодавшихъ крестьянъ. Кромѣ того, губернская управа нашла въ отчетѣ боровичской управы совершенно «невѣроятныя фак-

ты». Съ другой стороны, начальникъ губерніи также представилъ земскому собранію, что «не смотря на большія суммы, которыя показаны истраченными на ремонтировку дорогъ», эти дороги находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. Уѣздное земство, вслѣдствіе приведенныхъ заявленій, должно было нарядить комиссію — для производства формальнаго слѣдствія надъ членами боровичской управы.

Таково современное состояніе нашего земства по тѣмъ извѣстіямъ, которыя появляются въ газетахъ. Мы, конечно, не имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобы придавать этимъ извѣстіямъ общій характеръ; по крайней мѣрѣ періодическая печать изобилуетъ именно такого рода извѣстіями, и именно они, а не другія бросаются въ глаза всякому читателю.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣятельность земства стала проявляться болѣе отрицательнымъ, чѣмъ положительнымъ образомъ вслѣдствіе того равнодушія со стороны общества и самихъ гласныхъ, о которомъ мы говорили выше. Но откуда же пошло это равнодушіе? Слѣдуетъ ли причину его искать во вліяніи перечисленныхъ выше законовъ, или просто въ характерѣ русскаго человѣка, привыкшаго дѣлать что бы то ни было только въ силу начальническихъ приказаній и увлекающагося только новинкою, или же, наконецъ, существуютъ еще какія нибудь причины, породившія такое общее равнодушіе?

Что тотъ или другой законъ можетъ оказывать то или другое вліяніе въ средѣ, гдѣ онъ примѣняется — это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но мы здѣсь не станемъ разсматривать, какое вліяніе на дѣятельность земства имѣли тѣ четыре крупныхъ закона, которые мы перечислили выше, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ это не имѣетъ для насъ особеннаго значенія. Какъ бы хорошо или дурно ни было это вліяніе — сущность дѣла все-таки измѣнилась бы весьма мало. Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ не существовалъ законъ 21 ноября 1866 года, то-есть, еслибъ земство не было лишено права облагать промышленныя и торговыя заведенія выше извѣстнаго предѣла, то все-таки оно не могло бы предотвратить того плачевнаго положенія дѣла, котораго мы теперь свидѣтели. Правда, доходы земства могли бы увеличиться нѣсколькими десятками тысячъ, но это не произвело бы значительнаго измѣненія въ финансовыхъ средствахъ земства. Точно также еслибъ земство сохранило за собою право, уничтоженное закономъ 30 мая 1866 года, выдавать деньги изъ земскихъ суммъ тѣмъ

гласнымъ, которые не имѣютъ средствъ ѣздить изъ деревень въ уѣздный или губернской городъ и жить тамъ по нѣскольку дней, то пользуясь этимъ правомъ, земство могло бы достигнуть нѣкотораго *чисто-внѣшняго* оживленія въ своей дѣятельности, именно того, чтобъ въ земскихъ собраніяхъ присутствовали гласные-крестьяне, которые теперь мирно сидятъ по домамъ. Но это внѣшнее оживленіе также имѣло бы самое незначительное вліяніе на сущность дѣла. Наконецъ, еслибъ извѣстія о дѣятельности земства могли свободно появляться въ печати, не требуя предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія со стороны начальниковъ губерній, какъ требуетъ законъ 13 іюня 1867 года, то несомнѣнно, что печать гораздо больше чѣмъ теперь занималась бы земскими дѣлами, принося, такимъ образомъ, не мало пользы земскому дѣлу. Но и это право свободнаго обсужденія не спасло бы земство отъ современной бездѣятельности и разстройства. Конечно, всѣ эти три права въ совокупности могли бы способствовать большому уясненію вопроса, но все-таки далеко не въ нихъ заключается возможность обновленія и возрожденія нашего земства.

Въ чемъ же коренная, главная причина современнаго состоянія земской дѣятельности? Разрѣшивъ этотъ вопросъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшимъ и другой: когда именно земское дѣло выйдетъ изъ настоящаго мертваго покоя и приобрететъ важное значеніе въ нашей общественной жизни.

Для удовлетворительнаго уясненія себѣ этого вопроса стоитъ только припомнить, чѣмъ именно интересовали насъ всѣхъ земскія собранія въ первый годъ ихъ дѣятельности? Они интересовали насъ по столько, по сколько касались вопросовъ, имѣвшихъ общее значеніе, какъ-то: народныхъ школъ, учительскихъ семинарій, уничтоженія нищенства, уменьшенія пьянства, улучшенія общаго экономическаго состоянія губерній. Насъ интересовали эти вопросы не потому, какъ именно они разрабатывались въ примѣненіи къ потребностямъ той или другой мѣстности, насъ занимали главнымъ образомъ не мѣстные интересы каждой губерній — насъ интересовала совсѣмъ другая сторона дѣла. Мы всѣ знали, что еще задолго до образованія земскихъ учреждений, въ литературѣ всесторонне разрабатывались многіе изъ тѣхъ самыхъ вопросовъ, которые должно было обсуждать земство. До открытія его, всѣ эти вопросы не имѣли почти никакого практическаго интереса, потому что ихъ некому и некуда было примѣнять. Но какъ только открылись земскія собранія — намъ вдругъ показалось, что обществу, въ лицѣ глас-

ныхъ, предоставлено широкое право примѣнять на практикѣ все то, о чемъ толковала періодическая печать. И вотъ мы съ величайшимъ интересомъ стали слѣдить за протоколами земскихъ собраний, за мнѣніями гласныхъ, стали замѣчать, какихъ взглядовъ по тому или другому вопросу придерживается то или другое земское собраніе, тотъ или другой гласный. Мы стали смотрѣть на нихъ не какъ на практическихъ дѣятелей въ сферѣ чисто-хозяйственной, но какъ на ораторовъ, призванныхъ выражать свои мнѣнія по поводу различныхъ соціальныхъ вопросовъ.

Нужно замѣтить, что сами земскія учрежденія точно также смотрѣли на свою дѣятельность, какъ и публика. Они, при самомъ своемъ открытіи, сразу начали съ разсужденій о школахъ, учительскихъ семинаріяхъ, нѣлиствѣ, нищенствѣ и т. п. Кто изъ нашихъ читателей слѣдилъ за дѣятельностью первыхъ земскихъ собраний, тотъ помнить, конечно, что ихъ протоколы наполнялись философскими разсужденіями и теоретическими соображеніями о томъ, напримѣръ, въ какой мѣрѣ полезно для народа обязательное обученіе грамотѣ, насколько способна женщина быть народной учительницей, отъ какихъ причинъ зависитъ развитіе въ народѣ пьянства и нищенства и т. п. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ устраивались дѣльныя спеціальныя комиссіи, которыя составляли обширныя записки въ формѣ научно-практическихъ изслѣдованій и докладывали ихъ земскимъ собраніямъ. Интересно бы было собрать теперь всѣ эти доклады, потому что хотя въ нихъ оказывалось много вздору, но за то находились и чрезвычайно дѣльныя соображенія, подтверждаемыя большимъ количествомъ фактовъ, собранныхъ гласными.

Но наконецъ, пора теоретическихъ обсужденій и докладовъ миновала, приходилось братья за дѣло и примѣнять на практикѣ то, что было обработано въ теоріи. Тутъ-то, съ этого самаго момента, и начинается постепенное охлажденіе къ дѣламъ земства какъ публики, такъ и самихъ гласныхъ. Когда проекты были готовы и одобрены, тогда вдругъ стало оказываться, что для примѣненія ихъ къ дѣлу не достаетъ денегъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ разныя народныя потребности, какъ-то: школы, больницы, продовольствіе, вообще медицинская часть находились въ такомъ плачевномъ состояніи, что для полнаго ихъ удовлетворенія требовались громадныя капиталы. А капиталовъ-то и не оказалось. Чтобъ какъ нибудь выйдти изъ безвыходнаго положенія, въ какомъ очутилось земство, нужно было или удовлетворить вполне од-

ной какойнибудь потребности, оставляя другія безъ вниманія, или разложить наличныя средства равномерно на всѣ народныя нужды, чтобы удовлетворять каждой изъ нихъ хотя повемногу. Последній выходъ представлялся наиболѣе разумнымъ, его-то и избрало большинство земскихъ собраній. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы наличныя народныя нужды оставлены были со стороны земства совершенно безъ вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нельзя сказать, чтобы котораянибудь изъ нихъ была удовлетворена вполнѣ. И вотъ продолжительная лихорадочная дѣятельность земства окончилась очень скудными практическими результатами, что естественно и повлекло за собой полное охлажденіе къ дѣлу.

Такимъ образомъ, главную и существенную причину современнаго состоянія земской дѣятельности слѣдуетъ искать въ недостаткѣ средствъ, находящихся въ распоряженіи земства, отчего оно не въ силахъ выполнять тѣхъ обязанностей, которыя возложены на него закономъ. Другими словами, земство горькимъ опытомъ пришло къ убѣжденію, что ему прежде всего слѣдовало начать исключительно съ *экономическихъ вопросовъ*, а не съ какихънибудь другихъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы это убѣжденіе было всеобщимъ. Многія земскія собранія до сихъ поръ не понимаютъ истинныхъ причинъ своего безсилія и если жалуются на безденежье, то какъ-то мимоходомъ, видя въ немъ далеко не главную причину своихъ бѣдъ. Иные оказываются настолько упорными, что не признаютъ этой причины даже тогда, когда на нее прямо указываютъ болѣе проницательные гласные. А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы подобныхъ указаній было недостаточно. Ихъ мы можемъ найти какъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ, такъ и въ категорическихъ заявленіяхъ со стороны самихъ гласныхъ. Напримеръ, въ петербургскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, этотъ вопросъ былъ заявленъ очень рѣзко со стороны князя Трубецкаго. Выслушавъ нѣсколько предложеній, касающихся народнаго продовольствія, кн. Трубецкой обратился къ собранію съ такими словами: «заявленій, сказалъ онъ, сдѣлано много и испрашиваются довольно большія суммы; но имѣемъ ли мы достаточно средствъ? не будетъ ли напрасной тратой денегъ и времени заниматься вопросомъ о народномъ продовольствіи съ грошами?» Другой гласный, г. Платоновъ, еще болѣе рѣзко заговорилъ о томъ же предметѣ. «Я опасаюсь, сказалъ онъ, что наши средства окажутся несоразмѣрными съ нашими обязанностями. На насъ налагаются обязательныя повинности; кромѣ того, мы сами предпри-

нимаемъ различные расходы, даемъ жалованье управамъ, но, быть можетъ, платить будетъ не изъ чего. Чтобы знать, чѣмъ мы располагаемъ, и соразмѣрять наши расходы со средствами, намъ нужно разрѣшить вопросъ о томъ, могутъ ли источники земскаго налога выносить всѣ лежащіе на нихъ сборы. Я предполагаю, что они не могутъ выносить платежей, обусловленныхъ нашими громадными смѣтами, размѣръ которыхъ все увеличивается». Въ виду этого, г. Платоновъ предлагалъ «поручить губернской управѣ, чтобы она, по сношенію съ управами уѣздными, представила, на основаніи собранныхъ данныхъ, соображенія о томъ, соотвѣтствуютъ ли платежныя средства населенія петербургской губерніи лежащимъ на немъ расходамъ». Но предложеніе г. Платонова не было почему то принято петербургскимъ собраніемъ. Причины такого отказа понять довольно трудно. Вѣроятно онъ явился потому, что петербургскому земству не приходилось еще испытать на практикѣ недостатка денегъ, а можетъ быть оно просто желало отдалить отъ себя то печальное зрѣлище, которое представилось бы ему вслѣдствіе принятія и исполненія того, что предлагалъ г. Платоновъ.

Незачѣмъ, конечно, прибавлять, что предложеніе г. Платонова имѣло въ виду, главнымъ образомъ, крестьянское сословіе, потому что именно его-то денежные средства и оказываютъ самое сильное вліяніе на хозяйство всей губерніи, такъ какъ крестьянство есть главный плательщикъ всякихъ повинностей. Съ другой стороны, множество фактовъ доказываютъ, что хозяйство крестьянъ находится въ крайне плачевномъ состояніи и что почти вездѣ въ деревняхъ расходы значительно превышаютъ доходъ. При такомъ положеніи дѣла, члены земскихъ собраній не могли не почувствовать полного охлажденія къ своей дѣятельности, какъ только догадались, что безъ денегъ сдѣлать ничего не возможно, а денегъ взять не откуда. Могутъ сказать, отчего же они, вмѣсто того чтобы сидѣть сложа руки, не стали «выскрывать средствъ» для увеличенія источниковъ земскихъ доходовъ? Но въ этомъ упрекнуть наши земскія собранія невозможно: многія изъ нихъ дѣлали все, что могли: придумывали разные косвенные сборы, устраивали напярмѣръ земскія охоты, заводили между крестьянами разные взаимно-вспомогательныя кассы, но, конечно, всѣми подобными полумѣрами никакъ не могли помочь дѣлу. А послѣ такихъ попытокъ имъ больше ничего не оставалось, какъ сложить руки и спокойно разлѣхаться по домамъ, такъ какъ улучшеніе современныхъ экономическихъ по-

рядковъ паходилось не въ ихъ власти, и они тутъ не могли сдѣлать ровно ничего.

Вотъ, по нашему мнѣнію, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему гласные, а за ними и публика, почувствовали охлажденіе къ земскому дѣлу, повлекшее за собою разногласія въ средѣ земства и тѣ злоупотребленія, о которыхъ мы упоминали выше.

Долго ли будетъ продолжаться подобное положеніе дѣла? На этотъ вопросъ мы, конечно, не можемъ отвѣчать опредѣленно; говоря же вообще — до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ какойнибудь существенной перемѣны въ нашихъ экономическихъ отношеніяхъ. Когда именно произойдетъ эта перемѣна, мы не знаемъ. Но для насъ важно уже и то, что народно-экономическій вопросъ, повидимому, обратилъ на себя вниманіе правительства и, слѣдовательно, включенъ въ число вопросовъ «крупныхъ». Это мы заключаемъ изъ того, что министерство внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщаютъ газеты, составило особую комиссію для изслѣдованія истиннаго положенія крестьянскаго хозяйства. Вѣроятно, результаты, добытые комиссіей, послужатъ основаніемъ для какихънибудь дальнѣйшихъ мѣропріятій въ экономическомъ направленіи. Можно, конечно, быть заранѣе увѣреннымъ, что комиссія, изъ кого бы она ни была составлена, и при какихъ бы условіяхъ ни собирала нужныя ей свѣденія, не прельстится современнымъ состояніемъ крестьянскаго хозяйства и только подтвердитъ то, что давно уже говорилось по этому поводу въ газетахъ.

Мы не можемъ здѣсь не замѣтить кстати, что больше всего надеждъ на упомянутую комиссію возлагаютъ противники крестьянской реформы, утверждающіе, что положеніе крестьянъ значительно ухудшилось вслѣдствіе освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости. Эта партія убѣждена, что свѣденія, которыя соберетъ комиссія, будутъ служить лучшимъ доказательствомъ вреда крестьянской реформы.

Чтобы понять смыслъ этихъ надеждъ, надо вспомнить, что въ русской журналистикѣ съ довольно давняго времени ведется борьба между двумя, если такъ можно выразиться, партіями: «крѣпостниками», какъ ихъ обыкновенно называютъ, и сторонниками новыхъ порядковъ. Предметомъ борьбы былъ вопросъ, ухудшается или улучшается экономическій бытъ крестьянина послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. «Крѣпостники», заручаясь множествомъ фактовъ, доказывали и доказываютъ, что крестьяне теперь бѣдствуютъ гораздо больше, чѣмъ при помѣщикахъ; сторонники же новаго по-

рядка рѣзко стали отрицать эти факты и доказывать, что напротивъ, бытъ крестьянъ значительно улучшается. Этотъ неловкій и невѣрный приемъ, употребленный сторонниками новаго порядка для защиты крестьянской реформы, сразу поставилъ ихъ въ весьма невыгодное положеніе. Всѣ видѣли, что факты въ этой борьбѣ совершенно на сторонѣ «крѣпостниковъ», факты же, представляемые защитниками новаго порядка, имѣютъ характеръ исключительный, случайный. Скоро противники крѣпостниковъ очутились совершенно между двухъ огней: въ виду большаго числа фактовъ, доказывающихъ несомнѣнное разстройство крестьянскихъ хозяйствъ, имъ неловко было отстаивать свое прѣжнее мнѣніе, а признать справедливость этихъ фактовъ—значило какъ будто бы стать на сторону крѣпостниковъ и поразить себя собственными своими руками. Въ виду этой-то борьбы, «крѣпостники» и возлагаютъ свои надежды на упомянутую комиссію, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, она подтвердитъ справедливость того, о чемъ они твердили постоянно.

Мы, съ своей стороны, вполне признаемъ справедливость фактовъ изъ крестьянскаго быта, представляемыхъ крѣпостниками: мы, также какъ они, убѣждены, что комиссія министерства внутреннихъ дѣлъ подтвердитъ справедливость этихъ фактовъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы, подобно «крѣпостникамъ», объясняли разстройство крестьянскихъ хозяйствъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Причина здѣсь такъ проста и очевидна, что ее не могли бы не замѣтить литературные противники «крѣпостниковъ», еслибы только они, не отвергая несомнѣнныхъ фактовъ, подумали хорошенько, отчего происходитъ обѣдненіе крестьянъ. Тогда сторонники новаго порядка прежде всего остановились бы на томъ обстоятельстве, что крестьяне, выйдя изъ крѣпостной зависимости, *не скопили себѣ никакихъ запасовъ*. Они имѣли только корову, лошадь, пзбу—и больше ничего. Долголѣтнее пребываніе ихъ въ крѣпостномъ состояніи, въ которомъ, по мнѣнію крѣпостниковъ, они пользовались всевозможными благами, не снабдило ихъ никакими запасами, называемыми капиталомъ, не дало имъ возможности сберечь ни одной копѣйки изъ того, что они наработывали въ теченіи всей своей трудовой жизни. Будучи по виду собственниками, наши крестьяне на самомъ дѣлѣ оказывались самыми несчастными пролетаріями. Въ такомъ положеніи застала ихъ крестьянская реформа. Откуда же вдругъ могли взяться у крестьянъ капиталы? И вотъ, ихъ хозяйства, сколоченныя кое-какъ, на живую руку, стали

быстро клониться къ упадку подъ бременемъ повинностей, которыя, и особенно на первыхъ порахъ, не могли не показаться крестьянамъ слишкомъ тяжелыми. Виновата ли здѣсь крестьянская реформа? И основательна ли надежда крѣпостниковъ—найти въ ожидаемыхъ результатахъ вышеупомянутой комиссіи, какъ бы ни были безотрадны ея выводы, подтвержденіе своей любимой мысли?

Десятаго сентября, въ петербургскомъ окружномъ судѣ (по гражданскому отдѣленію) производилось дѣло, послужившее поводомъ къ довольно рѣзкимъ нападкамъ со стороны печати на одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ, именно г. Тапѣва. Дѣло это — искъ издателя Стелловскаго съ композитора Даргомыжскаго денегъ, полученныхъ послѣднимъ отъ дирекціи театровъ за представленія его оперы «Русалка». Обстоятельства, сопровождавшія этотъ искъ, возбуждаютъ довольно интересныя вопросы, никѣмъ еще, кажется, не только не разрѣшенный, но даже не затронутый. Вопросъ этотъ можно формулировать такъ: обязанъ ли адвокатъ въ гражданскихъ дѣлахъ принимать на себя защиту только такихъ исковъ, въ справедливости которыхъ онъ вполне убѣжденъ, или же имѣеть нравственное право принимать сторону всякаго, кто бы къ нему ни обратился и какъ бы ни было грязновато предлагаемое ему для защиты дѣло.

По этому вопросу существуютъ два взгляда. Одни говорятъ, что адвокатъ не только не долженъ, но даже не имѣеть никакого права отказываться отъ веденія предлагаемаго ему дѣла, потому что нѣтъ такого процесса, о которомъ можно бы было сказать напередъ, въ чью сторону онъ окончится. Другіе, напротивъ, думаютъ, что порядочный адвокатъ, какъ и всякій порядочный человѣкъ, обязанъ защищать только то, что ему самому кажется справедливымъ, и что съ этой точки зрѣнія, всякое слово, сказанное защитникомъ на судѣ, должно вполне согласоваться съ его основными убѣжденіями. Таковы два существующіе въ обществѣ взгляда на обязанности адвокатовъ. Но, повторяемъ, этотъ вопросъ, не смотря на всю его важность, еще не былъ затронутъ въ печати.

Сущность вышеупомянутаго иска Стелловскаго съ Даргомыжска-

го заключается въ слѣдующемъ: въ 1858 году Даргомыжскій продалъ Стелловскому свою оперу «Русалка» съ правомъ издавать ее, перекладывать и аранжировать на всѣ голоса и инструменты. За это Стелловскій заплатилъ Даргомыжскому 1,100 рублей. Между тѣмъ опера «Русалка» продолжала идти на петербургскомъ и московскомъ театрахъ и поспектакльную плату за представленія получалъ самъ композиторъ, а не издатель. Такъ какъ въ теченіи десяти лѣтъ Даргомыжскій получилъ этой поспектакльной платы болѣе 5 тысячъ рублей, то Стелловскій, основываясь на контрактѣ, и сталъ взыскивать съ Даргомыжскаго всю эту сумму. Представителемъ Стелловскаго на судѣ явился присяжный повѣренный Танѣевъ.

Конечно, г. Танѣевъ, принимая сторону истца, не могъ не понимать крайней оригинальности этого иска. Если бы даже контрактъ, послужившій основаніемъ иска, и давалъ полное право рассчитывать на возможность выиграть дѣло, то все-таки далеко не всякій рѣшился бы явиться представителемъ въ этомъ дѣлѣ со стороны Стелловскаго въ силу другихъ соображеній. Такъ, напримеръ, было очевидно, что самъ Стелловскій не считалъ поспектакльную плату своею собственностью, потому что въ теченіи цѣлыхъ десяти лѣтъ не начиналъ по этому поводу иска съ Даргомыжскаго; далѣе, было также вполнѣ очевидно, что Стелловскій желаетъ получить слишкомъ ужъ громадные проценты на затраченный капиталъ, именно, на тысячу рублей пять тысячъ, въ теченіи десяти лѣтъ,—не считая, кромѣ того, доходовъ, полученныхъ уже имъ съ проданныхъ за это время экземпляровъ «Русалки». Наконецъ, не мѣшало бы также взглянуть на положеніе г. Даргомыжскаго, получившаго пять тысячъ въ теченіи десяти лѣтъ и можетъ быть существовавшаго только на эти деньги, которые, въ случаѣ приговора суда, пришлось бы уплатить одновременно, да притомъ неожиданно-негаданно.

Трудно предположить, чтобы г. Танѣевъ не понималъ того дѣла, которое взялся защищать: нѣтъ, онъ очень хорошо понималъ неправоту защищаемой имъ стороны, но успокоивалъ себя той прискорбной истиной, что «пока не устроится новый общественный порядокъ, основанный на требованіяхъ человѣческой природы и разсудка, до тѣхъ поръ авторы могутъ быть жертвами всевозможныхъ спекуляцій». Но неужели же отсюда вытекало нравственное право для г. Танѣева становиться на сторону эксплуататора и защищать его дѣло? Неужели онъ, убѣжденный, по его же собственнымъ словамъ, въ томъ «что идеи и

Истины должны быть достояніемъ всего человѣчества и что при нормальномъ общественномъ устройствѣ не можетъ быть литературной и художественной собственности», могъ въ тоже время хладнокровно защищать худшее изъ всѣхъ правъ—право эксплуатаціи? Очевидно, что онъ былъ убѣжденъ въ одномъ, а дѣлалъ совсѣмъ другое: высказывалъ антипатію къ дѣлу своего довѣрителя и въ тоже время защищалъ это дѣло, сочувствовалъ «нормальнымъ общественнымъ порядкамъ» и ратовалъ за порядокъ совершенно не нормальный. Какъ объяснить эту безконечную цѣпь самыхъ рѣзкихъ противорѣчій?

Если бы г. Танѣевъ не сдѣлалъ тѣхъ оговорокъ, которыя мы сейчасъ привели, то можно было бы думать, что онъ вполне сочувствуетъ идеямъ и взглядамъ г. Стелловскаго. Тогда, конечно, и толковать бы не стоило; г. Танѣевъ былъ бы правъ во всѣхъ отношеніяхъ, защищая человѣка и дѣло, справедливость которыхъ въ данномъ случаѣ онъ вполне признаетъ. Но въ виду сдѣланныхъ имъ оговорокъ, мы полагаемъ, что г. Танѣевъ явился защитникомъ такого дѣла, которому онъ въ глубинѣ своей души, вовсе не сочувствуетъ. Судя по этому факту, а также по нѣкоторымъ другимъ, можно думать, что наши адвокаты усвоили себѣ принципъ—защищать всѣ дѣла, какія только имъ предлагаютъ, не отказываться отъ самаго сомнительнаго иска и прибѣгать для выигрыша процесса ко всевозможнымъ средствамъ, какія только окажутся подъ рукою. Такъ именно и поступилъ г. Танѣевъ. Вполнѣ понимая неправоту иска г. Стелловскаго, онъ взялъ его подъ свою защиту, отыскалъ въ контрактѣ нѣсколько выраженій, къ которымъ можно было привязаться, заручился нѣсколькими крючками—и конечно, отдалъ бы Даргомыжскаго въ полное распоряженіе Стелловскаго, еслибъ только судъ не отказалъ ему въ искѣ.

Хорошъ ли этотъ принципъ и похвально ли его придерживать-ся? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо рассмотреть его въ примѣненіи отдѣльно какъ къ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ онъ, по нашему мнѣнію, разрѣшается совершенно различно.

Въ примѣненіи къ гражданскимъ дѣламъ, принципъ—защищать всякій искъ, если только въ немъ есть какая нибудь законная прицѣпка, врядъ ли можетъ быть названъ полезнымъ по отношенію какъ къ самимъ адвокатамъ, такъ и къ публикѣ. Проводимый послѣдовательно, этотъ принципъ приведетъ къ такимъ выводамъ, которые врядъ ли кто нибудь одобритъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я

буду защищать очевидно несправедливый искъ, то есть, буду поступать противъ своего убѣжденія, то почему же мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не употреблять и тѣхъ приемовъ, которые я вообще считаю предосудительными? И дѣйствительно, въ нашей судебной практикѣ было нѣсколько случаевъ, доказывающихъ, что адвокаты не пренебрегаютъ иногда крайне неблагоприятными средствами въ интересахъ своего кліента. Подобные случаи можно даже найти въ прошлогоднемъ отчетѣ совѣта петербургскихъ адвокатовъ, о которомъ было уже однажды сказано въ нашемъ журналѣ; а такихъ, которые не доходятъ и не могутъ доходить до свѣденія совѣта — безчисленное множество. Проникшись принципомъ — защищать во что бы то ни стало своего кліента, адвокатъ долженъ не останавливаться передъ самыми предосудительными средствами и смѣло пускать ихъ въ ходъ. Но поступая такимъ образомъ постоянно, человѣкъ привыкаетъ, наконецъ, къ крайнему двоедушію, пріучается хладнокровно смотрѣть на всякую ложь и неправду, на всякое противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, между убѣжденіемъ и дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, этотъ принципъ производитъ глубоко деморализирующее вліяніе на тѣхъ, кто имъ руководствуется.

По отношенію къ публикѣ, этотъ принципъ оказывается по меньшей мѣрѣ невыгоднымъ. Какая громадная сумма такъ называемыхъ «судебныхъ издержекъ» оставалась бы въ карманахъ тяжущихся, еслибы адвокаты дѣлали нѣкоторое различіе между исками добросовѣстными и недобросовѣстными, то есть, между такими, которые основательны сами по себѣ, и такими, которые рассчитываютъ воспользоваться какимъ нибудь мелкимъ и чисто формальнымъ упущеніемъ съ противной стороны, какими нибудь недомолвками въ условіяхъ, контрактахъ, обязательствахъ и т. п. Во сколько разъ уменьшилось бы число дѣлъ во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ, а отсюда — на сколько внимательнѣе относились бы судьи къ своему дѣлу, еслибы присяжные повѣренные отказывались содѣйствовать очевидно несправедливымъ поползновеніямъ пстцовъ въ карманы отвѣтчиковъ и тѣмъ, конечно, уменьшали бы самое число исковъ.

Нужно замѣтить, что возможность начинать неосновательные по своей сущности искъ обусловлена важными несовершенствами въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ и характеромъ нашего гражданского процесса. Стоять взять любое гражданское дѣло и прослѣдить его производство въ окружномъ судѣ, судебной палатѣ и кассационномъ департаментѣ сената, чтобъ убѣдиться, какія про-

тывомоложница толкованія могутъ возникать относительно одного и того же закона. Въ нашей печати уже обращено довольно серьезное вниманіе на эти недостатки нашего гражданскаго кодекса (Сиб. Вѣд. № 262). Они заключаются главнымъ образомъ въ отсутствіи строгой системы, частомъ повтореніи одиѣхъ и тѣхъ же статей, а нерѣдко даже въ противорѣчіяхъ. Нѣкто г. Бабичевъ сосчиталъ, что въ нашемъ «Сводѣ» заключается болѣе *пятнадцати тысячъ* повтореній, и большинство ихъ выпало на долю именно гражданскихъ законовъ. Въ виду такихъ несовершенствъ нашего кодекса, присяжный повѣренный, принимая на себя защиту извѣстнаго дѣла, имѣетъ возможность думать не столько о томъ, въ какой степени это дѣло справедливо само по себѣ, сколько о томъ, находится ли въ немъ достаточное количество пунктовъ, къ которымъ можно бы было привязаться съ чисто формальной, казуистической стороны. Въ этомъ отношеніи ему служить важной поддержкой самый характеръ нашего гражданскаго процесса. «Судъ, разсуждаетъ адвокатъ, не обращаетъ вниманія на то, которая изъ двухъ спорящихъ сторонъ наиболѣе права сама по себѣ; онъ смотритъ только, которая изъ нихъ болѣе удовлетворяетъ внѣшнимъ требованіямъ закона; съ какой же стати буду я отказываться хотя бы отъ самаго несправедливаго иска, если только его есть возможность выиграть. И вотъ, вмѣсто того, чтобы парализовать недостатки нашихъ гражданскихъ законовъ, онъ самъ же первый ими пользуется, размножая кляузничество и сутяжничество. Подобный образъ дѣйствій былъ бы совершенно немислимъ, еслибы наше гражданское судопроизводство имѣло иной характеръ. Теперь я, купивши, на примѣръ, домъ, и имѣя на это несомнѣнныя доказательства въ лицѣ большаго числа свидѣтелей, могу очень легко потерять его, если не по формѣ составлю нужные документы. Съ своей стороны и судъ, хотя бы былъ вполне убѣжденъ въ справедливости этого факта, все таки можетъ отнять у меня этотъ домъ и передать его прежнему владѣльцу—нотому только, что купчая составлена не по формѣ. Изъ этого-то характера нашего гражданскаго процесса и возникаютъ тѣ безчисленные иски, которыми переполнены всѣ судебныя инстанціи; онъ-то и даетъ поводъ всевозможнымъ ходатаямъ, какъ присяжнымъ, такъ и не присяжнымъ, дѣйствовать противъ своего убѣжденія и порождать сутяжничество. Подобный образъ дѣйствій былъ бы, повторяемъ, не мыслимъ, еслибы нашъ гражданскій процессъ былъ построенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и уголовный, то есть, еслибы судъ добивался раскрытія извѣстнаго

факта, не обращая вниманія на то, обставленъ ли онъ всѣми законными формальностями или нѣтъ. Если я успѣлъ доказать, что такой-то домъ дѣйствительно мной купленъ, то значить онъ мой, независимо отъ того, какія именно доказательства мною представлены.

Впрочемъ, мы не смѣемъ ни малѣйшаго намѣренія входить въ обсужденіе подобныхъ вопросовъ, такъ какъ это было бы по меньшей мѣрѣ бесполезно. Мы только упоминаемъ о существованіи тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя способствуютъ усвоенію нашими адвокатами ложнаго и очень безнравственнаго принципа. Не будь этихъ обстоятельствъ, столь соблазнительныхъ съ карманной точки зрѣнія, не было бы, конечно, и такихъ процессовъ, каковъ процессъ г. Стелловскаго, и такихъ адвокатовъ, какъ г. Танѣевъ съ братією.

Но тотъ же самый принципъ, который мы порицаемъ въ гражданскихъ дѣлахъ, получаетъ совсѣмъ иное значеніе въ дѣлахъ уголовныхъ. Здѣсь мы признаемъ полную его необходимость; здѣсь мы допускаемъ, что адвокатъ не только имѣетъ право, но даже обязанъ защищать всякое дѣло, какъ бы, повидимому, оно ни было грязно и какъ бы ни уличался подсудимый въ извѣстномъ преступленіи. Здѣсь обстановка совершенно измѣняется и роль адвоката получаетъ иной характеръ. Во первыхъ, каждый подсудимый есть лицо *привлеченное* къ суду, лицо, обвиняемое прокурорскою властью или частнымъ обвинителемъ. Всякое обвиненіе, откуда бы оно ни шло, со стороны ли частнаго лица, или со стороны власти, всегда имѣетъ односторонній характеръ, всегда упускаетъ изъ виду тѣ обстоятельства и факты, которые служатъ къ оправданію подсудимаго. А такъ какъ рѣшительно во всякомъ уголовномъ дѣлѣ можно отыскать такіе факты въ большемъ или меньшемъ количествѣ, то слѣдовательно защитникъ всякаго подсудимаго, обладая нѣкоторою сообразительностью, всегда найдетъ себѣ дѣло въ уголовномъ процессѣ. Мы уже не говоримъ о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда человекъ подвергается суду безъ достаточныхъ основаній, по одному ничтожному подозрѣнію, и когда защитнику приходится совершенно отвергать самый тотъ фактъ, который приписывается подсудимому и который считается преступнымъ. Здѣсь роль защитника совершенно ясна и понятна для всякаго. Но если взять даже и такихъ подсудимыхъ, которые или самп сознались въ какомъ нибудь преступленіи, или уличаются въ немъ несомнѣнными доказательствами, то и здѣсь сообразительному защит-

«Дѣло», № 10. 6

нику всегда найдется дѣло. Съ каждымъ годомъ судебныя хроники всѣхъ странъ представляютъ все больше и больше доказательствъ того, что въ дѣйствіяхъ самыхъ такъ называемыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ оказываются побужденія, совершенно независящія отъ ихъ воли, и потому если не вполне, то значительно ихъ оправдывающія. Не было, нѣтъ и не будетъ ни одного такого преступленія, гдѣ бы не существовало подобнаго рода побужденій. Нужда, любовь, ненависть, честолюбіе, наконецъ общее психическое разстройство — эти и имъ подобные двигатели оказываются въ каждомъ преступленіи. И роль защитника во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ получаетъ тѣмъ большее значеніе, что только на немъ лежать обязанность отыскать этихъ двигателей и выставить ихъ предъ присяжными въ надлежащемъ свѣтѣ. Часто сами по себѣ такіе двигатели совершенно незамѣтны, а еще чаще, вслѣдствіе господствующихъ предрасудковъ, недостаточныхъ наблюдений и т. п., имъ не придаютъ того значенія, какого они заслуживаютъ, — и подсудимые несутъ совершенно незаслуженное наказаніе.

Ухо русскаго читателя давно уже прислушалось къ толкамъ о важности статистическихъ цифръ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Увлеченіе статистикой, какому предавалось наше общество лѣтъ пять назадъ, явилось одновременно съ признаніемъ важности реального принципа, который въ настоящее время получилъ у насъ полное право гражданства. (Однакожь нельзя сказать, чтобы статистическія изслѣдованія сдѣлались у насъ такъ многочисленны, какъ этого можно бы было ожидать, судя по недавнему сочувствію къ нимъ общества. Въ нашей литературѣ статистическій отдѣлъ едва ли не самый бѣдный и наполненъ почти исключительно трудами официального характера. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взять глазуновскій каталогъ, самый полный изъ всѣхъ новѣйшихъ русскихъ каталоговъ. Здѣсь, въ отдѣлѣ статистики, мы найдемъ только сто-сорокъ названій книгъ, изъ которыхъ однѣ изданы еще въ сороковыхъ годахъ, другія не имѣютъ совершенно серьезнаго характера, третьи оказываются переводными руководствами по общей статистикѣ, наконецъ, четвер-

тыя, касающіяся спеціально Россіи, слѣдовательно самыя интересныя для насъ, исходятъ изъ официальныхъ источниковъ и касаются такихъ общихъ предметовъ, какъ общее положеніе губерній, ихъ пространство, народонаселеніе и т. п. Конечно, подобныя изслѣдованія, во всякомъ случаѣ, очень важны; но еслибы наша статистика ограничивалась только ими однимъ, то этого было бы еще слишкомъ мало. Статистика, какъ и всякая другая наука, теряетъ почти всякое значеніе, если существуетъ сама для себя, не имѣя опредѣленнаго практическаго направленія. Голая цифры и общія, такъ сказать, безпредметныя изслѣдованія имѣютъ смыслъ въ такомъ только случаѣ, если они служатъ подготовительнымъ матеріаломъ для работъ болѣе опредѣленнаго характера, то есть, если оказываются сырьемъ, изъ котораго можно сдѣлать извѣстное полезное употребленіе. Между тѣмъ мы уже довольно давно стоимъ неподвижно, на точкѣ общихъ статистическихъ взглядовъ, почти не примѣняя ихъ къ дѣлу. Положимъ, какое нибудь «описаніе оренбургской губерніи въ хозяйственномъ, статистическомъ, этнографическомъ и промышленномъ отношеніяхъ» можетъ быть, само по себѣ, очень интересной книгой, содержащей богатые статистическіе матеріалы; но все-таки, пока эти матеріалы такъ и остаются матеріалами—до тѣхъ поръ полезность ихъ ничѣмъ не проявляется. Для чтенія это «описаніе» не пригодно, а въ качествѣ простой справочной книги для купца или промышленника, оно, конечно, не можетъ претендовать на общественное значеніе. Тоже самое можно сказать обо всѣхъ тѣхъ объемистыхъ изданіяхъ географическаго общества и центрального статистическаго комитета, которыя отличаются такой солидной и внушающей невольное уваженіе наружностью. Самы по себѣ, они могутъ быть вполне прекрасны, но оставаясь безъ дальнѣйшаго употребленія, теряютъ почти всю свою цѣну, становясь мертвымъ, непроизводительнымъ капиталомъ.

Основываясь на этомъ фактѣ, можно думать, что у насъ слово «статистика» понимается въ слишкомъ узкомъ, спеціальномъ смыслѣ. Въмѣсто того, чтобы смотрѣть на статистику съ точки зрѣнія принципа, очень важнаго и выгоднаго въ примѣненіи къ тѣмъ или другимъ общественнымъ явленіямъ—у насъ смотрятъ на нее только какъ на особую отрасль науки, имѣющую свой самостоятельный интересъ. Усвоивъ себѣ такой ложный взглядъ на дѣло, наши изслѣдователи довольствуются тѣмъ, что подходя къ какому нибудь общественному факту, осматриваютъ и подробно описываютъ его со всѣхъ сторонъ, не смотря на то, которая изъ нихъ важна

болѣе и которая менѣе, то есть относятся къ предмету съ объективностью фотографа, переводящаго на бумагу извѣстный пейзажъ. Въ такомъ приемѣ имѣть особенно большой пользы, потому что подобныя описанія и изслѣдованія, обыкновенно, не даютъ ни малѣйшаго понятія о томъ предметѣ, которому они посвящены, и проходятъ совершенно незамѣтными въ массѣ читателей.

Сейчасъ указанный нами недостатокъ нашихъ статистиковъ составляетъ довольно общее явленіе и въ сильной степени вредитъ успѣху тѣхъ трудовъ, которые являются въ области статистики. Мы о немъ вспомнили по поводу одной весьма интересной статьи, напечатанной въ послѣднемъ номерѣ «Архива судебной медицины», и касающейся вопроса о самоубійствахъ въ Петербургѣ. Прежде чѣмъ перейти къ этой статьѣ, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о журналѣ, въ которомъ она напечатана.

«Архивъ судебной медицины и общественной гигиены», не смотря на свое чисто официальное происхожденіе, представляетъ величайшій интересъ для публики. Можетъ быть отчасти самый предметъ, которому посвящено это изданіе, придаетъ ему важное значеніе въ глазахъ читателей, но во всякомъ случаѣ и умѣнье выбирать матеріалы для журнала играетъ здѣсь далеко не послѣднюю роль. Кроме того, вопросы, входящіе въ область «общественной гигиены», отличаются чисто реальнымъ, практическимъ характеромъ и потому имѣютъ дѣло съ цифрами; слѣдовательно, въ этихъ статьяхъ статистическій методъ получаетъ важное значеніе уже не самъ по себѣ, а въ примѣненіи къ чисто житейскимъ и вполне определеннымъ интересамъ. Эта-то часть названнаго нами изданія и дѣлаетъ его въ высшей степени любопытнымъ и поучительнымъ для читателей.

Не менѣе интересенъ и тотъ отдѣлъ, который посвященъ исключительно «судебной медицинѣ». И здѣсь цифры играютъ очень важную роль, и здѣсь онѣ являются не сами для себя, не только какъ сырой матеріалъ, ожидающій дальнѣйшей обработки, но сразу прилагаются къ дѣлу и служатъ прямымъ разрѣшеніемъ поставленныхъ вопросовъ. Словомъ, въ «Архивѣ судебной медицины» статистика получила важное практическое приложение; здѣсь она низведена съ высоты общихъ, ничего не выражающихъ вопросовъ и приобрѣла характеръ чисто практической. Вотъ почему мы думаемъ, что «Архивъ» въ извѣстномъ смыслѣ можно считать самымъ лучшимъ и самымъ полезнымъ изъ всѣхъ періодическихъ изданій въ Россіи. На сколько выиграло бы наше общество, насколько улуч-

шло бы качество нашихъ знаній, насколько сдѣлались бы всѣ мы самостоятельныѣ, еслибы, распростившись навсегда съ бесплодными умствованіями, принялись за голыя цифры и, заручившись ими, стали бы исключительно изъ нихъ дѣлать нужные выводы; то есть, если бы вмѣсто существующихъ у насъ многочисленныхъ органовъ печати, мы имѣли пять-шесть изданій, руководствующихся тѣмъ самымъ статистическимъ методомъ, который положенъ въ основу «Архива судебной медицины». Только такимъ путемъ наше общество могло бы получать вѣрное понятіе о тѣхъ или другихъ социальныхъ вопросахъ, только осмысленныя цифры и числовые выводы давали бы ему возможность видѣть, гдѣ правда, гдѣ ложь, гдѣ спасеніе, гдѣ гибель.

Но заявляя наше полное уваженіе «Архиву судебной медицины», мы не можемъ не замѣтить, что и въ немъ иногда помѣщаются статьи хотя и весьма интересныя по своему содержанію, но слишкомъ неудовлетворительныя по своему приему. Такова именно статья г. Губнера «самоубійства въ Петербургѣ».

Самоубійство—явленіе до такой степени странное, рѣзкое, противное человѣческой природѣ и присущему ей чувству самосохраненія, что должно обращать на себя серьезное вниманіе со стороны всякаго неглупаго человѣка. Важность этого явленія не должна быть предметомъ наблюденій однихъ только специалистовъ; въ немъ заинтересованъ всякій, живущій въ обществѣ, то есть всякій человѣкъ. Въ этомъ явленіи главное вниманіе должно быть обращено, конечно, на причины, побуждающія къ самоубійству, потому что только съ этой стороны оно и можетъ насъ интересовать. Для читателя нисколько не интересно, чѣмъ такой-то субъектъ лишилъ себя жизни, бритвой, веревкой или пистолетомъ, когда, то есть въ какое время дня и ночи рѣшился на самоубійство и т. п. Всѣ эти вопросы далеко не существенны и самое успѣшное ихъ разрѣшеніе, самыя вѣрныя и многочисленныя цифры въ этомъ родѣ нисколько не помогутъ уясненію кореннаго и важнѣйшаго вопроса, вопроса о причинахъ самоубійства. Рѣшать этотъ вопросъ, конечно, невозможно совершенно прямымъ путемъ. Отдѣльные и, такъ сказать, побочные ряды цифръ здѣсь оказываются крайне необходимыми; потому что они хотя и косвеннымъ образомъ, все-таки ведутъ къ уясненію главнаго вопроса. Такимъ образомъ, на примѣръ, зная, въ какомъ возрастѣ совершается наибольшее число самоубійствъ, въ какой средѣ, обезпеченной или голодающей, въ какіе мѣсяцы года и т. п.—все это вопросы очень важныя, потому что

они прямо относятся до главнаго вопроса. Но упуская изъ виду цѣль, которой должны служить эти второстепенные вопросы, можно бы было увеличить ихъ число до безконечности. Напримѣръ, можно бы было прослѣдить весьма обстоятельно, брюнеты или блондины представляютъ больше случаевъ самоубійства, красивые или некрасивые, высокаго роста или маленькаго и т. п. Можетъ быть ишимъ подобныя наблюденія показались бы и интересными, но во всѣхъ случаяхъ, серьезнаго значенія они бы не могли имѣть. Выбѣсть съ тѣмъ, они вредили бы и главному вопросу, затемняя его совершенно бесполезными и ненужными подробностями въ глазахъ читателя и напрасно усложняя трудъ самого наблюдателя.

Статья г. Гюбнера, о которой мы упомянули, страдаетъ именно такими ненужными подробностями, заслоняющими собою вопросы первой важности. Кого, напримѣръ, изъ серьезныхъ людей могутъ интересовать слѣдующаго рода наблюденія, которымъ авторъ отводитъ однакоже значительное мѣсто въ своей статьѣ. «Относительно *выбора мѣста*, говоритъ г. Гюбнеръ, хотя и существуетъ общее правило, что самоубійцы, для выполненія своего замысла, предпочитаютъ уединеніе, но это бываетъ далеко не всегда и главнымъ образомъ обусловливается причиною, возрастомъ и родомъ смерти. Такъ, почти всѣ утопившіеся бросались въ воду въ виду публики; почти тоже самое можно сказать о бросавшихся съ высоты. Одержимые душевными болѣзнями и вообще рѣшающіеся на самоубійство послѣ болѣе или менѣе продолжительной подготовки, почти всегда выбираютъ уединенныя мѣста и, повидимому, предпочтительно вѣшаются. Но когда причина возникаетъ внезапно и желаніе лишиться себя жизни очень сильно, тогда самоубійцы пользуются первымъ попавшимся орудіемъ, почти не обращая вниманія на мѣсто... Наибольшее число самоубійствъ совершается въ квартирахъ; затѣмъ уже вѣшаются всего охотнѣе на чердакахъ и въ паркахъ, рѣжутся и стрѣляются, нанимая нумеръ въ гостинницѣ, отравляются на улицѣ и проч.» Или: «крестьяне, ремесленники и вообще простой народъ предпочитаютъ повѣшеніе; штабъ и оберъ-офицеры, а равно учащіяся и лакеи всего чаще застрѣливаются; чиновники и канцелярскіе служители охотнѣе лишаютъ себя жизни острыми инструментами; финляндцы и остзейцы преимущественно бросаются въ воду и проч.» Очевидно, что изъ подобнаго рода данныхъ невозможно сдѣлать никакихъ выводовъ для объясненія самаго главнаго вопроса, то есть того, что Гюбнеръ называетъ «совокупностью причинъ, обусловливающихъ посягательство на жизнь»; точно также,

какъ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ изъ слѣдующаго рода данныхъ, обратившихъ на себя не меньшее вниманіе со стороны г. Губнера: какимъ орудіемъ всего чаще лишаютъ себя жизни самоубійцы, пистолетомъ, револьверомъ или ружьемъ, сколько застрѣливаются дробью и сколько пулею, куда чаще всего направлялись выстрѣлы, въ грудь, голову или ротъ, съ какихъ мѣстъ чаще бросались въ воду, съ мостовъ или набережной и т. п. Всѣ такія подробности не имѣютъ ровно никакого значенія и ими смѣло можно бы было пренебречь въ виду болѣе важныхъ, болѣе существенныхъ данныхъ.

Но если мы упомянули объ этихъ недостакахъ статьи г. Губнера, то только для того, чтобы заявить объ общемъ недостаткѣ, какимъ страдаютъ болѣе или менѣе всѣ наши изслѣдователи въ области общественной и такъ называемой «нравственной» статистики. Они какъ будто поставили себѣ цѣлью не задаваться никакими опредѣленными задачами, а вѣчно давать только матеріалы и матеріалы. Конечно, и матеріалы, какъ мы говорили выше, представляютъ большую важность; но дѣло въ томъ, что если собиратель матеріаловъ будетъ относиться съ одинаковымъ вниманіемъ какъ къ важнымъ, такъ и къ неважнымъ сторонамъ вопроса, то такая безразличность не можетъ не имѣть вліянія на самое качество матеріаловъ. Самъ г. Губнеръ сознается, что «статистическое изслѣдованіе, представляя одинъ изъ самыхъ превосходныхъ и надежныхъ методовъ изученія, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ послужить источникомъ всевозможныхъ нелѣпостей и заблужденій, если изслѣдуемая цифра фальшива»; а между тѣмъ такая фальшивость можетъ явиться не только отъ самой невѣрности цифръ, но и вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго взгляда и ясной цѣли при собираніи статистическихъ матеріаловъ.

Но оставляя въ сторонѣ упомянутые недостатки, въ статьѣ г. Губнера можно найти очень важныя и интересныя данныя по вопросу о самоубійствахъ въ Петербургѣ. Несмотря на скудость источниковъ, находившихся у него подъ руками, г. Губнеру все-таки удалось подмѣтить нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ, невольно обращающихъ на себя вниманіе. Мы остановимся только на томъ обстоятельстве, что изъ числа 510 случаевъ самоубійства въ Петербургѣ, *семдесятъ процентовъ* приходилось на долю простаго класса, слѣдовательно, на долю всѣхъ остальныхъ жителей только 30%. Просматривая далѣе *таблицу причинъ*, побудившихъ людей къ самоубійству, мы хотя и находимъ, что наибольшее число случаевъ значит-

ся подъ рубрикой «тоска и задумчивость», но какъ эта рубрика, такъ и нѣкоторыя другія, именно: умопомѣшательство, меланхолія, болѣзненное состояніе и проч. отличаются крайней неопредѣленностью. Развѣ тоску, задумчивость и т. п. явленія можно считать самостоятельными причинами, прозвевшими самоубійство? Къ такимъ причинамъ можно отнести только «нищету и бѣдность», «разстройство дѣлъ», «семейныя непріятности» и еще нѣсколько другихъ. Меланхолія же, умопомѣшательство и т. д. суть только переходныя состоянія отъ главной причины въ самоубійству. То есть, человѣкъ разорившійся или бѣдствующій сперва впадаетъ въ меланхолію или задумчивость, а потомъ бросается въ воду или задушается; здѣсь душевное разстройство является только переходнымъ моментомъ, нисколько не имѣющимъ самостоятельного характера. И если обратить вниманіе на тотъ громадный процентъ самоубійствъ, который приходится на долю «простаго класса жителей», считая притомъ же тоску, меланхолію и т. п. вовсе не самостоятельными причинами, то легко прійти къ убѣжденію, что главнѣйшая причина самоубійствъ заключается все-таки въ «нищетѣ и бѣдности», то есть, въ тѣхъ самыхъ двигателяхъ, которые порождаютъ чрезмѣрную смертность, пьянство, преступленіе и тому подобныя ненормальныя явленія. Вредное дѣйствіе этихъ двигателей въ Петербургѣ замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, благодаря исключительнымъ обстоятельствамъ нашей столичной жизни, какъ-то, чрезмѣрной скученности населенія, дороговизнѣ пропасовъ, плохому ихъ качеству, гнзлости атмосферы и испорченности почвы. Многія изъ этихъ причинъ долгое время оставались незамѣченными и имъ не придавалось особеннаго значенія. Только случайныя обстоятельства выдвигали впередъ эти причины и обращали на нихъ вниманіе. Такъ напримѣръ, многимъ, конечно, невѣдомо, до какой степени зловредно дѣйствуетъ на бѣдный классъ столичныхъ жителей петербургская почва, и если бы не одинъ счастливый случай, то эта причина до сихъ поръ не считалась бы особенно важной. Такимъ случаемъ было дѣло въ петербургскомъ мировомъ съѣздѣ о домовладѣльцѣ Китнерѣ, обвинявшемся полиціей въ несоблюденіи правилъ о спускѣ нечистотъ. Хотя это дѣло производилось давно уже, но добытые имъ результаты до такой степени важны, что говорить о нихъ не поздно никогда.

Вѣдствіе упомянутаго обвиненія, взведеннаго полиціей на г. Китнера, мировой съѣздъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ про-

известіи осмотра дома съ участіемъ свѣдущихъ людей, городскихъ архитекторовъ. Эта комиссія, отдавая съѣзду отчетъ въ своихъ работахъ, сочла пужнымъ довести до свѣденія мирового съѣзда, какимъ образомъ устраниаются изъ домовъ нечистоты. Оказывается, что во многихъ домахъ въ Петербургѣ помойныхъ ямъ не имѣется, а помой выливается во дворъ, прямо на рѣшетку подземной трубы, откуда они стекаетъ въ общую городскую трубу. Въ нѣкоторыхъ же домахъ хотя и устроены помойныя ямы, по сообщенію ихъ съ городской трубой такое же самое. Въ гигиеническомъ отношеніи, замѣчаютъ эксперты, этотъ способъ—ужасающій. Помой, вылитыя въ яму, болѣе и болѣе напитываютъ окружающую землю, такъ что вся почва Петербурга мало по малу обращается въ общую помойную яму, испаряющую миазмы; вонючій запахъ чувствуется на всякомъ дворѣ, если вырыть яму, и въ любомъ подвальный этажѣ зданія. Что подобный грунтъ, замѣчаютъ эксперты, вреденъ для народонаселенія, доказывается и тѣмъ, что всѣ растенія, посаженныя на такой почвѣ, пропадаютъ, а деревья чахнутъ; одна эпидемія вытѣсняетъ другую; тифъ такъ укоренился, что уступаетъ лишь халерѣ, и то на время; есть мѣстности въ городѣ, гдѣ цынготная болѣзнь и золотуха сдѣлались постоянными; подвальные этажи заняты большею частію людьми бѣдными, у которыхъ рождается однакожъ много дѣтей; изъ нихъ большинство умираетъ, а остающіеся въ живыхъ бываютъ обыкновенно хворые или калѣки.

Мы ограничиваемся этимъ краснорѣчивымъ описаніемъ и опускаемъ тѣ подробности доклада, которыя имѣютъ часто специальный характеръ. Замѣтимъ только, что эксперты признали существующій нынѣ способъ отвода изъ домовъ нечистотъ весьма вреднымъ, а законъ, изданный для этой цѣли, рѣшительно не осуществимымъ. Съѣздъ опредѣляетъ: передать эти данныя прокурору для возбужденія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. А не случись дѣла г. Китнера, мы бы и до сихъ поръ не замѣчали этого убійственнаго дѣйствія вонючей петербургской почвы на бѣдную часть столичныхъ жителей.

Великую ошибку сдѣлалъ бы статистикъ, еслибы, говоря, напримеръ, о самоубійствахъ въ Петербургѣ, не обращалъ вниманія на такія обстоятельства, о которыхъ мы сейчасъ упомянули. Что между числомъ самоубійствъ и внѣшней обстановкой существуетъ самая тѣсная связь—объ этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. На такую связь прямо указываетъ тотъ фактъ, что самоубійства въ простомъ классѣ жителей составляютъ почти *три четверти*

общаго числа самоубійствъ, какъ это мы видѣли изъ статьи г. Гюбнера. Съ другой стороны, самоубійства, какъ мы упомянули выше, представляютъ только одинъ изъ видовъ такихъ явленій, какъ преступленіе, пьянство, смертность и т. п., слѣдовательно, ихъ необходимо разсматривать въ общей связи съ этими остальными явленіями. При такомъ разсмотрѣніи, они уже совершенно теряютъ характеръ «нравственныхъ» явленій и становятся явленіями чисто физическими. А съ этой точки зрѣнія, дѣлаются совершенно лишними тавія подробности, какъ тотъ или другой способъ самоубійства, то или другое направленіе пули или ножа и т. п.

Просматривая далѣе таблицы г. Гюбнера, мы находимъ значительное число случаевъ самоубійства подъ рубрикой «учащіяся». Если и здѣсь смотрѣть на самоубійство съ той же точки зрѣнія, съ какой мы смотримъ на смертность и подобныя явленія, то необходимо прежде всего остановиться на матеріальной обстановкѣ «учащіяся»; только тогда для насъ сдѣлаются понятными статистическія цифры. Вспомнимъ, наприимѣръ, напечатанное нѣ газетахъ письмо доктора Палатобнова о смертности между студентами медико-хирургической академіи въ Петербургѣ. Изъ этого письма оказывается, что изъ 100 заболѣвающихъ студентовъ, умираетъ почти 30%, а изъ 100 умирающихъ—60 умираютъ отъ легочной чахотки. Причина этого, по словамъ г. Палатобнова, заключается во всей матеріальной обстановкѣ студентовъ. Выборгская сторона, говорятъ оны далѣе, заселена полуразвалившимися, вросшими въ землю лачугами. Каждая такая лачуга раздѣлена на нѣсколько, въ большинствѣ случаевъ сырыхъ, полуосвѣщенныхъ клѣтокъ, почему-то называемыхъ комнатами. Зимой эти клѣтки весьма плохо отапливаются, промерзаютъ насквозь, безъ всякой вентеляціи, часто съ трещинами въ полу. И въ такихъ-то клѣткахъ помѣщается большинство студентовъ. Прибавьте къ этому весьма скудную пищу, которую питаются студенты, одно, въ большей части случаевъ, неизмѣнное пальто для зимы и лѣта, ежедневныя занятія съ 8 часовъ утра до 3 въ академіи, и притомъ занятія въ больницѣ съ разложившимися трупами—и вы будете имѣть прекрасно подготовленную почву для развитія легочной чахотки. Таково описаніе жизни «учащіяся», сдѣланное челювѣкомъ, близко знающимъ ихъ бытъ. Мудрено ли, что при подобной обстановкѣ, число самоубійствъ въ средѣ учащіяся представляетъ довольно значительную цифру?

Просматривая еще далѣе таблицы г. Губнера, мы снова останавливаемся на крупныхъ цифрахъ самоубійства, означенныхъ подъ рубриками «мѣщане обоюго пола,» «ремесленники, ихъ ученики и семейства,» люди «неизвѣстнаго сословія» и т. п. Одни названія этихъ рубрикъ невольно наводятъ на мысль, что причина самоубійства въ этихъ случаяхъ заключалась въ матеріальныхъ условіяхъ, въ «нищетѣ и бѣдности». Поэтому было бы несравненно полезнѣе, еслибъ цифры г. Губнера, вмѣсто того, чтобы опредѣлять различные виды самоубійствъ, мѣста и орудія ихъ совершенія и т. д., были бы направлены къ тѣмъ кореннымъ причинамъ, которыя имѣютъ прямое вліяніе на совершеніе этихъ самоубійствъ. Тогда эти цифры служили бы не «матеріалами для нравственной статистики», какъ назвалъ ихъ г. Губнеръ, а положительными данными, представляющими чисто практическій интересъ для общества. Мы имѣемъ тѣмъ большее право требовать именно такого, а не инаго характера отъ статьи г. Губнера, что она напечатана въ журналѣ, который поставилъ себѣ главною задачею давать не «матеріалы,» а прямо и категорически, съ цифрами въ рукахъ, отвѣчать на важные вопросы изъ судебной медицины и общественной гигиены, т. е. на такіе вопросы, которые имѣютъ необыкновенно важное социальное значеніе.

Мы было думали, что время «проектвъ» прошло для насъ если не безвозвратно, то во всякомъ случаѣ надолго, что теперь было бы своевременнѣе приводить въ исполненіе многіе изъ тѣхъ проектвъ, которые уже составлены чуть не десять лѣтъ назадъ— а между тѣмъ передъ нашими глазами одинъ за другимъ, какъ въ годы юности «обновленной» Россіи, возникаютъ проекты и проекты. Что обозначаетъ это явленіе? То-ли, что мы страдаемъ просто сочинительской страстью, которую, за неимѣніемъ лучшаго исхода, обнаруживаемъ во всевозможныхъ проектахъ; то-ли, что мы еще въ самомъ дѣлѣ юны и считаемъ необходимыми сперва поупражняться въ составленіи проектвъ и потомъ уже приступать

къ дѣлу; то-ли, наконецъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія о современныхъ народныхъ потребностяхъ, о современномъ положеніи Россіи, и въ этомъ счастливомъ невѣдѣніи полагаемъ, что причина отсутствія у насъ такихъ-то и такихъ учреждений заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ отсутствіи проектовъ для постройки этихъ учреждений.

По всей вѣроятности, здѣсь дѣйствуютъ всѣ эти три причины вмѣстѣ. Мы въ самомъ дѣлѣ еще юны, очень юны; и многіе изъ насъ серьезно полагаютъ, что причина, на примѣръ, современнаго нашего безденежья заключается только въ томъ, что никому еще не пришла въ голову счастливая мысль—набавить по рублю въ годъ налога на каждого жителя Россіи—отчего сразу образовалось бы увеличеніе государственныхъ доходовъ на семьдесятъ милліоновъ рублей въ годъ, такъ что никакихъ дефицитовъ не существовало бы. И мы пишемъ проектъ, разсчитывая удивить своею сообразительностью если не весь міръ, то покрайней мѣрѣ всю Россію. Замѣчаемъ, на примѣръ, мы, что такой-то край Россіи отличается непроизводительностью почвы, отсутствіемъ хлѣба, забитостью населенія—и у насъ сейчасъ же является блестящій проектъ соединить этотъ край тысячеверстной желѣзной дорогой съ центромъ Россіи, и мы торопимся напечатать свой проектъ въ газетахъ, въ полной увѣренности, что такая счастливая мысль никому еще не приходила въ голову и что если у насъ нѣтъ такой-то желѣзной дороги, то единственно отъ недогадливости нашихъ общественныхъ дѣятелей. Видимъ мы далѣе, что наше народное образованіе не подвигается ни на шагъ—и мы тотчасъ же удивляемся, отъ чего это до сихъ поръ никому не придетъ въ голову устроить порядочныя школы, посадить туда хорошихъ учителей и учить народъ всему, о чемъ ему знать необходимо,—и мы высказываемъ нашу мысль какъ нѣчто совершенно новое, никому до сей минуты даже не снившееся. Примѣчаемъ нѣкоторую бѣдность въ литературныхъ дѣятеляхъ, нѣкоторую пустоту въ журналистикѣ—и мы вполне убѣждены, что эта пустота происходитъ ни отъ чего инаго, какъ отъ того, что господа журналисты никакъ сами не догадаются, о чемъ имъ слѣдуетъ бесѣдовать съ публикой и на какіе преимущественно предметы обращать главное вниманіе. Замѣчаемъ мы рознь въ нашихъ общественныхъ и литературныхъ силахъ—мы готовы поносить нашихъ дѣятелей за то, что они не могутъ догадаться, какъ помочь этой бѣдѣ, не могутъ составить изъ себя какого нибудь общества, какой нибудь обшир-

ной ассоціаціи, гдѣ бы члены помогали другъ другу головами и руками, гдѣ бы царствовали миръ, порядокъ и любовь. Всѣ подобныя явленія объясняются нашимъ полнѣйшимъ невѣдѣніемъ того, что ежеминутно совершается у насъ передъ глазами, а потому и проэскты, выходящіе изъ такого источника, отличаются, по большей части, крайней наивностью.

Но проэскты, о которыхъ мы сейчасъ говорили, рѣдко получаютъ огласку путемъ печати; по большей части они остаются при самихъ же изобрѣтателяхъ и обращаются только въ кругу знакомыхъ, слѣдовательно, имѣютъ совершенно частный характеръ. Болѣе настойчивые проэсктеры идутъ нѣсколько далѣе, излагаютъ свои проэскты на бумагѣ и подаютъ ихъ начальству или сообщаютъ въ редакціи, но и тамъ, и тамъ они оставляются безъ вниманія, а часто даже и «безъ разсмотрѣнія».

Но существуетъ другой родъ проэсктовъ, наивность которыхъ не такъ рѣзко бросается въ глаза и которые, по этому, находятъ себѣ мѣсто въ періодическихъ изданіяхъ и, такимъ образомъ, приобретаютъ болѣе серьезный характеръ. Къ числу такихъ проэсктовъ принадлежитъ, напримѣръ, проэсктъ «Общества для распространенія въ народѣ журналовъ». Предполагаемое общество, по мысли учредителя, должно выписывать періодическія изданія и даромъ разсылать ихъ по волостямъ, съ цѣлью приучить народъ къ чтенію.

Въ основѣ проэктировааннаго общества лежитъ совершенно вѣрная мысль, что народъ гораздо охотнѣе станетъ читать общія періодическія изданія, чѣмъ разныя специально-народныя газеты и журналы, къ которымъ онъ чувствуетъ полнѣйшее отвращеніе. Но вѣрность основной мысли никакъ не можетъ служить ручательствомъ, что построенное на ней предпріятіе можетъ осуществиться и имѣть успѣхъ. Этотъ проэсктъ, по словамъ напечатавшей его газеты, принадлежитъ «простому русскому человѣку, г. Баранову», и вѣроятно потому-то собственно онъ и походитъ на тѣ многочисленныя проэскты, также составляемые «простыми русскими людьми», о которыхъ мы упоминали выше.

Г. Барановъ, составляя и печатая свой проэсктъ, очевидно не предполагалъ, чтобы мысль о немъ приходила уже кому нибудь въ голову. Замѣтивъ, что народъ почти ничего не знаетъ и не читаетъ, «простой русскій человѣкъ» смекнулъ, что должно быть это происходитъ отъ недогадливости тѣхъ, которые, горячо сочувствуя народнымъ потребностямъ, не понимаютъ, какимъ путемъ можно

ихъ удовлетворить. Исходя изъ этой мысли, г. Баранову естественно должно было показаться, что въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія главная задача состоитъ въ томъ, чтобы «подать идею», а примѣненіе этой идеи на практикѣ—вещь второстепенная. По всей вѣроятности, г. Барановъ думалъ именно такъ, потому что еслибы онъ думалъ иначе, то есть не считалъ свой проэктъ неслыханною новостью; то онъ и поступалъ бы иначе: именно, онъ сперва составилъ бы маленькое общество, ну хоть изъ десяти человѣкъ, набросалъ бы проэктъ устава, получилъ бы надлежащее утвержденіе, а потомъ уже заявилъ бы о своемъ проэктѣ печатно, приглашая желающихъ—участвовать въ его обществѣ. Тогда мы дѣйствительно видѣли бы, что у г. Баранова не проэктъ стоитъ на первомъ планѣ, а самое дѣло, и тогда мы первые отозвались бы о его предпріятіи совершенно иначе. Между тѣмъ «простой русскій человѣкъ» поступилъ совершенно наоборотъ и главныя свои силы отдалъ «проэктору». А что если этотъ проэктъ окажется неосуществимымъ? Что, если будетъ почему нибудь признано неудобнымъ существованіе подобнаго общества? Къ чему же тогда послужить этотъ проэктъ?

Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ трудно предполагать, чтобы г. Барановъ вѣрилъ въ практическую осуществимость своего проэкта; гораздо правдоподобнѣе думать, что онъ просто пожелалъ заявить о своей любви къ народу съ такой стороны и въ такомъ предложеніи, въ какомъ она никѣмъ еще печатно не заявлялась. Онъ достигъ своей цѣли—и по всей вѣроятности уже совершенно успокоился. Нѣсколько инымъ характеромъ отличается другой современный проэктъ, нѣкто г. Мясоедовъ, желающій учредить «литературно-издательское кооперативное общество» въ Россіи и тоже напечатавшій свой проэктъ въ газетахъ. Не принадлежа, повидимому, къ числу литераторовъ и издателей, г. Мясоедовъ не зналъ всѣхъ тонкостей того дѣла, о которомъ взялся хлопотать, и потому могъ вполне вѣрить въ осуществимость своего проэкта. Это можно заключить и изъ того вниманія, съ какимъ составлялъ г. Мясоедовъ свой проэктъ, и изъ его покорнѣйшей просьбы—присылать къ нему на квартиру замѣчанія, поправки и предложенія. Въ виду такого усердія, обнаруженнаго г. Мясоедовымъ, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько подробнѣе о его проэктѣ, тѣмъ болѣе, что онъ все-таки затрагиваетъ довольно важный вопросъ ¹⁾.

¹⁾ Сейчас мы узнали изъ газетъ, что г. Мясоедовъ не ограничился напечатаніемъ своего проэкта въ періодическихъ изданіяхъ, а издалъ отдѣль-

Съ перваго взгляда кажется, что начала, предлагаемыя г. Мясоѣдовымъ, вполне разумны, заслуживаютъ полнаго сочувствія и легко осуществимы. Г. Мясоѣдовъ желаетъ помочь авторамъ, освободивъ ихъ умственный трудъ отъ эксплуатаціи издателей посредствомъ учрежденія такой ассоціаціи, «въ которой бы соединились начала трехъ различныхъ обществъ: производительнаго, потребительнаго и кредитнаго». Не входя въ подробности предлагаемаго г. Мясоѣдовымъ общества, мы посмотримъ только, вѣрно ли онъ объясняетъ тѣ явленія, которыя натолкнули его на мысль устроить литературно-издательскую ассоціацію.

«Наше отечество, говоритъ г. Мясоѣдовъ, болѣе другихъ государствъ нуждающееся въ средствахъ къ образованію, находится въ этомъ отношеніи въ самомъ невыгодномъ положеніи. Дороговизна книгъ возбуждаетъ постоянныя жалобы публики, большая часть которой вынуждена отказывать себѣ въ знакомствѣ со многими произведеніями ума и науки; а сотни людей, способныхъ заниматься умственнымъ трудомъ, или находятся въ крайней нищетѣ, или же, вопреки своему призванію, обращаются къ другимъ занятіямъ, чтобъ какимъ бы то ни было способомъ, заработать средства къ жизни». Оба эти явленія г. Мясоѣдовъ объясняетъ «стѣснительными законами о печати, дѣйствовавшими до 1865 года», которые породили монополію въ лицѣ ограниченнаго числа издателей-капиталистовъ. Но ставя такимъ образомъ вопросъ, г. Мясоѣдовъ самъ собою наталкивается на слѣдующее возраженіе: значить теперь этихъ неблагоприятныхъ условий не существуетъ, съ изданіемъ новыхъ законовъ и печати, дѣйствующихъ послѣ 1865 года. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ учреждать литературно-издательское общество? Этотъ совершенно естественный вопросъ всего лучше объясняетъ ложность той точки зрѣнія, на которую сталъ г. Мясоѣдовъ. Предлагая устроить кооперативную ассоціацію авторовъ и издателей, онъ тѣмъ самымъ доказываетъ, что если прежній законъ способствовалъ монополіи издателей, то этихъ недостатковъ не чуждъ законъ и нынѣшній.

Но эта видная несообразность умозаключеній г. Мясоѣдова объясняется очень просто его незнакомствомъ съ условіями лите-

ную брошюру подъ длиннымъ названіемъ «Самопомощь, какъ средство къ удешевленію книгъ и устраненію невыгодныхъ условий умственнаго труда. Исслѣдованіе по законамъ человѣческой науки». Объ этой брошюрѣ мы дадимъ отчетъ въ слѣдующей книжкѣ «Дѣла».

ратурнаго труда въ Россіи, или, покрайней мѣрѣ, очень поверхностнымъ къ нимъ отношеніемъ. Дѣйствительно, что и старыя, и новыя законы о печати заставляютъ желать еще многого—это не подлежитъ сомнѣнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя согласиться, что невыгодная ихъ сторона для литературы проявляется или проявлялась такъ, какъ думаетъ г. Мясоедовъ. Какимъ образомъ эти законы могли или могутъ создавать монополію «въ лицѣ ограниченаго числа капиталистовъ и издателей»? Между тѣмъ и другимъ мы не видимъ ни малѣйшей связи. Невыгодное вліяніе этихъ законовъ обнаруживается явленіями болѣе общими, отъ которыхъ одинаково страдаютъ и авторы, и издатели, и отъ которыхъ не уйдетъ даже общество, проэктируемое г. Мясоедовымъ. Къ такому же заключенію пришелъ бы, намъ кажется, и самъ г. Мясоедовъ, еслибъ основательнѣе изучилъ условія литературнаго труда въ Россіи.

Кооперативныя ассоціаціи оказываютъ несомнѣнную услугу тѣмъ работникамъ, трудъ которыхъ считается въ государствѣ необходимымъ, пользуется покровительствомъ закона и находитъ себѣ обширное приложеніе. Если мы видимъ какого нибудь фабриканта, разбогатѣвшаго насчетъ мало оплачиваемаго труда своихъ работниковъ, то мы приходимъ къ весьма естественному заключенію, что еслибъ на мѣстѣ фабриканта стояли сами работники, — они пользовались бы такими же выгодами, какими пользуется фабрикантъ. Точно также, еслибъ мы могли указать на нѣсколькихъ капиталистовъ-издателей, пріобрѣтшихъ состояніе эксплуатаціей чужаго труда, то и здѣсь могли бы заключить, что сами работники, то есть авторы, могутъ пользоваться такими же выгодами, какими пользуются издатели. Но тутъ-то и слѣдуетъ остановиться и подумать.

Что вознагражденіе, получаемое авторами или переводчиками отъ издателей, слѣдуетъ считать ничтожнымъ, объ этомъ нечего и говорить. Но въ то же время можемъ ли мы указать хоть на десять издателей, которые не то что составили бы себѣ капиталъ своимъ занятіемъ, но которые просто могли бы существовать одною издательскою дѣятельностью? Такихъ лицъ во всей Россіи наберется, можетъ быть, пять-шесть человѣкъ. Вообще же говоря, издательская дѣятельность у насъ тѣсно связана съ книгопродавческою и можетъ существовать только при помощи послѣдней. Здѣсь она управляется тѣми же соображеніями и поддерживается тѣми же искусственными средствами, которыя сопровождаютъ книгопро-

давческую дѣятельность. У насъ было сдѣлано нѣсколько очень серьезныхъ попытокъ основать издательскую дѣятельность на болѣе правильныхъ началахъ; но всѣ эти попытки кончались полной неудачей, и смѣлые реформаторы, обыкновенно, разорялись въ конецъ. Правда, у насъ есть нѣсколько книгопродавцевъ-капиталистовъ, но условія ихъ совершенно исключительныя. Главнымъ образомъ они опираются не столько на свои книжные магазины, сколько на другіе виды собственности, и преимущественно дома, безъ которыхъ они не имѣли бы такого кредита, дающаго имъ теперь возможность оборачиваться и выгодно устранивать свои дѣла. Вообще же говоря, книгопродавецъ не пользуется у насъ никакимъ значеніемъ въ торговомъ мірѣ, если не имѣетъ какой нибудь другой собственности, и книжная торговля, а тѣмъ болѣе издательская дѣятельность, никого еще, кажется, не обогатила. Кто близко знакомъ съ процессомъ книгопродавческо-издательскихъ операцій тотъ знаетъ, что они ведутся болѣею частію самыми темными путями, при помощи разныхъ купеческихъ тонкостей, безъ чего даже сносное веденіе дѣла становится почти невозможнымъ. Книгопродавецъ-издатель, смотрящій на свою дѣятельность какъ на постоянное занятіе, долженъ не брезгать никакими средствами, если хочетъ имѣть выгоду; онъ не можетъ руководствоваться личными симпатіями или антипатіями при выборѣ изданій; онъ долженъ печатать все, на что существуетъ запросъ: будетъ ли это книга Бокля, или плохонькій учебникъ, принятый гдѣ нибудь въ руководство, или снотолкователь, или домашній лечебникъ и т. п. Оттого нигдѣ, можетъ быть, такъ сильно не развита спекуляція въ Россіи, какъ въ книжномъ дѣлѣ. Напечатать книжку какъ нибудь, лишь бы только подешевле, дать ей хлесткое названіе, сдумать рекламировать о ней надлежащимъ образомъ, умѣть ее выгодно намѣнять на другія изданія и т. д.—вотъ болѣею частію обыкновенный процессъ книгопродавческо-издательскихъ операцій. Все это доказываетъ, что книжное дѣло въ Россіи стоитъ еще очень шатко, если требуетъ для своего успѣха такого множества всяческихъ уловокъ, если безъ нихъ не можетъ процвѣтать даже при той страшной эксплуатаціи, какой подвергаются авторы и переводчики. А это, въ свою очередь, доказываетъ, что и точка зрѣнія, избранная г. Мясоѣдовымъ, а слѣдовательно, и весь его проектъ, оказываются невѣрными.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что издательская ассоціація «Дѣло», № 10.

осуществится и будетъ обладать огромными средствами, хотя это и очень сомнительно. Авторамъ она можетъ оказать большую услугу, это правда. Но съ другой стороны, ей нужно же и поддерживать чѣмъ нибудь свое существованіе, то есть, получать выгоды. Спрашивается, во-первыхъ, чѣмъ она будетъ руководствоваться при выборѣ рукописей для изданія, когда у насъ сплошь и рядомъ случается, что дрянная книжка раскупается великолѣпно, а хорошая—валяется по магазинамъ цѣлые годы? Если ассоціація будетъ руководствоваться коммерческими расчетами, охотнѣе печатая дрянь, чѣмъ хорошую книгу, то значить, относительно добросовѣстныхъ писателей она не будетъ достигать цѣли; если же она станетъ руководствоваться болѣе возвышенными расчетами, то очень легко можетъ ухлопать на изданія всѣ свои капиталы и ждать, сложа руки, пока эти изданія разойдутся—что можетъ продолжаться годъ, два и болѣе. Во-вторыхъ, книгопродавецъ-издатель, приобретаая какую нибудь рукопись, расчитываетъ на то, что въ случаѣ неудачи, можетъ пустить свое изданіе дешевле между книгопродавцами и намѣнить его на другія книги; при этомъ онъ, во всякомъ случаѣ, одинъ страдаетъ отъ своей неудачи и ни передъ кѣмъ за нее не отвѣчаетъ. Въ ассоціаціи же, по проекту г. Мясоѣдова (да иначе и быть не можетъ), роль издателя будетъ исполняться правленіемъ, «на которомъ должна лежать вся *отвѣтственность* передъ обществомъ». Чѣмъ же оно будетъ отвѣчать въ случаѣ рѣшительной неудачи предпринятаго изданія? Въ видахъ огражденія отъ ошибокъ, г. Мясоѣдовъ предлагаетъ «избирать независимо отъ правленія, но не иначе, какъ изъ предлагаемыхъ имъ кандидатовъ, особую комиссію изъ *специалистовъ* по разнымъ отраслямъ знаній, которой правленіе можетъ поручать разсмотрѣніе и оцѣнку рукописей, предлагаемыхъ ему для изданія членами общества». Подобная комиссія оказалась бы вполне цѣлесообразною въ такомъ только случаѣ, еслибъ успѣхъ изданій въ Россіи обуславливался дѣльностью ихъ содержанія. Между тѣмъ можно указать множество сочиненій, о которыхъ самые строгіе критики-специалисты дадутъ вполне одобрительный отзывъ, но которыя тѣмъ не менѣе лежатъ на полкахъ магазиновъ, въ то время, когда разная дребедень находитъ себѣ обширный сбытъ. Наконецъ, что будетъ дѣлать ассоціація съ неудавшимися изданіями, не имѣя возможности, подобно книгопродавцамъ-издателямъ, вымѣнивать ихъ на другія изданія и сбывать тѣми хитрыми способами, къ какимъ обы-

кповенно прибѣгаютъ опытные выгопродавцы? Она должна или продавать эти изданія за бездѣнокъ, или держать ихъ по нѣскольку лѣтъ въ своихъ кладовыхъ—что для нее одинаково убыточно. Могутъ сказать, что ассоціація устроитъ свою собственную торговлю, заведетъ типографію и т. п., какъ и предлагаетъ г. Мясоѣдовъ. Но сущность всего сказаннаго нами отъ этого нисколько не измѣняется. Предпріятіе, существующее на соціальныхъ началахъ, можетъ имѣть успѣхъ въ такомъ только случаѣ, если условія его существованія строго опредѣлены и если его дѣятельность можетъ совершаться правильнымъ путемъ. Но такого пути, какъ мы говорили, для книжной торговли въ Россіи не существуетъ. Зѣсь все зависитъ отъ личнаго умѣнья, близкаго знакомства съ дѣломъ, находчивости, пронырливости и значительной доли кулачества. А всѣ эти условія могутъ выполняться тогда только, когда во главѣ дѣла стоитъ одно лице, само передъ собою отвѣчающее за всѣ возможные ошибки и неудачи.

Если такимъ образомъ прозекъ г. Мясоѣдова оказывается неосуществимымъ въ главныхъ своихъ чертахъ, то тѣмъ болѣе наивными должны показаться разныя его частности, какъ напримеръ, надежда выдавать членамъ общества ссуды подъ залогъ произведеній умственного труда, или употреблять запасный капиталъ «на поощреніе отечественной литературы и культуры назначеніемъ конкурсовъ и премій за лучшія сочиненія по русской словесности, или же имѣющія предметомъ изслѣдованіе Россіи» и т. п. Все это имѣетъ видъ дѣтскихъ фантазій, построенныхъ на самомъ шаткомъ основаніи.

Изъ вышесказаннаго мы должны вывести то заключеніе (очень, впрочемъ, не утѣшительное), что въ настоящее время не только прозекъ г. Мясоѣдова оказывается неосуществимымъ, но что вообще умственный трудъ въ Россіи не можетъ еще быть основанъ на правильныхъ соціально-экономическихъ началахъ. Какъ ни сильно нуждаются въ этомъ русскіе писатели, какъ ни эксплуатируются они издателями, все-таки нужно сознаться, что эта эксплуатация не особенно идетъ впрокъ капиталистамъ. Конечно, и здѣсь, какъ вездѣ, не безъ исключеній; бывають случаи, что издатель получаетъ громадный процентъ на сочиненіи, приобретенномъ имъ почти за даромъ; но во-первыхъ, это случается довольно рѣдко, во-вторыхъ, выгоды одного предпріятія значительно уменьшаются невыгодами другого, такъ что въ концѣ концовъ не выходитъ ничего

особенно-грандіознаго. Поэтому нужно сперва дождаться того времени, когда издательская дѣятельность не будетъ соединена съ такимъ огромнымъ рискомъ, какого она требуетъ въ настоящее время, и тогда уже пробовать устроить умственный трудъ на соціальныхъ началахъ.

Гдб.

СЪ НЕВСКАГО БЕРЕГА.

(Общественныя и литературныя замѣтки и размышленія.)

Наши убѣжденія и наши наряды. — Важное значеніе послѣднихъ. — Новые Геркуланумъ и Помпея. — Тайны владѣвыхъ Академіи художествъ. — Годичная художественная выставка. — Художники размышляющіе и художники-мыслененавистники. — Картины гг. Якоби, Гуна, Журавлева и другихъ. — Мотивы этюдовъ г. Перова. — Комическое дарованіе г. Лесли. — Г. Тютрюмовъ и его архитектурное произведеніе. — Нѣсколько словъ объ одномъ начинающемъ стихотворцѣ. — Курьезы изъ газеты М. П. Погодина «Русскій». — *Коробочка «С.-Петербур. Вѣдомостей».*

I.

Академія художествъ напечатала свой отчетъ за два года, открыла художественную выставку и сочинила каталогъ свой... Академія художествъ выказала чрезвычайную дѣятельность... Желая говорить именно объ этой дѣятельности, я поведу свою рѣчь совсѣмъ о другомъ, я займусь нѣкоторымъ размышленіемъ „о туалетѣ вообще“. Повидимому нѣтъ ничего общаго между принадлежностями туалета и дѣятельностью Академіи художествъ, но такъ могутъ разсуждать только поверхностные люди, смотрящіе на туалетные атрибуты съ точки зрѣнія „Моднаго Магазина“ и „Вазы“...

Туалетъ, милостивые государи, великое дѣло! Туалетъ всегда былъ и будетъ живымъ *современнымъ вопросомъ*... Пока внѣшніе признаки человѣческаго существованія, его нарядъ и его манеры, играютъ огромную роль въ оцѣнкѣ его нравственныхъ ка-

чествъ, пока люди, прежде чѣмъ взглянуть на вашу фізіономію, смотреть, нѣтъ ли заплатокъ на вашихъ ботинкахъ, до тѣхъ поръ туалетъ будетъ самымъ главнымъ нашимъ аттестатомъ.

Прозорливость русскаго простаго человѣка, сочинившаго поговорку: „по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“, совершенно стирается въ современномъ обществѣ, которое „по платью встрѣчаетъ, и по платью же провожаетъ.“

Не часто люди страдаютъ за свои убѣжденія, но за свою прическу, за свое платье имъ не мало случалось испытывать гоненій и преслѣдованій со стороны общества и извѣстной части журналистики.

Давно ли ношеніе бороды считалось у насъ признакомъ вольнодумства, и на каждаго бородовладѣльца чуть не пальцами показывали на улицахъ?... Мы помнимъ такое время...

Русскій кафганъ Павла Якушкина даетъ богатую тему для цѣлаго эпическаго сказанія о его походахъ въ Псковъ и въ другихъ окраинахъ Россіи.

Затѣмъ начинается тургеневскій періодъ туалетнаго гоненія. Тургеневъ и его дальновидные сподвижники открыли въ длинныхъ волосахъ и высокихъ сапогахъ новый типъ людей, прародителейъ которыхъ явился всѣмъ набившій оскомину Базаровъ.

Но когда, къ общему удовольствію нашихъ проницательныхъ публицистовъ, всѣ успокоились на счетъ Базарова и воплощеннаго въ немъ нигилизма, вдругъ онъ оживаетъ, и гдѣ бы вы думали? Въ нашей Академіи художествъ.

Это кажется невѣроятнымъ; мы и сами не повѣрили бы этому, еслибъ насъ не убѣдилъ въ томъ напечатанный отчетъ Академіи за 1867—1868 годъ.

Базаровъ, занимающійся естественными науками и странствующій по болотамъ, въ большихъ сапогахъ, не признавалъ Рафаэля, и господинъ Тургеневъ счелъ это личнымъ своимъ оскорбленіемъ. Но что же можно подуматъ объ Академіи, объ этомъ „храмѣ искусства“, гдѣ къ представителямъ этого искусства и къ ихъ произведеніямъ относятся не только съ базаровскимъ отрицаніемъ, но и съ презрѣніемъ, которое доказываютъ на дѣлѣ.

Тургеневскій призракъ—Базаровъ не увлекался рафаэлевскими мадоннамч, но ниглѣ и не говорилъ, что мѣсто этихъ мадоннъ въ темныхъ сараяхъ или въ дровяныхъ подвалахъ. Базаровъ-призракъ, но наши академики—не мечта, „нѣтъ, это не мечта“, какъ говорилъ Собакевичъ. Полюбуйтесь же дѣйствительнымъ нигилизмомъ этихъ почтенныхъ мужей, выразившемся въ академическомъ отчетѣ. Вотъ что мы читаемъ въ немъ: „при разборѣ кладовыхъ, найдено было въ нихъ *въ пыли и небреженіи безчисленное множество картинъ и другихъ художественныхъ произведеній, принадлежащихъ художникамъ съ громкою славою, нашимъ русскимъ, современнымъ, еще и иностранцамъ*“.

Что можетъ быть лучше и яснѣе этого „собственного показанія“ Академіи? Это почище всякаго базаровскаго отрицанія! Въ продолженіи многихъ лѣтъ въ академическія кладовыя, какъ ненужный хламъ, какъ мусоръ, сваливались лучшія произведенія искусства, и теперь, только случайно открытыя, какъ помпеевскія рѣдкости, они появляются на свѣтъ Божій. Вотъ наши Геркуланумъ и Помпея, которые не были залиты огненной лавой, а просто преданы, какъ выражается отчетъ, „нглѣ и забвенію“.

Всѣ вновь открытыя „замогильныя“ произведенія, отнятыя у крысъ и плесени, выставлены теперь въ „музеѣ живописи“ Академіи, но такъ какъ у музея нѣтъ никакихъ указателей и каталоговъ, то публика остается въ невѣденіи, какія именно картины добыты изъ академическихъ *кладовыхъ*, и какіе представители искусства явились изъ мрака на свѣтъ?

Въ „нглѣ и забвеніи“ нашего художественнаго Геркуланума сдѣлана еще находка. Академія открыла въ своихъ нѣдрахъ другое богатство—большую бібліотеку, въ которой оказалось 30,000 томовъ и 120,000 эстамповъ.

Читать и писать объ этомъ болѣе чѣмъ странно: словно дѣло идетъ объ открытіи древняго подземнаго города въ новой Мексикѣ, а не въ Академіи художествъ, существующей въ Петербургѣ, на Невской набережной.

Кажется, бѣльшаго отрицанія искусства мы еще нигдѣ не встрѣчали, какъ въ самой Академіи художествъ.

Обозрѣніе годичной выставки художественныхъ произведеній тоже привело насъ къ полнѣйшему убѣжденію въ томъ, какъ сильно развито въ современныхъ художникахъ отрицаніе. Они отрицаютъ даже *мысль*. Заглянемъ теперь на самую выставку.

II.

Наши годичныя, художественныя выставки, со включеніемъ выставки и текущаго года, производятъ на внимательнаго зрителя совершенно новое и странное впечатлѣніе. Переходя изъ одной академической залы въ другую, разсматривая картины всевозможныхъ размѣровъ, онъ испытываетъ положеніе человѣка, попавшаго въ художественный скитъ, гдѣ новые сектаторы искусства словно дали другъ другу такой клятвенный обѣтъ: клянемся рисовать, но никогда ни о чемъ не думать. Мысль—это тотъ самый мѣдный змѣй, изображенный профессоромъ Вруни... „Клянемся, братія, до гроба не мыслить. Аминь“...

Я предполагаю, если вы спросите художника:

— „О чемъ вы, мистеръ, думаете“? то художникъ озлобится, и за такую обиду, пожалуй, махнетъ васъ по лицу кистью, сказавъ торжественно:

— „Я, милостивый государь, никогда ни о чемъ не думаю, а только *творю*. Я не ремесленникъ мысли и у меня есть только актъ творчества. Поэтому убирайтесь къ чорту!“

Вы будете глубоко наивны, если, смотря на ту или другую картину, пожелаете узнать отъ художника или изъ каталога: какая мысль заключена въ такой картинѣ? Въ каталогъ вы прочтете только: „Сцена съ природы, цѣна 500 р.“, а художникъ на вашъ вопросъ или только зарычитъ или понесетъ страшный вздоръ, гдѣ будутъ натканы слова: „экспрессія... полу-тоны... пятна... сочность висти... колоритъ“ и т. д. Онъ не пойметъ вашего вопроса, а вы его отвѣта.

Насколько въ газетѣ г. Старчевскаго идетъ названіе „Сына Отечества“, настолько же возможно нашихъ *живописцевъ* считать „дѣтьми XIX вѣка“. Ихъ также удобно отнести и къ XIX столѣтію и къ допотопной эпохѣ, когда люди ходили безъ одеждъ, какъ классныя натурщики. Смотри на многія произведенія современныхъ художниковъ и скульпторовъ, такъ и думаешь, что они до сихъ поръ воображаютъ, что люди и доннѣ ходятъ, какъ банщицы, безъ всякихъ одеждъ, по допотопной модѣ. Не даромъ же у нихъ такое пристрастіе къ обнаженнымъ фигурамъ.

Прогуляемся теперь по заламъ нынѣшней академической выставки.

Въ скульпторной залѣ, на первомъ мѣстѣ, мы встрѣчаемся съ произведеніемъ Николая Акимоча Лаверецкаго, за которое онъ получилъ званіе академика. Произведеніе Николая Акимоча очень глубокомысленное: голая дѣвочка показываетъ голому мальчику птичку. Глубокомысліе сразу непонятно, но скрыто, вѣроятно, въ аллегоріи этой группы. Неужели тутъ нѣтъ аллегоріи, Николай Акимычъ? Не *стрижъ* ли эта птичка? Или, можетъ быть, ваша статуя есть мраморная реклама одной изъ дѣтскихъ книжекъ г. Вольфа, въ которой:

Оля спрашиваетъ Колю:

«Коля, что это за птичка?»

Олѣ Коля отвѣчаетъ:

—«Воробей—той птичкѣ кличка.»

Послѣднее предположеніе, кажется, неошибочно: мотивъ для статуи заимствованъ у г. Вольфа и останется каменнымъ документомъ изобрѣтательности г. Лаверецкаго.

Если г. Лаверецкаго можно отнести къ разряду рекламныхъ скульпторовъ, то г. Бродскій по преимуществу художникъ будуарный. Двѣ его группы изъ бронзы, „Спящій Амуръ“ и „Амуръ, снимающій по пробужденіи вуаль“, принадлежатъ къ числу тѣхъ будуарныхъ украшеній, до которыхъ большія охотницы разныя богатыя капризницы. Эти вазы, съ крошечными фигурками амуровъ, такія же художественныя произведенія, какъ и разныя причудливыя игрушки изъ магазина Кача.

Кромѣ амуровъ г. Бродскій выставилъ „каминъ изъ мрамора“, за который, вѣроятно, и получилъ званіе профессора... Чѣмъ же наградить академія г. Бродскаго, если онъ на слѣдующихъ выставкахъ явится съ мраморными табуретами, мраморными экранами и мраморными плевательницами? Кто разрѣшитъ этотъ вопросъ?...

Проходя молчаніемъ десять восковыхъ миниатюрныхъ группъ г. Менерта и Діану г. Іенсена, въ которыхъ столько же мысли, сколько и въ каминѣ г. Бродскаго, мы только съ нѣкоторымъ удивленіемъ остановимся передъ гипсовой группой г. Каменскаго „Вдова съ ребенкомъ“...

Рядомъ съ голыми бронзовыми и мраморными амурами и Діанами намъ какъ-то странно видѣть эту изящно-простую и проникнутую истиннымъ чувствомъ группу г. Каменскаго. Молодая женщина, закутанная широкимъ платкомъ, съ грустной думой смотритъ на ребенка, который лежитъ на ея колѣняхъ. Вотъ тема этой группы. Тутъ нѣтъ щегольства обнаженныхъ формъ, красивыхъ драпировокъ и балетной граціи, и вы видите въ этой грустной фигурѣ тихое, глубокое женское горе, выраженное безъ всякаго академическаго кривлянья, что даетъ ей силу, что заставляетъ зрителя задуматься.

Смѣлость г. Каменскаго меня удивляетъ: онъ осмѣлился думать въ стѣнахъ академіи, осмѣлился вмѣсто боговъ и богинь, съ ихъ плѣнительною наготою, изображать горе какой нибудь овдовѣвшей титулярной совѣтницы.

Перейдемъ теперь къ отдѣленію живописи. Вотъ двѣ картины г. Перова: „Послѣдній кабакъ у заставы“ и „Сцена у желѣзной дороги.“

Когда-то г. Перовъ подавалъ большія надежды. Можно было предполагать, что онъ выучится думать и осмыслить тотъ родъ живописи, который называется *жанромъ* (Что такое, по мнѣнію художниковъ нашихъ, *жанръ*, мы увидимъ дальше). Но процессъ самостоятельнаго мышленія, кажется, показался г. Перову скучной гимнастикой и онъ свой талантъ (который у него есть безспорно) употребляетъ теперь на то, чтобъ мыслить и рисовать *по Розенгейму*. Послѣднія двѣ его картины именно таковы, и заставляютъ

предполагать, что ихъ сюжетъ заимствованъ изъ гражданско-обличительныхъ стихотвореній г. Розенгейма.

Не говоря уже о томъ, что г. Розенгеймъ давно уже перешелъ въ преданіи, мы думаемъ, что даже въ тѣ времена, когда скрипѣло тяжеловѣсное, желѣзное перо этого стихотворца, его произведенія не могли дать пищи даровитому художнику. Правда, г. Розенгеймъ много обличалъ въ свое время, но думалъ очень мало. Цѣлый рядъ обличаемыхъ имъ явленій, явленій печальныхъ, смѣшныхъ и безобразныхъ, онъ объяснялъ очень просто, съ смѣлостью Скалозуба:

Осторожно взглядишь, обсуди и тогда
Къ убѣжденью, быть можетъ, придеши,
Что въ народѣ самою затаилась бѣда...

Передъ картиной г. Перова „Послѣдній кабакъ у заставы“ невольно припоминаются эти граціозныя строки г. Розенгейма, съ комментаріями г. Скарятина, ядовито восклицающаго: „Кабакъ, кабакъ и кабакъ. Кабакъ въ селѣ, кабакъ въ полѣ, кабакъ въ лѣсу, кабакъ на большой и проселочной дорогѣ, всюду и вездѣ всепоглощающій кабакъ“...

Г. Перовъ точно иллюстрировалъ мнѣнія этихъ двухъ художниковъ въ прозѣ и поэзіи. Посѣтивъ множество кабаковъ, его мужички добрались, наконецъ, до „послѣдняго кабака у заставы“. Зимній вечеръ. Вдали тянется столбовая дорога. У освѣщенныхъ оконъ кабачка стоятъ мужицкія дровни съ продрогнувшими лошадками, которые ждуть своихъ хозяевъ...

Посмотрите вы на эту картину и вспомните слова г. Розенгейма:

Что въ народѣ самою затаилась бѣда...

Другая картинка г. Перова, „Сцена у желѣзной дороги“, тоже навѣяна розенгеймовско-скарятинскими мотивами. Сюжетъ незамысловатый. Видно начало поѣзда. Передъ опущеннымъ шлагбаумомъ стоитъ группа мужиковъ и бабъ и съ любопытствомъ звѣря смотрять на дивную „чугунку.“ Вотъ и все содержаніе картины, если только это можно назвать содержаніемъ. Выводъ такой: размышленіе *по Розенгейму* далеко неплодотворно для художника...

Г. Ковалевскій выставилъ *восемь* этюдовъ лошадей съ н. туры. Это по части коннозаводства, т. е. опять таки по части г. Розенгейма.

Такъ какъ я не членъ „Общества покровительства животныхъ“, то не могу оцѣнить цѣли и усердія г. Ковалевскаго, снявшаго портреты съ обитательницъ довольно большой конюшни въ восемь стойловъ.

Также я не могу оцѣнить вполнѣ достоинствъ пяти портретовъ г. Быкова. Такъ какъ главное достоинство портретовъ сходство ихъ съ оригиналами, которые мнѣ неизвѣстны, то я не могу на слово вѣрить академическому указателю, увѣряющему насъ, что это, напр., портретъ г. Быкова, это г-жи Дубровиной, а это портретъ матери художника.

Я не вѣрю даже г. Икову, который называетъ свою женскую фигуру, лежащую въ вызывающей позѣ—*Сусанной*... Вѣдь точно также возлежать могутъ и другія дѣвицы — Амалин, Альфонсини, Клары, Мины и т. д.

Зачѣмъ именно написалъ г. Иковъ свою Сусанну, я не могу сообразить и просто теряю голову. Разумѣется, я теряю голову не въ томъ смыслѣ, чтобъ дать сюжетъ для картины г. Якоби, приславшаго на выставку свою новую картину: „Кардиналу Гизу показываютъ голову адмирала Колиньи, убитаго въ варфоломеевскую ночь 1572 года.“

Г. Якоби всегда выбираетъ трагическіе сюжеты для своихъ картинъ, понимая трагедію только въ смыслѣ мелодраматическомъ и кровавомъ. Онъ всегда хочетъ дѣйствовать на одни нервы: то изобразить умирающаго пересыльнаго преступника, то обезглавленнаго Робеспьера, надъ трупомъ котораго потѣшаются республиканцы, то, наконецъ, голову Колиньи, принесенную въ ящикъ кардиналу Гизу. Пристрастіе къ кровавымъ эффектамъ, къ кровавымъ мантиямъ, къ фантастическому освѣщенію — вотъ характерныя черты дарованія г. Якоби, доказывающія, что онъ избралъ совершенно ложную и скользкую дорогу въ искусствѣ.

Лучшимъ доказательствомъ для г. Якоби, что „трагическое въ жизни“ можетъ быть выражено художникомъ безъ крови, безъ отрубленныхъ головъ, служить картина г. Гюна, остановившагося на томъ же этюдѣ 1572 года. Въ его картинѣ „Наканунѣ варфоломеевской ночи“ вы сильнѣе чувствуете весь ужасъ того вре-

мени. Передъ вами старый католикъ, который торопится пришить дрожащими руками бѣлый крестъ на свою шляпу, чтобъ въ ночь избіенія гугенотовъ разъяренные убійцы его не приняли за протестанта. Экспресія всей фигуры этого старика дышетъ жизненной правдой; въ немъ одною цѣлая поэма того времени и его личныхъ страданій...

Картина г. Гуна положительно — лучшее произведеніе во всей выставкѣ нынѣшняго года.

Г. Литовченко, памятный намъ, какъ творецъ „Демона“ (изъ поэмы Лермонтова), на выставкѣ текущаго года, взялъ на себя болѣе скромную роль художника-археолога, написавъ „Сокольникаго, время царя Алексѣя Михайловича.“

Многимъ художникамъ не мѣшаетъ взять примѣръ съ г. Литовченко — въ скромности. Пусть они рисуютъ сокольниковъ, безъ всякихъ претензій на глубину содержанія и вымысла и повторяютъ слова щедринаскаго героя барона Швахкопфа: „Мой мизль — нѣтъ мизль.“

Послѣднее выраженіе можетъ съ успѣхомъ служить девизомъ большинства нашихъ художниковъ, у которыхъ дѣйствительно „нѣтъ мизль!“

Вотъ, хоть, напр. г. Маковский. Онъ составилъ себѣ извѣстность портретною живописью. Его лица — живутъ, мѣховые воротники на нихъ дышутъ, пуговицы и золото блестятъ. Но такая извѣстность видимо не удовлетворила г. Маковского, и съ скромной долей г. Литовченки онъ не можетъ ужиться. Давно уже сталъ соблазнять его *жанръ со смысломъ*, давно уже онъ началъ стремиться къ изображенію реальныхъ сторонъ жизни. Все это очень хорошо, но бѣда заключается въ томъ, что жанристы, подобные г. Маковскому, имѣютъ совершенно дѣтское понятіе о реализмѣ въ искусствѣ. Они не стремятся и не умѣютъ осмыслить то или другое будничное явленіе жизни, не въ состояніи показать его трагическую или смѣшную сторону, а просто прибѣгаютъ къ фотографическому способу — дѣлать простые снимки со всего, что попадется подъ стекло ихъ камеръ-обскуръ. Передъ ними, напр., стѣна съ изорванными, грязными обоями — они сейчасъ изобразятъ эту стѣну съ изумительною

вѣрностью: изорванные обои вы готовы рукой ощупать; ползущій тараканъ чрезвычайно похожъ на таракана; паутина съ паукомъ дѣйствительно паукъ и паутина... Написавъ такую картину, художникъ воображаетъ, что онъ отдалъ дань реальности въ искусствѣ, что онъ настоящій жанристъ. На выставкѣ есть, напр., картина г. Боброва 2-го „Внутренность комнаты.“ Передъ вами двѣ комнаты съ скромной обстановкой и больше ничего. Разумѣется, для такого произведенія не нужно никакого творчества, никакой мысли, и даже наблюдательности никакой не нужно. Правда, тутъ есть жизненная правда, но такая же жизненная правда есть и въ изображеніи брошеннаго стоптаннаго башмака, запачканнаго грязью и дегтежъ.

Вотъ эту-то гоньбою за стоптанными башмаками и старыми подметками нѣкоторые наши художники и выражаютъ всю свою убогую реальность.

Возвратимся теперь къ г. Маковскому. Онъ является съ двумя своими картинами. Первая изъ нихъ не внесена въ каталогъ и подъ нею стоитъ надпись: „Разговоры по хозяйству“. За чайнымъ столомъ сидитъ старая барыня, а передъ ней стоитъ кухарка, ведущая съ ней бесѣду. Въ чемъ-же тутъ дѣло, думаете вы? Картина сама отвѣчаетъ за себя и за г. Маковского: „мой мизль—нѣтъ мизль„!

Другая картина г. Маковского носитъ огромное названіе: „изъ быта русскихъ бояръ конца XVII вѣка“.. Г. Маковский воображилъ, что для изображенія стараго боярскаго быта достаточно знанія костюмовъ того времени. Знай только выкройку сарафановъ и кокошниковъ, а за тѣмъ церемониться нечего. Боярина посади на стулъ, подведи къ нему русокосую красавицу съ опущенными глазами и съ чарой „зелена вина“ на подносі, и картина изъ быта XVII вѣка готова.

На выставкѣ кто-то изъ публики сдѣлалъ очень вѣрное заключеніе объ этой картинѣ, замѣтивъ, что тема ея „не изъ быта русскихъ бояръ конца XVII вѣка“, а изъ быта актеровъ александринскаго театра, изображающихъ какую нибудь сцену изъ старо-русской драмы гг. Аверкіева или Чаева. Передъ вами сидитъ

перереженный не то г. Нильскій, не то г. Степановъ; передъ вами стоитъ не то г-жа Владимірова, не то г-жа Струйская, а сзади выглядываетъ не то г-жа Громова, не то г-жа Линская.

Г. Маковскому стоило придѣлать внизу своей картины суфлерскую будку и сходство съ Александринскимъ театромъ было бы окончательное. Картина г. Маковского характеризуетъ столѣтіе, выбранное художникомъ, только при помощи археологическихъ справокъ объ одеждѣ того времени. Если бы онъ, не измѣняя ни на волосъ положенія своей группы, перерядилъ эту группу въ костюмъ современнаго купечества, то передъ нами была бы сцена изъ комедіи Островскаго и даже, пожалуй, Лейбина.

Г. Маковскій, задаваясь повидимому широкой программой для своей картины, все-таки нисколько не стоитъ выше художника Мельникова, написавшаго „Цвѣты въ вазѣ“. Одинъ срисовалъ боярскіе наряды, взятые на прокатъ у парикмахера Мишеля, другой копировалъ цвѣты, купленные въ любой оранжереѣ. Трудъ г. Мельникова даже почтеннѣе, ибо онъ безъ всякихъ претензій, и художникъ, съ своимъ оранжерейнымъ міросозерцаніемъ, не заглядываетъ въ сферы, ему незнакомыя.

Вотъ г. Шишкинъ такъ, по крайней мѣрѣ, остроумень. Отсутствие содержанія въ своей картинѣ онъ вздумалъ пополнить игривостью подписи подъ своимъ произведеніемъ. Картина г. Шишкина—пейзажъ

Протекаетъ рѣчка
Черезъ рѣчку мостъ,

только на мосту кѣтъ овечки и самый мостъ полуразвалился, такъ, что и конному и пѣшему переправа черезъ него на другую сторону рѣки невозможна. На третьемъ планѣ картины видны крошечныя въ полвершка фигурки: извозчикъ, только сейчасъ доставившій къ берегу двухъ путниковъ—господина въ шляпѣ и даму съ ребенкомъ. Подъ картиной, вмѣсто подписи, находится извѣстный стихъ изъ басни:

«Чѣмъ на мостъ намъ ѣхать, понцѣмъ лучше броду»...

По смыслу этой подписи почтенные дачники съ ребенкомъ должны перебираться на ту сторону рѣки — въ бродъ. Очень остроумное предложеніе со стороны г. Шишкина!..

III.

Между произведеніями жанристовъ годичной выставки, къ сожалѣнію, не замѣчены рецензентами и публикой работы петербургской артели художниковъ. Особенно труды трехъ художниковъ гг. Журавлева, Дмитріева-Оренбургскаго и Лемоха очень выдаются изъ всеобщей посредственности. Художественной простотой и свѣжестью незамысловатаго, но поэтическаго мотива дышетъ небольшая картинка г. Журавлева: „Возвращеніе съ бала“. Вы видите внутренность кареты. Откинувшись назадъ за плечо молодой жены лежитъ сильно выпившій супругъ. Онъ спитъ, но въ лицѣ его вы читаете всю исторію этого буйнаго, грубаго самодура. Рядомъ съ нимъ сидитъ молодая, запуганная жена. Изъ-подъ салопы выглядываетъ богатый, бальный нарядъ. Богатство при безконечномъ, молчаливомъ горѣ несчастной женщины—вотъ два контраста, которые встаютъ передъ вами въ лицѣ главной героини картины. Вы видите, какъ тяжело ея настоящее, какъ безразсвѣтно ея будущее, ей такъ и хочется сказать:

Бѣдная лучше впередъ не гляди!...

Другая картина того же художника: „Пріѣздъ художника домой“. Опять семейная, хоть очень обыкновенная, но печальная драма. Мужъ, долго не бывавшій дома, находитъ около жены ребенка. Стыдъ и страхъ заставляютъ жену закрыть лицо руками. Ребенокъ жметъ къ ней тоже со страхомъ. Старуха мать хочетъ хоть немного отвести приближающуюся грозу... Но гроза уже близко, вы находитесь въ ея присутствіи. Сдержанность художника, успѣвшаго во время остановиться, выбрать надлежащій моментъ—составляютъ всю силу подобныхъ произведеній.

Тою же сдержанностью и вкусомъ, рѣдкими въ нашихъ художникахъ, отличаются „Утопленникъ въ деревнѣ“ г. Дмитріева и „Семейное горе“ г. Лемоха. Г. Дмитріевъ, въ „Утопленникѣ“, да-

лекъ мелодраматическихъ традицій г. Якоби съ его обезглавленными трупами. Г. Дмитріевъ понимаетъ, что обезображенное лицо утопленника только можетъ смутить эстетическое чувство зрителя, насколько не увеличивая трагизма изображаемаго событія, а потому онъ заслонилъ лицо утопленника группою стоящихъ мужиковъ. „Начальство“ на спинѣ одного крестьянина составляетъ актъ, отбирая показанія.

Тоже умѣнье не договариваться до конца, остановиться на художественномъ намекѣ, видно въ „Семейномъ горѣ“ г. Лемоха. Въ скромно-меблированной комнатѣ, за ширмами, лежитъ умирающій или уже умершій труженикъ. Вы его не видите, — изъ-за ширмъ выглядываетъ только задняя часть кровати, — но вы чувствуете, что за этими ширмами лежитъ покойникъ. На диванѣ, у стола сидитъ молодая женщина. Опираясь одной рукой на колѣни матери, убитая горемъ, вдова хочетъ скрыть свои слезы отъ старушки и, отвернувшись, закрываетъ свое лицо ладонью другой руки. Не видя холоднаго трупа мертвеца, не видя слезъ печальной вдовицы вы все-таки чувствуете и понимаете, что тутъ дѣйствительно „семейное горе“.

Отдохнувъ на произведеніяхъ этихъ трехъ художниковъ, не очень весело переходить къ другимъ украшеніямъ выставки. Полнѣйшее отсутствіе содержанія въ этихъ „украшеніяхъ“ замѣняется хитростью ихъ названій. Посмотрите какъ хитритъ г. Брянскій!... Нарисовалъ онъ этюдъ съ „женской головкой“, но чтобъ сдѣлать изъ этой „головки“ — картину, онъ положилъ передъ ней на столѣ золотое кольцо 94 пробы, затѣмъ вложилъ въ руки „головки“ смятую записку и назвалъ свой портретъ „невѣстой, получившей обратно обручальное кольцо“... Выраженіе лица этой „невѣсты“ до такой степени „удобное“, что положи г. Брянскій на столѣ вмѣсто золотого кольца театральнй билетъ, то смѣло могъ бы сдѣлать такую надпись подъ своей „головкой“: „невѣста, получившая отъ своего жениха билетъ въ итальянскую оперу“... И первая и послѣдняя подпись одинаково идутъ къ этой „головкѣ“, удобной для всякой „заголовки“...

Другой этюдъ того же г. Брянскаго: „туалетъ двѣушки по-
дѣло, № 10.

съ *куманья*“ Подъ такимъ названіемъ вы видите дѣвушку въ бѣлой кофтѣ и ничего болѣе. Отчего же г. Брянскому не рисовать послѣ того своихъ этюдовъ на такія темы: „человѣкъ, получившій насморкъ и сморкающійся въ платокъ“, или, „дѣвушка, убивающая блоху“, или, „юнкеръ, размышляющій о покупке перочинаго ножа“ ..

Это все „жанръ“, достойный г. Брянскаго и всѣхъ ему подобныхъ. Г. Брянскій всего лучше рисуетъ *обручальныя кольца*. Призовите къ его картинѣ любого ростовщика или оцѣнщика—и онъ признаетъ его кольцо несомнѣнно за золотое самой высшей пробы.

Совершенно въ другомъ родѣ произведеніе г. Шурыгина. Г. Шурыгину случилось прочесть двѣ „книжки“ гг. Стебницкаго и Авенариуса. Понравились эти книжки г. Шурыгину и изъ этихъ двухъ книжекъ онъ составилъ одну картинку, которую назвалъ: „современные идеалисты“. Въ названіи видимая ошибка художника: по невѣденію онъ слово „идеалистъ“ смѣшалъ съ „ангелистомъ“, ибо и то и другое слово для него непонятны.

Въ картинкѣ два растрепанные „ангелиста.“ На одномъ красная рубашка и, разумѣется, высокіе сапоги. Онъ что-то громко читаетъ, размахивая рукой. Рядомъ стриженная „ангелистка“ въ очкахъ, слушаетъ его декламацию. Въ комнатѣ видимыя слѣды попойки: по полу разбросанныя бутылки и стаканы съ пивомъ... Цѣна 75 руб... Неужели редакция „Всемирнаго труда“, въ видѣ поддержки духа своихъ сотрудниковъ, не купитъ этой картины?..

Но вотъ картины г. Лесли... Г. Лесли удивительный комикъ среди художниковъ?... Какой бы мрачный сюжетъ не избралъ онъ для своей кисти, вы все-таки будете смѣяться... Что, напр., смѣшнаго въ изображеніи „Утопленницы“, бросающейся въ воду съ Николаевского моста? Какъ-то дико, неловко улыбаться передъ такою картиной, но вы все-таки смѣетесь, смѣетесь неудержимо. Растрепанная женщина, кулаки подняты къверху, вся фигура этой женщины возбуждаетъ въ васъ хохотъ, а не состраданіе или ужасъ. Чѣмъ это объяснить, какъ не комическимъ талантомъ г. Лесли?..

Точно также весело смотрѣть на другую картину г. Лесли,

„Неронъ передъ трупомъ Агрипины“. Сюжетъ, повидимому, вовсе невеселый. Неронъ и Агрипина—фигуры настолько мрачныя, что едва-ли могутъ вызывать улыбку, и при всемъ томъ вы смѣтаетесь передъ этою картиною г. Лесли. Пухлая, подушкообразная личность Нерона, точно также какъ и Агрипина, похожая на лайковую куклу, набитую сѣномъ, заставляютъ забыть васъ всю зловѣщую исторію этихъ мрачныхъ фигуръ, и вы смѣтаетесь, смѣтаетесь и смѣтаетесь... Вѣроятно, этой цѣли и желалъ достигнуть г. Лесли, и предполагать въ немъ инныя стремленія едва-ли возможно...

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ о художественной годичной выставкѣ, я скажу два слова о новомъ произведеніи г. Тютрюмова. Въ каталогъ выставки, вѣроятно по случайной ошибкѣ, произведеніе г. Тютрюмова носятъ названіе: „Отдыхъ вакханки“. На самомъ дѣлѣ, это не картина, а планъ роскошнаго, архитектурнаго произведенія, нѣчто въ родѣ храма любви, гдѣ могутъ блаженствовать одни полубоги и великіе эпикурейцы. На переکورъ всѣмъ архитекторамъ, весь свой талантъ и воображеніе посвящающимъ художественному изображенію главнаго передоваго фасада зданія, г. Тютрюмовъ исключительно занялся отдѣлкой *задней части* своего аллегорическаго палладо — и превзошелъ самого себя въ ея изображеніи. Истинные цѣнители по цѣлымъ часамъ любятъ новыя творенія г. Тютрюмова...

На г. Тютрюмовѣ я и остановлюсь. Все, что можно было сказать о выставкѣ, съ той или другой точки зрѣнія, я сказалъ, проходя молчаніемъ множество этюдовъ, портретовъ и пейзажей. Зритель долженъ вынести невеселое впечатлѣніе, послѣ хожденія по заламъ выставки. Два-три порядочные этюда жанристовъ, два-три пейзажа, а все остальное сливается для него въ пестрое смѣшеніе красокъ, драпировокъ и золотыхъ рамъ... Изъ каждой такой золотой рамы кричитъ тотъ же щедринскій баронъ Швахкопфъ:

«Мой мизль—нѣтъ мизль!..»

Это восклицаніе провожаетъ васъ до самаго выхода, слѣдить за вами на лѣстницѣ, у параднаго подъѣзда Академіи, раздается за вами въ догонку на той сторонѣ Невы, за Николаевскимъ мостомъ...

IV.

Однако, справедливость — прежде всего.

Если, съ одной стороны, произведенія нашихъ художниковъ страдаютъ полнѣйшимъ отсутствіемъ содержанія, бѣдностью вымысла и окаменѣлостью мысли, то, съ другой стороны, большинство изъ нихъ безукоризненно въ техническомъ отношеніи. Лица на ихъ портретахъ смотрять, какъ живыя, въ изображеніи всевозможныхъ деталей краски подъ ихъ кистью исчезаютъ, и вы видите настоящее золото, бронзу, мѣха, бархатъ и атласъ. Въ этомъ отношеніи, въ дѣлѣ вѣншей отдѣлки и формы, наши художники далеко перещеголяли нашихъ современныхъ стихотворцевъ. Послѣдніе тоже бѣдны содержаніемъ, а по техникѣ ихъ стиха, по неряшливости и тепорности версификаціи трудно вообразить, что эти птенцы русской поэзіи пишутъ свои стихи послѣ Жуковского, Пушкина и Грибоедова.

На этотъ разъ я хочу остановиться на литературныхъ упражненіяхъ одного изъ начинающихъ российскихъ стихотворцевъ, а именно на г. Буренинѣ. Останавливаюсь именно на немъ, а не на комънибудь другомъ, потому, во-первыхъ, что въ этомъ стихотворцѣ рельефнѣе, чѣмъ въ другихъ поэтахъ-новичкахъ, замѣтно поразительное неумѣнье владѣть стихотворной формой, а во-вторыхъ потому, что въ г. Буренинѣ, болѣе, чѣмъ въ комънибудь другомъ, проявляется страшная заносчивость и самовадѣянность, далеко превышающія его очень скромно, микроскопическое дарованіе. Очень юные, начинающіе поэты нерѣдко бываютъ сбиваемы съ толку чрезмѣрными похвалами своихъ услужливыхъ пріятелей и приходятъ къ самообожанію раньше того времени, чѣмъ сдѣлаются извѣстными даже своимъ близкимъ родственникамъ. Поэтому я считаю за доброе, гражданское дѣло сказать слово правды такому начинающему птенцу, дабы „человѣкъ не баловался“ и построже взглянулъ на свое Поэтическое баловство.

Можетъ быть, со временемъ, когда г. Буренинъ откажется отъ своей слабости писать стихи (въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь), и займется какою нибудь другою дѣятельностью попроще, онъ вѣрно оцѣнитъ все безкорыстіе моихъ совѣтовъ. Если жъ онъ *теперь* прогнѣвается на меня, то все же отъ этого истина не пострадаетъ...

Если бы у г. Буренина не было такой русской фамиліи, то, читая его первые опыты въ стихахъ, я склоненъ былъ бы предполагать, что авторъ этихъ „опытовъ“ нѣмецъ или, по крайней мѣрѣ, бывшій обитатель Гельсингфорса. Извѣстно, что нѣмцы очень любятъ говорить по-русски, слѣдовательно могутъ имѣть и страсть къ сочиненію русскихъ стиховъ. Однако я не настаиваю на своемъ предположеніи (можетъ быть, фамилія г. Буренина псевдонимъ только?), но только хочу пояснить свое недоумѣніе съ помощію стиховъ самого Буренина. Вотъ, напр., какіе стишки пописываетъ онъ:

Разливается новаго года заря,
Блескомъ юности розово-алымъ,
И ея (?) полонъ смидостныхъ грезъ и надеждъ
Я встрѣчаю заздравнымъ бокаюмъ.

Или вотъ такія строчки въ тѣхъ же стишкахъ:

Всякій, что находится въ кругу дураковъ,
Нынче сталъ въ категоріи умныхъ.

Нерусская постройка первой строчки невольно напоминаетъ слова изъ нѣмецко-русской пѣсни:

У одинъ мужикъ одна женушка билъ,
Хоршенькій, миленькій,—да!..

Подобно всѣмъ юнымъ, начинающимъ стихотворцамъ, г. Буренинъ, пожалуй, можетъ отвѣтить, что это опечатка... Такой отвѣтъ доводилось мнѣ слышать не разъ отъ многихъ чижиковъ российской словесности, незамѣчавшихъ, въ наивности души своей, того, что и вся ихъ журнальная дѣятельность, есть ничто иное, какъ „большая литературная опечатка“...

Но отговариваться плохую корректурую не всегда возможно, что мы сейчасъ и узнаемъ при чтеніи поэмы г. Буренина „Грѣшница“

изъ Альфреда де-Виньи (*La femme adultère*) (Вѣстникъ Европы, сентябрь).

Извѣстно, что Альфредъ де-Виньи одинъ изъ немногихъ французскихъ поэтовъ, у которыхъ форма доведена до удивительнаго совершенства. Всѣ стихи его отличаются античною строгостью и законченностью; всѣ стихи его точно бронзовые барельефы. Что же сдѣлалъ г. Буренинъ изъ художественной поэмы Виньи? Мало того, что онъ взялся за переводъ съ умѣньемъ стихотворцевъ гг. Савича и Мартынова, онъ начинилъ свой переводъ строфами собственнаго издѣлія, которые отличаются полною разнузданностью „испанскихъ мотивовъ“ Вс. Крестовскаго.

Сличимъ одно мѣсто оригинала съ подлинникомъ:

«Voilà ces yeux si purs dont mes yeux sont épris!
 Votre front est semblable au lis de la vallée,
 De vos lèvres toujours la rose est exhalée:
 Que votre voix est douce et douces vos amours!
 Oh! quittez ces colliers et ces brillants atours»!..

Я настолько великодушень, что не стану переводить этого мѣста стихами, для сравненія съ стихотворнымъ переводомъ г. Буренина, но у меня есть оружіе самое убійственное и самое простое. Я сдѣлаю построчный, прозаическій переводъ этой строфы и сравню его съ стихами г. Буренина. Прочтите буквальный переводъ въ прозѣ: „Вотъ эти чистыя очи, въ которыя влюблены мои глаза! Твое чело похоже на лилію долины! Розой дышутъ твои уста. Какъ сладокъ твой голосъ, какъ сладостна любовь твоя!.. Сбрось эти ожерелья и блестящія украшенія„...

Нужень большой талантъ бездарности, чтобъ это мѣсто, поэтическое даже въ буквальномъ переводѣ, обезобразить такимъ стихотворнымъ перевозомъ:

Любви сіяньемъ озарили
 Лучи твоихъ очей мой взглядъ
 Твое чело бѣлѣе милій ¹⁾,

¹⁾ Рифмы *озарили* и *милій* только могутъ соперничать съ однимъ старымъ двустышіемъ несчастнаго домашняго рифмоплета:

Въ магазинѣ *Бари*,
 Дѣвы очевъ *стари*...

Уста слова любви струять, (?)
 Какъ будто розы ароматы!
 О, сбрось съ себя *одеждъ нарядъ...* (?)

Вѣдь просто обидно дѣлается за г. Буренина: буквальный, подстрочный переводъ выходить поэтичнѣе его рифмованной путаницы, гдѣ „лучи очей озарили взглядъ любви“, и гдѣ, наконецъ, предлагается сбросить съ себя „одеждъ нарядъ?“ По каковски послѣднее выраженіе? Вѣдь это равносильно „глазамъ очей“, „щекамъ твоей ланиты“,... и пр.

Дальше г. Буренинъ просто начинаетъ клеветать на А. Виньи и входить въ тонъ Вс. Крестовскаго, съ тою только разницею, что даже у послѣдняго нѣтъ такихъ варварскихъ стиховъ:

О, лучше бъ ты охолодила
 То пламя, что во мнѣ зажгло
Мятежныхъ маскъ твоихъ желанье (!)
Любви созрѣли взоры; я
 Касаюсь къ нимъ...

Г. Буренинъ безцеремонно начинаетъ исправлять и поподнять французскаго поэта.

Слѣдующія строки показались ему незаконченными въ подлинникѣ:

Le séducteur, content du succès de son crime,
 Fuit l'ennui des plaisirs et sa jeune victime.
 Seule, elle reste assise, et son front sans couleur
 Du remords qui s'approche a déjà la pâleur...

Г. Буренинъ пересочинилъ ихъ такъ:

Въ тотъ часъ любовникъ пресыщенный
 Ее покинулъ, и блѣдна
На ложь, нгой изступленной (?)
 Измятомъ, поднялась она...

Гдѣ нашель юный переводчикъ у Альфреда Виньи ложе, измятое *изступленной нгой*? Да и какъ можетъ быть нѣга—изступленной, злоба—кроткой, порокъ—добродѣтельнымъ и гг. Са-

вичь, Буренинъ и Панютинъ переводчиками Альфреда Виньи? Ни то, ни другое, ни третье—невозможно.

Не только въ нашихъ журналахъ, но даже въ поздравительныхъ стихахъ разносчиковъ афишъ странно встрѣчать нынче такія строки:

„Зефора ждетъ мужа“, *взлядъ уставивъ въ даль* (?!), а мужъ съ высотъ Сіона“ *сбѣзжалъ*, *„коня ускоривъ ходъ“*... Да, помните, теперь писцы управы благочинія не пишутъ такимъ языкомъ, и я совѣтую г. Буренину *„взлядъ уставить въ даль“* и придумать для себя родъ занятій, который не компроментировалъ бы его такъ, какъ компроментируетъ подобное изступленное ломанье бѣднаго русскаго языка подъ редакціей экс-профессора Стасюлевича.

V.

Благодаря совокупности многихъ обстоятельствъ, журналистика наша имѣетъ для публики значеніе не „поучающее“, а скорѣе „увеселяющее“. Гейне, говоря о своемъ времени, такъ обрисовываетъ отношеніе печати къ обществу даже въ многодумной Германіи: „Когда въ народѣ, пишетъ онъ, общественная жизнь неподвижна, онъ все-таки ищетъ себѣ предметовъ для обсужденія и находитъ ихъ въ своихъ писателяхъ и въ своихъ комедіантахъ. Въмѣсто пѣтушкихъ боевъ у нихъ есть газеты, въ которыхъ бѣдняки, кормимые съ этою цѣлью, рвутъ другъ на другѣ доброе имя, ¹⁾ а филистеръ кричитъ въ восторгѣ: „вотъ этотъ—молодецъ! Каково этому натрепали гребень-то“.

Нѣкоторые наши собственные публицисты видимо изъ божи лежутъ, чтобъ ихъ органъ принялъ характеръ „общественнаго увесе-

¹⁾ Все это такъ близко подходитъ къ намъ, словно дѣло идетъ не о германской журналистикѣ, а о нашей клонѣ съ ея Суворовыми, Арсеньевыми, Зетами и Загуляевыми.

лителя“. Самымъ характернымъ увеселительнымъ зрѣлищемъ у насъ безспорно является „Русскій“, газета, издаваемая и сочиняемая г. Погодинымъ, который, что видно изъ его же словъ, единственный сотрудникъ и единственный корректоръ этого веселаго изданія. Подобно „Диллетанту пятаго яруса“, въ водевилѣ того же названія, гдѣ всю пьесу ведетъ одинъ актеръ, г. Погодинъ въ единственномъ своемъ лицѣ изображаетъ всѣ отдѣлы и рубрики своего „Русскаго“...

„Одинъ въ полѣ не воинъ“, говоритъ пословица. Для г. Погодина должна быть придумана новая поговорка: „Одинъ на Дѣвичьемъ полѣ—воинъ“, да еще какой!.. У этого „воина“ двѣ отличительныя черты: во-первыхъ онъ сражается всегда съ тѣнями и призраками, а живые люди на его вызовы не отвѣчаютъ, почему воинственность его совершенно безопасна, а во-вторыхъ этотъ „воинъ“ живетъ всегда заднимъ числомъ, потому, вѣроятно, что всѣ извѣстія, книги, журналы, доходятъ въ одно время, какъ въ Камчатку, такъ и на Дѣвичье поле... Почти навѣрное можно предположить, судя по пяти дюжинамъ „Русскаго“, что извѣстія о лѣтнихъ торфяныхъ пожарахъ и голодѣ въ Россіи будутъ подвергнуты подробному изслѣдованію въ этой газетѣ только зимою будущащаго 1869 г.

До какой степени свойственно „Русскому“ *репетитовское* запыдыванье, доказываетъ № 68 этого погодинскаго изданія (отъ 2 октября), отъ первой до послѣдней строчки посвященный нигилистамъ. Статья такъ и называется: „Нигилистамъ“... Г. Погодинъ только теперь сдѣлалъ открытіе нигилистовъ и даже недавно узналъ о томъ, что на Руси былъ недавно одинъ публицистъ, котораго фамилія *Писаревъ!*... „Имя этого писателя, говоритъ г. Погодинъ о Писаревѣ, у насъ, въ кругу людей, занимающихся наукою и словесностью, было неизвѣстно (?!)“. Только недавно, г. Погодинъ прочелъ въ газетахъ отрывокъ изъ статьи Писарева „Русскій Донъ-Кихоть“ (по поводу литературной дѣятельности г. Кирѣевскаго) и запыхалъ страшнымъ гнѣвомъ и дрогнуло все Дѣвичье поле отъ богатырскаго посвиста „Русскаго“.

“Читая, не вѣришь глазамъ своимъ, восклицаетъ Михаилъ Пе-

тровичъ:—Кирѣвскій мрачный обскурантъ! Человѣкъ глубоко пав-
шій! Его идеи допотопныя, его ребяческія убѣжденія, натолкован-
ныя нянюшкой и маменькой, раздѣляются всѣми старухами москов-
скими!.. Кто это говорить“?..

Противъ такого обвиненія г. Погодинъ рѣшился ополчиться
всѣмъ прифтожь собственной типографіи. Что Кирѣвскій не былъ
обскурантожь, г. Погодинъ доказываетъ такими убѣдительными
аргументами:

Во 1-хъ. Кирѣвскій читаль Шиллера и Гете (Михаилъ Пе-
тровичъ! Да ктоже ихъ не читаль? Ихъ одинаково читали Вѣ-
линскій и Булгаринъ, Добролюбовъ и Кельсіевъ, а между первыми
и послѣдними, кажется, есть нѣкоторая разница!).

Во 2-хъ. Кирѣвскій былъ родственникъ Жуковскаго (съ кото-
рой стороны)?

Въ 3-хъ. Другъ Баратынскаго.

Въ 4-хъ. Товарищъ Веневитинова, Хомякова, Шевырева ¹⁾.

Въ 5-хъ. Жилъ долго въ Мюнхенѣ и Берлинѣ.

Въ 6-хъ. Имѣлъ характеръ благородный, деликатность и нѣж-
ность тонкихъ чувствованій...

Такая оригинальная защита литературной дѣятельности Кирѣв-
скаго удивить хоть кого. Критикъ разбираетъ его сочиненія, его
статьи, его кругозоръ, какъ мыслителя и журналиста, а Михаилъ
Петровичъ, какъ сваха, толкуетъ о „тонкихъ чувствахъ“ Кирѣв-
скаго, говоритъ о тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ *другомъ*, съ кѣмъ
товарищемъ и въ какомъ именно городѣ нанималъ квартиру.

Отличный приѣмъ защиты для нынѣшнихъ адвокатовъ. Представьте
себѣ, что вамъ привелось бы слышать защитительную рѣчь какого нибудь
адвоката, пожелавшаго оправдать перелъ судомъ статью сотрудника,
ну, хоть, „Голоса“, или хоть самого Тиблена, за его бѣгство. Что бы
вы сказали, услыхавъ такое слово: „Господа судьи! Передъ вами сто-
ить человѣкъ, нѣжность сердца котораго способна къ воспринятію
самыхъ высокихъ чувствованій. Онъ не можетъ безъ слезъ съѣсть

¹⁾ Извѣстно, что всѣ литературные дѣтели прежняго времени была товари-
щами Жуковскаго и Баратынскаго.

куска ростбифа, не сказавъ при этомъ: я ѣмъ (о, чудовище!) мясо животнаго, котораго жизнь принесена въ жертву моего обжорства!.. Онъ друженъ съ А. А. Краевскимъ, а дружба послѣдняго возвышаетъ, онъ знакомъ съ докторомъ Ханомъ, а такое знакомство можетъ только благотвѣтельно дѣйствовать на убѣжденія. Наконецъ, обвиняемый завтракалъ однажды въ одномъ ресторанѣ съ Спенсеромъ, и однажды его шляпу надѣлъ по ошибкѣ г. Феть, что скоро будетъ разказано въ новой повѣсти знаменитой писательницы Ольги Н... Неужели же изъ всего этого не ясно, что обвиняемый — человекъ образованный, прогрессивный и самыхъ высочайшихъ правилъ и чувствованій..

Если возможна такая адвокатская защита, то и аргументы, приводимые г. Погодинымъ, имѣютъ неотразимую силу.

Дальнѣйшее повѣствованіе г. Погодина не столько о г. Кирѣвскомъ, сколько о самомъ себѣ, еще болѣе любопытно по своей своеобразности.

Прочитавъ отрывки изъ статьи г. Писарева о Кирѣвскомъ, Михаилъ Петровичъ не выдержалъ. “Я въ тотъ же часъ, говоритъ онъ, написалъ записки къ лицамъ, знавшимъ Кирѣвскаго, и звалъ ихъ на крестовый походъ на невѣрныхъ”.

Увы! возваніе г. Погодина потерпѣло полнѣйшій афронтъ: по его собственному признанію, никто ему не откликнулся “изъ боязни мысли”, какъ замѣчаетъ почтенный ученый. Оставшись одинокимъ бойцемъ на Дѣвичьемъ полѣ, г. Погодинъ задумалъ дѣйствовать одинъ. Затѣмъ Михаилъ Петровичъ вводитъ читателя въ свою личную, домашнюю жизнь. Мы узнаемъ, напр., что онъ прежде всего вытребовалъ “у своего книгопродавца”, (или въ Москвѣ всѣ — свои люди, или же у г. Погодина дѣйствительно есть свой собственный книгопродавецъ — неизвѣстно) сочиненія Писарева. Потомъ, мы узнаемъ, что московскій ученый “въ четвергъ и пятницу 4 и 5 іюля (для потомства такая точность чрезвычайно важна), въ напрасномъ ожиданіи корректуръ своей газеты (ковенная жалоба на безпорядки собственной типографіи!), имѣя свободное время, за полночь, принялся читать “новаго нашего мыслителя”. Чтеніе Писарева видимо сильно взволновало г. Погодина.

Въ немъ проснулась старая его слабость писать письма къ знакомымъ и незнакомымъ. “Цѣлое утро, признается онъ, я ходилъ *у себя въ саду по моей липовой аллее* (да будетъ всѣмъ извѣстно, что у г. Погодина на Дѣвичьемъ полѣ есть садъ, а въ томъ саду есть липовая аллея... А есть ли у васъ въ саду яблони, Михаилъ Петровичъ?.. Очень любопытно знать) и обдумывалъ письмо къ Писареву”, предполагая убить его стихами изъ Державина:

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
 Но, будучи я столь чудесенъ,
 Огколь произошелъ, безвѣстенъ,
 А самъ собой я быть не могъ.

Передъ смысломъ этихъ стиховъ, по мнѣнію М. П., теряются исторія, фізіологія, анатомія, химія, зоологія и антропологія.

Письмо г. Погодина оказалось опять бесполезнымъ, потому что онъ вдругъ узналъ о телеграммѣ, извѣщающей о смерти Писарева. „Погибель Писарева“ поразила М. П. только потому, что, какъ говорилъ онъ, она совпала съ размышленіями моими объ его нравственномъ состояніи. „Паденіе Писарева“ г. Погодинъ еще больше полюбилъ, когда прочелъ, „объ его университетской жизни въ *прекрасной трезвой статьѣ* г. Полевого“ *) Чтеніе этой статейки привело г. Погодина къ тому соображенію, что „Писаревъ по выходѣ изъ университета вѣрно попался подъ вліяніе *какого нибудь злого духа*“.

„Марфа! Марфа! печешся о мнозѣхъ“, скажемъ мы Михаилу Петровичу; желая изслѣдовать самый корень зла, т. е. нигилизма, М. П. даже отыскалъ его родоначальника въ лицѣ покойнаго И. И. Введенскаго, который, по мнѣнію г. Погодина, распространялъ нигилизмъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ еще во времена Ростовцева.

Съ своей стороны, мы можемъ завѣрить М. П., что намъ тоже извѣстны нѣкоторыя воспоминанія Введенскаго о г. Погодинѣ и

*) Въ августовской книжкѣ «Дѣла» мы уже оцѣнили эту «прекрасную и трезвую статью», которая, какъ комъ грязи, была брошена г. Полевымъ на свѣжую могилу Писарева.

о томъ времени, когда московскій ученый странствовалъ по Европѣ и предлагалъ Шафарику и Гизо свои сочиненія въ обмѣнъ на ихъ произведенія, а воспитанники его московскаго пансіона, моримые голодомъ, принуждены были для пропитанія продавать свои собственные учебники. Объ этомъ рассказывалъ тотъ же Иринархъ Ивановичъ Введенскій, который имѣлъ несчастье жить когда-то въ домѣ издателя „Русскаго“. Помните, Михаилъ Петровичъ?..

Свою статью о нигилистахъ М. П. заканчиваетъ слѣдующей просьбой: „Пусть читатели простятъ мою ревность, *если она идѣ и не по разуму...*“ По разуму ли она? Читатели, вѣроятно, давно рѣшили это и безъ меня.

VI.

Вамъ, вѣроятно, доводилось слышать такіе разговоры.

Дама зрѣлая. Какая скука! Желала бы читать, но нынче и читать нечего.

Дама юная. Ужь и не говори, ма сѣге,—теперь печатаютъ одни мужицкіе романы, гдѣ герои какіе-то Ванюхи и Матрены, разговоры—безъ всякой деликатности. Благовоспитанной женщинѣ просто въ руки невозможно взять ни одного журнала...

Но ни однѣ только дамы изъ Коломны или изъ Опочки такъ разсуждаютъ: подобныя коробочки попадаютъ и между коршевскими рецензентами. Подъ таинственной буквой *зетъ*—

Хроникеръ иль хроникерша

Есть въ газетѣ Корша.

По многимъ приемамъ и по „женственности“ взглядовъ неизвѣстнаго автора скорѣе можно предполагать, что *Зетъ* одного пола съ Ольгой Н. и съ г-жею Мессарошъ. На эти предположенія особенно наводятъ послѣднія разглагольствованія *Зета* въ „С.-Петербур. Вѣдом.“ о петербургскихъ беллетристахъ, объ ихъ „мужицкихъ“

романахъ. *Зетъ* возмущается тѣмъ, что эти беллетристы, вмѣсто фабренныхъ князей и батистовыхъ маркизъ, выводятъ въ своихъ произведеніяхъ неумытыхъ пейзазовъ, которые только толкуютъ „о *портянкахъ*“ (собственное выраженіе *Зетъ*), да о своихъ нуждахъ, да о какихъ-то преслѣдованіяхъ. Господинъ или госпожа *Зетъ* не выносятъ писателей, живописующихъ народный бытъ со всей его житейской правдой... Ему (или ей), какъ видно, желательно видѣть въ подобныхъ произведеніяхъ современныхъ беллетристовъ только народныхъ, балетныхъ пейзазовъ; ему (или ей) хочется читать сахарныя элегіи о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ „живутъ мужики богатые, грѣбуть золото лопатами“, гдѣ „текутъ рѣчки молочныя, а берега видны кисельныя“...

Дѣйствительно, какъ смѣютъ мужики говорить о *портянкахъ*, а романисты передавать намъ ихъ разговоры со всею циническою правдой дѣйствительности!.. *Портянки!* Фи! какъ это неблагозвучно!..

Какъ видите, и у „Петерб. Вѣд.“ нашлась новая дѣвица *Китти*. Въ утѣшеніе *Зета* могу только сказать:

Дождемся скоро мы чудесъ,
 Жизнь обновится до изнанки:
 Мужикъ заспоритъ про прогрессъ,
 А рецензенты про *портянки*.
 И къ *Зету* изо всѣхъ пустынь
 Домчится пѣсни звукъ унылый:
 «О, скинь мантилью, ангелъ милый,
 И псевдонимъ, какъ маску, скинь».

Сердце г. Скарятина должно сильно радоваться отъ сознанія, что, въ чужой и враждебной „Вѣсти“ газетѣ, у него являются неожиданные помощники. Враги *по недоразумѣнію*, рано-ли, поздно-ли, всегда должны придти къ примиренію и броситься другъ къ другу въ объятія. Г-ну *Зетъ* до полнѣйшей солидарности съ „Вѣстью“ не нужно дѣлать никакого шага: онъ давно уже сдѣланъ.

Анонимъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Паденіе монархіи въ Испаніи.—Хищническія поплзновенія Наполеона I на Испанію.—Возстаніе народа.—Реакціонныя стремленія Фердинанда VII.—Новое возстаніе.—Гимнъ Риэго.—Опять реакція.—Уничтоженіе салыческаго закона.—Изабелла.—Ужасы междуусобной войны.—Двусмысленная политика буржуазіи.—Довѣрчивость Эспартеро.—Побѣда, разыгранная въ кости.—Изгнаніе Христины.—Совершеннолѣтіе Изабеллы.—Французское правительство отыскиваетъ ей мужа.—Акціонеры, сѣвшіе на мель.—Въ чемъ заключались обязанности мужа испанской королевы.—Движеніе 1848 года.—Реакція.—Періодическія возстанія, терзающія Испанію.—Рѣшительный шагъ наскользкую дорогу.—Кровавая монахиня.—Краснорѣчивый проповѣдникъ.—Епископъ, насилюющій дѣвочку.—Оперный хористъ, попавшій въ министры.—Планъ союза съ Наполеономъ III.—Подпечатанныя письма.—Кадиксъ поднимаетъ знамя революціи.—Нерѣшительность королевы.—Конха.—Неловкій дипломатъ.—Побѣда революціи.—Программа Иберійскаго союза.—Королева оставляетъ Испанію.—Восторженное состояніе испанцевъ.—Разумная и прогрессивная дѣятельность временной правительственной юнты.—Великодушіе испанскаго народа.—Претенденты на вакантный тронъ.—Темная туча на ясномъ небѣ Испаніи.—Генералъ Примъ.—Характеристика этого проходимца.—Примъ постоянно мѣняетъ знамя.—Примъ грабитель.—Рыбакъ рыбака видитъ издалека.—Подвиги Прима во внѣшнихъ войнахъ.—Примъ устраиваетъ возстаніе.—Его теперешняя популярность.—Причины ея.—Землетрясеніе въ Южной Америкѣ.—

Паль послѣдній тронъ Бурбоновъ, послѣдняя королева этой династіи, по примѣру послѣдняго изъ ея королей, отправилась въ чужую землю искать пріюта. Все, что сабли и штыки могли сдѣлать въ защиту Изабеллы II католической—они сдѣлали; артиллерійская и ружейная стѣльба гремѣла за нее до послѣдняго момента;—гремѣла еще въ то время, когда уже ни одинъ независимый испанецъ не оставался на ея сторонѣ. Это событіе, давно уже

предсказанное опытными политиками—последніе четырнадцать лѣтъ каждую весну ожидали его,—тѣмъ не менѣе, въ Испаніи произвело такое дѣйствіе, какое производитъ рассказъ о невѣроятномъ происшествіи. Извѣстіе о немъ принято недовѣрчиво, съ изумленіемъ, какъ нѣчто неожиданное, непредвидѣнное. Основаніе этому противорѣчію надобно искать въ томъ фактѣ, что, хотя испанская революція касается одной Испаніи и имѣетъ чисто своеобразный характеръ, однакоже слѣдствія ея уже и теперь распространяются далеко за предѣлы этой страны; да и самыя причины явились отчасти также извнѣ. Исторія испанскихъ Бурбоновъ такъ связана съ исторіей нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ, что всякое событіе, ихъ касающееся, непременно отзывается и въ другихъ странахъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на событія, предшествовавшія послѣдней революціи.

Я прошу моихъ читателей припомнить исторію начала XIX столѣтія. Карль IV, дѣдъ Изабеллы, своимъ дурнымъ управленіемъ вызвалъ неудовольствіе всего испанскаго народа, выразившееся въ непрерывныхъ бунтахъ. Наполеонъ I рѣшился воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобы захватить тронъ въ свою пользу. Но онъ распорядился весьма непрактично; прикрывался гостепріимствомъ, онъ устроилъ засаду и конфисковалъ королевскую особу, какъ бы какой нибудь тюкъ англійской промышленности. Слѣдствіемъ этой ошибки была реакція испанцевъ въ пользу своего короля: недавно еще ненавистный Карль IV, съ этого времени, становится въ глазахъ испанцевъ опозоренною личностію съ вѣнцомъ мученика на головѣ, несчастья котораго слѣдуетъ уважать. Симпатія къ нему перенеслись на все его семейство. Кадицкая революціонная юнта въ 1812 году утвердила новую испанскую конституцію и призвала весь народъ къ оружію. Испанія и Россія, почти въ, одно и тоже время, разбили могущество „величайшаго мучителя новѣйшихъ временъ“, и Фердинандъ VII, сынъ Карла IV, голосомъ цѣлаго народа, торжествующаго и гордаго своимъ успѣхомъ и героизмомъ, — возведенъ на испанскій тронъ, занимаемый жалкимъ королемъ Іосифомъ. Фердинандъ влялся быть вѣрнымъ органической конституціи. Но въ Испаніи случилось тоже, что про-

изошло въ Германіи, во Франціи и почти вездѣ. Національныя монархіи вездѣ были возстановлены патріотами, благодаря ненависти ихъ къ иностранному похитителю. Патріоты, руководствуясь либеральными идеями, вводили новыя учрежденія, вмѣстѣ съ возстановленными монархами возвращались массы эмигрантовъ, вѣрныхъ старымъ традиціямъ; послѣдніе постоянно забирали власть въ свои руки, что всегда сопровождалось твердымъ намѣреніемъ со стороны ихъ—возстановить старые порядки. Слабый умомъ Фердинандъ все-таки предпочиталъ управлять деспотически и, разумѣется, сошелся съ противниками конституціи. Началось возстановленіе всего, что давно уже отжило свой вѣкъ; реакція шла все дальше и дальше и, наконецъ, вывела изъ терпѣнія тотъ самый народъ, который еще такъ недавно съ пылкимъ восторгомъ привѣтствовалъ этого самого Фердинанда. Этотъ народъ, разбившій цѣпи, наложенныя на него Наполеономъ I, въ 1812 году возсталъ почти поголовно противъ притѣсненій своего національнаго правительства. Возстаніе сопровождалось полнымъ успѣхомъ, но побѣдители воспользовались имъ весьма умѣренно. Они никого не тронули; они удовольствовались тѣмъ, что король вновь покаялся исполнять конституцію 1812 года и научился пѣть *гимнъ Риэго*, сдѣлавшійся съ того времени популярнѣйшею пѣснью испанцевъ. Гимнъ Риэго—это марсельеза испанцевъ; онъ названъ такъ въ честь Риэго, который былъ душою сентябрьской инсurreкціи 1820 года. Послѣ того въ продолженіи многихъ дней, король каждый вечеръ показывался на балконѣ своего дворца и пѣлъ революціонный гимнъ съ акомпаниментомъ 20—30,000 голосовъ. Такое поведеніе короля всѣ находили величественнымъ, не подозрѣвая его неискренности. Но скоро очарованіе исчезло и всѣмъ стало ясно, какую цѣну слѣдуетъ придавать этой манифестаціи въ честь свободы. Въ 1823 году, по приглашенію (тайному) короля, въ Испанію прибылъ большой отрядъ французскихъ войскъ, предводимыхъ герцогомъ Ангумескимъ. Увидѣвъ въ своемъ распоряженіи французскіе штыки, король тотчасъ же скинулъ маску; первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своего новаго положенія, было арестованіе Риэго, его учителя

«Дѣло», № 10.

музыки, который такъ хорошо разъяснялъ ему принципы конституціи. Затѣмъ начались аресты, ссылки, казни.

На старости лѣтъ этотъ коварный король женился; жена его вскорѣ забеременѣла и произвела на свѣтъ дочь, что подало поводъ къ сильной горести ея отцу. Въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ салическій законъ, дѣвочки считаются за ничто. Изабелла родилась 10 октября 1830 года, — въ годъ фатальный для Бурбоновъ; въ этотъ годъ старшая линія Бурбоновъ была изгнана изъ Франціи и уступила свой тронъ младшей линіи. Легитимистскіе принципы въ Испаніи пали, такъ же какъ и во Франціи. Молодая испанская королева до того приставала къ своему разбитому подагрой супругу, что въ одинъ прекрасный день король, прагматической санкціей, уничтожилъ дѣйствіе салического закона. Дѣвочкѣ было только три года, и ея отцу, по приговору докторовъ, оставалось жить очень недолго. Вслѣдъ за уничтоженіемъ салического закона, королева Христина повезла Изабеллу въ Сан-Себастьянъ, для игранія главной роли въ церемоніи возведенія въ санъ наслѣдника престола. Дѣтская шапочка, украшавшая голову ребенка, была снята и замѣнена короной Карла V, столь тяжелой, что она могла раздавить маленькую головку. Но этого печальнаго событія не случилось; корона только примѣрно лежала на головѣ; ее привязали къ креслу, на которомъ сидѣла наслѣдница, помѣстивъ какъ разъ на высотѣ головы. Вокругъ кресла стали гранды Испаніи и были сложены всѣ знаки королевской власти; съ правой и съ лѣвой стороны кресель поставили двухъ красавицъ баскiянокъ, одѣтыхъ просто въ рубашки и юбки; одна изъ нихъ, съ копьемъ въ рукѣ, изображала Беллону, богиню войны; другая съ вѣсами — Юстицію. Это были символы новаго царствованія. Затѣмъ подошли депутаты, одѣтые въ костюмы всѣхъ баскскихъ провинцій, имѣя при себѣ щиты, богато изукрашенные различными девизами; они преклонили колѣни и произнесли клятву въ вѣрности предъ ребенкомъ, смотрѣвшимъ на всю эту сцену широко-раскрытыми, удивленными глазами. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой церемоніи умеръ король, сдѣлавшійся передъ смертію совершеннымъ идиотомъ, и тотчасъ же его братъ донъ-Карлосъ, во имя своихъ правъ на

престоль, протестовалъ противъ прагматической санкціи, а его приверженецъ генералъ Юмана Кареги поднялъ знамя бунта.

Въ продолженіи семи лѣтъ несчастную Испанію раздирали всѣ ужасы междоусобной войны. Она сопровождалась свирѣпой жестокостію и возмутительными преступленіями. “Первые пушечные выстрѣлы, которые я услышала, рассказываетъ Изабелла, — были выстрѣлы орудій карлистовъ и христіаносовъ, направленные одни противъ другихъ. Испуганная, я спросила откуда происходитъ этотъ шумъ, и мнѣ объяснили, что въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда дѣйствуютъ машины, имѣющія назначеніемъ убивать сразу многихъ людей и дѣлать много шума; при этомъ мнѣ старались разъяснить, какъ это люди стрѣляютъ другъ въ друга, но я не хотѣла ничему вѣрять. Я услышала съ ужасомъ — я это хорошо помню, хотя прошло уже тридцать лѣтъ — что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ разъяренные враги закапывали раненыхъ въ землю, оставляя на поверхности одну голову и располагая ихъ такъ, какъ обыкновенно растетъ на грядѣ капуста, и что потомъ солдаты, своими длинными саблями, рубили эти живыя головы. Я не знаю, дѣйствительно-ли этотъ фактъ существовалъ, я не могу подтвердить его никакими достовѣрными документами; но поселяне, меня окружавшіе, клялись евангеліемъ, что говорятъ одну правду. Съ той поры война всегда мнѣ была ненавистна”.

Слѣдствія этой гражданской войны еще и до сихъ поръ проявляютъ свое дѣйствіе въ Испаніи. Большая часть (чтобы не сказать *всѣ*) испанскихъ замѣчательныхъ людей только благодаря ей получила свои званія, титулы, эполеты, опытъ, способность понимать людей и вещи. Испанія долго еще будетъ искупать всѣ тяжести этой войны, точно также какъ Франція искупала и будетъ искупать несправедливныя, жестокія и убыточныя экспедиціи въ Алжирію. Въ этой-то гражданской войнѣ образовались генералы, сдѣлавшіеся полновластными владыками Испаніи во всѣхъ дѣлахъ, какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ, религіозныхъ и административныхъ. Съ 1833 года Испанія принадлежитъ не самой себѣ, а своей арміи. Эта армія раздѣлилась на два лагеря: прогрессивный и реакціонный.

Эта война въ сущности была войной бурбонскаго легитимизма съ орлеанистскою узурпаціей; войной Якова съ Исавомъ; священника съ чиновникомъ; дворянина съ буржуа; крестьянина съ промышленникомъ. Европейская буржуазія, во все время своего историческаго существованія, для своего торжества всегда употребляла сомнительныя средства, всегда дѣйствовала полумѣрами, руководствовалась шаткими принципами, употребляла знамя съ одной стороны бѣлое, съ другой красное, драпировалась теоріями измѣняющихся цвѣтовъ. Вспомните знаменитую англійскую революцію, управляемую Вильгельмомъ Оранскимъ противъ своего зятя Якова II; во Франціи Луи-Филиппъ свергаетъ съ престола своего двоюроднаго брата Карла X; въ Испаніи королева Изабелла возвышается на счетъ своего дяди донъ-Карлоса и пр. Новѣйшая буржуазія происходитъ отъ Фитаро, надувающаго графа Альмавиву. Она подобна всѣмъ тѣмъ управляющимъ большихъ имѣній, которые наживаются въ то самое время, какъ ихъ хозяева безумно расточаютъ свои богатства. Когда приходитъ ликвидація, имѣнія изъ рукъ сеньеровъ переходятъ въ руки ихъ вѣрныхъ управляющихъ, которые, съ этой минуты, начинаютъ гордиться гербами, купленными ими у правительства и *галлерейми предковъ*, выбранными изъ кучи разнаго хлама у торговцевъ поддержанными вещами.

Въ этой гражданской войнѣ Испаніи карлисты были партизанами легитимизма и стараго порядка, а хрестиносы поддерживали конституціонную систему. Между ними шла борьба на смерть. Карлисты опирались на священниковъ и монаховъ, на элементы провинціальныя, весьма сильныя въ Испаніи, въ странѣ, гдѣ никогда нельзя было ввести полной централизаціи; они вербовали свои главныя силы въ баскской странѣ, въ Наваррѣ и Арагоніи. Хрестиносы же опирались преимущественно на буржуазныя элементы, почти только что родившіеся въ Испаніи, на элементы промышленныя въ Каталоніи и коммерческіе въ Андалузій. Карлистскимъ знаменитостямъ Зумалакареги и Кабрерѣ, хрестиносы противопоставили свою знаменитость — генерала Эспартеро, сына бѣднаго крестьянина. Въ сущности Эспартеро былъ человекъ недалекій, однакоже сумѣлъ составить себѣ славу блистательнаго генерала (и ее онъ вполне

заслуживаль), обожаемаго своими солдатами. Добрякъ всегда былъ крайне довѣрчивъ и остался до сихъ поръ такимъ; онъ вѣрилъ королевѣ Христинѣ и убѣжденъ былъ, что сражается за конституцію и парламентъ, лучшей гарантiей для которыхъ будетъ побѣда Изабеллы надъ реакціонными стремленіями донъ-Карлоса. Его чрезвычайно легко было обмануть и онъ всю свою жизнь былъ игрушкой другихъ; имъ пользовались, награждали за услугу, но старались всегда выжать изъ него все, что можно, за то никто никогда не думалъ о погибели его. Поэтому онъ навѣрное умретъ въ постелѣ, хотя его дѣятельность была самаго опаснаго свойства. Онъ возводилъ на престолы королевъ, а такое занятіе почти всегда доводитъ до бѣды.

Но семь лѣтъ ужасной войны протекли; эти семь лѣтъ безпощаднаго кровопусканія довели Испанію до совершеннаго изнеможенія, и всѣ, наконецъ, убѣдились, что пора чѣмъ нибудь кончить. Эспартеро и карлистъ Марото встрѣтились, чтобы въ послѣдній разъ испытать шансы оружія. Силы обоихъ противниковъ были почти равны. Марото, страшный грабитель, распарывавшій брюхо женщинамъ, — издалъ прокламацію, въ которой объявлялъ рѣшительно, что онъ идетъ совершенно уничтожить враговъ вѣры, закона и короля; измѣнниковъ онъ устрашалъ такой местию, которая заставитъ волосы встать дыбомъ и о которой долго еще будутъ вспоминать съ ужасомъ послѣдующія поколѣнія. Эспартеро, знавшій очень хорошо этого бандита, потребовалъ у него свиданія передъ сраженіемъ. Свиданіе состоялось. Эспартеро вынулъ изъ своего кармана кости и бросилъ ихъ на барабанъ. “Карайо, сказалъ онъ, — ты старый мексиканскій плутъ, но вѣдь и я, клянусь шиларской Богоматерью, хитеръ не менѣе тебя. Слушай! сыграемъ на сраженіе, Партія будетъ состоять изъ девяти игоръ. Если ты выиграешь, это будетъ значить, что ты убилъ всѣ мои десять тысячъ человекъ; если проиграешь — ты подпишешь капитуляцію.” — “Идетъ,!” отвѣтилъ Марото. Сыграли партію; Марото проигралъ. Неизвѣстно, была ли какая фальшь въ игрѣ, или Эспартеро былъ ужъ очень счастливъ въ игрѣ, но только Марото, извѣстнѣйшій игрокъ, не предъявлялъ протеста и сыгралъ всю партію до конца.

Когда она была кончена, генералы обнялись. Потомъ Марото подошелъ къ своимъ войскамъ и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: "Товарищи! Знаете ли вы, за кого вы деретесь? Честное слово я позабылъ! Противъ насъ стоятъ добрые ребята, чего мы будемъ съ ними ссориться; лучше разопьемъ съ ними добрую чару и разойдемся домой". Предложеніе было принято съ энтузіазмомъ и все исполнено по слову генерала. Донъ-Карлосу оставалось только утвердить эту капитуляцію, подписанную въ Бергаро, и улетучиться изъ Испаніи. Такимъ образомъ инквизиторская партія была побѣждена партіей свободы прессы, партія абсолютизма—партіей конституціонализма.

Послѣ такого страшнаго кровопролитія, послѣ разореній и бѣдъ, надобно было организовать „мудрую и честную свободу“, которая всегда была идеаломъ буржуазіи. Къ несчастію, Марія-Христина, принявшая регентство надъ своей дочкой, ненавидѣла конституцію, и относилась къ свободѣ даже еще болѣе враждебно, чѣмъ Фердинандъ. Приверженная къ абсолютизму также, какъ и донъ-Карлосъ, она отличалась еще лицемѣріемъ, хотя, впрочемъ, людямъ непредубѣжденнымъ, всегда легко было угадать, какую цѣну слѣдуетъ давать ея пресловутому либерализму. Ее скоро разгадали, и христिनосы ни въ какомъ бы случаѣ не восторжествовали, если бы имъ пришлось поддерживать ее одну: но ихъ энергія возбуждалась привязанностію къ ребенку, къ невинной, какъ они говорили, Изабеллѣ.

Съ первыхъ же дней своего регентства Христина обратилась къ реакціи; и въ своей ревности зашла такъ далеко, компрометировала себя такъ нелѣпно, что страна опять взбудоражилась, не успѣвъ еще успокоиться. За битвами гражданской войны слѣдовали уличныя бунты, военныя возмущенія, преобразуемыя военными жестокостями; заговоръ слѣдовалъ за заговоромъ. Но Христина оставалась непреклонна и продолжала слѣдовать своей опасной политикѣ. Чтобы спасти шатающійся тронъ Изабеллы, Эспартеро, въ тотъ же самый годъ бергарской капитуляціи, произвелъ государственный переворотъ, заставивъ коварную Христину передать въ его руки регенство. Прощаясь съ этимъ случайнымъ человѣкомъ,

королева бросила ему въ лицо такое оскорбленіе: „Я тебѣ дала, сказала она, — все, что можетъ дать женщина. Я тебя сдѣлала графомъ Лухана, герцогомъ Морелла, герцогомъ Викторіи. Я тебя возвысила до испанскаго гранда, но не могла изъ тебя сдѣлать дворянина“.

Эспартеро регентъ; въ 1841 году онъ употребляетъ свой побѣдоносный мечъ противъ возставшихъ генераловъ О’Доннеля, Конхи и Діега Леона. Въ концѣ 1842 года онъ беретъ на себя трудъ бомбардировать Барселону, второй городъ королевства. Въ 1843 году онъ, въ свою очередь, побѣжденъ партизанами Маріи-Христины и бѣжитъ въ Англію. Тогда маленькая Изабелла, едва достигшая 13 лѣтъ, объявляетъ себя совершеннолѣтней и способной царствовать. Заимѣйте, что ни одинъ промышленникъ не поручилъ бы своей дочери въ такомъ возрастѣ не только управленія цѣлымъ магазиномъ, но даже не возложилъ бы на нее обязанностей кассира.

Вскорѣ послѣ объявленія совершеннолѣтія Изабеллы, Гизо, тогдашній французскій посланникъ при испанскомъ дворѣ, адресоваль къ Людовику-Филиппу донесеніе въ стихахъ:

«Isabelle pleure, Isabelle crie,
Isabelle veut qu'on la marie» ¹⁾.

Но вотъ вопросъ: кого дать ей въ мужья? Коронованный буржуа, принимающій подъ свое покровительство всѣ младшія линіи, хотѣлъ бы выдать ее замужъ за одного изъ своихъ сыновей. Но въ Англіи былъ нѣкій Пальмерстонъ, который проговорилъ сквозъ зубы: „нѣтъ, нѣтъ“, и проговорилъ такимъ энергическимъ тономъ, что французскій король не рѣшился болѣе настаивать. Кандидатовъ, впрочемъ, было много: Леопольдъ кобургскій, поддерживаемый Англією; графъ Трапани, сынъ короля обѣихъ Сицилій, протежируемый его теткой Маріей-Христиной; потомъ два кузена — графъ Монтемолинъ, сынъ донъ-Карлоса, и Марія Фердинандъ Франсуа д’Ассизъ, сынъ инфанта Франсуа де-Соль, брата покой-

¹⁾ Изабелла плачетъ, Изабелла кричитъ, Изабелла хочетъ мужа.

наго короля. Дѣло объ этомъ испанскомъ замужествѣ едва не произвело всеобщей европейской войны; восторжествовалъ Луи-Филиппъ и этимъ самымъ отомстил Пальмерстону, подставившему ему ножку въ восточномъ вопросѣ. Съ энергіей, совершенно противорѣчащей его привычкамъ, глава французской буржуазіи принялся за дѣло; онъ пустилъ въ ходъ всю ловкость, всю хитрость, все интриги, чтобы поддержать принца Франсуа д'Ассиза. Почему онъ отдалъ ему предпочтеніе? — это объясняется тѣмъ, что избраннаго принца никто не могъ заподозрить въ приверженности къ либеральнымъ тенденціямъ, тогда какъ прочіе претенденты въ этомъ отношеніи оказывались не вполне благонадежными.

Но Франсуа д'Ассизъ имѣлъ за собой громадный порокъ: его скрутку отличался весьма вѣтхими качествами, панталоны — старымъ фасономъ, а сапоги — стоптанностію и неуклюжестью. Но этотъ порокъ не трудно было исправить, и за это дѣло взялся кабинетъ г. Гизо. Основано было командитное общество съ цѣлію способствовать „утвержденію благополучія Испаніи“ (sic) посредствомъ брака королевы Изабеллы. Мы не знаемъ, много ли денегъ прежде получалъ на костюмъ и карманныя издержки молодой принцъ, но надо полагать, что не очень много, такъ какъ весь его багажъ при вѣздѣ въ Мадридъ вѣсилъ всего 66 фунтовъ. Предстояла крайняя необходимость какъ въ обновленіи гардероба принца, такъ и въ устройствѣ для него приличнаго помѣщенія. Общество занялось этимъ, но прежде позаботилось, чтобы былъ точно определенъ дивидентъ его акціонерамъ, который и выразился въ круглой цифрѣ восьми милліоновъ франковъ, обеспеченныхъ доходами будущаго испанскаго короля. Копія съ этого документа, законно утвержденнаго, существуетъ и теперь. Потомъ общество занялось хлопотами и объ удобствахъ принца д'Ассиза, который вскорѣ устроился вполне комфортабельно. Съ помощію совѣтовъ Луи-Филиппа и неутомимой дѣятельности французской дипломатіи, а также изъ страха въ пушки французскаго флота и штыкамъ французской арміи, молодой Марія Франсуа, 10 октября 1846 года, былъ утвержденъ мужемъ королевы, при чемъ получилъ орденъ св. Іоанна де-Калатравы, и Башни и Меча.

Такимъ образомъ соединенными усиліями командитнаго общества и дипломатіи принцъ Франсуа получилъ такое мѣсто, о которомъ не смѣлъ и мечтать.

Главная цѣль командитнаго общества была достигнута и оно тотчасъ же ликвидировало свои дѣла. Къ великому изумленію и досадѣ акціонеровъ, обѣщанный дивидентъ не попалъ въ ихъ карманы. Начались безконечные переговоры, окончившіеся процессомъ, который, впрочемъ, остался подъ спудомъ въ архивахъ канцелярій, и никогда не выступалъ на публичное обсужденіе, такъ какъ акціонеры страшились скандала. Наконецъ въ 1856 году французскіе акціонеры пошли на мировую сдѣлку; что же касается испанцевъ, то тѣ, разумѣется, молчали, имѣя въ перспективѣ Филиппинскіе острова.

Съ новымъ титуломъ, полученнымъ принцемъ Франсуа, онъ не получилъ никакихъ обязанностей; вся его служба ограничивалась появленіемъ въ нѣкоторые торжественные дни на старой бѣлой лошади передъ фронтомъ солдатъ: супругъ королевы получилъ чинъ генералиссимуса всѣхъ испанскихъ армій. Дальше этого онъ не вмѣшивался въ управленіе государствомъ и ограничился утѣхами семейной жизни. Но и она не особенно баловала его. Только послѣ восьми лѣтъ безплодія, онъ былъ обрадованъ рожденіемъ перваго ребенка. Затѣмъ пошли и другіе дѣти, и супругъ королевы всегда присутствовалъ при официальномъ провозглашеніи его отцемъ новорожденныхъ малютокъ, что дѣлалось съ приличнымъ случаю торжествомъ, и только на этихъ торжествахъ народъ и видѣлъ мужа своей королевы, обыкновенно избѣгавшаго всякихъ официальныхъ торжествъ. Между нимъ и его супругой всегда царствовало совершеннѣйшее согласіе: онъ не стѣснялъ королеву въ выборѣ ея протезе, въ свою очередь королева разрѣшала ему имѣть своихъ любимцевъ, которымъ тоже протезировала. Супругъ королевы всегда отличался кротостью и застѣнчивостію. Когда родился принцъ Астурійскій, названный Альфонсо, новорожденнаго вынесли на балконъ дворца и показали народу. Народъ встрѣтилъ его съ величайшимъ энтузіазмомъ; гремѣлъ нескончаемый виватъ. Во время самого разгара народнаго сочувствія, раздался

крикъ: *El padre! El padre!..* (отца, отца!). Супругъ королевы до того смѣшался отъ этихъ криковъ, что приказалъ своему гофмаршалу выйти къ народу и объявить, что отца нѣтъ въ Мадридѣ. Его приказаніе было точно исполнено.

Замужество двухъ дочерей королевы Маріи Христини, нынѣ г-жи Мунозъ съ Франсуа д'Ассизомъ и герцогомъ Монпансье, было послѣднимъ торжествомъ короля Луи-Филиппа. Насталъ 1848 годъ. Луи-Филиппъ потерялъ тронъ. Французское движеніе отразилось въ Испаніи и дѣло чуть не дошло до катастрофы, однако же испанскій тронъ только пошатнулся, но не упалъ. Съ этого времени королева стала чувствовать постоянное безпокойство, мѣшавшее ей правильно смотрѣть на вещи. Она, обязанная своимъ вступленіемъ на престолъ — либеральнымъ тенденціямъ, возненавидѣла эти тенденціи и всеми силами старалась сблизиться съ легитимистами, которые ей не довѣряли и считали ее похитительницей престола. Начались опять отдѣльныя возстанія: карлистскіе бунты смѣнились возстаніями прогрессистовъ; послѣднимъ наслѣдовали мятежи умѣренныхъ, очистившихъ свою арену для дѣятельности либеральной уніи и т. д.

«*Si cette chanson vous embête,
Nous allons la recommencer*» ¹⁾.

Разъ десять, по крайней мѣрѣ, королева цѣплялась за прогрессистовъ и потомъ, слѣдую своей естественной склонности, опять падала въ объятія къ реакціонерамъ. Если ей было плохо, она вновь возвращалась къ Эспартеро, уже постарѣвшему, но все еще юному въ привязанности къ той, которую онъ спасъ въ колыбели. „Я изъ Ла-Манша, говорилъ онъ, изъ страны рыцаря донъ-Кихота; дама моего сердца — королева; и въ борьбѣ за нее для меня нѣтъ ничего невозможнаго“.

Только благодаря этой рыцарской привязанности, въ 1854 году состоялся союзъ Эспартеро съ О'Доннелемъ; бѣдняга ла-манчскій рыцарь сыгралъ тутъ самую жалкую роль и былъ обманутъ кругомъ. Послѣ разрыва этого союза, произошли страшныя возмущенія въ

¹⁾ Если эта пѣсня вамъ надоѣла, мы можемъ ее начать сънова.

Мадридъ, Барселонѣ и Сарагоссѣ, потомъ начались казарменные заговоры, возстанія старыхъ солдатъ и пр. Королева постоянно переходила на сторону торжествующей партіи, предводитель которой получалъ портфель перваго министра, а его помощники мѣста генералъ-капитановъ; наконецъ всѣ соискатели должны были уступить Нарваецу и Гонзалесу Браво, своими дикими дѣйствіями окончательно раздражившими націю.

Чтобы успокоивать раздражавшееся общественное мнѣніе, его частенько отвлекали военными экспедиціями. За вторженіемъ въ Мексику послѣдовала война съ Марокко; ее смѣнила экспедиція въ Сан-Доминго и т. д., ознаменовавшаяся для Испаніи развѣ только замѣчательнымъ словомъ принца-супруга, — словомъ, которое не устаютъ повторять даже до сихъ поръ.

Въ минуту отъѣзда экспедиціоннаго корпуса подъ командою красавца Серрано, котораго Изабелла всегда звала „моимъ милымъ генераломъ“, королева, положивъ руку на сердце, сказала своему любимцу: „Нынче я отъ души сожалею, что я не мужчина и мнѣ нельзя раздѣлять съ вами опасностей войны“. — „И я также!“ вскричалъ мужественный супругъ королевы.

Но, наконецъ, эти вѣчныя возмущенія, вѣчныя перемѣны всѣмъ надоѣли. Каждый чувствовалъ, что дальше не можетъ такъ продолжаться, что надо же положить конецъ всей этой неурядицѣ. Страна видѣла повсюду стыдъ и униженіе и нѣкогда гордые и тщеславные испанцы потеряли терпѣніе. Королева также устала и дошла до полнаго раздраженія; она никогда не отличалась мягкостью характера, но теперь онъ вовсе ожесточился, — если можно употребить это выраженіе, непринятое въ дипломатическихъ актахъ. Послѣ іюньской инсурекиіи 1866 года, королевѣ, ея интимными совѣтниками былъ представленъ списокъ пятисотъ человекъ, приговоренныхъ къ смерти; королева уже готова была подписать его, но этому воспротивился О'Доннель и были казнены только 60. Вскорѣ послѣ этого О'Доннель палъ. Королева, раздраженная возстаніями Прима, рѣшилась разомъ покончить со всѣми, кого она считала своими врагами, со всѣми, кто былъ ими въ дѣйствительности и кого можно было только подозрѣвать. Сюда попали

республиканцы, демократы, умѣренные, либералы, герцогъ Монпансье, сестра королевы Фернанда: всѣ они были заключены въ тюрьмы, изгнаны и сосланы на работы. Принявъ девизъ Бисмарка „сила даетъ право“, Изабелла рѣшительно отдалась въ руки Нарваесовъ, Сарториусовъ, Конха, Навалихесовъ, Пецуэла, — людей, пользовавшихся полнѣйшей непопулярностію, — людей жестокихъ, страстно привязанныхъ къ старымъ порядкамъ и ненавидящихъ самое невинное проявленіе самой умѣренной свободы. Они повели правительство по шаткому пути. Душой всѣхъ ихъ дѣйствій былъ патеръ Клачетъ, дѣйствительный глава кабинета, человекъ, пользующійся громаднымъ вліяніемъ на королеву. Это вліяніе съ нимъ раздѣляла сестра Патрочиніо и, впоследствии, Марфори.

Сестра Патрочиніо, извѣстная также подъ именемъ *кровавой монахини*, отличается съ одной стороны безысходнымъ фанатизмомъ, а съ другой плутовствомъ не послѣдняго сорта. Она стала знаменита ранами на тѣлѣ, сходными съ тѣми, которые были нанесены Христу; эти раны она производила посредствомъ нарывнаго пластыря; но, разумѣется, говорила, — и ей вѣрили — что они являлись у нея на тѣлѣ чудомъ, во время ночи, послѣ горячей молитвы. Страданія Спасителя причиняли ей такую горестъ, что она, въ теченіи нѣсколькихъ дней, рыдала безъ устали, какъ безумная. Эти поразительные для массы факты дали ей славу святой женщины, къ которой вскорѣ присоединилась слава исцѣлительницы глухихъ, хромыхъ и золотушныхъ. Ея ревность впрочемъ зашла было такъ далеко, что, не смотря на покровительство ордена кармелитовъ, къ которому принадлежала, она на время должна была переселиться изъ своей монастырской кельи въ тюрьму, куда при-суждена была за мошенничество. Освободившись изъ заточенія, она перешла въ орденъ іезуитовъ и слава ея увеличилась. Она была представлена королевѣ и въ первое же свиданіе околдовала ее, что легко объяснить сильнымъ характеромъ монахини, подѣйствовавшимъ на слабо-настроенное воображеніе королевы. Патрочиніо стала дѣйствовать на нее чудесами; надавала ей всякихъ амулетовъ на разные случаи и до того убѣдила ее въ своей святости, что королева, въ дѣлахъ особенной важности, облачалась въ рубашку мо-

нахини, убѣжденная, что она защититъ ее отъ всѣхъ бѣдъ, даже отъ кинжала и пули. Патрочинію избрѣла для королевы особую *мазь мучениковъ*, которой Изабелла намазывалась въ тяжкія минуты и потомъ купалась въ іорданской водѣ, также приготовленной кровавой монахиней.

Достопочтенный патеръ Кларетъ, духовникъ королевы, повѣренный ея самыхъ соврѣнныхъ мыслей, имѣетъ родственное сходство съ знаменитымъ изувѣромъ-клерикаломъ, французомъ Луи Вельо. Онъ очень дурень собой, почти безобразенъ; въ немъ перемѣшаны качества хитраго іезуита, грубаго солдата и сластолюбиваго монаха. Сынъ ткача, Кларетъ завербовался въ армію карлистовъ, заслужилъ тамъ чинъ сержанта, но далѣе пойдти не могъ; по заключеніи мира, онъ поступилъ въ монахи. Надѣвъ на себя монашеское платье, онъ отправился путешествовать изъ деревни въ деревню, съ посохомъ въ рукахъ и съ нищенской сумой на спинѣ. Его мѣшокъ постоянно съ избыткомъ наполнялся яйцами, курами, хлѣбомъ и всякимъ съѣстнымъ; его карманы всегда были заняты бутылками съ виномъ, поданными благочестивыми людьми; онъ такъ настоятельно умѣлъ выпрашивать, стоя у оконъ по два и по три часа, что всѣ эти подвиги заставили его начальство обратить вниманіе на ловкаго и искуснаго монаха, — и онъ былъ сдѣланъ миссіонеромъ, странствующимъ проповѣдникомъ. Въ этомъ новомъ званіи ему скоро привелось сказать проповѣдь въ присутствіи королевы-матери. Въ этой проповѣди онъ пропѣлъ своимъ густымъ голосомъ наполненную непристойными намеками кантату о величій набожности, которая заканчивалась такимъ припѣвомъ:

«Ay mama! Ay mama!
Que noche aquella!» ¹⁾.

Красная толстая фізіономія этого лицемѣра, его великая наглость, слава рьянаго карлиста очаровали регентшу, и она, послѣ нѣсколькихъ аудіенцій, назначила Кларета епископомъ Кубы. Въ новомъ званіи онъ продолжалъ дѣйствовать также, какъ дѣйствовалъ прежде,

¹⁾ Ай мама! Ай мама! Какая это ночь!

не оставляя тѣхъ наглыхъ и грубыхъ выходовъ, которыя доставили ему милость королевы-матери. Въ званіи уже епископа, онъ соблазнилъ мулатку, дѣвочку 15 лѣтъ; братъ оболыщенной, желая отомстить сластолюбцу, нанесъ ему кинжаломъ ударъ въ фізіономію. Скандаль получилъ широкую гласность и, волей-неволей, пришлось на время отправить куда нибудь подальше неосторожнаго епископа. Въ изгнаніи онъ состряпалъ книгу самого святошескаго характера, озаглавленную „La Clave de Uge“ (Золотой ключъ), въ которой самой ловкой діалектикой оправдываетъ какъ себя, такъ за одно и всѣхъ ему подобныхъ шалуновъ. Ловкая казуистика была замѣчена отцами іезуитами; они приняли къ свѣденію автора книги, и вскорѣ назначили его духовникомъ къ королевѣ Изабеллѣ, которая, испытавъ его моральныя качества и религіозныя убѣжденія, не захотѣла ввѣрять спасеніе своей души никому, кромѣ его.

А Марфори? Что за личность этотъ господинъ?

Въ настоящее время Марфори пользуется неограниченной довѣренностію королевы; она сдѣлала его начальникомъ своихъ тѣлохранителей, министромъ двора; онъ сталъ ея фактотумомъ, человекомъ необходимымъ. Онъ далеко не красивъ собою; его лицо изрыто оспой; у него коротенькія ножки; онъ толстъ, широкоплечъ. Онъ носитъ очки, но его глаза блестятъ и чрезъ стекла; по словамъ королевы взглядъ его ослѣпительнъ. Фигура Марфори можетъ быть принята за карикатуру на Луи-Филиппа: узкій лобъ, густыя бакенбарды, толстыя и развитыя щеки; вздернутый носъ, широкія ноздри, усы, растущіе вустомъ на верхней половинѣ губы; самыя губы толсты и чувственны, всегда покрыты желтоватымъ сокомъ сигары. Посмотрѣвши на эту личность, непремѣнно скажешь, что это или цѣловальникъ, или уличный продавецъ разныхъ глиняныхъ статуэтокъ и никому не можетъ придти въ голову, что передъ нимъ стоитъ министръ двора королевы, ея камергеръ, экс-министръ морскихъ силъ, маркизъ де-Лоя, зять Нарваца. Марфори началъ свою карьеру простымъ солдатомъ, потомъ сдѣлался уличнымъ ходоатомъ по дѣламъ, пишущимъ всякія вляузы, просительныя и любовныя письма и пр., затѣмъ поступилъ въ хористы итальянской оперы въ Мадридѣ. Это плутъ, перешедшій чрезъ вся тяжкая; —

Жиль Блазь и Фигаро вмѣстѣ. Подумайте, существуетъ ли какая нибудь другая страна въ мірѣ, кромѣ развѣ *великаго герцогства герольштейнскаго*, гдѣ бы достоинство такъ цѣнилось, какъ въ Испаніи? Взгляните на Патрочинію, на отца Кларета! Посмотрите на Марфори!—Марфори, вышедшаго изъ казармы,—Марфори, пишущаго кухаркамъ любовныя письма къ солдатамъ; являвшагося потомъ на театральныхъ подмосткахъ въ бумажной кирасѣ и съ бумажнымъ мечемъ, — теперь же сибаритски расположившагося въ королевскихъ покаяхъ, командующаго броненосной *армадой* и фамиллярно подающаго руку своей королевы!

Таково было положеніе вещей послѣ послѣдняго государственнаго переворота, слѣдствіемъ котораго было изгнаніе на Канарскіе острова всѣхъ лицъ, подозрительныхъ для правительства, не взирая на ихъ званія и титулы, не взирая на услуги, оказанныя ими тому же правительству; въ числѣ изгнанныхъ были даже генералы, разстроившіе замыслы Прима и остановившіе возстанія 1866 и 1867 годовъ, слѣдовательно дѣйствовавшіе въ видахъ настоящаго правительства, но и ихъ сочли неблагонадежными. Королева даже согласилась на изгнаніе своей сестры Фернанды и зятя, герцога Монпансье, чело-вѣка до крайней степени смирнаго и невиннаго, вздыхающаго, можетъ быть, о коронѣ, но слишкомъ боязливаго и скупаго, чтобы онъ могъ рѣшиться компрометировать себя какимъ нибудь рѣшительнымъ шагомъ. Королева, дѣйствуя противъ всѣхъ партій разомъ и затрогивая даже свою, этимъ самымъ показала, что не желаетъ знать другихъ побужденій, кромѣ собственной воли, лучше сказать воли Патрочинію, Кларета и Марфори; слѣдовать другой политикѣ, кромѣ клерикальной, — политикѣ Нарваэса и Гонзалеца Браво, только доведенной до послѣднихъ крайностей. Правительство королевы готовилось уже осуществить слѣдующіе проекты: вмѣшательство въ большую европейскую войну въ союзъ съ Наполеономъ III; посылка въ Римъ арміи въ 40,000 человекъ для замѣны французскихъ войскъ; восстановление Бурбоновъ въ Неаполѣ. Въ послѣдніе 10 лѣтъ отношенія между тюльрійскимъ и мадритскимъ кабинетами отличались недоувѣрчивостію и холодностію; но послѣ изгнанія Монпансье

и блистательнаго приѣма, сдѣланнаго молодымъ супругамъ, Джирдженти, между королевой и императрицей водворилась самая нѣжная дружба.

Однакоже послѣ ужаса, возбужденнаго послѣдними распоряженіями правительства, — ужаса, заставившаго на время замолкнуть всякую оппозицію, — стали громко раздаваться недовольные голоса. Партіи, обезсиленная ссылкой, заключеніемъ и смертію ихъ предводителей и главныхъ дѣятелей, скоро поняли, что имъ всѣмъ слѣдуетъ оставить старыя счеты, и, подавъ другъ другу руку примиренія, соединиться всѣмъ вмѣстѣ противъ партіи Марфоры и Гонзалеса Браво. Составился новый заговоръ. Но правительство скоро узнало объ немъ. Всѣ подозрительныя письма стали распечатывать въ почтамтѣ, и изъ нихъ-то правительство легко освѣдомлялось о предположеніяхъ своихъ враговъ. Въ то же время заговорщики, узнавъ, что между императоромъ Наполеономъ и королевой Изабеллой должно состояться свиданіе, весьма вѣроятно предположили, что оно будетъ очень непопулярно въ Испаніи, и, слѣдовательно, поможетъ ихъ дѣлу, — рѣшились отсрочить на нѣсколько недѣль осуществленіе своихъ плановъ. Эта отсрочка была принята министерствомъ Гонзалеса Браво за фактъ трусости заговорщиковъ, и оно рѣшило, что не стоитъ особенно горячо заниматься этимъ глупымъ заговоромъ. Между тѣмъ слухъ о тѣсномъ союзѣ между Наполеономъ и Изабеллой распространялся все болѣе и болѣе; всюду начались толки объ опасныхъ для Испаніи послѣдствіяхъ этого союза, о тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыя, вопреки ея національнымъ выгодамъ и стремленіямъ, будетъ вовлечена Испанія. Прибавьте къ этому: военное положеніе, въ которомъ объявлены нѣкоторыя провинціи; нищета и голодъ, послѣдовавшіе за дурными урожаями; — и, ничего нѣтъ удивительнаго, что это некрасивое положеніе дѣлъ разразилось всеобщимъ неудовольствіемъ. Заговорщики увидѣли, что теперь удобное время для ихъ дѣйствій; они ускорили свои приготовленія и даже рѣшились начать дѣло двумя днями ранѣе назначеннаго срока.

Возмущеніе началось не съ арміи, какъ было сначала предположено, а на флотѣ. Каждый военный корабль представляетъ собою

хорошую крѣпость, вооруженную орудіями большаго калибра; она удобна какъ для защиты, такъ и для нападенія; въ случаѣ успѣха на одномъ пунктѣ, она легко можетъ перенестись на другой: въ ея распоряженіи цѣлое море. По первоначальной программѣ дѣйствій было рѣшено допустить Наполеона сдѣлать визитъ Изабеллѣ въ Сан-Себастьянѣ и не мѣшать его возвращенію въ Біаррицъ. Затѣмъ королева должна будетъ отдать визитъ императору и поѣдетъ во Францію моремъ. Экипажъ корабля, предназначеннаго для путешествія Изабеллы участвовалъ въ заговорѣ; онъ долженъ былъ задержать королеву плѣнницей и чрезъ опредѣленное время отвезти ее во Францію и высадить въ Брестѣ. Въ то же самое время возстаніе должно было вспыхнуть разомъ на всѣхъ пунктахъ Испаніи.

Однакоже программа эта не могла быть выполнена и сигналъ для возстанія поданъ вовсе не съ той стороны, съ которой было предположено по программѣ. Возстаніе началось въ Кадиксѣ, гдѣ капитанъ Малькампо, командиръ броненоснаго фрегата "Сарагосса", и начальникъ эскадры адмиралъ Топете, поднявъ революціонные флаги, рѣшились завладѣть городомъ, и для выполненія своего замысла подплыли къ казармѣ, открытой съ моря; они потребовали, чтобы солдаты, занимавшіе ее, присоединились къ инсуреціонному движенію; тѣ высказали нерѣшительность; "Сарагосса" бросила въ казарму нѣсколько ядеръ. Это внушеніе подѣйствовало; солдаты, занимавшіе казарму, также какъ и всѣ артиллеристы въ Кадиксѣ, тотчасъ же присоединились къ возстанію, а чрезъ нѣсколько минутъ весь городъ очутился во власти революціонеровъ. Составилась первая провинціальная революціонная юнта.

Десять дней спустя маршалъ Серрано и другіе офицеры, перевезенные на Канарскіе острова, прибыли въ Испанію. Отправившійся за ними пароходъ отплылъ изъ испанскаго порта, но тамошнія власти и не подозрѣвали, съ какою цѣлю онъ отправляется въ путешествіе. Въ то же время вышелъ другой пароходъ изъ Англіи, убѣжища Прима, и направился въ Испанію. Оба парохода соединились въ Гибралтарѣ, и здѣсь встрѣтились заговорщики, вѣдущіе изъ Англіи и съ Канарскихъ острововъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, они отправились въ дальнѣйшій путь: одни поѣхали

къ берегамъ Каталоніи, а другіе Андалузіи. Скоро дошла вѣсть до правительства, что знамя возстанія, кромѣ Кадикса, поднято еще въ Севильѣ, Малагѣ, Кордовѣ, Гренадѣ, Альмеріѣ и Гуэльвѣ. На сѣверо-западѣ, въ двухъ шагахъ отъ королевы, возмутились Сантона, Сантандеръ, Коруна и Ферроль. Каталонія, наказанная и перенаказанная послѣ всѣхъ предыдущихъ возстаній, сидѣла смирно; она была достаточно напугана своимъ губернаторомъ Пецуэлой, графомъ Честе, необузданнымъ честолюбцемъ, старымъ заговорщикомъ во времена Конхи. Честе, академикъ, салонный генералъ, переводчикъ Данте, имѣлъ репутацію чловѣка жестокаго и свирѣпаго: онъ умѣлъ войти въ довѣренность къ королевѣ и считался однимъ изъ ея друзей.

Эти извѣстія, разумѣется, заставили отмѣнить предполагавшееся свиданіе между Изабеллой и Наполеономъ. Глава министерства Гонзалезъ Браво бросился въ Сан-Себастьянъ, чтобы испросить у королевы повелѣніе на объявленіе всей страны на военномъ положеніи. Но она ему отвѣчала: „я его дамъ генералу.“ И выбрала своего прежняго врага Мануэля Конху, ставшаго теперь ея любимцемъ и генералъ-капитаномъ Кубы, — чловѣка грубаго, скупого и тщеславнаго, рѣшительно всѣми ненавидимаго и презираемаго. Гонзалезъ Браво и его товарищи, считая себя оскорбленными и не желая ожидать торжества революціи, взяли экстренный поѣздъ желѣзной дороги и помчались въ Байону. Вотъ какимъ образомъ защищаютъ государство въ крайности! Вотъ какъ умираютъ на своихъ постахъ министры, которые не дрогнули ни передъ какой жестокостью, ни передъ какимъ приговоромъ, ими подписаннымъ! Чтобы воодушевить войска, Конха обѣщала имъ прибавку жалованья. Онъ выпустилъ свирѣпѣйшую прокламацію къ жителямъ Мадрита, угрожая имъ страшной карой, если они не будутъ вести себя смирно. Но тѣмъ не менѣе, сильно безпокоясь о будущемъ, онъ отправилъ къ королевѣ банкира Саламанку, ловкаго сплетника, чтобы просить ее возвратиться въ Мадридъ, но непремѣнно *одной*.

— Одной.... одной... сказала королева, — что вы хотите этимъ сказать?

— Одной.... Ваше величество будете не совсѣмъ одни. Съ вами

побѣдетъ его величество вашъ супругъ. Донъ-Мануэль совѣтуетъ вамъ также взять съ собою принца астурийскаго: видъ невиннаго дитяти подѣйствуетъ благопріятно на народъ. Но, если вы мнѣ вѣрите, ваше величество, необходимо оставить здѣсь г. Марфори.

— Оставить моего Марфори! вскричала королева съ гнѣвомъ. — Но я предпочитаю оставить васъ всѣхъ, и отправить....

— Подумайте, ваше величество, дѣло идетъ о вашей коронѣ, о коронѣ вашего сына, о коронѣ Испаніи.

— А, Испанія! Сборище воровъ и убійць. Къ моему несчастію, я ее знаю слишкомъ хорошо. Я останусь здѣсь до тѣхъ поръ, пока эти разбойники не будутъ побѣждены, а если побѣдятъ бунтовщики, тогда я уѣду во Францію, счастливая, что избавилась отъ всѣхъ вашихъ негодяевъ.

Но, не смотря на категорическій отказъ, Саламанка продолжалъ настаивать.

— Развѣ вы не видите, тройной вы глупецъ, прервала его нетерпѣливо королева, — что отослать Марфори—это значитъ признаться въ своей ошибкѣ.

Нельзя отвергать въ этомъ отвѣтѣ большей отважности. Но стоилъ ли Марфори, чтобы изъ-за него терять тронъ,—это вопросъ, который, кажется, нечего разрѣшать.

Королева все еще надѣялась восторжествовать. Сантандеръ былъ взятъ, послѣ горячей битвы, генераломъ Калонжемъ, выказавшимъ, при этомъ случаѣ, свою крайнюю жестокость при расправѣ съ побѣжденными. Мадридъ еще не объявлялъ себя противъ правительства; Каталонія притихла; возстаніе, казалось, все сосредоточилось въ одной Андалузій, а туда шелъ съ значительной арміей маркизь Павія Новалихесъ. Въ официальныхъ французскихъ журналахъ уже появились извѣстія о полнѣйшей деморализаціи инсургентовъ. Уже королева выражала сожалѣніе, что для ея благополучія, придется пролить столько крови *послѣ* побѣды. Уже отецъ Кларетъ толковалъ о мессахъ въ Римѣ, отслуженныхъ самимъ святымъ отцомъ, которыя должны принести побѣду вѣрной и любезной дочери католической церкви! Уже.... Но вышло не такъ!

28 сентября произошла битва у альколейскаго моста; войсками

10*

правительства командовалъ Новалихесъ; инсургентами маршалъ Серрано и генералъ Кабалеро де-Родасъ ¹⁾. По словамъ „Мадритской газеты“ въ королевской арміи было 16 баталіоновъ, 17 эскадроновъ, 3 инженерныя роты и 32 полевыхъ орудія; но это извѣстіе невѣрно; армія была сильнѣе, и численностію превосходила армію инсургентовъ. Новалихесъ презрительно отвѣчалъ на письмо, адресованное къ нему Серрано, въ которомъ послѣдній просилъ его со всей арміей перейти на сторону народа.

Произошла ожесточенная битва. Съ той и съ другой стороны выказано было много мужества. Новалихесъ наступалъ, рассчитывая сильной, хорошо направленной атаккой сломить непріятеля; но былъ два раза отбитъ. Королевская армія потеряла много людей, выбывшихъ изъ строя. Къ вечеру Новалихесъ, самъ лично находившійся подъ жестокимъ огнемъ, получилъ серьезную рану въ щеку; все лицо его облилось кровью; страшно было смотрѣть на него. Однакоже побѣда осталась нерѣшенной; обѣ арміи ночевали на тѣхъ мѣстахъ, которыя занимали наканунѣ сраженія.

Тотчасъ же правительственный „Мониторъ“ выпустилъ пынное объявленіе о побѣдѣ королевскихъ войскъ; но революціонная мадритская юнта чрезъ полчаса прибила объявленіе объ успѣхѣ, одержанномъ Серрано. Народъ повѣрилъ юнтѣ, и ночью Мадридъ высказался, за кого онъ намѣренъ стоять въ будущемъ. Извѣстіе о переходѣ Мадрита на сторону возстанія воодушевило инсургентовъ и совершенно деморализировало королевскую армію; рота за ротой стала дезертировать; полкъ за полкомъ возвращался въ Мадридъ. Конха послѣшилъ на встрѣчу къ Новалихесу. Все было потеряно.

Вслѣдъ за этимъ министръ Конха, уполномоченный королевою подавить возстаніе, отказался отъ своихъ полномочій. Возбужденіе уже вездѣ перешло въ революцію. Народъ и солдаты смѣшались. Со-

¹⁾ Начальникъ штаба арміи королевы; въ сраженіи при Викальваро, въ 1834 году, онъ былъ серьезно раненъ въ голову въ то время, какъ переходилъ изъ правительственной арміи въ ряды инсургентовъ. Послѣ дуэли съ Риверо, однимъ изъ главнѣйшихъ предводителей демократической партіи, Родасъ приобрѣлъ печальную извѣстность. Онъ возвратился съ Канарскихъ острововъ.

ставилась временная правительственная юнта, образовавшаяся изъ представителей различныхъ партій, принимавшихъ участіе въ движеніи. Во главѣ ея сталъ Мадоцъ, прежній министръ, ненавистный клерикаламъ, съ именемъ котораго связаны главнѣйшіе законы, направленные противъ опаснаго вліянія духовенства. Членами этой юнты были назначены: Хозе Олозага, братъ Саллюстія Олозаги, — одного изъ предводителей прогрессистской партіи, одного изъ самыхъ лучшихъ, вліятельнѣйшихъ и честолюбивѣйшихъ ораторовъ Испаніи, — нѣкогда бывший другомъ королевы; Кантеро, сенаторъ, членъ либеральной лиги; Фигуэрола, умѣренный демократъ, и Риверо, крайній демократъ. Подобныя же юнты учредились въ Севильѣ, въ Барселонѣ, въ Гренадѣ, въ Кадиксѣ, почти вездѣ. Каждая юнта объявила свою программу, весьма сходную съ программой сосѣдней юнты. Всѣ они соглашались въ непреложной необходимости объявить королеву Изабеллу лишенной престола; всѣ предоставляли Учредительнымъ Кортесамъ, избраннымъ всеобщей подачей голосовъ, разрѣшить вопросъ о будущей формѣ правленія.

Для образца приведемъ здѣсь программу Иберійскаго союза, не потому, чтобы она была лучше другихъ составлена, но потому, что она есть произведеніе людей, представлявшихъ собою центръ движенія. Вотъ она въ главныхъ чертахъ:

„Свобода богослуженій.

Упраздненіе монастырей и уничтоженіе религіозныхъ общинъ и корпорацій.

Покровительство приходскому духовенству.

Уменьшеніе числа епархій.

Упраздненіе духовныхъ коллегій, аббатствъ, пребандъ.

Упраздненіе сбора въ пользу нунція и семинарій:

Всеобщая подача голосовъ.

Свобода обученія.

Образованіе въ первоначальныхъ школахъ даросое и обязательное.

Муниципальная свобода.

Упраздненіе министерства колоній.

Осціе законы для полуострова и колоній.

Свобода прессы.

Свобода ассоціацій.

Децентрализація.

Упраздненіє всѣхъ централизаціонныхъ совѣтовъ, юнть и корпорацій.

Судъ присяжныхъ.

Уничтоженіє рекрутскаго набора.

Уничтоженіє смертной казни.

Реформа таможеннаго тарифа.

Уничтоженіє городскихъ заставъ.

Свобода торговли солью и табакомъ.

Упраздненіє лоттерей, какъ государственнаго дохода.

Уменьшеніє чиновничьихъ должностей и пенсіоновъ.

Уменьшеніє налоговъ.

Союзъ со всѣми либеральными правительствами.

Пока еще не было ничего рѣшено, королева переходила отъ надежды къ унынію, отъ слезъ къ гнѣву. Извѣстіе о несчастномъ сраженіи было для нея громовымъ ударомъ. Но скоро она оправилась, и въ ней на время опять затеплилась надежда. Она рѣшилась послать своего сына, принца астурийскаго, мальчика лѣтъ шести, семи къ старику Эспартеро, съ слѣдующимъ письмомъ: „Сегодня я лишуюсь престола,—но ты, который спасъ когда-то мать, спаси теперь сына....“ Письмо было написано; оставалось уговорить мальчика ѣхать, но тотъ, не понимая въ чемъ дѣло, расплакался. Королева, нервы которой разслабли до послѣдней степени, не могла переносить слезъ, она сама расплакалась и приказала собираться въ дорогу. Для свободнаго проѣзда во Францію уже за нѣсколько дней были взяты всѣ предосторожности. Съ каждымъ поѣздомъ отправлялось во Францію несмѣтное количество тюковъ (говорятъ тысячъ пять принадлежало одной только королевской фамиліи); начиная съ драгоценностей Изабеллы и до брилліантовъ короны, — все было взято; ящики съ золотомъ и серебромъ переправлялись за границу; всѣ суммы, находившіяся въ распоряженіи королевской фамиліи, были увезены изъ Испаніи, также взяты переводы значительныхъ суммъ на Парижъ, Лондонъ и Нью-Йоркъ отъ имени Марфори; однимъ словомъ, всего, что королева взяла съ со-

бой, насчитываютъ миллионъ на сорокъ. сумма, впрочемъ, слишкомъ ничтожная для той, которая привыкла издерживать ежегодно 25 миллионъ. Это удаленіе Изабеллы представляетъ разительную противоположность съ удаленіемъ прочихъ членовъ ея фамиліи. Юный король обѣихъ Сицилій съ молодой женой своей, оставивъ Неаполь, въ продолженіи еще нѣсколькихъ недѣль забавлялся бомбардированіемъ Гаэты; Карлъ X выѣхалъ изъ Франціи въ каретѣ, съ весьма небогатымъ багажемъ. Луи-Филиппъ бѣжалъ, взявъ съ собою одинъ дождевой зонтикъ; но послѣдняя наслѣдница Изабеллы, покорившей Испанію, пославшей Колумба въ Америку, Изабелла Католическая уѣхала, загрузивъ своими пожитками вагоны товарныхъ поѣздовъ. Вагажъ былъ спасенъ, но все прочее потеряно.

Изабелла принуждена была уѣхать изъ Сан-Себастьяно, того самого Сан-Себастьяна, гдѣ въ 1833 году въ первый разъ привѣтствовали ее королевою Испаніи. Городъ, бывшій колыбелью, сталъ также и гробницею ея королевской власти. Дочь лишилась престола въ тотъ же день, въ который умеръ отецъ. Королевская фамилія отправилась на желѣзную дорогу въ старой каретѣ, которую, по ея ветхости, оставляли въ Испаніи; сбруя во многихъ мѣстахъ починенная, рейткнехты грязно одѣтые, лошади съ запаломъ, — все эти атрибуты можно было принять за атрибуты странствующаго цирка, имѣвшаго плохіе сборы.

На станціи толпился народъ. Патеръ Кларетъ отрывалъ шествіе. Послѣднія событія очень невыгодно отразились на его фізіономіи и онъ сталъ еще безобразнѣе. За нимъ слѣдовала королева, подъ руку съ своимъ супругомъ; она казалась полнѣе обыкновеннаго, глаза ея были красны отъ слезъ, но поступь все-таки величава; она блуждающимъ взглядомъ вопросительно смотрѣла на нѣмую толпу, какъ бы ожидая отъ нея выраженія сожалѣній или просьбы остаться. Зрѣлище несчастія тронуло многихъ, уже стали было выказываться признаки сочувствія, но появился презираемый общественнымъ мнѣніемъ Марфори, украшенный лентою ордена Изабеллы, и настала мертвая тишина. Изгнанники усѣлись въ вагоны; начальникъ движенія подалъ знакъ, и поѣздъ тронулся среди глубокаго молчанія.

Что же касается до сестры Патроцінію, сузившей королевѣ въ

день опасности произвести чудо, — она, забывъ свое обѣщаніе, исчезла, но вовсе не чудеснымъ образомъ, какъ о себѣ предсказывала, а очень прозаически. Боясь быть узнавшею, она переодѣлась въ грубое платье уличной торговки и укатила во Францію.

Послѣднія королевскія почести Изабелла получила въ пограничномъ испанскомъ мѣстечкѣ. При вѣздѣ же во Францію, по приказанію Наполеона, ей ихъ не отдали. Она рассчитывала отправиться въ Біарицъ, но императоръ, вѣроятно изъ опасенія разныхъ непріятныхъ толковъ, посовѣтовалъ ей, что разумѣется было равносильно приказанію, отправиться въ замокъ По, который и предоставлялъ въ полное ея распоряженіе.

Такимъ образомъ свиданіе императорской и королевской фамиліи, еще недавно сильно волновавшее общественное мнѣніе, наконецъ состоялось теперь при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и сопровождалось иными послѣдствіями. Во время этого свиданія, происходившаго въ дебаркадерѣ, подлѣ котораго стоялъ приготовленный поѣздъ для испанской королевы, — подкатилъ къ дебаркадеру поѣздъ изъ Парижа, наполненный испанскими изгнанниками, возвращавшимися къ ихъ родному очагу. Королева была узнана, воздухъ огласился громкими криками со стороны испанцевъ, они видимо относились къ королевѣ, но выражали далеко не сочувствіе. При этихъ неожиданныхъ возгласахъ, императоръ, сохраняя наружное хладнокровіе, отступилъ назадъ, у императрицы вырвался было крикъ, но она его тутъ же подавила, хотя съ трудомъ удерживала рыданія; королева вздрогнула и слезы брызнули изъ ея глазъ; маленький принцъ аsturійскій и юный императорскій принцъ остолбенѣли и съ удивленіемъ посматривали по сторонамъ. Всѣ окружающіе въ изумленіи молчали — всѣ были мрачны. Неимовѣрно тяжелою казалась каждая минута присутствующимъ; сцена была тягостная. Кто-то изъ генераловъ вскричалъ: „Намъ остается только уйти!“ Слова были сказаны всгати. „Отправитесь“, сказала королева. Поѣздъ готовъ былъ тронуться, „но, вскричала Изабелла, я не поцѣловала еще императрицу!“ Императрица тотчасъ-же подымается по ступенькамъ, получаетъ поцѣлуй и сходитъ. Локомотивъ понесся по направленію къ По.

Замѣчательный фактъ! Когда на биржахъ Парижа, Лондона, Вѣны и Франкфурта узнали объ испанскомъ переворотѣ, курсъ испанскихъ фондовъ, вмѣсто того, чтобы понизиться, какъ это обыкновенно случается при всѣхъ переворотахъ, — повысился. Этотъ фактъ много говоритъ въ пользу теперешнихъ дѣятелей въ Испаніи: если биржа вѣрится, значитъ положеніе дѣлъ установилось. Фактъ этотъ получить еще большую цѣну, если мы вспомнимъ, какъ много долговъ оставило послѣднее испанское правительство. Въ государственной книгѣ, содержащей въ себѣ счетъ консолидированныхъ долговъ, они подраздѣляются на множество рубрикъ: вѣшній, внутренний, вѣшній разсроченный, внутренний разсроченный, погашенный 1-го разряда, погашенный 2-го разряда и множество другихъ; всѣ эти долги, столь различные по названіямъ, имѣютъ одно общее характеризующее ихъ качество: проценты съ нихъ или уплачены не вполне или совсѣмъ не уплачены.

Послѣ отъѣзда королевы, въ Мадридѣ, въ Барселонѣ, въ Севильѣ, во всей Испаніи народъ ликовалъ, — цѣловался, обнимался, съ утра до вечера и съ вечера до утра пѣлъ гимнъ Ріего. Все было лучезарно, все торжественно, — и солнце, и глаза и умы. Никто себя не узнавалъ; каждый переродился, умы кишѣли свѣтлыми идеями, сердца были переполнены добротой. Безъ сомнѣнія, это была лихорадка. Это было безуміе влюбленныхъ, безуміе поэтовъ, безуміе вдохновенныхъ, безуміе весны, молодости, новой жизни.

Бывшіе свидѣтелями февральской революціи спрашивали себя: не грѣзилось-ли имъ это, не въ Парижѣ-ли они въ 1848 г., вмѣсто Мадрида въ 1868. Также восторженность народа, также доброта, также наивность, тоже прощеніе скорое, кроткое. Народъ запасся оружіемъ, онъ избралъ себѣ генерала по своему вкусу, именно Эскаланти; ружей, въ ихъ распоряженіи, было до 75,000, но они служили имъ для охраненія лишь магазиновъ, и это все случилось во время неурожая, въ то время, когда всѣ работы остановились и народъ испытывалъ нищету и почти голодъ. Задержали агентовъ королевы, хозяйничавшихъ въ палатахъ, принадлежащихъ коронѣ, но оставили при нихъ деньги, которыя, по ихъ показанію, составляли ихъ личную собственность; не задержали и патеровъ,

пустившихся въ бѣгство, лишь удержали утащенные ими священныя драгоценности. Во всей Испаніи, гдѣ каждые два года,—я это самое меньшее.—по распоряженію правительства Маріи Христіны или Изабеллы, производилось по нѣскольку разстрѣливаній; гдѣ нѣтъ семьи, въ которой не насчитывалось бы одной, двухъ жертвъ гражданскихъ войнъ,—пока можно назвать двѣ, три правительственныя личности, которыя подверглись мщенію: секретарь Гонзалеса Браво, котораго легонько прикололи кинжаломъ, и подлый шпиоль, умерщвленный встрѣтившимся съ нимъ незнакомцемъ. Правда, еще было уничтожено отъ 30 до 40 тысячъ бюстовъ Изабеллы и сожжено нѣсколько портретовъ папы. Калонжъ, отличившійся своими жестокостями въ Сантандерѣ, былъ остановленъ и посланъ въ этотъ городъ для разстрѣліянія на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ разстрѣливалъ инсургентовъ; но граждане Сантандера не хотѣли мстить; они отпустили генерала, ограничившись такимъ замѣчаніемъ: “Мы ему прощаемъ, но только съ тѣмъ, чтобы имя его не произносилось между нами.”. Какая противоположность съ тѣмъ исполненіемъ приговора надъ двадцатью сержантами, которыхъ королева приказала разстрѣлять всѣхъ за разъ у стѣнъ своего сада, называемаго Las Delicias de Isabel (Утѣха Изабеллы). Какая противоположность съ казнью капитана Эспинозы, бывшаго идоломъ своихъ товарищей, — его молодость, красота, ловкость, обаянка, покоряли ему всѣ сердца, начиная съ знатныхъ барынь до прислужницъ королевы, и онѣ всѣ умоляли ее о помилованіи своего любимца. Изабелла, которой папа только что пожаловалъ *золотую розу*, какъ символъ ея добродѣтели и скромности, отвѣчала на всѣ эти просьбы: “Разстрѣлять его.”. Молодая жена Эспинозы слышала выстрѣлъ, прекратившій существованіе ея мужа. Она впала въ сумашествіе, и умерла крича: Viva la libertad (Да здравствуетъ свобода)! И когда эти воспоминанія еще были живы въ сердцахъ, Пецуэла, графъ Честе, нѣкогда прославившійся усмиреніемъ Барцелоны, принесъ повинную побѣдителямъ; тѣ отвѣчали ему поздравленіемъ, что въ немъ не умерла гражданская доблесть и приняли его съ распростертыми объятіями. Доброта эта доходила до простоты. Въмѣсто того, чтобы гильотинировать кого-либо изъ своихъ палачей, эти революціонеры только

и мечтают о томъ, какъ бы низвергнуть эшафотъ, какъ гражданскій, такъ и политическій; какъ бы уничтожить рабство черныхъ, закрѣпить свободу прессы, основать протестантскія церкви, не потому, чтобы они придерживались этой религіи, но лишь для того, чтобы утвердить свободу культа. Ихъ мечь ограничивается разрушеніемъ нѣкоторыхъ крѣпостей, въ которыхъ ихъ заключали; объявленіемъ нѣкоторыхъ монастырей общественною собственностью; изгнаніемъ іезуитовъ, и уничтоженіемъ праздности монахинь и монаховъ. Королевъ они встятъ тѣмъ, что прибываютъ къ ея дворцу надпись: "Сей домъ отдается въ наймы.", а также уничтоженіемъ бурбонскихъ гербовъ и арматуръ, украшающихъ магазины поставщиковъ двора.

Слишкомъ ревностная молодежь сорвала гербы прусскаго посольства, но ей открыли ея заблужденія и молодые люди отправились съ извиненіемъ къ уполномоченному Висмарка, который, вовсе не желая дѣлать изъ этой ошибки оскорбленія, влекущаго за собою дипломатическій разрывъ, отъ души посмѣялся съ своими невольными гостями и угостилъ ихъ завтракомъ и сигарами. Вотъ и все буйство, которымъ ознаменовали себя мадритскіе революціонеры. Въ провинціяхъ дѣла шли точно такимъ же образомъ: если и случались кое-гдѣ, и то очень рѣдко, какія нибудь рѣзкія сцены, то они почти всегда происходили по недоразумѣнію.

Испанскій тронъ сдѣлался вакантнымъ; весьма естественно, что явилось множество претендентовъ занять его. Во-первыхъ, герцогъ Монпансье, такъ какъ онъ деверь Изабеллы. Но по этой-то причинѣ его и не примутъ. Кромѣ того онъ имѣютъ репутацію труса и скряги, и онъ отказался дать взаимн три милліона для поддержки заговора, жена его недалняго ума и ханжа.

Принцъ Астурійскій.... но онъ еще дитя, да притомъ Бурбонъ и сынъ Изабеллы....

Молодой человекъ лѣтъ 20 или 21, — внукъ донъ Карлоса, котораго легитимисты уже называютъ Карломъ VII. Это не тотъ графъ Монтемолинъ, сынъ донъ Карлоса, съ которымъ смѣшивали его многіе журналы. Монтемолинъ умеръ скоропостижно, чрезвычайно загадочною смертью въ 1861 г., нѣсколько часовъ спустя

послѣ смерти жены и брата своего донъ-Фернандо. Маленькій Шарло, — сынъ того несчастнаго донъ-Жуана, который дѣйствуя въ самомъ безразсудномъ предпріятіи противъ Изабеллы, позволялъ взять себя въ плѣнъ; а Изабелла, въ свою очередь, имѣла безразсудство освободить его. послѣ того, какъ сдѣлала непростительную ошибку, купивъ у него за нѣсколько милліоновъ вѣчное отреченіе отъ престола Испаніи, какъ его, такъ и всѣхъ его потомковъ. Съ тѣхъ поръ донъ-Жуанъ обратился къ демократіи и переходилъ изъ одной масонской ложи въ другую. Теперь онъ снова обращается къ законной наслѣдственности на престолъ, снова отрекается, но только въ пользу сына своего Шарло. Онъ передаетъ сыну права, которыя продалъ, вовсе не думая взамѣнъ этого возвратить тѣ милліоны, которые получилъ за свое отреченіе. — милліоны, сохраненные имъ и положенные въ вѣрное мѣсто. Къ этому надо прибавить, что Шарло женатъ на своей племянницѣ изъ дома пармскихъ Бурбоновъ, а его красавчикъ братъ Альфонсъ имѣетъ честь считаться въ числѣ папскихъ зуавовъ. Карлу покровительствуетъ Наполеонъ III.

Въ ряду претендентовъ также ставятъ и принца Алфреда, герцога Эдинбургскаго, втораго сына королевы Викторіи, гордаго честолюбца, — но болѣе смышленнаго, чѣмъ его старшій братецъ, недовольный тѣмъ, что онъ до сихъ поръ еще не король. Альфредъ могъ бы удобнѣе всѣхъ другихъ претендентовъ представиться передъ испанскою націею, принеся ей, какъ бы свадебный подарокъ Гибралтарскую крѣпость. Но на этомъ условіи Англія не отпуститъ своего принца. Кромѣ того Наполеону было бы сильно не по душѣ возвышеніе этого англійскаго джентльмена. Да притомъ Испанія ни чуть не желаетъ заводить связь съ Великобританіею.

Еще новый кандидатъ — отецъ португальскаго короля. Не смотря на имя донъ-Фернандо, которымъ его именуютъ, онъ никто иной, какъ Лудвигъ фонъ-Гобургъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи живой портретъ покойнаго Леопольда Бельгійскаго. Это въ полномъ смыслѣ слова богатый буржуа, эпикуреецъ и сластолюбецъ, человѣкъ разсудительный, холодный и пронырливый. Вслѣдствіе отказа царствующаго португальскаго короля

принять наслѣдіе Изабеллы, отказа, съ удивительнымъ единодушіемъ поддерживаемаго всѣми португальскими журналами, — шансы Людвига увеличиваются, и онъ имѣетъ сильную и дѣйствительную поддержку въ Иберійскомъ союзѣ. Но если бы Людвигъ пріѣхалъ въ Испанію съ пустыми руками, то кто же бы сталъ заботиться о его кандидатурѣ?

Говорить ли о предложеніи избрать императора Бразиліи, владыки страны, населенной рабами? Но вѣдь, пожалуй, явятся еще охотники, указывающіе на Монопотану или великаго Негуса — могутъ найтись и такіе шутники.

Такимъ образомъ мы насчитали около десяти претендентовъ, изъ которыхъ каждый, разумѣется, старается организовать для себя въ Испаніи партію. Но къ великому неудовольствію всѣхъ этихъ претендентовъ на вакантные троны, которыхъ можно отыскать въ каждомъ маленькомъ германскомъ княжествѣ, Испанія до сего дня еще и не думаетъ объ избраніи кого либо изъ нихъ.

Еще не установилось никакого положительнаго, по общепринятому взгляду, правительства въ Испаніи, а между тѣмъ дѣла идутъ тамъ своимъ порядкомъ, спокойно, тихо: люди не хватаютъ другъ друга за горло, не вырываютъ одинъ у другого волосъ, совершенно напротивъ, живутъ въ такомъ мирѣ и согласіи, въ какомъ никогда не жили прежде. Повидимому всѣ забыли думать о разрѣшеніи вопроса: какую формѣ приметъ будущее правильно организованное испанское правительство. Даже журналы какъ будто игнорируютъ этотъ вопросъ: между тѣмъ правительственная дѣятельность не стоитъ. Всѣ провинціальныя юнты съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ принялись за реформы своихъ внутреннихъ дѣлъ, за исправленіе разныхъ неурядицъ, доставшихся имъ въ наслѣдіе отъ прежняго порядка. Они работаютъ и работаютъ серьезно. Такая мудрость всѣхъ приводитъ въ изумленіе. Какъ! въ странѣ, выжившей страшнѣйшій кризисъ, — въ этой странѣ всѣ партіи, вмѣсто того чтобы вести борьбу за господство, занимаются полезными вещами, работаютъ надъ необходимымъ, стараются предпринимать то, что приводитъ къ соединенію, а не къ разъединенію? Да въ Европѣ ли мы? Во второй ли половинѣ XIX вѣка? И страна, дающая

намъ доказательство баснословной мудрости — Испанія! Это неслыхано! Мы не знаемъ, какія извѣстія принесетъ намъ завтрашнее утро; — можетъ быть, мы узнаемъ, что богиня раздора вошла въ залъ, бросила золотое яблоко среди собесѣдниковъ; можетъ быть, это и будетъ завтра; но сегодня мы должны признавать невѣроятный фактъ, что нація, имѣвшая печальную извѣстность за постоянные раздоры и междуусобныя войны; нація, отличающаяся слишкомъ пылкимъ, страстнымъ, вѣчно возбужденнымъ характеромъ, — эта нація, во время самаго разгара революціонной горячки, ведетъ себя, какъ вела бы нація, состоящая изъ однихъ мудрецовъ.

Немногіе изъ главныхъ дѣятелей высказали свое мнѣніе о формѣ будущаго испанскаго правительства. Вѣроятно, они выскажутся скоро. Теперь же особенной извѣстностью пользуется мнѣніе горячаго патріота, стараго маркиза Орензе. Онъ говоритъ, что Испанія состоитъ изъ нѣсколькихъ провинцій, имѣющихъ каждая свои особенности, желающихъ полнѣйшей автономіи. Каждая провинція горячо отстаиваетъ свои fueros (обычное право), свои мѣстныя учрежденія. Отсюда прямой выводъ, что лучшая форма государственнаго устройства для Испаніи будетъ федеративная.

Но на ясномъ испанскомъ небосклонѣ есть темное облако, которое можетъ разростись въ большую черную тучу и произвести бурю. Это облако — военное тщеславіе, военная завосчивость, которыя легко могутъ побудить солдатчину захватить совѣмъ въ свои руки народное движеніе. Уже и теперь люди недоувѣрчивые покачивали головой, вида Серрано, побѣдителя при Альколеѣ, вѣзжающаго въ Мадридъ на великолѣпномъ бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи своей побѣдоносной арміи, при торжественномъ звукѣ трубъ и восклицаній народа. Эти люди еще недоувѣрчивѣе покачивали головами, когда Примъ, пріѣхавшій послѣ битвы, встрѣтилъ отъ народа такой блистательный пріемъ, какого давно никто не удостоивался. Это не былъ даже энтузіазмъ, это было просто безуміе, фанатизмъ. Нельзя ничего вообразить себѣ болѣе шумнаго, болѣе бурнаго, болѣе безумнаго. Нѣсколько человѣкъ было задушено въ давкѣ; всѣ давили другъ друга, лѣзли впередъ и неистово кричали: „да здравствуетъ Примъ!“ Его встрѣчали, какъ истиннаго спасителя, какъ

героя, полубога. Примъ въѣхалъ въ сопровожденіи отряда стрѣлковъ, носящихъ его имя. Тамъ и сямъ его привѣтствовали именемъ императора; дамы бросали ему букеты, махали платками.

Откуда же взялся этотъ Примъ?

Миѣ уже не разъ приходилось упоминать объ этомъ человѣкѣ, который, не смотря на огромную популярность его имени, принадлежитъ къ числу самыхъ отъявленныхъ плутовъ въ Европѣ, богатой всякими пройдохами. Припомнимъ нѣкоторыя главнѣйшія черты изъ политической жизни этой знаменитости. Этотъ испанскій грандъ, графъ Рейсъ, маркизъ де-Досъ-Кастильгосъ, — человѣкъ самаго низкаго происхожденія. „Длѣ преступленія и наглости нѣтъ ничего невозможнаго“. Примъ — дитя Каталоніи, которая до глупости гордится имъ, своимъ героемъ. Еще слишкомъ молодымъ онъ завербовалъ себя въ отрядъ вольныхъ стрѣлковъ и храбро сражался противъ карлистовъ, такъ какъ онъ дебютировалъ въ войскахъ королевы. За его храбрость (онъ, дѣйствительно, такъ храбръ, какъ очень немногіе на нашемъ свѣтѣ), за его неутомимую дѣятельность, за остроуміе, за плутовство, прикрытое веселостью, — онъ скоро достигъ исключительнаго положенія; его безпрестанно повышали и послѣ семилѣтней компаніи на него стали смотрѣть, какъ на одного изъ лучшихъ офицеровъ испанской арміи.

Но карлистское движеніе было подавлено; Примъ бросается въ парламентаризмъ. Страна привязывается къ парламентской борьбѣ съ такою же пылкою страстію, съ какою она привязывалась къ шуму боевыхъ орудій, съ какою она горячо рукоплещетъ бою быковъ. Имя Прима и на этомъ новомъ поприщѣ скоро стало пользоваться большою популярностью; онъ явился на выборы прогрессивистовъ, и Барселона, столица Каталоніи, городъ, постоянно соперничающій съ Кадиксомъ въ приверженности къ либерализму, — послала его своимъ депутатомъ въ кортесы. Въ то время Эспартеро, герцогъ Викторіи, держалъ въ своихъ рукахъ все управленіе. Примъ помѣстился въ штабъ этой первой шпаги Испаніи. Но регентъ захотѣлъ высказать также свои административныя способности, ударился въ дѣла, и какъ принадлежалъ къ числу людей мало знакомыхъ съ дѣлами внутренняго управленія, то его постоян-

но надували и играли имъ; рубака совершенно потерялся въ этотъ вихрь придворныхъ интригъ. Примъ вовсе не желалъ себя компрометировать оставаясь на сторонѣ, которая, по всей вѣроятности, должна была скоро проиграть; онъ бросилъ прогрессистовъ и перешелъ на сторону умѣренныхъ реакціонеровъ, главой которыхъ въ то время былъ Нарваецъ, вторая шпага королевства. За свою измѣну Примъ получилъ генеральскія эполеты, и новый патронъ послалъ его въ экспедицію противъ прогрессистовъ. Примъ не заставилъ просить себя два раза и съ радостію полетѣлъ на своихъ вчерашнихъ друзей, совершенно неожиданныхъ нападенія. Они были разбиты и Примъ, забравъ многихъ изъ нихъ въ плѣнъ, кого заключилъ въ тюрьму, кого разстрѣлялъ, и съ распростертыми объятіями былъ принятъ въ Мадридѣ Нарваецомъ и Маріей-Христиной. Съ своей стороны прогрессисты, давшіе тронъ Изабеллѣ и Християнѣ, вовсе не хотѣли играть роль жертвы и побѣжденныхъ, и снова взялись за оружіе. Противъ нихъ опять поспѣшилъ Примъ; и онъ такъ хорошо убивалъ и бомбардировалъ, что торжествующая реакція дала ему титулъ *миротворца*. Во главѣ своего отряда, составленнаго изъ сброда самыхъ отчаянныхъ сорви-головъ, пройдя огнемъ и мечемъ всю возставшую страну, онъ торжественно вступилъ въ Мадридъ и былъ пожалованъ маршаломъ и графомъ рейскимъ.

Вы полагаете, что послѣ такихъ подвиговъ Примъ заслужилъ всеобщее презрѣніе? Ничуть не бывало. Въ Испаніи, этой удивительной странѣ, всякой измѣнѣ всегда слѣдуютъ пайти подходящее оправданіе. И вы думаете, что Приму оставалось только навсегда примкнуть къ реакціонерамъ? Опять нѣтъ! Примъ, увѣренный въ своихъ силахъ, скоро понялъ, что онъ можетъ уравновѣшивать Нарваеца и даже его свергнуть. Воспользовавшись негодованіемъ, которое возбуждали жестокости умѣренныхъ, онъ возвратился къ своимъ старымъ друзьямъ прогрессистамъ и предложилъ имъ составить заговоръ, имѣющій цѣлію убійство его благодѣтеля Нарваеца. Но онъ не успѣлъ привести въ исполненіе свой замыселъ, былъ схваченъ и осужденъ на разстрѣляніе. Еще два часа, и однимъ мошенникомъ стало бы меньше на свѣтѣ, но, какъ совершенно справедливо говорилъ самъ Примъ: „человѣкъ, подобный Приму

еще не осужденъ, пока не разстрѣлянь.“ Онъ купилъ свое помилованіе цѣною новой измѣны; еще разъ онъ продалъ тайны прогрессистовъ, которые имѣли глупость ввѣрить ихъ такому измѣннику. Еще разъ онъ отдался душой и тѣломъ Нарваецу и получилъ отъ него, кромѣ жизни, въ придачу мѣсто генераль-капитана Пуэрто Рика, такое мѣсто, на которомъ всѣ имѣли привычку грабить и дѣлать всякія безобразія. Примъ не хотѣлъ измѣнять старымъ традиціямъ; напротивъ, онъ сталъ отличаться почище своихъ предшественниковъ, и его грабежи и безобразія дошли до такихъ ужасающихъ размѣровъ, что нужна была вся сила протекціи Нарваеца, чтобы избѣжать за нихъ скандальнаго осужденія.

Былъ ли въ этомъ прощеніи со стороны Нарваеца актъ необыкновеннаго великодушія, какъ хотять въ томъ увѣрить историки реакціонной партіи въ Испаніи? Не думаемъ, тутъ просто былъ чистѣйшій расчетъ. Такому кровавому человѣку, какъ Нарваецъ, былъ нуженъ сборъ, подобный Приму. Можно ли въ самомъ дѣлѣ заподозрить въ великодушіи Нарваеца, человѣка, предъ самой смертію сказавшаго священнику, который, исповѣдывая его, посоветовалъ ему простить враговъ: „Враговъ?—у меня нѣтъ ихъ, я ихъ всѣхъ разстрѣлялъ“; того человѣка, который велѣлъ разстрѣлять ребенка пяти лѣтъ только потому, что отецъ мальчика, прогрессистъ, скрылся отъ своихъ палачей. Ребенокъ не понималъ, что съ нимъ хотѣли дѣлать; онъ игралъ и бѣгалъ между солдатами. Нарваецъ велѣлъ ему стать на мѣсто, а солдатамъ выстрѣлить. Ребенокъ ли, развлеченный шумомъ, не могъ устоять на мѣстѣ, а можетъ быть руки у солдатъ дрожали, но только ни одна пуля не попала въ мальчика. Тогда Нарваецъ бросилъ вверхъ апельсинъ. „Лови, малютка“, закричалъ онъ, а солдатамъ велѣлъ стрѣлять въ апельсинъ. Ребенокъ повалился прострѣленный пулею.

Въ 1854 году мы встрѣчаемъ Прима въ третій разъ въ рядахъ прогрессистовъ, подъ командой Эспартеро. Когда викальваристы поддѣли революціонеровъ 1854 года, Примъ не замедилъ перейти на сторону О'Доннелля, третьей шпаги, и вошелъ въ комитетъ *Либеральной (sic) униіи*. Однакожъ онъ сталъ слишкомъ замѣтнымъ лицомъ, чтобы не беспокоить своего протектора; и тотъ сталъ выиски-

вать случай отправить опаснаго друга за границу, по возможности подальше. Онъ послалъ его въ Крымъ для изученія стратегическихъ дѣйствій союзныхъ войскъ. Если повѣрить на слово его читателейъ, то Примъ и былъ настоящимъ побѣдителемъ подъ Севастополемъ и если бы англо-французы не слѣдовали его совѣтамъ, они удалились бы изъ Россіи со стыдомъ. Когда О' Доннель, подражающій во всемъ Наполеону III, рѣшился бросить испанскій народъ въ отдаленныя экспедиціи, славой замѣнить свободу, и войну и завоеваніе сдѣлать громоотводомъ противъ духа независимости и свободы, — Примъ былъ назначенъ генералиссимусомъ испанской арміи въ войнѣ противъ Мароко. Эта несправедливая война можетъ быть приравнена къ борьбѣ быка съ десятью пикадорами и десятью матадорами; несчастное животное, атакованное со всѣхъ сторонъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ противникомъ, разумѣется, не имѣетъ никакихъ шансовъ спастись. Примъ со славой избилъ множество почти беззащитныхъ мароканцевъ. Торжествующая армія возвратилась въ Испанію, и, при трубныхъ звукахъ и при громѣ турецкихъ барабановъ, вступила въ Мадридъ. Неутомимый Примъ выбарабанилъ собѣ испанское грандетво перваго класса и маркизатство кастилегосское. Организуя эту экспедицію, О'Доннель не считывалъ, что роетъ этимъ самому себѣ яму, а возвышая своего знаменитаго друга и соперника, не провидѣлъ въ немъ будущаго опаснаго врага.

Готовилась новая экспедиція въ Мексику, должствующая покрыть славой имя Изабеллы; на долю Прима выпала честь осуществить ее. Примъ тотчасъ же отправился въ Пломбьеръ, гдѣ пробылъ 15 дней и имѣлъ съ Наполеономъ III танственнае свиданіе; долго бесѣдовали они, стараясь обмануть одинъ другого, какъ Борджіа и Сфорца, и въ Испаніи всѣ были увѣрены, что Примъ принялъ свои мѣры, чтобы *провести* свою жертву, какъ сдѣлалъ это Кавуръ раньше и вполсѣдствіи Бисмаркъ.

Какъ бы тамъ ни было, а только Примъ, вопреки договору, ссылаясь на близость къ театру дѣйствій острова Кубы, постарался высадиться въ Вера-Круцъ ранѣе французовъ. Есть неопровержимыя доказательства, что онъ мечталъ сдѣлаться диктаторомъ,

регентомъ и, кто знаетъ, можетъ быть императоромъ Мексики. Онъ самъ организоваль оваціи, которыя ему дѣлались со всѣхъ сторонъ. Онъ приказаль встрѣчать свою жену съ барабаннымъ боемъ; солдаты должны были воздавать ей царскія почести. Любопытнѣе всего, что онъ въ своей палаткѣ редактировалъ и печаталъ свой Мониторъ— „Эхо Европы“, въ которомъ появлялись подобныя отрывки:

„Есть личности, съ именами которыхъ связана великая судьба народовъ. Личность и имя донъ-Жуана Прима служатъ символомъ этой экспедиціи... Въ немъ мы имѣемъ благороднаго, великаго предводителя, котораго греки и римляне возвысили бы въ рангъ боговъ, — героя, который въ средніе вѣка сталъ бы основателемъ новой королевской династіи... И, рисуя его портретъ, Гомеръ сравнилъ бы его съ божественнымъ Марсомъ“...

Всѣ эти выходы выводили изъ себя Форэ и Дюпена, которые не прочь бы повторить ихъ надъ своими собственными особами. Они рѣшились положить этому конецъ, и въ одинъ прекрасный день ринулись на казармы, занимаемыя испанскимъ отрядомъ, сорвали съ нихъ кастильское знамя и замѣнили его императорскимъ. Примъ, хорошо понимая, что сила не на его сторонѣ, счелъ за лучшее ретироваться, но сдѣлалъ это самовольно, не получивъ разрѣшенія своей государыни. Онъ отправился въ Испанію и встрѣченъ былъ тамъ опять съ такимъ же торжествомъ и шумомъ, съ какимъ его встрѣчали послѣ марокской побѣды. Онъ такъ умѣлъ эксплуатировать въ свою пользу ненависть, зависть и старые счеты испанцевъ съ французами, что, не смотря на то, что онъ самовольно, безъ всякой разумной причины оставилъ своего союзника въ самомъ началѣ предпріятія, среди постоянно возрастающихъ опасностей, — не смотря на все это, его все-таки сочли спасителемъ отечества. Результатомъ дѣйствій Прима была холодность, водворившаяся между тюльрійскимъ и мадридскимъ кабинетами, къ счастью Испаніи и Франціи не измѣнявшаяся до послѣдняго времени.

Въ этотъ промежутокъ времени Испанію управляли: Конха, шпага четвертая, и Серрано, шпага пятая; пришла пора Приму стать шестой

шпагой. Въ свою очередь и на его долю выпало благоволеніе королевы; но онъ былъ слишкомъ капризенъ, слишкомъ дерзокъ, чтобы его господство могло долго продолжаться: онъ видѣлъ, что милости королевы вмѣсто него обращаются на другихъ. Онъ разсердился и, съ обычной своей самоувѣренностью, рѣшился дѣйствовать. Чего онъ не могъ завоевать своими манерами и образомъ поведенія, онъ захотѣлъ взять силою оружія. Онъ опять схватился за прогрессистовъ и поднялъ знамя бунта противъ своей государыни, но потерпѣлъ совершенное пораженіе; въ первый разъ онъ былъ разбитъ О Доннелемъ, во второй Нарваецомъ. Эти оба пораженія много понизили его въ общественномъ мнѣніи людей, уважающихъ только тѣхъ, кому везетъ счастье. Есть такіе субъекты даже и теперь, которые увѣряютъ, что послѣднее возстаніе только потому удалось, что Примъ прямо въ него не вмѣшивался, а вдали дожидался извѣстія о побѣдѣ. Однакоже, какъ только возстаніе увѣичалось успѣхомъ, уже Примъ вѣзжаетъ въ Мадридъ, раздѣляя торжество Серрано, и глупцы опять кричатъ: „Да здравствуетъ Примъ! да здравствуетъ свобода!“ И вновь судьбы Испаніи входятся въ рукавъ этого плута.

Сдѣлавъ историческій очеркъ политической карьеры Прима, мы спрашиваемъ себя съ изумленіемъ: „Какимъ образомъ этотъ мошенникъ пользуется такой безконечной популярностью?“. Для объясненія этого факта мы можемъ представить только весьма несовершенныя причины. Это потому, что Примъ представляетъ собою въ самой высшей степени національный типъ испанца, скажемъ мы. Каждый испанецъ узнаетъ въ немъ самого себя, узнаетъ себя, какъ въ хорошихъ сторонахъ его характера, такъ и въ дурныхъ. Примъ вышелъ изъ ничего—естественная причина, чтобы массы его обожали. Онъ воръ, но онъ богатъ. Онъ грабитель, но онъ щедро расточаетъ награбленное. Онъ жестокъ, но онъ храбръ до самозабвенія. Онъ имѣетъ низкую душу, но его честолюбіе безпредѣльно. Онъ измѣнникъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрый малый. Онъ никогда не говоритъ правды, но блещетъ остроуміемъ. Но всего этого было бы недостаточно, еслибы Примъ, испанскій Мюратъ, какъ его называютъ, — не былъ въ тоже самое время образцомъ кастильскаго самохвальства и ката-

лонскаго чванства. Испанецъ прежде всего хвастунъ; онъ удивляется лгуну, который умѣетъ лгать лучше, чѣмъ онъ; онъ любитъ родомонтады; онъ готовъ восхищаться всякимъ нелѣпымъ самохвальствомъ, лишь бы оно было грандіозно и торжественно. Примъ, — достойнѣйшій представитель типа хвастунишекъ, — вполне достоинъ командовать арміей скомороховъ!

Разумѣется, пока еще мы не можемъ сказать, къ чему приведетъ испанская революція, но мы знаемъ уже, что она сдѣлала. Серрано и Дульче, сражавшіеся съ Примомъ, побѣдившіе, преслѣдующіе и изгнавшіе его въ 1866 и 1867 году, находятся съ нимъ теперь, въ 1868 году, въ самомъ тѣсномъ союзѣ. Республиканцы, засѣдавшіе въ революціонной юнтѣ вмѣстѣ съ представителями партій прогрессивной, либеральной уніи и иберійской уніи, — не допустили Прима стать первымъ министромъ, но все же находятся съ нимъ въ согласіи и союзѣ; представители ихъ приняли высокія мѣста: Риверо избранъ меромъ, Мадоцъ назначенъ губернаторомъ Мадрита. Честные, безчестные и благоразумная середина — всѣ дѣйствуютъ согласно, всѣ стремятся къ однимъ результатамъ, и ждутъ избранія, всеобщей подачи голосовъ, учредительныхъ кортесовъ, которымъ и ввѣрятъ свою судьбу. И такъ не станемъ предсказывать, а будемъ лучше ждать, что произойдетъ далѣе! Къ чему черными предсказаніями омрачать удовольствіе, которое испытываемъ мы, получая извѣстіе о ходѣ дѣлъ въ теперешней Испаніи. Къ тому же извѣстно, что дѣятели нынѣшней испанской революціи болѣе всего избѣгаютъ всякихъ сношеній съ Наполеономъ III и зорко слѣдятъ, чтобы изъ сосѣдней страны не были брошены къ нимъ зажигательныя орудія. Еще новая гарантія, что дѣла пойдутъ хорошо!

Бѣдствіе, постигшее восточную часть южной Америки принадлежитъ къ числу такихъ несчастій, которыя трогаютъ и волнуютъ всякаго человѣка, имѣющаго способность мыслить и чувствовать; — къ числу такихъ бѣдствій, о которыхъ съ изумленіемъ и ужасомъ будутъ вспоминать будущія поколѣнія. Оно представляетъ собою новый печальный фактъ, который слѣдуетъ присоединить къ ряду другихъ, всѣмъ извѣстныхъ и наполненныхъ уже легендарными подробностями фактовъ разрушенія Геркуланума, Помпеи и Лиссабона. Жестокое землетрясеніе, продолжавшееся съ 13 по 18 августа, дѣйствовало на пространствѣ отъ южныхъ границъ Перу до сѣверныхъ Эквадора. Тысячи людей—одни говорятъ 30, другіе 60 тысячъ—погибли; города и деревни разрушены, источники превращались въ рѣки, рѣки въ озера, на мѣстѣ городовъ стояла вода. Море, мгновенно удалившееся отъ берега, вдругъ, съ страшною силою хлынуло назадъ, поднялось болѣе, чѣмъ на 70 аршинъ, выступило изъ береговъ и обрушилось на города и деревни, стоявшіе по берегу. Оно стремилось впередъ съ силой локомотива и уносило съ собою все, что встрѣчалось на пути; ужасная волна разбивала самыя скалы; корабли были выброшены на берегъ, и нѣсколько мачтъ найдено въ трехъ верстахъ отъ берега. Многіе вулканы находились въ дѣйствиіи. Многіе гребни горъ въ Андахъ оторвались и разбились среди вѣчныхъ снѣговъ. И верхнія области атмосферы были освѣщены зловѣщимъ свѣтомъ!

Жакъ Дефрень.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Экономическое движеніе, охватившее всѣ стороны европейской жизни, даетъ себя чувствовать самыми очевидными симптомами больного общественнаго организма. То тамъ, то здѣсь, то въ Англіи, то во Франціи рабочій вопросъ—эта мучительная задача нашего времени—поднимается въ общественномъ сознаніи какимъ-то трагическимъ призракомъ, передъ которымъ безсильны всѣ ухищренія враговъ прогресса и всѣ полумѣры правительствъ. Идея труда и судьба рабочаго дѣлаются главными интересами дня, господствующими фактами въ исторіи народовъ, тѣми великими проблемами, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ весь политическій, административный и религіозный строй европейскихъ обществъ. Какія бы преграды ни полагались развитію этого вопроса, какъ бы далеко ни былъ отсроченъ день его осуществленія, но исторія XIX вѣка всецѣло принадлежитъ ему. Вотъ почему намъ кажутся величайшею глупостію скандальныя выходки официальной и офиціозной прессы, направленныя противъ ассоціацій рабочихъ и вообще противъ всякаго самостоятельнаго стремленія предупредить грозящую катастрофу путемъ мирнаго разрѣшенія этой задачи.

Я не принадлежу къ числу безусловныхъ поклонниковъ всего, что дѣлалось и дѣлается въ рабочихъ ассоціаціяхъ, но я съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за сеансами бернскаго, женевского, лозанскаго и брюссельскаго конгрессовъ, и нашелъ въ нихъ драгоцѣнные матеріалы для изученія современнаго состоянія Европы,

той постоянной и ничѣмъ неотразимой борьбы идей и желаній, которая характеризуетъ настоящій моментъ соціального положенія народовъ. Я буду въ этой статьѣ сдержанъ на размышленія и постараюсь только изложить свои впечатлѣнія съ полной искренностью, не увлекаясь ни похвалами, ни негодованіемъ. Я ручаюсь за непристрастіе, хотя и знаю, что справедливость есть удовольствіе боговъ...

Послѣдняя международная ассоціація рабочихъ происходила въ Брюсселѣ. Нельзя сказать, чтобы она исключительно состояла изъ работниковъ. Кромѣ бельгійцевъ большинство депутатовъ другихъ странъ принадлежало къ такъ называемымъ свободнымъ профессіямъ; тутъ были уполномоченные отъ разныхъ обществъ, клубовъ, собраній свободныхъ мыслителей, масонскихъ ложъ и въ особенности журналовъ. Иначе и быть не могло; для путешествія въ Брюссель нужно было имѣть извѣстныя средства и сколько нибудь свободного времени, а у рабочихъ того и другого мало или вовсе нѣтъ. При всемъ томъ всѣ члены конгресса находились въ тѣсной связи съ рабочимъ сословіемъ и каждый представлялъ собою интересы и потребности той или другой отрасли ремесленного труда.

Представители рѣзко различались между собою. Одинъ былъ защитникомъ швейцарской среды, другой — англійской, третій — парижской, четвертый — ліонской, но господствующимъ элементомъ была бельгійская среда. Около ста депутатовъ представляли, съ официальной стороны, семь главныхъ національностей. И между ними былъ только одинъ вѣмецъ, потому что прусское правительство запретило своимъ добродушнымъ подданнымъ мѣшаться въ иностранныя ассоціаціи; при томъ въ то же самое время ассоціація Лассали собралась въ Нюрнбергѣ, и такимъ образомъ составила отдѣльное совѣщаніе. Не было тутъ и италіянцевъ, которые тогда собрались въ Генуѣ; не было американиста, русскаго, шведа, и одинъ только испанецъ, какой-то инженеръ, присутствовалъ на брюссельскомъ конгрессѣ.

Президентомъ этого международнаго конгресса былъ англичанинъ Юнгъ. Онъ открылъ совѣщанія рѣчью, въ которой напомнилъ, что назадъ тому четыре года нѣсколько французскихъ рабочихъ явились въ Лондонъ и, соединившись съ англійскими рабочими, образовали первую международную ассоціацію. Главной задачей ея было привести въ соприкосновеніе разрозненные элементы многочисленнаго пролетаріата, интересы трудящихся классовъ различныхъ странъ и различныхъ отраслей занятія, поставить лицомъ къ лицу людей, связанныхъ общими цѣлями и желаніями, но разъединенныхъ географическими мѣстностями и непрерывной борьбой капитала съ трудомъ... Чтобы облегчить себѣ эту възковую борьбу и выйти изъ нея если не побѣдителемъ, то менѣе жалкимъ побѣжденнымъ, рабочій долженъ сдѣлаться полнымъ распорядителемъ своего мускульнаго труда и умственнаго сокровища. Только тогда онъ можетъ поставить себя въ независимое положеніе отъ эксплуатаціи патрона и отъ управляющей всей его жизни задѣльной платы. Эта простая мысль, какъ молнія среди темной ночи, озарила умы рабочихъ, и международная ассоціація стала быстро возрастать. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ она распространилась по всей Европѣ и сильнымъ сочувствіемъ отозвалась въ Америкѣ. Американскій пролетаріатъ присоединился къ международной ассоціаціи, и едва не захватилъ въ свои руки законодательной власти, которая теперь принадлежитъ богатой буржуазіи. Буржуа составляютъ ничтожное меньшинство сравнительно съ огромной массой, а по основнымъ американскимъ принципамъ—власть должна принадлежать большинству. Въ Англійи повторилось то же явленіе въ меньшихъ размѣрахъ, и страшная тѣнь Гамлета съ ея *to be or not to be* снова обезпекнула самодовольное дреманіе могущественной аристократіи. Даже въ Италіи, въ странѣ самой отсталой на пути экономическаго прогресса, даже тутъ зародилась и созрѣла идея кооперативнаго труда. Я не настаиваю на томъ, продолжалъ президентъ, чтобы кооперативный трудъ разрѣшалъ социальную проблему, но онъ, при современномъ порядкѣ вещей, можетъ улучшить положеніе рабочаго, поднять его матеріальное благосостояніе и, слѣдовательно, дать ему возможность начать умственное свое развитіе. Рано или поздно эта пассивная и мертвая сила человѣчества должна сдѣлаться живой и самостоятельной силой общественнаго движенія. Теперь нельзя выразить никакими цифрами ту громадную экономическую потерю, которую несетъ Европа, держа рабочіе классы на самомъ низкомъ уровнѣ социальнаго положенія.

Послѣ президента Толэнъ изъ Парижа сказалъ, что французское правительство противодѣйствуетъ всему, что прямо или косвенно вредить его эгоистическимъ стремленіямъ; что двѣ комиссіи по этому вопросу были осуждены — одна подверглась штрафу, другая тюремному заключенію. Но международная ассоціація, убитая во Франціи официальнымъ образомъ, на самомъ дѣлѣ жила и крѣпла въ лицѣ тѣхъ благородныхъ членовъ, которые, стекаясь съ разныхъ сторонъ, принимали участіе во всѣхъ европейскихъ конгрессахъ.

Эти свѣденія объ общемъ положеніи ассоціаціи дополняются отчетомъ, представленнымъ во имя конгресса Дюпономъ изъ Лондона, тѣмъ замѣчательнымъ профессоромъ парижскаго университета, который былъ изгнанъ изъ Франціи переворотомъ 2 декабря. «Ассоціація, сказалъ онъ, приняла довольно широкіе размѣры, и потому не могла не вызвать злонамѣренныхъ доносовъ европейской буржуазіи и враждебной оппозиціи ея подкупленныхъ органовъ. Она вошла въ періодъ борьбы. Французское правительство первое объявило войну этому гуманному и спасительному движенію. Оно конфисковало нашу корреспонденцію, нашъ уставъ и документы лозанскаго конгресса, и возвратило ихъ только благодаря энергическому протесту лорда Стэнли. Потомъ вдругъ, сбросивъ маску. Наполеонъ III попробовалъ было уничтожить международныя собранія рабочихъ посредствомъ полицейскихъ и судебныхъ преслѣдованій. Такимъ образомъ правительство, вышедшее изъ борьбы сословій, увѣнчанной кровопролитными актами іюньскихъ дней 1848 года, принуждено было сдѣлаться официальнымъ защитникомъ буржуазіи и въ тоже время покровителемъ пролетаріевъ. На первый разъ оно хотѣло огривичиться немногимъ. Декларація парижскихъ депутатовъ, читанная на женевскомъ конгрессѣ, была остановлена на границѣ; парижское бюро ассоціаціи спросило о причинахъ. Министръ Руэ согласился пропустить декларацію, если въ ней сдѣлаютъ нѣкоторыя измѣненія. На отказъ парижскихъ членовъ онъ замѣтилъ: «впрочемъ, если вы вставите нѣсколько благодарственныхъ фразъ адресу императора, *оказавшаю столько благодарный рабочимъ классамъ*, то можно посмотреть»... Но г. Руэ и на этотъ разъ потерпѣлъ полнѣйшую неудачу.

«Съ этого времени правительство искало только благовиднаго предлога уничтожить международную ассоціацію, основанную съ цѣлю облегчить тѣхъ самыхъ рабочихъ, которымъ оно, повидному, покровительствовало. Вскорѣ послѣ возстанія феніевъ

вашъ общій Совѣтъ послалъ петицію англійскому правительству, ходатайствуя передъ нимъ за отмѣну наказанія трехъ манчестерскихъ мучениковъ: въ тоже время онъ собиралъ въ Лондонѣ публичные митинги, на которыхъ поддерживались права ирландцевъ. Правительство Наполеона III, заискивающее постоянно благосклонной улыбки со стороны Англии, считало эту минуту самой, благоприятной для уничтоженія международной ассоціаціи. Оно дѣлало ночные обыски, раскрывало частныя письма, арестовало нѣкоторые лица и, наконецъ, съ шумомъ объявило, что въ его рукахъ находится главная нить феніанскаго заговора, органомъ котораго служитъ международная ассоціація. Но всѣ эти трудолюбивые поиски были напрасны; даже судъ не нашелъ въ нихъ никакихъ доказательствъ или достаточнаго повода для преслѣдованія открытаго и всѣмъ извѣстнаго учрежденія международной ассоціаціи. Не успѣвъ въ томъ, чтобы изобрѣсти обвинительный актъ противъ ассоціаціи, какъ тайнаго общества, французское правительство рѣшилось подвергнуть ее суду, какъ недозволенное собраніе болѣе двадцати человекъ. Французскіе судьи, стакнувшись съ полицейской администраціей, поспѣшили закрыть международную ассоціацію и заключили въ тюрьму парижскихъ членовъ ея. Судебная власть была такъ напва, что рѣшилась объявить въ своемъ протоколѣ о несомѣстности имперіи съ ассоціаціей рабочихъ, провозгласившихъ принципами — истину, справедливость и нравственность.

«Послѣ всѣхъ этихъ интригъ и преслѣдованій, ассоціація не только не ослабѣла, но усилилась; только императорскія заботы о рабочемъ людѣ стали ясны въ глазахъ каждаго.

«Но дѣло еще далеко отъ своего окончательнаго результата. Ассоціаціи до сихъ поръ не достаетъ той внутренней живой организаціи, которою связывается общественное тѣло. Формальная сторона, въ сожалѣнію, преобладаетъ надъ сущностью вопроса. И это понятно. Съ одной стороны, недостатокъ умственного развитія рабочихъ мѣшаетъ имъ понимать въ настоящемъ свѣтѣ свои дѣйствительные интересы, а съ другой — многіе члены ассоціаціи, люди, по видимому образованные и честные, вступаютъ въ это общество съ самыми жалкими побужденіями, гоняясь за популярностію, желая блеснуть краснорѣчіемъ, безъ всякаго искренняго сочувствія самому дѣлу. Это рыцари, выѣзжающіе на турниръ не для того, чтобы дѣйствительно бороться, а для того, чтобы помахать мечомъ и шлемомъ и надѣлать какъ можно больше шума. Къ

сожалѣнію, этотъ донъ-вихотскій элементъ почти неизбеженъ, при современномъ политическомъ безсиліи партій, въ популяризаціи каждаго великаго вопроса. Какъ ни бесполезны эти крикуны для прогресса идеи, но и ихъ силами можно воспользоваться во благо, если управляютъ ими люди умные и серьезные. Такія мысли мнѣ не разъ приходили въ голову, когда я внимательно вслушивался въ парадное краснорѣчіе ораторовъ женевского конгресса и всматривался въ благодушныя фигуры буржуа, затесавшіяся въ кружки рабочаго класса».

Но возвратимся къ отчету мнѣній, выраженныхъ на Брюссельскомъ конгрессѣ.

Лекрафтъ изъ Лондона, одинъ изъ представителей проекта Reforme-League, говорилъ объ Англіи, гдѣ рабочіе должны овладѣть политической властію и измѣнить, сообразно съ требованіями вѣка и большинства, старое законодательство, созданное въ интересахъ одного аристократическаго сословія и его представителей.

Послѣ того всталъ Граліа изъ Женевы, и въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ столкновеніе жадной и тупой женевской буржуазіи съ рабочими классами,—столкновеніе, которое едва не окончилось междоусобной войной. «Безъ поддержки французскаго населенія, сказалъ онъ, мы погябли бы. Насъ было всего 3000 чловѣкъ на площади, противъ насъ почти весь городъ. Но до борьбы мы раздѣлялись на двѣ секціи, а послѣ борьбы на 24-ре.

Перропъ, также изъ Женевы, во имя всѣхъ 24 секцій выразилъ ихъ profession de foi—въ слѣдующей формѣ:

Уничтоженіе международной войны.

Отдѣленіе церкви отъ государства.

Обязательное образованіе для всѣхъ сословій.

Единственный налогъ—на богатство.

Серранъ, фламандскій представитель, высчиталъ съ скрупулезною точностію, какими страшными жертвами сопровождается современная бѣдность рабочаго населенія Европы. Въ парижскихъ женскихъ мастерскихъ изъ десяти работницъ только три доживаютъ до 50 лѣтъ, 4—до сорока, 5 — до тридцати пяти и только 6—до двадцати пяти лѣтъ. Изъ этихъ шести, переживающихъ постоянную и никѣмъ незамѣчаемую эндемію, свирѣпствующую между рабочими классами, не больше двухъ пользуются полнымъ здоровьемъ, а остальные страдаютъ чахотками и нервнымъ расстройствомъ. Изъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ вмѣстѣ съ матерями и отцами, доживаютъ до двѣнадцатилѣтняго возраста

только въ пропорціи 3: 10: т. е. семь жертвъ остаются въ рукахъ смерти, благодаря ненормальному труду и отсутствію гигиеническихъ условій фабричнаго помѣщенія. «Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ проповѣдей говорятъ за тѣ настоятельныя реформы, которыхъ добивается международная ассоціація, заключилъ г. Серранъ».

II.

Покончивъ съ общими взглядами на исторію и значеніе международной ассоціаціи, собраніе перешло къ вопросамъ спеціальнымъ. Первый вопросъ былъ предложенъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Чего должны держаться рабочіе классы въ случаѣ войны европейскихъ государствъ?»

Каталанъ изъ Женевы нарисовалъ самую безотрадную картину человѣческихъ побойщъ, источникомъ которыхъ были мелкія эгоистическія побужденія разныхъ честолюбцевъ. Въ общемъ итогѣ исторической жизни народовъ войны были пагубнѣе для человѣчества, чѣмъ все вмѣстѣ моровыя язвы, страшныя эпидеміи, въ родѣ холеры, чумы и т. п. Потому рабочіе классы должны всѣми силами противодействовать войнѣ. Война и бѣдность, а бѣдность и умственный застой—неразлучные спутники исторіи.

Послѣ Каталана, де-Пепе изъ Брюсселя началъ говорить на ту же тему. Это бѣлокурый маленькій молодой человѣкъ, съ голубыми глазами, подѣ высокимъ круглымъ лбомъ. Такъ какъ онъ съ ранняго возраста выказалъ необыкновенныя способности и трудолюбіе, то буржуа, какъ рассказывали мнѣ, помогли ему пройти курсъ медицинскихъ наукъ съ тѣмъ, что онъ, по окончаніи образованія и съ полученіемъ мѣста, возвратитъ имъ ту сумму, которая была затрачена на его образованіе. Онъ не долго оставался въ долгу, благодаря общему вниманію, обращенному на него, какъ на замѣчательнаго юношу. Еще на лозанскомъ конгрессѣ его замѣтили, какъ даровитаго человѣка, какъ одного изъ самыхъ лучшихъ мыслящихъ людей Бельгіи. Послѣдователь Прудона, онъ не иначе говоритъ, какъ прудоновскими афоризмами и каждымъ своимъ словомъ наноситъ ударъ лицемѣрью и рутинѣ буржуазнаго принципа. Я давно не испыты-

валъ удовольствія слышать такую сплную и прямую рѣчь, привлекательную по своей высокой правдѣ.

Потомъ слово принадлежало г. Гинсу изъ Брюсселя. Онъ прямо обратился къ буржуа:

«Вы мечтали основать вѣчную и мирную республику, вы изгнали короля въ 1848 году и окончили вашу комедію императоромъ 1852 года. Вы рукоплескали девизу: «Имперія это миръ», и превратили ее въ безирерывную бойню, стоившую вамъ милліона людей и двухъ милліардовъ вашего, какъ вы говорите, благопріобрѣтеннаго капитала. Въ концѣ концовъ вы разстроили до того экономическое положеніе всей Европы, что боитесь слышать и видѣть такую ничтожную горсть безоружныхъ людей, какъ международная ассоціація. Вы трясетесь за ваше благостояніе всякій разъ, когда случится какое нибудь событіе, нарушающее вашъ блаженный сонъ. Боже мой! Какое смятеніе, какая свалка идетъ на биржѣ—а это вѣнецъ вашего творчества—когда получается извѣстіе, что политическій термометръ той или другой страны понизился или повысился на одну линію градуса. Ничтожное проигранное сраженіе бьетъ васъ по карманамъ сильнее, чѣмъ нѣкогда какой нибудь великій переворотъ. Что это значить? Откуда эта шаткость вашего положенія, которое вы стараетесь выказать непоколебимымъ? Поймите, наконецъ, что вся ваша финансовая система основывается на игрѣ случайностей и азартной спекуляціи, что весь вашъ экономическій порядокъ искусственно слѣпленъ изъ разныхъ сомнительныхъ предпріятій и не совсѣмъ чистыхъ побужденій. *Выираль* или *проштраль*—вотъ девизъ всей вашей дѣятельности, направленной исключительно къ легкой наживѣ. Нажива, hausse и baisse вашего новаго храма, называемаго биржей, составляетъ все ваше существованіе. Безъ этого вы были бы непонятны и немислимы. Я знаю, что вы и въ душѣ и публично презираете ростовщиковъ—этотъ гнойный и злокачественный струнъ на социальномъ тѣлѣ,—но вы сами тѣ же самые ростовщики, живущіе изо дня въ день расчетомъ на выигрышъ того или другого лоттерейнаго билета. Нынѣшній крезъ между вами завтра оказывается несчастнымъ банкротомъ и нынѣшній банкротъ завтра можетъ, по волѣ глупаго случая, сдѣлаться самымъ почтеннымъ мѣшкомъ золота. Такъ ли это должно быть въ прочномъ и созданномъ на принципѣ справедливости и правственности экономическомъ мірѣ? Нѣтъ,—соціальная жизнь народовъ не можетъ управляться ни случаемъ, ни игрой обстоятельствъ».

Послѣ Гинса англичанинъ Лекрафтъ представилъ конгрессу цифры, заимствованныя изъ официального отчета Ларока *о войнѣ и постоянныхъ арміяхъ*. Общій годовоіи итогъ потерь, соединенныхъ съ современной военной системой, слѣдующій: на содержаніе европейскаго войска расходуется 3 миллиарда; потеря рабочихъ рукъ оцѣнивается въ 3.300 милліоновъ, и 800 милліоновъ составляютъ процентъ на вышеозначенный капиталъ. Все вмѣстѣ равняется болѣе чѣмъ *семи миллиардамъ*. Спрашивается, чему же долженъ раняться этотъ зарытый въ землю капиталъ за послѣдніе сто лѣтъ европейскаго существованія? Не давалъ ли онъ возможности покрыть всю поверхность земнаго шара превосходными школами и университетами и поднять матеріальное благосостояніе рабочихъ на такую высоту, о какой только можетъ мечтать современный человѣкъ? А между тѣмъ война, поглотившая такіа громадныя богатства, кромѣ угнетенія и смерти ничего не принесла Европѣ.

Затѣмъ предложенъ былъ конгрессу вопросъ объ устраненіи между буржуазіей и рабочими классами стольковеній. «Столкновенія эти, сказалъ женевскій публицистъ Грала, съ каждымъ годомъ увеличиваются и будутъ увеличиваться, пока капиталистъ одинъ останется судьей индустріальныхъ вопросовъ». Онъ думаетъ, что соединеніе городовъ, населенныхъ рабочими классами, и ремеслъ въ международной ассоціаціи, уполномоченной правомъ посредника или, по крайней мѣрѣ, въ центральныхъ кассахъ, какъ въ коллективномъ орудіи матеріальной силы, противопоставить дѣйствительный отпоръ тѣмъ притѣсненіямъ, которыя систематически организованы патронами противъ рабочаго пролетаріата, такъ что борьба капитала съ трудомъ есть неизбежное слѣдствіе этой системы. Противоположность интересовъ этихъ двухъ сословій породила ненависть между народомъ и буржуазіей и разъединила ихъ такъ, что они не могутъ не дѣйствовать во вредъ одинъ другому. Откуда бы это ни шло, со стороны патрона или рабочаго, но каждый старается увеличить свое счастье на счетъ несчастія другого. Этотъ вѣчный, явный или замаскированный антагонизмъ искажаетъ всѣ экономическія отношенія современной жизни, онъ вооружаетъ производителя противъ потребителя, создаетъ искусственныя цѣнности на рынкѣ, произвольно оцѣниваетъ трудъ, обезображиваетъ законъ спроса и предложенія и возбуждаетъ недовѣріе и принужденіе тамъ, гдѣ необходимы довѣріе и взаимность.

«Теперь у рабочаго единственное средство защиты отъ притѣсненія капиталиста, вознаграждающаго по своей доброй волѣ двѣ-

надпятнадцатичасовой трудъ фабричнаго раба, есть стачка, т. е. несправедливость противопоставляемая другой несправедливости. Но несправедливая въ принципѣ, стачка въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлается неизбежной необходимостью и даже временнымъ правомъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ она можетъ спасти достоинство рабочаго, когда патронъ намѣревается вмѣшиваться въ его частную жизнь и въ образъ его дѣйствій для улучшения своего положенія. Примѣромъ можетъ служить стачка бронзовщиковъ въ Парижѣ. До извѣстной степени она можетъ возстановить равновѣсіе закона предложения и спроса, когда патроны, понижая заработную плату, доводятъ до минимума стоимость продукта. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы стачка была рациональной мѣрой. Она на войну отвѣчаетъ войной, и возбуждаетъ еще болѣе тотъ антагонизмъ, который искажаетъ взаимныя отношенія рабочихъ и капиталистовъ. Въ заключеніе конгрессъ остановился на томъ, чтобы международная ассоціація соединила въ себѣ всѣ законныя мѣры для защиты правъ трудящагося человѣка, гдѣ бы онъ ни былъ и въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился. А для этого правильно организованныя общества, какъ отдѣльныя вѣтви ассоціаціи, основанныя на самой широкой солидарности взаимныхъ интересовъ, представляютъ пока единственное полезное учрежденіе.

III.

Третіе засѣданіе конгресса было посвящено обсужденію «Вліянія машинъ на положеніе рабочаго класса».

Секція бруссельскихъ представителей прочитала спеціальнй трактатъ по этому вопросу, довольно, впрочемъ, отвлеченный и потому утомительно-скучный, но у меня остался въ памяти слѣдующій отрывокъ:

«По мнѣнію Араго, кусокъ угля, сожженный въ корнуальской печкѣ, производитъ трудъ 20-ти человѣкъ, работающихъ 10 часовъ. Но такъ какъ этотъ кусокъ стоитъ 90 сантимовъ, то промышленникъ можетъ понизити цѣну 200-часовой работы до 90 сантимовъ, т. е. менѣе чѣмъ въ пять сантимовъ день десятичасовой работы. Такимъ образомъ въ одной Англій паровыя машины совре-

шаютъ трудъ отъ 30—35 милліоновъ рабочихъ человѣческихъ силъ. Отсюда понятна и до сихъ поръ неисгладившаяся ненависть рабочаго противъ машины».

Представители Льежа, развивая ту же самую тему, утверждали, что всѣ бѣдствія современнаго пауперизма есть результатъ этого ужаснаго изобрѣтенія, которымъ овладѣли эксплуататоры противъ эксплуатируемыхъ. Машина, оказавшаяся величайшей механической силой нашего времени, въ рукахъ капиталиста сдѣлалась новымъ орудіемъ угнетенія большинства въ пользу меньшинства, и только тогда будетъ социальнымъ благодѣяніемъ, когда сдѣлается достояніемъ рабочихъ ассоціацій.

Молодой Горнъ, возражая противъ принципа, высказалъ мнѣніе, что ненависть рабочихъ противъ машиннаго производства есть обыкновенная близорукость людей, непривыкшихъ анализировать социальныя явленія въ строгомъ логическомъ порядкѣ. Очевидно, здѣсь смѣшивается причина съ дѣйствіемъ, результатъ съ фактами. Мы знаемъ, что желѣзныя дороги для такихъ бѣдныхъ странъ, какъ Испанія, были величайшимъ зломъ, но желѣзныя дороги тутъ ничѣмъ не виноваты. Сами по себѣ онѣ всегда хороши и полезны, но тамъ, гдѣ промышленный застой не благопріятствуетъ имъ, онѣ могутъ служить источникомъ не обогащенія и удобства, а бѣдности и угнетенія... То же самое и съ машинами. Онѣ дѣйствительно увеличили бѣдность и лишенія рабочихъ классовъ, но за то распространили благосостояніе между всѣми народами земнаго шара. Понизивъ цѣну ручнаго труда, они сдѣлали доступными многія удобства жизни въ самыхъ низшихъ слояхъ общества. Эта неотъемлемая сторона ихъ міровой полезности. И если онѣ вредятъ рабочему, то что же теперь не вредитъ ему, благодаря дурной организаціи труда и его отношеній къ капиталу. Но въ ожиданіи лучшей организаціи, было бы неблагоприятно отказаться отъ такого великаго изобрѣтенія, какъ паровая машина; и отъ какого бы изобрѣтенія не пришлось отказаться только потому, что оно не можетъ само собою исправить экономическихъ условій нашей жизни. Поэтому поддерживать подобные предрасудки въ рабочемъ классѣ—значитъ отводить ему глаза отъ истинныхъ причинъ его положенія на предметы побочныя и неимѣющіе никакого значенія.

Съ другой стороны, буржуазнымъ экономистамъ было выгодно поддерживать этотъ предрасудокъ, представляя машину въ глазахъ невѣжественнаго рабочаго люда чѣмъ-то въ родѣ апокалиптичес-

скаго чудовища. Между тѣмъ разрѣшеніе проблемы очень просто. Нужно, чтобы рабочій не былъ скованъ какой нибудь спеціально-стію труда, какъ это мы видимъ теперь, чтобы онъ не посвящать всей своей жизни вытачиванію какого нибудь гвоздика, а былъ бы въ состояніи заниматься двумя или тремя различными ремеслами. Если бы мастерская была устроена на началахъ кооперативнаго труда, то машины были бы благодѣяніемъ для всякаго и въ особенности для рабочаго, но кооперація, особенно умная и сильная средствами, не пользуется сочувствіемъ эконоμισговъ, которые пишутъ свои скучные трактаты для буржуа, продаютъ ихъ также буржуа и вообще на ихъ деньги существуютъ. Но и рабочіе не могутъ простить коопераціи за то, что она не улучшаетъ ихъ положенія съ быстротою молніи; они хотѣли бы, чтобы кооперація изливала на нихъ золотой дождь, безъ всякаго нравственнаго и умственнаго участія ихъ въ ея социальномъ прогрессѣ.

О воспитаніи высказаны были на конгрессѣ мнѣнія самыя противуположныя, но всѣ были согласны съ тѣмъ, что воспитаніе должно быть общее, т. е. научное, художественное и ремесленное, однимъ словомъ каждый долженъ получить полное образованіе. Одни желали, чтобы оно было даровое, обязательное и, стало быть, организованное государствомъ; между тѣмъ какъ другіе требовали, чтобы оно отнюдь не было ни даровое, ни обязательное, и ни въ какомъ случаѣ, не зависѣло бы отъ государства, а было бы вполнѣ предоставлено общественной инициативѣ. Ораторы, каждый сообразно своему индивидуальному взгляду, были кто за обязательное образованіе, кто противъ него. Но всѣ они, какія бы мнѣнія ихъ ни были, были выслушаны съ одинаковымъ восторгомъ, и одинаково рукоплескала имъ аудиторія изъ четырехъ или пяти сотъ членовъ. Являлись они съ мнѣніями заранѣе установившимися, говорили отъ имени своихъ друзей изъ Женевы, Льежа или Руана, ни мало не заботясь о противуположныхъ мнѣніяхъ, говорили на фламандскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ языкѣ и равно шумно были одобряемы.

Въ одномъ, и только въ одномъ пунктѣ сошлись ораторы всѣ безъ исключенія: въ ненависти къ католическому духовенству, которое всего менѣе расположено въ пользу народнаго просвѣщенія. «Религія и глубокое невѣжество для католика сдѣлались синонимами, точно также, какъ трудъ и бѣдность для хищнаго бур-

жуа», сказалъ вице-президентъ, и рукоплесканія заглушили его слова.

Изъ бруссельскаго отчета, очень хорошо написаннаго, и принятаго илеями Конта, но заключающаго въ себѣ много лишняго, мы приведемъ только немногія строки:

«Каждый лекарь долженъ прежде всего быть больничнымъ слугою, каждый инженеръ—работникомъ.

«Торжество специалистовъ зависитъ единственно отъ невѣжества другихъ людей и отъ развитія одной или нѣсколькихъ способностей въ ущербъ остальнымъ.

«То, что мы говоримъ, одинаково относится къ обоему поламъ, Древній мѣръ рѣшилъ вопросъ о соединеніи въ школахъ двухъ половъ отрицательно; новый рѣшилъ его положительно.

«Отъ образованія выигрываетъ общество, а не отцы семействъ; справедливо стало быть, чтобы общество и платило за воспитаніе. Общественное образованіе имѣетъ общественный интересъ, значитъ расходы по этому предмету должны стоять на ряду съ другими общенародными расходами».

Представители города Льежа, крайніе прудонисты, не могли говорить о государствѣ безъ священнаго ужаса; отъ одной мысли о томъ, что государство можетъ открыть первоначальную школу, или университетъ, у нихъ становились дыбомъ волосы.

«Дитя, посылаемое въ школу, непременно сдѣлается со временемъ юнымъ рабочимъ, и непременно будетъ служить всѣми силами интересамъ и безопасности власти; но мы хотимъ не того: намъ нужны работники образованные и въ то же время свободные.

«Подумали-ли хорошенько тѣ, которые желаютъ взвалить на государство тяжесть народнаго воспитанія? Что будетъ, если государство сдѣлается разсадникомъ всякаго образованія и даже, какъ нѣкоторые предлагаютъ, судьей о призваніяхъ? Если молодые люди будутъ воспитываться государствомъ, науки будутъ преподаваться государствомъ, и государство же будетъ избирать каждому профессію? Государство—врачъ, государство—каменьщикъ, или плотникъ, или земледѣлецъ, оно всему учитъ, всѣхъ воспитываетъ по своей мѣркѣ, всѣмъ даетъ одну волю, одинъ взглядъ на вещи—развѣ все это сообразно съ развитіемъ свободного человѣка и способнаго работника?

«Представляя смѣту о томъ, сколько бы могло стоять государству народное воспитаніе, мы получимъ для Франціи сумму

въ тысячу шестьсотъ милліоновъ, для Бельгіи въ 150 до 200 милліоновъ. Спрашивается, гдѣ правительство при теперешнемъ состояніи дѣлъ можетъ взять такую сумму ¹⁾)?

«Выходитъ, что воспитаніе на государственныя деньги вовсе не даровое—напротивъ, оно обходится гораздо дороже.

«Съ точки зрѣнія справедливости мы не вправе обязывать къ воспитанію.

«Съ точки зрѣнія просто человѣчной, такая обязательность разрушаетъ всякую свободу личности».

— Самый разумный, самый дѣльный и прогрессивный отчетъ былъ женеvскій. Не смотря на то, а можетъ быть и потому имено, что онъ составленъ въ образованнѣйшемъ городѣ Европы, онъ видитъ повсюду невѣжество, и, считая его причиной большей части нашихъ бѣдъ и несчастій, признаетъ всѣ средства для уничтоженія невѣжества законными. Конечно, не женеvскіе республиканцы станутъ бояться, какъ бы государство не вздумало вмѣсто постройки тюрьмы заняться учрежденіемъ школъ.

«Такъ какъ нація прямо заинтересована въ судьбахъ потомства, то обязательность образованія всякаго рода вполне законна: это мѣра для общаго блага, для общаго порядка.

«Мы считаемъ необходимымъ допустить не только даровое воспитаніе, но даже тотъ принципъ, что государство должно давать полное содержаніе всей молодежи во все время ея воспитанія и образованія.

«Безъ этой мѣры нѣтъ никакой возможности улучшить общественный бытъ.

«Республиканская форма правленія не уничтожаетъ пауперизма—посмотрите на Швейцарію! Посмотрите, наконецъ, свободны ли матеріально или хоть умственно люди въ американскихъ Соединен-

¹⁾ Эта цифра, впрочемъ, не ужасаетъ насъ настолько, насколько думали ужаснуть ею добродушные представители Льежа: освободись Франція отъ тяжести своего государственнаго долга, отъ всѣхъ церковныхъ расходовъ, отъ девяти десятыхъ расходовъ по содержанію бюрократической машины, наконецъ—особенно отъ военныхъ издержекъ, и тысяча шестьсотъ милліоновъ для того, чтобы дать полное научное и ремесленное образованіе всѣмъ дѣтямъ Франціи, не покажутся такими страшными. Если бы Франція тала теперь въ дѣлъ народнаго воспитанія на уровень Нью-Йорка и Массачусетса, то должна бы была издерживать восемьсотъ милліоновъ.

ныхъ штатахъ, гдѣ государство освободилось отъ всякаго вліянія духовенства.

«Развился ли народъ въ Швейцаріи, въ этой древней республикѣ болѣе, нежели въ странахъ монархическихъ? Многіе такъ думаютъ, но какъ велико ихъ заблужденіе! Эти гордые республиканцы—такъ зовутъ насъ тѣ, которымъ наша жизнь извѣстна только по рассказамъ швейцарскихъ историковъ, невыносимо напыщенныхъ и столько же пустыхъ, — эти гордые республиканцы, даже въ такъ называемыхъ образованныхъ кантонахъ, рабы аристократіи всевозможныхъ цвѣтовъ и формъ. Развѣ эти свободные люди не рабствуютъ передъ пасторомъ, не уважаютъ шовенизмъ, не увлекаются славой точно также, какъ послѣдній подданный Франціи? Развѣ въ Швейцаріи меньше, чѣмъ въ любомъ монархическомъ государствѣ, бѣдности? Развѣ въ Швейцаріи меньше нужны, чѣмъ, напр., въ Пруссіи, мрачныя тюрьмы? Развѣ въ послѣднее время жители мелкихъ кантоновъ не настаивали на сохраненіи тѣлесныхъ наказаній и на изгнаніи изъ ихъ территоріи евреевъ?..

«Примѣровъ множество, но мы ограничиваемся тѣми, которые до сихъ поръ нами приведены, такъ какъ и ихъ достаточно для доказательства, что уничтоженіе постоянныхъ армій и республиканская форма правленія вовсе не составляютъ еще положительнаго прогресса.

«Тоже самое скажемъ мы тѣмъ свободнымъ мыслителямъ, которые требуютъ отдѣленія церкви отъ государства: мы думаемъ, что вопросъ отдѣленія церкви не устраняетъ другихъ вопросовъ, такъ какъ въ немъ нѣтъ ихъ рѣшенія; мы даже представили доказательство нашего мнѣнія въ примѣрѣ Соединенныхъ штатовъ Америки.

«Такимъ образомъ пока масса не выучится читать и писать, пока громадное большинство работниковъ не знаетъ не только сущности экономического вопроса, но даже его существованія, экономическій переворотъ слишкомъ труденъ, если не совершенно невозможенъ.

«Пауперизмъ въ сущности есть результатъ экономического образованія, предоставленнаго однимъ привилегированнымъ классамъ, образованія, которое дѣлаетъ изъ учащихся какую-то высшую расу, а въ глазахъ этой расы господство надъ невѣжественной массой и управленіе ею является совершенно естественнымъ, совершенно справедливымъ, законнымъ и необходимымъ.

«Дайте каждому полное научное образованіе, и всѣ формы господства политическаго, религіознаго и финансоваго исчезнуть».

Женевцы имѣютъ только первоначальное образованіе даровое, на счетъ государства; образованіе же въ университетѣ доступно вслѣдствіе платы за него, только достаточному мѣщанству.

«Теперь плата за ученіе, которую въ состояніи вносить только привилегированные классы, не покрываетъ издержекъ по общественному образованію, издержекъ—которыя должно покрывать все общество, т. е. всѣ граждане безъ исключенія.

«Несправедливость чудовищная, но это еще не все: это высшее образованіе, которое получаютъ только тѣ, кто въ состояніи платить за него, создаетъ такой классъ гражданъ, который, по умственному развитію стоя выше остальныхъ гражданъ, необходимо господствуетъ надъ ними, такъ какъ подобная система воспитанія держитъ ихъ въ безвыходномъ невѣжествѣ.

«Общество имѣетъ полнѣйшее право дѣлать образованіе обязательнымъ для всѣхъ своихъ членовъ; оставлять воспитаніе дѣтей на произволъ родителей значитъ безконечно замедлять общее развитіе, значитъ отдавать общественное благо на частный произволъ.

«Государство для общаго блага должно заботиться о доставленіи полнаго содержанія учащейся молодежи на все время ея ученія—это для него обязательная общественная услуга.

«Насколько человѣкъ въ силу человѣческаго закона и еще высшаго закона природы не вправѣ убивать свое дитя, настолько же онъ не вправѣ убивать и разумъ своего дитяти невѣжествомъ или ложнымъ воспитаніемъ.

«Отдѣльныя личности имѣютъ право скрываться отъ свѣта, но не имѣютъ ни малѣйшаго права отнимать свѣтъ у дѣтей своихъ.

«Пусть, что хотять говорить и дѣлаютъ враги прогресса, мы же, пока намъ не докажутъ противнаго, считаемъ истинами:

1) Что общественный порядокъ не можетъ установиться, пока образованіе не сдѣлается удѣломъ массы.

2) Что это можетъ быть достигнуто только при обязательности образованія и

3) Что обязательность образованія возможна только при вознагражденіи учащихся во время ихъ ученія».

Заключенія комитета по этому вопросу были не важны:

Признавая, что въ настоящее время невозможно ввести рациональнаго воспитанія, конгрессъ приглашаетъ своихъ членовъ открыть публичныя чтенія съ цѣлью по возможности пополнить недостатокъ образованія, получаемаго рабочими. Само собою разумѣется, что уменьшеніе числа рабочихъ часовъ считается необходимымъ средствомъ для того, чтобы дать время рабочему на его умственный трудъ.

IV.

Если бы Конгрессъ международной ассоціаціи ограничилъ свои пренія тѣмъ, о чемъ мы до сихъ поръ говорили, онъ заслужилъ бы безспорную благодарность,—но никто не удостоилъ бы его серьезнымъ вниманіемъ.—Вдругъ выдѣляются два крупныхъ вопроса, произведшіе громадный скандалъ. На первомъ планѣ вопросъ о взаимномъ кредитѣ между рабочими. Вотъ мнѣнія, выраженные по этому вопросу:

1) Имѣя въ виду, что процентъ на капиталъ, въ какой бы формѣ онъ не представлялся, есть цѣнность, отвятая отъ сегодняшняго труда въ пользу того, кто чужимъ трудомъ обогатился вчера, и что послѣдній, если и имѣетъ право брать, то не имѣетъ никакого права дѣлать это въ ущербъ другимъ.

2) Что, слѣдовательно, процентъ на капиталъ есть постоянный источникъ несправедливости и неравенства, а защитники его очевидно возводятъ отъ индивидуальности къ коллективности принципъ эгоизма, этого разѣдающаго червя современнаго общества.

3) Что политическія и экономическія учрежденія, какъ заемъ съ обезпеченіемъ, и привилегіи, предоставленныя обществамъ капиталовъ—все равно компаніямъ желѣзныхъ дорогъ или страхованія и пр.—увеличиваютъ въ ужасающей пропорціи эксплуататорское свойство процентовъ на капиталъ и выгоды правительствъ и капиталистовъ.

4) Что барышничество доводитъ вліяніе процентовъ съ капитала до послѣдней степени беззавѣстности.

5) Что примѣненіе въ обширномъ смыслѣ рабочими принципа

взаимнаго вспомошествованія есть единственный практическій способъ, съ помощію котораго они могутъ вести борьбу съ денежнымъ феодализмомъ.

Комиссія предлагаетъ учрежденіе банка съ цѣлю сдѣлать кредитъ демократическимъ и уравнительнымъ, и упростить отношенія между производителями и потребителями, т. е. освободить работу отъ подчиненія капиталу и заставить капиталъ войти въ естественную и законную роль—орудія труда.

Затѣмъ отъ имени брюссельской секціи, съ Гинсомъ и де-Сепэ во главѣ, были прочтены уставы Народнаго Банка, по системѣ Прудона. Въ этихъ уставахъ отмѣняется процентъ, потому что хоть онъ оффиціально и признается только обезпеченіемъ риска и участіемъ въ выгодѣ капитала, но онъ ничто иное, какъ ростовщичество; не допускаются и банковые билеты: все что можно сказать въ ихъ пользу—это то, что ихъ, какъ золото и серебро, можно принимать на время, какъ условную монету.

Надобно было видѣть, какъ все это слушалось. Здоровенный мужчина съ красивымъ лицомъ, съ широкими плечами — идеальнаго здоровья, силы и смѣлости—предсталъ предъ лицомъ публики съ кулакомъ у рта. Громовымъ голосомъ объявилъ онъ уничтоженіе гипотечныхъ долговъ, произнесъ аминь осужденному имъ на смерть позорному проценту, прочелъ правила Банка, какъ прочелъ-бы какой-нибудь военачальникъ военный законъ передъ наэлектризованной толпой. Впрочемъ, эта театральная выходка удалась совершенно: она была встрѣчена громкими одобреніями. Потомъ попросили публику разойтись, такъ какъ было уже поздно, и люди разумные, желавшіе блага международной ассоціаціи, ушли взволнованные и безкураженные. Живо чувствуя, что экономическая революція ищетъ точки опоры, они были-бы очень счастливы—найти ее въ международной ассоціаціи рабочихъ, какъ главномъ органѣ соціального движенія Европы. Но, къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ, между членами ея есть много донъ-кихотовъ, которые прерываютъ спокойныя и о глубоко-поучительныя совѣщанія нелѣпыми и театральными выходками. Стрась этихъ донъ-кихотовъ—запугиваніе буржуазіи, особенно буржуазіи либеральной, которую они ненавидятъ гораздо болѣе, нежели буржуазію реакціонную. Если либералъ позволитъ себѣ сказать имъ какой-нибудь упрекъ, они отвѣчаютъ ему свистками и, вмѣсто ободренія, повторяютъ слова Прудона: «Мы тебя заставимъ лопнуть какъ изжарившуюся на солнцѣ»

лягушку». Въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ идетъ дѣло о народѣ, мы какъ-то фатально находимся въ томъ положеніи, въ какомъ были послѣ іюня 1849 года, и Бонапартъ намъ менѣе ненавистенъ, чѣмъ Кавеньякъ.

Это особенно вѣрно относится къ французско-бельгійскимъ прудонистамъ. Что касается англо-нѣмецкихъ представителей, то они были опечалены и даже смущены: они хотѣли во что бы то ни стало освободить отъ отвѣтственности ассоціацію, невольно скомпрометированную шутовскими фарсами. Но когда ракеты, пущенныя въ воздухъ, полопались и ничего не оставили по себѣ, кромѣ дыма и вони, когда все успокоилось, — рядомъ со мною сидѣвшій, молодой человекъ изъ Берна, всталъ и, инстинктивнымъ жестомъ указывая на толпу рабочихъ, произнесъ выразительнымъ голосомъ: «имъ нужно хлѣба, а не блестящихъ и трескучихъ фразъ, имъ нуженъ правильный человѣческій трудъ; а не праздная игра въ теоріи; имъ нуженъ твердый и свѣтлый практическій умъ, а не мечты умственного аристократизма».

Затѣмъ Эккаріусъ, секретарь общаго лондонскаго совѣта, протестовалъ отъ имени рабочихъ Англій, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки противъ экономическихъ тенденцій франко-бельгійцевъ. «Вы враги государства; мы не враги его. Для насъ идеальное государство ничто иное, какъ центръ идеальнаго общества. Вы смотрите на государство, какъ на нѣчто противное высшимъ интересамъ общества, вы отнимаете у государства кредитъ, банкъ, воспитаніе, желѣзныя дороги, общественныя работы. Мы, напротивъ, желаемъ, чтобы оно ихъ приняло на свой счетъ и содѣйствовало ими человѣческому прогрессу. Дѣлайте же у себя что вамъ угодно, но мы не намѣрены слѣдовать вашимъ заблужденіямъ. Отдѣляйтесь, если вамъ угодно, отъ государства. Мы же намѣрены идти съ нимъ и совершенствовать его».

Послѣ Эккаріуса явился на трибунѣ Тартаретъ—парижскій работникъ, одинъ изъ основателей первоначальнаго общества взаимнаго кредита. Онъ сталъ защищать свое учрежденіе. «Мы—работчіе—народъ не слишкомъ ученый; мы желаемъ поменьше теоріи и побольше практики. Не забудьте того, что непосредственное и внезапное уничтоженіе процента на капиталъ, если бы оно и было возможно, произвело-бы общій застой въ промышленномъ мірѣ, передъ которымъ поблѣднѣли бы всѣ ужасы 93 года». Послѣ этого онъ кашлянулъ и ушелъ. Тогда явился студентъ, журналистъ, длин-

ный Лонгъ. Ему запрещенъ въѣздъ на бельгійскую территорію, но брюссельская полиція не испугала его. Онъ взлетаетъ на трибуну, гдѣ его богатые волосы, его высокій ростъ, красивыя руки, жакетъ изъ чернаго, немного потертаго бархата производять неописанный эффектъ; звучнымъ голосомъ, съ величественными жестами дѣлаетъ онъ нападеніе на бѣднаго Тартарета: «Граждане! Почтенный господинъ Тартаретъ боится застоя, т. е. онъ боится переворота, а мы его желаемъ во имя правды и блага всего человѣчества. Практика не наше дѣло. Возвѣстимъ только наши идеи: онъ сами проложуть себѣ дорогу. Великія дѣла не обходятся безъ переворотовъ, — и новое не создается безъ разрушенія стараго.»

Нѣмецъ Гессъ отвѣчаетъ на это великолѣпнѣйшими идеями въ духѣ Эккаріуса. «Много кричатъ объ уничтоженіи капитала и процентовъ, думая уничтожить ихъ въ 24 часа; много также кричатъ объ учрежденіи народнаго банка, который, увѣряють насъ, долженъ спасти міръ. Но ни одинъ рабочій не хочетъ даже слышать объ этомъ; что же касается насъ, то мы знаемъ, что еще до 1848 года эта идея была опровергнута нашимъ другомъ Карломъ Марксомъ въ его брошюрѣ *Misère de la Philosophie* (бѣдность философіи), написанной въ отвѣтъ Прудону на его *Philosophie de Misère* (философія бѣдности)». Все это было произнесено слабымъ голосомъ, едва выходящимъ изъ разбитой груди.

Парижанинъ Толень дѣлаетъ предложеніе противъ денежныхъ скоповъ и выводитъ отсюда уничтоженіе процента. Ясная и чистая рѣчь его не выдерживаетъ однако критики; Шэвъ, англичанинъ, ризвиваетъ идеи Эккаріуса и Гесса, но съ меньшею ясностью, и голосомъ почти вовсе неслышнымъ. Я былъ надъ сценой, на хорахъ въ первой галлерей, я не проронилъ ни одного жеста членовъ собранія, но, сознавая невозможность разслышать рѣчь Шэва, я совсѣмъ пересталъ слушать его. Дѣло здраваго смысла было окончательно потеряно. Молодые люди, стоявшіе около меня, хототали надъ охрипшими крикунами, которые ужъ не могли говорить, а только ворчали. Боже милостивый! Какъ они измучились! Между тѣмъ является брюссельскій гражданинъ Бризюре, тотъ самый который назывался механическимъ композиторомъ. Онъ сложенъ такъ, что не побоятся схватить волка за хвостъ, легкія у него какъ кузнечныя мѣха. «Товарищи! все это пустяки! Если мы довѣримся фантастическому банку, то какой булочникъ будетъ у насъ принимать билеты изъ кассы этого банка. Намъ совѣтуютъ не

основывать общества сопротивленія, общества взаимнаго кредита, потребленія, производства, но намъ предлагаютъ взаимѣнъ всего этого содѣйствіе народнаго банка. Мы этого не ожидали: мы составили себѣ общество для покупки муки, и такимъ образомъ сберегли восемь франковъ на каждомъ кулѣ; я бы желалъ, чтобы и вы поступили также, какъ мы, и у-васъ было бы въ карманѣ восемь франковъ лишнихъ».

Бризюре имѣлъ самый сильный голосъ, — Бризюре былъ правъ. На него посыпалась цѣлая буря аплодисментовъ, браво, и еще браво, и третье браво. «Долой даровой кредитъ и народный Банкъ!»

Послѣ бурнаго совѣщанія, перемѣшаннаго разными комическими выходками, наступило разумное обсужденіе вопроса о распространеніи строго-реальнаго образованія въ средѣ рабочихъ классовъ. Отъ общихъ взглядовъ скоро перенли къ спеціальнымъ задачамъ. Горнъ, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ классической рутины, бросилъ свѣтъ на этотъ вопросъ со всѣхъ его сторонъ и предложилъ основать въ одномъ изъ промышленныхъ центровъ образцовую реальную школу. Главнымъ стремленіемъ этой школы должно быть противодѣйствіе, въ элементарномъ образованіи, тѣмъ жалкимъ предрассудкамъ и суевѣріямъ рабочей массы, въ которыхъ ее держитъ недобросовѣстная политика обскурантовъ. «Все первоначальное ученіе этой школы, говорилъ Горнъ, должно быть направлено къ тому, чтобы каждый вопросъ и отвѣтъ учащихся пробуждалъ ихъ мысль и очищалъ ее отъ ложно-привитыхъ понятій. Естественныя науки, въ этомъ отношеніи, даютъ могущественное орудіе, и имъ должно быть отведено первое мѣсто въ программѣ элементарнаго курса, Что же касается высшаго образованія, то оно должно идти двумя параллельными путями — спеціально-техническаго воспитанія, необходимаго каждому работнику и образованія въ немъ общечеловѣческаго. Такимъ образомъ социальная наука должна быть главнымъ органомъ развитія въ этой школѣ.» Сообразно этому плану онъ изложилъ подробно самую программу, которая отчасти напоминаетъ Нью-Ланаркъ Роберта Овена.

Два предъидущія совѣщанія поражали прямо въ сердце буржуазію; случай, который мы намѣрены разсказать, сильно огорчилъ друзей либеральной буржуазіи. Брюссельскій конгрессъ поразили бернскій.

Чтобы разъяснить дѣло вовсе не съ цѣлью извинить эту глупость, слѣдуетъ припомнить, что происходило на бывшемъ женевскомъ конгрессѣ *мира и свободы*. Этотъ конгрессъ очень вѣжливо пригласилъ членовъ международнаго конгресса въ Лозаннѣ на свои засѣданія. Лозанскій конгрессъ занимался исключительно экономическими вопросами, женевскій — исключительно политическими. «Мы явима на вашъ конгрессъ» былъ отвѣтъ изъ Лозанны, «но съ условіемъ, чтобы вы признали, что политическій вопросъ зависитъ отъ вопроса социальнаго». Какъ ни былъ страшенъ этотъ отвѣтъ, женевцы остались крайне вѣжливы и приняли гостей изъ Лозанны.

Обстоятельства экономистовъ женевского конгресса, мало симпатизирующихъ пролетаріату и его притязаніямъ, были затруднительныя. Эти несчастные господа, умственное развитіе которыхъ ограничивалось маленькими экономическими катехизисами, созданными господами улицы де-Потье, были очень недовольны, когда нѣсколько членовъ лозанскаго конгресса вошли въ женевскій. Два или три буржуа вздумали считать себя униженными тѣмъ, что имъ пришлось сидѣть рядомъ съ какимъ нибудь неизвѣстнымъ портнымъ. Дѣйствительно, портной-коммунистъ сидѣлъ рядомъ съ ними. Это было причиной горькихъ упрековъ и очень непріятной полемики въ нѣсколькихъ журналахъ работниковъ; случай этотъ, разбудившій законную щекотливость, привелъ къ беззаконной злобѣ. Бернскій конгрессъ союза народовъ былъ продолженіемъ женевского, но хотя большинство его состояло изъ буржуа, — его постоянный комитетъ былъ составленъ съ осторожностью, съ выборомъ. Нѣкоторые изъ членовъ его — самый цвѣтъ мыслящихъ людей нашего времени — также послали братское письмо брюссельскимъ конгрессистамъ.

У парижскихъ прудонистовъ, до сихъ поръ торжествовавшихъ на международномъ конгрессѣ, лежало теперь на душѣ пораженіе, нанесенное имъ въ вопросѣ о различіи между частной и общественной собственностью. Они хотѣли произвести государственный переворотъ и обратиться, послѣ рѣшенія комитета депутатовъ, за рѣшеніемъ къ публикѣ, но попытка не удалась.

Затѣмъ послѣдовало нападеніе на свободную мѣну. Но это была такъ сказать заблудившаяся ракета, которая потрещала немножко и лопнула.

— Наконецъ начался фейерверкъ. Рабочимъ всѣхъ странъ предложено было разъ навсегда заявить свои претензіи на буржуазію, и завести *книгу рабочихъ*, въ родѣ той, какую завела противъ аристократіи буржуазія въ 1789 году.

Гинсъ, производившій на счетъ брюссельскаго отдѣленія изслѣдованія объ убійствахъ въ Шарлеруа, провзнесъ теперь грозную рѣчь, онъ нарисовалъ мрачную картину бѣдности рудокоповъ и жестокости крупныхъ капиталистовъ, на которыхъ эти рудокопы работаютъ.

Послѣ Гинса, одинъ за другимъ, говорили нѣсколько рабочихъ; каждый приводилъ примѣры новаго безстыдства, новой мелочности и новой вражи.

Впечатлѣніе было глубокое и тяжелое. Кто слышитъ одинъ колоколъ, слышитъ только одинъ звонъ; но вѣрьте, что «есть что-то гнилое въ бельгійскомъ государствѣ.»

Надобно немножко знать положеніе Бельгіи, чтобы понять роль, взятую бельгійскимъ отдѣленіемъ международнаго конгресса, и выполненную имъ въ международной ассоціаціи. Бельгія живетъ теперь въ нѣкоторомъ родѣ еще временами Лудовика-Филиппа. Союзъ большихъ собственниковъ и сильныхъ ремесленниковъ даетъ законы. Юридически страна состоитъ изъ 80,000 избирателей, которыми руководятъ 160 депутатовъ, 60 сенаторовъ да съ десятокъ министровъ. Мы не будемъ говорить о королѣ Леопольдѣ II, такъ какъ политическая его роль незначительна. Въ окончательномъ результатѣ, народъ управляется сотнею личностей клерикальных, или либеральныхъ, поклявшихся не уступать своихъ мѣстъ общимъ врагамъ ни при какихъ внутреннихъ раздорахъ. Напрасно радикалы съ 1848 года стали дѣлать попытки нападений—они всегда отступали съ урономъ

Не имѣя возможности разрушить коалицію богатыхъ и сильныхъ, радикалы, наконецъ, оставили поле политики, чтобы сосредоточить всѣ силы на социальномъ вопросѣ; не имѣя силъ дѣйствовать законными средствами, они прибѣгли къ незаконнымъ, и видя невозможность достигнуть реформы, готовятъ революцію. Когда нельзя достигнуть малаго, пробуютъ большое—это правило политики; точно также какъ взрывать крѣпость, когда нельзя взять ея—правило стратегіи.

— Безполезно упоминать о политических намекахъ и декларацияхъ, которые покрывались рукоплесканіями. Ненависть къ клерикальнымъ поползновениямъ и всякимъ притѣсненіямъ — вотъ что переполняло всѣ сердца. Достаточно, если я скажу, что слѣдующій банкетъ созывается въ Баль и, если обстоятельства позволяютъ — въ Парижъ.

Какое же составить мнѣніе о Конгрессѣ международной ассоціаціи рабочихъ?

Во-первыхъ, въ немъ множество хорошихъ и множество дурныхъ сторонъ. Разсматривая отдѣльныя черты его и разсуждая объ нихъ отвлеченно, можно увлекаться ими или хулить ихъ, но въ сущности Конгрессъ нашъ не заслуживаетъ ни слишкомъ большихъ похвалъ, которыми осыпали его разные энтузіасты, ни въ особенности тѣхъ унизительныхъ обвиненій, которыми бросаютъ въ него экономисты, познакомившіеся съ нимъ только чрезъ вторыя или третьи руки, сквозь тусклые и мутные очки.

Будемъ однако помнить пословицу хитрыхъ италянцевъ: «все что позолочено — золото». Международная ассоціація надѣлала много шума, а дѣлать шумъ въ наше время значитъ слѣть сильнымъ, а слѣть сильнымъ значитъ сильнымъ и быть. Рабочіе начинаютъ сознавать свою силу, а сознавать силу значитъ имѣть ее. Впрочемъ надо полагать, что они еще недостаточно развиты для того, чтобы не любить скандаловъ, и не искать извѣстности между врагами, вмѣсто дѣйствительнаго сочувствія друзей. Они еще слишкомъ молоды, слишкомъ неопытны, слишкомъ горячи — добазательствомъ чему служатъ ихъ шалости противъ бернскаго конгресса. Любопытно было видѣть то внутреннее удовольствіе, съ которымъ многіе изъ нихъ играли во Временное Правительство. Здѣсь комитетъ для устройства кредита, тамъ комитетъ для организаціи труда; здѣсь военное министерство, тамъ министерство народнаго просвѣщенія. Всякая организація требуетъ извѣстнаго навыка; но

надо быть слишкомъ непрактичнымъ, чтобы мечтать въ наше время объ устройствѣ кредита, основаннаго на безусловномъ отрицаніи процента, и организаціи труда, основаннаго на уничтоженіи собственности—какія-бы глубокія модификаціи въ движимой или недвижимой собственности не были возможны въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Конечно, намъ только въ половинну не нравится, что они явились назойливыми крикунами. Публика очень уважаетъ тѣхъ, которые начинаютъ плохо. — Мы не можемъ также обвинять ихъ за проявленія гордости—это очень естественно въ молодежи, тщеславіе простиительно начинающимъ.

Но выучатся-ли они чему-нибудь? Они провозглашаютъ уже свое всемогущество, но оставить-ли свои игрушки? И обратится-ли ихъ тщеславіе въ благородную гордость? Будемъ надѣяться.

Эли Реклю.

ПОДПИСКА НА 1869 ГОДЪ.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА,“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ,

ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ, ВТОРНИКАМЪ, ЧЕТВЕРГАМЪ И СУББОТАМЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦЕЮ И. А. АРСЕНЬЕВА.

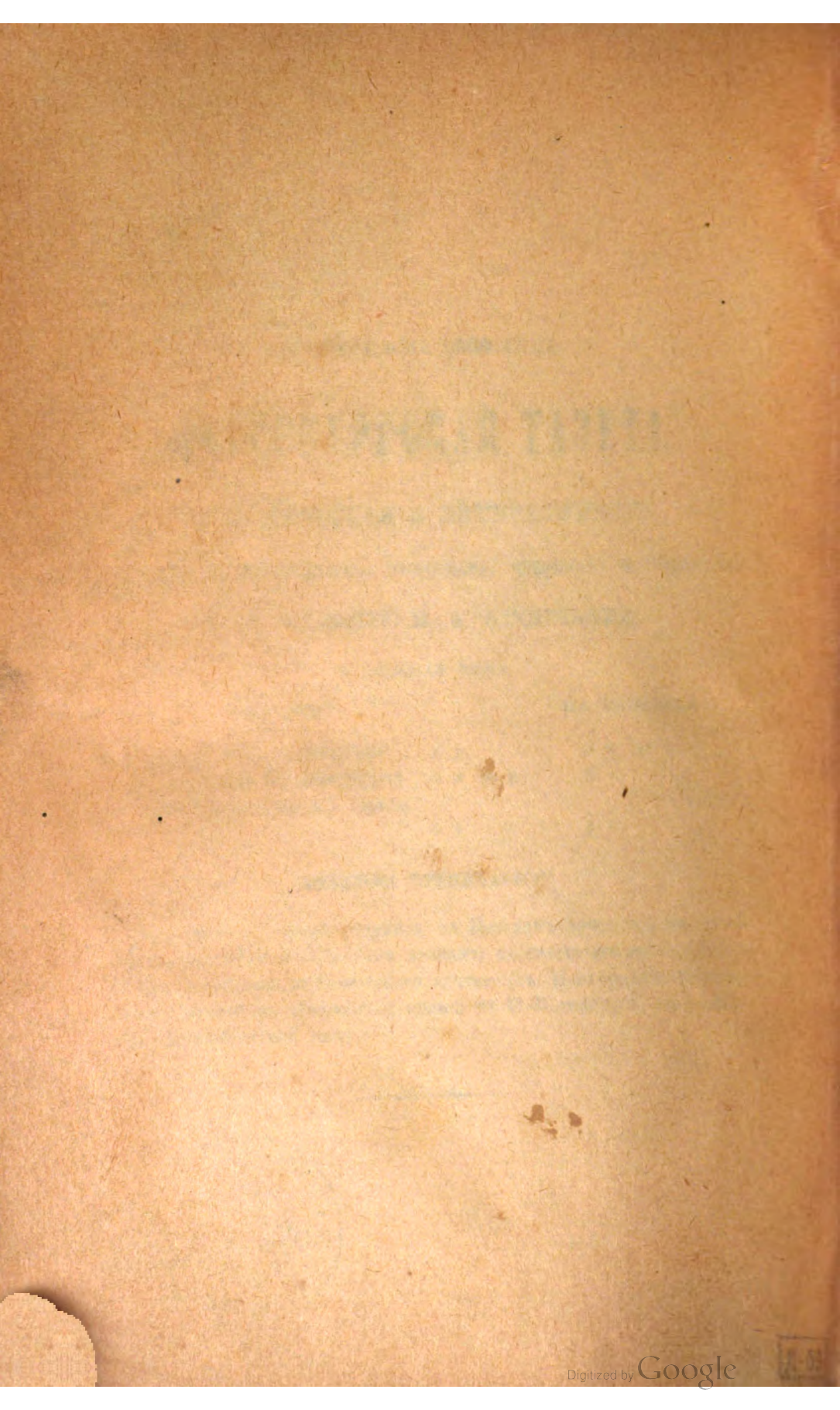
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

НА ГОДЪ	НА ПОЛГОДА
безъ доставки и пересылки. . . 4 р.	2 р. 50 к.
съ доставкою въ Петербургъ . 5 » 50 к.	3 »
съ пересылкою во всѣ города Россіи. 7 »	4 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Главной Конторѣ редакціи, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Лъснкова, надъ Милютиними лавками; въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ. Иногородніе подписчики благоволятъ обращаться прямо: въ С.-Петербургъ, въ редакцію «Петербургской газеты».

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 701

